

В. В. Трепавлов, А. В. Беляков

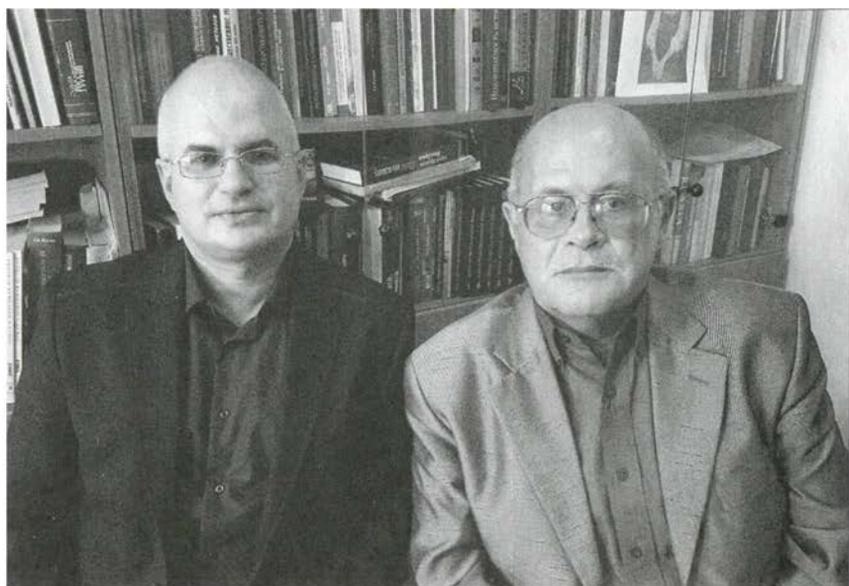
СИБИРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ В ИСТОРИИ РОССИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт российской истории

издательство
олега абышко

*Вадим Винцерович ТРЕПАВЛОВ (справа)
и Андрей Васильевич БЕЛЯКОВ*

В. В. ТРЕПАВЛОВ

А. В. БЕЛЯКОВ

**СИБИРСКИЕ
ЦАРЕВИЧИ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

Научное издание

издательство
олега абышко

Санкт-Петербург
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51
Т66

В. В. Трепавлов, А. В. Беляков

Т66 Сибирские царевичи в истории России. — Научное издание. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. — 496 с.

ISBN 978-5-9500352-6-5

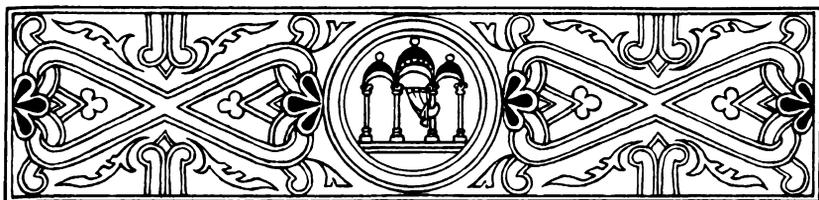
В книге рассказывается о судьбе династии Кучума — последнего татарского хана Сибири. После завоевания Ермаком Сибирского ханства, в течение XVII в. Кучумовичи пытались удержать власть над частью бывших подданных, противостоять новым правителям края, вступая в альянсы с калмыками и примыкая к антироссийским мятежам сибирских народов. В конце концов, борьба за реванш была ими проиграна, и большинство сибирско-татарских царевичей оказались в Московском государстве. Там они обрели почетный статус, подобавший особам «царских» кровей, и до начала XVIII в. находились в рядах высшей аристократической элиты России. Исследование основано на многочисленных источниках, в том числе редких архивных материалах.

Для всех интересующихся русской историей.

ISBN 978-5-9500352-6-5

© В. В. Трепавлов, текст, 2018
© А. В. Беляков, текст, 2018
© «Издательство Олега Абышко» (Санкт-Петербург),
оригинал-макет, художественное оформление, 2018

Введение

Присоединение Западной Сибири к Московскому государству в конце XVI в. подробно исследовано в историографии. Большинство научных трудов посвящено походу Ермака, утверждению победителей в отвоеванном у татар Сибирском юрте, организации русского правления в новообретенном крае, борьбе казаков и служилых людей с ханом Кучумом и его сыновьями... Татарские участники тех событий изображаются лишь как необходимый фон «покорения Сибири». Внимание исследователей к Кучуму, Кучумовичам и их сторонникам, как правило, несопоставимо с интересом к русским историческим персонажам, которые традиционно находятся в центре повествования и исследования.

Между тем, скитания наследников по степям и лесам, попытки хоть в какой-то мере вернуть фамильные владения под свою власть, убедить или запугать бывших подданных, чтобы те не платили подати завоевателям, набеги на русские, татарские и башкирские поселения, альянсы с ногаями и калмыками — все это представляет собой загадочную, интересную и поучительную страницу истории России. Борьба свергнутого Кучума, его детей и внуков со сменившими их новыми властителями Сибири продолжалась долгие годы. На протяжении целого столетия во внутренних и приграничных районах государства происходило движение, которое временами напоминало партизанскую войну. Длительность этого явления удивительна, особенно на фоне относительно быстрого подавления — за несколько месяцев или лет — общеизвестных национальных движений в Московском государстве и Российской империи (башкирских, польских и прочих восстаний). разве что Кавказская война XIX в. может быть поставлена в один ряд с движением Кучумовичей по продолжитель-

ности, хотя по степени напряженности и масштабам кровопролития она, конечно, превосходила сибирские события.

Кроме того, движение Кучумовичей являет уникальный случай в геополитическом развитии России на фоне других татарских государств, вошедших в ее состав в XVI–XVIII вв. Казанское и Астраханское ханства были завоеваны, можно сказать, молниеносно. Астраханский хан бежал, а население нижневолжского юрта не оказало никакого сопротивления царским воеводам. Жители бывшего Казанского ханства неоднократно поднимали восстания, но они проходили под руководством выходцев из нединастических кругов и зачастую нетатар (три т. н. «Черемисские войны» 1550-х — 1580-х гг.). Сравнительно долгая на этом фоне военно-дипломатическая эпопея с присоединением к Российской империи Крымского юрта в последней четверти XVIII в. завершилась бескровным подчинением ханства и эмиграцией Гиреев — его последних правителей.

В Сибири же правящая династия сохранилась, и несколько поколений ее представителей вели неравную борьбу с властями и вооруженными силами Московского государства. И пусть практически с самого начала была очевидна нереальность реваншистских замыслов, но Кучум и его наследники не пожелали молча и безропотно отдавать «неверным» пришельцам свой юрт.

Утратив власть, сибирский хан и его потомство, в терминологии того времени, превратились в «казаков». Этим старинным тюркским словом на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие «казак» приобрело и другие значения, в том числе и в русском языке. Чтобы отличить изгоев-татар от русских служилых казаков, состоявших на государственной / государевой службе, мы будем первых ставить в кавычки. Таким образом, Ермак, его соратники, а также соответствующая категория жителей сибирских городов и острогов — это *казаки*, а Кучум и Кучумовичи — «*казаки*»; соответственно, их образ жизни в изгнании мы обозначим как *казачество* (этому слову соответствует *казаклык* тюркских текстов). В русских источниках XVII в. к ним применяли меткое обозначение *бродячие царевици*. Оно с предельной точностью передает и социальное положение, и образ жизни высокородных изгнанников, и изначальное, тюркское значение понятия *казак*.

Жителей Сибирского юрта и соратников Кучума и Кучумовичей мы иногда будем называть *кучумлянами* и *сибирцами*. Оба термина встречаются в источниках. Общность населения юрта в татарском «Родословии сеидов», записанном В. В. Радловым, названа *сибир халкы* — сибирским народом [Радлов, 1887, с. 235]. Для этой исторически конкретной общности, на наш взгляд, особое наименование *сибирцы* подходит больше, чем безлико-обобщенное *сибиряки*.

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях Южного Урала, Юго-Западной Сибири и современного Северного Казахстана можно в целом охарактеризовать как прозябание в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняющихся, приходящих и уходящих временных соратников. Они не смогли бы продержаться в своем «казачьем» состоянии на протяжении нескольких десятилетий, если бы судьба не послала им партнеров и союзников. В качестве таковых эпизодически выступали ногаи, гораздо чаще — башкиры, но настоящим тылом и многолетней опорой Кучумовичей стали новые фигуранты сибирской истории XVII в. — калмыки. Именно в альянсе с этими пришельцами из Монголии свергнутые татарские династии превратились в постоянный раздражающий военный фактор для русских властей.

Потомки Кучума будут титуловаться в нашей книге царевичами, как это стало традиционным в российской историографии, хотя в тюркской языковой среде к ним применялось звание *султан*¹. Для местного населения они в основном представляли военную угрозу, так как часто совершали набеги на пограничные уезды. В то же время, долговременное присутствие их рядом с российскими владениями служило своеобразным стимулом для подогревания антироссийских настроений в среде обьясаченных «иноземцев». Как мы увидим, это стало особенно заметно с 1630-х гг., когда в «покоренной» Западной Сибири окончательно сформировалась система уп-

¹ Встречающееся иногда в литературе обозначение ханских сыновей «ханьч» мы считаем искусственным и неблагозвучным.

равления и налогообложения, и на коренное население были возложены различные обязанности по «государевой службе». Клан Кучумовичей воспринимался недовольными коренными сибиряками как альтернатива московскому «белому царю», как законные, «природные» правители края, ныне лишенные престола завоевателями. Как известно, идеи подобного рода не удалось воплотить в реальные действия. Потомки Кучума, полностью зависимые от калмыцких правителей, оказались не способны на нечто большее, чем намерения и заявления о готовности вернуться к ханствованию над Сибирью.

Хотя в историографии за Кучумом закрепилась репутация «врага сильного и опасного, до конца непреклонно боровшегося за свое государство» [Мирзоев, 1970, с. 223], его активность на этом поприще иссякла к исходу 1580-х гг. Что же касается его детей и внуков, то их, прежде всего, заботили необходимость поиска средств к жизни, удержание вокруг себя немногочисленных сторонников и привлечение (иногда насильственное) новых «подданных». Главный повод, по которому о Кучумовичах упоминали на протяжении всего XVII столетия, — это их набеги на русские, татарские и башкирские поселения. Но грабительские нападения, по большей части, вовсе не были средством отобрать власть у воевод или хотя бы расшатать ее. Сибирские царевичи вынуждены были таким способом, во-первых, добывать себе пропитание, скот и прочие необходимые для жизни ресурсы; во-вторых, доказывать свои лидерские способности окружающим их соратникам, водить их в походы, давать возможность захватить трофеи и *ясырь* (пленных). Важным побудительным мотивом в их воинственной политике, как и у Кучума, было желание отомстить русским за его свержение и пленение некоторых его сыновей.

Лишь изредка, на фоне усиления мятежных настроений среди народов Западной и Южной Сибири, возникал призрачный шанс на одоление русских, изгнание их из края и возрождение «Кучумова царства». Но все восстания рано или поздно угасали, власти наводили порядок, злоупотребления местных управленцев на время уменьшались, — и Кучумовичи снова оказывались без скольконибудь заметной поддержки.

В собственном смысле *юрта*, т. е. фиксированной, закрепленной территории проживания и кочевания, у изгнанного хана и его от-

прысков после основания города Тары в 1594 г. тоже не было (до того в течение 12 лет Кучуму еще удавалось удерживать часть своих южных владений)¹. Они часто перемещались с места на место в зависимости от военной и политической ситуации, возможности прокормления, степени поддержки со стороны покровителей-калмыков и «подданных», число которых тоже постоянно менялось. Однако официально «Сибирское царство» после свержения Кучума продолжало существовать, просто его правителем теперь считался московский царь. (Таким же статусом обладали и другие завоеванные татарские юрты — Казанское и Астраханское «царства».) На протяжении конца XVI и XVII вв. определенно просматривается некоторая условная автономия трех восточных «царств» в составе России. Эти территориальные образования дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Вторая тема, которая будет рассматриваться здесь авторами, — это проживание Кучумовичей в Московском государстве. Многие представители этой семьи в конце XVI — первой половине XVII вв. были захвачены в плен и увезены на жительство далеко на запад от родных мест, в европейскую часть владений русского «белого царя».

В России к этому времени была в деталях разработанная система материального содержания и участия в государственной жизни многочисленных служилых татарских царей и царевичей из Большой Орды, Крыма, Казани и Сибири. Поэтому для организации жизни Кучумовичей на новой родине не требовалось ничего изобретать, их органично вписали в уже имеющиеся рамки.

Но говоря о потомках хана Кучума в России (так еще долго продолжали называть европейскую часть Московского государства), следует выделить ряд проблем, на которых необходимо остановиться. Это, в первую очередь, генеалогия рода и история выездов / вывозов в Россию отдельных представителей этого рода. Исследователи уже неоднократно затрагивали данную тему в своих работах. Однако здесь до последнего времени оставалось еще много «белых пятен». Во многом они касаются царевичей, умерших в юном воз-

¹ Участь Сибирского юрта после прихода Ермака в татарской исторической традиции характеризуется глаголом *бозылды* («был разрушен, уничтожен») (см.: [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 138]).

расте. Идут споры об обстоятельствах выездов отдельных царевичей и даже их количестве. Так, имеются разногласия о количестве сыновей Али б. Кучума¹. В литературе встречаются разные мнения: было их двое, трое или четверо. До конца не установлено количество сыновей у касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана (Василия Араслановича). Не менее важной является проблема пасынков хана Кучума. До настоящего времени она не поднималась в исторической литературе. Однако тот факт, что казахский царевич и впоследствии касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан приходился пасынком Кучуму, т. е. формально также являлся Кучумовичем, заставляет под новым углом взглянуть на отдельные сюжеты сибирской и русской истории.

Не менее важно проследить процессы адаптации знатных пленников в новых условиях. Формально, по своему статусу Чингисидов (потомков Чингис-хана), они были выше любого боярина и уступали в рассматриваемый нами период только московскому государю и его детям. В тех условиях их было невозможно вписать в существующую в России систему местнического счета, в соответствии с которой происходили все служебные назначения на высшие административные должности и командные посты в армии. Так, Кучумовичи не служили государю в приказах, их не назначали (или назначали чисто формально) на воеводские должности в действующую армию. Главной их службой на более чем 100 лет стала придворная. Мы видим их на приемах московским царем иностранных послов, при различных религиозных и дворцовых церемониях. Фактом своего присутствия они должны были подчеркивать статус московского государя (прежде всего, в его собственных глазах) как «царя царей»... Со временем они превратились в неизменный антураж практически всех дворцовых ритуалов.

На статус Кучумовича и степень его вовлеченности в существующие социальные структуры зачастую указывают вполне стандартные события жизни: рождение, крещение (если оно происходило), заключение брака, назначение материального содержания, службы, наконец, смерть и погребение. Поэтому проанализировав те изменения, которые происходили в подобные ключевые моменты жизни

¹ Здесь и далее б. — принятое в русской научной литературе сокращенное обозначение *насаб*'а — элемента мусульманского имени *ибн* (сын). Али б. Кучум — Али, сын Кучума.

сибирских царевичей, от поколения к поколению, мы можем уловить общие тенденции в развитии их статуса.

Какой бы ни была насыщенной жизнь человека, у него всегда найдется время, чтобы посвятить его себе, своим близким. Частная, повседневная жизнь занимает значительную часть времени человека. Времяпрепровождение, праздники, домашний быт, образование, пристрастия в еде и одежде — все это входит в данное понятие и, как правило, остается за рамками исторических исследований о татарских царях и царевичах в России.

Документы практически ничего не говорят нам о том, что представляла собой частная жизнь представителей «золотого рода»¹ в России. Записки иностранцев также содержат более чем скромную информацию по этому вопросу. Однако в ряде случаев мы можем попытаться приоткрыть завесу над повседневностью. В первую очередь, речь пойдет о некрещеных татарских царях и царевичах, но и принявшие православие Чингисиды не будут оставлены нами без внимания.

До наших дней в основном сохранились различные финансовые документы, связанные с пребыванием Кучумовичей в России. Поэтому их история зачастую видится как финансовый отчет об их содержании. Но эти же источники помогают открыть страницы их повседневной жизни. В ряде случаев мы вынуждены будем отходить от заявленной темы и рассматривать отдельные смежные вопросы. В частности, затронем проблему возможного существования в России регалий (знаков власти или, что правильнее, статуса) отдельных Чингисидов.

О жизни сибирских царевичей в России сохранилось довольно много документальных свидетельств. Однако и их порой недостаточно, чтобы полноценно осветить те или иные стороны их жизни. Поэтому мы вынуждены будем в ряде случаев заимствовать сведения из жизни других служилых Чингисидов в России.

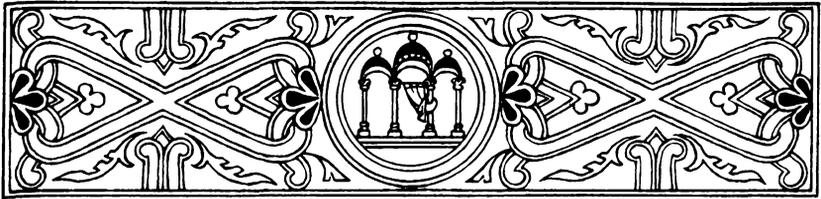
В отличие от иных татарских царевичей, Кучумовичам довелось перешагнуть в XVIII в. Их потомки проживают в России и в настоящее время. Однако мы ограничимся освещением их жизни только

¹ «Золотой род» (тюрк. *алтан уруг*) — потомки четырех сыновей Чингисхана и его старшей жены Борте (Джучи, Чагатай, Угедая и Тулуя), продолжавших занимать особое положение на постмонгольском пространстве. Только их потомки могли претендовать на тот или иной ханский престол.

до рубежа XVII–XVIII вв. В петровскую эпоху происходят кардинальные изменения во многих сферах жизни государства. Затронули они и Кучумовичей. Сибирские царевичи (с 1718 г. князя) — это уже совсем другая история.

В основу данной книги частично легли тексты, ранее опубликованные авторами в монографиях: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань, 2011; *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Раздел I

КУЧУМОВИЧИ В СИБИРИ: БОРЬБА ЗА РЕВАНШ

Глава 1

Ханское «казачество»

26 октября 1582 г. на Чувашском (Чувашевском) мысу, под стенами своей столицы — города Искера¹, сибирский хан Кучум потерпел сокрушительное поражение от казачьего отряда Ермака. Город был оставлен татарами, и Кучум превратился в скитальца-«казака». С тех пор он в основном обретался в южных районах своего бывшего ханства и вел кочевой образ жизни, присущий многим его подданным — степным скотоводам. Есиповская летопись так и передает этот исход: «из града и с царства своего в поле» [ПСРЛ, т. 36,

¹ Это название применяется нами без участия в дискуссии, каково было истинное или основное название города: Искер, Кашлык, Сибир, Тобол-Тура... О названиях см.: [Белич, 1997, с. 72–73; Нестеров, 2002, с. 18–19]. Наименование «Тобол-Тура» татары перенесли на Тобольск. Но Г. Миллер по пути из Тобольска в Тюмень в 1741 г. проезжал еще и татарскую деревню с таким названием (русское — Тобол-татарские юрты), на месте которой «в старые времена стоял татарский город, о котором, однако, нет в исторических книгах о завоевании Сибири, начатом Ермаком Тимофеевым, так что этот город... должен иметь большую древность» [Сибирь, 1996, с. 290].

с. 68]. Победу над царственным противником официальные российские власти оценивали именно в категориях кочевого быта, отмечая, что казаки «с Ермаком Сибирь взяли и Кучюма царя **с куреня сбили...**» [Русская, т. II, стб. 401 (цитируется отписка тюменского воеводы 1623 г.; здесь и далее в цитатах выделения наши)]¹.

Переход хана к кочеванию прошел относительно безболезненно, ведь это был традиционный, завещанный предками и престижный образ жизни татарской аристократии. К тому же он был привычным и любимым для человека, который вырос в степях и был воспитан в кочевых становищах «бесчисленных ногаев» (см. ниже). Другое дело, что унижительный разгром сказался как на репутации Кучума внутри Сибирского юрта и за его пределами, так и на настроении хана — подавленном, озлобленном, сосредоточенном на отмщении и возмездии «неверным».

Из летописных рассказов о генеральном сражении под Искером известно о решающей роли в победе казаков их огнестрельного оружия. После пищальных залпов и стремительной атаки Ермака началось паническое бегство остяцких князей² (как сформулировал Н. М. Карамзин, «князья остяцкие дали тыл» [Карамзин, 1821, с. 389]), за которыми устремились с поля боя и татарские воины [Скрынников, 1986, с. 155–156]. Запереться в городе и сесть в осаду было бы рискованным предприятием для татар: на небольшой территории Искерской крепости едва ли могли храниться большие запасы продовольствия, а путь к воде по крутому обрыву в условиях осады являлся опасным и наверняка был бы перерезан казаками [Пигнатти, 1915, с. 18]. И Кучум бросился прочь от своей столицы.

Лишившись ханства, он стал изгоем — «юрта своего Сибири отстал» (так передали русские переводчики слова ногайских послов в 1586 г.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14]. В средневековой терминологии, которая «обслуживала» тюркскую социальную жизнь и татарско-русские отношения, беглый хан парадоксальным образом оказался уподоблен его победителям. Как первый, так и вторые обозначались тюркским словом *казак*. По отношению к Ку-

¹ «Взятие» Сибири Ермаком как синоним «покорения» — распространенное обозначение завоевания Сибирского ханства в русских текстах XVII в. [Зуев, 2007, с. 18–19].

² Впрочем, это обстоятельство могло иметь в источниках легендарное происхождение [Солодкин, 2017, с. 62].

чуму оно означало бездомного скитальца, бесприютного изгнанника, о чем уже сказано нами во Введении. Московский посол в Персии в апреле 1590 г. излагал ситуацию следующим образом: «Казаки, пришед, Сибирское царство взяли, а царь Кучюм убежал в поле и ныне **казакует на поле...**» [Памятники, 1890, с. 94]. Восточные правители разделяли подобный взгляд на Кучума. Очередной русский визитер в сефевидской столице Исфахане присутствовал при беседе персидского шаха Аббаса I с хивинским ханом Хаджи-Мухаммедом («царем Азимом») в январе 1594 г.: «А про Кучюма царя сказал Азим царь, что он, бегая, **живет лишь казачеством**. И шах Азиму царю говорил: то яз и сам ведаю, что Кучюм царь, от государевых людей бегая, **живет казачеством**» [Памятники, 1890, с. 265]. Так Кучум разделит судьбу многих известных в истории свергнутых правителей, вынужденных сменить царствование на бегство и скитания.

В одной из работ мы попытались произвести очень приблизительный (насколько позволяют источники) расчет возраста Кучума, придя к заключению, что он родился ок. 1537 г. [Трепавлов. Ногаи, 1997, с. 230]. В таком случае, во время разгрома на Чувашском мысу ему было 45 лет. Скорее всего, еще была жива его мать Сылы-ханым (в 1581 г. она совершила хадж [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 168]), у него рождались дети. В 1598 г. была пленена часть ханского семейства, в том числе 12-летний сын Бибадша, 6-летний Кумыш и 5-летний Мулла (по другим данным, Бибадше было 8 лет, Кумышу — один год) [Акты, 1841, с. 4, 20].

Жизнь в скитаниях оказалась сопряженной с постоянной нуждой, поисками пропитания и безопасных укрытий. Это особенно проявилось в конце жизни хана, когда он лишился большей части своих сторонников. По Ремезовской летописи, «Кучюм... житию своему скитаяся и места не обрете, яко обнажен всего дома, своего имени и скота и жителей лишен от живущих сибирян...» [Сибирские летописи, 1907, с. 352]. Это положение выразил один из Кучумовых соратников краткой фразой: «мы все скудны» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1]. Все это сказывалось на состоянии организма немолодого «казака». Известно, что он стал терять зрение, отчего заказывал в Бухаре лекарства для глаз [Бахрушин, 1959, с. 197; Миллер, 1999, с. 196, 494]. Легенды рассказывают, что Кучум не только ослеп, но и оглох, и вообще настолько одряхлел, что его от-

паивали кровью молодых козлят [Галязимов, 1987, с. 53]. «Скудость» образа жизни, наряду с потрясением от утраты престола, конечно, не способствовали крепкому здоровью.

В скитаниях хана сопровождало многочисленное семейство. Среди его родичей особенно выделялись сын Али¹ и племянник Мухаммед-Кул~Маметкул². Последний расположился было на

¹ В сражении под Искером он не участвовал, так как в то время совершал поход на земли Строгановых, по ту сторону Уральских гор. 1 сентября 1582 г. Али безуспешно осаждал Чердынь — столицу Перми Великой, затем разорял окрестные районы [Сибирские летописи, 1907, с. 12]. Известный исследователь сибирской истории А. А. Преображенский сомневался в достоверности предводительства Али в том походе. Об Али упоминает только Погодинский летописец, а в других источниках либо не приводится имя военачальника, либо в качестве такового назван вогульский князь Кихек [Преображенский, 1984, с. 106]. Впрочем, А. Т. Шашков показал, что имя «Кихек» является результатом описки, появившейся при переработке Пермской владычной летописи [Шашков, 1997, с. 42]. Однако мы не можем отрицать того очевидного факта, что в период вторжения Ермака на территорию Сибирского юрта и приступа к Искеру царевич Али ни разу не упомянут как участник противостояния. Значит, в то время он, скорее всего, находился за пределами ханства и не мог помочь отцу.

² В некоторых источниках он представлен как брат или сын Кучума. Определить степень их родства, кажется, позволяет его отчество Алтаулович (изредка: Атаулович, Тоулович и т. п.), сопутствующее Мухаммед-Кулу в Разрядных книгах и других документах. Человек по имени Алтаул не упоминается в источниках по сибирской истории и в ханских родословных. Скорее всего, это прозвище самого Мухаммед-Кула или его отца, «превратившееся» в русское отчество. Попробуем предложить следующее объяснение. Восточные хроники и сибирско-татарский фольклор называют имя старшего брата Кучума: Ахмед-Гирей. Татарский хронист начала XVII в. Кадыр Али-бек перечисляет трех сыновей хана Муртазы: Джан-Гирай-султан, Ахмат-Гирай-султан и Кучум-хан [Сборник летописей, 1854, с. 156]. Кроме того, в 1590-х гг. рядом с Кучумом находился его брат Илтиен. Но ни он, ни Джан-Гирей никак не проявили себя в истории (последний, возможно, умер ребенком).

А вот Ахмед-Гирей являлся предшественником Кучума на сибирском престоле. В свое время нами было высказано мнение, что оба эти царевича воспитывались при дворе могущественного ногайского правителя Шейх-Мамая [Трепавлов, 2001, с. 208–210]. Тот умер в 1549 г., оставив 6 сыновей. Их обиходное ногайское прозвище *алты улы* («шесть сыновей») распространилось на улусных подданных этих мирз. На востоке Ногайской Орды, в ее левом крыле, в 1560-х гг. стало формироваться все более самостоятельное

р. Вагае «от града Сибири яко поприщ сто», но в результате внезапной ночной атаки казаков попал к ним в плен и был увезен в Москву [ПСРЛ, т. 36, с. 58–59, 85, 94; Сибирские летописи, 1907, с. 338]¹. Русские послы на переговорах со шведами в 1585 г. хвастливо заявляли, будто в то время людей у Мухаммед-Кула было «болши десяти тысяч» (из которых 2 тыс. в бою «побили») [Сборник, 1910, с. 415, 508], что являлось, скорее всего, многократным преувеличением.

При окончательном разгроме 1598 г. в русский плен угодили, по разным сведениям, трое или пятеро Кучумовых сыновей, две или восемь дочерей, а также 6, 8 или 10 жен. Из «цариц» самой знаме-

квазиполитическое образование потомков Шейх-Мамаея, которое в историографии иногда некорректно именуется Алтыульской Ордой. Ко времени воцарения в Искере Ахмед-Гирея и Кучума название «Алтыулы» уже давно стало нарицательным для восточной ногайской группировки и в то же время превратилось в условность, так как в начале 1580-х гг. из шести Шейх-Мамаевых отпрысков в живых оставалось только трое (см. подробно: [Трепалов, 2011, с. 79–94]).

Очевидно, «Алтаулович» было не отчеством, а прозвищем Мухаммед-Кула, которое он мог унаследовать от своего отца — скорее всего, Ахмед-Гирея. Оно являлось признаком давней связи этого царевича как с семейством Шейх-Мамаея, так и с левым крылом ногаев — ближайшим к Сибирскому юрту. В таком случае, Ахмед-Гирей как воспитанник и один из названных сыновей Шейх-Мамаея обладал неформальным именем Алтыулы, а его сын — производным от него «отчеством»: сын Алтыулов, или Алтыулович. Хотя возможно, что и сам Мухаммед-Кул носил это прозвище. Догадка о связи отчества (?) Мухаммед-Кула с ногаями-Алтыулами уже высказывалась в литературе [Небольсин, 2008, с. 48; Маслюженко, 2008, с. 125, 140; Маслюженко, Рябинина, 2009, с. 100]. Д. Н. Маслюженко даже считает его «представителем Шихмамаевичей при Искерском дворе».

В. В. Вельяминов-Зернов решительно возражал против такой связи (дискутируя с Небольсиным) и в общем находил более рациональным, хотя тоже с оговорками, версию Миллера о Мухаммед-Куле как сыне Кучумова брата Алтаула [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 49–54; Миллер, 1999, с. 249]. Как было сказано выше, нет никаких данных о существовании человека с таким именем среди родственников Кучума. В заключение своих разысканий, Вельяминов-Зернов привел одну из надгробных надписей на татарском кладбище Касимова. Эта надпись посвящена умершему в 1618 г. человеку по имени *Ата Кули оглы Мухаммад Кули султан* [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 47]. Исследователь высказал догадку, что здесь упомянуты сибирский царевич и его отец.

¹ В некоторых русских летописных памятниках конца XVI и XVII вв. с пленением Мухаммед-Кула связывалось окончательное покорение Сибирского ханства (см.: [Солодкин, 2011, с. 52–53, 57]).

нитой стала Сузге, которая, по преданиям, не то три дня, не то три недели выдерживала осаду казаков в своей крепости-резиденции Сузгун~Сузге-Тура на правом берегу Иртыша. Взяв с начальника осаждавших обещание, что казаки не тронут татар, которые покинут крепость, и поклявшись, что сама сдастся в плен, ханша дождалась, пока ее соратники уплывут на судах по Иртышу, и покончила с собой [Галязимов, 1987, с. 98, 110–111; Ершов, 1984]. В 1882 г. К. Голодников осматривал сопку, где некогда стояла Сузге-Тура — «замок ханши Сузге». Находки его оказались весьма скудными: «шлаки кирпичные» да керамика — «черепки глиняных горшков азиатской работы и с некоторой даже претензией на щеголеватость» [Голодников, 1882, с. 2]¹. Сейчас это местность под названием Сузгун в 5 км от Тобольска. В 1968 г. холм с городищем был срыт при строительстве железной дороги.

Есиповская летопись рассказывает, что, проиграв сражение за Искер, Кучум бежал «из града и с царства своего в поле, и доиде, и обрете место, и ста ту со оставшими людьми» (в Сибирском летописном своде: «со всеми людьми, избегшими с ним из царства его Сибири») [ПСРЛ, т. 36, с. 68, 254]. «Поле» — это степь. Но известно, что первоначально хан пытался закрепиться не в степном кочевье, а в одной из крепостей на территории юрта. Первую зиму после поражения он провел в 20 верстах южнее Искера, в маленьком городке на Абалакском мысу Иртыша. «Описание новья земли, сиречь Сибирского царства» (конец XVII в.) передает, что это была «любимая вотчина» хана, в которую он после разгрома на Чувашском мысу отправил из Искера «на велблудах и на конех горою вверх степью по Иртышу» свою семью [Титов, 1890, с. 63–64, 68]. Городок был защищен с двух сторон речкой и озером, с третьей — тройными валами [Пигнатти, 1915, с. 18, 33]. В 1675 г. его руины осмотрел Н. Спафарий по пути через Сибирь в Китай. Из его сочинения предстает «пустой городок Кучюма, царя сибирского... и место то самое крепкое... однако ж ныне лежит пусто», и только татары регулярно обновляли там мечеть [Путешествие, 1882, с. 45]. Абалакский городок был заброшен, т. е. разделил судьбу практически всех сибирско-татарских крепостей после прихода русских.

¹ Сомнения в том, что это городище действительно являлось жилищем ханши, см.: [Тобольский хронограф, 1993, с. 58–59].

Примерно на то же место указывает Ремезовская летопись, называя ханским пристанищем местность на Агитской луке Иртыша, которую Кучум вынужден был покинуть из-за угрозы нападения татарского бека Саид-Ахмеда (Сейдяка) б. Бек-Пулада из клана Тайбугидов.

15 декабря 1582 г. у Абалакского городка казаки в жестоком бою вторично разбили хана. Р. Г. Скрынников полагал, что именно это поражение оказалось для него решающим, роковым и определило успешный исход всей кампании Ермака [Скрынников, 1986, с. 222]. Кучум передвинулся дальше на юг и стал жить «на дорогах на урочищах Вагаю, Куларова и Тархан в крепких местах» [Сибирские летописи, 1907, с. 338–339], т. е. в крепостях Кулары-Кулара (ниже по Иртышу, чем Абалакский городок) и Тархан на Тоболе. В архивных документах XVII в. упоминается также Кучумово городище в районе Ишимского острога [РГАДА, ф. 214, кн. 367, л. 1017 («Да от того же Ишимского острожку вниз по реке по Иртышу от Кучумова городища другой луг отвели»)] — вероятно, татарский городок Ишим-Тамак, стоявший при впадении Ишима в Иртыш. Кроме того, на чертеже, составленном в начале XVIII в. и сохранившемся в «портфелях Миллера», в пределах г. Тюмени обозначено «пустое Кучумово городище» [РГАДА, ф. 199, оп. 1, Портфель 365, ч. II, д. 14, л. 3]; однако неизвестно, жил ли там хан после бегства из Искера или ранее — может быть, еще до своего воцарения в столице на Иртыше в 1563 г.

Упомянутые у С. Ремезова «дороги» означают, возможно, не проезжие пути, а *даруги* — провинции Сибирского юрта, обычно называемые в литературе волостями. Подобное административное деление на *даруги*-«дороги» известно в истории Казанского ханства XV–XVI вв. и Башкирии XVII–XVIII вв. Кроме того, Кучум продолжал контролировать часть кочевых татар. Они, очевидно, обозначаются в источниках как жители улусов¹. Да и сам Кучум после свержения, особенно после ухода из укрепленных городков в степь в сер. 1580-х гг., обретался в кочевых улусах. Именно так понимали его «казацье» проживание русские современники. По Есиповской летописи, после очередного разгрома «царь... Кучюм утече не со

¹ Многозначный термин *улус* здесь и далее в нашей книге означает скотоводческую общину кочевников.

многими людьми и доиде до улуса своего...», «...убежа не со многими людьми и добеже до улуса своего»; царь Федор Иванович в переписке с Кучумом упоминал о приезде в Москву посланца «из улусу твоего» [ПСРЛ, т. 36, с. 68, 97; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1]. Строгановская летопись пишет о скитаниях хана «в своих улусах, бегая от места на место» [Сибирские летописи, 1907, с. 71]. Пренебрежительное выражение «бегая» в устах русских авторов той эпохи означало не быстрое передвижение, а сезонное перемещение, кочевание.

В татарских исторических сказаниях первым местопребыванием хана после исхода из столицы указаны подножие не названной горы недалеко от Искера и «тайный замок» на некоем острове Золотой Рог [Галязимов, 1987, с. 36–76; Усманов, Шайхиев, 1979, с. 92]. Другие предания отображают более далекие области проживания Кучума: верховья Иртыша, устье Тары и какой-то «хребет Кюцэ» [Радлов, 1907, с. 213, 253; Катанов, 1895, с. 9, 52; Титова, 1976, с. 133]. Ему приписывается намерение перебраться в «Бухарию» [Костров, 1874, с. 3]. Среди башкир бытовала версия о жизни и смерти хана «в Каракалпацкой земле» [Материалы, 1936, с. 159]. Все это явные отголоски, с одной стороны, позднейших скитаний и перемещений ханского семейства и свиты, с другой — тесных связей с узбекскими ханствами Средней Азии.

Однако из различных текстов можно установить, что царственный «казак» со своими спутниками действительно переместился гораздо южнее нижнего Притоболья, где состоялся роковой бой под стенами Искера. В августе 1591 г. тобольский воевода В. В. Кольцов-Масальский напал на Кучума «близ Ишима реки на озере Чиликуле», нанес ему поражение и пленил царевича Абу-л-Хайра б. Кучума с двумя «царицами». Хан отошел «на Калмытской рубежь, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оми и Камышлова, между озер, в крепкие места» [Сибирские летописи, 1907, с. 351]. Из этого района он собирал ясак с близлежащих волостей Курдак, Соргач, Тава, Отуз, Урус, Тукуз, Аялы и Супра, расположенных в основном на правобережье Иртыша, на пространстве между устьями Тары и Ишима. Официальные документы конца XVI в. и исторические предания единодушно утверждают, будто их население платило половину податей в царскую казну, половину — Кучуму [Миллер, 1999, с. 352; Усманов, Шайхиев, 1979, с. 92]. Так в Сибири появилось двоеданничество (см. об этом ниже).

По Ремезовской летописи, в этом районе хан жил до 1596/1597 г. [Сибирские летописи, 1907, с. 351]. В сер. 1590-х гг. источники застают его в местностях по Иртышу выше города Тара, поставленно-го воеводами в 1594 г. Новая русская крепость с сильным гарнизоном перекрыла «кучумлянам» пути на север, поэтому ханские кочевья фиксировались с тех пор южнее ее.

Именно к 1594/1595 г. (1003 г. х.) хивинский хронист Абул-Гази относил взятие русскими «Турана из рук Кучум-хана» [Aboul-Ghazi, 1871, с. 177 (*Кучум ханнынг кулундан Тураны урус алды*); РГАДА, ф. 214, стб. 14, л. 175]. Здесь не обязательно видеть неверную датировку — вместо 1582 г. (сражение под Искером). Как в русских официальных документах, так и среди присоединенных «иноземцев» включение Сибирского юрта в состав Московского государства связывалось с именем не царя Ивана IV, а его преемника. К примеру, в челобитной «гонебных татар» Табынской волости, переселившихся «с Уфы на Тюмень жити», 1628 г.: «...блаженные памяти при государе царе... Федоре Ивановиче... почала быть Сибирь за ним, государем» [РГАДА, ф. 214, стб. 14, л. 175]. Ту же версию почерпнули в России и западные путешественники: «Федор Иванович после смерти родителя своего... прибавил владения царством Сибирским» [Делавиль де Дембаль, 1841, с. 745]¹. Поход же Ермака воспринимался лишь как самое начало присоединения Сибири.

В 1595 г. Кучум зимовал, «одернувся телегами за Омь рекою», в 20 «днищах» выше по Иртышу от Тары и в 5–6 «днищах небыстрой ходьбы» ниже Черного городка, который он велел построить своему сыну Али южнее впадения Оми в Иртыш [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 10; Миллер, 1999, с. 358, 362]. В целом, в степях к югу от Тары присутствие его было ощутимо: в воеводской документации 1597 г. отмечается, что «волостьми сибирскими вверх по Иртышу выше нова города (Тары. — В. Т.) владеет Кучюм царь...» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 36 об.]. В актовой документации того периода уточняется,

¹ В некоторых русских текстах XVII в. окончательное присоединение Сибири связывается с постройкой Тобольска в 1587 г. (см.: [Демин, 2005, с. 254]), — событием, которое тоже произошло во время царствования Федора Ивановича.

² По характеристике местности, данной С. С. Тихоновым, до Ермака эта «юго-восточная часть Сибирского ханства Кучума была тихой окраиной, где

что тот Турашскую и Любарскую волости «отвел» от государя [АИ, т. 2, с. 1], т. е. переподчинил себе. Эти волости перечислены в описке тарского воеводы от сентября 1598 г.: «велел... Кучюм царь всем волостным лутчим людем, Курпицким и Турашским и Любарским... и Чойским и Куромским жить на Уби...», а сам он кочует-де на Черных водах [АИ, т. 2, с. 2]. Расположение некоторых из этих волостей не выяснено, но ясно, что все они находились в северной части Барабинской степи. Во всяком случае, это можно утверждать относительно волостей Тураш на р. Таре и Кирпик на р. Оми.

Приблизительно то же направление миграции указано в Ремезовской летописи, где есть упоминание о бегстве «царя» в «Каинскую землю» [Сибирские летописи, 1907, с. 351], что на среднем течении Оми.

При этом мы полагаем, что «Чойская» волость — это описка в источнике или неверное прочтение текста. Очевидно, должно читаться «Чатская». В мае 1597 г. царь Федор Иванович извещал тарского воеводу С. В. Кузьмина, что по поступившим в Москву сведениям, Кучюм кочует на верхнем Иртыше «выше Чатской волости и Кирпиков». Ранее Кузьмину было велено разузнать, «Кирпикская и Тонская волость и Чаты крепко ли к Хучюму (так. — В. Т.) царю голдуют... и сколко в Кирпиках и в Тонской волости и в Чатах и в Колмаках людей» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1; ф. 214, кн. 11, л. 35 об.]. Чаты — это тюркское кочевое население восточной Барабы, примыкающей к Оби в районе современного Новосибирска. Решив отдалиться от опасных русских соседей, Кучюм в то время попытался обосноваться вместе с ближайшими соратниками в том районе: «в Чатах на Оби реке на острове» [Материалы, 1932, с. 298]. Как мы увидим в дальнейшем, именно на барабинских чатов он полагался после рокового сражения на Оби в 1598 г.

В некоторых текстах есть упоминания о еще более далеких маршрутах ханских миграций. Сохранилась, например, память о проживании в башкирских землях. В 1623 г. калмыки прикочевали «по Тоболу по реке меж Тюмени и Уфы за 2 днища от Уфинской волости

по правым берегам Иртыша и Тары жили тарские татары. Их численность была невелика, а экономика и социальная дифференциация были развиты слабо» [Тихонов, 2009, с. 171]. В другой работе тот же автор заметил, что население этих мест «было настолько бедным, что Ермак даже не стал его грабить» [Там же, с. 238].

от Коратабыни, **где качовывал наперед сего Кучюм-царь**» [Русско-монгольские, 1959, с. 120]. В этой воеводской отписке под Коратабынью, очевидно, имелась в виду будущая Каратабынская волость — одна из самых юго-восточных местностей расселения башкир в верховьях Яика и Миасса: «тое ж Каратабинские волости есашные... башкиры были с Кучумом» [РИБ, т. II, стб. 24]. Стрельцы в 1595 г. опасались нападения Кучума по дороге из Тары в Уфу [Материалы, 1932, с. 293]. «Обереганьем Казанского уезда башкирцов» от возможной прикочевки Кучума русское правительство оправдывало перед ногаями основание г. Уфы в 1586 г.: «А на Уфе на Белой Воложке государь велел город поставить, что беглый из Сибири Кучум, пришед в государеву отчину Казанский уезд, в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцов почел бы имати» (цит. по: [Пекарский, 1887, с. 19]). Татарская историческая традиция приписывала хану после поражения от Ермака бегство к башкирам и смерть в их владениях [Марджани, 2005, с. 130], однако в историографии повсеместно признана недостоверность этой фольклорной версии.

Во время ханствования Кучума его владения в башкирских землях простирались гораздо западнее области расселения табынцев. В 1695 / 1696 г. в Сибирском приказе рассматривался земельный спор, когда более 1300 местных башкир-старожилов Арамильской, Белоярской, Камышловской и других слобод (все они — на территории современных Челябинской и Свердловской областей) утверждали, будто «те земли и угодыя были сибирского царя Кучюма улусных людей» до тех пор, когда «Кучюма царя с улусными людьми Ермак Тимофеев с товарищи побил и Сибирь взял» [Памятники, 1882, с. 80]. Сомнительно, чтобы пределы Сибирского ханства при Кучуме простирались так далеко на запад, но, впрочем, анализ этого вопроса не входит в нашу задачу.

Есть сведения о передвижениях Кучума примерно в 1596 г. к Пегой Орде на средней Оби (север нынешней Томской области) [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 9 об. — 10; Вершинин, Шашков, 2002, с. 136–137]¹ и к озеру Зайсан (Нор-Зайсан) в верховьях Иртыша [Миллер, 1999,

¹ Предания томских тюрков («чулымских татар») связывают заселение ими Приобья с приходом Кучума с р. Уфы [Томилов, 1987, с. 172–173]. Среди жителей Алтая бытовало предание о том, что вытесненный Ермаком Кучум удалился в кузнецкую тайгу и поселился на р. Кучу-Мында (притоке Тайда-

с. 293; Сибирские летописи, 1907, с. 351]. Правда, в последнем случае соседство с тамошними ойратами оказалось беспокойным (тарские разведчики донесли о стычке между ними и сибирцами [Златкин, 1983, с. 79]), и Кучум отошел обратно на север. Последнее зафиксированное его местопребывание накануне разгрома 1598 г. — в четырех «днищах» от озера Ик [АИ, т. 2, с. 2; Катанаев, 1893, с. 30], что находится на западе современной Омской области. Вероятно, эти «днища» следует отсчитывать на восток, так как роковое последнее сражение хана с русскими произошло на Оби.

Данные о численности людей, сопровождавших хана в «казачестве», немногочисленны. По предположению Б. О. Долгих, общее число населения, ушедшего в степь с Кучумом, составляло около тысячи человек [Долгих, 1960, с. 62]. Очевидно, существовало какое-то ядро из полусотни его приближенных, которые не расставались со своим сюзереном, и меняющееся число «подданных» — плательщиков ясака и ополченцев. Из царской грамоты 1597 г. известно, что с ним было только 50 человек [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1]. Но пленные татары, приведенные в Тару в сентябре 1597 г., сказали на допросе, что «с ним... людей **его Кучюмова двора** человек с 50» [Материалы, 1932, с. 298], т. е. это была численность только «двора» — ближайшего окружения (которое в тех условиях едва ли можно назвать в полном смысле придворным окружением). Остальных же «кучумлян» числилось вдесятеро больше. Накануне поражения на Оби в 1598 г. было «в собрание... с Кучюмом его людей пятьсот человек» [АИ, т. 2, с. 2]. Кроме того, в его ставке в разное время находилось какое-то количество ногаев, башкир, калмыков и «бухарцев» (среднеазиатских тюрков-сартов¹ и таджиков).

Более всего хан мог полагаться на своих ближайших родственников. Но им, прежде всего его сыновьям, мы посвятим далее отдельный рассказ.

Самым высокопоставленным лицом в Сибирском юрте после хана (и, может быть, наряду с беклербеком Мухаммед-Кулом) был анонимный вельможа, обозначаемый в источниках не по имени, а по своей должности — «карача», т. е. *карачи-бек*. Татарские фольклор-

на, впадающего в Томь); там он умер и был похоронен «с живою девицей» под курганом [Голубев, 1889, с. 3].

¹ «Бухарцы как на их собственном национальном языке, так и татарами (сибирскими. — В. Т.) называются словом Sart» [Сибирь, 1996, с. 89].

ные сочинения, опубликованные В. В. Радловым и переведенные на русский язык Н. Ф. Катановым, дают именно этот полный титул, с восточно-кипчакской вариацией «княжеского»~бекского звания: *карача-бий* [Катанов, 1895, с. 10; Радлов, 1907, с. 141]. В историографии его иногда отождествляют с Кадыр Али-беком — татарским хронистом, который в 1602 г. составил в Касимове «Сборник летописей», в основной своей части кратко пересказывающий одноименный труд великого персидского историка Рашид ад-Дина. По аналогии с другими татарскими юртами, можно было бы предположить, что карачи-бек стоял во главе определенного эля (племени) в Сибирском ханстве. Если отождествление с Кадыр Али-беком верно, то таким элем могли быть джалаиры — многолюдное племенное сообщество, кланы которого расселились по всему Дешт-и Кипчаку¹. Возвышение джалаириров при Кучуме (и Ахмед-Гирее?) связано, очевидно, с оттеснением Шибанидами от власти прежней династии правящих беков — буркутов Тайбугидов² в 1560-х гг.

В государственной структуре юрта карачи-бек занимал место подле трона. С. Ремезов характеризовал его как «думного Кучумова боярина», Строгановская летопись — как «думчегу царева», Н. Витзен — как «любимого советника»; в Сибирском летописном своде он представлен как «думной Карача, иже бысть в дому его (хана. — В. Т.)»; в Есиповской летописи (Абрамовский вид) — как «думной его... который у думы ево, Кучумовы, был» [Atlas, 1958, с. 10; Сибирские летописи, 1907, с. 20, 67; Тьжнов, 1887, с. 139; ПСРЛ, т. 36, с. 94, 184]. Исследователи приписывают ему роль ханского визиря³. Погодинский летописец связывает с карачи-беком также заботу о воинской амуниции: «делал царю пансыри и колчюги и всякую ратную збрую» [ПСРЛ, т. 36, с. 131]. В обязанности этого вельможи, видимо, включался и контроль над налогообложением. Во всяком случае, осадив Искер в 1584 г., он «повеле имать **дани великие и оброки**» с окрестных татар [ПСРЛ, т. 36, с. 113]. Это была попытка именно сбора регулярных податей, так как цитируе-

¹ А. Г. Нестеров так и пишет о нем: «правитель влиятельного Джалаирского улуса на нижнем Тоболе» [Нестеров, 1999, с. 60].

² Буркутская принадлежность этого клана была недавно установлена И. А. Мустакимовым [Мустакимов, 2009, с. 217, 223–224].

³ См., напр.: [Бахрушин, 1955, с. 156; Бояршинова, 1950, с. 114; История Сибири, т. 1, с. 365].

мая Есиповская летопись такими же терминами характеризует налогообложение в Сибирском юрте периода его могущества: «Царь же Кучюм царст(во)вал в Сибири лета довольна во изобилии, радости и весели, **дани и оброки** со многих язык имаше...» [ПСРЛ, т. 36, с. 48]. Исполнение этого повеления Кучума обеспечивал тогда, очевидно, карачи-бек.

После занятия казаками Искера сибирско-татарская государственность фактически перестала существовать, и этому сановнику пришлось заботиться о собственной судьбе. Он то действовал совместно с Кучумом, то рвал с ним, удаляясь к пелымским вогулам или в прииртышские степи. В течение некоторого времени он пытался организовать сопротивление завоевателям (особенно активно — после пленения ими царевича Мухаммед-Кула), осаждал занятую русскими столицу юрта, заманивал казаков в ловушки... Из своей ставки на Яльинском (по сибирским летописям) или Чулымском (по С. Ремезову) озере в междуречье Оми и Тары он стремился вести самостоятельную политику. По характеристике, которую дал С. Ремезов на своей карте Сибири, «Карачин улус» это «один из наиболее населенных кишлаков Кучумова царства» (цит. по: [Катанаев, 1893, с. 22])¹. В конце концов, карачи-бек попал в плен и был увезен на Русь.

Вместе с тем, от начала до конца у Кучума имелась некоторая высокородная свита. Ермак отправлял свое «возвещание» к нему, его семье, «князем и мурзам» [Сибирские летописи, 1907, с. 321]; в последнем сражении 1598 г. среди погибших было, как уже говорилось, 6 беков и 10 мирз.

Из исторических преданий татар явствует, что далеко не все жители Сибирского юрта сочувственно отнеслись к поражению своего государя, пожелали уйти с ним «казачествовать» и, соответственно, бороться за возвращение ему власти. В одних фольклорных рассказах подданные или отказались следовать за ним, или тронулись было в путь, но потом раздумали: «Зачем нам покидать свою страну? Мы вернемся!»; в итоге, компанию Кучуму в эмиграции составили только сарты (т. е. выходцы из Средней Азии) [Катанов, 1895, с. 9–10; Костров, 1881, с. 62; Радлов, 1907, с. 108, 253] (см. также: [Титова, 1976, с. 33]). В других юртах сибирцы сразу разде-

¹ До крушения ханства карачи-бек имел резиденцию в собственном городке на восточном берегу Тобола, недалеко от Искера.

лились на сторонников свергнутого правителя и на тех, кто пожелал принять русское подданство, причем Кучуму приписывается предостережение им свободного выбора [Усманов, Шайхиев, 1979, с. 90–92]. На эту ситуацию обратил внимание Б. А. Азнабаев. Он справедливо указал на малочисленность и разобщенность кочевников Сибири, что препятствовало Московскому правительству установить с ними отношения «договорного подданства», как это было с башкирами. Служилая татарская аристократия в абсолютном большинстве быстро и охотно перешла на сторону «белого царя». Перед Кучумом — пришлым правителем, некогда силой захватившем престол, — она не испытывала пиетета [Азнабаев, 2005, с. 80]. Воеводы даже доверяли отдельные военные операции против Кучума и Кучумовичей служилым татарам (но, как правило, совместно с казаками).

Известно, что впоследствии от хана также уходили бывшие приверженцы, видимо, разочаровавшись в перспективах его борьбы и тяготясь скудной и опасной жизнью в далеких степях. Из источников известны направления этих исходов: «в Бухары и в Нагаи и в Казацкую Орду» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 1, 20] (т. е. в Бухарское ханство, Ногайскую Орду и Казахское ханство), а из этнографических источников — на восток, к Оби и за Обь (см. ниже). Получилось так, что Кучум оказался отрезанным от тобольских татар, своей главной опоры. Его перемещения происходили южнее, в основном на землях других сибирско-татарских групп, обозначаемых этнологами как татары курдакско-саргатские, тарские и барабинские (см.: [Валеев, Томилов, 1996, с. 12–13]). Впрочем, все они тоже некогда составляли этническое ядро юрта (возможно, за исключением жителей Барабы).

Выше упоминалось о кочевании хана в Барабинской степи. В XIX в. тамошние коренные жители сохраняли память о нем в виде следующего сюжета. Изгнанный русскими, Кучум вознамерился бежать в «Бухарию» и стал звать с собой семерых братьев, живших в тех местах. Те сначала решили: *бармыш!* (пойдем), но так и не двинулись с места. Бараба с тех пор якобы и получила свое название от этого отказа [Костров, 1874, с. 3]. В других преданиях рассказывается, что барабинцы долгое время были независимыми, но затем их западная часть подчинилась Кучуму, а восточная — калмыцким предводителям-*тайшам*. С тем и другими связывались надежды на

защиту от казахских набегов, однако надежды оказались напрасными, и жители Барабы покорились русским [Титова, 1976, с. 133; Усманов, Шайхиев, 1979, с. 97]. Немногочисленное население Барабинской степи (в конце XVI в. — 1,5–2 тыс. чел. [Томилов, 1992, с. 110, 111]), по мнению многих авторов, не принадлежало к числу изначальных подданных Кучума и было им подчинено во время ханствования в Искере или же частично примкнуло в период «казачества»; П. А. Словцов характеризовал их как Кучумовых «союзников малозависимых или независимых» [Томилов, 1981, с. 168; Словцов, 1838, с. XXIV; Frank, 1994, с. 19]. Вместе с тем, именно с эпохой Кучума барабинцы связывали свое благоденствие, относительно сытое и безопасное существование.

Как говорится в преданиях, фатальные перемены в жизни местных татар произошли именно после Кучума, когда одна часть барабинского скота была уведена «киргизами» (казахами), другая — «поедена» новыми пришельцами-калмыками, третья же вымерла от болезней, отчего скотоводство превратилось для здешних жителей во второстепенное занятие, а главными стали охота и рыболовство [Титова, 1976, с. 117]. История распорядилась так, что кочевники Барабинской степи то пребывали в подчинении сибирскому хану, то подвергались нападениям казахов, то вступали в даннические отношения с джунгарами и одновременно платили ясак в русскую казну... И. Г. Георги отметил эту нескончаемую зависимость таким образом: «Поелику сей народ бывал то под тем, то под другим игом, то он не запомнил, когда были у него собственные ханы или обладатели» [Георги, 2007, с. 222]. Очевидно, до ханского достоинства ранг собственно барабинских предводителей никогда не поднимался.

В сказаниях о событиях второй половины XVI в. сибирские тюрки отразили далеко не единодушную солидарность своих предков с бежавшим ханом. От тех же барабинцев известно о череде переговоров, которые тот вел с окрестными племенами. Татары в низовьях р. Тары отказались идти с ним в бухарское подданство со словами: *ту-руп-тураек* («живем и поживаем»), т. е. как жили здесь спокойно и беспечально, так и будем жить дальше, а с тобой не пойдем. Кучум в подражание этой фразе, по преданию, насмешливо нарек их «проживателями» — *туралу-туралы* (это название действительно применялось к тарским татарам в XVII–XVIII вв. — правда, не только к ним). На средней Таре он встретил такой же

отказ присоединиться к нему у аялынцеv — жителей волости Аялы: «Мы живем звероловством, сейчас поставим в лесах самострелы... как мы можем идти за тобой?» Кучум в ответ предрек им гибель по собственной вине: недаром, мол, их зовут *аялу*, т. е. самострельщиками. Наконец, барабинцы пообещали ему: *баратор* — *бараман* («иди, мы придем»), но так и не пришли, за что были прокляты Кучумом [Георги, 2007, с. 133–134]¹. Удивительно, что рассказы о разрыве с Кучумом сложены в тех местах, где в действительности он находил поддержку во время своего «казачества».

В предании тобольских татар аналогичная ситуация сопровождается иной игрой слов. Один из отрядов ханского войска пожелал задержаться, чтобы посмотреть на налимов, которых воины регулярно ловили; Кучум нарек их «кордаками», от *корды* — «налим». Другой отряд решил немного подождать, за что был прозван «туралы», так как, по словам хана, «вы хотите ждать» (*тура-турсангыс*). Третий отряд попросил немного подождать с переселением, за что стал называться «аялы» (от *аял* — «отсрочка»). Наконец, четвертый отряд, тоже пожелав задержаться, пообещал догнать Кучума. Тот ответил: «Когда вы говорите нам “идите”, то пусть ваше имя будет бараба (*бармас* — “не идти”»); вар: «Так как вы говорите нам “уходите” (*баратырын*), то да будет ваше имя бараба» [Костров, 1881, с. 62; Катанов, 1895, с. 8–9; Радлов, 1907, с. 107–108]. Остроумное обыгрывание в народной фантазии топонимов и этниконов иллюстрирует здесь отголоски реальной исторической ситуации.

Все эти легендарные сюжеты, имеющие явную задачу народно-этимологического объяснения местных названий, сходятся в том, что племена Юго-Западной Сибири отказали Кучуму в активной поддержке. Правда, речь здесь велась не о поддержке вооруженной борьбы с «неверными», а об уходе вместе с ним в чужие края.

Тюрки Томского Приобья находились слишком далеко от мест описываемых здесь событий и едва ли занимали заметное место в политике Кучума. Л. П. Потапов предположил, что князь татар-еуштинцев Тоян в период самостоятельности Сибирского юрта являлся

¹ Фигурирующие здесь этнонимы действительно являлись самоназваниями локальных групп сибирских татар: тарских (аялу, туралы), курдакско-саргатских (курдак) и барабинских (бараба). При этом самоидентификация как «татар» у названных групп стала проявляться не ранее XVIII в. (см.: [Томылов, 1992, с. 168, 171]).

ханским ставленником для надзора и сбора ясака с местных кочевников, но Н. А. Томилов справедливо усомнился в этом, посчитав томские племена независимыми от искерского правителя [Потапов, 1969, с. 84; Томилов, 1992, с. 129]. Мнение А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова близко интерпретации Л. П. Потапова, так как они считают городок Тон-Тура одним из «областных центров» Сибирского ханства и включают область томских татар в границы этого государства [Матвеев, Татауров, 2010, с. 61–63, карта (вклейка); Матвеев, Татауров, 2011, с. 35]. Татарское предание гласит, что Кучум на своем пути к месту будущего Искера отрицательно отозвался о «стране на Томи» (в ней будто бы много лошин и ям, таящих угрозу для детей и скота) и не захотел там оставаться [Катанов, 1895, с. 7; Радлов, 1907, с. 8]. Тоян признал российскую власть в 1604 г.

Полагаем, что на таком отношении к «казачеству» хану могли сказаться некоторые обстоятельства его воцарения 20-летней давности и последующего правления.

К другому краю Сибирского юрта примыкала Башкирия. Выше приводились воспоминания калмыков о кочевании Кучума в «Коратабыни». Табынское объединение занимало обширные земли на Южном Урале. В числе шести составлявших его племен собственно табынцы включали 9 родов, четыре из которых проживали в Зауралье, и самым многочисленным из них был род кара-табын, давший имя волости [Кузеев, 1974, с. 246–248]. Кара-табынские башкиры имеют репутацию самых преданных сторонников Кучума [Чулошников, 1936, с. 26]¹. Данные о непосредственном участии табынцев в военных предприятиях хана нам не попадались. Но об их совместном с ним кочевании можно судить по грамоте от уфимского воеводы тобольскому 1601 г., где упоминается о приходе в Кара-Табын-

¹ Существует мнение, что многолетняя поддержка табынцами Кучума и Кучумовичей объяснялась их непосредственной вовлеченностью в улусно-крыльевую систему Золотой Орды, отчего они «вполне закономерно» сохраняли верность Чингисидам [Буляков 2011, с. 21]. Любопытно, что приблизительно в том же регионе (Челябинская область) бытовали предания о том, что «царь Иван» пожаловал башкирам земли за их участие в походе Ермака в Сибирь [Материалы, 1983, с. 159]. Конечно, это абсолютно легендарные сведения, перекликающиеся с рассказами о помощи Ивану IV чувашей и марийцев при завоевании Казани (см.: [Трепавлов, 2007, с. 57–58 (здесь же даны ссылки на источники)]).

скую волость 20 башкирских семей, которые прежде были вместе с Кучумом [Миллер, 2000, с. 197]. Они явно вернулись на родину после смерти своего покровителя. Со ссорой с Кучумом и отъездом от него башкирские предания связывают прикочевку в район Уфы легендарного Чингисида Тура-хана с 8000 или 80 000 кибиток [Игнатъев, 1869, с. 46–47, 51; Игнатъев, 1883, с. 333]. Тем не менее, именно кара-табынцы составили впоследствии относительно долговременную опору Кучумовичей в их противостоянии с русскими властями. Б. А. Азнабаев даже считает табынцев (наряду с башкирами-катаями, сальютами, сынрянками и терсяками) основой отрядов Кучума в конце XVI в. [Азнабаев, 2005, с. 194].

Наряду с политическими альянсами, не исключена и давняя этнокультурная связь части башкир с тюркским населением Западной Сибири. В шеджере западного ответвления табынцев, получившего родовое название «иректе», говорится о «благородном предке», который некогда «обитал на берегах Тобола и Иртыша», а затем переселился на Южный Урал [Башкирские родословные, 2002, с. 359]. В другом табынском шеджере рассказывается, что переселение из Сибири было вызвано стремлением хана Чимга-Туры (Тюмени) полностью подчинить себе это племя. Одна его часть покорилась ханской воле, другая же решила уйти на запад, где обрела пристанище на землях башкир-минцев [Уметбаев, 1897, с. 51–53]. В исследованиях последнего времени выявлена заметная роль табынских родоначальников (Майкы-бия и его потомков) в истории Сибирского юрта в золотоордынскую эпоху (см.: [Юсупов, 2009, с. 151–153]). Таким образом, восточные табынцы, во-первых, исторически связаны с Сибирским юртом как со своей прародиной; во-вторых, воспринимали тамошних ханов в качестве своих исконных и законных сюзеренов, обладающих правом на сбор ясака и мобилизацию ополчения.

Кроме того, память о связях с Кучумом сохранила другая племенная группа северо-восточных башкир — айле. Еще в XX в. айлинцы утверждали, будто «наш хан — Кучум» (вариант: «наш человек — Кучум»), делая логическое ударение на «наш»¹.

Ханские полномочия Кучума в изгнании проявлялись в попытках привлечь военные силы татар, поднять их на борьбу с «неверными»,

¹ Сообщено автору А. С. Сальмановым (Уфа).

а также в стремлении наладить налогообложение в подвластных местностях. Выше мы писали о волостях, население которых одну половину ясака платило русским властям, другую — Кучуму. Очевидно, с явлением т. н. «двоеданничества» русские впервые познакомились в Сибири именно при налаживании отношений с Кучумовыми ясачниками. Таким образом, возникновение данной практики налогообложения сибирских «иноземцев» следует отнести к 1590-м гг. Это важно отметить, поскольку в литературе существует распространенное мнение, будто она оформилась лишь в следующем столетии¹. Как и во многих других отношениях, Западная Сибирь в данном случае послужила своеобразным полигоном для отработки правительством и воеводами методов управления новоприсоединенными владениями на востоке.

Правители татарских волостей отправляли в ханскую степную ставку своих посланцев с положенными выплатами («х Кучюму с ясаком») [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40]. Однако конкретное указание на состав ясачных выплат единично: татары Вузюковой деревни в окрестностях Тары ловили для хана в близлежащем одноименном озере рыбу, которую ежедневно забирали у них его посланцы [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 9 об., 10; Миллер, 1999, с. 358]². Для таких податей

¹ Целенаправленное регулирование отношений с двоеданцами пришлось продумывать и налаживать, когда воеводы приблизились к сфере влияния Джунгарии. И. Я. Златкин приписал инициативу и формулировку принципа двоеданничества джунгарскому правителю Батур-хунтайджи. Тот на переговорах с тобольским сыном боярским М. Ремезовым 1 сентября 1640 г. предложил: «Будет... государь поволит с киргиз (енисейских. — В. Т.) и ныне имать ясак, и государь б с них ясак имать велел, а он... контайша, емлет с них свой ясак» [Златкин, 1983, с. 122–123; Русско-монгольские отношения, 1974, с. 208]. Этот принцип был распространен не только на кыргызов, но и практически на все население российско-джунгарского пограничья: шорцев, кумандинцев, тубаларов, телеутов, бельтиров и др. «Технология» двойного налогообложения заключалась в регулярных наездах сборщиков ясака (от русских) и алмана (от джунгар). Специально исследовавший институт двоеданничества О. В. Боронин отсчитывает его начало от несколько более раннего времени: от договоренностей между монгольским Алтын-ханом и русским посольством В. Тюменца в 1616 г., и тоже связывает это явление со встречным движением России и монгольских государств в Южной Сибири [Боронин, 2002, с. 50–51, 93].

² Озеро Вузюк — эрик Иртыша, заливная старица. На его берегу стояла татарская крепость Аялы, центр одноименной волости. Ситуация с поставкой

в его пользу московские приказные служители использовали также термин *выход* [РГАДА, ф. 214. кн. 11, л. 35 об.], идущий от эпохи Золотой Орды. При этом резонно считалось, что плательщики *выхода голдуют* хану [РГАДА, ф. 214. кн. 11, л. 35 об.] т. е. находятся от него в определенной (вассальной или даннической) зависимости. Ясак-выход состоял, скорее всего, из натуральных выплат продуктами земледелия, скотоводства и промыслов. За столетия ордынской и сибирско-татарской государственности налоговая система полностью оформилась. В литературе высказывалось верное, на наш взгляд, положение о преемственности административно-фискальных порядков Сибирского юрта и Московского государства в этом регионе (см.: [Бахрушин, 1953, с. 100; Шерстова, 2005, с. 60]).

В первую весну после утраты Искера Кучум направил за ясаком в Тарханский городок «дворецкого своего Кутугая», который угодил в руки Ермаковых казаков. «Командировка» Кутугая имела целью «с подданных своих збирати соболи и лисицы и прочих зверей и рыб» [Сибирские летописи, 1907, с. 321]¹. Если рыба предназначалась

подданными рыбы к ханскому столу трансформировалась в одном из татарских преданий о появлении в Сибири Ермака. Тот будто бы поселился на Тоболе, ловил стерлядей и самых больших рыб дарил хану [Катанов, 1895, с. 10–11].

¹ Через несколько дней после водворения казаков в Искере к их предводителю явились остяки, которые принесли «многия дары: соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя, бобры пореш(н)ы черныя и запасы всякие» [ПСРЛ, т. 36, с. 122]. Если сравнить с ассортиментом ясака, взимавшегося Кучумом с Тарханского городка, то перечисленные остяцкие подношения Ермаку оказываются не подарками, а точно таким же ясаком, но теперь вручаемым новому правителю Искера. В других редакциях Есиповской летописи говорится, что весной 1583 г. татары и остяки доставили Ермаку со товарищи обильные хлебные, овощные и рыбные припасы, мясо и дичь [ПСРЛ, т. 36, с. 60, 94, 113, 184]. В данном случае тоже едва ли имела место благотворительность со стороны аборигенов — в Искер привезли ясак. Правда, присутствие в перечне овощей нам кажется странным. При этом одна из редакций летописи — Лихачевская — содержит знаменательное уточнение: все это было привезено сибирцами на продажу [ПСРЛ, т. 36, с. 124]. Если это действительно так, то весеннее изобилие являлось ассортиментом искерского базара, а не данью Ермаку. Е. К. Ромодановская, задаваясь вопросом, отчего татары и остяки привезли провизию весной, а не в голодную для казаков зиму, полагает, что путь к Искеру визитерам преграждал «Карача» со своими войсками [Ромодановская, 1981, с. 140–141].

непосредственно для пропитания, то ценную пушнину наверняка предполагалось обменивать на товары у торговцев.

Тарханский городок (Тархан-кала) на Тоболе, в устье Туры, характеризуется в Ремезовской летописи как «заставной таможенной Кучюмов городок» [Сибирские летописи, 1907, с. 321], т. е. пункт сбора таможенных пошлин с купцов. Однако относительно периода ханского «казачества» нет сведений, взимались ли подобные выплаты с приезжих и мимоезжих купцов.

Известно, что жителям Сибирского ханства было знакомо хлебопашество. Об этом свидетельствуют как соответствующие орудия, найденные на развалинах Искера, так и присутствие хлеба в ясачных выплатах, привезенных Ермаку сибирцами. Заняв брошенную татарами столицу, казаки обнаружили в ней «богатства множество и хлеба» [Сибирские летописи, 1907, с. 332], а в документе, составленном через 40 лет после прихода Ермака, под «Старой Сибирью»-Искером упоминались старые «царевы пашни паханые» [РГАДА, ф. 214, кн. 3, л. 92]. Однажды промелькнуло сообщение о собственной запашке «казаков»: в 1598 г. Кучум направился «на Обь реку... где у него хлеб сеен» [АИ, т. 2, с. 2].

Татарские предания относили заведение земледелия в крае к эпохе некоего древнего хана Юзака, сына Мунчака, когда «в татарских улусах везде начали пахать, сеять овес, ячмень, полбу» [Введенский, 1883]. Поэтому свидетельства европейцев-современников о сибирских татарах, будто те «не знают употребления хлеба», «еще тридцать лет назад (написано в 1606–1607 гг. — В. Т.) они не знали, что такое хлеб» [Алексеев, 1941, с. 323; Маржерет, 1986, с. 229] и т. п., не должны буквально пониматься как полное отсутствие у сибирцев культуры зерновых злаков.

Примитивным мотыжным земледелием — выращиванием именно ячменя, полбы и овса занимались барабинские татары, а татары, жившие по Тоболу и Иртышу, практиковали более развитую форму обработки земли — пашенную (в подсеčno-огневой и залежно-переложной разновидностях) [Соболев, 1983, с. 15; Соболев, 2008, с. 194–204]. Причем на фоне экономики степных и таежных соседей эта отрасль их хозяйства оказалась весьма развитой и поспособствовала насаждению земледельческих навыков у вогулов («от них же навыкоша сии земледелию и упражняются з прылежанием труда в сеянию и собиранию плодов» [Новицкий, 1941, с. 79]).

Пользуясь своим падишахским рангом, Кучум иногда пробовал организовать переселение подданных (или тех, кого он считал или стремился сделать таковыми). В середине 1590-х гг. известны такие его шаги по отношению к жителям Аялынской волости. Узнав о намерении русских основать крепость — будущую Тару, он приказал своему сыну Али переселить татар из места расположения будущего города. Тот увел с собой 150 аялынцев и 50 человек из Малогородской волости, построив для них специальный городок [Миллер, 1999, с. 358]. Кроме того, выше цитировалась воеводская отписка о ханском приказе «лутчим людем» нескольких волостей перебираться «жить на Уби»¹. Подобные принудительные миграции наверняка были незначительными: мы помним, как единодушно в фольклорных источниках местные татары отвергали сотрудничество с Кучумом.

Глава 2

Враги, друзья и соседи. Последний бой Кучума

Обстоятельства утраты власти Кучумом сделали его естественными главными врагами «неверных» русских — казаков Ермака, а затем тех, кто пришел им на смену, — служилых, стрельцов, жителей новопостроенных городов и новооснованных деревень. Не меньшее раздражение и мстительные чувства вызывали у него те татары, что смирились с падением Сибирского юрта, подчинились власти воевод и более мелких начальников, начали платить подати в царскую казну и таким образом превратились в российских подданных.

Как известно, в августе 1585 г. хану удалось заманить Ермака в засаду и расправиться с ним². Видимо, в этой ситуации замерцала призрачная возможность отвоевания юрта. Во всяком случае, та-

¹ Думаем, что здесь нет описки, и имеется в виду не река Обь, а озеро Убинское и речка Убинка, которые находятся в центре Барабинской степи.

² В историографии также распространена датировка этого события 1584 г.

тарское предание, переданное Миллером, рассказывает о дележе доспехов убитого атамана: один панцирь был преподнесен в «мольбище белогорского шайтана» остяков, второй достался мирзе Кайдаулу~Чайдаулу, кафтан — беку Саид-Ахмеду (Сейдяку), сабля с поясом — карачи-беку [Миллер, 1999, с. 259; Сибирские летописи, 1907, с. 346]. Т. е. в тот момент вокруг Кучума якобы объединились ведущие политические силы: татарские беки во главе с карачи, тюркская родоплеменная знать в лице Кайдаула, беки-Тайбугиды, предводительствуемые Саид-Ахмедом, и верхушка подданных обских ургов.

Однако подобное единодушие представляется фантастическим, и если какое-то подобие альянса и имело место, то лишь на протяжении самого короткого времени. В самом деле: до этого карачи-бек, по Ремезову, откочевал прочь от Кучума, а Саид-Ахмед, кажется, еще не появился в поле зрения сибирцев из своей бухарской эмиграции.

В действительности, никакой пользы для политической борьбы убийство Ермака татарам не принесло. Хотя оставшиеся без атамана казаки оставили Искер, однако вскоре с запада стали прибывать подкрепления. Русские гарнизоны все умножались и усиливались. Русское правительство приняло решение учредить в Сибири особый административный центр, которому подчинялись бы местные органы власти. Сначала таким центром хотели сделать отвоеванную у татар Тюмень, но затем резиденцией верховных сибирских воевод стал основанный в 1587 г. Тобольск. Тобольский наместник возглавил *разряд* — крупный округ, состоявший из нескольких воеводств.

Судя по молчанию источников, некоторое время после расправы над казачьим атаманом Кучум не проявлял военной активности. Он обретался в своих южных кочевьях¹, в течение 5 лет не напоминая о себе новым властителям Сибири. Очевидно, его усилия были направлены на организацию быта и управления оставшимися ему верными степными улусами в условиях кочевого «казачества». Но

¹ В соответствии с убедительной интерпретацией А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова, Бараба, Томское Приобье и Среднее Прииртышье были присоединены к Сибирскому юрту при Кучуме. Правящая элита этих местностей сохраняла преданность хану и составляла его опору (впрочем, не вполне надежную) в период «казачества» [Матвеев, Татауров, 2011, с. 35–36].

в июне (по Миллеру) или в июле (по Ремезову) 1590 г. конница хана двинулась к Тобольску — Тобол-Туре, как звали его татары. Сам город не пострадал — по летописной трактовке, из-за охватившего хана «трепета и ужаса» перед противником, но были разорены «немногия веси агарянской» в пригородах [Миллер, 1999, с. 272; Сибирские летописи, 1907, с. 350–351; ПСРЛ, т. 36, с. 68]. Г. Ф. Миллер считал, что целью набега являлась военная добыча, а не война с русскими. Но думается, что для грабежа хан мог бы избрать менее рискованный маршрут, который не грозил столкновением с войсками главного сибирского наместника. Другим мотивом могло быть устрашение татар — ясачных плательщиков и возмездие им за переход на сторону завоевателей. Именно на татарское население Курдакской и Салымской волостей обрушился Кучум после отхода от Тобольска. Там он обогатился трофеями и нагнал страху показательными казнями.

Через год после этих событий отряд, посланный тобольским воеводой, разыскал в степи становище Кучума на озере Чиликуль и наголову разгромил его, о чем упоминалось в предыдущей главе.

Хан удалился на восток, в Барабу, и оттуда угрожал набегами — прежде всего, татарским селениям. Для обороны их от нападений, а также для упорядочения ясачного сбора с местных двоеданцев летом 1594 г. на левом берегу Иртыша была основана крепость Тара. По официальным документам екатерининских времен, намерение состояло в том, чтобы «до конца низложить прежде бывшее владение хана Кучума, который непременно нападал и разорял, убивая всех тех татар, которые, отступя от него, Российскому скипетру отделились...» [Описание, 1982, с. 67]. До появления новой крепости русские власти были фактически вынуждены признавать правление Кучума в прииртышских волостях. В наказе первому тарскому воеводе А. В. Елецкому вменялось в обязанность «береженье накрепко от Кучума царя держати. А которые ево волости по Иртышу про(меж) Тоболского и меж нового города (Тары. — *В. Т.*), (и в те) бы волости он, царь, однолично не вступался...». Однако, вместе с тем, предписывалось убеждать «царя», чтобы «ныне **он жил вверх нового города, в которых городкех пригоже**» — лишь бы «ему не приходиться тех волостей, которые за новым городом будут к Тобольскому городу» [Миллер, 1999, с. 349] (т. е. расположенных к северу от Тары, в сторону Тобольска).

Население нового города пополнялось не только служилыми, приехавшими «из Руси», но и татарами, которые по разным причинам перебирались в Тару на жительство. Правительство опасалось происков Кучумовой агентуры, поэтому тарской администрации предписывалось следить за тем, чтобы «нововыезжих татар на Таре было немного, чтоб у них не было какова дурнаво (так. — В. Т.) умышленья или какова обману, чтоб они, свестясь с Кучюмом царем, какова дурна над городом не зделали». Во избежание «дурна», таких новоселов надлежало отправлять подальше от соседства с царственными «казаками» — в Тюмень и Тобольск, где размещать на жительство в поселениях-юртах вместе с юртовскими служилыми татарами [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 36]. К этим требованиям в конце XVI в. добавилось еще и недопущение осмотра азиатскими торговцами городских укреплений в сибирских городах [Материалы, 1932, с. 108 («чтоб бухарцы и нагайцы в городе никаких крепостей и людей не росматривали и не лазучили»)], поскольку существовала вероятность их шпионажа в пользу Кучума и Кучумовичей.

Узнав о намерении поставить Тару в центре Аялынской волости, некогда всецело пребывавшей в ханской власти, Кучум решил если не воспрепятствовать строительству, то хотя бы обесмыслить его, а именно увести прочь от будущей крепости татар-налогоплательщиков. Как уже рассказывалось в главе 1, по его приказу царевич Али переселил на юг 150 аялынцев и 50 жителей Малогородской волости, поселив их в новопостроенном Черном городке (очевидно, на Иртыше, выше впадения Оми). Вместе с аялынцами туда переехали их начальники: два бека и два есаула. Весной (?) 1596 г. тарский воевода Ф. Б. Елецкий направил к Черному городку отряд из 276 человек во главе с Б. Доможировым. Городок был сожжен, а сидевшие в осаде татары частью разбежались, частью были пленены [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 10–10 об.; Миллер, 1999, с. 358–359]. Замысел этой военной кампании состоял вовсе не в разрушении наспех построенной крепостцы, а в возвращении бежавших татар в ясачный платеж.

В контактах русских властей с Кучюмом обнаруживаются эпизодические поиски компромисса. В литературе высказывается мнение о решении Москвы оставить его правителем Сибири, но уже в качестве наместника, признающего сюзеренитет русского царя, — как он и сам признавал в начале своего ханствования (см.: [История

Сибири, т. 2, с. 35; Сергеев 1967, с. 179; Миненко, 2000, с. 71)]¹. Однако правительство постоянно воспринимало Кучума (во всяком случае, официально) как изменника, «государева непослушника». Подобный взгляд на правителя, насильственно лишённого казаками трона, объяснялся своеобразной трактовкой истории русско-сибирских отношений. Как известно, договоренности о признании верховенства московского государя сибирцами были достигнуты в ходе переговоров посольств искерского бека Ядгара с Иваном IV во второй половине 1550-х гг. Выплата ясака, выдача царем ярлыка и назначение в Сибирь московского наместника-дороги означали вхождение Сибирского юрта в сферу властвования русского государя (едва ли можно тогда было говорить о непосредственном подданстве). С тех пор Москва воспринимала юрт как достояние — «вотчину» царя, и разрыв отношений с ней Кучума интерпретировался как нарушение законного порядка, узурпацию «вотчинных» прав московского правителя². (Об аналогичных правах Кучума как внука

¹ Это мнение основано на фразе из письма царя Федора Ивановича Кучуму о том, что царь того «своим царским жалованьем пожалует, в Сибирской земле царем велит быти» [Собрание, 1819, с. 132].

² Л. И. Шерстова резонно усматривает здесь аналогию с политикой Москвы по отношению к поволжским ханствам, правда, приписывая монархам-Рюриковичам осознание себя «правопреемниками монгольских ханов» [Шерстова 2004, с. 62]. Мы видим здесь не преемственность Московии от империи Чингис-хана, а постепенное «втягивание» татарских юртов в орбиту российской государственности, постепенное перерастание слабой зависимости русских ставленников во все более сильную, что должно было завершиться полным подчинением. В случаях с Казанью, Астраханью и Сибирью это произошло путем прямого завоевания по причине выхода ханов из-под московского контроля, хотя в других регионах этот процесс оказывался существенно более долгим и гораздо менее кровопролитным.

А. И. Филюшкин убедительно описывает официальные идеологические конструкты, изобретенные в оправдание русского завоевания Казанского и Астраханского ханств: якобы тот и другой юрт стояли на исконно русских землях, некогда захваченных татарами. Однако присоединению Сибири исследователь отказывает в подобном обосновании: «Традиционный вотчинный дискурс для мотивации захвата этих земель не работал — ни “Поле”, ни Сибирь уж никак нельзя было назвать “исконно русскими территориями”. Оставался дискурс “челобитья” — вторжение в Сибирь первоначально объяснялось необходимостью обороны от набегов сибирских татар, с просьбой о защите обратились русские солепромышленники» [Филюшкин, 2004, с. 389–391, 398]. Это может быть верно лишь в отношении мотивов похода

хана Ибака, свергнутого Тайбугидами в конце XV в., в русской столице предпочитали не вспоминать.)

Вот как это выглядело в наказах русским послам в Крым в 1592 и 1593 гг.: «Сибирское царство искони вечная вотчина государя нашего и сажали цари на то государство Сибирское государи наши... Да Кучум царь сибирской позабогател и над собою государя нашего искони вечново государя не похотел...»; Кучум-де «государя нашего драг (даруг. — В. Т.), которые езживали дани збирать на Сибирской земле... побил и даней государю нашему по прежнему давать не похотел» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 244 об.; д. 20, л. 391 об.]¹. Соответственно, и власть Кучума трактовалась как дарованная ему московским покровителем. Это иллюстрируется также посольским наказом — на сей раз в 1585 г., в преддверии переговоров со шведами: «...а последней сибирской Кучюм царь **посаженик был на Сибири из рук государя нашего...** Ивана Васильевича... и поворовал...» [Сборник, 1910, с. 414]. Причем русская сторона в конце XVI в. убеждала зарубежных партнеров, будто сибирский правитель ис-

Ермака (А. И. Филюшкин сам пишет о «первоначальном объяснении»). Впоследствии все-таки возобладал отработанный московскими политиками «традиционный вотчинный дискурс».

¹Говоря о посажении на престол сибирских «царей», авторы наказа, скорее всего, имели в виду ярлык, выданный Ядгару Иваном IV. Отношения с сибирскими правителями Москва выстраивала на основе не только жалованного ярлыка, но и соглашений шарт-наме (шертей), с определением взаимных обязательств. В первое время после воцарения и Кучум держался по отношению к Москве довольно лояльно. По результатам переговоров в Москве в 1571 г., ему надлежало «на... шертной записи и на цареви и великого князя жалованном ярлыке шерть учинити и печать своя к сей записи... приложити» [Собрание, 1819, с. 65]. Официально считалось, что шерть была Кучумом принесена. В архиве Посольского приказа в свое время хранился «столп 80-го году [1571 / 1572]... о сибирском царе Кучюме, как он добил челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и шертовал за всю Сибирскую землю» [Опись, 1977, с. 289]. О заимствованной из Золотой Орды практике выдачи московскими царями жалованных ярлыков татарским правителям см.: [Трепавлов 2007, с. 101–102; Трепавлов 2008, с. 104–113].

Характерно, что воинственные Кучумовичи, как правило, не характеризовались в официальных документах как изменники и «непослушники», поскольку, в отличие от своего прародителя, не были обременены шертными обязательствами перед Москвой (за единичными исключениями) и, следовательно, не нарушали никаких договоренностей и обещаний.

правно платил «дани» Ивану Грозному, а «изменил» уже его приемнику, который якобы и послал Ермака за Урал для наказания «изменника» (см.: [Памятники, 1890, с. 94]). Как мы увидим ниже, в историографии распространена точка зрения об аналогичном «посаждении» Кучума бухарским ханом Абдуллою II.

Кучум безуспешно просил царя Федора Ивановича выслать к нему плененного Мухаммед-Кула, сносился с воеводой Тары по частным вопросам (одновременно угрожая разорением) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 8; Скрынников, 1986, с. 274–275]. Полагаем, что не стоит принимать на веру заявления о желании правительства оставить за свергнутым «царем» верхний Иртыш. Так, в наказе А. В. Елецкому, направлявшемуся на воеводство в Тару (1593–1594 гг.), ясно предстает намерение усыплять бдительность воинственного «казака»: «оплашивать, покаместа [го]род (Тара. — В. Т.) укрепится»; уверять того, будто «государь Кучюма царя хочет держать под своею царскою рукою» и готов отпустить к нему из Москвы его сына Абу-л-Хайра, взятого в плен в 1591 г., — но при условии, что Кучум пришлет в столицу другого сына. Одновременно следовало при посредничестве тобольских служилых татар переманивать знатных соратников Кучума, жалую их сукном и хлебом. После того как Тара будет надежно укреплена, надлежало ударить по Кучуму с его детьми всеми силами и «извоевати их накрепко» [Миллер, 1999, с. 348–349]¹. Замысел состоял в том, чтобы максимально ослабить противника и отогнать его от границ сибирских уездов.

Трудно представить, чтобы в далеком и пока малоуправляемом воеводстве, да еще и поставщике ценнейшей пушнины, Москва реально допустила бы правление «царя»-Чингисида, равного по рангу русскому государю и затаившего обиду и злобу на «неверных», отнявших у него престол.

Посредниками в переговорах между ними пытались в разное время выступать ногайские мирзы (см. ниже) и беглый крымский царевич Мурад-Гирей, который в 1580-х гг. обосновался в Московском госу-

¹ Царевич Абу-л-Хайр так и остался в Москве, и в сентябре 1599 г. по царскому указу был обращен в православие, получив имя Андрей [РК 1475–1605 гг., т. IV, ч. I, с. 78–79]. Он прожил еще долго, так как упоминается в источниках до 1630-х гг. [Беляков, 2009].

дарстве [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14¹]. Однако все эти дипломатические потуги оказывались безрезультатными. Для царя Федора Ивановича и его фактического соправителя Бориса Годунова приемлемыми были бы только сдача хана на милость государя или его полный и окончательный разгром. Оба эти варианта предстояло теперь разрабатывать наместникам новой крепости Тара в южных степях.

После поражения под Искером Кучум лелеял надежды на солидарность окрестных тюркских владетелей в своей борьбе за реванш. Ближайшим и в то время довольно сильным соседом Сибирского юрта была Ногайская Орда. Бегство хана в степь русские порой воспринимали как уход «в поле к Нагайской орде» [Памятники, 1890, с. 364]. На протяжении 1580–1590-х гг. то и дело поступали сведения о его намерении отъехать «в Нагаи»². На самом же деле, вплоть до последних лет XVI в. хан располагал ресурсами и пока недоступными для русских владениями, достаточными для автономного существования. Контакты с ногайскими правителями выражались, главным образом, в его посольских миссиях к ним с «великими поминками» и просьбами о военной помощи [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40; Материалы, 1932, с. 108] — всегда безуспешными. Ногайские бии и мирзы не желали ввязываться в военные авантюры сибирцев и портить отношения с могущественной Москвой. Верховный бий Урус, похоже, искренне отрицал свою причастность к Кучумовым набегам [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 8, л. 9]. В них могли участвовать разве что мелкие улусные предводители ногаев, позарившиеся на военную добычу.

Тесные связи между двумя юртами были давно налажены. Естественным рубежом, разграничивающим их, служил, очевидно, Иртыш в среднем течении: в документах конца XVI в. упоминается «ногайская сторона» этой реки, т. е. левый, западный берег [Материалы, 1932, с. 297]³. В период ханствования Кучума стычки на си-

¹ Из речи Мурад-Гирея перед ногайскими послами в Астрахани 5 ноября 1586 г.: «Дурует де царь (Кучум. — В. Т.), что так волочитца, добро де ему бить челом государю, и пусть пришлет ко мне в заклад своего племянника... и я о нем ударю государю челом».

² См., напр.: [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14; ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 2].

³ В таком случае, противоположный берег должен был бы зваться «сибирской стороной», но такое наименование нам в источниках не встречалось.

бирско-ногайской границе возникали только по недоразумению и быстро гасились. По меньшей мере, четверо высокородных ногайских мирз женились на дочерях Кучума, а сам он взял за себя ногайскую «княжну». Некоторые мирзы переселились в Сибирский юрт [Трепавлов, 2001, с. 372–373]¹. В Лихачевской редакции Есиповской летописи говорится, что при подготовке отражения Ермака Кучум приказал собирать ополчения всех племен, «иже все под его властью, **быша же у него в то время и нагайцов множество людей много**» [ПСРЛ, т. 36, с. 121]². Через ногайские степи пролегал безопасный для сибирских паломников путь хаджа в Мекку; в 1581 г., как упоминалось выше, туда проследовала мать Кучума. В основе такого тесного сотрудничества лежало не только отсутствие взаимных политических претензий, но и коалиционное партнерство. Кучум, бухарский хан Абдулла II и ногайские бии Дин-Ахмед, затем Урус объединили усилия в борьбе против казахского хана Хакк-Назара. Вплоть до гибели последнего в 1580 г., коалиция была прочной и действенной.

В сер. XVII в. упоминается русское название «городовой тюменской стороны» р. Тобола [ДАИ, т. 4, с. 152; Миллер, 2005, с. 400]. Вообще, по наблюдению С. К. Патканова, коренные жители Западной Сибири стороны рек обозначали как «боровую» (или «луговую») и «нагорную» (или «урманную»). У крупных рек региона, которые, как известно, текут с юга на север, первая пара названий применялась для левого берега, вторая — для правого [Patkanov, 1900, с. 103 (Anbiegung)]. Слово «урманная» — очевидный тюркизм, т. е. использовалось татарами наряду с понятиями «ногайская» и «сибирская» (?) стороны.

¹ Сибирские царевны сохраняли «династическую ценность» и после падения Сибирского ханства. В 1613 г. могущественный ногайский мирза Кара Кель-Мухаммед просил московских бояр (царь еще не был избран после Смуты) отпустить в Ногайскую Орду некую Дойдур-пашу, которая сопоставляется нами с одной из дочерей Кучума, угодивших в русский плен в 1598 г. Имя этой дочери, 10-летней в ту пору, в русских документах передается как Дерпадша, Тур-пача. Свою просьбу мирза подкреплял обещанием щедрого «окупа»: «в нашем царстве в улусе что ни есть доброва узарочья» [АИ, т. 2, с. 18; Акты, 1915, с. 82]. Предполагаем, что он имел намерение жениться на Кучумовне. В России она жила при дворе своего племянника, касимовского царя Араслана Алеевича — Арслана б. Али б. Кучума, а затем в Ярославле [Беляков, 2006, с. 21, 30].

² В других редакциях и видах этой летописи упоминание о «ногайцев множестве» отсутствует.

Наиболее близкие отношения у сибирского правителя сложились с мирзой и будущим бием Ногайской Орды Ураз-Мухаммедом б. Дин-Ахмедом, которому он дал в жены свою дочь Карамыш и ссудил 5 тыс. алтын [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 160, 165 об.; д. 10, л. 109 об.]. Именно этот мирза в 1587 г. выступил ходатаем за Кучума перед царем Федором Ивановичем: бил челом, чтобы тот «Кучуму царю Сибирь велел назад отдать, а на него что будет ясаку положишь, и он даст». Ногайский вельможа пытался также уговорить царя выдать ему ценного пленника Мухаммед-Кула [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1597 г., д. 5, л. 22]. Эта инициатива наверняка исходила от Кучума, который, со своей стороны, тоже безуспешно пытался вы потребовать своего племянника из рук врагов.

Еще одна важная посредническая функция Ногайской Орды заключалась в том, что через ее территорию шли на север торговые караваны из узбекских ханств. Правительство и сибирские воеводы настороженно следили за контактами пришлых купцов с сибирцами (выше упоминалось, что власти опасались шпионажа в пользу Кучума). Всем был памятен трагический конец Ермака, которого заманили в татарскую засаду именно бухарские купцы (или некто сказавшийся посланцем от них), воззвав о помощи против Кучума, который будто бы не пропускает их к Искеру [ПСРЛ, т. 36, с. 62–63, 95, 113]. Кроме того, власти не желали, чтобы Кучум получал товары, продовольствие и лошадей, тем самым имея возможность продлевать свое беспокойное «казачество». В 1597 г. наместнику Тары было приказано запретить бухарцам торговать с изгнанным ханом, а против нарушителей посылать военные отряды [Материалы, 1932, с. 299]. Столь же враждебно русская администрация относилась и к сибирско-ногайским торговым связям. Ограничения в товарообмене делали непростую жизнь скитальцев-«кучумлян» еще более тяжелой. В 1597 (?) г. некий сибирский Байсеит-мирза прислал в Москву грамоту, умоляя царя разрешить бухарским и ногайским купцам свободно торговать в Сибири, поскольку без них «мы все скудны» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 13]. Впоследствии торговые караваны уже могли беспрепятственно перемещаться по сибирским уездам.

При давних, тесных и многообразных связях Ногайской Орды с Сибирским ханством было бы логичным ожидать участия некоторых мангытских аристократов в партизанской эпопее Кучума. Особенно

это стало заметным в 1590-х гг., когда во главе Орды встал давний партнер Кучума Ураз-Мухаммед¹. «Вокняжение» зятя давало хану призрачную надежду на военный союз против России. «А с нагаи есмя в соединенье, — писал он воеводам в 1597 (?) г. — И толко с обеих сторон станем, и княжая (воеводская. — В. Т.) казна шатнетца» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 8], т. е. угрожал набегами и грабежами. Примерно с 1593 г. в воеводских отписках и царских наказах начинает фигурировать ногайский мирза с «нагайскими людьми», которые живут где-то «вверх по Иртышу» и представляют угрозу из-за возможности соединения с Кучумом. Причем упоминаются волости, которыми владеют Кучум и этот мирза² (неясно, совместно или порознь).

Постепенно в документах проясняется имя ногай — Али («Алей»). Его иногда путают с тезкой — сыном Кучума. На самом деле, это был сын бия Ураз-Мухаммеда, в недалеком прошлом первым занимавшего новую должность ногайского *тайбуги* — удельного правителя над переселенцами из Сибири. В юго-западных районах бывшего Сибирского юрта и северо-восточных районах Ногайской Орды имелось некоторое пустынное пространство, которое Али смог занять вместе со своими улусниками, очевидно, пользуясь расположением и разрешением «казачествующего» монарха. В 1598/1599 г. верхотурским воеводам было велено выяснить, «где ныне Алей мурза с нагаи кочуют на котором месте, и сколько с ним нагайских людей, и что его умышленье, и нет ли у него з бухарским ссылки, и не чаят ли от него к сибирским х которым городом и на волости приходу... (т. е. набега. — В. Т.)» [РГАДА, ф. 214, кн. 2, л. 99 об.]. Возможно, в призрачном «послеермаковском» ханстве Кучума этот мирза занимал высшую аристократическую и военную должность беклербека.

В 1593/1594 г. в его пользу поступал ясак с некоторых татарских волостей и селений, которые формально должны были принадлежать к новообразованному Тарскому уезду: Мерзлый городок, Кирпики, Тураш, Малогородцы [Миллер, 1999, с. 292, 361]. Через год владения Али в Юго-Западной Сибири расширились. В царском наказе тарскому воеводе Ф. Б. Елецкому цитируется отписка его предшественника на воеводстве, А. В. Елецкого, о том, что из Тары

¹ Он занимал пост ногайского бия в 1590–1598 гг.

² См., напр.: [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 36 об.; Миллер, 1999, с. 347].

был послан отряд «воевати волостей: волость Чангулу, волость Лугуи, волость Любу, волость Келему, волость Тураш, волость Барабу, волость Кирпики. А те волости нам не служат и ясаку не давали... а **были волости за Алеем мурзою нагайским**» [Миллер, 1999, с. 292, 362; РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 14 об.]. Все это — местности южнее Тары, по правому берегу Иртыша и далее на восток, в Обско-Иртышском междуречье. Охват «юрисдикции» Али таков, что создается впечатление, будто он контролировал бóльшую часть Кучумова «казачьего ханства».

В сибирских кочевьях обретался и другой высокородный мангыт — внук бия Юсуфа Чин. Находясь в жесткой оппозиции к бию Исмаилу — убийце Юсуфа, потомки последнего стремились обрести приют в соседних государствах. Отец и дядя Чина, Эль и Ибрагим, с 1564 г. жили в Московском государстве¹. Чина же занесло в Сибирь. Очевидно, какое-то время он находился «в соединенье» с Кучумом. Вышеупомянутый крымский царевич Мурад-Гирей в качестве одного из возможных доказательств стремления Кучума к примирению с русскими называл выдачу последним в заложники Чина, который живет у него [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1586 г., д. 1, л. 14]. Очевидно, убедившись в безнадежности борьбы за восстановление Сибирского ханства, мирза решил присоединиться к отцу, Элю. Решающим фактором здесь мог стать успешный поход тарских ратников в степные волости и их объясачивание в марте 1595 г. Летом 1595 г. Чин со своими стадами и улусными людьми (и в сопровождении, кстати, матери царевича Мухаммед-Кула) подошел к Таре. Тамошний воевода переправил прибывших ногаев и татар в Тобольск. В Москву была направлена челобитная Чина с просьбой разрешить ему поселиться в поволжском городке Романове — традиционном пункте размещения выходцев из Ногайской Орды. Царь повелел препроводить Чина в Романов к его отцу Элю, а скот его продать и вырученные деньги прислать в Посольский приказ [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1596 г., д. 1, л. 1–10]. Посольские дьяки сочинили грамоту к Кучуму, где ставили хана в известность, что «наше царское величество пожаловали Чин мурзе города и волостями и денгами, и ныне он нам служит» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 20; Со-

¹ Об обстоятельствах их эмиграции и дальнейшей судьбе см.: [Трепавлов, 2003, с. 343–347].

брание, 1819, с. 134]. «Города и волости» — это, скорее всего, доля в Романовском уделе, хотя до смерти отца Чин имущественно не выделялся из общих владений семьи.

Знатные ногаи окружали хана вплоть до окончательного разгрома в 1598 г. Его многолюдное семейство, угодившее тогда в русский плен, включало, в том числе, двух его жен: «царицу» Хандазу — дочь бия Дин-Ахмеда и «царицу» Данай — дочь бия Уруса; при гареме находился и 4-летний мирза Джан-Мухаммед («Зиен-Магмет») и его сестра Лалтатай — правнуки бия Исмаила [АИ, т. 2, с. 17–18, 20, 22]. Сыновья Кучума Али и Канай также женились на ногайских «княжнах»: дочерях, соответственно, Дин-Ахмеда и Уруса.

За недостатком сведений сложно судить, каким образом и на каких легитимных основаниях ногайская диаспора заняла столь заметное место на развалинах Сибирского юрта. Причем, есть сведения и о переселениях к Кучуму рядовых ногаев (в 1598 г. — 100 человек «с лошедми» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40]). Самозахват ими кочевий маловероятен, так как Кучум находился с ногаями «в соединенье». Некоторый намек на ответ, возможно, содержится в часто цитируемой грамоте царя Федора Ивановича Кучуму 1597 г.: «А которые нагайские улусы Тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали — на которых людей тебе была большая надежа» [Собрание, 1819, с. 134]. Возможно, в распоряжение ногайских переселенцев были предоставлены земли, составлявшие родовые вотчины бекского клана Тайбугидов, которых Кучум и его родичи некогда отстранили от власти в борьбе за власть над Сибирью. В пользу новоселов-ногаев поступал с этих волостей и ясак.

На основе анализа «Тайбугинской легенды» (о родоначальнике Тайбуге и его потомках), исследователи предполагают, что этот родовой домен располагался в районе устья р. Ишим [Бустанов, 2010, с. 34]. Однако после постройки Тары данная местность оказалась в тылу русских владений, став труднодоступной для Кучума. Поэтому если там какое-то время и расселялись ногаи, то они были вынуждены «отстать» от хана — скорее всего, уйти обратно в свои южные степи.

Такая интерпретация тем более вероятна, что в Ногайской Орде с середины 1580-х гг. появился, как уже говорилось, показательный титул тайбуги, и первым его носителем стал знакомый нам Ураз-Мухаммед. Анализ ситуации показывает, что ногайский тайбуга

управлял выходцами из Сибирского юрта, переселившимися в Орду через несколько лет после победоносного похода Ермака¹. Они обрели новое пристанище где-то в верховьях Тобола и Ишима.

Сам Кучум тоже иногда удалялся в ногайские кочевья. Это породило недовольство мирзы Аулии (внука бия Шейх-Мамая), на землях которого расположился хан [Трепавлов, 2201, с. 374]², и вызвало соответствующее написание к последнему от правителя Бухары (см. ниже).

Выше приводились фольклорные воспоминания сибирских татар о ситуации после разгрома Кучума Ермаком, когда он вознамерился удалиться в Среднюю Азию. В итоге, компанию ему составили будто бы только ее уроженцы — сарты³. Конечно, это искаженное отражение событий. Как мы видели, среди подданных, соратников и союзников Кучума периода «казачества» оказались представители самых разных этнических групп. Однако связи его со Средней Азией действительно были тесными и активными.

Время ханствования и скитаний Кучума пришлось на период правления в Бухаре могущественного хана Абдуллы II. Он появился на политической арене в сер. XVI в. В то время в узбекских ханствах и уделах династии Шейбанидов постоянно происходили междоусобицы. Крупные города завоевывались разными ханами и царевичами, переходили из рук в руки. На протяжении второй половины XVI в. постепенно все больше стала доминировать Бухара, которую в 1557 г. занял Абдулла. В 1561 г. он провозгласил ханом своего отца Искандера, до его смерти (1583 г.) управляя государством от его имени. Затем он сам сел на бухарский престол, где оставался до 1598 г.

¹ Подробнее см.: [Трепавлов, Тайбуга, 1997].

² Мы не можем согласиться с мнением, будто «южная граница (Сибирского. — В. Т.) ханства стала той последней чертой, за которую хан Кучум не смог перейти, несмотря на всю тяжесть положения в 1592–1598 гг. За этой границей проживали калмыки и казахи, которые к тому времени оттеснили Ногайскую Орду к западу...». См.: [Матвеев, Татауров, 2010, с. 61]. Ногайская Орда в то время еще не подвергалась регулярным вторжениям калмыков, а казахи тогда кочевали намного южнее. Едва ли можно считать ногайско-сибирскую границу неприступной и непроходимой для Кучума.

³ Подобно народным сказителям, Б. О. Долгих полагал, что большинство спутников Кучума были родом из Средней Азии (откуда некогда он сам явился в Сибирь), а не сибирскими татарами [Долгих, 1960, с. 62–63].

Контакты между Бухарским ханством и Сибирским юртом были давними и многообразными. Прежде всего, это объяснялось помощью узбекского правителя Кучуму, равно как и ранее — его отцу и брату при воцарении в Искере и победе над Тайбугидами. На Сибирский юрт («Туру») распространялась духовная власть могущественного клана бухарских суфийских шейхов Джуйбари [Исхаков, 2006, с. 167]. Обширная историография сложилась вокруг проблемы мусульманского миссионерства бухарцев в Сибири.

В литературе высказывалось мнение, будто Кучум был подвасален Абдулле II и даже являлся его ставленником, а Сибирский юрт представлял собой чуть ли не северную провинцию большого государства Шейбанидов, возглавлявшегося бухарским ханом¹, был «отдаленной северной переселенческой “колонией” среднеазиатского исторического ареала» [Алексеев и др., 2004, с. 39]. Это сложный вопрос, требующий дополнительного анализа, что не входит в задачу настоящей книги. Но заметим, что в татарской исторической традиции хану Абдулле приписывалось владычество над «всем Туркестаном, Ферганой, Мавераннахром, Хорезмом, Хорасаном, Балхом, Гератом, Найсабуром (Нишапуром. — В. Т.), Мешхедом» [Марджани, 2005, с. 135]. Как мы видим, Сибирь в этом перечне не значилась.

Известны два послания Абдуллы к Кучуму². В одном из них владыка Бухары обратился с увещеванием по поводу напряженности в отношениях сибирцев с ногаями: «Слышали есмь, что вы взяли землю Авлия мирзину (Аулии б. Ака б. Шейх-Мамая. — В. Т.)... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафырей (“неверных”, т. е. русских. — В. Т.) землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют. А толко нас похотети себе братственно имети, и вы б с ним (Аулией. — В. Т.) помиряся, и землю ему отдал, и потом бы так не делати» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 1, л. 3]. Очевидно, этот призыв возымел дейст-

¹ См., напр.: [Копылов, 1987, с. 169; Нестеров, 1999, с. 112, 119–120; Исхаков, 2006, с. 122, 166–167].

² Первая из цитируемых ниже грамот Абдуллы подклеена к столбцам 1598 г., вторая — к столбцам 1596 г. Однако на последней стоит пометка: «Выписано из бухарского столпца 1595 года» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 2], поэтому переписку Абдуллы и Кучума следует отнести к сер. 1590-х гг.

вие, так как позднее не известно о каких-либо территориальных претензиях ногаев к Кучуму.

В другом письме Абдулла извещал о благополучном прибытии к нему Кучумова посольства: «Посол ваш, пришед, счастливые наши очи видеть сподобился и твое здоровье и тихое пребыванье нам ведомо». Далее хан объяснял свое неучастие в вооруженной борьбе сибирцев: «А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали есмя» [РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 1]. Интересно, что Кучум, очевидно, не слишком сетовал на свое пребывание во враждебном окружении, раз его посол преподнес жизнь хана как «тихое пребыванье». Тем не менее, противостоять «неверным» у него сил уже явно не оставалось, и он просил подкрепления. Об этих замыслах было известно в Москве. Царь Федор Иванович со ссылкой на вестовые грамоты из Сибири извещал тарского воеводу в августе 1596 г. о том, что «Кучюм царь з бухарцы... ссылаецца и умышляет вместе и хотят на наши сибирские города приходи» [Материалы, 1932, с. 108]. С такой же просьбой о военной помощи Кучум послал к Абдулле одного из своих сыновей в 1598 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 1, л. 2; ф. 214, кн. 11, л. 40].

Абдулла ни разу не пошел навстречу этим прошениям. В цитированной выше грамоте он ссылается на свою занятость некоей войной. По мнению некоторых историков (которое мы разделяем), речь идет о завоевании Хорезма [Зияев, 1964, с. 20. Скрынников, 1986, с. 274]¹. К сер. 1590-х гг. Абдулла одолел ургенчского хана. В январе 1595 г. казахский посол говорил своему земляку в Москве, что прибыл с целью обратить внимание Московского правительства на восточные дела, дабы «государь... на бухарсково царя не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарской царь ныне юргенсково Азима царя (Хаджима, т. е. Хаджи-Мухаммеда. — В. Т.) со юрта согнал, Юргенчь взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сарайчике город. Как в Сарайчике город поставит, толды будет и [над] Астороханью промышлять» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8–9; ф. 214, кн. 2, л. 139; Бахрушин, 1959, с. 197; Материалы, 1932, с. 292]. Следующим шагом его продвижения в Дешт-и Кипчак должно было стать уста-

¹ Встречаются и иные интерпретации этой кампании: «борьба с Хивой» (которая, впрочем, может трактоваться как синоним Хорезма), «войны в Иране и Кашгарии» [Абдиров, 1996, с. 117; Нестеров, 1993, с. 236].

новление контроля над степями Центрального и Северного Казахстана, и согласие с ногаями позволило бы охватить данный регион полукольцом для последующего завоевания. В этих планах не находилось места для выделения вооруженных сил Кучуму в его борьбе за реванш.

При этом обязательный в дипломатии обмен дорогими подарками между государями соблюдался. Из Бухары на север посылались драгоценные ткани (атлас и бархат — очевидно, китайского происхождения) [Вилков, 1967, с. 170], луки и *тулумбас*. Последним термином обозначались как большой военный барабан, в который били колотушкой, так и церемониальные литавры — атрибут придворного антуража. Терявшему зрение Кучуму отправили «юк конский» с нужными лекарствами (*зельями*). Для себя Абдулла просил у Кучума кречетов, соболиные и лисьи меха [В., 1887, с. 8; Материалы, 1932, с. 296]¹. За исключением «зельев», все это представляло собой церемониальный атрибут посольских визитов, который у русских носил название *поминки*, а у тюрков — *бёлек*.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, посольские связи были достаточно редкими, чего нельзя сказать о торговых отношениях. Купеческие караваны постоянно курсировали между среднеазиатскими ханствами и Юго-Западной Сибирью. Особенно заметную роль в товарообмене играл Сауран — крепость на бухарско-казахской границе². Уроженкой этого города была и одна из Кучумовых жен.

В документах конца XVI в. нередко сведения о визитах среднеазиатских купцов в Сибирь (их всех русские обобщенно называли бухарцами). Они двигались двумя или тремя наезженными и освоенными маршрутами³. По прибытии в северные районы нынешнего

¹ Ловчие птицы повсеместно были редким и чрезвычайно дорогим товаром, а в Московском государстве — еще и *заповедным*, т. е. запрещенным к продаже в обход казны. В 1594 г. бухарские купцы в одном из сибирских городов «украдом, утаяся от государя нашего воевод», приобрели для хана Абдуллы 27 кречетов, из которых довели до родины живыми только трех [Памятники, 1890, с. 268–269].

² Во времена Сибирского ханства к Саурану шла главная торговая дорога из Сибири [Бахрушин, 1959, с. 195]. Ныне развалины Саурана находятся в 40 км от г. Туркестан в Кызыл-Ординской области Казахстана. Подробнее см.: [Байпаков, 2006].

³ Описания этих маршрутов см.: [Бахрушин, 1959, с. 145–147; Файзрахманов, 2002, с. 153; Юлдашев, 1964, с. 65–66].

Казахстана бывало, что половина караванщиков направлялась в русские города, а половина — в ставку Кучума [Материалы, 1932, с. 298]¹. Пожалуй, лишь коммерческая выгода побуждала бухарские власти поддерживать связи со свергнутым ханом. Его постоянное невезение, проигрываемые одно за другим сражения, довольно редкие и быстротечные набеги, которые не способны были пошатнуть русское господство в регионе, — все это привело к разочарованию в монархе-неудачнике. Абдулла II уже явно тяготился его прошениями, а его преемники и вовсе не желали вмешиваться в противостояние сибирцев и русских. Не случайно среди татар возникла версия о причастности бухарцев к убийству Кучума, которую в 1601 г. озвучил его сын Канай и подхватили некоторые историки [Миллер, 2000, с. 197; Бахрушин, 1959, с. 199; Скрынников, 1986, с. 278] — на наш взгляд, необоснованно.

На характер отношений Кучума с узбекскими партнерами влияла и двусмысленная политика среднеазиатских правителей по отношению к Тайбугидам — сибирскому бекскому роду, некогда оттесненному от власти Кучумом и его родичами. Сын одного из тайбугидских беков-соправителей Бек-Пулада, Саид-Ахмед (Сейдяк), после утраты власти был увезен «в Бухары в мале возрасте», причем «сохранен бысть и изведен был тайно» [Сибирские летописи, 1907, с. 19; ПСРЛ, т. 36, с. 237]². Там он вырос, не утратив своего знатного ранга. Почти сразу после бегства Кучума из Искера, в начале весны 1583 г. пришло известие о том, что на него двинулся «Бухарские земли князь Сейдяк Бекбулатов» с намерением «отмстити кровь отца своего Бекбулата» (по Есиповской летописи) или «кровь отца своего Бекбулата и кровь дяди своего Гедегера»-Ядгара (по Погодинскому летописцу) [Сибирские летописи, 1907, с. 134; ПСРЛ, т. 36, с. 59]. Однако если вспомнить дележ Кучумом доспехов, снятых с убитого Ермака (Саид-Ахмеду достался кафтан — см. выше; если только это не был другой бек, тезка Бек-Пуладова сына), то кампания Тайбугида не выглядит целенаправленным походом для отмщения убийцам отца. Возможно, после гибели казачьего

¹ Летом 1598 г. в степном стойбище Кучума, наряду с его 500 подданными, находилось 50 «бухарских торговых людей» [АИ, т. 2, с. 2].

² По татарскому преданию, слышанному Миллером, после прихода в Сибирь Кучума вдова убитого им Ядгара бежала в Бухару, где нашла убежище у одного сеида, и родила там сына Саид-Ахмеда [Миллер, 1999, с. 192].

предводителя он признал верховенство Кучума, который теперь избавился от главного врага. Однако этот миг солидарности оказался мимолетным, да и сама история с раздачей панцирей и кафтана выглядит легендарной. Достоверно известно лишь то, что пришлому беку в 1586 г. удалось занять Искер.

Летом 1588 г. после нескольких удачных рейдов по притобольским владениям бывшего Сибирского юрта, с приписываемым ему замыслом захватить город («да не будут в нашу землю селиться рустии люди») [Сибирские летописи, 1907, с. 43, 88], Саид-Ахмед угодил в плен¹. Узнав об этом, его соратники оставили Искер, и с тех пор «царствующий град Сибирь» (как он обозначен в Румянцевском летописце) окончательно запустел и разрушился². Вместе с плененными тогда же казахским царевичем Ураз-Мухаммедом и карачи-беком (Кадыр-Али джалаиром?), Саид-Ахмед был доставлен в столицу. Он пользовался в Московском государстве подобающим своему рангу почетом и характеризовался официальными лицами как «сибирской начальной Сейтяк князь» [Памятники, 1890, с. 11], и уже через 3 года вместе с Ураз-Мухаммедом и племянником Кучума Мухаммед-Кулом участвовал в походе русской рати против шведов³. В этом он разделил судьбу и карьеру многих выезжих татарских аристократов, в том числе и Кучумовичей.

¹ Здесь приводится утвердившаяся в историографии датировка событий. А. Т. Шашков считал, что они произошли годом раньше, так как уже в марте 1588 г. в одном из посольских наказов содержалась фраза о прибытии в Москву Саид-Ахмеда и казахского царевича Ураз-Мухаммеда [Шашков, 2010, с. 69].

² Ю. Крижанич, который провел 16 лет в тобольской ссылке, в своей «Истории о Сибири» (1680 г.) почему-то приписал участие в этом казакам: «Город Сибирь... был разрушен москвитянами и казаками» [Алексеев, 1941, с. 168]. На самом деле, остатки Искера были уничтожены в ходе хозяйственной деятельности русских крестьян. По «Дозорной книге Тобольского уезда» 1622 / 1623 г. на «старой Сибири» в то время уже стояли деревни Черная и Санникова Тобольского Успенского монастыря, а также Соляная, Ламбина и Полуянова. В окрестностях и на месте «царствующего града» их жители устроили пашню и перелог [РГАДА, ф. 214, кн. 3, л. 79 об., 82 об.; Дмитриев, 1998, с. 74–75; Никитин, 1974, с. 282]. Проезжая этот район более чем через столетие, Г. Миллер указал совсем другие названия деревень (см.: [Сибирь, 1996, с. 77]).

³ См., напр.: [РК 1475–1605, т. III, ч. III, с. 14].

С Казахским ханством «кучумляне», видимо, почти не общались. В известных нам средневековых текстах казахи («Казачья Орда») появляются считанное количество раз. То карачи-бек заманивает соратников Ермака в ловушку якобы для подмоги от наступающих казахов, то Кучуму приписывают бегство от Ермака «в Казачью орду на прежнее свое селение» [ПСРЛ, т. 36, с. 34, 61, 184, 248, 363; Сибирские летописи, 1907, с. 332]. В ставке тайбугидского бека Саид-Ахмеда нашел пристанище вышеупомянутый Ураз-Мухаммед — будущий царь Касимовский (см.: [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 398–399; Беляков, 2007, с. 29, 31]). В целом, отношения между двумя юртами всегда были напряженными, и Кучум никогда не видел в казахах союзников. К тому же, от них под его начало перешло этносоциальное объединение-«племя» чатов (см. ниже), что не могло не вызвать недовольства казахских правителей. Не случайно московскому послу, направлявшемуся к правителю Казахского ханства Таваккулу в 1595 г., было велено передать пожелание казахам, чтобы они «стояли... на бухарского и на Кучюма-царя». В посланиях к Таваккулу и его сыновьям царь Федор Иванович предлагал воевать своих «непослушников» — бухарского хана и Кучума, а последнего желательно еще и взять в плен («Кучума царя, изымав, к нашего царского величества порогу прислать») [Под стягом, 1992, с. 358, 360; История, 2005, с. 22, 205].

Все это, впрочем, не помешало тем же казахам в исторической поэме «Дастем-нома» приписать себе участие в борьбе с русскими пришельцами:

*Татар, қазақ, естектер
Жармақтың қолын қырады.
Құтылтпай тірі ешбірін,
Қылышпен бәрін турады.*

*Татары, казахи и остяки
Уничтожили отряд Ермака.
Никто не спасся
От их острого меча
[Абдиров, 1996, с. 113].*

В конце XVI в. в степях Юго-Западной Сибири начинает ощущаться присутствие калмыков (западных монголов-ойратов)¹. Это

¹ Калмыки, калмаки — тюркское название ойратов, которые к началу XVII в. составляли союз пяти этнополитических объединений («племен»): хошутов, торгутов (торгоутов), дербетов, чоросов (джунгар), хойтов. Когда речь идет

были пока первые сигналы широкой миграции, которая развернется в следующем столетии. Связи Кучума с пришельцами из Монголии оказывались, судя по всему, редкими и эпизодическими, в отличие от позднейшего всеохватного сотрудничества с ними его сыновей и внуков. К тому же, эти связи омрачались воспоминаниями о прежних стычках периода независимого ханства: в описаниях похода Ермака по Иртышу в августе 1584 г. упоминается «городок Куллары, и той опасной крайной Кучумовской **от калмык**, и во всем верх Иртыша крепче его нет» [Сибирские летописи, 1907, с. 342]¹. Правда, воеводские отписки иногда сообщают о пребывании хана «в собранье со всеми людьми и с колмаки» (сообщалось о численности последних: в одном случае 30, в другом 300 человек) [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 40; Материалы, 1932, с. 297; Миллер, 1999, с. 494]², что не исключало конфликтов между сибирцами и калмыками.

В то время нехватка пастбищных территорий, междоусобные распри, неудачи в противостоянии с соседями вынуждали ойратов искать новые земли для поселения и кочевания. До второй половины XVI в. они стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и узбекских ханств для установления контроля над торговыми путями и подчинения земледельческих областей. Одновременно они вели тяжелые войны с восточными монголами (халха) за контроль над всей Монголией и с казаками — за пастбища. Неоднократные поражения в этих конфликтах вызвали, в частности, изменение в направлении миграций. Вытесненные из Монголии предводители торгутов и дербетов во главе своих соплеменников двинулись севернее, в обход казахских владений, — и столкнулись с Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Первая до конца XVI в. успешно отбивала их поползновения проникнуть вглубь Дешт-и Кипчака, второе пыталось обезопасить свои рубежи. В той ситуации Кучум и возвел крепость Кулары на Иртыше. Ермаку не удалось взять этот городок после 5-дневной осады [Сибирские летописи, 1907, с. 342]. Следовательно, он являл

о северо-западной (сибирской) группировке ойратских племен, мы употребляем этнонимы «ойраты» и «калмыки» как синонимы.

¹ Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе Омской области (см.: [Палашенков, 1979, с. 88–89]).

² По неизвестным нам основаниям, В. Д. Пузанов утверждает, будто Кучум «нанял на службу небольшие отряды ойратов» [Пузанов, 2010, с. 74].

собой мощное фортификационное сооружение, надежно охранявшее путь по реке.

Угро-, тюрко- и кетоязычные племена, расселявшиеся по периферийному периметру бывшего Сибирского ханства, не проявили солидарности с Кучумом в его борьбе с «неверными» русскими. А некоторые даже вступили с ханом в конфликт. Карачи-бек напал на его становище во главе отряда из «многих своих татар», остяков и вогулов. Озлобленный Кучум начал «остяцкия и вогулския улусы громити; они же видящее се, яко иже бысть им царь и владыка обратися в люта волка, и собращася на него и начаша его гоняти» [Сибирские летописи, 1907, с. 80]. Заметим, что бывшее подданство (буквальное, т. е. выплата дани) остяков Кучуму¹ заметно не отразилось на их взаимоотношениях после 1582 г. Изгнанного хана остяцкие князья не поддерживали и в его сопротивлении практически не участвовали.

Несколько иначе обстояло дело с вогулами (манси), хотя и некоторые вогульские князья в числе первых явились с ясаком в занятую казаками сибирскую столицу. Вогульское Пелымское княжество представляло собой заметную военную силу накануне и во время похода Ермака. Летописи сообщают о набеге в 1581 г. некоего пелымского князя с семьей сотнями «воев» на Пермскую землю. Тогда пелымский предводитель «подозва с собою... мурз и уланов Сибирския ж земли со множеством вои», и, кроме того, множество вогулов, остяков, вотяков и башкир [Сибирские летописи, 1907, с. 12; Вычегодско-Вымская, 1989, с. 31]². В Есиповской летописи сообща-

¹ С. К. Патканов указывал на отсутствие в остяцких (хантыйских) исторических преданиях-«былинах» даже намеков на подчинение остяков татарам. Однако, исходя из известного факта такого подчинения в XVI в., исследователь делал вывод, что данные фольклорные произведения сложились еще до прихода татар [Патканов, 1891, с. 6–7]. При этом он добавлял, что даннические отношения связывали с Искером лишь южных остяков, проживавших южнее р. Демьянки (о границе татарского влияния по этому притоку Иртыша см. также: [Словцов, 1838, с. XXIV]). Это соответствует сведениям, полученным от сургутских хантов в 1622 г.: «ходят... иртишские тотаровя [Тобольского уезда] в наше жалованье Сургутский уезд в их ухожья в Салым и Юган, охотятся, бьют пушного зверя... **А прежде де сего те тотарове в их ухожья не хаживали и зверя никакова у них не лавливали**, и они к ним (т. е. остяки к татарам. — В. Т.) не хаживали» [Вершинин, Шашков, 2002, с. 149].

² Скорее всего, воинственным предводителем пелымцев был князь Аблагрим.

ется о воззвании к Кучуму пелымского князя (тоже не названного по имени, но, видимо, того же самого), который подвергся нападению Ермака, после чего хан объявил о сборе всех своих войск для противостояния пришельцам из-за Урала [ПСРЛ, т. 36, с. 120–121]. Известно, что в битве на Чувашском мысу приняли участие и вогулы.

В указанных отношениях трудно усмотреть прямую зависимость пелымцев от Искера и тем более подданство. Для статуса угорских лидеров по отношению к Кучуму в русских текстах применено понятие «подручники» [Миллер, 1999, с. 469 (прим. С. В. Бахрушина)], что точнее всего, кажется, объяснить как союзники, но младшие по иерархическому рангу. В 1593 г. против Пелымского княжества именно как союзника Кучума и в ходе кампании борьбы с ним был послан экспедиционный корпус, сформированный в северорусских уездах и Приуралье [Никитин, 1996, с. 8]. Княжество было разгромлено, и, в отличие от нескольких соседних угорских владений, лишилось даже видимости какой-либо автономии.

Как видим, отдаленные провинции ханства сразу же после решающего военного поражения хана отпали от него и вернулись к самостоятельному существованию, — в тех условиях фактически к выбору между подчинением русским и подготовке к борьбе с ними. Своеобразная структура юрта с татарским ядром и разноэтничной периферией отражена в емкой фразе Сибирского летописного свода о том, что «взято бисть Сибирское царство с прилежащими к нему ордами» [ПСРЛ, т. 36, с. 345]. Правда, отдаленные «прилежащие орды» еще предстояло приводить к покорности.

В поисках поддержки взор монарха-«казака» обратился на селькупское княжество на Средней Оби, к северу от Барабы, — т. н. «Пегую Орду» во главе с князем Воней. Тот сопротивлялся попыткам русских объяснить его соплеменников и заключил соглашение с Кучумом, который подкочевал к Пегой Орде в 1596 г. Два правителя договорились будущей весной 1597 г. ударить по Сургуту — новому русскому городу на Оби. Местные воеводы, узнав об этих переговорах, разгромили селькупов, а в центре владений Вони демонстративно заложили новую крепость — Нарымский острог [РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 9 об., 10; Вершинин, 2002, с. 312–314; Вершинин, Шашков, 2002, с. 136–137; История Сибири, т. 1, с. 34]. Так что из попытки татарско-селькупского альянса ничего не получилось.

Южнее, вдоль левого берега Оби, в лесах и болотах по р. Чик располагались владения чатов-чагатов («чатских татар», «мысовых татар»). Это были сравнительно недавние насельники этих мест. Ранее, в XVI в., они жили западнее — в верховьях Оми и переместились к Оби после крушения Сибирского юрта [Бояршинова, 1950, с. 35–36; Емельянов, 1978, с. 74]. Не преуспев в альянсе с селькупам, Кучум решил обосноваться в чатских селениях, планируя привлечь к своей борьбе местных жителей («надеетца... Кучюм царь на чатских людей, а в Чатах... людей которые на конь садятца человек с 1000-ю» [Материалы, 1932, с. 298]¹). Ранее чаты считали себя подданными казахских ханов, но на новых землях поначалу решили принять сторону Кучума. «Наперед сево служивали есмя Урус царевым детем, а после сложились с Кучюмом царем», — так рассказывали об этом повороте в судьбе своего народа чатские мирзы в послании к одному из сибирских воевод в 1597 г. [Собрание, 1819, с. 128]².

Данный замысел Кучума тоже не воплотился в жизнь, поскольку военная сила служилых людей положила конец его многолетнему «казачеству». Однако недолгий период проживания хана среди чатов отложился в их исторической памяти. В 1721 г. немецкий естествоиспытатель на российской службе Д. Мессершмидт во время своей сибирской экспедиции таким образом понял рассказы чатов об их прошлом, что те происходят от Кучума [Клеменц, 1889, с. 45; Радлов, 1907, с. 533–534; Messerschmidt, 1962, с. 77]. Г. Миллер приводит рассказы чатов Томского уезда о том, что прежде они были подданными Кучума, с которым жили на Иртыше, но когда хан был изгнан русскими, они бежали на р. Томь [Миллер, 2009, с. 55].

Легендарные воспоминания чатов находятся в одном ряду с подобными преданиями еще одной (более восточной) группы сибирских тюрков — чулымцев, живших в бассейне р. Чулыма, левого притока Оби (совр. Томская область), а также качинцев на нижнем Абакане (Красноярский край). Предки чулымцев жили-де в старину по Тоболу и Ишиму под властью своего царя Кучума; после изгнания его русскими, они ушли к Томи, Чулыму и его притоку Кие. Качинцы же, тоже бывший народ Кучума, пришли с Тобола, где были

¹ По подсчетам Н. А. Томилова, в следующем столетии численность чатов оказалась гораздо меньшей — ок. 400 чел. [Томилов, 1992, с. 113].

² «Урус царевы дети» — правители Казахского ханства, потомки золотоордынского хана Уруса (третья четверть XIV в.).

покорены Ермаком, который преследовал хана [Messerschmidt, 1962, с. 134, 136]. И.-Г. Георги из информации, почерпнутой из его сибирских путешествий 1770-х гг. и из литературы о сибирской истории, вынес впечатление, будто после поражения Кучума «большая половина татар сей страны рассеялась и оставила Сибирь в запустении» [Георги, 2007, с. 143]. Все эти фольклорные свидетельства отразили ситуацию относительно массового оттока коренного населения (в том числе, части тоболо-иртышских татар, см.: [Валеев, Томилов, 1996, с. 16]) из разгромленного Сибирского ханства. Народ уходил в дальние края, не желая ни подчиняться новым властителям края, ни поддерживать старых.

Пребывание Кучума в степях, примыкающих в Тарскому уезду, превратилось в постоянную головную боль для правительства и воевод. Изредка предпринимались попытки наладить контакты с венценосным скитальцем. Порой инициатором таких связей выступал он сам. От конца XVI в. сохранились очень фрагментарные источники по этому поводу. Так, в распоряжении историков имеются послание царя Федора Ивановича к хану 1597 г., грамота Кучума к тарским воеводам как посредникам в общении с царем и письмо Абу-л-Хайра б. Кучума к отцу — все в русских переводах¹. Два последних документа не содержат указаний на время написания, но обычно их датируют тем же 1597 г. Краткие выдержки из этой переписки неоднократно цитировались выше.

Федор Иванович в грамоте заявлял о своих наследственных правах на Сибирский юрт, вытекающих из факта выплаты дани Кучумом и его предшественниками Ивану IV, и обвинял хана в отступлении от этого законного порядка и нападениях на российские владения. Именно «за такая... грубости и неправды» юрт у него был отобран силой. Царь объявлял, что не посылает большую рать для окончательной расправы над Кучумом, так как, во-первых, ожидает от него челобитья и раскаянья в своих «винах и неправдах»; во-вторых, «тому четвертый год», т. е. ок. 1593 г., хан, оказывается (вновь пожалеем об утраченных дипломатических документах!), присылал своего представителя Мухаммеда с грамотой, в которой просил вернуть ему юрт, отпустить к нему племянника Мухаммед-Кула и изъявлял готовность быть под «царскою высокою рукою».

¹ Опубликовано в: [Собрание, 1819, № 66–68].

Мухаммед-Кула, давно обжившегося на Руси, царь Федор не захотел отправлять в Сибирь, но пообещал (то ли устно послу, то ли в ответной грамоте) «тебя... устроить на **Сибирской земле** царем». Заметим: не в Сибирском *царстве*, которое теперь принадлежало московскому государю! Далее излагалась ситуация с оттоком Кучумовых подданных в разные страны (это должно было продемонстрировать адресату информированность правительства о сибирско-татарских делах) и указывалось на прочную власть царя в поволжских татарских ханствах — Казани и Астрахани. В заключение вновь формулировалась угрожающая возможность послать на Кучума «рать с вогненным боем» и повторялось предложение стать «на Сибирской земли царем», зависимым от Москвы. Хану предлагался выбор места жительства: «здесь, в нашем государстве московском, при наших царских очех», или же «на прежнем своем юрте, в Сибири».

Б. Р. Рахимзянов полагает, что «к 1590-м гг. Сибирь более не являлась юртом Кучума, но скорее была московским владением. К этому моменту Москва приобрела как реальную силу, так и титульную возможность (? — В. Т.) сделать его ханом в его бывшем юрте». Царь Федор «уже мыслил Сибирь как свою». Эту трактовку событий казанский историк подкрепляет рядом аргументов: царское послание как «повеление», призыв к «службе» государю, предложение Кучуму ханствовать в пределах Сибири как российской территории [Рахимзянов 2010, с. 20]. Все это в целом резонные рассуждения. Однако, как будет показано ниже, официальное включение бывшего Сибирского юрта в состав подвластных царю земель произошло, вероятно, несколько позднее, отразившись в царском титуле.

Очевидно, одновременно с царским посланием сочинил свое письмо Абу-л-Хайр. С возвращавшимся домой сибирским посольством Мухаммеда в 1593 (?) г. он уже направлял отцу грамоту с предложением, чтобы тот явился к государю сам или прислал в Москву одного из царевичей. Но ни того, ни другого хан не сделал. Теперь Абу-л-Хайр повторяет предложение «быти при его царском величестве», и, будучи удостоенным государева жалованья, жить на Руси или в Сибири. В дополнение к царскому посланию и ссылаясь на могущественного дьяка А. Я. Щелкалова (тогдашнего российского «канцлера»), Абу-л-Хайр прельщал отца перспективой получить от самодержца города, волости и денежное жалованье «по твоему достоинству», подобно другим подданным царям и царевичам.

Письмо Кучума воеводам обнаруживает, с одной стороны, нежелание становиться московским подданным¹, с другой — готовность наладить мирные отношения («ныне попытаемся мириться — любо будет на конце лучше!»). Оно начинается с сомнения, имеют ли воеводы царскую санкцию на переговоры с ханом. И у них, и у «белого царя» хан просит «иртишского берегу», т. е. дозволения беспрепятственно проживать и кочевать в прииртышских степях. Затем следует «челобитье» о посылке Кучуму вьюка с лекарствами для больных глаз, который был конфискован русскими у направлявшегося к нему бухарского посольства. Хан упоминает о своих посллах: не известном из других источников Сююндюке, побывавшем в Москве («белого царя очи видел»), и Бахтыуразе — том, который привез в Тару цитируемую грамоту. Перед завершающим заявлением о своем стремлении к миру он дает понять, что располагает силами для продолжения конфликта, если не удастся договориться: «А с ногаи есмя в соединеньи, и только с обеих сторон станем, и княжая казна шатнетца», — т. е. возможны набеги на государевы владения с двух сторон, сибирцев и ногаев.

Не случайно П. И. Небольсин метко назвал этот документ «смесью молений и угроз» [Небольсин, 2008, с. 144]². Анализ состояния Ногайской Орды на исходе XVI в. (см.: [Трепавлов, 2001, с. 383–389]) показывает, что «соединенье» с ней, пожалуй, не смогло бы дать хану никаких преимуществ. В то время мангытская знать разделилась на враждующие группировки, возглавлявшиеся сыновьями покойных биев Дин-Ахмеда и Уруса, и они изготовились к схватке за власть. Надвигалась кровавая смута, которая началась в 1598 г. со страшной сечи на р. Сакмаре. В том бою polegло множество воинов с обеих сторон и сложил голову ногайский бий Ураз-Мухаммед — зять и давний союзник Кучума, в прошлом первый обладатель наместнического титула тайбуги, привнесенного в Ногайскую Орду из Сибири. Это событие в историческом сознании окрестных тюркских народов отложилось как глобальная катастрофа, начало исчезновения ногаев с исторической арены; см. дастан «Ормамбет-

¹ Послание Кучума абсолютно не соответствует трактовке, данной Л. Н. Гумилевым: «Кучум был вынужден обратиться к царю со слезной просьбой вернуть ему отнятый улус, обещая полную покорность» [Гумилев, 1992, с. 259].

² Характеристику формуляра данной грамоты см.: [Бустанов, 2011а, с. 45–48].

бий», распространенный у ногайцев, казахов, каракалпаков и др.: «Когда умер Ормамбет-бий... Были разорены десять санов ногаев...». У поволжских татар эта фраза об Ормамбет-бие (Ураз-Мухаммеде) стала нарицательной для обозначения древнего общенародного бедствия и даже превратилась в поговорку [Гарипова, 1980, с. 148]. Через год при неизвестных обстоятельствах погиб брат и преемник Ураз-Мухаммеда, бий Дин-Мухаммед. В Орде наступил период безвластия.

Русские власти были прекрасно осведомлены о начавшемся хаосе и кризисе среди ногаев. Именно этот исторический момент они решили использовать для окончательной расправы над Кучумом. Опасность нападения «кучумлян» на русские и татарские селения, как и угроза пленения ими тех, кто выбирался за пределы крепостных заслонов, все более подводила к военному и окончательному решению застарелой проблемы хана-«казака».

В конце июля (или в начале августа) 1598 г. младший воевода Тары Андрей Воейков отправился в степь на поиски Кучума во главе четырехсотенного отряда, состоявшего наполовину из русских, наполовину из служилых татар¹.

С. Ремезов и вслед за ним Г. Миллер приписывают командование кампанией другому воеводе — В. В. Кольцову-Масальскому. Причем в Ремезовской летописи сражение датировано 9 мая. По Г. Миллеру же, в этот день отряд только выступил из Тары, а бой произошел 20 августа. Столь длительный временной промежуток Миллер попытался объяснить отдаленностью Кучумова кочевья от Тары [Сибирские летописи, 1907, с. 351–352; Миллер, 1999, с. 292]. Встреча противников действительно произошла 20 августа. Однако Воейков в своей отписке на государево имя сообщает, что от Тары до Кучума его рать шла 16 дней; в наказе послу в Персию в сентябре 1600 г. говорится об этом пути в «двадцать ден резвым ходом» [АИ, т. 2, с. 3; Памятники, 1892, с. 51]. Так что на самом деле тарцам вовсе не потребовалось больше трех месяцев рыскать по степи.

¹ В монографии «Сибирский юрт после Ермака» приведена численность отряда в 1000 чел., указанная у Миллера [Трепавлов, 2012, с. 57]. В рецензии на эту книгу Е. В. Вершинин указал на действительное число участников похода, следующее из отписки в Москву самого Воейкова [Вершинин, 2014, с. 186].

Маршрут похода приблизительно восстановлен Г. Е. Катанаевым [Катанаев, 1893, с. 33–34]: от города Тары вверх по Иртышу до реки Тары, затем вверх по ней левым берегом через реки Таптас, Ичу и Омь к Убинскому озеру и озеру Иткуль (не доходя до «Чат» — обского притока Чик), далее степью на юго-восток через верховья рек Карасук и Чик на р. Ирмень — левый приток Оби. Решающее сражение состоялось на берегу Оби, в окрестностях Ирменьского бора, напротив впадения справа в Обь речек Ельцовки и Атаманки, в кочевом стойбище Кучума («на станах», как гласит летопись [ПСРЛ, т. 14, 1-я половина, с. 51]).

Обстоятельства битвы изложены в отписке Воейкова от 4 сентября 1598 г. Бой длился от рассвета до полудня. Хан был разбит и бежал. Погибли четыре царевича (в том числе Кучумов брат Илиден), 6 беков, 10 мирз, 4 аталыков, 150 рядовых бойцов. Около сотни разгромленных «кучумлян» попытались спастись, преодолев Обь вплавь, но тарцы перебили их с берега выстрелами из пищалей и луков. 50 пленных воевода приказал казнить. Еще стольких же бежавших в степь настигла и перебила погоня, «не допусая до Чат». Кроме того, в руках победителей оказались пять сыновей Кучума, двое сыновей царевича Али б. Кучума и ханский гарем [ПСРЛ, т. 14, 1-я половина, с. 51; АИ, т. 2, с. 3–5; Миллер, 1999, с. 494; Маслюженко, Рябинина, 2010, с. 82–84]. В памяти русских сибиряков это событие осталось как «Кучумов побой», «Кучумово побоище» [АИ, т. 2, с. 7; Верхотурские грамоты, 1982, с. 136] (сразу вспоминается «Мамаево побоище» — Куликовская битва 1380 г.).

300 «мурз и мурзичей» (по С. Ремезову) ханской свиты явились в Тобольск, покорились, обязались платить ясак и вскоре составили костяк контингента тобольских служилых татар [Тычинских, 2011, с. 46–47].

Кучума безуспешно искали на речных островах и в лесах за Обью. Уцелевшего придворного сеида Тул-Мухаммеда Воейков привел к шерти (присяге) и отправил к чатам и калмыкам на поиски исчезнувшего хана, дабы уговорить того смириться перед государем. Сеид явился в Тару только 5 октября и рассказал, что его поиски увенчались успехом. Оказалось, что еще во время сражения, «в кою пору дети его и люди бились», Кучум на судне отплыл вниз по Оби и пристал в двух «днищах» от места фатального боя, в сопровождении около трех десятков татар и трех царевичей. На предложение сеида

явиться к русским и повиниться перед царем он ответил решительным отказом, демонстрируя свой непримиримый нрав и нежелание предстать перед царем в качестве поверженного врага: «Не поехал деи я к государю... своею волею, в кою деи пору я был совсем цел, а за саблю деи мне к государю ехать не почто, а нынеча деи я стал глух и слеп и безо всего живота...». Он сообщил, что собирается отправиться к ногаям, а одного из своих сыновей намерен послать в Бухару. Дождавшись ухода тарцев с Оби, Кучум со своими спутниками и сеидом Тул-Мухаммедом вернулся на место боя и в течение двух дней занимался захоронением павших. При этом его гонец съездил к чатам с просьбой предоставить лошадей и одежду. Один из чатских мирз, Кожбахты́й (Ходжа-Бахты), прислал ему шубу и одного (!) коня, а сам подъехал к правому берегу Оби в надежде переговорить с ханом. Однако тот, на всякий случай «поблюдысь Кожбахтыя», отошел на юг [АИ, т. 2, с. 7]. Оставленный всеми союзниками, Кучум предпочел в этот раз не связываться с ненадежными чатами.

О дальнейшем его пути русские источники рассказывают в общем единогласно: хан двинулся в «Колмацкую землю». Там его спутники угнали конский табун и скот, но калмыки настигли похитителей, отняли у них добычу и убили нескольких татар [ПСРЛ, т. 36, с. 68–69; Летописи, 1991, с. 206, 208; Сибирские летописи, 1907, с. 80]¹. (Как мы видели, у чатов Кучуму не удалось выпросить достаточного количества лошадей, необходимых для дальних походов.) С. Ремезов уточняет путь передвижения: «в Каинскую землю к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор», а калмыки настигли его «на Нор-Ишима у озера Кургальчина» [Сибирские летописи, 1907, с. 352]. Т. е. Кучум пересек Барабинскую степь и направился вдоль Иртыша к его верхнему течению, к озеру Зайсан, а затем отошел на запад — в верховья Ишима и Нуры. Г. Е. Катанаев сомневался в столь далеком перемещении разгромленных татар, считая, что, натолкнувшись в верховьях Ишима на калмыцкие кочевья, они угнали табун и попытались скрыться в глухих степях верхнего Приишимья [Катанаев, 1893, с. 42–43].

¹ Неподалеку от мест описываемых событий кочевала большая группировка калмыков (5 тыс. воинов). В. Т. Тепкеев отметил, что из сообщений о разгроме Кучума неясно, «выступали ли ойраты военными союзниками Кучума, либо были безучастными свидетелями его окончательного разгрома» [Тепкеев, 2015, с. 49–50]. История с похищением лошадей «кучумлянами» свидетельствует, пожалуй, в пользу второй версии.

Эти метания растерянных «кучумлян» менее всего напоминают какую-то организованную кампанию. Неубедительной выглядит версия царевича Каная б. Кучума о том, что отца заманили «в Колмаки» бухарцы с намерением его убить (см.: [Миллер, 2000, с. 197]). Впрочем, в той сумятице, когда следы Кучума затерялись в степях, истинного виновника его смерти было сложно определить.

Дальнейшее местопребывание хана источники связывают с Ногайской Ордой. Скорее всего, это были восточные ее провинции — кочевья Алтыулов, т. е. подданных семьи Шейх-Мамаея¹. Средневековые авторы единодушны в описании враждебности, с которой ногаи встретили сибирцев. Мотивы вражды приводятся разные. Ремезовская летопись приписывает ногаем жажду мести Кучуму за притеснения ногаев, осуществленные когда-то его отцом Муртазой, и неприемлемостью опасного сосуществования с пришельцем: «Ведомой ты и славной вор, Муртазелеев сын, и отец твой нам много зла соделал, и ты, хотя и нищ, то же и нам учиниш, что протчие твои люди от тебя же убиты напрасно и озлоблены» [Сибирские летописи, 1907, с. 352–353]². Есиповская летопись объясняет разлад боязнью ногаев перед русскими, причем в разных редакциях данного памятника имеются любопытные расхождения. В основной редакции враждебная реакция ногаев на появление Кучума представлена как результат их страха перед нападением русских: «Яко русские вои уведают, яко ты zde пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе» [ПСРЛ, т. 36, с. 69]. Забелинская же редакция отобразила опасение возможного уподобления Кучума Ермаку, т. е. бесчинств хана и его свиты в ногайских владениях: «Ты zde, царю, хош да и нам тако ж, как Ермак з дружиною своею, сотворити, яко ж тебе» [ПСРЛ, т. 36, с. 116]³. Впрочем, при этих разночтениях

¹ То же мнение, правда, как гипотезу («мы можем осторожно предположить»), см.: [Вайнштейн, 2009, с. 374]. Ж. Вайнштейн почему-то посчитал, что юрт семьи Шейх-Мамаея не составлял часть Большой Ногайской Орды.

² На основе этого летописного сообщения в литературе гибель Кучума иногда объясняется местью ногаев — или за прегрешения Муртазы [Миллер, 1999, с. 299], или за захват кочевий мирзы Аулии, о чем рассказывалось выше [Абдиров, 1996, с. 57].

³ В любом случае, нет резона сомневаться в факте «ногайской эмиграции» Кучума на том основании, что Ногайская Орда будто бы не могла служить надежным убежищем от русских (см.: [Атласи, 1992, с. 135]).

сама история появления Кучума в Ногайской Орде, кажется, содержит признаки бродячего фольклорного сюжета о бегстве и гибели разбитого правителя. Правда, в большинстве текстов нет сведений о каких-то стычках и насильственной смерти хана¹. Преклонный возраст, болезни и потрясение от крушения всех надежд и перспектив уже сами по себе несли опасности для жизни.

Есть и иные версии места смерти хана, помимо Ногайской Орды: упомянутое выше обвинение Канаем бухарцев в убийстве его отца «в Колмаках»; приписывание этого убийства вогулам [Летописи, 1991. с. 208]; смерть настигла-де Кучума «в Каракалпацкой земле» [Материалы, 1936, с. 492]² или среди башкир [Марджани, 2005, с. 130]. Долгое время ходили слухи, будто тот погиб в битве 20 августа 1598 г. или утонул в Оби при бегстве [АИ, т. 2, с. 3; Миллер, 1999, с. 494–495; Шиле, 1895, с. 4]. Мнения о разных местах смерти Кучума подогревались народной молвой о его могиле, которую «обнаруживали» на Алтае³ и в окрестностях Тобольска [Пассек, 1998, с. 84–85; Тобольский хронограф, 1993, с. 40]. Очевидно, что сразу после смерти этого исторического деятеля его облик стал обрастать легендарными подробностями и внедряться в фольклор сибирских народов.

Хотя и принято считать 1598 г. временем окончательного разгрома Кучума и «годом окончательного утверждения русских в Сибири» [Шеглов, 1993, с. 50], хан, очевидно, жил после этого еще около года. Он практически незаметен на страницах документов рубежа XVI–XVII вв. Однако с 1601 г. некоторые источники называют «царем»~ханом его сына Али, что дает некоторое основание историкам приблизительно датировать смерть Кучума этим или,

¹ См., напр.: [Сибирские летописи, 1907, с. 80 (Строгановская летопись: «бежав в Нагайскую землю и тамо зле окаянную свою душу изверже»); Абуль-Гази, 1906, с. 156 («укрылся у народа мангыт и там отошел к Божью милосердию»); Шакарим, 1990, с. 100 («ушел в земли мангытов и там умер»); Яхин, 2009, с. 209 (родословие сибирских сеидов «Шеджере рисалеси»: «Кучум хан ушел из мира»)].

² Возможно, сведения этого источника привели К. А. Пищулину к заключению, что после поражения в 1598 г. Кучум «бежал в Среднюю Азию» [История, 1979, с. 282].

³ На самом деле, власть Кучума, очевидно, не распространялась к востоку от Оби, в земли телеутов, кумандинцев и др., ни во время его полновластного ханствования, ни в период «казачества» [Уманский, 1980, с. 111].

скорее всего, двумя предыдущими годами¹. Место покойного хана заняло его воинственное потомство. В Западной Сибири, Башкирии и на севере казахских степей началась эпоха Кучумовичей.

Глава 3

Хан Али

Среди прочих источников, самое большое количество сыновей Кучума названо, очевидно, в Погодинском летописце: «А у царя у Кучюма было всех десять сынов», из которых по именам перечислены только Али, Алтынай и Ишим [ПСРЛ, т. 36, с. 133, 137]². По разным текстам разбросаны сведения о большем числе Кучумовичей первого поколения. Приблизительный список их, с крайне предположительным распределением по старшинству, выглядит так: Али («Алей»), Канай, Алтынай, Ишим (т. е. Иш-Мухаммед), Хаджим («Азим», т. е. Хаджи-Мухаммед), Абу-л-Хайр, Асманак, Ханчубар, Бибадша (т. е. Бий-Падишах), Кедай, Кубей-Мурад, Чувак, Мулла, Шаим (т. е. Шейх-Мухаммед). По известным нам данным получается, что старшим из них был Али, хотя Бузуновский летописец аттестует его как «сына... царя Кучюма меньшего» [Летописи сибирские, 1991, с. 204]. Возможно, это оттого, что автор данного источника, подобно автору Строгановской летописи [Сибирские летописи, 1907, с. 19], принимал Мухаммед-Кула за старшего Кучумовича.

Некоторые из этих царевичей сначала под водительством отца, потом частью самостоятельно, а после его смерти уже по своей инициативе продолжали борьбу против все увеличивавшегося присутствия Московского государства в Сибири. Эта борьба сводилась к набегам на русские деревни и изредка крепости, на селения татар, согласившихся состоять в подданстве «белого царя» и платить ему

¹ См., напр.: [Катанаев, 1893, с. 43; Миненко, 2000, с. 71; Чулошников, 1936, с. 26].

² Анализ данного летописного сообщения см.: [Солодкин, 2006, с. 516–519]. М. Абдиров, ссылаясь на некие не уточняемые им «одни данные», пишет, что у Кучума было 17 сыновей [Абдиров, 1996, с. 149].

ясак, к их запугиванию и попыткам подбить на мятеж или на откочевку под начало своих исконных татарских правителей-«казаков». До конца XVI в. свою основную опору Кучумовичи, как и их отец, видели в татарах Среднего Прииртышья — Аялынской, Курдакской, Сардакской и других волостей новообразованного Тарского уезда³. Периодически им удавалось войти «в соединенье» с племенами восточных башкир и ногаями. Но мы уже знаем, что в то время Ногайская Орда погружалась в необратимый кризис, и существенной поддержки бывшие «хакиды Дешт-и Кипчака» оказывать сибирцам не могли (да и не хотели). С начала XVII в. и в течение первой половины этого столетия наметился довольно тесный альянс отдельных сибирских царевичей с тайшами калмыков, которые в то время активно мигрировали на запад и заселяли степные пространства современного Казахстана, заходя также в Юго-Западную Сибирь и на Южный Урал. Как мы увидим, именно калмыки, в конце концов, превратились в тыл и базу Кучумовичей в борьбе против «неверных» в Сибири.

Неизвестно, в каких отношениях с отцом находился царевич Али во время похода Ермака. Во всяком случае, С. Ремезов называет его постоянным местопребыванием Абугиновы городки [Сибирские летописи, 1907, с. 344]⁴. Несомненно то, что Али после битвы на Чувашском мысу жил отдельно от Кучума, которому Ремезовская летопись отводит совсем другие пункты пристанища. Именно находясь на р. Абуге, царевич узнал об убийстве его отцом Ермака в августе 1585 г. Напомним, что он не присутствовал и при дележе Кучумом Ермаковых доспехов.

Сибирские летописи рассказывают, что после гибели Ермака и исхода казаков из Искера Али занял столицу юрта. Он явился в пустой город с «воинскими людьми» — татарами, сохранившими ему преданность; «Сибирский летописный свод» уточняет: «со **многими своими** воинскими людьми». Однако правление его там оказалось недолгим. Узнав об уходе «неверных», туда двинулся Саид-Ахмед б. Бек-Пулад, «прибрав множество иностранных воинских людей агаренских же языков», и выбил Али из крепости, которую

³ Тарский уезд включал 14 ясачных волостей: 8 «нижних», расположенных от р. Тары вниз по Иртышу, и 6 «верхних», протянувшихся по Таре и ее притокам. В 1629 г. во всех этих волостях насчитывалось ясачного населения всего лишь 642 души м. п. [Аполлова, 1976, с. 89].

⁴ Абуга — правый приток Тобола.

небезосновательно считал «отчиной отца своего Бекбулата» [Сибирские летописи, 1907, с. 344; ПСРЛ, т. 36, с. 40, 64, 251]. Под этими иностранцами по отношению к местным татарам могли в то время подразумеваться узбеки, которые явились с беком из «Бухар» (напомним, что там он жил после воцарения в Сибири Кучума), или же, что менее вероятно, ногаи и казахи. Х. Зияев считал, что войско Сейдяка составляли бухарцы, посланные «определенными кругами» Средней Азии в Сибирь в надежде на поддержку этих пришельцев татарской знатью и вокняжение бека в Искере [Зияев, 1964, с. 19–20]. Сходного мнения придерживался Н. М. Карамзин, отметив, что Саид-Ахмед двинулся «на сего царя-хищника (т. е. Кучума. — В. Т.) с шайками узбеков» [Карамзин, 1821, с. 393]. Но все-таки явной, официальной военной поддержки его со стороны Бухары по источникам не заметно. Не случайно в летописном сообщении говорится о «прибрании» беком соратников, т. е. самостоятельном наборе или найме, а не об использовании чьего-либо готового войска. Видимо, бухарский хан Абдулла II в то время решил, что вожди сибирцев способны разрешить свои конфликты самостоятельно.

Погодинский летописец гласит, что бек Саид-Ахмед при захвате Искера «царевича Алея взял и прочих Кучумовых сынов смер[тью] убил и из града изгна» [ПСРЛ, т. 36, с. 135]. Это кажется недостоверным сообщением, так как нет других данных о пребывании Али в плену в конце XVI в. Выше нами приводилась более распространенная летописная версия об изнании царевича из столицы.

Ремезовская летопись называет соратников Саид-Ахмеда его «домашними воями» [Сибирские летописи, 1907, с. 344; Зияев, 1964, с. 19, 20]¹. Из Есиповской летописи известно, что в Сейдяковой свите под Тобольском находился сибирский карачи-бек («Карача»), окончательно порвавший с Кучумом и его семьей [ПСРЛ, т. 36, с. 66]. Полагаем, что высший сановник разгромленного ханства присоединился к беку в сопровождении какого-то числа татарских воинов. Поэтому более вероятно, что отряд Саид-Ахмеда состоял из 500 разноплеменных дружинников (цифра из той же летописи).

Обстоятельства жизни Али в 1590-х гг. почти неизвестны. Выше рассказывалось о его переводе в 1595 г., по отцовскому приказу,

¹ Д. М. Исхаков посчитал это войско «клановой дружиной» из эля салджиут, к которому он одно время относил Тайбугидов [Татары, 2001, с. 122].

татар-аялынцеv и малогородцев в новопостроенный Черный городок. Возможно, приблизительно в тех же местах — южнее Тары, на нижней Оми и в Западной Барабе, находились тогда его личные кочевья.

В последнем сражении Кучума на Оби в 1598 г. Али находился рядом с отцом, но избежал плена: «Алей царевич с бою утек» [АИ, т. 2, с. 4], и его дороги с отцом разошлись. После разгрома он действовал уже вполне самостоятельно от беспомощного, полуслепого хана. Около старшего царевича держались некоторые его младшие братья, признавая теперь его главенство. И именно на него обращались усилия московской дипломатии, которая стремилась завершить затянувшийся конфликт. В апреле 1600 г. от Кучумовичей явился в Тобольск посланец с объявлением намерения царевичей подчиниться русским. Вскоре к воеводе прибыл один из них — Кубей-Мурад. Целью этого долгожданного для русских властей визита было узнать, каковы условия подданства, и как «неверные» встречают смирившихся мятежников. Тобольские наместники не осмелились улаживать отношения с царевичами своими силами и отослали Кубей-Мурада в Москву. Однако фактическим пленением парламентаря они напугали и «ожесточили» (как сказано в воеводской отписке) его родичей [Миллер, 2000, с. 32; РИБ. т. II, стб. 281], так что их переговоры с Тобольском на этом прекратились.

Кочевую ставку Али в первые годы XVII в. источники фиксируют сначала в верховьях Ишима, затем он переместился восточнее, «близко к Сибири к Тоболскому городу», или в 7 днях пути от Тюмени; впоследствии он жил на левобережье Тобола (совр. Курганская область). Расположение его чаще обозначается озерами: пять боровых озер, озеро Чарлак, озеро Чигирлы, озеро Емесбулак~Емесбалак «за Тоболом», Щучье озеро [Миллер, 2000, с. 32, 34–35, 37, 196, 209, 211–212; РИБ, т. Т. II, стб. 282; Катанаев, 1893. с. 54]. Жители сопредельных районов зачастую не имели представления, в какой местности находится в данный момент Али, и настороженно выспрашивали у проезжих купцов, «где ныне кочует Кучумов сын Алеи царевич с братьею» [Верхотурские грамоты, 1982, с. 146].

9 декабря 1600 г. тюменские воеводы направили к Али местного авторитетного татарина, хафиза Менглибая, с государевым «жалованным словом», т. е. с прощением провинностей и предложением служить царю. На случай, если Али не захочет служить сам, над-

лежало уговорить его отправить в Тюмень брата, царевича Каная, а если не пожелает его отпускать, то другого брата — Хаджима. Однако через 10 дней Менглибай вернулся ни с чем, не сумев отыскать в степях станы Кучумовичей.

Более успешно действовал уфимский воевода М. А. Нагой. Посланные им в сентябре 1600 г. дети боярские и служилые татары разыскали-таки сибирских принцев с поручением звать их «на государево имя»¹. Для этого нужно было ехать в Уфу, на что Али не согласился, но послал брата Ишима. Знатного визитера Михаил Нагой, «поив и кормив и государево царское жалованье ему платье и его людем дав», препроводил в столицу (вместе с Кубей-Мурадом, которого через Уфу везли туда же из Тобольска) [Миллер, 1999, с. 193–195; РИБ, т. II, стб. 275–277]. Московская приказная бюрократия запечатлела приезд Ишима в своих реестрах, о чем свидетельствует опись архива Посольского приказа 1626 г., в которой значится несохранившийся «столп сибирской 110-го году (1601 / 1602. — В. Т.) о сибирском царевиче Ишиме з братьею и з сестрами» [Опись, 1977, с. 289]. Детали его пребывания в столице неизвестны.

Вскоре Ишим был отпущен восвояси и воссоединился с братьями, оставшимися в Сибири. Вернувшись, он завязал тесные отношения с новыми соседями сибиряков — калмыками. В 1619 / 1620 г. Ишим женился на одной из шести дочерей предводителя ойратского племени торгутов, тайши Хо-Урлюка [Русско-монгольские, 1959, с. 105]. Став «калмыцким зятем», он обрел мощную поддержку со стороны новой родни. Вместе с тем, и для его тестя это был выгодный брак. Как верно заметил М. Ходарковский, позиции влиятельного

¹ Для контактов с Кучумовичами власти обычно использовали сибирских служилых татар, так как те знали местные условия и имели тесные связи среди местного населения [Тычинских, 1998, с. 118; Тычинских, 2011, с. 55–56]. Но именно последнее обстоятельство вселяло осторожность по отношению к этим новым подданным, вызывало необходимость постоянного контроля над ними. Одним из средств такого контроля стало назначение *голов*, т. е. предводителей татарских военно-административных подразделений, из русских. Так, головой тобольских конных татар в конце XVI — первой четверти XVII вв. был соратник Ермака Черкас (Иван) Александров, а после него Константин Чистой. Одной из причин назначения Александрова было то, что он «татарскому языку умеет». При незнании татарского языка русскому голове полагался толмач [Никитин, 1991, с. 69; Шашков, 1996, с. 131, 146; Тычинских, 2011, с. 115–117].

Хо-Урлюка после выдачи дочери за Ишима еще более укрепились [Khodarkovsky, 1992, с. 78]. Ведь предводители торгутов, к которым принадлежал этот тайша, считались не самыми высокородными среди ойратской знати. Так, только князья хошутов возводили себя к «золотому роду» Борджигин, т. е. сородичам Чингисхана, а именно — к потомкам его младшего брата Хасара [История, 2009, с. 301]. Порождение с Чингисидскими династиями повышало знатность и аристократический статус торгутского лидера¹.

Период активной деятельности Али пришелся на Смутное время в России. Смута некоторым образом отразилась и на тогдашних крайних восточных пределах Московского царства. Опыт собственной государственности позволял татарам и уграм Западной Сибири критически оценивать свой новый статус подданных «белого царя». Зачисление многочисленных представителей этих народов в сословие служилых еще более политизировало их сознание.

Судя по отрывочным сведениям, у них складывалось довольно неоднозначное представление о своем положении в составе России. С одной стороны, они уже идентифицировали себя как россиян, обязанных подчиняться царю. В 1600 г., в ответ на обвинения в разграблении башкирских селений, тюменские служилые татары отвечали так, как и надлежало, чтобы отместить подозрения: «А нам... как сделать, что башкирцов воевать: **все... мы люди государевы**» [Миллер, 2000, с. 187]. Но с другой стороны, в этих местах пристально следили за политическим состоянием державы и оценивали свои перспективы в соответствии с изменениями в этом состоянии. Мятежные антироссийские настроения проявились в Зауралье во время Смуты начала XVII в. Именно здесь, на территории бывшего Сибирского юрта, на протяжении десятилетий тлела идея альтернативного подданства Кучумовичам, возрождения самостоятельного государства, «как было при царе Кучуме, пока в России нет царя» [Миллер, 2000, с. 246, 261; ДАИ, т. 3, с. 302]. Однако мы не располагаем сведениями, чтобы утверждать, подобно А. Каппелеру, будто «татары бывшего Сибирского ханства в период “Смутного времени” в начале XVII в. подняли ряд крупных восстаний сепаратистского

¹ Д. А. Васьков полагает, что династическая принадлежность Кучумовичей сыграла «ведущую роль в установлении тесных связей» между ними и ойратскими тайшами [Васьков, эл. ресурс].

характера, в которых участвовали также ханты и другие этносы Западной Сибири» [Каппелер, 2000, с. 33]. Как раз в начале XVII в. массовых движений в тех краях не было.

В некоторых текстах XVII в. Али титулуется ханом-царем. Это звание уверенно приписывается ему в татарской исторической традиции. В анонимной хронике «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) перечисляются «Кючюм Хан, его сын Али Хан, его сын Арслан Хан (это уже касимовский царь. — В. Т.)...» [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 32]. Шихабуддин Марджани об этом касимовце Арслане писал: «Его отец Али, его предки Кучум, Муртазаали, Абак, Махмуд, Хаджимухаммед **были сибирскими ханами**» [Мэржани, 1989, с. 186] При этом другие Кучумовы потомки в данной традиции не фигурируют, т. е. не считаются ностеллями ханского титула.

Русские источники не столь единодушны в обозначении ранга старшего Кучумовича. В грамотах сибирских воевод 1603–1607 гг. он обозначается как царевич¹. Но это могло быть следствием шепетильности адресантов, которые в своих донесениях на государево имя не осмеливались называть царем нищего и бесприютного «казака». (Через полтора столетия этот высокомерно-имперский подход откровенно сформулировал Г. Ф. Миллер: «Было слишком большой честью для татарских народов называть их ханов царями, а их сыновей царевичами; однако же это было в обычае» [Миллер, 2005, с. 23].) В то же время, русские тюменцы, участники сражений с Али, в своих челобитных на Высочайшее имя уверенно пишут о походах «на Алея **царя**», происходивших после разгрома Кучума на Оби [РИБ, т. II, стб. 351, 401]. Да и в цитированной выше описи архива Посольского приказа упоминается челобитная с пометой «**сибирсково царя Алея** Кучюмова внука Занейбека царевича», т. е. Джанибека, внука Али, без указания года [Опись, 1977, с. 390]. Впрочем, это могло быть простым повторением текста обращения Джанибека-Занейбека, а не действительным показателем обладания Али «царским» званием.

О признании «кучумлянами» его своим ханом прямо говорится в грамоте уфимского воеводы М. А. Нагого тюменскому воеводе

¹ См., напр.: [Верхотурские грамоты, 1982, с. 146 («...где ныне кочует Кучумов сын Алеи царевич с братьею»); РИБ, т. II, стб. 77 («пришел к царевичу к Алею Уруз мурза нагайской»); РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 94 («Кучюмовы дети Алея царевич с братьею ссылаютца... с колмаками»)].

Л. А. Щербатову, написанной не ранее 9 марта 1601 г. и передающей вести из степи: «А брат де их большой Алей царевич, Кучумов сын, а они де называют его царем» [Миллер, 2000, с. 196]. Очевидно, это была первая информация о новом статусе Али. Г. Ф. Миллер связывал эту перемену в его положении с кончиной отца [Миллер, 2000, с. 33]. Представляется, что это наиболее вероятная датировка «воцарения» Али (хотя в литературе встречаются и другие мнения¹).

Неясность положения Али усугублялась раздорами между Кучумовичами по вопросу о наследовании трона. Отголоски этих споров донесли документы первых годов XVII в. В 1603 г. тюменский воевода А. Д. Приимков-Ростовский извещал туринского голову о том, что «двор де Алеев, лутчие люди, Алея царем не хотят звать, потому что мати его роду невеликого, а хотят де назвать царем Каная» [Миллер, 2000, с. 209]. Канай б. Кучум действительно был сыном некоей знатной *бегим*, проживавшей в то время в Сауране [Миллер, 2000, с. 34]. Происхождение же матери Али, «царицы Чепшан», неизвестно. Однако составленная в 1599 г. функционерами Посольского приказа роспись жалованья Кучумовой родне, плененной в битве на Оби, наглядно демонстрирует ее непервостепенный статус. Перечень ханских жен в этой росписи начинается с «большей» хатун Султаным и заканчивается именно Чепшан — восьмой по счету [АИ, т. 2, с. 17]. В. В. Вельяминов-Зернов посчитал, что в роспись вкралась ошибка: не могла мать старшего ханского сына быть восьмой по рангу [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 55]. Но если гарем ранжировался по знатности его насельниц, то неродовитая мать Али вполне могла оказаться на последнем месте.

Косвенным указанием на время перехода ханского ранга к премнику Кучума могут служить соответствующие изменения в царском титуле московского государя². Как известно, указание на правление сибирскими землями появилось в нем задолго до побед над Кучумом. «Всея Сибирские земли повелитель», «обладатель... великия реки Оби» фигурируют в перечислении подвластных терри-

¹ 1600 г. [Миллер, 2000, с. 656 (прим. Ш. Ф. Мухамедьярова); Чулошников, 1936, с. 26]; 1602 г. [Марджани, 2005, с. 130]. Ш. Марджани пишет, что в 1009 г. х. (1602 г.) сибирцы поставили ханом некоего Угу, и только «после него на престол взшел Гали хан».

² О Сибири и ее отдельных регионах в составе царского титула в XVI в. см.: [Филюшкин, 2006, с. 205–206; Хорошкевич, 2002, с. 127].

торий с сер. 1550-х гг. — очевидно, в результате переговоров с посольством сибирского бека Ядгара о ясачном обложении юрта в пользу Москвы. Эти компоненты присутствуют и в титуле царя Федора Ивановича, при котором Кучуму было нанесено окончательное поражение.

Сменивший Федора на российском престоле Борис Годунов извещал сибирских управленцев о своей коронации в 1598 г. как о принятии власти «на великом государстве Владимирском и Московском и Наугороцком и на царстве Казанском и на Астороханском и на всех государствах Российскаго царства» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 50 об.]. Как видим, Сибирского царства здесь еще нет, хотя оно, возможно, пока «скрыто» в финальной формуле «всех государств». Затем статус Сибири стал наглядно меняться: она стала «царством» и переместилась из конца титула в почетную начальную часть. Впервые это отмечено в статейном списке посольства А. И. Власьева 1599–1600 гг. в Священную Римскую империю. Кстати, то же посольство разместило во владениях императора Рудольфа II заказ на новый царский венец — шапку Сибирскую, которая была доставлена в Москву в 1604 г. [Лаврентьев, 2001, с. 15, 185, 187]. Впрочем, титульная новация приживалась постепенно. В марте 1601 г. Годунов писал польскому королю Сигизмунду III с прежней интитуляцией «все Сибирские земли и Северные страны повелитель», а из царств там поименованы снова только Казанское и Астраханское [Памятники, 1912, с. 72–73]. Но в мае 1604 г. в Грузию и в сентябре того же года в Речь Посполиту повезли послания от Бориса Федоровича вновь как от «царя Казаньского, царя Азстараханьского, царя Сибирского» [Памятники, 1912, с. 174; РГАДА, ф. 110, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 120]¹.

Примечательно, что татарский хронист Кадыр Али-бек в своем сочинении 1602 г. называет «падишаха Бориса Федоровича-хана» обладателем престола Казани, престола Хаджи-Тархана (Астрахани) и престола Туры (*тахт-и Тура*), т. е. Сибирского юрта [Сборник, 1854, с. 3]². Следовательно, царь предстает как правитель трех

¹ Аналогичную структуру большого царского титула применял и сменивший Годунова Лжедмитрий I [Лаврентьев, 2001, с. 14].

² Тура (иногда Туран) — нередкое обозначение Сибирского ханства в тюркской исторической традиции XVI–XVIII вв. (см. [Трепавлов, 2009, с. 387]). Как отметил еще В. Н. Татишев, татары Сибирь «Тура и Туруа имяновали», где *тура* — татарское «город», а *туруа* — остяцкое «роскошное или

татарских «царств» — именно в той их последовательности, которая утвердилась в титуле.

Полагаем, что причиной радикального изменения в титулатуре послужило известие о смерти «царя» Кучума, отчего его ханство лишилось легитимного татарского монарха. Сходное суждение высказал еще Н. М. Карамзин: «Истребление Кучюма... как бы запечатлело для нас господство над полунощною Азиею» [Карамзин, 1824, с. 26]. Учитывая титулатуру в статейном списке Власьева 1599–1600 г., представляется, что наиболее вероятная датировка кончины хана — не 1601 г. (предпочитаемый большинством исследователей), а 1599 г.

Выше говорилось, что в исторической памяти татар последним сибирским ханом остался Али б. Кучум. Однако в синхронной узбекской (хивинской) традиции — в унисон русской трактовке — ханская власть в Сибирском юрте закончилась все-таки на Кучуме. Это следует из утверждения Абу-л-Гази о том, что с этим ханом пресеклась сибирская ветвь династии Шибана, сына Джучи [Aboul-Ghazi, 1871, с. 177]. Хивинский хронист наверняка знал о борьбе Кучумовичей, но уже не видел в них полноценных, законных династов. Видимо, такой же трактовки придерживались и русские современники событий начала XVII в.

В крестоцеловальной записи восходившего на московский трон Василия Шуйского и его перемирной грамоте с Сигизмундом III снова, как и до Годунова, значилось «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» [Памятники, 1912, с. 719]. Очевидно, обстоятельства Смуты в Московском государстве не способствовали стабильности в доскональном определении нюансов царского звания, что опять выразилось в вариативности обозначения сибирских владений.

С окончанием Смутного времени Сибирское царство прочно вошло в титул. Михаил Федорович в 1613 г. извещал, в частности, персидского шаха Аббаса I о своем воцарении «на великих государствах на Владимирском и на Московском, и Новгородском и на царствах Казанском и Астараханском, и на Сибирском, и на всех преславных государствах Российского царствия» [Памятники, 1892,

привольное обитание» [Татищев, 1950, с. 47]. О проблеме локализации и идентификации сибирского города Тура см.: [Белич, Тура, 2006].

с. 257]. Триада татарских царств обрела наконец устойчивую форму, просуществовавшую до петровской эпохи: «Владимерский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Астороханский, царь Сибирский, государь Псковский...» и т. д. [Памятники, 1892, с. 361]¹. Причем в некоторых случаях Сибири в составе России приписывался несколько повышенный статус. Когда в 1628 г. в Тобольске сгорела съезжая изба вместе со всеми бумагами и печатью, тобольский воевода сообщал царю Михаилу о срочном изготовлении новой печати — копии старой, так как только она вызывает доверие у ясачных. «А на печати, государь, было написано: печать **царства и великого государства Сибирского** города Тоболска, а в середках вырезано два соболя, а меж ими стрела» [РГАДА, ф. 214, стб. 16, л. 353]. Значит, Сибирь официально считалась еще и «великим государством», чего, кажется, не замечается в то время за Казанью и Астраханью.

Таким образом, несмотря на притязания старшего Кучумовича на ханское звание, московское правительство не желало видеть в нем законного правителя Сибирского юрта и, соответственно, признавать за ним монархический статус, которым некогда обладал Кучум. В свое время Иван IV превратился в «царя Казанского» при жизни последнего хана Казани Ядгар-Мухаммеда. Но тот проиграл Москве войну, попал в плен, находился в государевой свите, был обращен в христианство и хотя продолжал титуловаться царем, но своим смирением как бы оправдывал переход своего ханства под власть победителя. Последний астраханский хан Дервиш-Али при приближении русского войска, бросив свой город, «побежал в Азов, а оттоле к Меки (Мекке. — В. Т.)» [Книга, 1850, с. 106]². В случае же с непокорным Кучумом

¹ При этом заметим, что на протяжении второй половины XVI и всего XVII вв. при дипломатических контактах с Крымским ханством русская сторона не решалась включать татарские «царства» в титул самодержца. В ханском же титуле перечисление земель, подвластных Гиреям, начиналось со словосочетания *Улуг Орда* — официального названия Улуса Джучи, частью которого номинально являлись Казань, Астрахань и Сибирь [Фаизов, 2003, с. 29–30].

² После IX в. в мусульманском мире установился порядок, в соответствии с которым паломничество правителя в Мекку означало его демонстративный отказ от престола и признание своего поражения в борьбе с противниками [Бартольд, 1966, с. 26].

российским правителям пришлось дожидаться его смерти, дабы официально заявить о своем праве на его юрт.

Впрочем, возможно и иное видение данной ситуации. По мнению А. В. Белякова, в России «за Али признали титул сибирского царя, по-видимому, с целью не допустить провозглашения в Сибири нового хана из числа других потомков Кучума» [Беляков, 2009а, с. 16]. Но все же, думается, объявление московского государя царем Сибирским не нуждалось в искусственном дублировании этого звания татарским династом. Другое дело, что русское правительство сохранило за Али номинальный ханский ранг, уже приобретенный им в Сибири до плена. Однако в таком случае существование сибирского хана являлось в глазах татар неоспоримым и не нуждалось в московском признании.

Итак, наиболее достоверной датой обретения Али ханского титула можно считать 1601 г.¹

«Подданными» Али являлись в 1601 г. ок. 300 чел. татар. Тогда же вместе с ним кочевало некоторое количество башкир из зауральских племен сынрянцев и бикатинцев («мякотинцев») [РИБ, т. II, стб. 282]². Затем число этих татар увеличилось на сотню, к ним присоединились 400 башкир-табынцев, 300 ногаев, и в 1603 г. под его началом находилось уже до 1100 чел. [Миллер, 2000, с. 29, 34–35, 196, 211–212]. Возможно, первоначальные 300 человек были, как считает В. Д. Пузанов, «элитными группами татар, жившими в районе Искера, а затем ушедшими с Кучумом в степь» [Пузанов, 2002, с. 221], хотя нам не встречались в источниках указания ни на элитный статус этих сподвижников царевича, ни на их искерское происхождение.

В первые годы XVII в. на сибирских границах Московского государства все более ощущалось соседство калмыков. Их кочевья вплот-

¹ Эта дата «узаконена» в новейшей «Большой Российской энциклопедии». Автор соответствующей статьи относит смерть Кучума к 1599 г. [Солодкин 2010, с. 486].

² Сынрян и бикатин — племена из родоплеменной группы катая; впоследствии они утратили племенную самостоятельность, как предполагал Р. Г. Кузеев, из-за ухода значительной их части с Кучумовичами в Западную Сибирь и затем далее на восток [Кузеев, 1974, с. 238–244]. Анализ этих миграций, сопровождаемый полемикой с выводами Р. Г. Кузеева, см.: [Самигулов, 2011, с. 127–131].

ную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских, тарских и уфимских воевод. По подсчетам М. М. Батмаева, к российским рубежам в то время прикочевало ок. 60 тыс. кибиток, или 240 тыс. чел. [Батмаев, 1993, с. 26]. Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач. Правда, для тайшей связи с высокородными «казаками» стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казаками, они более всего желали обрести пространство для кочевания, главным образом, за счет ослабленной и раздробленной Ногайской Орды. К сибирским пределам придвинулась многочисленная группировка владетельных князей, возглавлявшаяся дербетским тайшой Далай-Батыром и торгутским Дзорикуту [Златкин, 1983, с. 79]. В 1604 г. брат последнего Хо-Урлюк отделился от них и самостоятельно кочевал со своим сыном (?) Кирсаном в верховьях Иртыша.

В это время начинаются переговоры тайшей с русскими властями в Сибири о дозволении им кочевать в степях Тарского уезда. От 1607 г. имеются данные также об активных связях сибирских принцев с калмыками: «Кучюмовы дети Алей царевич з братьею ссылаютца послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие, и тем чают вперед у них меж себя одиначества и свойства ближнева» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 94]¹. Возможно, походы тюменцев в 1607 г. против Кучумовичей на р. Ишим (см. ниже) были вызваны в том числе опасением русских властей перед наметившимся татарско-ойратским союзом.

Впрочем, подошедшие к российским границам торгуты и дербеты были в то время настроены в целом лояльно к русским властям края. Более всего их интересовала возможность кочевать на землях, подведомственных тамошним воеводам, — вдали от враждебных восточных монголов и казахов. Об этом свидетельствует детально описанная в историографии эпопея с взаимными визитами послов и гонцов в Москву и в ставки тайшей в 1606–1608 гг. Однако в дальнейшем, одержав несколько побед над названными противниками, предводители сибирской группировки ойратов значительно

¹ Цитируется отписка тобольского воеводы.

охладели к сотрудничеству с русскими, хотя и продолжали кочевать в районах, оговоренных в прежних соглашениях с Москвой, и даже пытались организовать ясачный сбор в свою пользу с местного населения.

Здесь нужно отметить один принципиальный момент. По верному замечанию М. М. Батмаева, период 1600–1630-х гг. «был скорее не временем поселения» калмыков в районе Иртыша, Ишима и Тобола, а «более всего временем интенсивных передвижений, переживания неблагоприятных обстоятельств, без ясного и очевидного намерения поселиться в пределах России» [Батмаев, 1993, с. 32–33]. Т. е. в истории этой части ойратского этнополитического сообщества происходил процесс, иногда называемый историками у кочевых народов «обретением родины». Как известно, калмыки, в конце концов, «обрели родину» далеко от описываемого региона: в степях между Волгой и Кавказом. По наблюдениям В. И. Колесника, в первой половине XVII в. присутствие ойратов «отмечалось на пространстве от оз. Кукунор до Волги в широтном направлении и от рек Тобола и Оми до Аму-Дарьи в меридиональном, что, соответственно, составляет более 6000 и более 2000 км» [Колесник, 2003, с. 410]. Таким образом, их кочевья огромным «языком» протянулись через весь Восточный Дешт-и Кипчак, где до того безраздельно господствовали ногаи¹.

В 1603 г. улус Али получил пополнение и подкрепление в лице трехсот (по другим сведениям, 500 или 700) ногаев во главе с алтыульским мирзой Урусом. Выходцы из распадавшейся Ногайской Орды разместились по берегам рек Абуга, а затем Уй, неподалеку от кочевий старшего Кучумовича. Тот вместе с Урусом тут же принялся строить планы совместных нападений на сибирские ясачные волости [Миллер, 2000, с. 28–29, 179; РИБ, т. II, стб. 77–78]. Правда, эти намерения не осуществились из-за слухов о возможном возвращении из Москвы в Сибирь части Кучумова семейства во главе с царевичем Хансюером б. Али², попавшим в плен в 1598 г.

¹ Карту «Калмыцкие кочевья в XVII в.» см.: [История, 2009, карта 7 (вклейка)].

² На основании размеров поместного и денежного окладов, выделенных Хансюеру по сравнению с его братьями, А. В. Беляков считает его старшим сыном Али [Беляков, 2009в, с. 264; Беляков, 2011, с. 70]. В русском плену оказался также брат Хансюера Джансюер. Эти двое царевичей нередко смешивались

Беспокойное соседство Кучумовичей постоянно держало в напряжении русское население степного пограничья. Прихода Али на ясачные волости или под Тару ждали ежегодно. Неизвестно было, куда он ударит в следующий раз. Как справедливо отмечает Е. В. Вершинин, «рефреном жизни западносибирского фронта слышатся слова тюменских воевод, которые на вопрос своего туринского коллеги, ожидать ли набега Алея, ответили так: “И то, господине, кому мочно ведать, чаять ли Алеева приходу или не чаять. Как, господине, без опасу жить, всегда надобе береженье”» [Вершинин, 1998, с. 61 (цит. из: [Миллер, 2000, с. 234]). При этом соседство воинственных кочевников создавало среди русских новоселов края чрезмерную настороженность. Люди верили любым слухам, пугались всяких сведений о надвигающемся набеге. Хотя, по наблюдениям В. В. Пестерева, подобные сведения («вести») подтверждались лишь в половине случаев [Пестерев, 2011, с. 111].

Поскольку переговоры о переходе царевича в подданство не дали результата, тюменский воевода М. М. Годунов решил устранить проблему военной силой. В марте и июне 1607 г. посланные им казаки разгромили станы Кучумовичей на Ишиме. Во время первого похода в плен попала мать Али, во время второго — его сестра и жена с двумя сыновьями, а также две жены Хаджима с дочерьми. Их доставили в Тюмень и оттуда вывезли в Москву (длинным круглым путем, через Вологду и Новгород, так как южные дороги были заняты поляками) [Миллер, 2000, с. 37]. В среде сибирских служилых людей эти походы по праву считались крупной военной удачей, и их участники, а спустя десятилетия и дети участников в челобитных указывали на кампанию 1607 г. как на доказательство своей потомственной верной службы государю¹. В общем-то, они имели основание гордиться этими походами, поскольку после них Али исчезает из активной политики.

После сокрушительного разгрома Али отправился «в Нагаи» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 116; Русско-монгольские, 1959, с. 25]; его братья выбрали другие маршруты откочевки. Мангытская знать в то время

ваются в источниках и исследованиях (см. об этом: [Беляков, 2011, с. 69–71, 104, 330]).

¹ См., напр.: [РГАДА, ф. 214, кн. 367, л. 220 об., 345]. В 1617 г. тюменский служилый татарин Маитмас Ачекматов бил царю челом, приписывая лично себе пленение матери и жены Али [РИБ, т. II, стб. 351–352].

раскололась на враждующие непримиримые группировки. Авторитет главы Орды, бия Иштерека, признавали далеко не все ногайские предводители. Али довелось на себе испытать накал этого напряжения. Он решил ехать к Иштереку, но брат и противник последнего, Яштерек, как раз для того, чтобы не допустить сибирца до бия, ограбил его. В итоге, Али приютился у Урмаметевых — сыновей бия Ураз-Мухаммеда, а именно у своего тезки, который некогда был соратником Кучума. Теперь Али б. Ураз-Мухаммед, вернувшийся из Сибири на родину, смиренно жил в своем кочевье [Акты, 1914, с. 175]¹. Урмаметевы в то время принадлежали к лагерю противников Иштерека; с ними были «единомышленны» многочисленные и воинственные мирзы Байтерековы — шурья (родственники одной из жен) Али б. Кучума.

В апреле 1608 г. астраханские воеводы доносили в Посольский приказ, что «Алей Кучюмов сын Сибирской... пропал без вести в ту пору, как астороханские люди их (ногаев Иштерека. — В. Т.) погромили, а четырех де сынов Алей отпустил в Юргечь (т. е. в Хивинское ханство. — В. Т.)» [Акты, 1914, с. 162; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1608 г., д. 1, л. 14]. Под погромом ногаев подразумевалось, очевидно, успешное нападение юртовских татар на улусы Иштерека, когда тот в феврале 1608 г. подкочевал к Астрахани для признания Лжедмитрия II законным царем (см.: [Новосельский, 1948, с. 60]).

Приблизительно в это время Али угодил-таки в руки русских властей. В фонде Сибирского приказа сохранились челобитные 1667/1668 г., написанные тобольскими рейтарами — сыновьями участников пленения царевича [РГАДА, ф. 214, кн. 367, л. 220 об., 345]. Из этих документов выясняется, что тоболяки отправились в поход под началом упоминавшегося выше головы Черкаса Александра. Разыскав в степи Кучумова сына, они захватили его самого и трех его жен, а «ево улус побили». Челобитчики сообщают о ранении

¹ В ноябре 1608 г. Али Урмаметев жил в степях между Волгой и Яиком, в некоей местности Явсугум, где его «съехал» русский посланник на пути из Астрахани в стан Иштерека [Акты, 1914, с. 170]. В 1630 г. ногайский мирза Кара Кель-Мухаммед просил царя Михаила Федоровича разрешить взимать «тайбугинскую пошлину» его брату Али: на том основании, что «отец мой, Урмамет князь, имал (эту. — В. Т.) пошлину десеть лет, а я имал пошлину пять лет» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 24]. Но поскольку для официальных «перевыборов» тайбуги нужен был съезд мирз, а собрать его в обстановке распада и разложения Орды было уже невозможно, эта инициатива осталась нереализованной.

их отцов «на том бою», из чего следует, что татары оказали сопротивление нападавшим.

Никаким репрессиям Али не подвергался. Все же он являлся высородным аристократом-Чингисидом, и признание этого выразилось в испомещении его в Ростовском уезде. Вместе с братом Алтынаем он жил в Ярославле. В одних документах он значится как сибирский царевич, в других — как сибирский царь [ДР, т. 2, стб. 563, 569 (здесь Али — «сибирской царь»); 1990, с. Описание, с. 470 (здесь — «царевич»)]. В 1641 / 1642 г. Али переехал в Касимов, где и умер в октябре 1649 г. [Беляков, 2011, с. 301]¹. Касимовским царем в 1614–1626 гг. был его сын Арслан, после которого началось более чем полувековое, хотя и с течением времени все более номинальное, правление внука — Саид-Бурхана б. Арслана (Василия Араслановича).

Теперь обратимся к судьбе братьев Али, разделявших с ним «казачество». В период, предшествовавший окончательному разгрому Кучума в 1598 г., старшие царевичи отделились и отделились от отца. Сеиду Тул-Мухаммеду, посланному после битвы разыскивать его, хан сказал, что более всего он горюет о своем «промышленнике» Асманаке, угодившем в плен при сражении на Оби [АИ, т. 2, с. 7]. Некоторые надежды он возлагал и на Каная, которого планировал послать в Бухару за помощью или с просьбой о предоставлении убежища. Возможно, из желания в очередной раз склонить хана, оказавшегося в безнадежном положении, к покорности московские власти в 1600 / 1601 г. отпустили к нему из плена другого сына: Кубей- (или: Берди-) Мурада [Миллер, 2000, с. 192]. Однако никаких вестей о дальнейшем развитии событий в источниках не сохранилось. Очевидно, царевич уже не застал отца в живых, а может быть, и не смог его разыскать в бескрайнем Деште.

¹ Б. Ишболдин по неизвестным нам основаниям утверждал, что будто бы после 1601 г. Алтынай был признан в России «царем сибирским» [Ischboldin, 1973, с. 106]. Нам не встречались источники, в которых Алтынай упоминался бы с царским титулом. В 1638 г. к аудиенции «у государя в золотой полате» был допущен «сибирской царь Алей Кучумов да брат его Алтанай царевич с детми», в 1653 г. — «сибирской царевич Алтанай Кучюмович с детми» [ДР, т. 2, стб. 569; т. 3, стб. 361]. Столь же безосновательно утверждение автора компилятивного «справочника» о татарско-русских отношениях В. В. Похлебкина относительно смерти Али «в русском остроге» в 1618 г., после чего-де «история Сибирского татарского государства и формально, и фактически прекратилась» [Похлебкин, 2001, с. 160].

Прежних тесных связей сибирцев с узбекскими ханствами после 1598 г. уже не заметно, несмотря на постоянное курсирование «бухарских» и «тезицких» торговых караванов. Хотя Али, пережив ряд поражений, и отправил четырех своих сыновей в Хиву, его братья не расценивали Мавераннахр и Хорезм в качестве пристанища после того, как были разбиты тюменцами на р. Ишиме в 1607 г. Видимо, сказывались как разочарование в тамошних правителях, которые не оказали поддержку Кучуму в решающий момент противостояния с Ермаком, так и подозрительность царевичей по отношению к среднеазиатским политикам. Такое отношение проявилось в эпизоде с приездом очередной группы купцов в 1601 г., которые передали Канаю просьбу от его матери, которая жила в Сауране (некогда она была отправлена туда мужем «за старость»). Ханша предлагала сыну переселиться в Сауран, обещая наделить его в ханстве княжеским званием сидящего «на Бухарской земле Бака царя, Абле царю бухарскому брата». Канай наотрез отказался, заявив, что будто бы именно бухарцы были виновниками смерти Кучума — «заманив в Колмаки обманом, убили», да еще и устроили у себя резню ногайских мирз [Миллер, 2000, с. 197]¹. В известных нам источниках нет данных, чтобы определить, на каких основаниях он выдвигал эти обвинения.

Документы застают Кучумовичей в 1599–1600 гг. довольно далеко от места этих драматических событий — в башкирских землях, т. е. на противоположном краю Сибирского юрта. Осознавая свое бессилие в прямом вооруженном противостоянии с русскими, они отошли на безопасное расстояние, оставив старого отца наедине с воеводами. Из расспросных речей одного местного жителя известно, что в то время четыре царевича жили где-то в яйцких и миасских верховьях и между реками Ишимом и Убаганом — у табынцев и сынрянцев, которых насчитывалось ок. 250 («с полтретьяста») человек; другой допрошенный рассказал, что на Белом озере в Уфимском уезде «стоят двое царевичей, и с ними 100 человек» (татар?)

¹ «Бака царь» — Баки-Мухаммед, один из первых ханов (1603–1606) новой узбекской династии Аштарханидов. В 1601 г. он управлял уделом в Бухаре; резиденция его отца, главного хана Джани-Мухаммеда, находилась в Самарканде [Алексеев, 2006, с. 109–112]. «Абла царь» — вероятно, могущественный бухарский хан Абдулла II из династии Шейбанидов, умерший в 1598 г. Он условно назван братом «Баки царя», возможно, потому, что на его дочери был женат Джани-Мухаммед.

[Миллер, 2000, с. 183–184]. Четыре царевича — это Али, Канай, Хаджим и Кубей-Мурад. Последний, как было сказано выше, был отряжен братьями в Тобольск для переговоров и оттуда отослан воеводами в Москву, вместе с Ишимом б. Кучумом.

Окрестные воеводы неоднократно пытались завязать контакты с «казаками»-Чингисидами. Самым крупным успехом считалось бы переманивание в подданство и на государеву службу нового сибирского хана Али. На случай, если он не согласится, предполагалось уговорить его отправить ко двору одного из его братьев. Первым по значимости после него русские считали Каная, вторым — Хаджима. Эти двое Кучумовых отпрысков не ладили с Али. Осенью 1600 г. они жили отдельно от него в местности, расположенной в 18 «днищах» на юго-восток от Уфы. Братья совещались насчет русских предложений, не советуясь со своим старейшиной. Настроившегося было ехать в Уфу или в Тобольск Хаджима Канай не отпустил, так как хотел дожидаться государева указа о размерах жалованья, а не дождавшись, решил послать к тобольским наместникам Кубей-Мурада, о чем нами говорилось выше. Гонцов, направленных уфимским воеводой к Али, младшие царевичи не пропустили, но обещали, что по весне сами явятся в Уфу. К примирению с русскими властями подталкивало их и миролюбивое послание Ишима б. Кучума, присланное с гонцом из Уфы [Миллер, 2000, с. 195–197; РИБ, т. II, стб. 275–281]. Но примирения в итоге так и не получилось.

Этому препятствовали несколько факторов. В отношениях с «неверными» «казачествующие» Кучумовичи держались с предельной осторожностью. Резонно ощущая численный и военный перевес противника, они готовы были обсуждать условия почетной капитуляции, однако их шаги в этом направлении были крайне нерешительными и непоследовательными. Здесь играли роль и память об утраченном ханстве, и антирусский настрой их «подданных» татар и башкир, и опасения быть обманутыми, угодить в ловушки, расставленные русской дипломатией. Налаживание связей было осложнено неожиданной задержкой и фактическим пленением в Уфе и Тобольске Ишима и Кубей-Мурада¹. В глазах их братьев это выглядело как проявление лицемерия и коварства русской стороны.

¹ В. Д. Пузанов называет инцидент с Кубей-Мурадом «крупной ошибкой царской администрации» [Пузанов, 1994. с. 73].

Чувствуя такие настроения среди Кучумовичей, правительство пыталось убедить их в безосновательности опасений. Во-первых, задержанные царевичи как в воеводских резиденциях, так и в Москве содержались в почете и не знали недостатка в пропитании; во-вторых, царь Борис Годунов в 1603 г. решил несколько разрядить обстановку, отпустив на родину из Москвы Ханчубара б. Кучума и нескольких насельниц ханского гарема, плененных в 1598 г. Это действительно на время снизило агрессивность царевичей (они стали дожидаться прибытия брата), но существенного перелома ситуации в то время не произошло.

Положение в клане Кучума тюменский воевода охарактеризовал так (со слов казака-разведчика): «в царевичах шатость великая» [Миллер, 2000, с. 212]. «Шатость» выражалась в том, что, с одной стороны, трудный процесс согласования условий перехода царевичей на государеву службу (фактически их сдачи) продолжался. В ходе одного из «раундов» таких вялотекущих переговоров явился в Тюмень и в июле 1608 г. был переправлен в Москву Алтынай б. Кучум [Миллер, 2000, с. 37, 242]¹. Но, с другой стороны, вскоре возобновились набеги, в которых теперь принимал участие вернувшийся Ханчубар. В мае 1607 г. он вместе с Хаджимом и Ишимом напал на селения ясачных татар Тюменского уезда, а Канай вместе с неким «Пен мурзой ногайским» и 200 всадниками — на тобольские волости [Миллер, 2000, с. 183–184, 197]. Таким образом, многоходовая комбинация по выманиванию сибирских принцев из степи терпела крах.

Ответный удар по ним не заставил себя ждать. Мы уже рассказывали, что тюменцы в 1607 г. нанесли жестокое поражение Кучумовичам, после чего Али уехал в Ногайскую Орду. Хаджим решил поселиться в Казахском ханстве («Казачьей Орде»), а Ишим переехал под защиту своего тестя, калмыцкого тайши Хо-Урлюка, который кочевал в трех днях пути от Тары. Тарский воевода С. И. Гагарин сообщал царю, что царевич отправился туда «для людей», т. е. за подкреплением, с намерением ближайшей осенью или весной напасть «на сибирские города, на Тару и на Тюмень и на волости» [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 116; Русско-монгольские отношения, 1959, с. 25]. Гагарин явно сгущал краски: у Ишима не было сил, а у Хо-Ур-

¹ Об Алтынае см.: [Беляков, 2009б; Беляков, 2005; Беляков, 2010, С. 70; Беляков, 2011, см. именной указатель].

люка и его сына (?) Кирсана — желания разворачивать столь масштабную военную кампанию, грозившую сокрушительным отпором со стороны сибирских городских гарнизонов.

С. В. Бахрушин увидел в этой ситуации отражение давних интриг среднеазиатского купечества, интересы которого он считал существенным фактором, влияющим на политические судьбы Сибирского юрта [Бахрушин, 1959, с. 199–200]. Очевидно, действие этого фактора в какой-то мере справедливо учитывать для дорусской эпохи и отчасти для времени «казачества» Кучума. Но в 1600-х гг. и позднее практически не заметно, на наш взгляд, чтобы Бухара и тем более Хива¹ каким-то образом воздействовали на его сыновей. Слишком малозначительными становились теперь в глазах узбекских политиков и торговцев сибирско-татарские царевичи, чтобы делать на них ставку в условиях встречного движения двух могучих геополитических сил — России и калмыков.

Важным следствием победы над Али б. Кучумом и его пленения представляется смирение восточных башкир, прежде всего табынцев, перед превосходящей силой Москвы. Очевидно, после поражения царевича жители Сибирской дороги разочаровались в перспективах сопротивления русскому наступлению. Из разновременных

¹ С конца XVI в., в связи с переносом столицы из Ургенча в Хиву, государство Хорезм («Юргенч» русских документов) принято называть Хивинским ханством. Связи сибирцев с Хорезмом~Хивой были явно менее интенсивными, чем с Бухарой. В Ургенче даже слабо представляли себе облик Сибирского юрта. В 1594 г. на вопрос персидского шаха Аббаса, сколь обширна Сибирь и сопоставима ли по размерам с Хорезмом, ургенчский хан Хаджи-Мухаммед отвечал, что «Сибирская земля только с его землю, с Юргенскую». Присутствовавший при беседе русский посол возразил, что Сибирь намного больше этого ханства [Памятники, 1890, с. 265]. Да и в политическом весе и престиже Хива уступала Бухаре. Бухарцы это осознавали и подчеркивали. В начале 1640-х гг. царь Михаил Федорович прислал бухарскому хану Надир-Мухаммеду Аштарханиду четыре сорока соболей, а хивинскому Саиду Шибаниду, недавно проигравшему войну Бухаре, — восемь сороков. Послу А. Грибову пришлось выслушать от бухарских придворных суровую отповедь: «И тем... ваш великий государь нашего бухарского Надирмамета царя перед юргенским царем и иных государств цари своими поминки обесчестил, а наш... бухарской Надирмамет царь, да и прежние бухарские цари, как и Бухара зачалась, юргенских царей честнее, а нынешнего... юргенского царя Сейта перед бухарским царем почесть неково» [Статейный список, 1995, с. 46–47].

материалов предстает неоднозначный характер их вхождения в состав Московского государства. Одна часть зауральских башкир подчинилась добровольно и получила от властей подтверждение прав на владение вотчинными землями — подобно западным племенам. Другая часть была усмирена и отторгнута от Кучумовичей силой оружия, что выразилось в гораздо больших, по сравнению с другими башкирскими объединениями, размерах ясачного обложения, исчислявшегося здесь поголовно, в отличие от Уфимского уезда. К тому же в ясачный сбор у зауральских башкир официально были включены воеводские «поминки». Среди всех племен только табынцам вменялось в обязанность выдавать воеводам заложников-аманатов [Азнабаев, 2005, с. 77; Асфандияров, 2007, с. 32–33]. Главное же отличие от западных башкир заключалось в том, что некоторые зауральские роды и племена не получили от правительства вотчинных прав на свои земли. Поэтому здесь правительство смогло беспрепятственно развернуть строительство крепостей и острогов, не оглядываясь на давние соглашения местных элит с правительством об исключительном владении и пользовании угодьями коренным населением.

Однако вынужденная и, как оказалось впоследствии, временная покорность зауральских башкир не означала, что после пленения Али «в стане Кучумовичей башкир не осталось» [История, 1996, с. 146]. Как мы увидим в дальнейшем, у сибирских царевичей все же имелись башкирские соратники, хотя и не в массовом, «общеплеменном» масштабе. К сохранившей им верность части табынцев присоединились (возможно, иногда по принуждению) представители других родовых групп башкир: кипчаки, кудейцы, айлинцы и др., а также влившиеся в их этническую среду отдельные группы сибирских татар (аяла-табын) и даже казахов (кыргыз-табын) [Кузеев, 1974, с. 248]. Все они вошли в состав разноплеменной рати наследников Кучума.

Глава 4

Кучумовичи и калмыки

Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» написал, что в одном архивном документе 1616 г. сын Кучума Ишим назван царем — по причине того, что Али, видимо, умер, и черед ханствовать наступил для Ишима [Миллер, 2000, с. 42]. Позднейшие историки подхватили тезис о воцарении Ишима в 1616 г.¹ Документ, подразумеваемый Миллером, это, скорее всего, грамота царя Михаила Федоровича тюменским воеводам Ф. С. Коркодинову и И. Б. Секерину от 15 октября 1616 г.: по вестям из Тюмени, «Ишим царь сего лета хочет идти войною под сибирские города и под Уфинской город и на уфинские волости» [Миллер, 2000, с. 274; Материалы, 1936, с. 156]. Это единственный случай подобного титулования Ишима². Во всех других источниках он предстает как царевич. К тому же нам известно, что его старший брат Али умер в 1649 г., оставаясь до конца дней, по некоторым сведениям, «царем Сибирским». Может быть, здесь сказались какие-то амбиции Ишима. Однако условия его жизни абсолютно не соответствовали притязаниям на монарший ранг.

Полагаем при этом, что династические права Ишима (равно как и его братьев, сыновей и племянников) были неоспоримы уже просто исходя из факта принадлежности к династии «природных» ханов Чингисидов. Поэтому едва ли можно согласиться с теми авторами, которые отказывают Кучумовичам, оставшимся в Сибири в «особых (? — В. Т.) правах на сибирский престол» только из-за того, что первоочередные обладатели этих прав были вывезены в Россию (см.: [Раев, Резун, 2004, с. 14]). Во всяком случае, Ишим обладал не меньшими основаниями претендовать на ханский ранг, чем его мало-летние братья, попавшие в плен вместе с гаремом Кучума в 1598 г.

¹ См., напр.: [Катанаев, 1893, с. 61; Щеглов, 1993, с. 60].

² Предполагаем, что в тексте источника описка: «царь» вместо «царевич». Но возможно, что в данном случае каким-то образом смешались сведения об Ишиме б. Кучуме и его тезке — одном из тогдашних казахских ханов (несомненных «царей»).

Дело еще в том, что Ишим не имел почти никакой опоры и поддержки, кроме калмыцких тайшей, и жил с семьей и немногочисленной свитой в калмыцких кочевьях или неподалеку от них. Соответственно, и действовать он вынужден был с оглядкой на своих покровителей. Очевидцы в 1616 г. передавали, что «Ишим царевич живет ныне в Колмацкой земле и кочует с колмаки. А колмацкие люди его почитают. А людей его с ним только... 15 человек». Совместно с ним кочевали улусы двух тайшей с пятью сотнями воинов [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 53; Материалы, 1936, с. 156–157]. Не случайно военные экспедиции против Ишима 1600–1610-х гг. в русских документах представлены как «колмацкая служба», «колмацкий поход» [Резун, Люди, 2002, с. 19–20]. Подчиненное положение царевича иллюстрируется тем обстоятельством, что переговоры о его выдаче русские власти иногда вели с его калмыцкими патронами [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 71, 138–139]. Вместе с калмыцкой конницей Ишим ходил воевать с казахами и туркменами [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 105, 133; РИБ, т. II, стб. 456]. В 1620 г. калмыцкие послы в Уфе шертовали за своих сюзеренов Хо-Урлюка и Чохура, а заодно и за Ишима [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 102–103]. На протяжении 1616–1623 гг. его местопребывание фиксируется «у Семи Палат», по берегам Ишима и Тобола (в семи «днищах» от Тюмени) [Миллер, 2000, с. 348; РИБ, т. II, стб. 454; Русско-монгольские, 1959, с. 123; Щеглов, 1993, с. 60], т. е. в тогдашней области торгутских кочевий.

Иногда между ним и тайшами происходили ссоры (прежде всего, из-за нежелания последних участвовать в борьбе за возвращение царевичу его исконных подданных из-под власти «неверных»), и он обиженно откочевывал прочь (см.: [РГАДА, ф. 214, стб. 5, л. 267; Русско-монгольские, 1959, с. 119; Материалы, 1936, с. 158; Миллер, 2000, с. 350])¹. В такие моменты он тяготился своим положением фактического приживала у новых хозяев степей и подумывал о переселении в Россию — вслед за несколькими своими братьями. Однажды он откровенно заявил присланному из Уфы толмачу: «А мое... житье видишь ты сам,

¹ В 1623 г. тайши объясняли Ишиму свой отказ от нападения на Уфимский уезд натиском со стороны враждебных монголов-чахаров. На отношении тайшей к царевичу сказывались и разногласия с ним. В том же году один из них шертовал на том, чтобы «унимать Ишима» от набегов, а если «от того не уймаца», то поймать его и выдать воеводам [Русско-монгольские, 1959, с. 125].

здесь бы... лег, а при государственной бы... милости встал...» [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 105]. Однако проходило время, и мысли выехать в Московское государство оставляли его.

Ишима удерживали «в Колмаках», кроме прочего, и родственные связи. Выше упоминалось, что за него выдал дочь предводитель торговцев Хо-Урлюк. Но через несколько лет, во время отсутствия царевича, «та... ево жона покинула да шла без нево замуж» [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 105]¹. Тогда Ишим взял в жены сестру владетельных князей из другого ойратского племени — хошутов, Чохура и Байбагаса². Новые родичи служили ему в общем надежной опорой. В лагере Чохура он жил, и тот отказывался удерживать его от набегов; Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 105, 138–139; РИБ, т. VIII, стб. 437]. Как докладывал в отписке на государево имя тобольский воевода в 1634/1635 г., «Кучюмовы внучата поженились в колмаках у болших тайшей на ближнем племяни». При этом из калмыцких кочевий шли вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людьми подмогут. А **Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею** и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 600–601]³. Родство и близкие отношения с хошутскими братьями-тайшами были

¹ Как отмечает М. М. Батмаев, «разводы не были редкостью в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. и могли вызываться различными причинами: от бездетности или длительной болезни одного из супругов до тривиального “не сошлись характерами”. Инициатива... чаще всего исходила от мужей и реже от жен. Некоторые супруги расставались со своей половиной без всяких видимых причин и объяснений» [Батмаев, 1993, с. 58].

² Истинная племенная принадлежность этих тайшей установлена Д. Мияваки (см.: [История, 2009, с. 286]). До того они считались сыновьями могущественного правителя чоросов Хара-Хулы.

³ Автор одного из первых очерков истории ойратов Н. Я. Бичурин приписывал Хо-Урлюку обоснование исконных прав на сибирские земли. Тот, якобы «почитая земли прежнего Кучумова царства давнею собственностью элютов (т. е. ойратов. — В. Т.), пришел основать на оных новое государство» [Бичурин, 1991, с. 76]. При этом Н. Я. Бичурин ссылаясь на «Сибирскую историю» И. Э. Фишера, где утверждается, будто «калмаки поселились не только в верхних местах рек Иртыша, Ишима и Тобола, но и в самых пределах российского владения, **думая, что они имеют на них право как на собственные свои древние земли**» [Фишер, 1774, с. 410]. Фишер же, в свою очередь, не назвал источник этих сведений. Сведения, которые имеются в

выгодными для сибирских царевичей еще и потому, что Байбагас в то время занимал должность чулган-дарги — председателя общеойратского съезда князей.

Дополнительным стимулом для Ишима сотрудничать с калмыками была их военная сила, позволявшая как поживиться в набегах, так и напомнить окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие «напоминания» адресовались башкирам. Ведь, по убеждению Ишима, исходя из сказанного им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских волостях, «тех волостей люди его холопи» [Устюгов, 1947, с. 46]. Особенно это касалось башкир-табынцев, которые некогда имели тесные отношения с Кучумом. От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с сынрянцев Катайской волости, а иначе «вас... Ишим царевичь учнет воевати, а ныне... Ишим пошел в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати» [РИБ, т. II, стб. 446–447]. Правда, царевич пробовал приписать набеги и требования ясака с башкир самовольству калмыков и своей зависимостью от них («Приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, и яз... с ними приходил на башкирские волости едино да и то неволею» [Русско-монгольские, 1959, с. 105]). Но вся история отношений Кучумовичей с башкирами свидетельствует о неискренности этих отговорок. Нашупывая слабые места в обороне пограничных уездов, сибирские царевичи предпринимали попытки объясачить местное население.

Жертвой нападений стала и угасающая Ногайская Орда. В 1622 г. калмыцкая рать числом 800 всадников, под командованием Ишима и тайши Дюргэчи-Кундулена-Убаши («Тленчея») — брата Байбагаса, ворвалась в район бывшей ногайской столицы Сарайчика, которая уже 40 лет лежала в развалинах, и «погромила» тамошних оседлых жителей (т. н. *тумаков*) [История, 2005, с. 283]. Впрочем, к тому времени ногайского населения в тех местах почти не осталось.

Память об утраченном юрте вызвала сибирцев к отвоеванию, прежде всего, собственно сибирских местностей. В отношении их Ишим также предъявлял притязания на понятных основаниях («а татар... называл отца своего и своими природными холопи и говорил,

нашем распоряжении, не дают оснований видеть в ойратской миграции кампанию за овладение «своими древними землями».

как бы ему мочно своей вотчины достигнути» [Материалы, 1936, с. 89]). Здесь еще нужно учитывать соображения мести Кучумовичей русским: «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, ему де, Ишиму, приходится за то на государевы города войною» [РИБ, т. II, стб. 456]. При этом участие в степных военных кампаниях ойратов сулило царевичам большие гарантии успеха и большие трофеи, чем в рискованных столкновениях с русскими крепостными гарнизонами. Показательно, что свои только что процитированные реваншистские замыслы Ишим сформулировал в разговоре с воинами дербетского тайши Далай-Батыра во время совместного похода на туркмен в 1624 г.

В военных экспедициях 1610–1620-х гг. основную ударную силу царевича составляли калмыки, и изредка упоминаются ногаи. В ответ из Тобольска и Тары снаряжались успешные военные экспедиции¹. Служилые настигали нападавших, сурово расправлялись с ними, порой врываясь в калмыцкие стойбища и угоняя людей и скот — лошадей и верблюдов.

Заметим, что сами калмыцкие предводители в то время не проявляли особенной агрессивности по отношению к российским подданным. Тогдашний глава сибирского объединения ойратов — дербетский Далай-Батыр-тайша обменивался с русскими дружественными посольствами и договаривался о беспрепятственной торговле с Московией, видя главную опасность в традиционных неприятелях ойратов — казахах и восточных монголах (государстве Алтын-хана). Кроме того, среди тайшей то и дело вспыхивали междоусобные раздоры, отвлекавшие их энергию от внешнеполитических предприятий.

Однако нужно учитывать, что миролюбие по отношению к русским не было присуще многим «младшим» тайшам, которые, случалось, предпринимали набеги на «сибирскую украину» без ведома вышестоящих предводителей (при этом, чтобы не злить лишний раз воевод, приписывая нападения Кучумовичам [Пестерев, 2017, с. 90]). К тому же, в 1620 г. в степи между Иртышом, Ишимом и Яиком, к рубежам Уфимского и Тарского уездов прикочевала с юго-востока

¹ Об этих конфликтах см.: [РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 165, 167 об., 168, 193; стб. 5. Л. 267; Миллер, 2000, с. 43, 300; Русско-монгольские, 1959, с. 76–77; ДАИ, т. 1, стб. 427].

очередная многолюдная группировка ойратов — хошуты во главе с Байбагасом и Чохуром, с которыми, как говорилось выше, вскоре породнился царевич Ишим. Причины этой миграции оставались прежние: разногласия среди ойратских аристократов и поражения от врагов — на сей раз от казахского хана.

При всех сложностях во взаимоотношениях, русские власти не оставляли стараний склонить Ишима к примирению и покорности, о чем к воеводам регулярно шли призывы из Москвы. В 1616 г. царевич, казалось, уже был готов подчиниться царю, но затем из-за давления калмыков передумал. В 1620 г. его посол вместе с эмиссарами торгутского Хо-Урлюка и хошутского Чохура давал в Уфе торжественное обещание (шертовал) не нападать на башкир и перейти «под государеву руку». Зная переменчивость Ишима, воевода отпустил восвояси калмыков, но задержал его посла, направив московскому начальству запрос о дальнейших действиях. Этот посол находился в фактическом заложничестве около трех лет, а внятных рекомендаций из столицы почему-то не поступало¹. Ишим подумывал о нападении на уфимские места в отместку за эту проволочку и злился на своих новых ойратских родичей за их безучастное отношение к унижительному положению, в котором он оказался.

Судя по всему, в таком нервном и неопределенном состоянии царевич и закончил свои дни. В августе 1624 г. в Тобольск поступило известие от служилых, будто «Ишим царевич умер в прошлом в 132-м году (1623 / 1624. — В. Т.)». То же подтвердили затем калмыцкие послы. Вдова Ишима с тремя сыновьями: Аблаем (Аблагиримом, Аблагиреем, т. е. Абулай-Гиреем), Тауке (Тявкой, т. е. Таваккулом) и Исламом осталась жить в улусе своего брата, хошутского тайши Чохура [РГАДА, ф. 214, кн. 6, л. 94 об., 95 об., 96]. Эти трое Кучумовичей в младенчестве находились при матери-ойратке, а теперь и обосновались в ойратских кочевьях.

С конца 1620-х гг. они включились в активную политику. Самым заметным был Аблай, который, вероятно, в поколении Кучумовых внуков являлся (или считался) в то время старшим. Он женился и после этого, по степным обычаям, отделился от родительского стойбища — «учал кочевать о себе», взяв на содержание подростка Ис-

¹ Об этой ситуации см.: [Материалы, 1936, с. 158–159; Миллер, 2000, с. 350; Русско-монгольские отношения, 1959, с. 119–120].

лама [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 503–504]¹. Его ставка обычно располагалась в трех неделях пути от Тюмени, «за рекою за Ишимом... на озере на Енкылы» [РГАДА, ф. 214, стб. 525, л. 16]. «Казачествующие» в степях удалыцы из ближних и дальних краев тянулись к Аблаю — смелому принцу-воину, который самоотверженно боролся с завоевателями его родины, не боялся крови, добывал в походах трофеи и полон, да еще и пользовался покровительством могущественных гегемонов той части Центральной Азии — ойратов.

Это покровительство часто выражалось в предоставлении тайшами своих воинов царевичам для набегов на сибирские волости. Отмечена численность Аблаева воинства в 1634 г. в 500 человек, и столько же находилось под его началом калмыков [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 90, 517]. Впрочем, очевидцы порой отмечали гораздо меньшую численность жителей его улуса: «а с ними (семьей Аблая. — В. Т.) немногие люди, бойцов толко человек з десять» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 500]². Но здесь могли сказываться как прератности «казачьей» жизни (зависимость от успехов и поражений), так и особенности кочевнического образа жизни, когда для собственного прокормления и выпаса скота семьям-хозяйствам было целесообразно держаться порознь.

Кроме того, в Барабинской степи, в трех острожках на озере Икуль и речке Карагат, проживали 50 семей местных татар, признававших верховенство Аблая и его покровителей-тайшей [РГАДА, ф. 214, стб. 31, л. 608]³. В 1634 г. к Аблаю присоединились 59 семей башкир, которые отъехали из-под власти воевод во время проводившегося теми ясачного сбора [Устюгов, 1947, с. 36–37]. Присоединялись к нему и тюменские ясачные татары, что представляло повышенную военную опасность из-за хорошего знания ими местности — фактически театра военных действий («а тамошние... места им все ведомы» [РГАДА, ф. 214, стб. 37, л. 289; стб. 656, л. 117]).

¹ Тауке в то же время перебрался жить к своему двоюродному брату Девлет-Гирею б. Чуваку б. Кучуму.

² Впрочем, цитируемый рассказ беглых полоняников описывает стойбище без хозяина, который отсутствовал, — скорее всего, ушел в поход с основной массой «подданных».

³ В 1630 г. эти острожки были разорены казачьим отрядом, посланным томским воеводой.

Наметился альянс царевича с правителями алтайцев-телеутов («белых калмыков»).

Часто вместе с Аблаем действовал его двоюродный брат Девлет-Гирей б. Чувак, о котором рассказ впереди. Военные и дипломатические предприятия этих царевичей были неразрывно связаны с ойратским племенным сообществом в целом, а не только с сибирскими калмыками, так как иногда в набегах принимали участие джунгары (чоросы, или «черные калмыки» в русской терминологии того времени). Как и при Ишиме, ойратская конница составляла костяк отрядов, нападавших на российское пограничье в Юго-Западной Сибири. Покровителями татарского принца были тайши Хо-Урлюк торгутский и Байбагас хошутский, некогда тесно связанные с его отцом Ишимом.

В источниках конца 1620-х — первой половины 1630-х гг. отмечена целая полоса ежегодных нападений Аблая на поселения в зауральских и сибирских степях. Цель набегов теперь состояла вовсе не в борьбе за восстановление независимости Сибирского юрта (в такой задаче тайши едва ли поспособствовали бы ему), но в том, чтобы «с юртовских и с волостных татар, и с барабинцов на тех тайшей... ясак збирати» [Миллер, 2000, с. 418]. Кроме того, царевичу казалось, что он может вызволить своего двоюродного брата Хансюера б. Али. Тот попал в плен в 1598 г., был вывезен в Москву и испомещен в Касимовском уезде. В 1615 г., находясь в составе дворянского ополчения во время военных действий под Смоленском, Хансюер отъехал в Литву, а оттуда в Крым. Во время междоусобицы в Крымском ханстве он откочевал в приазовские степи, где попал в плен к казакам, которые передали его в руки московских властей. В 1630 г. для проживания «под приставом» (присмотром, т. е. в ссылке с мягким режимом) ему был определен Соликамск (Соль Камская). Там для царевича построили специальную избу, где его содержали под стражей [Беляков, 2005, с. 30; Беляков, 2011, с. 70]. Вот из соликамского-то заточения и надеялся Аблай освободить кузена при набеге.

В ноябре 1629 г. Аблай с войском татар, барабинцев и джунгар 3 дня осаждал Чатский городок (где размещался русский гарнизон из 20 чел.), пока его не отогнали томские служилые [Миллер, 2000, с. 116–117, 419–421; РГАДА, ф. 214, стб. 31, л. 322–323; стб. 84, л. 189–190, 192]. Аблай нападал на ясачные волости, угонял пленных

и лошадей и в последующие годы. Эти разорения зафиксированы довольно подробно, так как служили для местного населения предлогом, чтобы просить у властей льгот по налогообложению из-за убытков, нанесенных царевичем¹. Крупнейшими военными акциями можно считать осаду Аблаем и Девлет-Гиреем Тюмени 1634 г. и осаду калмыками в том же году Тары, в которой участвовал и Аблай [Миллер, 2000, с. 11, 125]². Вскоре после этого, в июне 1635 г. он вместе с братом Тауке двинулся на Уфу. Навстречу им выступили служилые городского гарнизона во главе с Ф. Коловским. На расстоянии ок. 15 верст от крепости, выше по р. Уфе, произошел жестокий бой, где обе стороны понесли большие потери. Царевичи в течение 10 дней оборонялись в близлежащем лесу (который с тех пор стал называться Аблаевым), но были взяты в плен и доставлены в Уфу вместе с 54 пленными калмыками [Миллер, 2000, с. 126; Рычков, 1999, с. 52]. На этот раз власти не собирались выпускать из рук знатных пленников.

Могущественный хошутский тайша, чулган-дарга Туру Байху Гуши (Куйша) требовал освободить Кучумовых внуков, обещая в противном случае разорить сибирские уезды. Он состоял с ними в родстве: их мать, жена покойного Ишима, была, как показывали на допросе в Тобольске пленные татары, «Куйше тайше родная племянница» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 506]³. Но эти угрозы не возы-

¹ См., напр.: [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 370–371].

² В ходе раскопок исторического центра г. Тары в 2009–2010 гг. были обнаружены железные и костяные наконечники стрел, а в подгородной части местные любители старины собрали немало пищальных пуль. Это свидетельствует о неоднократных попытках Кучумовичей и других кочевников из казахстанских степей овладеть городом [Татауров, 2011, с. 78].

³ Кажется, информаторы ошиблись в определении степени родства: Туру Байху Гуши был младшим братом Байбагаса и Чохура, на сестре которых Ишим женился (см. выше). Хотя в данном случае племянничество могло означать вообще нахождение в близком родстве («в ближнем племяни», как говорили в XVII в.).

По мнению В. Д. Пузанова, Туру Байху Гуши, будучи сюзереном Кучумовичей, «рассматривал себя в качестве повелителя Сибири, в случае изгнания оттуда русских» [Пузанов, 2010, с. 92]. Подобные амбиции этого тайши представляются нам сомнительными, так как они в любой момент могли быть оспорены влиятельными главами других ойратских объединений, прежде всего торгутским Хо-Урлюком, дербетским Далай-Батыром и, возможно, чоросским (джунгарским) Батуром-хунтайжди.

мели действия. Царевичей увезли «на Русь» и сослали в северные города: Абляя — в Белоозеро, Тауке — в Каргополь [Русско-монгольские, 1974, с. 27, 176, 301, 410; Щеглов, 1993, с. 71]. В 1650 г. их родственникам в Сибири сообщили, что «Аблай на Москве умер» [Миллер, 2005, с. 336]. (Возможно, что Москва здесь упомянута в переносном смысле — как синоним Руси.)

С рубежа 1620–1630-х гг. все более заметным в сибирских событиях становится внук Кучума Девлет-Гирей б. Чувак. Это один из немногих Кучумовичей из числа не осевших в Московском государстве, которому в историографии посвящена специальная работа, — небольшая статья Д. А. Васькова. По наблюдениям данного исследователя, впервые этот царевич, сразу проявивший себя как непримиримый враг русских, возникает на страницах источников при описании русско-татарско-калмыцких стычек 1631 г. — боев в Барабе и набегов на тарские волости под командованием Абляя [Васьков, 1999, с. 17]. На самом деле, Девлет-Гирея заметили немного раньше: в сентябре 1629 г. некий татарин, побывавший в совместном кочевье Абляя и Девлет-Гирея, сообщил, что оба они собрались было идти на русские города, но набег пришлось отложить из-за опасности удара в тыл со стороны казахов [Миллер, 2000, с. 124, 481]. Здесь сделаем небольшое отступление.

Опасность такого удара представляется реальной. Дело в том, что в той зоне Евразийской степи практиковался необычный цикл кочевания. На зиму скотоводы переселялись и перегоняли стада и табуны не в южные местности, как это было в других регионах Дешт-и Кипчака [Масанов, 1995, с. 88–89], а в северные. Как отписывал царю в 1614 г. самарский воевода о ногах-Алтыулах, каракалпаках, казахах и «шибанских людях» (северных узбеках), «живут они... зимнею порою под Сибирью» [Памятники, 1892, с. 169]¹. Эту особенность объяснил в своих исследованиях В. И. Соболев [Молодин, Соболев, 1986, с. 123; Соболев, 2008, с. 191]. Во-первых, в Прииртышье и Притоболье не бывает засух, продуктивность лугов здесь выше и более устойчива, и, следовательно, на зимний период хорошо сохраняется кормовая база. Во-вторых, предтаежная зона более благоприятна для

¹ В XVII в. кочевья каракалпаков простирались гораздо севернее их современного расселения, достигая верховьев Яика и Эмбы, т. е. нынешних территорий Башкирии и Западного Казахстана.

земледелия, которым занималась часть населения, не участвовавшая в перекочевках. В-третьих, в этих лесостепных районах распространены таежные виды животных, что давало возможность заниматься охотничьим промыслом, который играл важную роль в экономике кочевников. Так что массы казахов действительно приближались каждый год к местам проживания Кучумовичей.

Кроме того, в северные степи периодически откатывались группы ойратов, потерпевших поражение в междоусобных срагах, разгоревшихся с особенной силой в 1620-х гг.

Заметным эпизодом в сибирской истории стало участие Кучумовичей в мятежах местных народов конца 1620-х — начала 1630-х гг. К тому времени российская администрация в Юго-Западной Сибири достаточно укрепилась и все менее связывала себя ограничениями, диктуемыми правительственными инстанциями по отношению к коренному населению края: строгим соблюдением норм ясачных выплат, неприменением насилия по отношению к ясачным, и т. д. Те татары, что были привлечены к военной службе, тяготились ей, а также считали неоправданно низкими свои служебные оклады. В среде тюрков нарастали протестные настроения, и этим попытались воспользоваться «казачествующие» царевичи.

Еще в 1627 г. ясачные барабинцы, разозленные обидами от воеводы Ю. И. Шаховского, намеревались сжечь г. Тару [Аполлова, 1976, с. 94]. А в 1628 г. возмущение тарских и томских татар (аялынцева, барабинцев и чатов) стало принимать открытые формы. В историографии это их движение принято называть восстанием. Его причинам и ходу, а также участию в нем Кучумовичей посвящена статья К. В. Волковой [Волкова, 1965]¹. Оно началось без участия Кучумовичей. Тарские ясачные татары, возмущенные требованиями непосильного ясака, «юрты свои пожгли и откочевали с своих вотчин прочь» [РГАДА, ф. 214, стб. 3, л. 354]. Предводители татар — барабинский «князец» Когутай, Кочаш Танатаров и Наврус Евгаштин — вступили в переговоры с Аблаем, Девлет-Гиреем и Тауке. В начале 1629 г. 400 тарских татар собрались на берегу озера Чаны, куда пригласили и Аблая. Было заключено соглашение о совместных действиях, и Аблай, как утверждает К. В. Волкова, принял ханский титул [Волкова, 1965, с. 121] (упоминаний об этом нам в источниках не встретилось). При

¹ См. также: [Уманский, 1973, с. 112–119].

этом мятежники сознавали, что реальной силой обладают вовсе не Кучумовы «внучата», а калмыцкие тайши. Поэтому в анонимной «Повести о городах Таре и Тюмени», написанной примерно в конце 1630-х гг., говорится, будто К. Танатаров переселился «в землю Колмацкую» и уговорил напасть на Тару одного из тайшей [Сперанский, 1932, с. 27]. Но «внучата» своим присутствием в рядах восставших придавали движению династическую легитимность.

К лету 1629 г. Аблай уехал в свои кочевья, чем воспользовались тобольские и тарские наместники. Внезапным ударом, не дав мятежникам оповестить нового «хана», стрельцы разгромили их становище у Чан. В ответ Аблай решил напасть на Томск. В преддверии нашествия, чатские мирзы начали грабить волости Томского уезда. Но позднее планы кампании изменились. Аблай вступил в альянс с влиятельным чатским мирзой Тарлавом, посетив его в августе в Чатском городке во главе отряда из 130 татар и калмыков. К нему сходились единомышленники, и вскоре под его началом собралось ок. 1000 чел. [РГАДА, ф. 214, стб. 3, л. 494; РИБ, т. VIII, стб. 672]. Теперь чаты и Аблай намеревались совместными силами захватить Тару. Не дожидаясь, пока противник соберется с силами, зимой 1629/1630 г. томские стрельцы, казаки и служилые татары взяли три острожка отложившихся татар-тарцев. Те раскололись: одни примкнули к калмыкам, другие (включая Танатарова) ушли к Аблаю, третьи решили прекратить борьбу и выехали «на государево имя». Татарин-информатор докладывал, что тарские татары, барабинцы, чаты и калмыки «от Ишимова сына отъезжают для кормов на старые свои места» [РГАДА, ф. 214, стб. 3, л. 494]. Так что дополнительной причиной угасания мятежа стала невозможность для тысячи воинов прокормиться, находясь постоянно в совместном кочевании.

Союз с главой бунтарей-чатов Тарлавом не принес царевичам никаких успехов. В 1630 г., в результате нескольких походов из Томска, силы «изменника Тарлавки» были рассеяны, сам он погиб, а Аблай удалился на безопасное расстояние от русских¹. На этом восстание в целом прекратилось.

В те же годы против русской власти в Сибири активно выступил тесть Тарлава, телеутский князь Абак. Причина антирусского

¹ Подробнее см.: [РГАДА, ф. 214, стб. 31, л. 322–323, 595; Бояршинова, 1950, с. 109–110; Уманский, 1973, с. 121–129; Худяков, 2010, с. 55].

настроя Абака и других вождей телеутов заключалась в ясачном обложении воеводами шорцев и прочих племен Северного Алтая, которых телеутские предводители считали своими исконными данниками (*кыштымами*). Телеуты («белые калмыки») получили от Аблая предложение присоединиться к союзу калмыков и татар в июне 1629 г. Это было мощное пополнение — 550 всадников. Правда, жителей алтайских предгорий мало интересовали походы к далеким Таре и Тюмени, главными объектами их нападений суждено было стать Томску и Кузнецку. Кроме того, Абак рассчитывал распространить свое влияние на Барабу. Однако силы Кучумовичей были слишком малы, чтобы помочь ему воплотить в жизнь эти планы, да Аблай и не собирался делиться с телеутами доходами с барабинцев, с которых он собирал ясак в пользу свою и тайшей. Не желал он направлять своих подданных и против Томска — главного объекта воинственных замыслов Абака.

А. П. Уманский считал последнего «опытным дирижером» всего повстанческого движения на юге Сибири рубежа 1620-х — 1630-х гг. Иной точки зрения придерживался одно время Л. П. Потапов, видя в Кучумовичах «вдохновителей и организаторов восстаний» [Потапов, 1953, с. 171]. Но впоследствии подход этого исследователя изменился: сибирские царевичи («разбежавшиеся князья из ханского дома Кучума») являлись, по его мнению, марионетками в руках «некоторых ойратских феодалов», стремившихся захватить пастбища в регионе [Потапов, 1969, с. 97]. Хотя принимать Кучумовичей за абсолютных марионеток при тайшах кажется преувеличением их зависимости, в целом мы солидарны с позднейшей интерпретацией Л. П. Потапова. Известные нам источники (как, кстати, и данные, приводимые А. П. Уманским) обнаруживают ничтожность собственных сибирско-татарских сил под началом царевичей. Они были окружены воинами-ойратами и отрядами местных племен с собственными предводителями, каждый из которых был волен привести и увести своих сородичей, участвовать в очередном походе или переждать. В политике постоянного лавирования чатских, барабинских и телеутских лидеров между русскими и ойратами представители «дома Кучума» занимали далеко не первое место.

Вся картина мятежей, пожалуй, не позволяет считать их какой-то целевой кампанией, руководимой из единого центра. Все-таки главной военно-политической силой в регионе являлись в то время

ойраты (калмыки и джунгары). Без опоры на них невозможно было рассчитывать на успех в борьбе с русскими гарнизонами новых сибирских крепостей. Абак же, судя по источникам, практически не имел активных контактов со своими ойратскими соседями, а Кучумовичи находились в столь сложных отношениях с ними, что едва ли можно принять подобные отношения за антирусскую коалицию. К тому же ойратам в то время было не до татарско-телеутских воинственных планов: чоросы во главе с Хара-Хулой вели тяжелые бои с казахами и монгольским Алтын-ханом, а дербеты Далай-Батыра вступили в конфликт с торгутами Хо-Урлюка.

В конце концов, царевичи и Абак разочаровались друг в друге, и весной 1631 г. их союз распался¹.

По некоторым сведениям, позднее Девлет-Гирей б. Чувак тоже поддерживал связи с потенциальными мятежниками в Сибири и Поволжье: вогулами, остяками², самоедами, башкирами, черемисами. У царевича сохранялись связи (в том числе, торговые) с Бухарой, где жила его сестра [Миллер, 2000, с. 118, 127]. Недовольство российским правлением зрело и в других регионах Московского государства, населенных тюрками. О протестных настроениях было известно в Крыму. В 1658 г. крымский хан Мухаммед-Гирей IV предлагал польскому королю Яну Казимиру воевать с Московией, обещая, что в этом его и хана поддержат «Астрахань, Казань, Терек и Тура, и сколько мусульманских областей, и татарский, и ногайский народы»³. Под встречавшейся уже нам Турой здесь вновь подразумевался Сибирский юрт. Следовательно, Гирей отводили Кучумовичам определенное место в своих геополитических проектах.

Девлет-Гирей часто жил вместе с Аблаем или с кем-нибудь из тайшей в верховьях Ишима или в озерном краю между Тоболом и Миассом. Из высокородных калмыков наиболее близки ему были дербетский тайша Далай-Батыр и его вассалы. Но иногда царевич кочевал и самостоятельно. Порой братья-Кучумовичи из-за ссор

¹ О временном союзе Абака и Кучумовичей см. подробнее: [Уманский, 1973, с. 106–111; Уманский, 1980, с. 46–47].

² Сводку сведений о контактах Кучумовичей с остяками в XVII в. см.: [Перевалова, 1998].

³ Перевод С. Ф. Фаизова [Фаизов, 2003, с. 102, 109 (*Адждерхан ве Казан ве Терек ве Тура ве хар на кадар мусулман вилайетларе ве татар ве ну-гай халкы*)].

разъезжались (но потом мирились и опять воссоединялись). Примером такого разлада служит ситуация лета 1634 г., когда «бранились Абла з Девлеткиреем — для чево де он, Девлеткирей, без ево, Аблина, ведома посылает на государевы волости людеи своих» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 512]. Однако тем же летом «Аблины караулы» высмотрели в степи русский отряд, двигавшийся «по сакме вверх по Ишиму», и известили Девлет-Гирея, который, очевидно, находился неподалеку. Тот, «собрався с колмацкими людьми и с... тарскими татары, встретил их (русских. — *В. Т.*), не допустя Аблины улусы», и принял бой [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 501]¹. Так что при возникновении опасности братья забывали о раздорах.

Так же, как некогда у Ишима б. Кучума, состав «подданных» обоих царевичей был неоднородным. В их кочевьях обретались представители разных тюркских народов и калмыки: у Девлет-Гирея — «тарские юртовские татарове... да колмацкие люди и трухменцы и Казацьи Орды люди, а всех... их человек с полтораста»; у Абляя видели «колмаков и трухменцов и Казацьи Орды и тем, что иманы в Уфинском и Тюменском уезде (т. е. башкир и татар. — *В. Т.*), человек с шездесят или с семьдесят» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 511–512] (в другом документе — «человек с пятьдесят или с шездесят» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 505]).

Вместе с разноплеменным «казачьим» сообществом соратников они старались держаться подальше от объектов своих регулярных нападений — ясачных волостей Южного Урала и Юго-Западной Сибири. Некоторым заслоном от ответных походов служивых являлись для них калмыцкие кочевья, которые во второй четверти XVII в. все более заполняли степное пространство бывшего Дешт-и Кипчака. В воеводских отписках отмечается, что, совершив набег «ис колмацких улусов», царевичи спешно удаляются «через Тобол... и через Ишим реки в степь за колмацкие ж улусы» [РГАДА, ф. 214, стб. 37, л. 268]. В ответ на упреки русских в пособничестве, тайши оправдывались, что «Кучюмовы внучата... кочюют собою, своим улусом» [РГАДА, ф. 214, стб. 37, л. 269], т. е. якобы независимо от своих калмыцких покровителей и союзников. На самом же деле, время от времени, особенно после очередного набега на российские провинции, братья присоединялись к ойратским кочевым общинам,

¹ Чем закончился этот инцидент, неизвестно, так как столбец оборван.

«боясь войны от русских людей» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 506], — пытаясь спрятаться за спинами калмыков.

Нападения «внучат» на ясачных плательщиков, угон и сманивание ими жителей пограничных местностей не могли не вызывать напряженности в русско-калмыцких отношениях. Власти понимали реальный расклад сил и старались утихомирить воинственный пыл царевичей, воздействуя на них через тайшей. Калмыцким предводителям в налаживании контактов с пограничными воеводами тоже мешало набеговое буйство Кучумовичей. Неоднократно последним объявлялся строгий запрет на грабительские рейды. Весной 1634 г. Аблай и Девлет-Гирей переманили к себе некоторое число тарских ясачных татар. Тайши Турген и Батур вызвали их на съезд ойратской знати, где царевичам было объявлено, что своими бесчинствами они вносят раскол между московским государем и могущественным Далай-Батыром. Им было приказано вернуть весь полон и распустить по домам «людей четырех городов — тоболских и тюменских и тарских и уфинских», которые обретаются в их кочевьях. В противном случае, освобождением пленных и беглых займется сам Далай-Батыр [РГАДА, ф. 214, стб. 37, л. 498]. Впрочем, миролюбие и готовность к переговорам в политике тайшей часто чередовались с их воинственностью и агрессивностью. Те годы отмечены нападениями на пограничные уезды в том числе и калмыков, к которым с готовностью присоединялись Кучумовичи.

Патронат над беспокойными «казаками» приносил тайшам пользу в виде не только военного подкрепления (весьма незначительного) во время конфликтов с казаками и русскими, но и некоторого материального пополнения. Ведь смысл сманивания российских ясачных в степные стойбища состоял в увеличении плательщиков ясака в пользу как царевичей, так и тайшей. Известны случаи доставления ясака Девлет-Гиреем к его калмыцким покровителям¹. Последние справедливо расценивались им и его родичами как наиболее могущественная сила в Дешт-и Кипчаке. Громя раздробленных и отступающих ногаев, калмыки все более уверенно занимали степи между Иртышом и Волгой, одновременно не оставляя попыток захватить пастбища в Юго-Западной Сибири и на Южном Урале.

¹ См., напр.: [Русско-монгольские, 1974, с. 177].

Русские власти с переменным успехом старались остановить экспансию в направлении российских владений и защитить государевых подданных-«иноземцев», прежде всего — башкир. На степном пограничье увеличивали численность и оснащённость крепостных гарнизонов, на службу в них направляли стрельцов и служилых из западных районов Московского царства, что было необходимо в условиях, когда тайши претендовали на часть башкирских земель. Их притязания и набеги, равно как и усиление российского военного присутствия в регионе, предотвратили массовый переход башкирских родов на сторону ойратов. Надежный тыл в лице русских войск, гарантия охраны ими драгоценных вотчинных прав, дарованных московскими царями, послужили причиной верности большинства башкир российскому подданству.

Глава 5

Набеги, мятежи, переговоры

После захвата уфимцами Аблая и Тауке в 1635 г. Девлет-Гирей был полон решимости любой ценой вернуть пленников. Он то нападал на южноуральские волости (особенно активно в первой половине 1640-х гг.), то вступал с воеводами в переговоры. Воинство его состояло в основном из «государевых изменников» — тюменских и тарских татар [РГАДА, ф. 214, стб. 178, л. 129; Миллер, 2005, с. 362], выехавших из-под власти воевод. С калмыками он по-прежнему находился в союзе, но иногда держался особняком от них (хотя какое-то количество калмыков проживало в его улусе: в источниках упоминаются «царевичевы калмыцкие люди»). В 1635 г. джунгарский правитель Батурхунтайджи писал в Москву, что «царевич кочует от меня далече **на своей земле**» [Миллер, 2005, с. 23]. Эта «своя земля» в 1640–1650-х гг. обычно находилась в степях по берегам Ишима и Тургая; в 1643 г. было известно, что Девлет-Гирей пребывал «на старых кочевьях в Итыковых горах... от Тары до того урочища конем ехать 10 дней» [Пузанов, 2010, с. 215]. Под началом царевича постоянно пребывало от

100 до 200 человек [Миллер, 2005, с. 31, 357, 361; РГАДА, ф. 119, оп. 2, 1639 г., л. 14]¹. Рядом с ним постоянно держались родичи: сыновья Аблая Хансюер и Ачилей (Чучелей) и сын Ишима Абугай.

Хотя представители Девлет-Гирея и прибывали в русские города в составе калмыцких посольств, но требовали для себя отдельного от них постоя, а при переговорах всячески обличали тайшей, обвиняя их в неискреннем миролюбии, клевете на царевича, который на самом деле только якобы и стремится «царьскому величеству служить и прямити» [Русско-монгольские, 1974, с. 325]. Впрочем, никакой разрыв с калмыками был для Девлет-Гирея невозможен, и в источниках появляются упоминания о его близком соседстве (или иногда все-таки совместном кочевании) то с одним, то с другим тайшой.

Русские современники не видели в степных становищах царевичей самостоятельного политического образования (юрта) и воспринимали их как часть калмыцких владений. Аблай и Тауке были пленены «в калмыцких улусах»; уфимский воевода посылал к Девлет-Гирею гонцов «в калмыцкие улусы», и те возвращались в Уфу «ис Калмыков»; послов Девлет-Гирея в Москве в 1639 г. представляли как калмыцких послов.

Возможно, в определенные моменты он действительно склонялся к мысли смириться с верховенством «неверных» и даже перейти в российское подданство. Но разнообразные обстоятельства всякий раз препятствовали этому. Так, в 1648 г. один из ойратских аристократов предложил царевичу присоединиться к набегу на русские города. Тот отказался, сославшись на перспективу замирения с московским государем. В ответ тайша пригрозил забрать его в поход силой [Русско-монгольские, 1974, с. 328]. Другой тайша, Даян-Омбо, держал Девлет-Гирея при себе «за холопа место» [Васьков, 1999, с. 17]². Так что особенного почтения к нему калмыцкие предводители не испытывали. Несмотря на царственное происхождение Кучумовичей, тайши все менее считались с ними и с их интересами.

¹ Очевидно, это число только боеспособных мужчин; цифра в 200 человек названа информаторами при оценках численности отряда Девлет-Гирея, собравшегося в набег на сибирские города [Миллер, 2005, с. 30, 347].

² При этом Девлет-Гирей и Даян-Омбо вместе мобилизовали «калмыцких многих людей» для нападения на сибирские города и слободы [Миллер, 2005, с. 370]. После смерти своего отца Далай-Батыра в 1637 г., Даян-Омбо унаследовал верховную власть над дербетскими улусами.

Существенным стимулом для сближения Девлет-Гирея с русскими являлась забота о судьбе плененных братьев. В 1639 г., в условиях своей очередной размолвки с калмыками (которые к тому же тогда погрязли в междоусобных распрях), царевич прислал в Москву посольство с объявлением о намерении перейти «под царскую руку» и с пожеланием, чтобы «государь... велел ему кочевать, где он, государь, пожалует, велит ему кочевать». Таким образом, царевич выражал готовность признать за Михаилом Федоровичем прерогативу верховного кочевого сюзерена, который, по вековой традиции, имел полномочия определять маршруты сезонных передвижений подданных. Свои прошлые набеги он объяснял бедностью и молодым буйством. В то же время, послам Капланде и Ишею (последний направлен калмыцкой женой Аблая, «княгиней» Чагандар-Цаган-Дар) было поручено разведать, в каких условиях содержатся Аблай и Тауке¹. Царю предназначались дары — гнедой конь калмыцкой породы и бухарские ковры.

Во время переговоров в Посольском приказе в феврале 1639 г., татарские визитеры изложили дьякам намерение Девлет-Гирея признать верховенство над собой государя и просили дозволения съездить в Белоозеро и Каргополь, чтобы повидаться с пленными царевичами². Правительство признало такие встречи целесообразными, но они состоялись под пристальными взглядами русских сопровождающих, которые ловили каждое слово послов и их заточенных собеседников. Посланцы из степей уверяли Аблая и Тауке в мирных замыслах Девлет-Гирея и в готовности Чагандар отправиться к мужу в Россию вместе с детьми, как только она наверняка убедится в том, что он жив. Царевичи, в свою очередь, всячески одобряли такие намерения своих родственников и уверяли в милостивом отношении

¹ Вся документация, связанная с посольством Девлет-Гирея 1639 г., в Посольском приказе сгруппирована в составе Калмыцких дел. Публикацию этих материалов см.: [Трепавлов, 2012, прил.].

² Капланда и Ишей ссылались на грамоты Девлет-Гирея и Чагандар к царю, изъятые уфимским воеводой П. Ф. Волконским. Послание от Девлет-Гирея воевода отослал в Москву, но нигде в приказных документах оно более не фигурирует. О его содержании известно из краткого пересказа в позднейшей царской грамоте Волконскому (см.: [Трепавлов, 2012, с. 193–197]): царевич напоминал о верной службе своих предков московским государям и просил освободить Аблая и Тауке. Татарским послам в Москве пришлось излагать содержание грамот «речью», т. е. устно.

государя к сибирцам в случае их примирения с русскими. Жаловаться на свою участь узники не решились, разве что Аблай передал через послов осторожную просьбу, «чтоб государь пожаловал, велел мне быть где в ызбе, а не в тюрьме», дабы «мошно мне выйти куды погулять».

В качестве доказательства состоявшейся встречи, Аблай передал послам изображение родовой тамги (типичный позднеджучидский *тарак* — «гребень»), нарисованной им на бумаге, а Тауке — прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу. Впоследствии Аблаев рисунок и «коса волосов» Тауке были переданы русскими посланниками Девлет-Гирею и Чагандар. Листок с тамгой, начерченной Тауке, остался в архиве Посольского приказа [РГАДА, ф. 119, оп. 2, 1639 г., д. 2, л. 42а], отчего историки получили возможность видеть один из вариантов «герба» клана Кучумовичей, да еще и в виде «автографа».

По возвращении в Москву Капланда и Ишей 24 мая удостоились аудиенции у Михаила Федоровича. Прием прошел вполне торжественно для дипломатов подобного третьестепенного ранга: с возложением монаршей десницы на их головы, оделением их богатой одеждой, угощением медом и провизией («в стола место корм» — вместо пира, полагавшегося представителям более титулованных особ). При отъезде из столицы послам была вручена царская грамота для Девлет-Гирея. В ней излагалось предложение шертовать на Коране в том, чтобы «быти в нашем царском повеленье навеки неотступну». В ответ царь обещал адресата «держати в нашем царском милостивом жалованье и в призьенье и ото всех недругов... во обороне и в защищенье во всем». Кроме того, в грамоте содержался совет отпустить на Русь жену Аблая с детьми.

Послы отбыли из Москвы и не без приключений (в Коломне их поколотили пьяные ямщики) в июле добрались до Уфы. Государеву грамоту в татарские кочевья («в калмыцкие улусы», как выражались русские) поручили доставить уфимским служилым людям — Федору Тарбееву и толмачу Василию Киржацкому, которые сопровождали Капланду и Ишею в их многомесячном путешествии до Москвы и обратно.

К тому времени политическая ситуация в степях к югу от Башкирии существенно изменилась. Отношения Девлет-Гирея с тайшами вновь наладились. Один из них, некий Буян, явился с тремястами воинов в стан царевича в его отсутствие, как раз в то время,

когда туда прибыли уфимцы. Калмыки ограбили их, связали и принялись водить по степи с явно зловещими намерениями. Русских визитеров едва спасла от гибели жена Девлет-Гирея, а вскоре и он сам вернулся домой. 14 августа 1639 г. переговоры все-таки состоялись — с вручением адресатам тамги в исполнении Аблая и косы Тауке.

Оказалось, что от прежних примирительных настроений у Кучумова внука не осталось и следа. Во время встречи с Тарбеевым и Киржацким он «учинился государю кабы непослушен — против царского имени не встал и государеву грамоту принял и говорил сидя и не шертовал». От перехода в русское подданство и вообще от какого-либо признания верховенства московского монарха над собой Девлет-Гирей теперь отказывался, заявив, что «он у государя в холопстве быть не хочет, а хочет быть в миру и ссылатися послы». Таким образом, он видел себя правителем (чуть ли не равновеликим Михаилу Романову), который имеет основания рассчитывать на мирное соседство и дипломатические отношения с Россией. Девлет-Гирей соглашался отпустить Чагандар с тремя сыновьями к Аблаю, но при условии, что русские освободят Тауке и позволят ему вернуться на родину. Если же младший брат останется в плену, то он не только выпустит «княгиню» одну, без детей, но и станет нападать на сибирские города и башкирские волости. Более того, он пригрозил, что готов осадить Уфу: «учнет стоять под Уфинским городом 3 годы, и велит де ему государь Тевку царевича отдать и поневоли» [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 129, 134–135, 157–159].

Москва на это не пошла, и переговоры прекратились. Надзор («береженье») за пленными царевичами в Белоозере и Каргополе был усилен. Впоследствии, как уже говорилось, Аблай был перевезен в Москву, где и умер в 1649 г., уже будучи с 1645 г. крещеным князем Василием Ишимовичем [Беляков, 2011, с. 86]¹. Об этом Девлет-Гирей узнал от московского посла, специально приехавшего в его стан [Миллер, 2005, с. 30–32, 336]². Этому послу царевич принял довольно сурово и содержал впроголодь. Смерть Аблая-Василия, по резонному мнению А. В. Белякова, послужила толчком к агрессивности его родичей, оставшихся в Сибири [Беляков, 2011, с. 72].

¹ Как сложилась дальнейшая судьба Тауке, нам неизвестно.

² Подробнее см.: [Васьков, 2017].

От набегов Девлет-Гирея в основном страдали Тюменский и Уфимский уезды. По заведенному ранее порядку, походы совершались в период, когда можно было поживиться не только награбленным имуществом, но и урожаем с полей, а также собранным ясаком¹. Поэтому Кучумовичи (Девлет-Гирей с двоюродным братом Абугаем и племянником Кучуком б. Аблаем) седлали коней «в то время, как русские люди учнут сена косить и жать хлеб», «на сноп и по заморозу, и в ясашное время, как государев ясак збирают». От таких нападений страдали и промысловые уголья сибиряков [Миллер, 2005, с. 314, 327, 381]. Как правило, рейды происходили вместе с калмыцкими отрядами и часто по инициативе тайшей. Хотя иногда и сами царевичи загорались идеей отправиться в набег и звали калмыцких предводителей присоединиться. Такие объединенные силы, случалось, насчитывали до 3000 человек [Миллер, 2005, с. 417], но обычно отряды состояли из нескольких десятков или сотен воинов.

Интересна мотивация набегов, изложенная в 1654 г. двумя татарами-полонянками, бежавшими от Девлет-Гирея. По их словам, улусные люди собираются взяться за оружие в случае, если «от русских людей станут к ним приходить... и они... хотят русских людей воевать» — т. е. в качестве самообороны и в наказание русским за нападение. Но объектом набега людей Девлет-Гирея эти татарки называли не только русские города и деревни: «...а похваляюцца... идти под Тару и на Тарские волости войною и на зверовьях ясашных людей грабить хотят» [Миллер, 2005, с. 381]. Следовательно, ими двигала, на самом деле, не столько жажда отмщения за походы, сколько интерес к военной добыче.

Между царевичами и тайшами порой возникали разногласия по поводу целесообразности набегов. То одна, то другая сторона пыталась наладить контакты с русскими властями и потому старалась помешать партнерам испортить эти отношения. Выше уже приводился факт несогласия Девлет-Гирея с агрессивными действиями калмыков. А в 1653 г. уже калмыцкая аристократка, вдова хошутского тайши Туру Байху Гуши, с которым царевич состоял в родстве, обещала через своего посла в Тобольске для усмирения воинствен-

¹ Исходя из известных нам источников, мы не можем расценить эти набеги как средство поддержки «башкирских феодалов, стремившихся отделить Башкирию от Русского государства» [Кондрашенков, 1964, с. 58].

ного Кучумовича «поймать и держать его у себя в крепких местах» [Русско-монгольские отношения, 1974, с. 394]¹. Правда, внезапная смерть помешала ей исполнить задуманное.

Самым дерзким и возмутительным в глазах российской администрации стал разгром Девлет-Гиреем и Кучуком Далматовского Успенского монастыря² в сентябре 1651 г. Татары и калмыки убили трех старцев и 17 служек, 20 человек угнали в плен, забрали весь скот, а монастырские здания сожгли [ДАИ, т. 3, с. 230; Миллер, 2005, с. 350–351]³. Этот монастырь, основанный в 1644 г., стоял на берегу Исети в довольно безлюдном тогда месте, в 160 верстах от Исетского острога⁴, в трех верстах от устья Течи, южного притока Исети, а от Тюмени как ближайшего крупного населенного пункта — «скорым ходом в пяти днищах».

Последнее упоминание о Девлет-Гирее связано, очевидно, с походом тоболяков летом 1661 г. во главе с казачьим головой Б. Марковым, когда в бою на притоке Иртыша Железенке он едва не угодил в плен⁵. Умер царевич приблизительно в начале 1660-х гг. [Очерки, 1956, с. 105; Васьков, 1999, с. 17]. На смену ему во главе Кучумова клана заступил Кучук б. Аблай.

Ответные удары из Тары, Тюмени и Уфы заставляли Кучумовичей держаться ближе к тайшам. В документах рубежа 1650-х — 1660-х гг. снова отмечается их совместное или соседское кочевание: чаще всего по Иртышу, вместе с сыном торгутского Хо-Урлюка, Лоузаном, и хошутским Кундуленом. Причем тайши заботились о безопасности сибирских династов. В 1660 г. посланники хошутского тайши Аблая «забрали» всех царевичей из становищ Лоузана и перевезли далеко на юг, во владения Аблая, чтобы сделать их недосыгаемыми для возмездия русских за набеги [Миллер, 2005, с. 432]. В целом, бесспорное численное, да и военное превосходство

¹ Очевидно, датировка этого происшествия требует уточнения, так как Гуши-хан умер в 1654 г.

² Ныне на территории г. Далматово в Курганской обл.

³ Правда, крестьянин, выкупленный из полона за 11 лошадей, рассказал в Тобольске, что среди трехсот человек, напавших на монастырь, калмыков не было.

⁴ Ныне с. Исетское в Тюменской обл.

⁵ Этим событиям посвящена специальная статья Д. А. Васькова [Васьков, 2017].

калмыков заставляло Кучумовых «внучат» держаться в русле их политики, — в том числе зачастую и по отношению к России. Они были вынуждены освобождать часть полоняников, когда этого требовали (не от них, а от торгутских тайшей!) грозные правители Джунгарии, заинтересованные в мирном сосуществовании в регионе с Московским государством, а также в том, чтобы не отпугивать барабинских двоedanцев, которые платили подати джунгарам [Миллер, 2005, с. 38, 430, 432]¹. Нужно отметить, что верховный правитель ойратов, джунгарский Батур-хунтайджи, за все время своего правления в Джунгарском ханстве (1635–1653) ни разу не выступил враждебно против России и отклонял предложения тайшей и Кучумовичей о совместных действиях против русских.

Современники, окрестные наблюдатели продолжали воспринимать Кучумовичей как часть калмыцкой этнополитической общности. Так, отъезд башкирских и татарских семей из улусов Абугая в 1661 / 1662 г. трактовался тобольскими воеводами как откочевка «ис Калмык от Бугая царевича» [Материалы, 1936, с. 92–93]. Дополнительный стимул для «симбиоза» калмыцкой знати и Кучумовичей заключался в сравнительно регулярном добывании последними трофеев в набегах. Добычей царевичи делились со своими покровителями, в том числе главным — Хо-Урлюком («царевичи сподобяют Урлюковых людей конми и запасы» [Материалы, 1936, с. 416]), чем помогали им пережить нередкие ситуации голода и оскудения.

В начале 1660-х гг. на Южном Урале и в Западной Сибири нарастало антироссийское движение «иноземцев». К тому времени административная и (главным образом) ясачная политика властей вызвала возмущение и стойкое убеждение в несправедливости московского правления. Определенную роль в этих событиях довелось сыграть и Кучумовичам. Анонимный немецкий автор «Описания путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны» 1666 г. писал, в частности, о настроениях башкир: «Эти люди показали себя враждебными по отношению к русским, так как Сибирь принадлежала [некогда] предкам... царевича; прежде этих людей он всегда

¹ Впрочем, старались отпускать домой только ту часть «ясыря», что являлась обузой, — стариков и малолетних, «которые государю в ясак старые не годятся, а молодые в ясак не поспели» [Миллер, 2005, с. 432].

употреблял для своей службы... В настоящее время они враждуют с русскими, и это продолжается уже с давних пор» [Алексеев, 1936, с. 179]. Самым заметным этапом протестного движения в этом регионе в XVII в. стало башкирское восстание 1662–1664 гг.

Во второй половине XVII в. стал меняться прежний режим «вольной службы», который установился в отношениях между властями и башкирами за предыдущий столетний период¹. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появлялись русские деревни, власти увеличивали нормы налогообложения... Стойкая память о добровольном присоединении и царских пожалованиях приводила башкир к убеждению в одностороннем нарушении правительством своих давних обязательств. Полулегендарные жалованные грамоты Ивана Грозного не только содержали собственно перечень жалований и льгот, но и подразумевали незыблемость их в будущем. А раз эти документы давались царем (или от его имени), то сам царь в глазах его «иноземных» подданных и выступал гарантом их соблюдения государственными властями.

Напряжение и недовольство в среде коренного населения Южного Урала накапливалось. Огромное возмущение вызвала организованная правительством кампания по изъятию у башкир и возвращению на родину калмыцких полоняников. Протест башкир против этой меры официально был объявлен причиной их последующего мятежа. Будучи заинтересованной в привлечении калмыцкой конницы к военным действиям против Крыма, Москва санкционировала захват калмыками части башкирских вотчинных земель.

Нарушения установившихся порядков, вместе со злоупотреблениями местной русской администрации, породили массовый протест башкир и их восстание в 1660-х гг. Одним из наиболее массовых лозунгов было прекращение подданства царю. Из канонов кочевого общества, к каковому принадлежало тогда большинство башкир, вытекало условие: если правитель не обеспечивает своим подданным условий, гарантированных им самим или его предками, то они вправе сменить сюзерена. Смена правителя в традиционном кочевом обществе предполагала, прежде всего, откочевку на новые земли. Так иногда и происходило в истории Южного Урала, когда и знатные, и рядовые жители края переселялись к калмыкам, казахам или под

¹ См. подробнее: [Азнабаев, 2005, с. 102–108].

власть Кучумовичей, хотя чаще дело и не шло дальше намерений¹ (были даже планы ухода в Крым и Джунгарию).

В принципе, еще была теоретическая возможность отказаться от российского подданства и перейти под сюзеренитет какого-нибудь другого монарха, не снимаясь с места. Предложения принять башкир под свою власть получали османские султаны и калмыцкие тайши, крымские и казахские ханы, «казачествующие» царевичи-Кучумовичи. В подобных ситуациях действовал целый комплекс факторов: и намерение сплотить народ вокруг внеклановой фигуры нового монарха (тем более если он окажется Чингисидом, т. е. обладателем древних и общепризнанных прав на царствование), и средство поддержки массового движения (восстания), и надежда получить помощь извне (от крымцев и османов), как и желание повиноваться государю-единоверцу.

Как уже отмечалось выше, самыми долговременными соратниками Кучумовичей среди башкир в борьбе против русских были представители объединения табын. Кроме указанных выше причин, в оппозицию новой власти их толкали начавшиеся перемещения населения на Южном Урале, а именно миграция на табынские земли башкир из других племен — сальютов, катаев и др. [Кузеев, 1974, с. 283]. Улусы Кучумовичей служили местом откочевки недовольных. Н. В. Устюгов подозревал здесь далеко идущую интригу Кучумовичей: внедрение своей разветвленной агентуры в среду пока еще лояльного населения для последующего мятежа [Устюгов, 1947, с. 44–45, 63]. Переселялись, прежде всего, те башкиры, земли которых располагались ближе к Девлет-Гирею и прочим царевичам. Воеводы старались воспрепятствовать оттоку ясачных плательщиков, снаряжая экспедиции для их возвращения в родные края. Так, в 1661 г. тобольские казаки разгромили стан Девлет-Гирея на речке Железенке, после чего 300 башкир и татар, отъехавших в разное время, водворены в места прежнего проживания. А годом позже разразился открытый мятеж.

¹ Р. Г. Кузеев указывал, что целью таких откочевок был, в частности, поиск номинального правителя, который не вмешивался бы во внутрибашкирские дела [Кузеев, Юлдашбаев, 1957, с. 90]; А. Н. Усманов почему-то считал, будто указанная практика была заимствована башкирами у ногаев [Усманов, 1982, с. 199].

Башкирское восстание 1660-х гг. потрясло восточные провинции Московского государства. В его ходе башкиры Ногайской дороги, по наблюдению Н. В. Устюгова, ориентировались в основном на калмыцких тайшей, а башкиры Сибирской дороги и особенно зауральских районов — на Кучумовых внуков [Устюгов, 1947, с. 62; Очерки, 1956, с. 110]¹. А. П. Чулошников считал Кучука и его дядю Аbugая б. Ишима одним из двух организующих центров башкирского движения (вторым центром являлись торгутские тайши Дайчин и Аюка [Чулошников, 1936, с. 29]²). Конница татар и калмыков многократно вторгалась на территорию волостей Уфимского уезда, пользуясь поддержкой местного башкирского населения. Временами восстание действительно напоминало организованную кампанию с единым командованием. Роль такого командования (если не организующую, то символическую) играл Кучук. Скорее всего, именно о нем говорили башкиры и татары, разгромившие в августе 1662 г. Мурзинскую слободу: «Поднялся на Русь наш царь» [Устюгов, 1947, с. 64].

Османский путешественник Эвлия Челеби, описывая ситуацию середины XVII в., отметил, что среди народа хешдек живут два царевича из Дадияни. Современный турецкий исследователь А. Инан отождествил таинственных хешдеков с иштяками, как называли башкир их южные соседи — ногаи и казахи, а насчет царевичей предположил, что один из них это Девлет-Гирей, а второй — некий калмыцкий принц, перешедший в ислам [Эвлия Челеби, 1979, с. 153; Юсупов, 2010; İnan, 1963, с. 33–35]. Однако это довольно зыбкая интерпретация. Хешдеки в данном источнике отнюдь не могут однозначно трактоваться как башкиры. Дадияни у Эвлии Челеби — это Мегрелия (Мегрелистан), а у других османских авторов — еще и грузинские земли в целом (Гурджистан). Но если все-таки согласиться с трактовками Инана, то в паре с Девлет-Гиреем можно предполагать не неведомого ойратского аристократа, почему-то сменившего веру, а скорее царевича Кучука.

Для продвижения конницы было удобно использовать «Старую Казанскую дорогу» — наезженный исстари путь из Сибири по на-

¹ Есть данные о солидарности с царевичем Кучуком в 1663 г. еще и башкир Казанской дороги [Материалы, 1936, с. 168–169].

² То же мнение см.: [Азнабаев, 2005, с. 109].

правлению к Кунгуру [Оксенов, Торговые, 1888, с. 19–20]¹. В 1662 г. выдержал 4-дневную осаду стоявший на этой дороге Катайский острог — административный центр одноименной волости, но были разорены селения в бассейне Исети. Тогда же и в последующие годы вновь подверглись неоднократному разорению окрестности Далматовского монастыря, а по некоторым сведениям и сам монастырь [Плотников, 1863, с. 75–77; Зыков, Манькова, 2000, с. 324–327].

Осенью 1662 г. посланный из Тобольска отряд полковника Д. И. Полуэктова разбил противника у озера Иртяш². Однако Кучук и восставшие башкиры, возглавляемые Арсланбеком (Урасланбеком) Бакиным, зимой 1662/1663 г. отказались выполнить приказ тобольского воеводы И. А. Хилкова сложить оружие. В конце июня 1663 г. в окрестностях Киргинской слободы они одолели в сражении того же Полуэктова и откочевали в дальние степи. В марте 1664 г. полковник, вылечившийся от трех полученных в том бою ранений, напал на мятежных башкир у озера Чахчи в верховьях Миасса. Бакин погиб. Кочевавшие в верховьях Уя (в Каратабынской волости) Кучумовичи, узнав об этом, ушли к Яику [Кондрашенков, 1964, с. 59–61], в очередной раз став недосягаемыми для русских отрядов.

Уфимский воевода А. М. Волконский, со своей стороны, тоже старался утихомирить восставших. Осенью 1663 г., с наступлением холодов, воинственный пыл башкир Ногайской дороги угас, и они стали склоняться к мысли принести повинную. Сначала переговоры их вожака, Иш-Мухаммеда Девлетбаева, с князем Волконским шли вяло, так как повстанцы одновременно ожидали прибытия к ним Кучука, чтобы вместе организовать поход на Уфу. Но тот в назначенный срок не явился, и это ускорило успешное завершение переговоров [Очерки, 1956, с. 114]. В Ногайской дороге наступило относительное затишье.

Но восстание на этом не закончилось. Летом 1664 г. небольшие отряды, объединявшие башкир, вогулов и сибирских татар царевича Хасана (Асана) б. Аблая, разорили села и слободы, а также взяли Невьянский Богоявленский монастырь на восточном склоне Сред-

¹ Очевидно, эта же дорога ранее носила названия «Чувашская», а с начала XVII в. — «Зюрейская» (см.: [Худяков, 2003, с. 96]).

² На севере совр. Челябинской обл., около г. Касли.

него Урала, на р. Нейве¹. Узнав о выступлении против них команды Полуэктова, все они отступили на юг, за Исеть. И. Г. Акманов предполагает, что в то время произошел разрыв между башкирами и Хасаном, который покинул Башкирию [Акманов, 1991, с. 108]. Может быть, это тоже послужило причиной снижения боевого настроения повстанцев. В октябре 1664 г. в крае наступило относительное спокойствие, а в начале следующего года новый тобольский воевода А. А. Голицын провел успешные переговоры с башкирами о прекращении мятежа.

Хотя обычно считается, что в 1664 г. массовые выступления башкир в основном завершились, бунтарские настроения в их среде еще некоторое время сохранялись². Во-первых, это выражалось в участии башкир в набегах. В конце 1660-х гг. ясачные плательщики Южной Сибири страдали «от много воинского разоренья, от калмыцких... и от царевичевых воинских людей, **и от башкирцов**, что Кучюк царевич приходил под Тарской город и ясашных людей многих на зверовых промыслах побил и пограбил, и в полон поимал» [Первое столетие, 1999, с. 136]. Да и Есиповская летопись отмечает, что тобольские ратные люди «бились с ызменники **башкирцы** и с калмыки, и с царевичем сибирским с товарищи по 1667 год» [ПСРЛ, т. 36, с. 100]. Во-вторых, некоторые башкирские роды выплачивали «ясак конми» калмыкам — в частности, хошутскому тайше Аблаю в 1667 г. [ДАИ, т. 5, с. 289]³, признавая тем самым его, а не царя Алексея Михайловича своим верховным правителем.

¹ При разорении Невьянского монастыря, как и Далматовского 13 годами ранее, религиозные мотивы играли не первостепенную роль. Дело в том, что именно в округах этих двух монастырей практиковалась обработка пашни «наездом», т. е. на удалении от поселения [Манькова, 1997, с. 71]. Безнаказанное вытаптывание полей облегчалось малолюдностью местности. Это, наряду с уничтожением монастырей, патронировавших хлебопашество, подрывало продовольственную базу русского населения.

² А. П. Чулошников склонен датировать окончание восстания 1667 г., когда мятежники скрылись в недосыгаемых для русских кочевьях, вновь оживившись во время Разинщины [Чулошников, 1936, с. 35]. Н. В. Устюгов предположил, что башкирская элита оставила свои планы провозгласить Кучука ханом и перейти в его подданство из-за «его привычек степного разбойника» [Устюгов, 1947, с. 81].

³ Аблай обосновался в степях Восточного Казахстана, где в 1654 г. построил на берегу Иртыша Аблай-хит — город-монастырь, который в 1657 г. торжест-

Из далеких северных остяцких пределов тоже доносились сведения о намерении татарских принцев поднять сибирские народы против «белого царя» и вернуть себе власть над Сибирским юртом. Летом 1663 г. в Тобольске ожидали набега некоего царевича во главе татаро-калмыцко-башкирской рати. К тому времени стало известно, что «зачалась... у них та шатость и измена во всех городах Тобольского разряду и Томского разряду ж в прошлом 169-м году [1660/1661 г.], и от царевича (Девлет-Гирея. — В. Т.) от Кучюмова та ссылка о той измене с ними была в том же в прошлом 169-м году. А положили де они на том все и ссылались на том во все города, что в нынешнем во 171-м году [1662/1663 г.] летом придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить». Сам царевич должен был взять Тобольск. «А тоболские... татары и башкирцы с ними (Девлет-Гиреем и калмыками. — В. Т.) о том договорились, что бы[ть] в Тоболску ему, Девлет Кирею», «договорились на том, что быть де царевичу Кучюмову в Тобольску и владать ему всею Сибирью, и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичу Кучюмову» [РГАДА, ф. 214, стб. 958, л. 13, 16; Обдорский край, 2004, с. 167].

О том же было записано в 1662 г. в пыточных речах остяцкого князя Ермака Мамрукова и его соплеменника, допрошенных березовским воеводой: «Ссылались де с вами тобольские татары и вести вам приносили от царевича Кучюмова внука Девлет Киреева, что ему притти под Тоболеск войною с колмаки и с татары и Тоболеск взять и быть в Тобольску тому царевичю Девлет Кирееву, а вам... собирать было ясак с Тобольска к нему, царевичю... И иные многие остяки на вас говорили, что в ту измену призывали вы остяков и самоядь» [Обдорский край, 2004, с. 60]¹.

По мнению Е. В. Вершинина, проводниками бунтарских настроений среди народов Обского Севера в пользу Кучюмовичей выступали татары и бухарцы [Обдорский край, 2004, с. 167]. Это подтверждается сведениями из приказной сводки воеводских отписок, в которой приводится выписка из донесения тобольского воеводы

венно освящен буддистским вероучителем ойратов Зая-Пандитой [Златкин, 1983, с. 140; Кызласов, 1992, с. 105–107]. В 1671 г. Аблай-хит был захвачен джунгарами, а разбитый ими Аблай откочевал со своими хошутами к Яику.

¹ Ермак Мамруков рассчитывал сесть на княжение в Березове и собирать в свою пользу ясак со всех остяков уезда [РГАДА, ф. 214, стб. 958, л. 16].

И. А. Хилкова от 17 сентября 1663 г. По словам некоего служилого татарина, допрошенного в местной съезжей избе, «будет под Тоболск войною царевич Кучюмов внук с калмыки и с татары и з башкирцы. И тоболские татарове **и бухарцы** меж себя договорились, чтоб тому царевичю быть в Тоболску и ясак платить со всех сибирских горо[дов]» [РГАДА, ф. 214, стб. 689, л. 206]. Здесь мы имеем редкое свидетельство интриг узбекских политиков в российской Сибири, в то время как после смерти Кучума их участие в тамошних делах было практически не заметно по источникам.

При этом выходцы из Средней Азии присутствовали в ставках царевичей, и им доверялись посольские поручения (возможно, по причине грамотности и привычке к дальним путешествиям). Так, послом Девлет-Гирея в Москву в 1639 г. был сын бухарского «торгового человека» Капланда, а послом Кучука в Тобольск в 1668 г. — «бухаретин» Мурзаказы Кончаков.

Активная торговля на маршрутах, наезженных за предыдущие столетия, теоретически позволяла бухарцам играть роль посредников в контактах между различными регионами, в том числе теми, что были населены тюркскими народами, присоединенными к Московскому государству. Основой подобных контактов служили своего рода среднеазиатские диаспоры в восточных регионах страны. Существовали связи, в частности, между тобольскими и казанскими бухарцами. Такие связи, кстати, вызывали раздражение у властей, которые стремились ограничить эти отношения [РГАДА, ф. 214, стб. 5, л. 137]. Сказывалось опасение разведывания и передачи за рубеж нежелательной информации о положении в провинциях Московского государства, их ресурсах и оборонном потенциале. При этом для среднеазиатских купцов гораздо более прибыльным являлось не раздувание бунтов на восточных окраинах Московии, а налаживание торговых связей с русскими. Ведь снабжение сибирских «украин» из-за Урала было недостаточным, а в первые десятилетия после Смуты и нерегулярным. Сибирские власти были заинтересованы, чтобы местные рынки пополнялись продуктами и ремесленными изделиями, привезенными иноземными караванами. Для бухарцев в крае даже установили льготный пошлинный режим, и, судя по исследованию О. Н. Вилкова, в период 1639–1674 гг. бухарские торговцы приезжали в Тобольск не только ежегодно, но и по нескольку раз в год [Вилков, 1967, с. 171–172].

Однако едва ли Кучумовичам оказалась бы под силу поистине геостратегическая задача поднять против русских всю «иноземческую» Сибирь. Более вероятным мы считаем совпадение недовольства обьясаченных аборигенов и жаждавших мести царевичей.

В антироссийском движении 1660-х гг. во главе с Кучумовичами фиксируется участие представителей и некоторых других народов. Тобольские татары не только участвовали в подавлении бунтов и отражении набегов, но и агитировали за присоединение к восстанию [Бахрушин, 1953, с. 174]. В улусе царевича Аbugая б. Ишима вместе с «изменниками башкирами» обосновались в 1661 / 1662 г. и черемисы, а предводителем башкиро-калмыцкого нападения на уральские слободы в 1664 г. каким-то образом оказался «верхотурской ясашной вагулич (манси. — В. Т.) Бекочка Белчин с сыном» [Материалы, 1936, с. 93]. Телеуты же, активно сотрудничавшие с Кучумовичами в 1620—1630-х гг., во второй половине XVII в. не приняли никакого участия в выступлениях коренных сибиряков.

В целом, тактика и цели набегов Кучука не изменились по сравнению с временами его старших родичей первой половины столетия. Цитировавшийся выше немецкий аноним отмечал в 1666 г., что не называемый им по имени царевич (Zarewitz) нападает на российские владения «каждый год примерно во время жатвы... уводит он много людей и скота, сколько только может». Здесь же отмечается, что «он имеет при себе немного людей, именно башкиров», которых «иногда ему удастся перетянуть на свою сторону» [Алексеев, 1941, с. 348]. В самом деле, среди соратников Кучука в набеге после окончания восстаний 1660-х гг. в русских документах называются башкиры: в 1667 г. в Тарский уезд вторгся «Кучюк царевич со своими с воровскими с воинскими людьми з башкирцы», а в Туринском уезде опасались его прихода «с калмытцкими людьми и с изменники с башкирцы войною» [РГАДА, ф. 214, стб. 689, л. 140; ДАИ, т. 5, с. 289]. Как и раньше, «ворами» и «изменниками» были в основном башкиры племени табын.

По отношению к тем башкирским предводителям, которые соглашались видеть в нем своего правителя (или которых он призывал к этому), Кучук выдавал ярлыки — в частности, с установлением порядка взаимоотношений башкир с калмыцкими визитерами, требующими продовольствия. При этом он обращался к адресатам ярлыков как их государь: *мән су/л/тан сөзим* — «мое султанское

слово»¹. Повелительный оборот *сöзим-сöзюм* («слово мое») с золотоордынских времен присутствовал в ярлыках государей, их наследников и иногда старших ханш, выдаваемых вассалам и подданным [Усманов, 1979, с. 188–194]. Видимо, в случае с распоряжениями Кучука мы наблюдаем очень поздний пережиток джучидской канцелярской и инвеститурной практики.

Башкирские повстанцы Ногайской и Осинской дорог в то время существенно пополняли рать царевича. Кроме того, уфимские ясачные башкиры-кипчаки кочевали между Яиком и Уфой в двух днях пути от Кучука [Устюгов, 1947, с. 104–105]. Но основной военной опорой последнего по-прежнему оставались калмыки, особенно после его неудач в сражениях с русскими войсками. У тайшей Кучук «просил людей идти войною на государевы города и слободы» [Дмитриев, 1900, с. 80]; одного из главных ойратских аристократов, торгутского Дайчина (сына Хо-Урлюка), он в вышеупомянутом ярлыке называл своим отцом (*атам*), в пользу которого башкирам надлежало выделять провиант, а на дочери дербетского Малая он был женат. Русские власти понимали степень влияния тайшей на Кучука и именно к ним обращались с просьбами «унять» его от беспрестанных набегов. Тайши же вновь то заявляли, что не имеют с ним общих дел и отказывались разделить ответственность за эти нападения (Кучук «не нашево... улусу. А я... никакой силы ему не прибавлю. Он, Кучук, от нас збежал и тепере от нас далеко живет»), то посылали к царевичу приказы «с угрозою» прекратить воевать и освободить полоняников² — и иногда это действовало на него.

Неизвестный немецкий автор был в общем прав, когда утверждал в 1666 г., будто *Zagewitz* «ни под каким видом не хочет вступить в подданство русскому царю», что «он никогда не отдастся добровольно» [Алексеев, 1941, с. 347–348]. Однако череда военных поражений, угасание башкирского движения и забота о судьбе родственников, увезенных в Московию (особенно Хансюера б. Аблая), заставляли Кучука время от времени завязывать отношения с «неверными». Исследователь «завоевания Башкирии Россией» А. Доннелли, чрезмерно упрощая дипломатическую историю рассматриваемого реги-

¹ См. ярлык Кучука башкирскому пятидесятнику Татлы-баю 1664 г. в арабописьменном оригинале и в переводе [Материалы, 1936, с. 180] (в слове *султан* буква *лям* пропущена).

² См., напр.: [Русско-монгольские, 1996, с. 213, 394].

она 1660-х гг., утверждал, что будто для российской администрации «вести переговоры с Кучумовичами, враждебно настроенными против русских, не было смысла, а с калмыками при искусном обращении можно было и договориться» [Доннелли, 1995, с. 63]. На самом деле, эпизодические переговоры все же происходили, и на них порой озвучивались намерения царевичей о смирении и покорности государю, но дальше пустых деклараций дело не продвигалось.

Целый цикл таких переговоров Кучука с сибирскими наместниками состоялся в 1668 г. Об этих контактах сохранился комплекс документов в фонде Сибирского приказа РГАДА, включающий несколько отписок тобольских воевод, расспросные речи Кондратия Ядровского (иногда назван Кедровским и Кедровцевым), посланного из Тобольска для переговоров к Кучуку, а также два послания Кучука в татарском оригинале, одно из которых, обращенное к царю Алексею Михайловичу, с русским переводом (содержание другого, адресованного тобольскому воеводе, по-русски просто пересказано) [РГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 239–254].

2 августа 1668 г. в Тару прибыли послы дербетского тайши Мала, сопровождаемые послом от его зятя Кучука. Представитель последнего подал местному воеводе Ф. Н. Мещерскому «лист» от царевича. Этот документ без перевода был спешно переправлен в столицу края, к управленцу более высокого ранга — тобольскому разрядному воеводе П. И. Годунову. Местные служилые татары изложили содержание послания по-русски. Вот что выясняется из этой грамоты.

Еще в конце 1664 г. Кучук отправил двух своих послов в Тюмень и одного — в Тобольск (по сведениям из других отписок, все три посла приехали в Тобольск). По прибытии в эти города они были задержаны. В этом якобы и заключалась причина постоянных военных действий царевича. Прибывший в Тару в составе калмыцкой делегации посол был уже четвертым. Тюменцы никаких бумаг на счет посольства 4-летней давности у себя не обнаружили. В тобольской же воеводской канцелярии (съезжей избе) соответствующие документы были «сысканы». Оказалось, что, действительно, в разгар башкирского мятежа в Тобольск приезжал от Кучука, вместе с башкирскими послами, некий «бухаретин Мурзаказыйко Кончаков». Эти послы как будто просили прощения за «измену» и передавали от своих патронов обещание впредь «быть башкирцам под вашею,

великих государи, самодержавною высокою рукою по прежнему в вечном холопстве и ясак платить вам... по прежнему»; что касается Кучука, то он прекратит нападения на «ваши, великих государей, города и на слободы». О ходе и исходе переговоров в отписке ничего не говорится, но сказано, что вскоре набеги возобновились¹, и Мурзаказий Кончаков был заточен в темницу, где и продолжал пребывать на момент приезда в Тару послов от Малай-тайши и Кучука.

Москва приказала освободить Кончакова и отпустить из Тобольска восвояси. Вместе с ним воевода отправил в степь сына боярского К. Ядровского с наказом передать Кучуку обязательные условия для мирных контактов с русскими: прекращение набегов и освобождение полона, захваченного в Тарском уезде в прошлые годы. Царевич должен подтвердить согласие с этими условиями соответствующей шертью и клятвой на Коране, а еще присылкой в Тобольск заложников-аманатов. Встреченных по пути калмыков Кондратий должен был отговаривать от помощи Кучуку, а башкир — убеждать возвращаться без опаски в родные места, оставленные ими во время восстания.

Путь Ядровского от Тобольска занял 30 дней. Кочевой стан царевича расположился тогда в урочище Му(н?)чак, где-то на верхнем Ишиме². Тобольский эмиссар был принят торжественно и дружелюбно. Во время оглашения приветствия от царского имени Кучук с братьями «приподнялись на колени и на государьской милости били челом», а сукно, присланное в дар от воеводы, «велели принять лутчему своему человеку с честью». Затем Ядровский огласил условия шерти. Кучук отвечал, что не может дать аманатов «и в подданстве быть нелзе», потому что «отец их аманатов не даывал»; полон же он согласен отпустить «на розмену», т. е. на равное количество пленных

¹ По данным Н. В. Устюгова, тобольский воевода А. А. Голицын привел татарских послов к шерти и заручился их обещанием выдать аманатов. В марте 1665 г. воевода направил к Кучуку для обсуждения этих условий казака, служилого татарина и одного из Кучуковых послов (остальных задержали в Тобольске). Эта миссия результатов не принесла — видимо, не сумели договориться. Разуверившийся в успехе переговоров Кучук летом 1665 г. напал на Киргинскую слободу, но был отбит знакомым нам полковником Дмитрием Полуэктовым [Устюгов, 1947, с. 107–108].

² Очевидно, в районе озера Мунчак «в Ишимских вершинах», которое упоминается в связи с перекочевками Девлет-Гирея в 1637 г. [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 507, 511].

татар (и калмыков?). Что касается заключения шертного соглашения, то царевичи желают, чтобы сперва их послы съездили в Москву и посмотрели, в каком состоянии там находится их родич Хансюер б. Аблай. Таким образом, дипломатическая задача оказалась К. Ядровским не выполнена, однако его 6-дневное пребывание в улусе Кучумовичей нельзя считать безрезультатным. Кучумовичи пожелали продолжить контакты и вместе с тоболяком отправили очередное посольство из трех человек. Во главе его был поставлен недавно освобожденный из заточения и только что вернувшийся домой Мурзаказий Кончаков. 29 ноября 1668 г. Ядровский и эти послы приехали в Тобольск.

На аудиенции у воеводы в съезжей избе они объявили о миролюбии Кучука и просили помочь им добраться до Москвы, чтобы проведать Хансюера. Если тот хорошо обустроен и напишет об этом братьям в Сибирь, то те будут готовы-де «бить челом в подданство». Просьба подкреплялась демонстрацией подношения для царя: трех драгоценных бухарских ковров (местные посадские знатоки оценили их в полтора рубля каждый). Татарским посланцам было сказано, что без соответствующего распоряжения из столицы они не могут ехать дальше Тобольска, и нужно ждать «государева указа» на сей счет. Ковры же до поры до времени спрятали в местную казну. Насколько нам известно, в Посольском приказе не возникло желаний видеть в Москве представителей Кучука, и Кончаков так и не смог побывать у Хансюера.

Несмотря на очевидную безуспешность этой многомесячной дипломатической кампании, собрание материалов о ней, помимо полноты сохранившихся документов, ценно еще и тем, что оно содержит послание Кучука царю Алексею Михайловичу. Документы подобного рода единичны, и до сих пор были известны лишь русские переводы нескольких грамот Кучума Ивану IV и Федору Ивановичу.

Ничего похожего на намерение перейти в подданство царю в этой грамоте нет. Содержащееся в ней предложение обмениваться послами являлось шагом к установлению мирного соседства, но никак не подчинения и «холопства». Заметим, что в татарском оригинале грамоты царевич предлагает Алексею Михайловичу считаться старшим братом (*ага*), оставляя за собой статус младшего (*ини*). Это неприемлемое для православного «Тишайшего» царя предложение переводчики (а скорее, «редакторы» из воеводской канцелярии) пре-

вратили в указание на то, что два правителя обладают, соответственно, великим государством и малым улусом.

Обращает на себя внимание обозначение ранга Кучука в интитуляции грамоты: «Кучюк Баатырь царь», что соответствует тюркскому *Кучук Бахадур-хан*. В абсолютном большинстве источников 1650–1660-х гг. он предстает как царевич (resp. *султан*). Да и послы его, прибывшие в Тобольск с К. Ядровским, торжественно заявили, что «велел деи бити челом вам, великим государем, Кучюк **царевич**» [РГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 245]. Сам он в цитированном выше ярлыке, выданном башкирам ок. 1664 г., рекомендуется как «я, султан» (*мйн султан*). Русские послы в 1669 г. просили хошутского Очирту Цэцэн-хана, «чтоб он **царевича** Кучюка-**Салтана** унял и Тарской город воевать заказал» [Русско-монгольские, 1996, с. 213]¹. Т. е. приписывание Кучуку статуса царевича-султана не являлось результатом игнорирования русскими его монархических амбиций, ведь до конца 1660-х гг. так же его называли калмыки, и сам он так себя титуловал. Но, как видим, в 1669 г. он представляется как хан. Да и хошутский тайша Цаган, оправдывая невозможность влиять на Кучумовича, заявил в 1668 г.: «Кучук-**хан** не нашево де улусу» [Русско-монгольские, 1996, с. 191], т. е. якобы неподвластен и неподконтролен.

Характерно, что Кучук, не упоминая своих предшественников, ханов (?) Али и Ишима, ссылается только на события времен своего прадеда Кучума (*хазрат Кучум Мухаммед Бахадур хан заманындан*). И его, Кучука, перстневая каплевидная печать *бадами мухр*, скрепляющая оригинал грамоты (и подобающая лишь особам ханских кровей), содержит надпись: *Кучук султан [ибн] Кучум хан*, также пропуская отца и деда адресанта. При этом ханский титул у Кучука на печати, как видим, отсутствует. Это может свидетельствовать о его недавнем «воцарении» (в случае, если оно действительно имело место), когда не было времени на заказ и изготовление новой печати в условиях спешной организации посольства.

Очевидным стимулом для принятия Кучуком ханского венца могла послужить временная консолидация вокруг него всех мятежников и недовольных российским правлением на востоке Московского

¹ Кочирту-Цэцэну русские обращались как к одному из главных ойратских лидеров, надеясь на весомость его приказов для сибирцев. В то время в Ойратском союзе существовал своеобразный дуумвират этого хошутского правителя и джунгарского (чоросского) Галдана Бошкту [Санчилов, 1999, с. 99].

государства. Очевидно, татаро-башкиро-калмыцкое окружение царевича в то время составило довольно сплоченный коллектив соратников, который провозгласил своего вождя ханом. О численности этих соратников в то время (1667–1669 гг.) имеются сведения из различных документов, отложившихся в Посольском приказе. Называются цифры всадников-участников набегов: в одном случае — 400 человек, в другом — «в зборе человек с тысячу»; 50 семей его подданных-башкир и 30 семей калмыков. К. Ядровский докладывал, что в улусе у царевичей, возглавляемых Кучуком, «боевого люду и с подростками и с ызменники башкирцы сот с пять» [РГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 252–253, 263; ДАИ, т. 5, с. 289]. Как можно понять из воеводской переписки, численность и состав сподвижников Кучука не были постоянными, но около него все время находилось некоторое число разноплеменных сторонников.

Братья Кучука — сыновья Аблая Чучелей и Хансюер, как и их дядя Аbugай б. Ишим, мало заметны на страницах документов. Известно, что держались они обычно все вместе и делили между собой полон, добытый в набеге. В первой половине 1660-х гг. Хансюер с семьей был взят в плен служилыми уфимцами [Миллер, 2005, с. 422, 438–439; Беляков, 2011, с. 72]. Изредка упоминаются в качестве предводителей набегов Азан б. Девлет-Гирей и некий Гирей, чье происхождение неясно. Кучук же исчезает из поля зрения современников. Последнее упоминание о нем в известных нам документах относится к 1675 г., когда зауральские башкиры опасались его внезапного нападения [Материалы, 1936, с. 202]. В целом, в 1670-х гг. деятельность Кучумова потомства становится все менее заметной, и о нем уже почти не вспоминают в источниках того времени.

Похоже, что провал всех мечтаний о реставрации Сибирского юрта и тщетные попытки противостояния все усиливающимся русским в Сибири и на Южном Урале привели к тому, что у царевичей опустили руки. Единственную и вынужденную опору они видели в ойратских политических объединениях. Но внимание и интересы традиционных партнеров Кучумовичей — торгутских и части хошутских тайшей¹ — все более обращались в западном направлении.

¹ Большинство хошутов во главе с Гуши-ханом — упоминавшимся выше Туру Байху Гуши, в 1630-х гг. откочевали в район озера Кукунор (северо-восточнее Тибета) и образовали там самостоятельное ханство.

Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей (см.: [Богоявленский, 1939, с. 61]). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу, — там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчиненное Московскому государству. Откочевал на юго-запад во главе 50 тыс. кибиток и давний партнер Кучумовичей Хо-Урлюк с сыновьями. Уход калмыков, кстати, наглядно отразился на сужении ассортимента их товаров на сибирских рынках: с 20 наименований в 1639/1640 г. до четырех в 1670/1671 г. [Вилков, 1967, с. 173]. С тех пор уже незаметно ориентации царевичей на какой-то определенный лагерь ойратской знати. В источниках отображены их связи с тайшами из разных племен и группировок.

И хотя давние контакты прервались не сразу (в 1678 г. некий «салтан Кучюма хана внук» разбил лагерь в верховьях Ишима вместе со своим тестем — калмыцким тайшой [ДАИ, т. 8, с. 35]), у царевичей-«казаков» остались связи с той ветвью ойратов, которая оказалась теперь ближайшей к ним, — с джунгарами (чоросами). Однако эти отношения порой оказывались довольно тяжким бременем. Так, по неизвестным обстоятельствам царевич Дюдюбак б. Аbugай оказался в джунгарском плену. Осенью 1678 г. тобольский воевода П. В. Меньшой Шереметев сообщил своему верхотурскому коллеге И. Ф. Пушкину, со слов местных татар (которые передавали, в свою очередь, вести от калмыков и бухарцев), будто правитель Джунгарии, хунтайджи Галдан Бошокту-хан, отпустил Кучумовича из плена в кочевья тайши Малая. Но это не было простым дарованием свободы: Дюдюбаку надлежало «быть надо всеми дурбецкими тайшами владетелем, и во всем им, тайшам, царевичю быть послушным...». Эта своеобразная инвеститура сопровождалась указанием на место жительства освобожденного: «И кочевать ему на старинных ево кочевьях по Ишиму реке, где кочевали дед и отец ево». Кроме того, хунтайджи якобы приказал облеченному полномочиями Дюдюбаку (и, очевидно, отныне подчиненным ему ойратам-дербетам) начать военные действия против башкир [Русско-монгольские, 1996, с. 321].

Эти новости стали известны в Москве. Первому же прибывшему туда джунгарскому посольству на переговорах в Посольском приказе был задан вопрос: правда ли, что Дюдюбак выпущен на волю

Галдан-Бошокту-ханом и поставлен главой над дербетами с кочевьями по Ишиму? Посланец хунтайджи отвечал, что, насколько ему известно, действительно, «Бугая де царевича сын Дюдюбака у Галдана-тайши в полону есть». Хотя и могли произойти изменения за те 13 месяцев, что посольство провело в пути, но «однако ж он (посол. — В. Т.) того не чает, чтоб того Дюдюку Галдан, из неволи слободя, владельцем учинил» [Русско-монгольские, 1996, с. 324]. Нам это тоже представляется маловероятным. Да и поставленная перед царевичем задача нападать на башкир — российских подданных, в тех обстоятельствах сомнительна, так как Галдан Бошокту избегал любых осложнений в отношениях с Московским государством. Однако в межойратских политических распрях и интригах фигура «природного» династа-Чингисида могла быть привлекательной для хунтайджи, который не желал терять своего влияния на отколовшихся и растекшихся по огромным пространствам группировкам ойратов.

Тем не менее, Дюдюбаку довелось отметиться в бурных событиях последней четверти XVII в. на Южном Урале. К этому времени, а именно к перипетиям башкирского восстания 1681–1684 гг., относятся, насколько нам известно, последние достоверные вести о появлении представителей Кучумова клана в военно-политической жизни. В августе 1683 г. к южноуральскому озеру Чебаркуль подошла конница калмыков под командованием упоминавшегося выше царевича Хасана б. Аблая [Акманов, 1998, с. 85]. Неясно, был ли это грабительский ответный набег, в отместку за неоднократные нападения башкир на калмыцкие кочевья, или же акция помощи повстанцам от могущественного торгутского тайши и будущего калмыцкого хана¹ Аюки, но башкиры, бросив свои жилища, попрятались в лесах и горах. Их восстание в Зауралье на этом и закончилось.

Дюдюбак, характеризуемый в воеводской отписке как «калмыцкий царевич», определенно действовал тогда в союзе с Аюкой. В апреле того же 1683 г. он во главе 40 тыс. калмыков зимовал у озера Чертанлы, договорившись с тайшой о том, что «им нынешнею весною на государевы города и на уезды итти вместе». Такая масса народа под его предводительством свидетельствовала о предоставлении ему командных (и управленческих?) полномочий со стороны Аюки. Пред-

¹ С 1690 г., по инвеституре от далай-ламы.

полагалось, что весенний удар калмыцкой конницы придется «на Уфинской и сибирских городов на уезды» [АИ, т. 5, с. 177]. Однако набег не состоялся. В то время Аюку более всего беспокоили конфликты с донскими и яицкими казаками, да и раздражать лишний раз русские власти тайша не хотел. В 1684 г. он дал шертную присягу царю «на вечное и верное подданство... на договорных статьях» [Батмаев, 1993, с. 141]. Более о Дюдюбаке известий нет.

С тех пор Кучумовичи практически исчезают со страниц документов: они не заметны ни в сибирских и уральских степях, ни в ставках калмыцких тайшей. Лишь эпизодически возникают смутные упоминания о них.

Например, в 1696 г. тобольский казак В. Кобяков докладывал в Посольском приказе о своем пребывании в Туркестане. Среди прочего он рассказал, что, находясь среди казахов, слышал, будто «есть Уфинского уезду башкирцы в каракалпаках, которые изменили с **Кучюк царевичем**». Эти башкиры-де выполняют функцию проводников («вожей») при казахских и каракалпакских набегах, участвуют в разорении русских слобод, забирают жителей в плен и продают в Бухару и Хиву [История, 2005, с. 431]. Из данного известия трудно понять, во-первых, какой это Кучук — сын Аблая б. Ишима или какой-то казахский султан; во-вторых, был ли этот Кучук жив в то время или уже умер, и шла ли речь о башкирах, которые некогда, после восстания 1680-х г., ушли с Южного Урала вместе с ним, а теперь промышляли набегами вместе с туркестанскими тюрками.

Помимо этого, в ходе очередного башкирского восстания, в 1708 г. объявился претендент на ханствование над мятежниками — некий Мурад б. Кучук б. Ибак-Чувак б. Девлет-Гирей б. Бахты-Гирей б. Ибак-Гирей б. [???] б. Кучум [Материалы, 1936, с. 254, 492]. Он был привезен в Башкирию одним из предводителей движения Алдаром Исекеевым из «чужей орды» — Каракалпакии¹. Искаженная генеалогия и исковерканные имена «предков» позволяют подозревать в нем самозванца. По словам Мурада, его отец Кучук за 30 лет до того погиб в войне с калмыками Аюки. Может быть, этот персонаж и Кучук из рассказа казака Кобякова — одно и то же лицо?

¹ Возможно, некоторые потомки Кучума обрели пристанище среди каракалпаков (и даже обзавелись там ханским званием), а затем в Хивинском и Казахском ханствах, но достоверных сведений об этом нет (см.: [Сабитов, 2014]).

Самозванный хан посетил Бахчисарай и Стамбул, где вел безуспешные переговоры о переходе башкир в крымское подданство. При возвращении из Турции он осмелился напасть на Терский городок, при осаде которого был ранен и пленен русскими. Мурада доставили в Казань и казнили [Очерки, 1956, с. 65, 168].

И в то время, и в последующих восстаниях башкиры уже не воспринимали потомков Кучума как сколько-нибудь значительную политическую силу. Просьбы о поддержке в борьбе против русских и даже о переходе в подданство получали от башкир теперь правители Крыма, калмыков, джунгар, казахов. В них, а не в сошедших с исторической арены татарских царевичах-«казаках» недовольные российским правлением подданные пытались найти альтернативу «белому царю».

Глава 6

Жизнь и быт «бродячих царевичей»

Условия жизни Кучумовичей в «казачестве» несколько язвительно, но в общем верно обрисовал цитировавшийся выше немецкий аноним в 1666 г.: «Не имея ни городов, ни жилища, укрывается он (не названный царевич. — *В. Т.*) в степи или пустыне, в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях» [Алексеев, 1941, с. 347]. Мы уже несколько раз указывали на пространство, где жили и кочевали царевичи, — главным образом, степи в верховьях Ишима и Тобола. За 30 лет до автора-немца сами они называли русским собеседникам места «по Еику и по Тоболу и по Ишилю (т. е. Ишиму. — *В. Т.*) рекам, где кочевали отцы их и деды» [РГАДА, ф. 199, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 58, 97]. Правда, Яик здесь назван, кажется, напрасно. При «отцах и дедах» наших героев берега этой реки были заселены ногаями, которых затем сменили калмыки. Если Кучумовичи и появлялись там, то лишь в самых верховьях, а южнее проникали, скорее всего, лишь участвуя в калмыцких набегах на Ногайскую Орду.

Приблизительно этот же район — тобольские и ишимские верховья — указан на карте «Tartaria» И. Хондиуса 1606 г. под названием *Zibierairorum Horda*, между обозначенными здесь же Тюменью (*Tumen*), калмыками (*Kalmucki*), ногаями (*Nagaia Tartaroru[m] Horda*) и чагатаями (*Sagatai Tart.*) [Барров, 1914, с. 9]. Если предположить, что это — исковерканная фламандским картографом «Орда сибирских татар» (*Zibier Tartarorum Horda*), то мы получаем свидетельство существования особого политического центра, помимо уничтоженного Сибирского ханства. (Если только это не обозначение уже несуществующего независимого Сибирского ханства — столь же анахроничное, как и поименованные рядом чагатаи.) Та же «Орда» была нанесена на «Новую карту Тартарии» Дж. Спидом в 1626 г. [Speed, 1966, с. 39–40]. На других известных нам европейских картах первой половины XVII в. ничего подобного на территории между ногаями, калмыками, казахами и Тюменью не обозначено. Кроме того, известно, что в 1620–1630-х гг. «верхние места Ишима, Тобола и Эмбы» были кочевьем торгутов Хо-Урлюка [Бичурин, 1991, с. 38].

Из предыдущих глав и массы официальных русских источников XVII в. может сложиться впечатление, будто все свое время потомки Кучума проводили в набегах, и военная добыча составляла главный источник их существования. На самом деле, нападения на русские, татарские и башкирские поселения были хотя и относительно частыми, но не регулярными и даже не ежегодными. На конные рейды царевичи решались, как правило, в ситуации, когда складывалась благоприятная обстановка и имелась уверенность в богатых трофеях и успешном возвращении домой. К таким условиям относились, во-первых, внешняя поддержка и солидарность союзников и единомышленников — калмыцких тайшей или мятежников на российской территории. Во-вторых, возможность изъять у сельских жителей продовольствие после сбора урожая, отчего татары-«казаки» седлали коней поздней осенью, после окончания полевых работ в волостях¹. В-третьих, непременным условием успеха являлась внезапность нападения и возможность отхода в степь до того,

¹ Впрочем, иногда действовала и другая логика. Царевичи избегали приближаться к крепостям в то время, когда «люди живут в городех в скопе», находя более удобным время жатвы, когда русские покидают укрепленные поселения [Пузанов, 2010, с. 100].

как воеводы и стрелецкие головы смогут организовать погоню. Тарский воевода доносил в 1643 г., что Девлет-Гирей тайно подходил к Тюмени и убедился, что «под Тюменью живут зело оплошно... воевать их можно» (цит. по: [Пузанов, 2010, с. 100]). Если же стало известно, что противная сторона изготавилась к обороне, рейд отменялся. Нападавшие могли притвориться свитой посла, направлявшегося для переговоров, чтобы проникнуть глубже на территорию уездов («а приходили... они обманом, сказався от послов» [Миллер, 2005, с. 351]).

При набегах на ясачных применялась тактика облавы, когда Кучумовичи разделяли свои отряды на группы по 50–100 человек [Пузанов, 2010, с. 98] (в случае, если позволяла численность этих отрядов), чтобы охватить наибольшую площадь.

Постоянное напряжение на юго-восточной границе Московского государства, создаваемое Кучумовичами и калмыками, приводило к тщательной фиксации в официальных документах сроков и маршрутов набегов царевичей, вестей об их воинственных планах, численности воинов и подданных, местонахождении кочевых ставок. Поэтому история «казачества» Кучумовичей предстает из источников такого рода как сплошная череда военных авантур и альянсов с агрессивными кочевниками и разного рода «изменниками». При этом, как ни странно, о тактике военных действий со стороны татаро-калмыцких ратей сообщается довольно мало. Тот же безымянный немец пишет о некоем царевиче, будто тот после атаки на сибирские местности скрывается в степи, которая «не имеет ни дорог, ни тропинок, поэтому нельзя узнать, куда он отправляется; если же, наконец, нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так безопасно уходит» [Алексеев, 1941, с. 347]. В русских источниках нам не встречались упоминания об умышленном поджоге степи сибирскими татарами.

Утверждение об отсутствии в степи дорог и тропинок исходит от слабо информированного автора. На самом деле, после прохода конницы на степной почве некоторое время сохраняется вытоптанная полоса — т. н. *сакма*. Именно следуя по сакмам, русские отряды преследовали татар, уходящих от погони. Постоянные маршруты походов естественным образом обозначались на земле незарастающим следом. Продвижение по этому пути, именуемому *шляхом*, тоже способствовало успешному преследованию противника («шли

за ними их царевичевым шляхом и наехали на том их шляху на стану воинских царевичевых калмыцких воинских людей» [Миллер, 2005, с. 406]¹).

Вокруг своих стоянок Кучумовичи выставляли караулы, которые предупреждали ближних и дальних царевичей о приближении противника, а заодно и прочих посторонних, подозрительных лиц (см.: РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 501). В местах зимовий «казаки» устраивали подобие стационарного поселка. Один из таких поселков, в котором жили царевичи Канай и Хаджим, видели уфимцы в 18 «днищах» от Уфы, «меж Ишима и Обаги реки в дуброве»: «поставлены... у них избы рублены в стену кругом, да по смете... изб с полчетвертадесять (т. е. 25. — В. Т.); да у них же... обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов». При этом табуны паслись на берегу притока Тобола р. Абуги «от их зимовья с полднища» [Миллер, 2000, с. 196]². Хан Кучум в 1596 г. тоже стоял «меж дву речек, одернувся телегами за Омь рекою» [Миллер, 1999, с. 358]. Но в последнем случае это был, скорее всего, не стационарный поселок, а т. н. «тележный городок» — распространенная среди кочевников оборонительная конструкция в виде замкнутого кольца из составленных впритык повозок. Подобные конструкции применялись при редких осадах крепостей. Карачи-бек при попытке приступить к Искеру в 1584 г. «облегоша град Сибирь обозами и табары поставиша» [ПСРЛ, т. 36, с. 34, 62]. В данном случае, тележные ряды служили для осаждающих прикрытием от выстрелов с крепостных стен и предохраняли от внезапных вылазок неприятеля.

На вооружении «казачествующих» принцев и их спутников внимание в источниках не акцентировалось, так как было общеизвестно людям XVII в. и не требовало обстоятельного описания. Это вооружение представляло собой традиционный для кочевников той эпохи набор из лука со стрелами, сабли, ножа и аркана. В 1609 г. вознамерившиеся отъехать к калмыкам тюменские ясачные говорили соплеменнику, допрошенному воеводой, что для этого дела «у них

¹ Иногда сакма и шлях выступали как синонимы: «И будет шляхом ийти, колмацких людей отнюдь не миновати, а ниже той сакмы к Ышиму ийти не мощно, потом[у что] прилегли болота великие» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 144].

² По объяснению Л. Р. Кызласова, «избы рублены в стену кругом» означает своеобразный деревянный город с жилыми стенами [Кызласов, 1992, с. 50].

де у тюменских лошади и сайдаки и сабли готовы» [Миллер, 2000, с. 245]. Некоторые татары обладали металлическими и кожаными доспехами¹. Впрочем, Ю. С. Худяков предполагает, что, судя по количеству соответствующих археологических находок, сибирцы испытывали недостаток в броневой стреле, столь важных в сражениях с хорошо вооруженными и защищенными противниками [Худяков 2011, с. 105]. Возможно, в ходу были копья, особенно приобретенные у калмыков, а ремесленники среднеазиатских ханств оснащали сибирско-татарских воинов конца XVI–XVII вв. металлическими шлемами [Бобров, Худяков, 2011, с. 43–52].

Огнестрельное оружие не имело у сибирских татар широкого распространения, но неверно было бы думать, что они не знали о его существовании. В Румянцевском летописце пересказана карикатурно-фантастическая ситуация, когда наступающие ермаковцы постреляли в воздух из пищалей перед пойманным Кучумовым придворным и отпустили того на волю. Придворный явился к хану с впечатляющим рассказом: «...егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навывлет» [ПСРЛ, т. 36, с. 32; Сибирские летописи, 1907, с. 16–17, 321]. Естественно, этот доклад Кучуму прозвучал без русских свидетелей, поэтому данная сцена, скорее всего, вымышлена.

Фигурирующие в разных вариантах рассказы о двух нестреляющих пушках то ли у Кучума, то ли у бека Бегиша во время прихода Ермака представляются порождением фольклорных домислов. Если такие орудия у сибирцев в то время и были, то, скорее всего, среднеазиатского производства [Бобров, Худяков, 2008, с. 213]. Впоследствии оружие «огненного боя» появилось и у «кучумлян». В большинстве своем оно было трофейным — добытым в набегах на российские владения. В 1662 г. из 200 татар, напавших на российские поселения в Зауралье, 30 обладали огнестрельным оружием

¹ По Есиповской летописи, Ермака на Чувашском мысу в 1582 г. встретили ратники «одеяны железом и меднощитницы», пустившие «тмочислено стрел» [ПСРЛ, т. 36, с. 131]. Р. Г. Скрынников указал на буквальное заимствование здесь С. Есиповым описания битвы болгар с византийцами из Хронографа 1512 г., в том числе и на копирование отсюда «меднощитников» [Скрынников, 1986, с. 23].

О вооружении и военном деле сибирских татар см.: [Худяков, Комплекс, 2000; Худяков, Хан, 2000; Худяков, 2001].

[ДАИ, т. 4, с. 293]. В 1667 / 1668 г. один тобольский рейтар при описании в челобитной своей верной службы рассказал, что во время боя с царевичем Кучуком под Киргинской слободой в 1665 / 1666 г. его «ранили, пробили из пищали правую руку» [РГАДА, ф. 214, кн. 367, л. 439 об.]. Правда, пищаль могла принадлежать и калмыку-участнику набега. Калмыки же пользовались русскими пищальями или фитильными ружьями (*мултук*) среднеазиатского происхождения [Бобров, Худяков, 2008, с. 167, 176–179]. Однако и в их среде огнестрельное оружие не имело еще широкого распространения.

Обширный импорт пищалей в то время был исключен. Ближайшим источником их поставок теоретически мог быть Мавераннахр. Татарское предание рассказывает о прибытии к Кучуму оружейников из Бухары, которые были размещены ханом на некоем острове, под землей. При подходе Ермака мастера подрубили опорный столб и погребли себя [Тобольский хронограф, 1993, с. 92–93]¹. Но, во-первых, в достоверных известиях о связях Кучума и Кучумовичей с Бухарой и Хивой нет упоминаний о приезде в Сибирь мастеров (а вот бухарские посольства просили в Москве оружие и боеприпасы). Во-вторых, в Средней Азии огнестрельное оружие появилось только в первой половине XVI в. Оно практиковалось преимущественно в ручном варианте, а при осаде крепостей могущественный хан Бухары Абдулла II обычно использовал не пушки, а катапульты (впрочем, по осажденному им Герату в 1572 г. с бухарских позиций палили 7 орудий). Собственное артиллерийское производство в Средней Азии развивалось медленно. Еще в XIX в. в городах Мавераннахра пушки отливали приезжие мастера — афганцы и персы [Юлдашев, 1964, с. 15], но и в то время артиллерия здесь была невысокого качества.

Вооружение противостоящей стороны известно гораздо лучше и в общем тоже было традиционно для средневековых армий эпохи внедрения «огненного боя». В 1592 г. царь приказал купцам и промышленникам Строгановым снарядить «для татарского приходу»

¹ В добровольном захоронении оружейников явно видится отголосок распространенной в Северной Евразии легенды о гибели древнего народа чудь. К. Голодников слышал татарское предание о том, что на месте Сузгунских юрт (татарского городища Сузге-Тура) жила именно чудь, которая сгинула под землей из страха перед приходом татар [Голодников, 1882, с. 2]. Забелинская редакция Есиповской летописи распространяет ареал чуди гораздо шире: «Преже бо живяше чудь по всей Сибирской земли» [ПСРЛ, т. 36, с. 108].

100 ратников «с рушницами и с луки, с кремли и с рогатинами» [ДАИ, т. 1, с. 230]. В XVII в. главным и часто единственным оружием сибирского служилого человека была пищаль, которая при случае, в рукопашном бою, могла играть и роль дубины. Казаки также имели различные виды холодного оружия: разномастные копья, клинки, бердыши. Некоторые защищались в сражении шлемами-*шишаками* и примитивными доспехами-*куяками* — кожаными или полотняными рубахами с нашитыми на них металлическими пластинами [Никитин, 1996, с. 75–76]. Эти защитные одеяния были приспособлены для предохранения от татарских и калмыцких стрел и клинков (но не от пуль).

Главная забота о защите подведомственных уездов от набегов и организации ответных походов против кочевников ложилась на воевод к востоку от Урала (Строгановы, как известно, базировались к западу — в пермских землях). Административная иерархия долгое время мешала оперативно реагировать на стремительные атаки Кучумовичей и калмыков. Всякий раз тюменским и тарским наместникам требовалось заручиться санкцией тобольского разрядного воеводы (а порой и столичных инстанций) на применение военной силы к «иноземцам». Последние пользовались этими проволочками и нередко скрывались в степных просторах безнаказанными. В одной из отписок пересказаны подслушанные военные планы тайшей: «Тюмень де от иных городов удадела, а люди де на Тюмени живут от города в одале, покаместа де русские люди збираютца, и мы де хлеб потопчем и деревни позжем» [Миллер, 2000, с. 355]. Случалось, что русские ратники отказывались выступать в поход из-за задержки казенного жалованья [Миллер, 2005, с. 351], ведь оно нередко составляло их единственный источник существования в неосвоенной пока стране.

Хотя, надо сказать, Тобольск служил и источником новшества в военном деле. В ходе преобразований в вооруженных силах Московского государства в этом городе появились полки «нового строя». В 1661 г. сюда прибыли по царскому указу «немцы полковники, подполковники, ротмистры и порутчики», которые набрали из местных жителей 1000 рейтар, 1000 солдат и 500 стрельцов. Но «учены строю» они были вовсе не немцем, а полковником Д. И. Полуэктовым, под началом которого успешно «бились с ызменники башкирцы и с калмыки, и с царевичем сибирским» [ПСРЛ, т. 36, с. 100]. Военная ре-

форма докатилась до Тобольска как раз накануне башкирского восстания, а Полуэктов разбил татаро-башкирскую конницу у озера Иртяш осенью 1662 г.

В гарнизонах южной полосы Сибири служили стрельцы, делившиеся на сотни, и казаки, распределенные по станицам. В том и другом подразделении формально должно было состоять по 100 человек, но на практике обычно получалось меньше [Никитин, 1996, с. 45, 61]. Была сформирована система разъездов и караулов для оповещения о вражеских набегах.

Другой объект «внимания» Кучумовичей — Южный Урал — находился под защитой уфимских воевод. В первой половине XVII в. им пришлось столкнуться с массовой миграцией калмыков, и гарнизоны в этом регионе были значительно усилены. Изменилась структура уфимского войска: вместо пеших стрельцов с 1630-х гг. его основу составили конные служилые люди, способные предпринимать дальние походы против кочевников. В караульные разъезды здесь посылали станицы не по 4–7 человек, как на южном московском порубежье, а по 40–100, с дозволением принимать бой с соизмеримыми встречными силами неприятеля¹. Увеличение военного потенциала России на границе сибирских степей послужило одной из причин миграции калмыков оттуда в Нижнее Поволжье.

При этом не стоит преувеличивать масштабы агрессивности Кучумовичей. Имея под началом незначительное количество «подданных»-сторонников, они сами по себе представляли некоторую угрозу лишь в альянсе с калмыками. Причем, на опорные пункты русской власти в регионе — укрепленные города — они, как правило, не посягали. Как заметил В. В. Пестерев, об отсутствии серьезной опасности для сибирских городов свидетельствовало повсеместное обветшание и разрушение их крепостных сооружений в XVII в. [Пестерев, 2005, с. 69–75]². Нападения совершались, главным образом, на сельские местности.

¹ См. подробнее: [Азнабаев, 2005, с. 78–89].

² Однако деревенским жителям приходилось постоянно заботиться об обороне. Фортификационные укрепления в Сибири имелись не только у городов. На беспокойной степной границе сельские поселения тоже иногда оснащались надолбами, частоколами и рвами. При наличии рядом старых татарских городков с сохранившимися стенами окрестные жители укрыва-

Но все-таки бóльшую часть времени царевичи предавались мирным занятиям. Исходя из отмеченной выше специфики приказной документации, мы можем получать информацию об этой стороне их жизни буквально по крупицам. Кочевой образ жизни Кучумовичей предполагал занятие скотоводством, прежде всего, выпас овец. В отписках и расспросных речах проскальзывают сведения также о промысловых занятиях. Охота и рыболовство стали неотъемлемой частью жизненного уклада и в целом «хозяйственно-культурного типа» сибирских татар, результатом их долгого соседства и частичного смешения с местными самодийцами и уграми [Томилов, 1987, с. 48]. На рацион питания «казаков» влиял хозяйственный уклад населения, с которым им доводилось соседствовать. В этом укладе у прииртышских татар важное место занимала добыча рыбы, которая нередко служила основной пищей. С помощью различных приспособлений (*запоров, чайдаулов, суганов*) ловили весной *ировую-юровую* рыбу, осенью — *паровую* [Бахрушин, 1953, с. 158]. Жители Тарского уезда в 1667/1668 г. просили власти не забирать под пашни их «угожие места, гнезда и зверовые всякие угожья и рыбные ловли», поскольку, во-первых, «у нас... те места вотчинные исстари и до Ермакова взятая Сибири»; во-вторых, в тех местах, писали они в челобитной, мы «живем, зверя и рыбу промышляем, зверем ваш государев ясак платим, а **рыбою з женишками и з детишками кормимся**» [РГАДА, ф. 214, кн. 367, л. 1015].

В 1603 г. посланец из Тобольска, прибыв в лагерь Али б. Кучума на Емесбулаке, узнал, что тот распустил своих людей на промыслы [Миллер, 2000, с. 212]. В 1634 г. царевич Девлет-Гирей с сотней своих людей и «с малыми робяты» направился к р. Камышлову «на зверовье» (охоту), и там «Девлет-Кирей улусом своим по зверовьям розъехались». При этом его семья держалась у озер, так как «место... то им кормко рыбою» [Русско-монгольские, 1959, с. 92]¹. В августе 1639 г. уфимские посланцы не застали его дома по той же причине: царевич отбыл «на зверовье» [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 157]. Место для зимовья Девлет-Гирей выбирал по соответствующему критерию: например, в 1637 г. у озера Мунчак «на Ишимских вер-

лись в них от калмыцких, позднее казахских набегов [Сибирь, 1996, с. 75–99; Русские, 2008, с. 71].

¹ Камышлов — ныне р. Прудовая, полувысохший левый приток Иртыша в 200 км южнее Тары.

шинах», «для того что укинули снеги» и «для рыбы» [РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 507, 511].

Хлеб пытались добывать у окрестных землепашцев, отчего набеги планировались во время или после сбора ярового и озимого урожая — «сев яровой», «в сноп», «в жнитво» [Миллер, 2000, с. 209]¹. Иногда посылали уважаемых людей (хафизов-абызов — о них см. ниже) объезжать башкирские селения, прося там «одежи и кормы» [Миллер, 2000, с. 195]. Видимо, это облекалось в форму ясачного сбора. Эпизодический ясак и поставки «одежи и корма» от сибирских татар и башкир-табынцев служили дополнительным источником существования.

Порой в стойбищах Кучумовичей появлялись торговцы из Средней Азии, которые не только привозили товары, необходимые в повседневном быту, но и пригоняли лошадей. И сами царевичи отпускали своих подданных «в Бухары... для торгу» [Русско-монгольские, 1959, с. 92], тем более что их кочевые станы находились в районе старых караванных путей между Сибирью и Мавераннахром.

Проживание в степях не позволяло высококордным «казакам» долго держаться всем вместе из-за бедных ресурсов этого региона. Даже в периоды лояльных отношений друг с другом (а это, как мы видели, бывало не всегда) царевичи вынуждены были кочевать отдельно друг от друга, — пусть и недалеко, в нескольких «днищах», особенно в зимнюю пору, «для того, что им, живучи вместе, прокормитца нечем» [РИБ, т. II, стб. 282].

Организация жизни степных ставок вырабатывалась столетиями истории кочевников. Столь же традиционной выглядела и структура «двора» изгнанного Кучума и царевичей. В источниках среди наиболее приближенных к ним лиц неоднократно упоминаются *аталыки* — воспитатели ханских сыновей. Выше упоминалось о гибели в сражении на Оби в августе 1598 г. пяти аталыков, находившихся при сыновьях Кучума. Один из этих аталыков являлся ханским тестем [АИ, т. 2, с. 3]. В русском аристократическом обиходе татарскому аталыку соответствовал *дядька*. Так эта должность

¹ В отличие от сибирских татар, калмыки выбирали для набегов время жатвы не с целью пополнения запасов, а чтобы уничтожить урожай и тем затруднить жизнь русских поселенцев [Миллер, 2000, с. 355]. О развитии русского хлебопашества в конце XVI–XVII вв. в районах, примыкающих к кочевьям Кучумовичей, см.: [Аполлова, 1976, с. 39–63].

иногда и переводилась¹. По возмужании своих подопечных аталыки сохраняли авторитет в их глазах и, соответственно, занимали престижное место рядом с тронем.

Мелькают на страницах документов и *абызы-хафизы*. Изначальное значение этого звания — тец Корана, помнящий весь текст священной книги наизусть. Поэтому хафиз воспринимался как духовное лицо и носитель высшего знания (Кучум привлекал хафизов к толкованию сновидений, см.: [Сибирские летописи, 1907, с. 320]). Но в татарских ханствах хафизы исполняли и чисто светские функции, связанные с управлением, дипломатией и пр. Даже русские власти обращались к ним для разрешения имущественных и правовых коллизий среди подданных-татар, когда те просили о разбирательстве². Царевичи Али и Канай послали в Москву бить челом государю «из Чат человека своего Безелека абыза» [РИБ, т. II, стб. 281; Миллер, 2000, с. 195–196]³. В 1601 г. Хаджим б. Кучум отправил к башкирам-табынцам собирать «одежи и кормы» своего аталыка Хаджимберди («Козембердея») и хафиза Алибая. Тогда же от Хаджима и Каная ездил для переговоров в Тюмень хафиз Менглибай. И он, и Хаджимберди характеризуются каждый в воеводских отписках как «лутчей человек»⁴ у этих царевичей.

Другая категория духовных лиц — *сеиды* — нами не замечена в окружении Кучумовичей. Но раньше при Кучуме состоял вышеупомянутый Тул-Мухаммед-сеид, который разыскивал хана после битвы на Оби 1598 г. Относительно многочисленная и социально заметная корпорация сеидов, несомненно, присутствовала в Сибирском ханстве. Однако разделить со свергнутым правителем изгнание

¹ «Да бьет челом государю Янсюер царевичев дядка Безалек-абыз» [АИ, т. 2, с. 213].

² См.: [РГАДА, ф. 214, стб. 16, л. 145 (в ответ на челобитье астраханского татарина с просьбой дозволить жениться на вдове умершего брата и завладеть его имуществом Сибирский приказ рекомендовал «про то велети роспросити татарских абызов, как у них про женитбу и про животы (т. е. имущество. — В. Т.) по их вере делаетца» — и подготовить царский указ в соответствии с этими нормами)].

³ Этот хафиз был воспитателем Хансюера б. Али б. Кучума.

⁴ «Лучшие люди» — обозначение лиц повышенного социального статуса, но при этом, как правило, не принадлежавших к знати. Мы не рассматриваем здесь институты дорусского административного устройства юрта с его волостями, сотнями, беками, мирзами, ясаулами и др.

ее члены, видимо, не пожелали. Сказалось, в том числе, и нежелание вести жизнь степняков-«казаков». Подобное положение наблюдалось на другом краю Дешт-и Кипчака, среди крымских и буджакских кочевых ногаев в 1620-х гг.: «Мусульманские богословы не живут между ними, так как не могут привыкнуть к их образу жизни» [Описание, 1879, с. 485]. Учитывая среднеазиатское происхождение большинства их, можно предположить, что некоторые вернулись на родину — в Бухару, Хорезм и Сайрам. Но часть все-таки осталась в Сибири. В частности, обосновался в Таре вместе с семейством последний глава духовенства (*шейх уль-ислам*) Сибирского юрта при Кучуме и его зять, сеид суфий Дин-Али-ходжа, приехавший в Искер из Ургенча. Его потомки образовали в Таре, Тобольске и других местностях Западной Сибири несколько уважаемых фамилий, из которых в XVII–XIX вв. происходили религиозные деятели и купцы [Исхаков, 1997, с. 70–75; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 135, 140–143].

Выше также неоднократно говорилось о беклербеке, главном военачальнике ханства. Возможно, в конце правления Кучума этот пост занимал Мухаммед-Кул¹, при Али б. Кучуме — ногой Али б. Ураз-Мухаммед. Сложно сказать, существовала ли впоследствии в реликтовом «юрте» Кучумовичей эта должность: они были слишком разрозненны и зависимы от тайшей.

Что касается другого высшего сановника — карачи-бека (Кадыр Али джалаира?), то вскоре после поражения на Чувашском мысу он порвал с ханом и позднее примкнул к Саид-Ахмеду б. Бек-Пуладу, вместе с которым был пленен тобольским воеводой, о чем рассказывалось в главе I.

Обычное для кочевых образований дуальное членение территории и населения не фиксируется источниками ни в Сибирском ханстве, ни во владениях Кучумовичей. Разделение на правое и левое

¹ Вопрос о персоне главного бека при Кучуме пока не может быть решен окончательно из-за недостатка сведений. Д. М. Исхаков обратил внимание на упоминающегося в Ремезовской летописи «болшого князя Бегиша», имевшего резиденцию в собственном городке. У этого городка произошел бой казаков со «зборными татарами и с Карачинцы». Последних исследователь считает войском Бегиша, который, таким образом, являлся в то время беклербеком Кучума [Сибирские летописи, 1907, с. 341; Исхаков, 2009, с. 80, 88–89; см. также: Тьчинских, 2009, с. 246–250].

крылья, при номинальном старшинстве одного из них, прослеживается у кочевников Евразии на протяжении тысячелетий, однако в рассматриваемом регионе признаки подобной структуры не просматриваются. Как заметил Г. Миллер, «сибирские народы не знают ничего о превосходстве правой стороны перед левой или о различиях между правой и левой сторонами» [Миллер, 2009, с. 204]. Конечно, представить игнорирование такого различия в повседневной жизни сложно, но, может быть, в отношении социальной организации и территориального деления данная констатация небезосновательна. Очевидно, здесь сказались угасание тюрко-монгольской государственной традиции, которая уступила место синтезу позднезолотоордынского наследия и общественных устоев местных тюрков и угров.

Как мы видим, административная система «казачествующих» сибирских династов являлась чрезвычайно примитивной. Это объяснялось как очень незначительным объектом управления (малонаселенные степи с немногими улусниками), так и частыми перемещениями Кучума и царевичей — зачастую вынужденными перемещениями мест проживания, а не регулярным кочеванием.

Поколение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они выростали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и воспитателей-асрачи¹ нормы жизненного уклада ойратов. Принадлежность к династическому дому Чингисидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия формальной родовой солидарности ни с тюркскими кланами, ни с племенными подразделениями ойратов. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками. Впрочем, это не мешало им помнить о своем царственном происхождении, которое, как мы знаем, время от времени

¹ По широко распространенному среди многих народов обычаю, отпрыски знатных семей у калмыков поручались после рождения заботам мамок-кормилиц и дядек-воспитателей, причем переходили жить в кибитки последних. Как правило, асрачи находились в ранге *зайсангов* — управляющих административными единицами-*аймаками* [Батмаев, 1993, с. 51–52].

служило знаменем борьбы за освобождение местных народов от российской власти.

Характерно, что в роде Кучума немногие царевичи носили арабские-мусульманские имена. Большинство их было наречено именами тюркскими, т. е., условно говоря, «языческими» — неисламскими¹. Сохранение верности религии, принятой предками, едва ли служило препятствием для сближения «казаков» с окружавшими их калмыками. Приверженность исламу была способна подпитывать в них тюрко-татарскую идентичность (а заодно и солидарность с единоверцами, оказавшимися во власти «неверных»). В 1639 г. русские власти требовали от Девлет-Гирея именно мусульманской присяги — «на куране» [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1939 г., д. 2, л. 83, 88 об., 106 об.]. И все же иная культурная среда не могла не накладывать отпечаток на личность и поведение царевичей. Так, в 1632 г. при походе к р. Исети (притоку Тобола) Аблай обещал местным татарам не убивать их, ограничившись сбором одежды и саадаков, и при этом «им по калматцкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом

¹ Впрочем, не исключено, что у каждого из них имелось также мусульманское имя, не отмеченное в источниках. Например, оказалось, что Кучум полностью именовался Кучум Мухаммед Бахадур-хан. Это явствует из единственного, насколько нам известно, упоминания — в арабской грамоте его внука Кучука [РГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 267]; в русском переводе грамоты хан назван просто Кучумом. Наши самые предварительные наблюдения над именованьем сибирских татар первой половины XVII в. показывают, что приблизительно половина их носила мусульманские имена и половина — тюркские неисламские (судим об этом по перечням налогоплательщиков в Тобольской и Тюменской окладных книгах 1626/1627 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 14, л. 98–106 об., 184–195 об.]). Исходя из данных, приведенных Х. Г. Алишиной, в сибирско-татарском ономастиконе конца XVIII в. тюркские имена преобладали над заимствованными — арабо-персидскими и русскими [Алишина, эл. ресурс]. Но Х. Ч. Алишина анализировала антропониими незнатных татар и по большей части, видимо, сельских жителей. Тот же автор в другом исследовании отмечает, что «многосложные мусульманские имена у сибирских татар приживались плохо» [Алишина, 1999, с. 234]. Среди средневековой татарской аристократии мусульманские многосоставные имена были гораздо более распространены и престижны (та же закономерность наблюдается в Ногайской Орде XVI — начала XVII вв.).

За несколько столетий жизни в мусульманской общине ситуация изменилась. Среди современных татар Западной Сибири около 80% носят «мусульманские арабские имена религиозного характера» [Айтбаева, 2004, с. 5].

ставил» [Миллер, 2000, с. 463]¹. Здесь вкратце описан обряд традиционной монгольской присяги-*шахан*, который впоследствии претерпел у калмыков изменения под влиянием буддизма.

Подобный татарско-калмыцкий «бикультурализм» складывался, очевидно, стихийно, без преднамеренного прививания Кучумовичам того или иного образа жизни и без умышленного воспитания в определенной культуре. Показательно, что Аблай б. Ишим, по его признанию, был неграмотен [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1939 г., д. 2, л. 38].

Тесное культурное общение сказывалось и на внешнем облике. Об этом можно судить по такому случаю. В 1637 г. жена полоненного Аблая «княгиня» Чагандар просила у русских переправить к ней «косу волосов головы ево», дабы удостовериться в том, что он жив. (Косу прислали, Чагандар ее опознала, но все же «недоверивала», так как косу «мочно у мужа ее и у мертвого отнять да к ней прислать») [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1939 г., д. 2, л. 11]. Коса-*күжл* — заплетенная прядь волос, свисающих с затылка, — являлась атрибутом калмыцкой мужской прически. Следовательно, Аблай, возвращенный матерью-калмычкой и женатый тоже на калмычке, принял новый облик, без присущей татарам короткой стрижки волос по всей голове.

Впоследствии и его брат Тауке с той же целью переправил из каргопольского заточения на родину свою косу.

Несомненным в этих условиях было двуязычие татарских царевичей. При подготовке встречи послов Девлет-Гирея с Аблаем и Тауке в Белоозере и Каргополе в 1639 г. русскому приставу было велено следить, чтобы они общались между собой по-татарски, а не по-калмыцки, дабы их речи были понятны толмачам.

Предлагаемая нами реконструкция некоторых черт мироощущения Кучумовичей во многом умозрительна и основана на анализе обстоятельств жизни царевичей. Однако рассмотрение многолетнего «казачества» Кучумовичей позволяет согласиться с оценкой их психологического настроения, данной в XVIII в. И. Э. Фишером, — правда, с присущей веку Просвещения мелодраматичностью: «Принцы Кучумовой фамилии, сравнивая великолепие своих предков с бедным своим состоянием, по необходимости снедаемы были скорбию и печалию...» [Фишер, 1774, с. 410].

¹ «Калматцкую веру» здесь иллюстрирует шаманистский обряд, не связанный с буддизмом. Хотя буддизм стал широко распространяться среди ойратов уже с середины 1610-х гг.

Глава 7

Судьба столицы

Историю самого известного города «дорусской» Сибири нужно начинать с эпохи, когда эта страна оказалась в составе Золотой Орды (Улуса Джучи). Ядро населения северо-восточной провинции Орды XIII–XIV вв., а затем Тюменского и Сибирского ханств XV–XVI вв. составили предки современных сибирских татар т. н. *тоболо-иртышской группы* [Тюркские народы, 2006, с. 38–47]. Эти два государства объединили тюркские и угорские племена Западной Сибири. Одно из названий их стольного города «Сибир» дало имя ханству, его народу, а затем и всей стране к востоку от Уральских гор.

Культура городского строительства и городской жизни формировалась в Западной Сибири долго и медленно, здесь не было того грандиозного урбанистического бума, который некогда происходил в западных провинциях Золотой Орды. Археологически выявлены городища-крепости эпохи раннего средневековья, возведенные уграми. Однако в общем этот край, далекий от тогдашних центров цивилизации, еще в XIII в. воспринимался современниками как страна без городов. Французский дипломат Г. Рубрук в сер. XIII в., при описании своего путешествия в столицу Монгольской империи через территорию Улуса Джучи, отметил это обстоятельство при упоминании области Паскатири (Башкирии): «От этой земли к востоку, по... северной стороне, нет более никакого города» [Путешествия, 1957, с. 123]. Через несколько десятилетий подтверждение подобной репутации встречается в письме монаха-францисканца Иоганки главе Ордена 1320 г. Во время пребывания францисканской (миноритской) миссии в «Паскардии» (Башкирии), явился посланец некоего татарского судьи из Сибири с предложением католическим миссионерам отправиться в ту страну для обращения ее народа в христианство: «Если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома, где они пожелают, если же они пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом» [Аннинский, 1940, с. 94]. Таким образом, представитель татар сибирской провинции ясно дал понять, что городов у них нет, а население ведет кочевой образ жизни.

Впрочем, рискованно было бы отрицать наличие городских поселений только на основании таких отрывочных сведений. Во многом они были порождены недостатком информации. С. Герберштейн в первой четверти XVI в., когда существование городов в Западной Сибири уже можно считать несомненным, откровенно признавался в своем неведении: «Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города». Восточные провинции Московского государства и прилегающие области австрийский дипломат описывал, опираясь на русский «Дорожник». Правда, в другом месте своего труда он приводит названия сибирских городов *Ierom* (*Ieron*) и *Tumen* [Герберштейн, 1988, с. 157, 163]. Тексты, составленные авторами, ближе знакомыми с сибирскими реалиями, не оставляют сомнения в этом вопросе. «Синодик ермаковым казакам» (вторая четверть XVII в.) повествует о завоевании сибирцев, о походах на «их нечестивыя улусы и **городки татарския** и остяцкия» [400 лет, 1985, с. 23], ясно отделяя укрепленные городки от стойбищ-улусов и при этом отличая пункты местных тюрков и обских угров. Не случайно в историографии появилась версия о происхождении башкирского наименования тюменских и тобольских татар *туралы* от того, что они «спокон веков жили в городах и укрепленных местах» [Миллер, 1999, с. 189]¹. Действительно, *тура* в тюркских языках означает «крепость». Однако в данном случае возможна и привязка к названию Чимги-Туры (Тюмени) — одной из столиц Сибирского юрта.

В летописях, по подсчетам В. И. Огородникова, приводятся названия 15 татарских городков [Огородников, 1920, с. 220]². Л. Р. Кызласов насчитал более 30 [Кызласов, 1992, с. 51]. Действительное же их количество, упоминаемое в нелетописных источниках конца XVI в., намного превосходит эти подсчеты. В 1585 г. на переговорах со шведами московские представители сообщали о новообретенной Сибири, в которой, по их словам, насчитывается городов «до семидесяти», «семьдесят и болши» [Сборник, с. 415, 463]. Определить татарскую или остяцкую принадлежность городков бывает непросто. Те русские дипломаты очерчивали «царство Сибирское великое по Оби реке верст на две тысячи и болши», т. е. включали в свое описание

¹ Впрочем, сам Миллер сомневался в обоснованности такого объяснения.

² См. также: [История, 2014, с. 398 («кроме трех столиц, около 13 городов»)].

земли остяков и вогулов. Тем не менее, мы не можем причислять к упомянутым 70 городам только что основанные тогда немногочисленные русские крепости. Размежевание с прежней традицией градостроительства явственно просматривается в речи московского посла А. Звенигородского перед персидским шахом Аббасом в 1594 г.: «В Конде большой и в малой и на Иргише (Иртыше. — В. Т.) реке и по великой реке по Оби поставили государя нашего люди больше двадцати городов и церкви поставили; **а старых городов по всей Сибирской земле было до двух сот городов**» [Памятники, 1890, с. 265].

Сибирско-татарская правящая элита возводила укрепленные поселения, прежде всего, в целях обороны своих владений и закрепления господства над подвластными землями, контроля над подданными [Бояршинова, 1960, с. 115; История Сибири, т. 1, с. 365]. Ремезовская летопись ясно приписывает им роль опорных пунктов: по воцарении Кучум «городки свои разпростириши по многим местом, названми своими владеша» [Сибирские летописи, 1907, с. 319]. Особым вниманием правителей юрта пользовалась граница с кочевой степью, откуда приходилось ожидать вражеских нападений. Не случайно большинство крепостиц располагалось на границе тайги и лесостепи [Соболев, 2008, с. 78]¹.

Эту функцию унаследовали русские пришельцы, поселившиеся на месте татарских городищ (или чаще рядом с ними). В первой половине XVII в., в обстановке постоянной угрозы калмыцких набегов, неоднократно отмечалась роль пограничных укреплений как защитных форпостов. В таких крепостях требовалось держать вооруженные отряды, поскольку «Тюмень стоит на степи, и колмацкие люди блиско Тюмени кочуют часто», «Чюбарово городище блиско к степи» [РГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 164, 167], и т. п. На южном рубеже ханства, ниже впадения Ишима в Иртыш, татары построили Куллары — «городок... опасной краиной Кучюмовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет» [Сибирские летописи, 1907, с. 342]². Действительно, Ермаку, напомним, не удалось взять этот

¹ В новейшей историографии высказано мнение, что сибирско-татарские «пограничные городки... служили скорее базой для небольших конных отрядов, чем фортификационными твердынями» [История, 2014, с. 405].

² Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе совр. Омской обл. (см.: [Палашенков, 1979, с. 88–89]).

городок после 5-дневной осады. Следовательно, он являл собой мощное фортификационное сооружение, надежно охранявшее путь по реке и вдоль нее. Такой же «старой опасной Кучумовской город» на р. Суклеме, притоке Тобола, упомянул в своей «Хорографической чертежной книге» С. Ремезов [Хорографическая, 2011, с. 48].

Еще одним предназначением городков был надзор за проезжими путями. Так, татарская Тюмень/Чимги-Тура была основана на дороге с запада, после «Тюменского волока» — перевала через Уральские горы. Таким же охранным пунктом являлся «город опасной Кучумов есаула Алышяя», поставленный в месте, где русло Тобола сужалось и облегчало переправу [Сибирские летописи, 1907, с. 323]. В данном случае, к военно-фортификационным задачам присоединялась функция взимания пошлин с торговых обозов и караванов. Известно, что под управлением некоего мирзы-тархана пребывал «заставной таможенной Кучумов городок» [Сибирские летописи, 1907, с. 321] (тоже на Тоболе), т. е. являвшийся одновременно пограничной заставой и таможенной.

Масса населения Сибирского юрта занималась кочевым скотоводством, при котором в принципе не требовалось градостроительство. Не случайно у этого края долгое время была репутация страны без городов. Огороженные стенами и рвами поселения отвечали, главным образом, военно-политическим и торговым целям. Располагались ли там постоянные ханские резиденции, судить сложно. Глухие отголоски местной исторической традиции, зафиксированные Ремезовым и Миллером, свидетельствуют о проживании древних правителей в городах, от которых остались в лучшем случае руины, но чаще — смутные воспоминания. Причем большинство таких властителей неизвестно по другим источникам. Упоминаются «городище Тоболтура царя», о котором напоминал «особой меж гор высокой холм» (т. е. даже не факт, что там действительно некогда было что-то построено); городок Тебенди как бывшее владение царя Саргачика; крепость царя Он-Сома Кызыл-Тура на Ишиме; Явлу-Тура, где некогда проживал «Тоболак царь чюдской» [Миллер, 1999, с. 186; Описание, 1982, с. 283; Сибирские летописи, 1904, с. 318, 342; Atlas, 1958, л. 9 об., 10 об.]. Согласно татарскому преданию, приведенному выше по публикации К. Голодникова, на месте Сузгунских юрт (татарского городка Сузге-Тура) жил древний народ чудь, который сгинул под землей из страха перед приходом татар.

Возможно, эти неидентифицируемые персонажи являлись в старину предводителями этно-территориальных групп, а их резиденции — центрами племен или политий доордынской эпохи.

Неясно также, насколько можно доверять преданиям и летописным упоминаниям об особых крепостях, служивших жилищами членов Кучумова семейства, в частности, его женам¹. Очевидно, даже имея стационарные жилые здания (дворцы), татарская аристократия не оставляла престижного кочевого образа жизни, завещанного предками. С. Ремезов пишет, что Кучумов сын Али узнал об убийстве отцом Ермака, «кочуя Абугиновых городков» [Сибирские летописи, 1907, с. 344].

Простонародье же, если и использовало эти огороженные пространства, то по распространенной среди степняков вековой схеме: укрывалось в них от врагов и пережидало зиму. Подобная сезонная оседлость сохранялась еще в начале XVIII в.: «Да в (Ишимском. — В. Т.) острожке ж живут зимою в юртах ясашные татаровя, а летом, выезжая, живут в летних юртах против острожка за рекою Иртышем под рекою Ишимом» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 409 об.]. Разве что безлошадные бедняки, не имея средств перемещаться по пастбищам, могли осесть и становиться горожанами (в надежде, что судьба им улыбнется, и можно будет вернуться к любимым скотоводческим занятиям).

Одним из главных признаков города и наиболее долговечным свидетельством его существования были крепостные сооружения. Именно их остатки послужили доказательством существования городского уклада в Сибирском юрте и многократно описывались путешественниками и исследователями.

Из сибирско-татарских городищ, изученных к 1994 г., по данным В. И. Соболева, 82,5% были мысовыми (в том числе Искер), 12,5% равнинными и 5% островными [Соболев В. И., 2008, с. 64]. Для строительства выбиралось, как правило, возвышенное место, отгороженное естественными преградами: рекой, обрывом, оврагом. Наиболее привлекательными являлись речные мысы, так как и зимой, и летом реки в этих болотистых краях часто служили единственными путями сообщений, и укрепление, возвышавшееся над

¹ См., напр.: [Сибирские летописи, 1907, с. 320].

речной долиной, позволяло контролировать окрестности¹. Участки, оставшиеся открытыми, обносили рвом и валом (порой в несколько рядов). По гребню вала шел бревенчатый частокол, снабженный въездными воротами и иногда башнями. С внешним миром горожан связывала узкая тропинка, достаточная для бредущих гуськом пешеходов и всадников или домашнего скота, но неудобная для противника при штурме (см.: [Соболев В. И., 2008, с. 76–77, 233–235; Миллер, 1999, с. 190, 479; Огородников, 1920, с. 220–221; Патканов, 1891, с. 14–16; Пигнатти, 1915, с. 1–2]).

Именно такой системой укреплений была снабжена, в частности, вышеупомянутая Явлу-Тура, о развалинах которой рассказал в своей отписке тюменский воевода в 1658 / 1659 г. «Близко Тюмени города... старой татарской Явлутур городок», а расположен он так: «обошла с дву сторон Тобол река, а с третью сторону озеро большее Чать, от того... озера с четвертую сторону того града выкопаны два рва глубокие, мерою глубина по три сажени, а меж теми рвами вал земляной и до Тобола реки, а въезд в тот городок одним местом дорогою через те рвы и вал земляной, а водяной звоз в тот городок рвом от Тобола реки, а окроме... того въезду в тот городок въехать никими мерами нелзе» [ДАИ, т. 4, с. 152]². В Чувашском городке, что неподалеку от Искера, Ермак собирался перезимовать в безопасности, «яко крепок бе Чювашский град окопми» [Сибирские летописи, 1907, с. 329–330].

* * *

Предшественником Искера в качестве столицы юрта был город, обозначенный в источниках разными именами, из которых наиболее долговечным оказалось «Тюмень». Вероятно, самое первое упоминание о нем содержится в летописном рассказе об убийстве золотоордынского хана Тохтамыша в 1405 / 1406 г. «в Сибирской земли

¹ Также замечена закономерность: все известные сибирско-татарские города располагались в долине большой реки, на некотором расстоянии от впадающего в нее большого притока, т. е. на обычном пересечении меридионального водного потока с широтными торговыми путями [Татауров, 2016, с. 59].

² 3 сажени — ок. 6,5 м (исходя из величины т. н. «казенной сажени» в 2,16 м, установленной в 1649 г. «Соборным уложением»).

близ Тюмени» [Устюжский, 1950, с. 70], хотя по косвенным данным можно предполагать основание города еще в XIII в. [Сафаргалиев, 1996, с. 473]. Происхождение данного топонима, на первый взгляд, прозрачно: от тюрко-монгольского *түмән* («десять тысяч»), что означало или центр одноименного округа, или ставку его управителя-темника. Это подтверждается аналогиями в топонимике Золотой Орды и некоторыми местными преданиями (см.: [Миллер, 1999, с. 268; Описание, 1982, с. 315; Сафаргалиев, 1996, с. 348, 472–473]). Народные этимологии, возводившие имя города к р. Тюменке [Летописи, 1991, с. 46], представляются неосновательными. Другими названиями города были Тура и Чимги-Чинги-Тура (варианты в источниках: Чингий, Чингидин, Чингиден). Первое, как отмечалось выше, — это тюркское «крепость», во втором значении начального элемента неясно, но едва ли оно восходит к имени «Чингис»¹. Основатели русского города были уверены, что «назваша его по старому имени Тюмень» [Новый летописец, 1853, с. 23], но татары в XVIII в. продолжали именовать Тюмень Чинги-Турой [Миллер, 1999, с. 269; Лерберг, 1819, с. 60].

Эта татарская крепость на р. Туре была заметной в истории XV в. Как указывалось выше, узбекский хан Абу-л-Хайр в 1429 г. учредил там свою ставку. Несомненно, в северо-восточных провинциях Золотой Орды Тюмень являлась наиболее заметным населенным пунктом — вероятно, самым крупным и многолюдным. Возможно предполагать у нее давнюю функцию резиденции провинциальных властей. Не случайно на карте братьев Пицигани, составленной в 1367 г., безымянный город к востоку от Урала, идентифицируемый с Тюменью, изображен в виде строения с флагом, что означало административно-политический центр [Егоров, 1985, с. 131].

В сибирско-татарских преданиях, зафиксированных летописцами, основание Тюмени связывалось с полупоэтическим предком буркутских беков Тайбугой, который якобы с разрешения Чингисхана поставил город на Туре, жил и умер в нем. Все известные сведения расходятся с информацией С. Герберштейна от первой четверти XVI в., будто сибирскими городами Еромом и Тюменью «владеют

¹ Сводки упоминаний в источниках и мнений в историографии см.: [Белич, К этимологии; Белич, 2009; Фролов, Фролова, 1986]. И. В. Белич считает возможным производить имя города от тюркского диалектного *цым* (дерн). Т. е. Чимги-Тура — Дерновая крепость.

господа князья югорские, платящие дань великому князю [Московскому]» [Герберштейн, 1988, с. 157]¹.

Восстав против хана Ибака (который в летописях именуется казанским царем Упаком, а у Ремезова Алимом, потомок Тайбуги Мухаммед разрушил (в одном тексте сказано: разорил) Тюмень и обосновался в новопостроенном Искере на Иртыше [ПСРЛ, т. 36, с. 32, 46, 118; Сибирские летописи, 1907, с. 17–18, 318]. Мотив смены местопребывания неясен. Миллер предположил, что расположенная на открытом пространстве Тюмень подвергалась угрозе нападений казанцев (? — скорее, тогда уж казахов и царевичей Шибанидов), отчего бек переселился подальше от степной границы [Миллер, 1999, с. 190–191]. По мнению А. Г. Нестерова, город прекратил существование после изгнания прежних правителей из рода Шибана [Нестеров 1999, с. 117], т. е., видимо, был покинут населением. Это тем более вероятно, если учесть сообщения о его разрушении (разорении) восставшим беком Мухаммедом. К тому же «Хронографическая повесть» первой четверти XVII в. сообщает, что жители «града татарских князей» (т. е. беков) Чимги «оттоле переселишася на Сибирь» [Летописи сибирские, 1991, с. 46].

Из скурых упоминаний об основании русской Тюмени можно вывести убеждение, что ко времени прихода воевод Василия Сукина и Ивана Мясогона на берега Туры в июле 1586 г. татарский город уже не существовал: новое строительство началось, «иже прежде бысть Чингий городок, на том месте», «преж сего был тут град Чингис», «где прежде бывал град Тюмень» [Новый летописец, 1853, с. 23; ПСРЛ, т. 36, с. 65, 96, 115, 126, 138, 186] и т. п. В одной из летописей прямо сказано, что воеводы «доидоша до **Тюменского городища** и поставиша первый город в Сибири Тюмень» [ПСРЛ, т. 36, с. 73], т. е. на месте Чимги-Туры располагались остатки заброшенного поселения. На чертеже, составленном в начале XVIII в. и сохранившемся в «портфелях Миллера», в пределах города Тюмени обозначено довольно обширное «пустое Кучумово городище» [РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 365, ч. II, д. 14, л. 3]. Однако неизвестно,

¹ Ером сопоставим с татарским городком, называвшимся в русских документах конца XVI в. Ялом/Ялым — поблизости от позднейшей Тары. С. Ф. Татауров, посвятивший ему специальную статью, резонно предположил, что в Сибирском ханстве Ялом являлся административным центром области расселения аялыньских татар [Татауров, 2011].

жил ли там хан после бегства из Искера в 1582 г. или ранее — может быть, еще до своего воцарения в столице на Иртыше в 1563 г.

Между тем, пребывание его в Тюмени находит некоторые зыбкие подтверждения в источниках. Турецкий автор конца XVI в. Сейфи Челеби считал Туру резиденцией Кучума [Султанов, 2005, с. 261], возможно, смешивая Искер с Тюменью. Татарская письменная историческая традиция, изложенная в «Повествовании о местопребываниях и владениях» (в записи конца XVII в.), приписывала владение Турой могущественному хану Золотой Орды второй половины XIV в. Урусу: «Тура была юртом Урус-хана»¹. Но немецкий путешественник Ю. Клапрот в 1808 г. приобрел в Моздоке «историю татар, написанную на ногайско-татарском диалекте», в которой то же «Повествование» приписывает владение Турой все-таки Кучуму: «Резиденция Кушум-Хана находилась на горе Тура» [Клапрот, 2008, с. 98]. Череда известных и неизвестных топонимов и имен в данном памятнике, которые меняются в разных его вариантах, а также нагромождение явных анахронизмов не позволяют относиться к нему с доверием. В очередной версии этого анонимного сочинения, переписанной в 1879 г. и обнаруженной через 48 лет в Арском кантоне Татарии А. Рахимом, упоминается еще один персонаж в связи с Турой: «Устье реки Уфимки есть становище Тирэ-хана. В крепости горы Тура есть вершина, которая есть местопребывание дворца Тирэ-хана...» [Рахим, 2004, с. 577].

Судя по Лихачевской редакции Есиповской летописи, бек Мухаммед сначала построил городок Ябалак (Абалак), отойдя из Чимги-Туры «внутрь Сибирские земли на реку Иртиш», и лишь потом в устье Сибирки заложил Искер [ПСРЛ, т. 36, с. 118–119]. В других источниках сведений о каком-то промежуточном градостроительстве, кажется, нет. Другие редакции той же летописи сообщают, будто бек основал Искер в ознаменование победы над шибанидским ханом, «яко царя победы, храбрость свою показуя» [ПСРЛ, т. 36, с. 47, 81, 119, 179]. По мнению Д. Н. Маслюженко, Тайбугиды перенесли резиденцию севернее для того, чтобы, во-первых, порвать с вековой традицией, дававшей Чингисидам монополию на власть; во-вторых, отдалиться от могущественной Ногайской Орды, которая обычно поддерживала сибирских Шибанидов. Одновременно окончательно

¹ *Tura Urus Han-niᅅgyurtidur* [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 89–90].

утратил значение и изначальный центр Тайбугидов — Кызыл-Тура на Ишиме [Маслюженко, 2008, с. 102]¹.

Полностью расходится с летописной версией возникновения Искера легенда барабинских татар о Кучуме. С берегов р. Томи, где он поначалу жил и был недоволен тамошней местностью, Кучум во главе своего народа ушел к Тоболу и основал город, где и поселился [Радлов, 1907, с. 8–9; Катанов, 1895, с. 7]. Предание, услышанное в начале XVIII в. пленным шведским офицером Ф. Страленбергом, гласит, что Кучум отвоевал город Сибир у языческого народа яушта. По И. Фишеру, татарский род аушта в прежние времена жил именно в тех местах: на берегах Сибирки, притока Иртыша [Томилов, 1995, с. 27]. На самом же деле, источники XVII–XVIII вв. застают эуштинцев (томских татар) не на Тоболе и Сибирке, а как раз в тех местах, которые, по барабинской легенде, оставил Кучум, — в Нижнем Притомье [Тюркские народы, 2006, с. 31].

Имя города, при всем многообразии источников, сводится к трем названиям: Сибир (Сибирь), Искер, Кашлык.

В татарской традиции его основание и наречение в большинстве случаев приписывается беку Мухаммеду Тайбугиду [Сибирские летописи, 1907, с. 19; Пигнатти, 1915, с. 2], иногда другим персонажам². В сочинениях XVIII в. слово «Сибир» объяснялось как производное от тюркского *сенбирь* («ты первый, главный») или от р. Сибирки [Татищев, 1950, с. 47; Atlas, 1958, л. 9 об.]. Современные исследователи выводят его из названия страны Ибир-Сибир, которое, в свою очередь, сохранило древний угорский этноним сыбыр/сабыр [Белич, 1997, с. 72; Нестеров, 1999, с. 57; Нестеров, 2002, с. 18–19]. Старой Сибирью называли место исчезнувшего города и впоследствии, на протяжении трех столетий [ПСРЛ, т. 36, с. 129; Хорографическая, 2011, с. 100; Преображенский, 1972, с. 49]. Косвенным подтверждением «речной» версии служат зафиксированные

¹ Остатки Кызыл-Туры в настоящее время идентифицированы с городищем Красноярка II в Усть-Ишимском районе Омской области [Могильников, 2001; Данченко, 2008].

² Алим-бик, уйдя из Казани, построил Старую Тобол-туру [Рахим, 2004, с. 579]; Сибир, сын Абдера, внук Умара, вернулся на родину из казанского заложничества, вместе со своими родичами и спутниками-чувашиами отвоевал дедовские владения и основал Сибирь-Туру на Иртыше [Юшков, 1861, с. 276].

позднее местные татарские наименования Искера Сибир-Тура и Тобол-Тура: во втором случае явно в честь другой ближней реки (хотя тогда странно, что в топонимии не был задействован Иртыш, на берегу которого стояла крепость). Впоследствии татары Тобол-Турой стали называть Тобольск [РГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 267 (грамота на тюрки сибирского царевича Кучука 1669 г.); Рахим, 2004, с. 579]¹.

Написание «Искер» общепринято в литературе, хотя в тюркоязычных письменных и фольклорных памятниках встречаются варианты: Искир, Эзгер, Искар / Искяр (اسكار), а все государство — Искерский (Искарский) и Тобольский (Тобольский Искерский) юрт (см.: [Катанов, 1897, с. 51; Бустанов, 2011б, с. 41–42; Катанов, 1903, с. 138, 153; Радлов, 1907, с. 212; Рахимов, 2005, с. 119; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 198, 204; Усманов, Шайхиев, 1979, с. 90–91]). В татарском «Родословии сеидов», записанном В. В. Радловым, он представлен как «город сибирского народа Искер» (*сибир халкынынз Искер шахри*) [Радлов, 1907, с. 219; Катанов, 1887, с. 236]. Этимологию чаще возводят к композиции тюркских основ: *иски* / *эски* (старый) + *йер* / *йыр* (земля, место) или *ор* (крепость), или *ур* (въезд) [Атласи, 2005, с. 16, 26; Белич, 1997, с. 73; История, 2014, с. 393; Исаков, 2009, с. 29; Пигнатти, 1915, с. 2; Сафаргалиев, 1996, с. 472; Словцов, 1838, с. XXIII]², иногда сопоставляя с возникшей якобы позже Тюменью-Чимги-Турой и приписывая, таким образом, Искеру возникновение еще в доордынскую эпоху (В. П. Левашова, В. Н. Пигнатти, М. Г. Сафаргалиев). Есть единичные попытки объяснения через единственное прилагательное: *иски* или *искеру* («древний») [Нестеров, 1999, с. 57; Щеглов, 1993, с. 36].

Археологически столь давнее существование города пока уверенно не подтверждается. Однако версию о закладке и наименовании его беком Мухаммедом в конце XV в. также можно подвергнуть

¹ Но С. Ремезов и Г. Миллер (описывавший свой путь из Тобольска в Тюмень) называли еще и татарскую деревню с таким названием (русское название — Тобол-татарские юрты), на месте которой «в старые времена стоял татарский город, о котором, однако, нет в исторических книгах о завоевании Сибири, начатом Ермаком Тимофеевым, так что этот город... должен иметь большую древность» [Сибирь, 1996, с. 290; Хорографическая, 2011, с. 48].

² Обзор этимологических версий названий «Сибирь», «Искер», «Кашлык» см. также: [Алишина, 2010].

сомнению. Город Sebur в верховьях Эдила (Волги) обозначен уже на карте Пицигани 1367 г. как самый восточный ордынский населенный пункт [Егоров, 1985, с. 131] (как указывалось выше, наряду с безымянной Тюменью). Он также упомянут как Сибир (впрочем, в не совсем уместном контексте) у немецкого путешественника первой четверти XV в. И. Шильтбергера [Шильтбергер, 1984, с. 44]. Английский путешественник А. Дженкинсон, который в третьей четверти XVI в. дважды пересекал Восточную Европу на пути в Персию, слышал о далеком восточном городе Сибирь на р. Оби [Английские, 1937, с. 133]. На основании путевых записей Дженкинсона и трактата Герберштейна, европейские географы XVI–XVII вв. стали наносить на карты обозначение города *Sibir / Sibier / Sibior / Sebur*¹.

В 1482/1483 г. воеводы Ивана III во время похода за Урал «пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю... А от Сибири шли по Иртишу реце вниз, воюючи...». Весной 1484 г. в Москву прибыли с челобитьем вогульские и югорские князья, среди которых был сибирский Лятик [Устюжский, 1950, с. 94–95]. Кажется, что подтверждается версия о существовании Искера на Иртыше еще до прихода туда тайбугидского бека, и становится известно, что там княжил Лятик². Но поскольку неясно, идет ли речь в летописи о городе или о местности «Сибирь», то существование в то время поселения на месте Искера остается малодостоверным (как и попытки этимологизировать «Искер/Искар» из финно-угорских языков).

Наименование «Кашлык» встречается только в Ремезовской летописи и, несомненно, обозначает Искер: «Маметь царь казанского царя Алима победил и на усть речки Сибирки град Кашлык учинил...»; Кучум, «бежав из града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома»; «град Сибирь, еже Кашлык» [Сибирские летописи, 1907, с. 318, 331–332]. Его обычно объясняют как тюркское *кишлак* («зимовье»), хотя детально проанализировавший топонимику сибирско-татарских столиц И. В. Белич считает это необудительным и допускает

¹ См., напр.: [Blaeu's, 1990, с. 190–191, 198–199; A History, 1969, с. 127–128, 253; Mercator, 1589, карты «Asia et magna orbis», «Europa», «Russia cum confinijis»; Mercator, Hondius, Janssonius, 1968, с. 401–402, 413–414; Ortelius, 1968, с. 2–4, 104–106; Speed, 1966, с. 39–40].

² См., напр.: [Берс, 1930, с. 116; Оксенов, Сибирское, 1888, с. 8–9; Пигнатти, 1915, с. 2; Frank, 1994, с. 13].

связь с племенем каш, которое приняло участие в формировании народа сибирских татар, или с родоплеменной группой кышлык / кышлик [Белич, 1997, с. 73]. Однако в интерпретации ханской ставки как зимнего местожительства (кишлака) есть резон, если учесть обычное пребывание кочевников в стационарных пунктах в зимние месяцы. Выше указывалось на факт такой сезонной оседлости именно у сибирских татар.

Совмещение разных названий одного города породило у историков догадку о различных речевых условиях бытования названий столицы юрта. И. В. Белич полагает, что ее официальным именем было «Сибир», неофициальным — «Кашлык»; по А. Г. Нестерову, город был, скорее всего, назван Кашлыком, «Искер» — это разговорное обозначение, а Сибир — обычная практика именованя города по названию страны [Белич, 1997, с. 73; Нестеров, 1999, с. 57; Нестеров, 2002, с. 18–19]¹.

* * *

Первенствующий статус Искера отражен в летописных эпитетах: «царствующий град», «начальный град»². Он был «начальным» уже со времени поселения в нем Тайбугидов. В середине XVI в. во главе юрта стояли беки-соправители из этого клана: Ядгар и Бекбулат. Вероятно, они княжили в соответствии с традиционным принципом кочевых политий: разделив подвластные земли и подданных на два крыла и проживая в разных ставках. В Искере некогда располагалась ставка Бекбулата. Его сын Саид-Ахмед, заняв в 1586 г. Искер и изгнав оттуда царевича Али Кучумова, по словам Румянцевского летописца, «прият отчину отца своего Бекбулата» [ПСРЛ, т. 36, с. 40]. Следовательно, бек Ядгар кочевал в другой местности — может

¹ Однако Румянцевский летописец прямо говорит о том, что, наоборот, страна Сибирь «прозвася» по своему «начальному граду» ([ПСРЛ, т. 36, с. 32].

² Приписывание Искеру столичной роли в историографии распространено, но не общепринято. Так, С. Ф. Татауров приводит веские контраргументы, опровергающие трактовку Искера как ремесленного, торгового и религиозного центра ханства, но имевшего существенное идеологическое значение для русских властей как символа покорения Сибири; такие же сомнения он высказывает и в отношении других городов Сибирского юрта [Татауров, 2015, с. 155–158; Татауров, 2016].

быть, в окрестностях покинутой и разрушающейся Чимги-Туры как исконого административного центра юрта.

После поражения Кучума на Чувашевом мысу 26 октября 1582 г. Искер (как и прочие близлежащие татарские городки) полностью обезлюдел. Если имеются скудные сведения о дальнейших передвижениях разгромленного хана, то о судьбе горожан данных нет. Однако едва ли их число было значительным. Духовенство, ремесленники и придворные служители, если не последовали за ханом, то укрылись в местах, пока недоступных для казаков. Эти категории подданных, подобающие ханской столице, наверняка присутствовали в городе. Даже через 700 лет путешественник мог видеть развалины кирпичных зданий Искера, напоминавших среднеазиатские («бухарские») постройки, т. е. возведенные по восточным градостроительным канонам [Георги, 2007, с. 143]¹.

Население, понемногу придя в себя, стало возвращаться в Искер. Потянулись к атаману-победителю и бывшие вассалы Кучума — остяцкие князцы с урочным ясаком [ПСРЛ, т. 36, с. 56, 84, 93, 111 и др.]. Город стал понемногу оживать. Летописные указания на возвращение «татаровой мнозих» с семьями, а также на присутствие там в 1585–1587 гг. татар «великого множества», «поганых великого собранья» [ПСРЛ, т. 36, с. 40] может свидетельствовать о его многонаселенности, — во всяком случае, о способности вместить значительное число жителей.

Помимо столичной функции, Искер играл роль религиозного центра. История утверждения ислама в крае плодотворно изучается И. В. Беличем, А. К. Бустановым, А. Г. и И. А. Селезневыми. Из их исследований предстает сакральный статус Искера и прилегающей территории. Существуют многочисленные свидетельства XVII–XIX вв. о ханском некрополе на Саусканском мысу (от Искера «яко 3 поприща» [ПСРЛ, т. 36, с. 34]) и могилах шейхов; о мечети на руинах города, столетиями обновлявшейся татарами; об их ежегодных поминальных ритуалах в прошлом². Все это заставляет

¹ Возможно, подобные свидетельства позволили Л. Р. Кызласову утверждать, будто при Кучуме Искер был перестроен по образцу городов Средней Азии из-за давнего проживания в нем выходцев оттуда и по причине господства ислама [Кызласов, 1992, с. 48, 50].

² См., напр.: [Картина, 1818, с. 30; Катанов, 1903, с. 138, 153; Пигнатти, 1915, с. 6; Сибирские летописи, 1907, с. 337; Тоболяк, 1887; Frank, 1994, с. 19].

вспомнить священные погребальные заповедники-куруки, присущие средневековым тюркским династам (см.: [Дмитриев, 2006; Дробышев, 2005]).

Иногда в литературе встречается утверждение, будто Кучуму удалось вернуть себе Искер после исхода оттуда Ермаковых казаков, оставшихся без предводителя¹. Однако ситуация представляется таким образом, что Кучум лишь лелеял намерение напасть не то на свою бывшую столицу, не то на Тобольск, но ограничился разорением окрестностей последнего [ПСРЛ, т. 36, с. 35, 68]². Весной 1584 г. татарский сановник карачи-бек «облегоша град Сибирь обозами и табары поставиша», т. е. взял его в осаду, но был отбит [ПСРЛ, т. 36, с. 34, 62]. Напомним, сибирские летописи рассказывают, что после гибели Ермака и ухода казаков сын Кучума Али в начале 1586 г. занял столицу юрта. Лишь список Спасского Строгановской летописи содержит версию, примиряющую противоречивые сведения о том, кто овладел Искером: «...царевич Алий, Кучюмов сын... пришел с своими людьми во град; **по сем и отец его царь Кучюм прииде ту во град свой столный**, радовашеся» [Сибирские летописи, 1907, с. 39]. Из других известных нам источников только Сейфи Челеби сообщает, что после 2-летней осады «город Тура» был отбит Кучумом у «неверных», но впоследствии вновь утрачен [Султанов, 2006, с. 261]. Однако для хрониста в далеких османских владениях была простительна путаница в деталях: кто и при каких обстоятельствах отобрал у завоевателей неведомую для него «Туру» на краю земли...

Али явился в город с «воинскими людьми» — татарами, сохранившими ему преданность. Царевич там «начаша жити весело», уже

По резонному мнению ряда исследователей, под мечетью в данном случае следует понимать *астану* — усыпальницу местного мусульманского святого [Белич, 2002, с. 180–184; Рахимов, 2013].

Есть версия, что Искер не имел и не мог иметь статуса религиозного центра, равно как и стольного города, из-за того, что, во-первых, он был малонаселенным; во-вторых, использовался Кучумом в качестве не постоянной резиденции, а временной зимней ставки (летняя ставка якобы располагалась на Сырдарье) [Матвеев, Татауров, 2015]. Подобные сомнения столь же резонны, сколь пока и умозрительны. Стройные логические построения остаются подтвердить хотя бы минимальным материалом источников.

¹ См., напр.: [Скрынников, 1986, с. 265].

² Впрочем, есть мнение, что приход Кучума под Тобольск является «историкографическим мифом» [Солодкин, 2014, с. 12].

не опасаясь нападения казаков [Сибирские летописи, 1907, с. 84–85]. Но правление его в столице юрта оказалось недолгим. Узнав об уходе «неверных», туда двинулся тайбугидский бек Саид-Ахмед, «прибрав множество иностранных воинских людей агаренских же языков», и выбил Али из крепости, которую считал «отчиной отца своего Бекбулата» [Сибирские летописи, 1907, с. 344; ПСРЛ, т. 36, с. 40, 64, 251]. Под этими иностранцами по отношению к местным татарам могли в то время подразумеваться узбеки, которые явились с беком из «Бухар» (в Бухарском ханстве Абдуллы II он жил после воцарения в Сибири Кучума), или же, что менее вероятно, ногаи и казахи. Х. Зияев считал, что войско Саид-Ахмеда составляли бухарцы, посланные «определенными кругами» Средней Азии в Сибирь в надежде на поддержку этих пришельцев татарской знатью и на вокняжение бека в Искере [Зияев, 1964, с. 19–20]. Сходное мнение высказывал Н. М. Карамзин, отметив, что Саид-Ахмед двинулся «на сего царя-хищника» (Кучума. — В. Т.) с шайками узбеков» [Карамзин, 1824, с. 393]. Но все-таки явной, официальной военной поддержки его со стороны Бухары не заметно по источникам. Не случайно в летописном сообщении говорится о «прибрании» беком соратников, т. е. самостоятельном наборе или найме, а не об использовании чьего-либо готового войска. Видимо, хан Абдулла II в то время решил, что вожди сибирцев способны разрешить свои конфликты самостоятельно.

Погодинский летописец гласит, что Саид-Ахмед при захвате Искера «царевича Алея взял и прочих Кучюмовых сынов смер[тью] убил и из града изгна» [ПСРЛ, т. 36, с. 135]. Это недостоверное сообщение, так как нет других данных о пребывании Али в плену в конце XVI в. Выше приводилась более распространенная летописная версия об изгнании царевича из столицы. Ведь он еще много лет активно участвовал в политике, а в начале XVII в., по некоторым сведениям, как уже упоминалось, был провозглашен сибирским ханом.

Ремезовская летопись называет соратников Саид-Ахмеда его «домашними воями» [Сибирские летописи, 1907, с. 344; Зияев, 1964, с. 19–20]¹. Известно, что в его свите под Тобольском находились

¹ Д. М. Исхаков посчитал это войско «клановой дружиной» из эля салджиут, к которому он одно время относил Тайбугидов [Татары, 2001, с. 122].

казахский царевич Ураз-Мухаммед и сибирский карачи-бек («Карача»), порвавший с Кучумом и его семьей [ПСРЛ, т. 36, с. 66]. Полагаем, что высший сановник разгромленного ханства присоединился к беку в сопровождении какого-то числа татарских воинов. Поэтому более вероятно, что отряд Саид-Ахмеда состоял из 500 разноплеменных дружинников (цифра из той же летописи).

Возможно, триумвиры пытались наладить мирные отношения с русскими, которые стали прибывать в земли бывшего ханства. Во всяком случае, они никак не препятствовали строительству Тюмени и Тобольска. Потенциальная опасность реванша от Кучума и Кучумовичей удерживала властителей Искера от конфликтов с «неверными». Осенью 1587 (или 1588) г.¹, во время начавшихся было переговоров в Тобольске с письменным головой Д. Чулковым, Саид-Ахмед, карачи-бек и Ураз-Мухаммед были взяты в плен. Сопровождавшие их несколько сотен воинов в смятении бежали прочь².

За этими событиями последовало окончательное запустение Искера. В многочисленных редакциях Есиповской летописи рассказывается, с различными вариациями, что соратники Саид-Ахмеда, напуганные коварством русских, по возвращении из Тобольска не вернулись «во град свой Сибирь, но мимо бежаша». Все до одного его жители, охваченные паникой, бросились из города, якобы оставив в нем все свое имущество. Столица бывшего юрта в очередной раз обезлюдела [ПСРЛ, т. 36, с. 40, 67, 89, 187, 254, 313, 366; Сибирские летописи, 1907, с. 42]. Опустевшие строения ветшали, осыпающийся обрывистый берег Иртыша подступал все ближе, и, в конце концов, на месте Искера остались невзрачные руины. Разве что места поклонений мусульман поддерживались местным населением.

Напомним, что Ю. Крижанич, который провел 16 лет в тобольской ссылке, в своем «Повествовании о Сибири» (1680 г.) приписал участие в уничтожении его казакам: «Город Сибирь... был разрушен москвитянами и казаками» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 168]). В развитие этого безосновательного обвинения А. А. Дмитриев решил, что после пленения Саид-Ахмеда тобольские служилые, заботясь о безопасности, немедленно срыли все укрепления Искера). Полагаем все же, что на самом деле его остатки были уничтожены в ходе

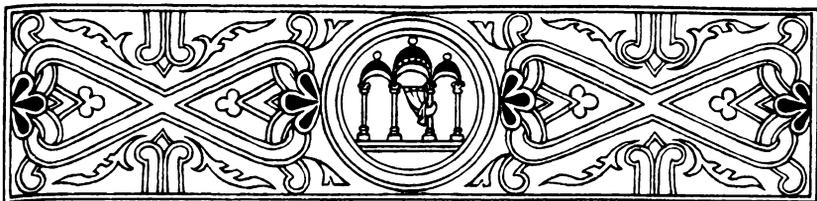
¹ О спорности датировки см.: [Шашков, 2010, с. 69].

² Об этих событиях см.: [Худяков, 2014].

хозяйственной деятельности русских крестьян. По Дозорной книге Тобольского уезда 1622/1623 г., на «Старой Сибири» уже в то время стояли деревни Черная и Санникова Тобольского Успенского монастыря, а также Соляная, Ламбина и Полуянова. В окрестностях и на месте «царствующего града» их жители устроили пашню и перелог. Сохранились там и следы земледельческой деятельности татардоермаковской эпохи — «царевы пашни паханые» [РГАДА, ф. 214, кн. 3, л. 79 об., 82 об., 92; Дмитриев, 1998, с. 74–75; Никитин, 1974, с. 282]¹.

¹ Впрочем, в следующем столетии С. Ремезов и Г. Миллер указали совсем другие названия деревень [Сибирь, 1996, с. 77; Хорографическая, 2011, с. 45. 100, альбом, л. 79 (верх. вклейка), 160 об.].

Раздел II

ПОДДАННЫЕ МОСКОВСКОГО ЦАРЯ

Глава 1

Генеалогия выезжих Кучумовичей

История выездов сибирских Шибанидов¹ в Россию началась еще в начале XVI в. Одно время (1505 г.) собирався выехать в Россию сибирский царевич Ак-Курт, сын Мамука или Ибака [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 291–293], со своим дядей Агалаком. Выезд не состоялся из-за начала междоусобицы в Ногайской Орде, где они тогда находились. Проживая в степи, царевич получал поминки (дары) от великого князя Московского. Имеется упоминание о посылке им в 1505 г. к Василию III своего сына Ак-Даулета. Более о данном факте ничего не известно. Скорее всего, эти события, в конечном счете, сыграли определенную роль в выезде в Россию Ак-Даулета (Акдевет, Акдовлет) [СГГД, 1894, № 46, с. 32; № 50, с. 34]. Он упоминается в России с 1518/1519 г. († 1532/1533 г.). Умер царевич во время военного похода [Трепавлов, 2001, с. 138, 143–144; Зимин, 1950, с. 12].

¹ Кучумовичи происходили от Шибана, пятого сына Джучи, второго сына Чингис-хана. Поэтому их, в том числе, называют сибирскими Шибанидами.

Позднее в документах появляется его сын Шах-Али († не ранее 1541 г.) [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 291–293]. Вряд ли данные выезды были связаны со стремлением Москвы к экспансии за Урал. Скорее всего, причины следует искать в клубке русско-казанско-ногайских интересов.

С конца XVI в. в России отмечают уже Кучумовичи. При этом они появились по преимуществу в результате массовых вывозов. Данный процесс был запущен походом Ермака и последующими событиями.

Племянник Кучума Мухаммед-Кул б. Атаул был захвачен в плен в 1582 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 48]. Д. Н. Маслюженко, обращая внимание на отчество царевича, отказывает ему в происхождении от Чингисхана и скорее готов видеть в нем представителя ногайской знати на службе у Кучума [Маслюженко, Сибирская, 2010, с. 10]. В. В. Трепавлов вполне убедительно делает предположение о том, что отчество племянника Кучума царевича Мухаммед-Кула — Алтаулович (Атаулович) — следует рассматривать как прозвище, доставшееся ему от отца (скорее всего, Ахмед-Гирей), воспитывавшегося, по-видимому, при дворе ногайского бия Шейх-Мамая. Тот умер в 1549 г., оставив шестерых сыновей. Их обиходное ногайское прозвище «алты улы» («шесть сыновей») распространилось на улусных людей этих мирз. В таком случае, прозвище Алтаулович — Атаулович, унаследованное от отца, является признаком давней связи с семейством Шейх-Мамая и левым крылом ногаев, ближайшим к Сибирскому юрту. По мнению исследователя, отец царевича, скорее всего, Ахмед-Гирей [Трепавлов, 2012, с. 13–14]. В 1586/1587 г. к нему в Россию выехала жена [РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1589 г., д. 24, л. 1], в 1595 г. (1596 г. [Миллер, 1999, с. 291]) — мать [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 49]. Вместе с ними в России появились его родственники и свойственники [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 24 и др.]. Судя по всему, уже в России у него родилась дочь, ставшая впоследствии супругой сибирского царевича Алтаная б. Кучума [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 6; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41].

Собственно Кучумовичи появляются в России в 1591 г. Тогда у озера Чили-Кула взяли в плен сына сибирского хана Кучума б. Муртазы и царицы Чепшан Абу-л-Хайра (Андрея) (ок. 1575 г. р.) с двумя «царицами» (их личности и судьба неизвестны) [Сибирские, 1907, с. 351]. У Андрея известно четверо детей: сын князь Василий [Люби-

мов, 1915, с. 55–79] и дочь Евдокия [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6013, л. 82 об. — 87, 263–270 об; ф. 396, оп. 2, д. 221, л. 106 об. — 107; Маясова, 2004, с. 308–309], а также умершие во младенчестве Андрей (сентябрь 1620 г.) и Федор (3 мая 1621 г.) [Беркович, 2011, с. 296–301]. У Василия, в свою очередь, также отмечено двое детей: сын князь Роман и дочь княжна Анастасия [Любимов, 1915, с. 59–79]. Сохранилась запись рода царевича в синодике Ярославского Спасского монастыря: «Род ц(а)р(е)в(и)ча кн(я)зя Андреа Кучумовича. Кн(я)зя Андреа вж; схим(...) Ираиды; кн(я)зя Феодора гж; кн(я)зя Емелиана; Феодосии; Евдокии; кн(я)зя Георгия; кн(я)г(и)ни Анны; схим(...) Елены; кн(я)зя Михаила; кн(я)г(и)ни Анастасии; схим(...) Анисии; Марии; Ульянии» [ЯМЗ-15458, л. 46]. Как мы видим, он в основном состоит из имен, большинство которых на настоящий момент невозможно идентифицировать. Предположительно, к Кучумовичам можно отнести только княгиню Анастасию (Анастасия Васильевна Стрешнева?). Остальные лица должны быть родственниками ее мужа. В таком случае, заглавие, данное монахами монастыря, следует признать несколько не точным.

20 августа 1598 г. в плен попала большая группа жен, детей и внуков Кучума. Тогда в Москву были вывезены 5 сыновей Кучума: царевичи Асманак (ок. 1568 г. р.), Шаим (ок. 1578 г. р.), сын царицы Салтаным, Бибадша (ок. 1586–1590 г. р.), Кумыш (ок. 1593 г. р.), Молла (Молта) (ок. 1593 г. р.); 8 жен: царицы Салтаным, Суюдеджан, Яндевлет, Актулум, Ак-Сюйрюк, Шевлель, Кубул, Чепшан; жена царевича Каная (по другим данным — Чюрая) б. Кучума царица Данай, дочь ногайского бия Уруса б. Исмаила, с двумя дочерьми; жена царевича Али, царица Хандаза (дочь ногайского бия Дин-Ахмеда) с сыном Янсюером (1594 г. р.), царевич Арслан (Алп-Арслан, Араслан) (ок. 1590 г. р. ?) (Г. Ф. Миллер считает, что отец сам отправил сына в Москву в 1605 г. [Миллер, 1999, с. 35], но это в действительности следует отнести к 1604 г.), от другой жены и дочерью; 8 дочерей Кучума: царевны Кумыз (ок. 1584 г. р.), дочь царицы Актулум Гуленфат (ок. 1584 г. р.), дочь царицы Ак-Сюйрюк Ак-ханум, дочь царицы Шевлели Азеп-салтана (ок. 1587 / 1588 г. р.), дочери царицы Суюдеджан Дерпадша (ок. 1588 / 1589 г. р.) и Мулдур (1592 / 1593 г. р.), дочь царицы Салтаным Тулун-беке (ок. 1595 / 1596 г. р.), дочь царицы Ак-Сюйрюк Караджан (ок. 1595 / 1596 г. р.), дочь царицы Лилипак Нал [АИ, т. 2, с. 1–21].

Тогда же вывезли малолетних внуков Кучума Зен-Магмета и Лалтак, детей одной из дочерей хана и ногайского мирзы Бегай (Бай) б. Ханбая б. Смайла (Исмаила). Его мать следует искать среди пленных цариц [АИ, т. 2, с. 5, 17–18]. Позднее в России оказался и сам Бегай мирза, а также другой его сын (по-видимому, от другой жены) Сыры и некоторые иные родственники, известные как мирзы (в крещении князья) Смайлевы [Трепавлов, 2003, с. 331–332]. Скорее всего, вместе с царицей Нал выехал и ее муж и, по крайней мере, часть ее детей.

Следует отметить, что в настоящее время в научной литературе подсчеты пленников и их персональный состав значительно разнятся. Так, под сомнение ставится пленение Арслана б. Али [Маслюженко, 2010; Нестеров, 2002, с. 210–211]. Арслан б. Али действительно появился в России несколько позднее и, возможно, один из немногих выехал добровольно. Однако датировка Г. Ф. Миллера также ошибочна. Публикаторы документов о выезде плененных сибирских цариц и царевичей объединили под одной датой (зима 1598–1599 г.) как относящиеся к этому времени документы, так и несколько более поздние. Сохранилась выписка о встрече Арслана и его людей царем Борисом Годуновым в 1603 / 1604 г. [РГАДА, ф. 134, оп. 1. 1622 г. д. 1, л. 27–28]. Ранее мы интерпретировали данное сообщение как прием московским государем достигшего совершеннолетия царевича [Беляков, 2006, с. 9], однако следует признать ошибочность данного предположения.

Следует особо остановиться на упоминаемом в 1598 г. царевиче Янсюере б. Али. Ряд авторов и архивные источники приводят имена еще двух сыновей Али — Хансюера и Канчувара (Кансувар). В. В. Вельяминов-Зернов считает, что это только искаженная передача имени Янсюер (Джансюер) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 198–200]. Но документы, в которых Хансюер и Янсюер упоминаются одновременно, снимают вопрос об их тождестве. При этом мы с высокой степенью достоверности можем утверждать (по размерам поместного и денежного окладов), что Хансюер был старшим среди них [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 4, 6; 1638 г., д. 4, л. 2].

Интересна судьба старшего брата. Хансюер дважды попадал в Россию. Дело в том, что в 1613–1615 гг. он находился под Смоленском с братом Янсюером и тремя дядьями (по-видимому, это были испещенные царевичи Молла (Молта), Азим (Хадумм, Хаджим) и, воз-

можно, Андрей Кучумович) в полку воевод кн. Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и кн. Ивана Федоровича Троекурова, откуда с боя отъехал «с пьяна»¹ в Литву. Не получив там желаемого содержания (находился «бес приюта... и жалованья»), он перебирается в Крым и здесь остается достаточно долго. При этом смена ханов не влияла на его судьбу.

Все изменилось в 1627 г. В Стамбуле решили заменить хана Мухаммад-Гирея на Джанибек-Гирея, уже бывшего до этого крымским правителем. 21 июня он прибыл в Крым в сопровождении 60 каторг и 20 кораблей. Калга Шан-Гирей, а позднее и сам Мухаммад-Гирей, оказались у запорожских казаков. Их сторонников в Крыму было мало, поэтому силой захватить власть они не могли и планировали только опустошительный набег, при активном участии казаков и польского короля. По другим данным, калга находился в плену у черкасс [Савелов, 1906, с. 69, 71, 95–96, 101]. Хансюер, судя по всему, по неизвестным нам причинам, боялся возвращения Джанибека (скорее всего, он сыграл какую-то неблагоприятную роль при его смещении). Поэтому он посчитал за благо оказаться в окружении калги Шан-Гирея. Весной 1628 г. соединенное войско черкасс, казыевских ногаев, опального хана и калги было разбито крымскими татарами. Мухаммад-Гирея убили сами запорожцы. Калга и царевич Хансюер с небольшим отрядом ближайших сторонников пытались пробраться на Северный Кавказ к родственникам матери Гирея, но по дороге на них напали казаки, захватили в плен Кучумовича и отправили его в Москву. В итоге, 25 марта 1630 г. он был сослан в Соликамск в специально построенную для него тюрьму. Ему был назначен поденный корм 4 копейки, сохраненный до смерти царевича. Следует отметить, что в крымских посольских делах не обнаружено упоминания имени царевича. Возможно, это можно интерпретировать как незаинтересованность Москвы в Чингисиде, — он рассматривался как слишком малая величина для того, чтобы его судьба отягощала и без того непростые русско-крымские отношения. В 1635 г. стало известно, что его брат, сибирский царевич Аблай б. Ишим, призывал калмыков совершить поход на Соликамск и осво-

¹ Не следует считать, что царевич действительно в этот момент был сильно пьян. Это расхожий оборот речи того времени, который можно передать как «по глупости», «с дуру».

бодить Хансюера. Так как «город погнил, худ», свинца и служилых людей мало, царевича перевели в Устюг. Для этих целей там построили новую избу, огородили ее крепким тыном и «держали за сторожи с великим береженьем». В 1638 г. его отец, сибирский царь Али упросил Михаила Федоровича отпустить сына в Ярославль на поруки. Поручную запись подписали царь Али и царевич Алтанай б. Кучум [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г., д. 2; 1635 г., д. 1; 1638 г., д. 4]. Она упоминается в Описи Архива Посольского приказа 1673 г. [Опись, 1990, с. 328].

Следует отметить, что Г. Ф. Миллер считает Канчуvara сыном Кучума. Такой царевич действительно был [Миллер, 2000, с. 35–36, 212, 231]. В таком случае, он попал в плен в царствование Бориса Годунова, и тогда же, судя по всему, был отпущен обратно. Скорее всего, с этим следует согласиться. Путаница ведет свое начало с В. В. Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 198–199]. Он, в свою очередь, ссылается на сочинение И. Е. Фишера [Фишер, 1774]. Г. Ф. Миллер подтверждает наличие четырех сыновей Али б. Кучума в России. Четвертым сыном Али был Кутлуган, умерший 2 октября 1623 г. В 1619/1620 г. он получал поденный корм в Ярославле в 15 копеек, с 1622/1623 г. — 25 копеек [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 7–8; ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 53]. Судя по всему, Кутлуган и Хансюер — это те два царевича, которых взял в плен 24 июля 1607 г. тюменский воевода Матвей Михайлович Годунов [Миллер, 2000, с. 37, 243]. Однако в литературе можно встретить утверждение, что Янсюер после 1599 г. был отпущен в Сибирь. Здесь он принял активное участие в ряде набегов на русские поселения и вновь попал в плен в 1607 г. [Маслюженко, 2010]. Скорее всего, это еще один пример, когда два брата, Янсюер (Янсюер) и Хансюер, а также их дядя Канчувар слились в одного человека.

У Янсюера в России родился сын — царевич Янбек (Джанбек, князь Калинин Джансюеревич). У Калинника известно двое сыновей: князя Богдан и Федор. У князя Федора также известно два сына: князя Иван и Лука [Любимов, 1915, с. 55–79]. У Хансюера, возможно, была незаконнорожденная дочь.

В 1601 г. царевич Ишим б. Кучум добровольно приехал первоначально в Уфу, а затем в Москву. Вместе с ним отправили царевича Кубей-Мурада (Берди-Мурат) б. Кучума [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 3]. Его отослали в Тобольск, чтобы подготовить почву для

своего полного подчинения России, его старшие братья Алей, Канай и Азим. Но тобольский воевода решил не отпускать его к братьям. Однако в 1607 г. Ишим упоминается в Сибири, где он провозгласил себя ханом [Миллер, 2000, с. 32, 192–196; РИБ, т. 2, № 99, с. 274–280].

В России так же оказались анонимные дочь и внук Кучума. Нами была обнаружена грамота самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцова (Зайцова-Бирдюкина) о том, что 28 апреля 1601 г. в Москву водным путем в сопровождении самарского жильца Якова Авлампиева была отправлена дочь хана Кучума с сыном и мамкою. Из этого же документа мы еще узнаем, что еще 11 января те же воеводы писали в столицу о том, что царица с сыном больны и просят, чтобы им разрешили перезимовать в Самаре. По отметке на грамоте, знатные путешественники прибыли в Москву 10 июня [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 1]. Известно, что вывозы пленных сибирских царевичей и их ближайших родственников в европейскую Россию проходили по приблизительно одному и тому же пути: Уфа — Казань — Ярославль — Ростов — Переславль-Залесский — Москва. Почему же здесь упоминается Самара? Этому можно дать только одно объяснение. Перед нами редчайший пример, когда представители семьи последнего сибирского хана выехали в Россию добровольно. При этом выезд состоялся из Большой Ногайской Орды. Логичнее всего было бы предположить, что перед нами одна из четырех дочерей Кучума, выданных за знатных ногайских мирз, и тогда у нас появляется возможность узнать ее имя.

Следует отметить тот факт, что выезд царицы описывается как явное бегство, и ее прибытие в Самару среди зимы с маленьким ребенком говорит именно об этом. И вышла она из ногайских улусов, скорее всего, именно на Самару, а не пришла в город из Астрахани (в таком случае, ее сопровождал бы значительный отряд астраханских стрельцов с приставом). Поэтому нам следует обратиться к ногайским событиям этого периода.

В ногайских степях редко выпадало спокойное время. Представители сильно разросшегося рода Эдиге постоянно боролись между собой за влияние в степном мире, и данный период также не был исключением. После убийства бия Уруса б. Исмаила Малыми Ногаями в 1590 г., большеногайским бием провозглашается Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед б. Исмаил. В. В. Трепавлов считает, что это

произошло при явной протекции Москвы, стремившейся контролировать беспокойные ногайские степи. Ок. 1598 г. его сменил младший брат, нурадин¹ Дин-Мухаммед. В это время в степи разгорелась очередное междоусобие, поводом для которого стала кровная месть: «Урмамет князь от Урусовых детей умер; за то и Тин Махмет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер». На этом фоне Джан-Арслан б. Урус, возглавивший наследников Уруса, начал борьбу за главенство над Большими Ногаями [Трепавлов, 2001, с. 382–385]. Москва вынуждена была вмешаться в конфликт и поддержать своих ставленников, родственников только что убитого бия Дин-Мухаммеда. Царь приказал послать в степь рать с «огненным боем». Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Арслан собирался разместить свою семью и улусников на р. Исети (Средний Урал), а сам собирался кочевать в Северной Башкирии. Однако мирза попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву. Власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской Ордой оказалась в руках у Иштерека б. Дин-Ахмеда, и в 1600 г. в Астрахани состоялась церемония возведения на «княжение» [Трепавлов, 388–390].

В связи с этим, мы предполагаем, что упоминаемая в Самаре зимой 1601 г. дочь Кучума с сыном — это жена ногайского мирзы Джан-Арслана. После пленения супруга и окончательной победы в степи мирз Урмаметевых и Тинмамметевых, она вынуждена была искать безопасное место как для себя, так и для своего сына. Добровольный отъезд в Россию, по крайней мере, гарантировал им жизнь и высокий социальный статус. В конце 1604 г. мирза, а с ним, по видимому, и семья, были отпущены в степь [Трепавлов, 2001, с. 391–392]. Однако Джан-Арслан не собирался начать новую тихую жизнь и вскоре даже попал в астраханскую тюрьму. По настойчивым просьбам бия Иштерека, строптивого мирзу 12 октября 1614 г. привезли из Астрахани в Казань, где разместили в соответствии с его высоким положением. Через полгода он там и умер [Трепавлов, 2001, с. 338]. Значит, мы вправе предположить, что и жена мирзы также оказалась в Казани.

Назвать имя царицы, однако, мы не можем. Источники того времени вообще более чем редко воспроизводили женские имена. Ис-

¹ Титул правителя правого (западного) крыла, младшего соправителя бия.

тория по преимуществу писалась мужчинами. Что касается восстановления имени внука Кучума, то здесь также имеются свои трудности. В. В. Трепавлов приводит имена трех сыновей Джан-Арслана: Урак (убийца Лжедмитрия II князь Петр Арасланович Урусов), Зорбек (Александр) и Тук (Иван). Тук крестился довольно поздно, не ранее 1614 г. [Трепавлов, 2003, с. 336, 338]. По нашему мнению, именно он более всего подходит на роль внука Кучума. Его старшие братья к 1601 г. давно вышли из возраста, когда у них могла быть мамка. В русской истории Тук — Иван, по-видимому, никак себя не проявил; детей после себя он также не оставил [Беляков, 2014].

Следующая большая группа Кучумовичей попала в Россию в 1608–1609 гг. Частично их захватили «с бою», но частично они выехали добровольно. В марте 1607 г. в плен взяли мать Али (тогда он считался царем). 24 июля захватили жену Али, двух его сыновей (Кутлуган и Янсюер), две жены Азима (Хаджим, Чувак?) с двумя дочерьми (среди них — мать и дочь Карачай (Карачаца) и Алтын) [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 18; ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9] и сестру Али. 15 ноября 1607 г. в Тюмень вышел тесть царевича Чувака б. Кучума Евбулай с женой и детьми. Летом 1608 г. в Тюмень вышел Алтанай б. Кучум (сам царевич утверждает, что вышел в Тобольск [Беляков, 2005]) [Миллер, 2000, с. 37]. Приблизительно в это же время оказались захваченными царь Али и его брат Азим. Одно время вновь хотел выехать «на царское имя» и царевич Ишим б. Кучум [Миллер, 2000, с. 42].

На этом массовый исход потомков Кучума закончился, хотя их продолжали брать в плен. Так, в 1634/1635 г. попал в Россию царевич Аблай б. Ишим (князь Василий Ишимович) и его брат Тюге (Тявка, Тауке) [Фишер, 1774, с. 325–329, 420–425]. В 1649 г. в Уфе велись переговоры о выезде сына Аблая царевича Кучука и брата царевичей Девлет-Гирея б. Чувака. Но стало известно о смерти Аблая, к тому времени уже Василия, что послужило возобновлению военных действий Кучумовичей в Сибири против русских войск [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1649 г., д. 110]. У Василия уже в России родилось двое детей: князь Василий и княжна Гордея [Любимов, 1915, с. 55–79].

В источниках упоминается еще одно интересное сообщение. В боярской книге 1658 г. отмечено, что стольнику Федору Ивановичу Сомову за уфимскую службу 169–172 гг. (1660–1664 гг.), «что по

ево посылке взяты сибирской Кан Сюю царевич з женою и з сыном, и с племянницею, да сибирского ж царевича Чичилея жена» [Боярская, 2004, с. 45]. Речь идет о правнуках Кучума, детях Аблая, царевичах Чигилее (Ачилей, Чучулей, Чичель) и Канзуяре (Кансуер, Калсуер, Кансурел, Хансюер?). Известно, что царевичи активно воевали против людей московского царя в 50-х — начале 60-х гг. XVII в. В плену они оказались, судя по всему, не ранее 1662 г. [Миллер, 2000, с. 635; Миллер, 2005, с. 34, 36, 438–439]. Тогда в Башкирии началось восстание против русских властей, и Кучумовичи, по-видимому, планировали стать во главе его. Хансюер упоминается в документах посольства царевича Кучука б. Аблая 1668–1669 г. Послы царевича просили проведать Хансюера, находящегося в русском плену [Трепавлов, 2012, с. 118]. С 1662 по 1676 гг. царевич с семьей проживал в Галиче. Здесь, по-видимому, у него родились не менее двух дочерей [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. 8219, 8557; ч. 11, д. 15669]. Найти иные сведения об этих людях на настоящий момент нам не удалось. Скорее всего, все они умерли в России некрещеными. Данный факт позволяет предположить, что, возможно, мы имеем далеко не полный список Кучумовичей, попавших в плен или добровольно выехавших на имя московского царя в XVII в. Упоминаемая в документах племянница не обязательно должна относиться к Кучумовичам. Это последние сибирские Шибаниды, да и Чингисиды в целом, попавшие в русский плен за рассматриваемый нами период. Однако имеется большая группа царевичей, цариц и царевен, родившихся уже в России или же известных по единичным сообщениям.

В 1619 г. отмечена племянница касимовского царя Араслана Алеевича, которую отдали за служилого ногайского мирзу, испомещенного в Ярославском уезде, Каная Еналеева сына Шейдякова. Как звали ее отца, нам неизвестно [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1619 г., д. 5, л. 276–278].

Следует остановиться еще на одном упоминании сибирских царевичей, приведенном В. В. Черновской: «Еще в правление Ильмурзы в Романов подъехали и осели на постоянное жительство многие его соплеменники и единоверцы. На дочери одного из них женился его внук — Абдул. Переселился сюда и сибирский царевич Маметкуль Ахтанулов со своим родом. Его дочь стала женой его другого внука — Ак-мурзы» [Черновская, 2009]. К сожалению, автор

не дал ссылок на свой источник. Попытаемся разобраться в приведенном отрывке. По иным источникам, царевич с таким именем нам не известен, но логичнее всего предположить, что речь идет о Мухаммед-Куле б. Атауле. Однако, в таком случае, перед нами явная путаница с биографией царевича и его дочерей (дочери). У Мухаммед-Кула действительно известна дочь, но ок. 1618 г. ее отдали за сибирского царевича Алтана б. Кучума. Иных детей у Шибанида в России не известно. А вот поместье Чингисида действительно находилось поблизости, в Ярославском уезде. Ак (Ахмед) мирза, родственник Чингисидов, нам все же известен. Это Кутумов Ахмед мирза Алеев сын, приходившийся через свою сестру, касимовскую царицу Салтан-бике, шурином сразу трем касимовским царям — Мустафе-Али б. Абдуле, Ураз-Мухаммеду б. Ондану и Арслану б. Али [Беляков, 2007, с. 41–42; Беляков, 2009]. Он приходился четвероюродным братом Ак мирзе б. Сююшу мирзе б. Эль мирзе. Таким образом, В. В. Черновской оказались собранными воедино сведения из жизни абсолютно разных людей.

Утверждение, что большинство из перечисленных потомков Кучума «в Москве живучи, перемерли некрещены» и не оставили продолжения рода, истинно только отчасти. Как мы увидим ниже, некоторые из них приняли православие и еще большее число оставило здесь свое потомство. Судя по всему, многие дети, родившиеся в России, умерли в младенчестве и о многих из них сведения не сохранились. Известны дети касимовского царевича Арслана б. Али — от Фатимы-салтан Шакуловой, дочери касимовского сеида: царевич Сеит-Бурхан (Василий), царевна Салтыкай; от вдовы царевича Азима — Карачацы Алма-бике. Царевич Василий, в свою очередь, имел 8 или 9 детей (разночтения вызваны тем, что отдельные авторы ставят под сомнение существование царевичей Федора и Василия, признавая, однако, при этом наличие шести сыновей): Федор (? — не ранее 1682 г.) (впервые отмечен как участник дворцовых церемоний в 1670 г., но В. В. Вельяминов-Зернов считает данное упоминание ошибкой писца, который должен был написать Василия Васильевича или Михаила Васильевича) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 413; Любимов, 1915, с. 72], Василий (? — не ранее 1676 г.) (впервые упоминается как участник дворцовых церемоний на приеме после крестин сына царя Алексея Михайловича, царевича Петра, 30 июня 1672 г.) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 372–373], С. В. Любимов счи-

тает, что такого царевича не было [Любимов, 1915, с. 55–79])¹, Никифор (? — ок. 1680 г.) (впервые отмечен как участник дворцовых церемоний 1 сентября 1667 г. при объявлении наследника престола царевича Алексея Алексеевича, см.: [ПСЗ, т. I. № 649]), Иван (? — ок. 1728 г.) (впервые по имени назван участником дворцовых церемоний 28 февраля 1690 г., но, судя по всему, стал принимать в них участие несколько раньше, см.: [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 113–114]), Михаил (? — 1678/1679 г.) (впервые упоминается как участник дворцовых церемоний 11 сентября 1673 г., см.: [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 379–380]), Яков (? — 7 января 1677 г.), Семен (? — 1691/1692 г.) (впервые по имени назван участником дворцовых церемоний 28 февраля 1690 г., но, судя по всему, он стал участвовать в них несколько раньше, см.: [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 113–114; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1]), Евдокия (? — 11 апреля 1691 г.), Домна (? — до 1728 г.). Мы однозначно можем утверждать о существовании пяти царевичей, о которых известно по иным источникам, кроме дворцовых разрядов. Это Иван, Михаил, Яков, Семен и Никифор. Также следует отметить, что у двух братьев (Михаила и Никифора) полностью совпадают имена супруг (княгиня Анна Григорьевна), и точно так же звали супругу еще одного сибирского Шибанида — царевича Григория Алексеевича [Любимов, 1915, с. 55–79]. Можно предположить два варианта. Первый: Никифор Васильевич и Михаил Васильевич — это одно и то же лицо, и в таком случае ошибкой должно признать написание «Никифор». Второй вариант: перед нами пережитки права левирата, и Михаил «унаследовал» вдову брата.

Вторая версия кажется менее вероятной. В настоящее время мы не готовы сделать окончательные выводы о количестве сыновей; для этого требуются дополнительные архивные изыскания. Следует также отметить, что датировки смерти царевичей Федора и Никифора необходимо несколько скорректировать. Дело в том, что после смерти их отца, царевича Василия Араслановича, ему наследовали только Симеон и Иван [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1]. Таким образом, мы вправе утверждать о смерти Федора и Никифора не позднее 1679 г.

¹ Следует отметить, что в настоящее время не имеется каких-либо иных свидетельств существования касимовских царевичей Федора и Василия Васильевичей, кроме сообщений дворцовых разрядов.

Не все понятно с царевичем Яковом. Вполне возможно, что это ребенок от первого брака Василия Араслановича, о котором на настоящий момент свидетельств не сохранилось, рожденный еще до принятия царевичем православия [Беляков, 2010]. В следующем же поколении династия касимовских царевичей пресеклась. У царевича Ивана Васильевича известен только один сын — Василий (? — 1715 г.) [Любимов, 1915, с. 55–79]. Сохранилась запись рода царевича Василия Араслановича. В ней упоминаются имена царевичей, не встречающихся в иных документах: царевичи-младенцы Федор, Иван, княжна-младенец Ирина. Помимо этого, здесь дважды упомянуты царевичи Василий и Андрей [РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 49, л. 108]. Скорее всего, это дети и внуки Василия Араслановича. Кажется несколько странным, что от шести детей царевич имел только одного внука, и логично предположить, что их было больше, но они умерли во младенчестве или детстве. В синодике Московского Новодевичьего монастыря предыдущая запись полностью дублируется (только царевич Василий отмечен один раз). Однако в нем приводится значительное количество имен иных Чингисидов и их родственников, всего 77 имен. Многие из них на настоящий момент не представляется возможным отождествить с известными нам лицами. В данном случае работа усложняется еще и тем, что в этот список, возможно, внесены имена некоторых московских цариц и царевен. Так, помимо прочего, в синодике отмечены: царица Мария, царевич Дмитрий, царевна Анна, царевна Евдокия, царица и великая княгиня Леонида (предположительно, вдова старшего сына Ивана Грозного, Ивана Ивановича, Елена Ивановна Шереметева), царица инокиня Александра (предположительно, супруга Симеона Бекбулатовича Анастасия Ивановна Милославская), царица Мария, царевич Федор, царевна Мария, царевна Феодосия, царевна Анна, царевна Анастасия, царевна Пелагея, царевна Мария. Следует отметить, что в XVII в. жены и дочери крещеных Чингисидов не именовались царицами и царевнами, а исключительно княгинями и княжнами [Источники, 1985, с. 258]. Можно предположить, что это произошло по ошибке составителя синодика, и в него автоматически внесли всех обладателей титула «царевич» («царица», «царевна»), встречаемых в более ранних документах монастыря, память о которых стерлась со временем. В данном случае, мы считаем возможным учитывать в общем списке касимовских Чингисидов Федора, Ивана, Ирину, Василия и двух Андреев.

У сибирского царевича Алтаная б. Кучума было два сына — Дост-Мухаммед (Петр Алексеевич) (? — 1673/1674 г.) и Иш-Мухаммед (Алексей Алексеевич), имеется упоминание еще об одной дочери. Скорее всего, она умерла до вступления в брак. У Алексея, в свою очередь, было пятеро детей: Григорий (? — 1685 г.), Василий (? — ок. 1718 г.), Дмитрий (? — до 1713 г.), Алексей (? — после 1689 г.), Прасковья. Имелись и другие внуки и правнуки Алтаная, умершие во младенчестве и раннем детстве. О них нам известно по собственноручной поминальной записи царевича Василия Алексеевича «по родителям ево», поданной в церковь Живоначальной Троицы Московского Новоспасского монастыря. Большинство из перечисленных в ней лиц не поддаются точному отождествлению. С высокой степенью достоверности можно утверждать, что упоминаемые в записи царевичи-младенцы Дмитрий, Иаков (Яков), Михаил, Иоанн и княжна-младенец Анна — это дети Василия Алексеевича Сибирского от первого брака с Анной Семеновной Грушецкой. Среди отмеченных в синодике титул царевич еще имеют: Василий, Михаил, Симеон, Иаков (Яков), Матвей, Симеон, Василий (Василий Алексеевич). Однако их помещение в конце синодика позволяет предположить, что они родились уже в XVIII в. [Любимов, 1915, с. 79]. У Василия Алексеевича известны и иные дети, но они были рождены уже в XVIII в. (Сергей Васильевич (1710 — после 1738 гг.), Яков Васильевич (1711 — после 1729 гг.), Федор Васильевич (1717–1758 гг.)) [Любимов, 1915, с. 74–75]) и поэтому не учитываются нами.

Мы видим, что выезды сибирских Шибанидов конца XVI–XVII вв. имеют одинаковую природу с выездами астраханских Чингисидов. Москва, таким образом, хотела избавиться от постоянных набегов Кучумовичей, препятствовавших скорейшему освоению Сибири. Но при этих выездах в России оказались и отдельные казахские Шибаниды. Как мы увидим ниже, некоторых из них по формальным признакам также следует отнести к Кучумовичам.

В. В. Вельяминов-Зернов приводит следующую родословную царевича Ураз-Мухаммеда: Ураз-Мухаммед б. Ондан б. Шигай б. Ядик б. Джанибек б. Барак б. Куйручук б. Урус [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 119]. Таким образом, Ураз-Мухаммед происходил от старшего сына Джучи Ичена. Его предки являлись ханами Синей и Золотой Орд. Об Ондане (1545–1575 гг.) известий сохранилось очень мало. Его матерью была Баим-бикем. Царевич отличался воинствен-

ным нравом, имел много жен и наложниц, взятых у соседних народов и из среды своих сородичей. В 30 лет царевич погиб от рук калмыков и был похоронен в Туркмении. Ураз-Мухаммед родился от Алтын-ханым, дочери Булат-султана, в 1572 г. Когда он попал в Сибирь, точно не известно. Автор сборника летописей утверждает, что Ураз-Мухаммед некоторое время жил в тяжком плену у Сеид-Ахмеда (Сейдяк) б. Бекбулата [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 386–399; Маслюженко, Сибирская, 2010, с. 9–214; Миллер, 1999, с. 466–467], сибирского князя из рода Тайбугидов, соперника Кучума за главенство над Сибирью. В. В. Вельяминов-Зернов ставит под сомнение это известие и дает свою версию этих событий. По его мнению, казахский царевич оказался захвачен ханом Кучумом или его людьми во время одной из войн с казахами. Как пленный неприятель, он мог содержаться в тяжелой неволе. Когда же Сеид-Ахмед захватил Сибирь, положение Ураз-Мухаммеда могло сильно измениться. Оставаясь формально пленником, он мог получить значительную долю свободы. Летом 1588 г. Сеид-Ахмед и казахский царевич отправились на соколиную охоту на так называемый Княжий луг. Узнав об этом, тобольский воевода Данила Данилович Чулков пригласил их к себе в Тобольск, где во время обеда князя и царевича взяли в плен. 10 сентября 1588 г. пленников отправили в Москву [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 97–98, 337–338, 362–365, 384, 399–400]. Скорее всего, уже в России у царевича появился сын Мухаммед-Мурад [Русский, 2012, с. 124–125]. Другие дети Чингисида неизвестны, однако их наличие исключать нельзя.

В 1594 г. Ураз-Мухаммед начинает играть заметную роль в сношениях с Казахским ханством. В это время там правил родной дядя царевича Таввакул (Тевкель) б. Шигай. Москва пыталась установить свой сюзеренитет над данной территорией и использовать Орду в своих внешнеполитических интересах, поэтому казахский царевич начинает играть далеко не последнюю роль в этой истории. В 1594 г. казахский посол Кул-Мухаммед (Кулмамет) посетил царевича в его поместье и вел с ним переговоры с глазу на глаз, без русских участников [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1; 1595 г., д. 2, л. 35]. М. Х. Абусеитова считает, что главной целью данного посольства являлось вызволение из плена Ураз-Мухаммеда [Абусеитова, 1985]. Таввакул просил вернуть ему его племянника, но Москва, в свою очередь, требовала взамен прислать в аманаты (заложники) сына Таввакула

Усейна (Хусейна) [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 33]. В марте 1595 г. Ураз-Мухаммед должен был написать своему дяде Таввакулу грамоту о посылке в казахские степи русского посла Вельямина Степанова с послом Кул-Мухаммедом [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 22]. В октябре 1595 г. в Москву в аманаты приехал царевич Мурад [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 90]. Дальнейшая судьба этого царевича неизвестна. Однако обмен не состоялся, и Ураз-Мухаммед остался в России. Вполне возможно, что причина этого была в самом царевиче. Просто ему не захотелось менять достаточно спокойную и хорошо обеспеченную жизнь в России на степи своей далекой родины, тем более что он покинул ее давно. Можно также предположить, что царевичи Мурад и Мухаммед-Мурад — это одно лицо. Здесь требуются дополнительные разыскания.

Постепенно вокруг царевича стала собираться его семья. Документы утверждают, что до 1594 г. к нему выехали его бабка (Азии царица), мать (Алтын-ханым), тетки, Бохты Сеиткулова дочь Шепелева (известен казахский царевич Сеит-Кул сын Шигай хана) [Прошлое, 1997] и Кунь, а также две сестры (Алтын), возможно, одна из них — двоюродная [Русский, 2012, с. 117–126; РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1; Беляков, 2007].

Но почему же мы отнесли казахских Шибанидов к Кучумовичам? Причина в том, что в деле 1600 г. по челобитной части жен и дочерей хана Кучума об определении их на жительство в Касимов к Ураз-Мухаммеду, имеются интересные генеалогические подробности: «Просятца жить х касимовскому царю к Ураз-Магметю: Кучюма царя царица Сюим, касимовскому царю мачеха, а у нее 3 дочери (царевны Тюрчюк, Мулдур царевна и Карачай. — А. Б.) да служащая; Кучюмова ж Зендевет царица стара, да Кучюмова дочь Камызяк царевна, царю касимовскому двоюродная сестра. У ней 2 жонки служащие» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1, л. 1].

В свете этих известий следует заново переосмыслить историю Ураз-Мухаммеда в Сибири, ведь он приходился пасынком Кучуму. Поэтому при описании жизни сибирских царевичей в России мы вынуждены будем рассматривать как Кучумовича и казахского царевича.

Всего, без учета Ураз-Мухаммеда и сибирских Шибанидов начала XVI в., нам удалось отождествить 91 Кучумовича. Среди них 56 мужчин и 35 женщин. Из них выехали (были вывезены) 38 чело-

век (22 мужчины и 16 женщин), родились в России 53 (34 мужчин и 19 женщин). На самом деле, ниже мы будем говорить о несколько большем количестве представителей рода, ведь в наши подсчеты не попали жены Кучумовичей не царских кровей, а также дети от сибирских царевен (цариц), женатых не на Чингисидах. Также нам известны далеко не все представители рода, умершие в младенчестве или в детском возрасте. Помимо этого, мы принципиально не учитываем представителей рода, родившихся после 1700 г. — это тема для иного исследования. Тем более что представителям этого рода удалось пережить непростые перипитии истории нашего государства. Их потомки известны и сейчас.

Глава 2

Жизнь день за днем

Жизнь каждого человека от рождения до смерти наполнена многочисленными и порой вполне стандартными событиями. В целом, они типичны для больших групп людей. Это относится и к Кучумовичам, проживавшим в России в XVI–XVII вв. Благодаря этому, мы можем с большой долей вероятности воссоздать общую канву жизни всех представителей «золотого рода», волею судеб оказавшихся в русских землях. Причем сделать это, даже обладая порою ничтожно малой информацией по тому или иному представителю рода. Для этого нам достаточно собрать и проанализировать все известные сведения. Однако в ряде случаев следует рассматривать представителей рода, принявших православие или же сохранивших верность исламу, по отдельности. Дело в том, что вероисповедание оказывало значительное влияние на их жизненный путь. В данном случае, мы затронем такие аспекты, как случаи смены вероисповедания, браки, заключенные в России или же с одобрения Москвы, некоторые аспекты их частной жизни, места захоронения. Участие в придворных и государственных церемониях, военных действиях, состав их дворов, а также формы материального содержания будут рассмотрены отдельно, так как обладают значительным информативным ресурсом.

Крещения

Со временем некоторые из Чингисидов, оказавшихся в России, принимали православие, тем самым создавая предпосылки для их интеграции с высшей московской знатью. Проанализируем все известные нам случаи, что позволит значительно рельефнее представить изменения статуса Кучумовичей, детальнее проследить эволюцию отношения к ним в России.

Первый обряд крещения произошел 23 сентября 1599 г. Тогда крестили сибирского царевича Абу-л-Хаира б. Кучума (Андрей Кучумович). Церемонию на Москве-реке «у Водяных ворот под Большою башнею» проводил архимандрит Кремлевского Чудова монастыря Пафнутий. Восприемниками являлись боярин князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский и дьяк Василий Тараканов [Анхимюк, 2003, с. 396]. Данный шаг царевич, скорее всего, совершил добровольно. После пленения в 1591 г. Чингисид нигде не упоминался вплоть до этого события. По-видимому, он находился в «нятстве», фактом крещения стремясь улучшить свое материальное положение и получить некоторую свободу в действиях. Однако трудно судить, насколько ему это удалось. Следующие четверть века его имя далеко не часто попадает на страницы документов, и при этом почти всегда — по финансовым вопросам. На придворной и военной службе он не фиксируется. Как, впрочем, нет свидетельств и об общении царевича со своими многочисленными родственниками в России.

В разное время в России приняли крещение три сына ногайского мирзы Джан-Арслана б. Уруса — Урак (Петр), Зорбек (Александр) и Тук (Иван) [Трепавлов, 2003, с. 336]. Тук, как мы уже говорили, предположительно, был сыном одной из дочерей хана Кучума. Его братья приходились ей пасынками [Беляков, 2014].

После 1625/1626 г. крестился зять хана Кучума, ногайский мирза Бегей б. Ханбай б. Исмаил (князь Александр Смайлев). В это время у Бегая известно двое сыновей — Сары и Деян (Дьян) († 1621/1622 г.). Очень осторожно можно предположить, что внук Кучума Зем-Магмет (Джан-Мухаммед) и Дьян это одно лицо. У Дьяна имелись сын и дочь. В свою очередь, у Сары в это время отмечены сын и дочь [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1622 г., д. 1]. Это единичное их упоминание, и более они не встречаются (либо же это дети его брата Дья-

на). После смерти брата он женился на его вдове Юкатае (в крещении Марфе). Дочь Дьяна в крещении звали Дарьей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 8–9]. У Бегая имелся еще один сын, Бирим. Сохранилось дело о крещении мирз. В 1625 г. двое детей Бегая якобы захотели принять православие. Для этого за ними в поместье отца послали толмача. Отец, однако, утверждал, что креститься хочет только Сары, а Бирим не хочет. Тем не менее, вскоре св. крещение принимают и становятся стольниками сын и внук мирзы, князьями Львом (Сары) Бигеевым и Прокопием (до крещения Александр, Александр) Дьяновым [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 1–6]. В боярской книге 1627 г. отмечены только Лев и Прокопий [Боярская, 1986, л. 49, 49 об., с. 38]. Бегая (Семена) крестили несколько позднее, и пожаловали его в стольники только 21 ноября 1627 г. [Подлинные, 2015, с. 27, 107, 185, 262, 334]. Имеется единичное упоминание еще одного сына Бегая — кормового ярославского иноземца Акмакая. В 1642/1643 г. он упоминается большим [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 3].

7 сентября 1633 г., после того как находился под началом в Чудовом монастыре, крестился сибирский царевич Янбек (Джанбек) б. Джансюер (Янсюер) б. Али. Данное событие, судя по всему, произошло сразу же после признания царевича совершеннолетним (или же через какое-то время после этого), — теперь он стал стольником, князем Калинником Джансюеревичем Сибирским. Именно эту дату следует рассматривать как начало зарождения общего родового прозвища сибирских Шибанидов в России. Судя по документам, инициатива принятия православия исходила от самого царевича. По крайней мере, его настоятельно предупреждали, что после крещения он потеряет право именоваться царевичем. При этом до самого последнего момента он оставался в неведении относительно того, будет ли ему положен какой-либо титул и какое место займет вчерашний царевич в служилом сословии [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г., д. 2; 1633 г., д. 14; 1651 г., д. 5, л. 17–19].

Известна справка, в которой отмечено, что в 1637/1638 г. крестился Василий Ишимович Кучумов [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2, л. 18]. Князя Василия Ишимовича пожаловали в стольники, но в боярской книге 1639 г. он не упоминается [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 25–28, 31–32]. Причина, судя по всему, кроется в ошибке переписчика. В Мазуринском собрании РГАДА сохранилась переписка

с Кирилло-Белозерским монастырем о крещении сибирского царевича Аблая б. Ишима. До 18 мая 1644 г. стольник и воевода Белозерский Афанасий Козловский прислал в Москву челобитную царевича, десятый год сидевшего в белозерской тюрьме, в которой он сообщал, что желает креститься. Царь приказал поместить Аблая в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы посмотреть, крепок ли он будет в вере, и отписать ему об этом через полгода. Для этого царевича 5 августа 1644 г. отдали под начало в келью «черному попу» Евстафию. 20 февраля 1645 г. его велели крестить, после чего Аблая б. Ишима огласили и нарекли именем Василий. Обряд крещения совершили 9 марта 1645 г. 20 марта из Москвы велели новокрещенному царевичу на монастырские деньги справить кафтан камчатый, ферязи тафтяные, однорядку малинового цвета из английского сукна с завязками и плетением золотым, шапку бархатную черную с душкою, штаны багрецовые, сафьяновые сапоги, двое портов, рубашек и шелковых поясов. Оклад ему должны были назначить после того, как он предстанет перед царскими очами, а пока его велено было держать в монастыре. 26 ноября 1647 г. Василию за крещение дали 30 рублей и на платье 30 рублей. Тогда же его стали называть князем. В феврале 1648 г. Чингисид в сопровождении монастырских служек, на монастырских лошадях с кормовыми запасами отправили в Москву [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 1, л. 24]. Скорее всего, подьячий Посольского приказа, составлявший справку, ошибся в одной цифре, к тому же дата приезда в Москву была указана им как дата крещения. Но на этом путаница не заканчивается; в другом деле, вызванном челобитной царевича, поданной уже в Москве, указано, что Аблай крестился в марте 1648 г. Скорее всего, здесь следует видеть очередную ошибку подьячего Посольского приказа. Все это, к сожалению, может поставить под сомнение и некоторые иные датировки. Говоря об истории крещения Аблая, нельзя не отметить еще один интересный факт. Дело в том, что первая челобитная с заявлением о желании принять православие была подана им еще 29 июня 1637 г., но тогда ее оставили без внимания [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 25–27].

Возможно, причину этого следует искать в активизировавшихся контактах с его родственниками. Ранней весной 1637 г. из калмыцких улусов на Уфу вышла башкирка Илчибика Азюрина. Она сообщила воеводе, что ее послала жена Аблая, княгиня Чагандара.

мирзина дочь Укатова (по другим данным, ее отец — калмык Чентуй Чечеин [Трепавлов, 2012, с. 174]), проведать про своего мужа, а также с просьбой послать весть от царевича к его матери Херенте, дочери Ханака Чшута. Та же башкирка сообщила, что сама Чагандара хочет выехать с детьми и улусными людьми к мужу [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 36–37, 40]. Ожидавшийся в Москве выезд, судя по всему, и стал главной причиной в отказе Аблаю креститься. Когда же тщетность замирить часть сибирских царевичей стала очевидной, Аблая превратили в Василия.

В 1653 г. в Москве, судя по всему, по совместной инициативе царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, было принято решение подтолкнуть к принятию православия знатных татар, проживавших в России. В первую очередь, это касалось ногайских мирз и сибирских царевичей. Для этих целей их вызвали в Москву, впервые после вступления на престол Алексея Михайловича [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 3–5]. Тогда же царевичей стали подталкивать к добровольному решению о смене веры. В апреле 1654 г. принял православие сибирский царевич Дост-Мухаммед б. Алтанай (Петр Алексеевич). Крестным отцом его стал царь Алексей Михайлович. После апреля крестился сибирский царевич Иш-Мухаммед б. Алтанай (Алексей Алексеевич) [Шишкин, 1999, с. 106; Иероним (Алякринский), 1889, с. 71–72]. После принятия православия братья были на приеме у царя, и тогда же им велели дать почетный стол [Главич, 1875, с. 4–5]. Они находились под началом в Чудовом монастыре [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2, л. 24; 1659 г., д. 1, л. 4]. Приблизительно в это же время крестилась жена Иш-Мухаммеда, Салтан-бике, в крещении Анастасия Васильевна [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 3]. Их отца, престарелого царевича Алтаная б. Кучума, и двух его жен, ханым Джан тата Алееву мирзину дочь и Девлет пачу Смолянову, оставили в покое. Алтанай умер не позже, чем через 2 года. Царицы пережили его, как минимум, на 25 лет [Беляков, 2005].

С касимовским царевичем Сеит-Бурханом б. Арсланом все пошло не так гладко. Это крещение однозначно следует признать насильственным. После того как царевича не ранее апреля 1654 г. огласил патриарх Никон и его собирались отправить под начало в монастырь (логично предположить, что в Кремлевский Чудов монастырь, хотя документы позволяют сказать, что это произошло в Касимове), он

отказался от обещания поменять веру. Но в том же году, судя по всему, крещение все же состоялось, — царевич стал Василием Араслановичем. Известие об этом осталось в документах архиепископа Рязанского Мисаила [Шишкин, 1999, с. 106; Иероним (Алякринский), 1889, с. 71–72]. Такую же историю приводит и Павел Алеппский. При этом он сообщает, что отказ от крещения царевич принял под нажимом матери и жены. Мать после этого якобы сослали в Сибирь, а жену — в монастырь [Алеппский, 2005]. Впрочем, последнее сообщение следует признать фантастичным. Фатима-султан, мать Сеит-Бурхана, по нашим сведениям, не покидала Касимова. Что касается предполагаемой жены, то в случае крещения одного из супругов и упорствования в отказе принятия православия другого, развод давался автоматически. Возможно, у этого дела имелся свой подтекст. Дело в том, что мать Сеит-Бурхана была царица Фатима-салтан из рода касимовских (до этого, по семейному преданию, крымских) сеидов [Габдуллин, 2006, с. 275; Беляков, 2015а]. Таким образом, по существующим правилам, царевич сам обладал всеми правами сеидов, т. е. являлся духовным лидером и хранителем религиозных традиций ислама [Султанов, 2006, с. 23–24]. Помимо прочего, он происходил из «золотого рода». Так что если бы до Касимова дошли известия об отказе царевича сменить веру, это могло взбудоражить татар региона, на которых также оказывалось давление с целью заставить их креститься. Известно, что, несмотря на запрет крестить татар без их добровольного и искреннего согласия, на местах власти в лице священнослужителей и поддерживавших их воевод допускали различные злоупотребления. Так, в Темникове для того, чтобы навести порядок, в 1652 г. потребовалось вмешательство из Москвы [РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 1353, л. 7–8а]. Нельзя не отметить, что сам архиепископ Мисаил был убит шацкой мордвой в апреле 1656 г. при попытке ее насильственного крещения [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 426–434].

Следует отметить и еще одну версию. У Василия Араслановича известен сын Яков, который, возможно, родился мусульманином (об этом см. ниже). К моменту крещения Василию было уже 32 года, и в таком случае его малолетний сын должен был быть крещен одновременно или же вскоре после своего родителя. И данный обряд, судя по всему, был совершен архиепископом Мисаилом, что объясняет, почему ему послали письмо о задержке, случившейся в Москве.

Среди православного населения города в более позднее время курсировали слухи о том, что царица Фатима-салтан под конец жизни тайно исповедовала христианство и за это была задушена татарами [Шишкин, 1999, с. 138]. В мусульманской среде поныне существуют иные предания. Легенда, сохранившаяся в среде нижегородских татар, гласит о том, что с крещением Сеит-Бурхана род касимовских царевичей как мусульманский не пресекался, — он продолжился в селе Пица (Сергачский район Нижегородской обл.). Для этого царица Фатима-салтан якобы отправила часть своих внуков (рожденных до крещения Сеит-Бурхана вне брака или браке, сведений о котором не сохранилось) на Нижегородчину с распоряжением называть одного ребенка каждого поколения именем последнего касимовского царевича (т. е. Сеит-Бурханом) [Хайретдинов, 2007, с. 82]. После принятия православия Василий, по-видимому, уже не появлялся в Касимове, или же делал это крайне редко. Православный Чингисид полностью порвал со своими мусульманскими родственниками, но кто явился инициатором разрыва, неизвестно. Однако во второй половине XVII в. сеиды Шакуловы перестают владеть деревнями из касимовского поместья Василия Араслановича [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 53–112]. На касимовцев и других татар на территории России данное событие произвело неизгладимое впечатление, скорее всего, оно однозначно расценивалось как предательство. О царевиче попытались забыть, исключить из своей истории [Гагин, 1902; Баранович, 1860, с. 525].

К этому времени процедура крещения оказалась полностью отработанной.

Мы вправе утверждать, что большинство крестившихся Чингисидов-мужчин до обряда смены веры находились под началом в Московском Чудовом монастыре. Женщины проходили подначальство в Московском Вознесенском монастыре. Тем самым подчеркивался их высокий социальный статус.

На этом историю крещения Кучумовичей в России XVI–XVII вв. можно считать законченной и при этом подвести некоторые итоги. Данный процесс стремились организовывать на добровольной основе. Правда, несколько подталкивая того или другого царевича сделать «правильный» выбор, но всячески подчеркивая его самостоятельность. Тем не менее, о действительно добровольном решении можно говорить не ранее первой половины XVII в. Однако к этому времени

количество Чингисидов в России сократилось, а их зависимость от московского царя, наоборот, возросла. Их статус (в первую очередь, военный и политический) резко понизился.

В данных условиях оказалось возможным раз и навсегда решить эту проблему силовым путем. Единственный голос, точнее, некая морально-правовая отповедь в защиту насильно крещеных в середине XVII в. царевичей, прозвучала только из Крыма. В одном из писем, направленном в Москву от крымского визиря Сефер-газыаги, читаем: «Если хотите знать, почему войска ваши понесли поражение, то вот почему. Уже сто лет как Казань и Астрахань, со времен отцов и дедов наших, находится у вас в руках; до сих пор тамошние мусульмане не терпели никаких притеснений; нынешний же царь ваш вообразил себя умнее прежних царей, отцов и дедов своих, и вы разорили мечети и медресе... В укор вам у нас ставят и то, что вы насильно окрестили султана хан-кирманского (царевича касимовского. — А. Б.)» [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 219].

Браки

Важную информацию содержат сведения о браках, заключенных Кучумовичами в России. Несмотря на то, что для заключения брака требовалось разрешение / одобрение московского царя, выбор брачных партнеров указывает на круг ближайшего общения и выбранную политику поведения в новых условиях: замкнутость / консолидация привычного с Сибири круга лиц или же открытость для заключения новых устойчивых социальных связей. Здесь имеет смысл по отдельности рассмотреть браки крещеных и некрещеных Кучумовичей.

Браки некрещеных Чингисидов

Касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан был женат на дочери романовского мирзы Али б. Кутума Салтан-бике, вдове предыдущего касимовского царя Мустафы-Али б. Абдулы, и, кстати, племяннице казанской и касимовской царицы Сююн-бике [Беляков, 2004]. Данный брак, в частности, легитимизировал права казахского царевича на титул царя касимовского. Судя по всему, у него имелись и другие жены, но о них источники молчат. Постепенно к Ураз-

Мухаммеду в Россию выехали его мать, тетки, сестры (возможно, и двоюродные). Упоминается шурин царевича Ахмед мирза Алеев. Это романовский служилый татарин, брат Салтан-бике. Одну из сестер выдали за «шарманшанского» царевича Шихима (Шейх-Мухаммед б. Мухаммад), другую — за мирзу Сафар-Али Изламова Шейдякова [Русский, 2012, с. 121–122].

Право левирата¹ в брачной политике оставалось действенным и в XVII столетии. Следующий касимовский царь, Арслан б. Али, помимо «царства» унаследовал и царицу Салтан-бике (это ее третий брак). У него известны и иные жены. При этом в подавляющем большинстве браки были заключены опять-таки по праву левирата. В данном списке имеется одно исключение — Фатима-салтан, дочь касимовского сеида Ак-Мухаммеда сеид Белек сеид Шакулова [Беляков, 2006, с. 20]. Другими женами Арслана стали: Карачай (Карачаца), дочь абыза Ибердея², вдова сибирского царевича Азима (Хадумма, Хаджима) б. Кучума (не ранее 1615 г.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9; Беляков, 2006, с. 20, 23] и тетка своего второго мужа; Наг-салтан (Нагел, Нагал) Карамышева дочь Мусаитова, родная сестра сибирских татар Исинея Карамышева и Бахтураза Карамышева, зятя сибирского царевича Мухаммед-Кул б. Атаула (1613/1614 г.). В 1619/1620 г. (или же в 1616 г. [РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2]) московский царь по обвинению в измене сослал Исенея Карамышева в Нижний Новгород. Тогда же Арслан отослал жену к родственникам в Ярославль. Но развода, скорее всего, не последовало. Можно утверждать, что Наг-салтан до этого была замужем за Мамаем мирзой Семендеревым. По крайней мере, Мустафа мирза Мамаев сын Семендерев в 1634 г. называет ее своей матерью [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980,

¹ Брачный обычай, свойственный многим народам на стадии патриархально-родового строя, по которому вдова была обязана (или имела право) вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Левират был призван, с одной стороны, обеспечить вдов и их малолетних детей источником к существованию, а с другой — сохранить имущество умершего в роде. В данном случае, мы видим его некоторое переосмысление, когда через брак с вдовой легитимизируется право на наследство покойника.

² Абыз Ибердей отмечен как бухарский посол к Кучуму. Данный факт позволяет нам предположить, что сибирско-бухарские дипломатические контакты были сконцентрированы в руках лиц, имевших тесные родственные связи как с Бухарой, так и с Искером [Беляков, 2016].

л. 493–516; кн. 6002, л. 7 об.]. По-видимому, ее мать происходила из рода пророка Мухаммеда. В одном из документов она именуется сеит царицей Наг-салтан [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 495 об.]. Данный факт позволяет нам сделать предположение, что Наг-салтан приходилась правнучкой хану Кучуму. Дело в том, что в Сибири второй половины XVI в. не имелось большого количества потомков пророка Мухаммеда, и основная их часть попадала в регион из Бухары. Их посылали специально для пропаганды ислама и обращения в него языческого населения Сибири. С 1574/1575 г. таким сеидом был выходец из Ургенча Дин Али ходжа (Дин-аул-ходжа) [Миллер, 1999, с. 196]. Здесь он занял очень высокое положение. Следует упомянуть, что хан выдал за сеида одну из своих дочерей (Налханиша, дочь Лайли-ханыш). Судя по всему, дочь от этого брака и стала одной из жен Карамыша Мусайтова (в настоящее время мы можем выделить трех [Беляков, 2012]). Следует отметить, что в таком случае двоюродный брат касимовской царицы, Аюп-ходжа (Аюб-ходжа) б. Султамет-ходжа б. Дин Али ходжа, считался святым у тобольских татар [Селезнев, 2009, с. 134–135]. В нашем построении, конечно же, необходимо учитывать фактор определенного допущения, но только подобная генеалогия царицы позволяет вполне логично объяснить все перипетии ее жизни. Имеются косвенные данные, позволяющие считать пятой супругой царя мать прежнего касимовского царя Ураз-Мухаммеда, царицу Алтын-ханым, дочь Булат султана б. Усяк хана. В разных документах царевна Ай-ханыш, сестра Ураз-Мухаммеда, называется то дочерью, то падчерицей Арслана. Имеется упоминание, когда она же названа дочерью «ногайского царя Ондана» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 7, 31; 1650 г., д. 6, л. 1]. В таком случае, данный брак заключен в 1613–1614 гг. Это через левират закрепляло права сибирского царевича на титул касимовского царя и обязывало позаботиться о содержании ее самой и ее родственников. К тому же данный брак позволял Арслану «наследовать» двор своего предшественника.

У нас имеется уникальная возможность проникнуть во внутренние покои дворца царя Арслана и проследить, какие были взаимоотношения у его жен и других многочисленных родственниц между собой.

После смерти Арслана (апрель 1626 г.) в Касимове проживали три его вдовы (Фатима-салтан, Карачаца и Салтан-бике), падчерица

Алтын, дочь царицы Карачаца и сибирского царевича Азима (Хаджим, Хаддум) б. Кучума, дочь Карачаца и Арслана Салтыкай, тетки Арслана царицы Молдур, Нал-бикем и царевна Тур-пача со своими людьми. Помимо их, в городе жил отец Фатимы-салтан сеид Ак-Мухаммед, ее брат Тениш и дядя Иш-Мухаммед сеид б. Белек сеид. В Ярославле проживали опальная супруга Арслана Наг-салтан, его дочь от Фатимы-салтан Алма-бике и падчерица Ай-ханыш (сестра Ураз-Мухаммеда б. Ондана), вдовы сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула. Среди такого количества женщин просто не могла не возникнуть борьба за власть. Старшинство по праву должно было принадлежать Салтан-бике, вдове трех последних касимовских царей. Ее положение при Ураз-Мухаммеде и Арслане отличалось некоторой автономностью. Первому в приданое она принесла прожиточное поместье, доходы с которого до этого шли ей [Беляков, 2007, с. 40; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–20]; при третьем она имела специальный доход с бражного кабака (15–20 руб. в год) [Беляков, 2006, с. 16; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 14]. Но Фатима-салтан являлась матерью единственного сына и наследника. Благодаря этому, а также поддержке своих родственников, занимавших в Касимове особое положение, ей удалось взять власть в свои руки. Соперницы посчитали, что в сложившихся обстоятельствах им лучше попроситься на жительство в Ярославль, где они были зачислены в число кормовых татар. За ними последовал один татарин из двора покойного царя, другой отправился в Романов к Барай мирзе Кутумову [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 29; 1628 г., д. 14, л. 4, 22]. Со смертью Арслана б. Али у его сына временно отписали часть его доходов (доходы с кабаков и таможен). Это, конечно же, усложнило содержание большой семьи, но ведь можно было получать доходы из Ярославля, живя в Касимове. Данный факт указывает на сложные отношения в семье. Переехали, правда, не все жены и родственницы. Часть из них через некоторое время вернулась на постоянное место жительства в Касимов, оставаясь, однако, ярославскими кормовыми татарами.

Пока царевич был ребенком, вся власть оказалась в руках его матери и деда — Шакуловых. Именно они занимались управлением хозяйством Чингисида и его двором. В результате этого, царицы Карачаца и Салтан-бике (вскоре, вероятно, все же обосновавшейся в Касимове [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12]), сводная сестра

Сеит-Бурхана Алтын (Алтын) и его бабки Молдур и Тур-пача, переехали на жительство в Ярославль и стали получать поденный корм из городских доходов [Беляков, 2006, с. 21; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 5]. В Касимове осталась бабка царевна Нал-бикем. Отъезд женщин вызвал целое судебное разбирательство. Их обвинили в краже имущества Сеит-Бурхана. Якобы Карачаца, умершая в 1627/1628 г., завещала в обход царевича значительную часть движимого имущества покойного мужа, царя Арслана б. Али, поровну своей дочери от первого брака царевне Алтын и сестре Сеит-Бурхана, царевне Алма-бике. Среди «похищенного» перечислены одежды, ювелирные украшения, драгоценные камни, деньги, медные котлы и лохани, кабальные и закладные грамоты, 24 дойные коровы, 170 овец и еще не оплаченные товары. Ряд вещей были взяты в заклад. Общая стоимость спорного имущества неизвестна, но у некоторых вещей стоимость указана, и их общая сумма составляла 368 руб. 60 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9]. По-видимому, часть имущества, возможно, бо́льшая, была возвращена малолетнему царевичу.

Главным источником напряжения в семье однозначно являлись Шакуловы. Долгое время они держали в руках всю полноту власти, в первую очередь — экономической. Ситуация меняется только начиная с 1641/1642 г., когда Сеит-Бурхан достиг совершеннолетия (к этому моменту ему было приблизительно 18 лет). В этом году в Касимов к внуку переселяется сибирский царь Али б. Кучум [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35, л. 54; ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2]. К 1648/1649 г. здесь поселяются другие родственники и свойственники царевича Сеит-Бурхана: его сводная сестра и одновременно тетка царица Алтын-сач, вдова ургенчского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда султана с дочерью Кутлусат [Беляков, 2007а, с. 110; РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1], сводная сестра царица Ай-ханыш, вдова Мухаммед-Кула б. Атаула, бабка царица Молдур [Беляков, 2006, с. 30; Переписная, 1892, с. 7; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12; 1651 г., д. 6; 1671 г., д. 3]. По-видимому, матери царевича и ее родственникам пришлось расстаться с присвоенной властью. Оставшиеся годы Фатима-салтан, судя по всему, не имела возможности вмешиваться в дела, к тому же ей пришлось терпеть рядом вчерашних соперниц. Ситуация могла поменяться только во второй половине XVII в. — ее соперницы умерли, сын и внуки почти все время прово-

дили в Москве. Теперь она в полном объеме могла вмешиваться в домашние хозяйственные дела. Она прожила не менее 90 лет, пережив мужа, детей, большинство внуков, и вынуждена была смириться с тем, что ее потомки стали христианами. Скорее всего, она достаточно болезненно относилась к этому. Тем более что царица, судя по народным преданиям, отличалась властным характером. С Фатимой связывают происхождение фамилии касимовских купцов Алянчиковых. Якобы однажды вдовая царица решила прокатиться по городу на колымаге, запряженной посадскими жителями. Предок Алянчиковых возмутился этим, на что царица якобы сказала: «Экие вы аляны». «Алян» по-татарски — ленивый или упрямый [Шишкин, 1999, с. 138]. Следует отметить, что это практически единственный пример, когда народная память донесла до нас определенные личностные характеристики кого-либо из членов семьи касимовских Чингисидов. Поэтому, даже если перед нами не более чем предание, данный факт очень важен.

К сожалению, не по всем служилым Чингисидам имеется достаточно полная информация. Зачастую она ограничивается констатацией самого факта заключения брака в России. В 1613/1614 г. в Ростове женился царевич Молла б. Кучум [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41]. В 1618 г. в Ярославле (?) его брат Алтанай б. Кучум женился на дочери царевича Мухаммед-Кула б. Атаула [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 6; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41]. Это был не единственный брак царевича; так, во второй половине XVII в. в документах упоминаются две его вдовы: ханым Джан тата Алеева мирзина дочь (скорее всего, из ногайских мирз, по нашему мнению это дочь Алея Туганова сына Шейдякова) [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1678 г., д. 1] и Девлет пача Смолянова (предположительно, из сибирских татар, однако нельзя полностью исключать иное ее происхождение, к примеру, из двора крымского царевича Мурад-Гирея) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1671 г., д. 1, л. 3]. В свою очередь, незадолго до декабря 1618 г. (год его смерти), Мухаммед-Кул женился на дочери касимовского царя Арслана б. Али и Фатимы-салтан Алма-бике [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 89–93] и падчерице Арслана, сестре Ураз-Мухаммеда б. Ондана Ай-ханыш [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1624 г., д. 1; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 7, 31].

В 1619 г. отмечена племянница касимовского царя Араслана Алеевича, которую отдали за служилого ногайского мирзу, испоме-

щенного в Ярославском уезде, Каная Еналеева сына Шейдякова. Как звали ее отца, нам неизвестно [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1619 г., д. 5, л. 276–278].

В 1628/1629 г., судя по всему, по инициативе и выбору московского царя, принимается решение о женитьбе ургенчского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда хана на падчерице касимовского царя Арслана б. Али Алтын-сач, дочери сибирского царевича Азима (Хадумм, Хаджим) б. Кучума и Карачай (Карачаца), дочери абыза Ибердея. Свадьбу сыграли 8–10 мая 1630 г. [Беляков, 2007а, с. 103–104; РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1]. Получилось так, что во дворе малолетнего выезжего царевича власть сразу же захватила его мамка Анекея. Данный брак, по мнению московского царя, должен был или сократить ее влияние, или ликвидировать полностью.

Следующие известия относятся к середине XVII в., когда сибирский царевич Алтанай б. Кучум женил своих сыновей. Иш-Мухаммед б. Алтанай (Алексей Алексеевич) первый раз женился в 1649 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 1]. Брак оказался недолгим, супруга вскоре умерла. В 1650 г. царевич женился второй раз на некоей Салтанбике [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 2; 1654 г., д. 3]. После принятия православия ее стали звать Анастасией Васильевной. Она была «приезжая боярыня» цариц Марии Ильиничны и Натальи Кирилловны [Любимов, 1915, с. 66–67]. Дост-Мухаммед б. Алтанай (Петр Алексеевич) женился впервые до принятия православия в 1653 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 7], и к 1656 г. он уже овдовел. Документы однозначно указывают на то, что разрешение на брак давал лично московский царь [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 7, л. 1 об.].

Царица Молдур, дочь Кучума и царицы Суйдеджан, в Ярославле вышла замуж за Девлет-Мухаммеда (Девлет) мирзу Еналея мирзу Шейдякова. Это произошло после ее переезда из Касимова в Ярославль в 1627 г. Она овдовела в Великий пост 1646 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1; 1652 г., д. 9, л. 3; ф. 141, оп. 1, 1646 г., д. 113а, л. 73]. По-видимому, генеалогию супруга следует представить так: Девлет б. Джан-Али б. Туган. Джан-Али выехал из Ногайской Орды и погиб под Москвой, когда там стояли поляки и «Вор». Быть может, это связано с избиением в Калуге татар, в том числе и ногайских, в декабре 1610 г., последовавшим за убийством Петром Урусовым Лжедмитрия II. В Москве известны еще сын Джан-Али Зорбек (Фе-

дор) и его младшие братья Каплан и Али, испомещенные в Ярославле [Трепавлов, 2003, с. 330–331; Распросные, 2000, с. 174–175]. У Девлет-Мухаммеда известна дочь Ирина от царицы Молдур, дочери сибирского хана Кучума. Дочь приняла православие в 1652 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1652 г., д. 5, л. 1]. Также у мирзы была еще одна жена, касимовская царица Нал-ханиша (Нагел) Карамышева дочь Мусаитова, вдова касимовского царя Арслана б. Али [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1646 г., д. 113а, л. 76]. Это был третий брак Нагел.

Другими сведениями о браках служилых Чингисидов мы не располагаем. Правда, документы дают нам право с уверенностью утверждать о свадьбе царевича Джансюера (Янсюера) б. Али. Он попал в Россию ребенком, здесь же у него родился сын Джанбек (Калинник Джансюеров) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 14]. Неизвестно, был ли женат его брат Хансюер, но в Соликамске у него упоминается незаконнорожденная дочь [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г., д. 2, л. 2].

Скорее всего, вступали в брак и иные известные нам Чингисиды, но сообщений об этом не найдено. Также имеется упоминание о царице Бахты ханум, дочери некоего царевича Сеит-Кула, жене мирзы Сафар-Али Шейдякова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1, 3]. Брак был заключен до 1649 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 7]. Царевич по другим источникам не известен. Предположение о том, что речь идет о сибирском царевиче Мухаммед-Куле б. Атауле, не выдерживает критики. Дело в том, что в тех же делах отмечены дачи его вдов, и здесь его имя передано правильно. По документам рубежа XVI–XVII вв. известна казахская царица Бахты ханум, племянница казахского хана Таввакула, а значит, сестра (скорее всего, двоюродная) Ураз-Мухаммеда б. Ондана. В свою очередь, Ураз-Мухаммед и его родственники посылали в казахские степи малые поминки для членов рода, оставшихся в степях. Среди них отмечен царевич Сеит-Кул б. Худайназар [Казахско-русские, 1961, № 8, с. 11–12; № 9, с. 12]. Быть может, данная царица происходила из казахской династии? Но тогда на момент заключения брака она должна быть более чем в преклонном возрасте. С даты первого упоминания о ней прошло 55 лет.

Также следует упомянуть один несостоявшийся брак. В самом начале 1613 г. ногайский мирза Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед просил отпустить в Ногайскую Орду некую Дойдур-пашу,

обещая за нее щедрый «окуп» [Акты, 1915, с. 82]. В. В. Трепавлов отождествляет ее с одной из дочерей Кучума — Дерпадшой (Турпача), плененной в 1598 г. Данный факт указывает на то, что дочери сибирских Шибанидов сохраняли «династическую ценность» (по определению В. В. Трепавлова) и после падения Сибирского ханства [Трепавлов, 1012, с. 39]. По нашему мнению, данное наблюдение можно перенести и на другие ветви «золотого рода». Однако просьба мирзы осталась без внимания.

* * *

Приведенные данные позволяют нам сделать некоторые выводы. Для служилых царей и царевичей, продолжавших исповедовать ислам, было сложно найти себе партнера для брака. В первую очередь, это происходило из-за ограниченного выбора. Невесту или жениха, за редким исключением, можно было найти только в проживающих в России семьях служилых Чингисидов, знатных ногайских, крымских (позднее — сибирских) мирз, а также сеидов. Ногаи сразу заняли в этом вопросе особый статус. Постоянно прибывающая ногайская знать занимала видное положение на новой родине. К тому же ногайские мирзы издавна являлись привычными брачными партнерами. В. В. Трепавлов отмечает, что брать жен из Ногайской Орды было в обычае у тюркских государей, они даже получили особое название: «Всех своих жен, взятых из мангытских принцесс, правители называют бийим (биким, бегим, бике)» [Трепавлов, 2001, с. 376]. Но бросается в глаза интересная закономерность. Кучумовичи устойчиво заключают браки только с одной семьей из многочисленных ногайских выходцев — мирзами Шейдяковыми. Это потомки ногайского бия Саид-Ахмеда (Сейтяк, Шейдяк, Шидак) б. Мусы. Наиболее известными представителями этого рода в России XVI в. являются Афанасий и Петр Тутаевич Шейдяковы. Другим представителем семейства следует признать князя Ивана Келмамаевича Келмамаева, женатого на дочери Малюты Скуратова [Кобрин, 2008, с. 44–45]. Данный брак сделал князя свойственником целого ряда виднейших семей России. Одна его свояченица, Екатерина, стала женой князя Ивана Михайловича Глинского. Другая, Мария, вышла замуж за Бориса Федоровича Годунова. Третью, Христину, выдали за князя Дмитрия Ивановича Шуйского [Башнин, 2017, с. 184].

Такое свойство объясняет выбор женихов. Если допустить, что имя деда Девлет-Мухаммеда, Туган, является искаженным Тутай, в таком случае, мирза приходился племянником знаменитому Петру Тутаевичу Шейдякову.

Для заключения брака обязательно требовалось разрешение царя. Иногда в Москве сами подбирали нужных кандидатов. При этом зачастую разрешение на брак рассматривалось как особое пожалование московского царя. Начиная с XVI в., Москва ясно осознает возможность правила левирата в брачной политике и активно применяет его. Можно предположить, что для всего XVI и начала XVII вв. для касимовских Чингисидов почти обязательным стало требование иметь среди жен дочерей сеидов, потомков пророка Мухаммеда.

Также было престижно жениться на дочерях Чингисидов. Родство по женской линии с «золотым родом» давало почетный титул «гурган» — «зять ханского рода», хотя они и их потомство не могли претендовать на наследие Чингисхана. В Средней Азии титул «гурган» стал особенно известным с тех пор, как его принял эмир Тимур. Данному примеру последовали и многие его потомки (Мираншах, Шахрух, Улугбек и др.) [Султанов, 2006, с. 21, 23–24, 103]. Неизвестно, насколько в Москве были информированы об этом, но думается, что часть служащих Посольского приказа, специализирующихся на восточном направлении, скорее всего, владела данной информацией. Это может быть интересно при рассмотрении браков крещеных Чингисидов.

Помимо этого, бросается в глаза тот факт, что Кучумовичи на протяжении долгого времени предпочитали искать брачных партнеров в своем ближайшем окружении; как правило, это были дети пленных сибирских Шибанидов, либо дети их имелдешей и аталыков. Данное наблюдение позволяет нам с достаточно большой вероятностью предположить происхождение тех или иных мужей и жен Чингисидов в тех случаях, когда не имеется документов.

А вот отдавать дочерей Чингисидов замуж за пределы России было неприято.

Браки крещеных Чингисидов

Браки крещеных служилых Чингисидов имели свои особенности. Дело в том, что в жены или мужья они могли брать представителей

знатнейших московских родов и даже породниться с царем. Это, в свою очередь, оказывало определенное влияние на статус (прежде всего, местнический) той или иной семьи. По этим причинам во второй половине XVI в. крещеные татарские цари и царевичи могли брать себе в жены женщин только из тех ветвей рода, где не имелось детей мужского пола, или же они были пострижены в монахи. Приведем все известные нам браки крещеных Кучумовичей.

Не ранее 1600 г. сибирский царевич Андрей Кучумович (Абул-Хаир б. Кучум) женился на княжне Ирине Федоровне Ноготковой-Оболенской, дочери боярина князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского и княгини Марии Семеновны, урожденной Косткиной. Евдокия Федоровна Бутурлина — ее родная сестра. Интересно, что тесть царевича был одновременно и его восприемником при крещении [Анхимюк, 2003, с. 396]. Это уникальный случай, так как Православная Церковь запрещала браки между ближайшими родственниками, в том числе и по крещению. Другим зятем князя Федора был Иван Иванович Бутурлин [Павлов, 1992, с. 173]. Вполне возможно, что данный брак следует рассматривать в общей цепочке мероприятий по нейтрализации рода бояр Романовых, проводимых Борисом Годуновым. По крайней мере, родство Ноготковых-Оболенских с Кучумовичами могло в местническом споре 1600 г. несколько нивелировать матримониальные связи Романовых с Иваном Грозным [Козляков, 2011, с. 213; Павлов, 1992, с. 73, Эскин, 2009, с. 112–113].

В мае 1635 г. князь Калинин Джансюерович женился на дочери князя Василия Козловского Марии [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 2, л. 1; ф. 210, оп. бж, д. 138, л. 54 об.]. В это время известны два дворянина по московскому списку — Василий Григорьевич и Василий Иванович Козловские. О ком из них идет речь, неизвестно [Боярская, 1999, с. 99, 104]. Существует версия, что вторым браком он был женат на княжне Аграфене Алексеевне Голицыной, дочери боярина князя Алексея Андреевича Голицына и его жены княгини Ирины Федоровны, дочери окольного князя Федора Андреевича Хилкова. С. В. Любимов при этом ссылается на сочинение Е. Сергеевича [Любимов, 1915, с. 69; Сергеевич, 1853, с. 125]. Княгиня Мария упоминается в 1685/1686 г. как вдова князя Калинника. Судя по документам, это все та же княгиня Марья Васильевна Козловская [РГАДА, ф. 210, оп. бж (Денежный стол), д. 138, л. 54 об.], поэтому женитьбу на Голицыной надо поставить под сомнение.

В феврале 1637 г. дочь сибирского царевича князя Андрея Кучумова и княгини Ирины Федоровны (урожденной Ноготковой-Оболенской) Евдокию выдали за родственника царя Михаила Федоровича по женской линии — комнатного стольника Василия Ивановича Стрешнева [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6013, л. 82 об. — 87, 263–270 об; ф. 396, оп. 2, д. 221, л. 106 об. — 107; ф. 137, Москва, д. 2, л. 43–52]. С 6 января 1634 г. он уже окольник [Боярская, 1999, с. 24; Правящая, 2006, с. 317, 326], а с 28 сентября 1645 г. — боярин [Боярская, 1999, с. 22]. От этого брака известна умершая 11 марта 1646 г. в младенческом возрасте дочь Евдокия (?) [Беркович, 2011, с. 298].

Князь Василий Ишимович (Аблай б. Ишим) женат на княгине Ефимье. Свадьба была сыграна, скорее всего, в 1648 г., когда он приехал в Москву из Кирилло-Белозерского монастыря. В 1649/1650 г. он уже упомянут как умерший [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 23]. Зная отношение к Чингисиду царя Алексея Михайловича (об этом см. ниже), мы можем предположить, что данная свадьба стала заметным явлением в столице. Родителей княгини на настоящий момент установить не представляется возможным, но, скорее всего, их следует искать среди крепких московских родов, представители которых служили в стольниках и дворянах по московскому списку.

Сибирский царевич Василий Андреевич, сын Андрея Кучумовича, женат на княгине Ульяне Филипповне [Любимов, 1915, с. 65; РГАДА, ф. 210 (Столбцы приказного стола), д. 1022, л. 18]. Ее происхождение не установлено.

Касимовский царевич Василий Арасланович (Сеит-Бурхан б. Арслан) после 1653 г. женился на княгине Марии Никифоровне, дочери дворянина по московскому списку Никифора Юрьевича Плещеева и его супруги Марфы [Шишкин, 1999, с. 106, 124–125]. Братьев у Марии Никифоровны не было. А. Олеарий сообщает, что будто бы юному Сеит-Бурхану в 1636 г. обещал в жены свою дочь царь Михаил Федорович, если царевич согласится принять православие [Олеарий, 2003, с. 304]. После крещения касимовского царевича в 1653/1654 г. ему вновь якобы предлагали в жены царевну Ирину Михайловну, и как будто бы даже была достигнута обоюдная договоренность. Но брак так и не состоялся [Шишкин, 1999, с. 106; Берг, 1832, с. 249–250]. Н. Ю. Плещеев впервые упоминается в жилецком списке 1602/1603 г. [Станиславский, 2004, с. 258] как стольник у Лжедмитрия II, а в 1608 г. он отмечен в Муроме [Тюменцев, 1999, с. 550]. Не-

однократно посылался на воеводства: Оскол (1624–1626 гг.), Верхотурье (1629–1631 гг.), Путивль (1637–1639 и 1648–1649 гг.) [Барсуков, 1902, с. 41, 189, 217]. По данным О. А. Шватченко, в 1646 г. он — стольник. Данный брак нельзя назвать особо удачным, ибо он не вводил царевича в круг высшей московской знати. Но тесть владел значительным числом вотчин во Владимирском, Костромском, Московском, Ростовском, Суздальском и Юрьевском уездах (всего 153 двора и 420 крестьян), которые, по-видимому, впоследствии достались царевичу [Шватченко, 1996, с. 148–149]. Сестра Марии, Евдокия, была замужем за князем Борисом Ивановичем Репниным.

В 1656 г. сибирский царевич Петр Алексеевич (Дост-Мухаммед б. Алтанай) женился на Анастасии Васильевне Нагой, дочери стольника Василия (Кондратия) Ивановича и Прасковьи Федоровны (Васильевны?) (в монашестве Пелагеи) Нагих. Сестра Анастасии, Анна, — супруга князя Петра Эль-мирзина Черкасского [Вкладная, 1987, с. 71, 281]. Братьев у Анастасии Васильевны не было. Мотивы брака, возможно, были меркантильными, так как в 1646 г. за вдовой Прасковьей Васильевной значилось в вотчинах 508 дворов с 1412 крестьянами [Шватченко, 1996, с. 148]. На Василии Ивановиче род Нагих пресекался.

Возможно, сибирский царевич Алексей Алексеевич был женат и третий раз (два первых брака были заключены, когда он еще находился в исламе). В поминальной записи его сына, царевича Василия Алексеевича, указаны схимонах князь Макарий и схимонахиня Таисия, которых можно отождествить с родителями его супруги [Любимов, 1915, с. 79].

Сибирский царевич Григорий Алексеевич женат на Анне Григорьевне. Она была «приезжей боярыней» царицы Натальи Кирилловны [Любимов, 1915, с. 70].

Сибирский царевич Василий Алексеевич женат на Анне Семеновне Грушецкой, сестре царицы Агафьи Семеновны (супруге царя Федора Алексеевича) и Феклы Семеновны Урусовой, дочери московского дворянина Семена Федоровича Грушецкого и его жены Марии Ивановны, урожденной Заборовской. Вторым браком царевич женат на княжне Хованской. Княжны Мария и Прасковья Михайловны Куракины приходились племянницами царевичу [Любимов, 1915, с. 71]. М. И. Грушецкая была сестрой думного дьяка С. И. Заборов-

ского, который, по-видимому, заменял племянницам умершего отца [Демидова, 1996, с. 185].

Сибирский царевич Дмитрий Алексеевич женат на Ксении Владимировне Долгоруковой, дочери боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и его первой жены княжны Марьи Васильевны, урожденной Пушкиной [Любимов, 1915, с. 71–72; Шватченко, 1996, с. 90].

Княжна сибирская Прасковья Алексеевна замужем за стольником царицы Натальи Кирилловны, Иваном Яковлевичем Волынским [Любимов, 1915, с. 72].

Касимовский царевич Никифор Васильевич женат на княгине Анне Григорьевне [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 416; РГАДА, ф. 1190, оп. 1, д. 6, л. 75–78].

Касимовский царевич Михаил Васильевич также женат на княгине Анне Григорьевне [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 21, 23; ф. 9, отдел 2, д. 92, л. 21]. Бросается в глаза слишком частое упоминание среди жен царевичей княгинь с именем Анна Григорьевна. Быть может, здесь произошла какая-то путаница?

Касимовский царевич Семен Васильевич женился в 1690/1691 г. на княжне Марии Юрьевне Трубецкой, дочери боярина князя Юрия Петровича Трубецкого [РГАДА, ф. 210 (Столбцы Белгородского стола), стб. 988, л. 100; ф. 1209, оп. 1, кн. 231, л. 101; ф. 522, оп. 1, д. 83, л. 33–37об.]. После смерти Семена Васильевича (1691/1692 г.) его вдова вторично вышла замуж (1694/1695 г.) за стольника князя Василия Лукича Долгорукова (1672–1739 гг.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1; Черников, 2003, с. 223].

Княжна касимовская Евдокия Васильевна замужем за комнатным стольником Петра I, боярином (с 1689/1690 г.) Мартемьяном Кирилловичем Нарышкиным (1665–1697 гг.) с 1683/1684 г. [Любимов, 1915, с. 72]. В приданое за свою сестру царевичи Иван и Семен Васильевичи отдали с. Беяково да пустошь, что была д. Власова Касимовского уезда (25 дворов крестьянских, 25 крестьян, 28 детей крестьянских, 22 двора бобыльских, 22 бобыля, 13 детей бобыльских, 76 недорослей) [РГАДА, ф. 159, оп. 2 (Посольский приказ), д. 2080, л. 9, 11]. Правда, уже на следующий год поместье было «поворочено». За него дали что-то другое, возможно, деньги. В 1695 г. оно значилось за царевичем Иваном Васильевичем [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 32–33].

Княжна касимовская Домна Васильевна замужем за комнатным стольником Петра I, генерал-майором князем Юрием Яковлевичем Хилковым [Любимов, 1915, с. 73–74]. Это — второй брак Хилкова. Первый раз он был женат на Евдокии Петровне Нелединской, третий — на Марье Максимовне Свинойной. От этого брака известна дочь Прасковья, жена Алексея Григорьевича Долгоорукова [Филиппов, 2016, с. 252–253]. Являлась ли ее сестра, Екатерина Юрьевна, супругой Матвея Васильевича Чаадаева, до конца не ясно. Гипотетически от брака Домны и князя Юрия может происходить и Иван Юрьевич Хилков, о котором известно, что он умер 9 ноября в возрасте 9 лет, 1 месяца и 13 дней [Беркович, 2011, с. 298]. Отец Юрия Хилкова, окольный Яков Васильевич, женат на Анне, дочери Иллариона Дмитриевича Лопухина.

Князь Богдан Калининкович, стольник, женат на княжне Елене Никитичне Барятинской, дочери патриаршего стольника (?) князя Никиты Васильевича Барятинского и княгини Матрены Елизаровны, в первом браке Рыловой. Княжна получила от отца в приданое 63 четверти земли в деревне Ратной-Шелаевой и пустошах Красной Слободке и Вошкиной Ростовского уезда [Любимов, 1915, с. 74].

Князь Федор Калининкович, стольник, женат на Евдокии Герасимовне. Она родилась в 1689 г. Умерла 16 сентября 1740 г., погребена в селе Брынкове Рузского уезда [Любимов, 1915, с. 74].

Царевич касимовский Василий Иванович женат на Анастасии Федоровне (Александровне) Салтыковой, сестре царицы Прасковьи Федоровны (Александровны), супруге Ивана V Алексеевича [Любимов, 1915, с. 76; Веселовский, 1975, с. 187–188; Соловьева, 2006, с. 695; Седов, 2006, с. 386].

* * *

Собранные данные позволяют выявить некоторые закономерности.

Во-первых, Чингисиды в подавляющем числе случаев вступают в брак с представителями титулованной знати. Исключениями, как правило, были браки с близкими родственниками московских царей. Во-вторых, из обихода исчезает прежнее требование к супругам Чингисидов — происходить из пресекающихся родов (хотя подобные случаи также встречаются). В-третьих, среди царевичей и кня-

зей выстраивается иерархия престижности по возможности породниться с ними. Князья, принявшие православие в первой половине XVII в., и их потомки, как правило, уступают в своем положении крестившимся после 1653 г. Это наиболее явно выражается в положении отцов русских невест на служебной иерархической лестнице. Что касается обязательного разрешения московского царя на заключение брака, то данные на этот счет отсутствуют; скорее всего, его не требовалось или же оно носило явно формальный характер. «Разрешения» прослеживаются в виде «дач» на свадьбы. Находиться в родстве со служилыми царями и царевичами было престижно, хотя это не означало автоматического повышения благосостояния. За редким исключением, крещеные Чингисиды не обладали крупными земельными пожалованиями. В ряде случаев у нас имеются все основания предполагать, что причиной заключения того или иного брака являлось стремление царевича поправить свое материальное положение.

К концу XVII в. виднейшая московская знать успела породниться с потомками Чингисхана в России. Но, несмотря на тесные генеалогические переплетения, служилые царевичи по-прежнему стояли несравненно выше всех представителей служилого сословия. В 1679 г. боярин князь М. А. Голицын неудачно пытался местничать с сибирским царевичем Григорием Алексеевичем по случаю назначения участвовать в крестном ходе [Эскин, 1994, № 1687, с. 207].

Таким образом, с завершением процесса крещения служилых царевичей в середине XVII в., которое можно признать насильственным, был сделан очередной шаг к их слиянию с придворной знатью. В XVIII в. прежние генеалогические связи продолжают играть заметную роль в жизни князей Сибирских (так именуются Кучумовичи с 1718 г.). К примеру, Федор Васильевич Сибирский, внук Алексея (Иш-Мухаммеда), женат на Марии Сергеевне Урусовой [РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 118, д. 65344; Любимов, 1915, с. 75.]. Но это уже выходит за рамки нашего исследования.

Частная жизнь Кучумовичей в России

Какой бы ни была насыщенной жизнь человека, у него всегда найдется время, чтобы посвятить его себе, своим близким. Частная, повседневная жизнь занимает значительную часть времени того

или иного человека. Времяпрепровождение, праздники, домашний быт, образование, пристрастия в еде и одежде — все это входит в данное понятие, но, как правило, остается за рамками исторических исследований о Чингисидах в России.

Документы практически ничего не говорят нам о том, что представляла собой частная жизнь представителей «золотого рода» в России. Записки иностранцев также содержат более чем скромную информацию по этому вопросу. Однако в ряде случаев мы можем сделать попытку приоткрыть завесу над повседневностью. В первую очередь, речь пойдет о некрещеных татарских царях и царевичах. Но и принявшие православие Чингисиды не будут оставлены нами без внимания.

До наших дней, повторим, в основном сохранились различные финансовые документы, связанные с пребыванием Чингисидов в России. Поэтому их история зачастую видится как финансовый отчет об их содержании. Но эти же источники помогают нам приоткрыть страницы их повседневной жизни. В ряде случаев мы вынуждены будем отходить от заявленной темы и рассматривать отдельные смежные вопросы. В частности, в этом разделе мы затронем проблему возможного существования в России регалий (знаков власти или, что правильнее, статуса) отдельных Чингисидов.

У нас имеются и отдельные упоминания об образовательном уровне Чингисидов. Так, Павел Алеппский сообщает, что касимовский царевич Василий Арасланович (Сеит-Бурхан б. Арслан) знал философию, арабский, турецкий и персидский языки. При этом, дабы не возникало осложнений, он вынужден был скрывать это [Алеппский, 2005]. Данный список следует пополнить, конечно же, татарским и, скорее всего, русским языками. Наверное, это была обычная практика, по крайней мере, в Касимове.

Известно, что при касимовском царе Ураз-Мухаммеде б. Ондане жил автор «Сборника летописей» (1602 г.) Кадыр-Али-бек б. Хошумбек. Это автор компилятивного труда, написанного на татарском языке и составленного на основе сообщений восточных авторов, дополненного собственными повестями («дастанами»), живописующими биографии отдельных политических деятелей Золотой Орды (Урус, Тохтамыш, Эдиге и др.), в том числе и биографией Ураз-Мухаммеда [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 382–410]. Для нас он интересен, в первую очередь, тем, что показывает уровень осведомлен-

ности касимовских татар в сочинениях восточных авторов. Основой для данного сочинения послужил труд Рашид ад-Дина «Джами аттаварих» (другое его название — «Чингиз-наме»), переведенный Кадыр-Али-беком с персидского (фарси), являвшегося литературным языком в Средней Азии. Помимо этого, автор активно обращался к фольклорным памятникам, в частности, эпосу «Идиге». Скорее всего, использовались и иные, в настоящее время нам неизвестные, тюркоязычные сочинения о ханах и султанах Джучиева Улуса [Усманов, 1972, с. 52–55]. Этот труд оценивается учеными как памятник татарской государственно-официальной исторической литературы, где выпукло отражены не только мировоззрение и тенденции высшей татарской аристократии рубежа XVI–XVII в., но и зафиксированы состояние и особенности исторического знания у татар того времени. Это также своеобразный реликт татарской государственной историографии периода Золотой Орды и Казанского ханства [Усманов, 1972, с. 95]. Справедливости ради все же следует отметить, что в самом Касимове в последующие эпохи данное сочинение было полностью забыто. Об этом, в частности, говорят сведения об эпохе «Касимовского царства», собранные в начале XIX в. местным историком-любителем И. С. Гагиным [Гагин, 1902]. Однако русский перевод рукописи (или отдельные выписи из нее) могли бытовать в городе до рубежа XVIII–XIX вв.¹

В Касимове также были известны различные богословские и философские сочинения восточных авторов. Можно предположить наличие некоего культурного кружка в окружении царицы Сююнбике и, возможно, царя Шах-Али [Беляков, 2004]. Падение Казанского ханства и наступившая за этим реакция по отношению к мусульманской религии могли подтолкнуть часть образованных его приверженцев к переезду в Касимов — одно из немногих мест, где они могли чувствовать себя относительно свободно. В период про-

¹ «Дознавши от степенных граждан, что в городском архиве была рукописная книга старинного слога и почерка, в коей писано было о всей древности и градских училищах и владениях, оную читывали многие особы, но как переходила она из рук в руки, лет за сорок до сего моего нынешнего исследования, к моему несчастию, безвестно укрылась» [РА ИИМК РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 74. Л. 4 об.]. См.: Гагин И. С. Предисловие к «Собранию исторических и натуральных доказательств, в котором Городце при Нове Городе скончался... князь Александр Невский, 1843 г.». Цит. по: [Филиппов, 2009, с. 90].

живания в городе сибирских Шибанидов здесь также, скорее всего, продолжалось собирание определенных книжных коллекций. В литературе уже отмечалась традиция владения значительными библиотеками у сибирских татар [Бустанов, 2009, с. 156–192]. Однако принадлежность к «золотому роду» ни в коем случае не означала констатации высокого образовательного уровня. Так, в условиях постоянной борьбы за существование, в которую попали потомки хана Кучума в XVII вв., грамотность оказалась невостребованной [Трепавлов, 2012, с. 124–137]. Сибирские царевичи Аблай б. Ишим и Девлет-Гирей б. Чувак практически откровенно заявляют об этом [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, 722; ф. 119, оп. 1. 1639 г., д. 1, л. 7].

У нас имеются все данные утверждать, что в Касимове XV–XVII вв. имелось большое количество восточных книг. Это, в частности, доказывают результаты археографических экспедиций, предпринятых казанскими исследователями в 1964 и 1966 гг. Тогда М. А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни рукописей, в том числе «Кунийат ал-мунийя...» («Достижение желаемого для завершения изобилия») Наджим ад-дина аз-Захира ал-Газмини (умер в 1260 г.) в списке 1319 г. и «Хуласал ал-фатави» («Квинтэссенция февр») Тахира бин Ахмад ал-Бухари ал-Ханафи (умер в 1147 г.) в списке XIV в. Кроме них, были приобретены десятки других татарских, турецких, крымско-татарских, староузбекских и арабо-персидских рукописей-списков XV–XVII вв. Некоторые из них были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К последним, например, относится список медицинского сочинения «Нафи, аннас» крымско-турецкого ученого первой половины XVI в. Недаи, пользовавшегося высоким покровительством казанско-крымского хана Сахиб-Гирея [Усманов, 1972, с. 54–55]. К глубококому сожалению, данная коллекция не подвергалась до настоящего времени всестороннему источниковедческому анализу. Подобные исследования, возможно, могли бы приоткрыть нам некоторые тайны письменной культуры Касимова эпохи «царства», ведь значительная часть из приобретенных рукописей, скорее всего, ранее находилась в библиотеках касимовских Чингисидов и их приближенных. Тем самым мы могли бы частично восстановить круг чтения отдельных представителей «золотого рода» в Касимове. Известно, что сеиды Шакуловы, родственники касимовских царей и царевичей из Си-

бирской династии, имели склонность к собиранию древних татарских рукописей и бумаг. К концу XIX в. в их архивах оказалось собрано значительное количество различных имущественных и поземельных актов XVI — начала XVIII вв., относящихся к касимовским татарам [Журнал, 1885, с. 4]¹.

Опираясь на косвенные данные, мы вправе предположить, что обмен книгами между различными регионами проживания татар в отдельные периоды протекал достаточно активно [Зайцев, 2009, с. 28–34]. Скорее всего, в него в той или иной степени были включены и Чингисиды, проживавшие в России.

На основании данных сообщений возможно утверждать, что и православные дети касимовского царевича Василия Араслановича также получили хорошее для своего времени образование. С высокой долей вероятности, они воспитывались в условиях двуязычия, разговаривая с матерью на русском, а с отцом — как на русском, так и на татарском языках. Это явление можно признать распространенным. Подобную картину, в частности, мы наблюдаем и в современных русско-татарских семьях Рязанской области.

Образованность высоко ценилась в татарской среде. Об этом, к примеру, говорит значительное число хафизов (абызов) в городе. В 1627 г. их было 6 человек [Переписная, 1992, с. 7; Вельяминов-Зернов, 1866, с. 65]. Весьма образованные люди в Касимове имелись и за пределами дворца. Город являлся одним из главных центров комплектования Посольского приказа переводчиками и толмачами (переводчик устной речи) ряда восточных языков: татарского (в том числе, крымского и ногайского), арабского и персидского. Об их квалификации говорит, в частности, тот факт, что один из них, Имраэль мирза (Михаил) Семенов сын Кашаев долгое время возглавлял список переводчиков внешнеполитического ведомства. Некоторые из них создавали целые династии [Беляков, 2003; Беляков, 2001б]. Мы можем наглядно судить об уровне образования некоторых из них [см.: Фаизов, 2000, с. 54; Хайретдинов, 2002, с. 80]. Известно, например, что касимовец Эмин абыз, входивший в состав двора касимовских царя Арслана и царевича Сеит-Бурхана, вызывался в столицу для переводов [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1646 г.,

¹ Некоторые из них в настоящее время обнаружены в собрании Государственного архива Рязанской обл. (ГАРО. Ф. 1750. Оп. 1).

д. 6]. Скорее всего, Касимов некоторое время был достаточно крупным региональным культурным и религиозным центром для мусульман России.

Но интерес к письменной культуре известен и в других регионах расселения служилых Чингисидов. Для обучения ургенчского царевича Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммеда специально в Астрахани был взят абыз Нефес, также выходец из Ургенча [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 29]. Книги, принадлежавшие царевичу, неизвестны, зато до нас дошли сведения о существовании маленькой библиотеки его абыза (Коран и другие книги) [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 87]. Они, скорее всего, в середине XVII в. попали в Касимов. Имелись небольшие библиотеки и у иных Чингисидов. Так, книги упоминаются среди имущества сибирского царевича Азима (Хаджима) б. Кучума («книги бусурманские» и «часовник татарской»). После его смерти они по каким-то причинам оказались у князя Василия Агишевича Тюменского. Данный факт, возможно, свидетельствует о сохранении у знатных новокрещенов интереса к восточной культуре и исламу в частности. В дальнейшем книги с остальным имуществом как будто бы попали к касимовскому царю Арслану б. Али, новому супругу вдовы царевича. Интересен перечень иного имущества царевича Азима: однорядка (верхняя широкая, долгополая до шиколотки, женская и мужская одежда, без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук), полукафтан (дороги (восточная шелковая материя) с жемчужным ожерельем), лисья шапка, 3 золотника жемчуга, узда, седло, ковер, попона черкасская, самопал шведский, серебряная винная чарка, ендова винная, 2 сковородки белые, 3 солонки белые, судок столовый, 3 блюда белых, фляга оловянная, чемодан, рубашка, двое портов, полотняный полог, венецианская тафта, «амагин» с перевязьями, золотой «кизылбашский» кушак, шитые золотом и серебром 4 полотенца, белых 2 полотенца, государева поместная ввозная грамота, простыня «бухарка», окованный немецким железом ларчик, серебряная позолоченная пуговка, стеганная золотом тафта, 10 руб. денег [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 17–19]. Среди имущества Чингисидов упоминается еще один вид книг — приходно-расходные, куда казначеем вносились записи обо всех поступлениях и выдачах имущества. Имелись также таможенные и кабацкие книги. Присутствовали в их библиотеках и русские судебники, или же некие

выписки из них [СГГД, 1819, № 26, с. 30–31; СГГД, 1894, № 55, с. 38]. Архив касимовских царевичей из Сибирской династии, скорее всего, погиб в первой половине XVIII в., вскоре после смерти последнего представителя рода. В 1723 г., при описании имущества умершего царевича Ивана Васильевича, в «казенной подклети», наряду с оборудованием для винокурни, отмечен ящик с отписками и прочими бумагами [Материалы, 1951, с. 104]. В настоящее время нам остается только догадываться о том, что там хранилось. Можно предположить, что отдельные документы оказались впоследствии у части касимовских татар (в частности, у Шакуловых). Конечно же, их, в первую очередь, могли интересовать документы на татарском языке. Однако В. В. Вельяминов-Зернов, который, судя по всему, был знаком с архивом данного семейства, ничего не пишет об этом, хотя в тот момент они могли его просто не интересовать. В последнее время наметилось еще одно направление поиска. Дело в том, что часть документов касимовских царевичей в начале XVIII в. оказалась в бумагах В. Л. Долгорукова [Алексеева, 2014].

Было бы интересно проанализировать документы, появлявшиеся на свет в «канцеляриях» татарских царей и царевичей для внутренних целей. Определенное, пусть и небольшое, делопроизводство в них, судя по всему, велось. Но сделать этого мы не можем: до наших дней сохранились только бумаги, составленные по правилам, существовавшим в русской приказной среде и, скорее всего, русскими же писцами (дьяки, подьячие, стряпчие) при дворах Чингисидов. Как некий пример татарского эпистолярного языка мы можем привести только частное письмо переводчика Посольского приказа [Фаизов, 2000], но в данном случае здесь явно прослеживается влияние дипломатического этикета (в первую очередь, турецкого и крымского). Насколько это соответствовало правилам, бытовавшим во дворах татарских царей и царевичей, мы не знаем.

Значительная часть жизни мусульман связана с исполнением религиозных обрядов. Мы не знаем, строились ли мечети в городах, жалуемых служилым Чингисидам, помимо Касимова. Скорее всего, нет. Но в любом случае, там должны были присутствовать помещения для религиозных отправлений, и прежде всего для пятничных молитв.

Конечно же, отмечались религиозные и традиционные народные праздники (Новый год, Ураз-байрам, Курбан-байрам и др.), хотя в

нашем распоряжении имеется информация только по району Касимова. Например, в XIX в. там абсолютно не знали, что такое сабантуй, и попытка внедрения данного праздника в 1917 г. закончилась неудачей. Зато отмечены конные бега и соревнования мужчин в беге.

Упомянуты многочисленные аграрные обряды, а также церемонии по поминанию предков и отдельные примеры отмечания православных праздников [Шарифуллина, 2004, с. 89–92]. Мы можем предположить бытование в Касимове традиций, сходных с традициями, известными в иных местах компактного проживания мусульман. Известно, что на Востоке (в том числе, и в Западной Сибири) большое распространение получил культ мусульманских святых. Места их погребения (астана) у тоболо-иртышских татар до настоящего времени являются паломническими центрами. Также известны хранители этих святых мест, «должность» которых передается по наследству; часто ими являются реальные или мнимые потомки святого или же его спутников. В сознании верующих, «смотритель» (астана-караульце) находился по статусу даже выше муллы, чему он обязан своей принадлежностью к роду святого подвижника. В Западной Сибири считается, что погребенные в этих местах принесли в данный регион традиции ислама и погибли за веру. В ряде случаев их почитают как Чингисидов или же их родственников [Селезнев, 2009]. Имеются упоминания, позволяющие предположить бытование подобной практики и в Мещере. Известно, что сеид из рода Шакуловых Якуб б. Сеид-Ахмед б. Тин-Мухаммед б. Ак-Мухаммед якобы повесил некую женщину на текие (мавзолей, дюрбе) царя Арслана б. Али, из которой та украла саваны и иные вещи [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 497–498]. Можно предположить, что касимовские Чингисиды (по крайней мере, первые из них) в определенный момент стали рассматриваться местными мусульманами как подвижники веры, принесшие к ним ислам. В культ святых эти представления так и не превратились, однако традиция некоего их почитания все же бытовала¹. Здесь нужно вспомнить, что царь Арслан был, скорее всего, женат на внучке сеида Дин-аулаходжи (Дин-Али-ходжи), являвшегося одним из распространителей

¹ Когда автор этих строк впервые самостоятельно пытался найти текие Авган-Мухамеда б. Араб-Мухаммеда на окраине г. Касимова, то русские местные жители назвали это строение могилой святого. Данный эпизод показывает, как со временем трансформировалось восприятие этих памятников.

ислама в Сибири последней четверти XVI в. В роли зрителей за могилами Чингисидов выступали представители сеидов Шакуловых, которые приходились родственниками, как минимум, сибирской династии касимовских Чингисидов. Если наши предположения верны, то было бы интересно установить, когда подобная практика могла попасть в Мещеру — с приходом сибирских Шибанидов или же значительно раньше.

Так же среди касимовских татар известен культ покровителя животных Зэнги бабая (Ишан бабай) [Шарифуллина, 2004, с. 95]. Это сильно искаженный образ святого, широко почитаемого в Средней Азии и Поволжье Занги-Ата (Занги-Баба), историческим прототипом которого является суфийский шейх Занги (Зенги-Ата), умерший предположительно в 1258 г. Мавзолеи Занги-Ата и его жены Амбар-Ана (Амбар-Биба) находятся под Ташкентом в одноименном селении [Селезнев, 2009, с. 77–87]. Также здесь бытует представление о дворовом Абзар Иясе [Шарифуллина, 2004, с. 95]. Его прототипы, скорее всего, восходят к ал-Хадиру (ал-Хидр, Хизр) — распространенному образу устных преданий и мусульманской книжной традиции, и Ильясу — знаменитому кораническому персонажу [Селезнев, 2009, с. 87–96]. Таким образом, следует отметить, что к рубежу XIX–XX вв. многие представления касимовских татар о культе исламских святых полностью деградировали, и они превратились в добрых духов-покровителей тех или иных сторон жизни мусульман Мещеры.

В домах крещеных татарских царей и царевичей, конечно же, присутствовали многочисленные иконы. Известно, что на свадьбы православных Чингисидов, носившие государственный характер, из государственной казны гостям для подарков молодым специально выдавали иконы, и при этом их число могло составлять несколько десятков. Многие из них являлись не только произведениями искусства, но и представляли собой значительную материальную ценность. Нам известна оценочная стоимость одной из них, подаренной в 1623 г. царем Михаилом Федоровичем на свадьбу астраханскому царевичу Михаилу Кайбуловичу (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али), — 12 руб. Помимо этого, в документах встречаются упоминания о дарении мощевиков с частицами десятков реликвий [РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 208 а, л. 226–258; ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 7]. Разумеется, у них имелись и печатные или же рукописные книги религиозного содержания.

В основном служилых Чингисидов обслуживали православные ремесленники, поэтому в их быту присутствовало значительное число типичных русских предметов. Однако многие вещи восточного происхождения покупались у купцов [РГАДА, ф. 131, 1628 г., д. 9], другие же создавались в местах проживания. Последнее относится к ювелирным изделиям, одежде, возможно, и конской упряжи. Бытовало значительное число дорогих вещей. В первую очередь, это относится к тканям и женским ювелирным украшениям. Известны примеры, когда отдельные драгоценности специально приобретались после смерти тех или иных Чингисидов, хотя могли и завещаться. Так, среди имущества касимовского царя Арслана б. Али упоминаются серебряные «клепыши» с камнями, принадлежавшие ранее Алтуган-ханыш, вдове романовского Эль мирзы Юсупова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9, л. 4] (скорее всего, это неправильное прочтение имени). У мирзы известна супруга Ахтанай, дочь астраханского царевича Абдулы б. Ак-Кобека, мачеха Сююша мирзы б. Эль мирзы [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1622 г., д. 9, л. 118–120]. У касимовских царевичей отмечены собственные серебряники и портные [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14; Переписная, 1892, с. 7], однако ознакомиться с их произведениями проблематично. До наших дней дошли только две серебряные капторги (коробочки для хранения Корана или отдельных сур из него), принадлежавшие: одна — касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану (в настоящее время находится в Петербурге) [Fraehn, 1822; Fraehn, Uras-Muhammedis, 1822; Dorn, 1846, р. 6, 28, 133, 169; Земное, 2000], другая — имелдешу Исенею (Ишанею) Карамышеву [Беляков, 2012] (в настоящее время ее реплика хранится в Казани, в Музее национальной культуры) [Казани, 2003, с. 106]. В ГИМе, судя по всему, находится подлинная коранница имелдеша: она атрибутирована как серебряная капторга египетской или турецкой работы, принадлежавшая некоему касимовскому царевичу Инаю Имильдину (?) [Золото, 2007, с. 27]. Еще один предмет, который мог находиться какое-то время в доме касимовского царевича, — это турецкая сулея, поднесенная Сеид-Бурханом б. Арсланом в 1653 г. царю Алексею Михайловичу [Вельтман, 1860, с. 144, 179; Солнцев, 1853. Отд. V. № 38]. Сулея (правильнее, матара) — это фляга с закрепленной на цепи пробкой (начиная с XVI в., она является одним из символов верховной власти в Турции). В настоящее время она отождествля-

ется с сулеей, хранящейся в Оружейной палате [Искусство, 2008, с. 120–123]. Тем не менее, вполне возможно, что данный предмет никогда не принадлежал касимовскому царевичу и был выдан ему из казны специально, для того чтобы он сделал подношение московскому государю.

Здесь нужно отметить еще один интересный факт. Дело в том, что зимой 1599 г.¹ ряд пленных сибирских царевичей, вывезенных в Москву, просили выдать им, наряду с богатой одеждой, еще и серебряные амагилы (фляги). Фляги просили исключительно Чингисиды, и в челобитных мирз они отсутствуют [АИ, т. 2, с. 21]. Нужно сказать, что подобные фляги, вполне возможно, рассматривались как знак особого статуса. Император Священной Римской империи Рудольф II получил в дар от султана Мурада III кожаную с драгоценным декором флягу. На манускриптах эпохи Сулеймана Великолепного и Селима II правители изображены в сопровождении придворных, один из которых нес меч, являвшийся символом султанской власти на протяжении всех правящих в Турции династий, а другой — драгоценную флягу. Таким образом, фляга в Турции середины XVI в. превратилась в один из символов султанской власти [Искусство, 2008, с. 36–37]. Мы вправе сделать два предположения: 1) сибирские Шибаниды были знакомы с турецкими придворными традициями и частично позаимствовали их; 2) сулея (матара, фляга) являлась древним общетюркским атрибутом власти (статуса).

Скорее всего, отдельные предметы восточного происхождения (в первую очередь, оружие) из собрания Касимовского краеведческого музея, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника и целого ряда других (в первую очередь, речь идет о музеях, расположенных в городах, в разное время служивших местом жительства представителей «золотого рода» в России) в свое время принадлежали если не самим касимовским Чингисидам, то уж точно членам их дворов. Со временем, их дополнительная атрибуция, возможно, позволит нам уточнить некоторые наши представления о быте знатных мусульман в России. Пока же для реконструкции быта наиболее значимых Чингисидов мы можем опираться, к примеру, на «Опись царской казны на Казенном дворе 1640 г.» [Опись,

¹ Датировка, данная публикаторами. Скорее всего, этот документ следует отнести к 1603–1604 гг.

2014; РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 4], — конечно, делая при этом определенные поправки в сторону сокращения количества и качества упоминаемых предметов.

Те или иные предметы, принадлежавшие отдельным Чингисидам, вызывали определенный интерес уже на рубеже XVI–XVII вв. Известно, что тобольский письменный голова Иван Никитич Ржевский в 1599 г. отнял у ряда тобольских юртовских служилых татар лук, саблю, ковер и подушку хана Кучума [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 187 об.].

В XVII в. в Касимове отмечено значительное количество серебряных дел мастеров, однако их изделия нам неизвестны. В настоящее время в музеях Касимова и Рязани можно увидеть ювелирные изделия XIX–XX вв., а также некоторые предметы быта, которые могли бы использоваться касимовскими татарами, в том числе и в XVI–XVII вв. [Панова, 2008, с. 84–85]. В литературе отмечается, что поздние (XIX — начало XX вв.) ювелирные украшения в город часто привозили из Казани, так как касимовских мастеров было очень мало.

Некоторые исследователи утверждают, что касимовские ювелиры принимали участие в создании царских одежд и регалий, в том числе и одной из корон российских царей — «казанской шапки» [Шарифуллина, 2004, с. 16; Лаврентьев, 2008], однако серьезных подтверждений этому не имеется, и данная гипотеза не получила поддержки специалистов [Мареева, 2001; Мартынова, 1999, с. 296–297].

Вряде случаев отмечаются активные контакты между Чингисидом и его родственниками за пределами России, в результате чего в обиход царей и царевичей попадали те или иные вещи восточного происхождения. Так, известно, что царевич Авган-Мухаммед от своих среднеазиатских родственников через послов и гонцов вместе с письмами получил камку золотную, кушаки толковые с золотом, кафтан частостежный и золотной, принадлежавший ранее его отцу, «аракчин» (традиционный персидский мужской головной убор: шапочка типа тюбетейки, поверх которой надевается чалма. Встречается также у народов Средней Азии, например, у таджиков — без подкладки, отороченный по краю белой фестончатой полоской; носили его, главным образом, пожилые люди под тюбетейкой или шапкой, или как домашний головной убор; также курдское название боевого наголовья). Интересно, что сам царевич просил прислать

ему «копейцо булатное, что бывает на знамяни» [Торговля, 1932, с. 305–308]. Последний факт говорит о том, что отдельные Чингисиды стремились даже в мелочах сохранять антураж их прежней жизни, стремясь обзавестись аутентичными предметами. В первую очередь, это касается вещей, в той или иной степени относящихся к демонстрации статуса их владельца. Следует сказать, что после смерти Авгана все его имущество, скорее всего, оказалось в Касимове, куда переехала вдова царевича.

Нам также известны подарки, сделанные в 1639 г. сибирскими послами Девлет-Гирея б. Чувака и жены Аблая б. Ишима княгини Чагандар, находящемуся в белозерской тюрьме царевичю Аблаю б. Ишиму: «кушак кизылбашский дорогильный», «рубашку безинную» и «шапку таусинную с лисьем черевом». Со своей стороны, царевич дал послу свой «зипун дорогильный алый» [Трепавлов, 2012, с. 173, 175]. Тогда же царевич Тауке (Тявка) б. Ишим, содержащийся в Каргополе, получил ферязи «червчаты кутняные, рубашку безинную, порты и кушак кизылбашский шелковый». Царевич также пожаловал с себя кафтан «зендениной» кирпичного цвета [Трепавлов, 2012, с. 176–177]. Вещи, пожалованные в ответ царевичами, скорее всего, специально для этого были даны им из государственной казны.

Очень интересным и одновременно загадочным является сюжет с посылаемыми сибирскими Шибанидами косами. Нами зафиксировано три случая. 1) Жена царевича Аблая, княгиня Чагандар (Чегандар) послала плененному мужу свои волосы с уфимским сыном боярским Кириллом Нармацким в 1636 г. 2) По получении волос супруги, царевич Аблай передал ей свою косу вместе с письменным призывом, написанном русскими писцами от имени царевича, ехать «на государево имя». При получении косы мужа, княгиня перед русскими послами плакала и прикрепила их к своему головному убору [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1638 г., д. 1]. 3) Посылка волос царевичем Тауке в 1639 г. с послами от царевича Девлет-Гирея и княгини Чагандар [Трепавлов, 2012, с. 176]. В настоящее время объяснить данные поступки не представляется возможным. Остается только предположить, что, к примеру, форма плетения волос или даже простой факт их посылки являлись тайным кодом, о котором заранее было договорено [Беляков, Рецензия, 2012].

Еще одним статусным знаком (своеобразной регалией) мог служить шлем Чингисиды. В коллекции Оружейной палаты хранится

шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государственной казны именовался «шапкой ерихонской кучумовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом: он имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев), украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. Эта «шапка» была преподнесена в дар царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Петровичем Шереметевым, и традиция связывала этот предмет с именем хана Кучума. Действительно ли это так, и каким образом парадный шлем хана попал к Шереметеву, неизвестно. Однако при Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума — сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу, который должен был находиться в нем на «государском смотре у наряду» (т. е. в артиллерии) [Комаров, 2005, с. 177; Комаров, 2006, с. 54]. Следует отметить, что также известна сабля, обладание которой тоже приписывается Кучуму, но сведений о том, что она использовалась в XVII в. как особый атрибут, у нас нет [Горелик, 2014].

В европейских странах бытование шлемов-корон являлось обычной практикой [Орел, 2001, с. 56–57]. Такую же роль, скорее всего, выполнял и парадный доспех. Известно, что ногайские мирзы и крымские царевичи на протяжении XVI в. регулярно просили московского царя прислать им доспехи [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 19–21; Посольские, 2006]. В подтверждение этого можно привести то, что Большие Ногаи настойчиво просили Москву прислать им панцирь последнего казанского хана Ядгар-Мухаммеда, но их просьба также настойчиво не замечалась [Посольские, 2006, с. 253]. В таком случае, мы вправе говорить о том, что панцирь любого Чингисида носил определенную знаковую нагрузку, которая была тем больше, чем выше положение имел его обладатель. Значит, панцири служилых Чингисидов, исполнявших роль номинальных полковых воевод в войнах, которые вела Россия на протяжении XVI–XVII вв., носили статус регалий. В первую очередь, это, конечно же, относится к представителям «золотого рода», обладавшим царским титулом. Нельзя не сказать, что в русской традиции седло в определенных ситуациях могло рассматриваться как походный трон (это наблюдение, правда, делалось по отношению к московскому царю [Мельникова, 2000]).

Ногайские мирзы регулярно просили для себя седла с золотом. Мы вправе предположить, что отдельные Чингисиды в России обладали некими статусными предметами, которые, как минимум, мусульманским населением рассматривались в качестве регалий (инсигний). При этом остается без ответа достаточно важный вопрос: как к этому явлению относились русские люди и, в первую очередь, царь? Рассматривалось ли это явление как составляющая часть общегосударственной политики по поднятию престижа православного монарха и, как следствие, подвергалось всесторонней регламентации, или же считалось «домашним делом» конкретного Чингисида? На этот вопрос в настоящее время мы не можем дать однозначный ответ. Что касается оружия, принадлежавшего в то или иное время отдельным представителям «золотого рода» в России, то оно на данный момент нам не известно, хотя подобные предметы и могут находиться в собрании музея Оружейной палаты. Что касается геральдической символики, то нам следует отметить одну уникальную архивную находку В. В. Трепавлова. Речь идет о «пятне» (типичная позднеджучидская родовая тамге тарак — «гребень»), принадлежащей руке царевича Тауке (Тявка) б. Ишима [Трепавлов, 2012, с. 101], и на сегодня это единственный известный автограф, принадлежащий Чингисиду, проживавшему в России XV–XVII вв. Помимо этого, он дает нам возможность предположить бытование среди представителей «золотого рода» и их дворов, попавших в разное время в Москву, подобных родовых знаков в частной переписке и внутренней документации. В настоящее время не известно ни одного документа, скрепленного личной печатью того или иного Чингисида. Лишь позднее князья Сибирские, потомки сибирского царевича Василия Алексеевича, иногда использовали герб Сибири как родовой.

Также подчеркивался особый статус того или иного человека наличием у него дорогих лошадей и упряжи. При первом въезде Чингисида в Москву ему еще на подступах к столице жаловали из царских (великокняжеских) конюшен (позднее давали на время церемонии) дорогих лошадей с парадной сбруей [Посольские, 2006, с. 78–79]. При вторичных приездах лошади давались для приезда во дворец на царскую аудиенцию. У многих Чингисидов, проживавших в России, могли иметься и собственные дорогие лошади. Известно, что в 1653 г. сибирский царевич Алтанай б. Кучум преподнес

царю Алексею Михайловичу двух лошадей («конь сер» и «иноходец бур» 8 и 7 лет) стоимостью в 90 и 70 руб. соответственно [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 20]. Имелась у представителей «золотого рода» и собственная богатая конская упряжь [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 91–92]. Татарские цари и царевичи могли также заниматься перепродажей ногайских лошадей [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1627 г., д. 36, л. 1–4], но разводили они и своих скакунов. Так, в Касимове отмечено значительное количество конюхов во дворах Чингисидов [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1].

Следует отметить и возможное наличие у представителей «золотого рода» в России музыкальных инструментов. Но в настоящее время, правда, удалось обнаружить только упоминание тулумбасов (разновидность литавр), используемых на поле боя для передачи различных сигналов к действию [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 286; РГАДА. Ф. 396, оп. 2, д. 4, л. 382 об. — 383]. Можно предположить бытование и иных музыкальных инструментов, не связанных с военным делом, однако исследований на тему татарских национальных музыкальных инструментов у татар, компактно проживавших в России среди русского населения, даже по более позднему периоду не проводилось.

Что касается информации о познаниях татарских царей и царевичей (точнее сказать, их окружения) в медицине, то наши знания также более чем отрывочны. Известно наличие в Касимове отдельных восточных (крымских) медицинских рукописей [Усманов, 1972, с. 54–55], однако пребывание собственных врачей у Чингисидов в документах не зафиксировано. Фиксируются случаи возможного лечения травами и другими народными методами, но они, заметим, всегда касались обвинений в колдовстве и стремлении навести порчу [Зайцев, 2004, с. 191; Беляков, 2006, с. 27; Беляков, 2003, с. 60–61; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1603 г., д. 1. л. 1–3].

Одним из любимейших развлечений знати как на Востоке, так и на Западе была охота. Россия не была исключением. У нас есть сведения, позволяющие утверждать, что служилые Чингисиды также не были к ней равнодушны. В Касимове первой половины XVII в. упоминаются только псари [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14]. Скорее всего, в то время соколиная охота не пользовалась здесь популярностью. Однако соколиный двор отмечен в подмосковном селе сибирского царевича Василия Алексеевича [Холмогоров, 1886].

Имеется единичное упоминание об азартных играх — игре в кости. В ноябре 1598 г., когда плененная большая группа Кучумовичей проезжала через Верхотурье, верхотурский воевода Иван Воейков пригласил к себе домой сибирских царевичей, где они играли в кости («зернь»), и хотя при расспросе в Москве царевичи подтвердили, что ели и пили у воеводы, но игру в «зернь» отрицали [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 158–159].

По причине отсутствия источников, одной из наиболее сложных тем остается выявление круга общения Чингисидов в России на бытовом уровне. Мы знаем, что в ряде случаев Чингисиды поддерживали связи со своими родственниками. Касимовский царь Арслан б. Али ежегодно посылал своим родственникам в Ярославль обозы с продовольствием [Беляков, 2006, с. 14; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 26].

Должна была существовать и какая-то личная переписка, но ее следы до нашего времени не сохранились. Имеются косвенные данные, позволяющие нам предполагать наличие контактов между представителями разных ветвей «золотого рода». Это следы судебных разбирательств людей Чингисидов. Так, в 1621 г. человек астраханского царевича Михаила Кайбулина (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али б. Абдула) бил челом на людей касимовского царя Арслана б. Али в заемных деньгах [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1621 г., д. 11], и при желании список примеров можно значительно расширить. В данном случае, нам интересен и важен тот факт, что, проживая в разных регионах России, Чингисиды и их дворы были неплохо осведомлены обо всех делах друг друга, имели имущественные, семейные и иные контакты. Известны примеры, когда те или иные члены дворов меняли своих сюзеренов, — это происходило после смерти господина [Беляков, 2006; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 28–55; 1628 г., л. 12]. Скорее всего, татарские цари и царевичи в России, а также члены их дворов стремились к созданию некой ассоциации, осознающей свою особенность и искренне гордящейся своей причастностью к ней. Быть может, именно это объясняет столь долгое сохранение такого самобытного явления, как наличие в Касимове татар царева двора и сеитова полка [Беляков, 2009г; Беляков, 2006а; Беляков, 2006б], даже тогда, когда оно само по себе потеряло какой-либо смысл. При этом царев двор, если можно так сказать, был более аристократичен: только там фиксируются имелдеши, да и князей там больше.

Чингисиды могли контактировать с русскими послами, посылаемыми в страны, где проживали их родственники. От них они узнавали последние новости о представителях семьи, оставшихся за границей. Существовали определенные связи с соседями, отдельными служащими Посольского приказа, но здесь мы находимся на самом начальном пути исследования.

Нельзя не сказать и о жестком контроле за контактами Чингисидов (в первую очередь, внешнеполитическими) со стороны Москвы. Он документально хорошо прослеживается вплоть до крещения всех наличных представителей «золотого рода» в 1654 г. Первоначально это можно было объяснить боязнью утечки информации или даже оказания прямой военной помощи со стороны татарских царей и царевичей своим родственникам-единоверцам в Крыму, Казани, Астрахани. Однако данная практика существовала и в первой половине XVII в., когда подобные опасения уже потеряли свою актуальность. Теперь ее можно объяснить исключительно стремлением Москвы обезопасить себя от негативных последствий в случае бегства из России того или иного Чингисида, ведь это было бы серьезным ударом как для внутренней, так и для внешней политики государства. Тогда любой мог бы поставить под сомнение образ Московского государства как веротерпимого по отношению к исламу, да и представление о православном монархе как о царе царей также подверглось бы определенным испытаниям. Однако подобный контроль, как мы уже показали выше, не препятствовал культурному обмену мусульман России, в том числе и представителей «золотого рода», со своими единоверцами в Крыму и Средней Азии.

Дома Чингисидов могли иметь традиционный русский вид. В основном они были деревянными. Нам известно описание двора сибирского царевича Алтаная б. Кучума в Ярославле в 1639 г. Это «хоромы белые» — горница с комнатой на жилых подклетьях, с сенями, крыльцом и повалушами (по-другому, гридница — башнеобразный, большой и высокий, обычно на подклете, иногда двухъярусный сруб под отдельной крышей в хоромаш и больших жилых домах в русской деревянной архитектуре, соединяемый с другими жилыми помещениями через сени, в котором находилось помещение для пиров), столовой «белой горницей» с сенями на подклете, белой же баней на подклети, конюшней с сушилом и погребом (ледником) с «напогребницами» (кладовая над погребом или ледником, предназначенная для хранения

продуктов, требующих прохладного, но сухого помещения) общей стоимостью более 300 руб. Ранее на этом дворе размещались ярославские воеводы и дьяки. Однако со временем Чингисиду данный двор показался слишком маленьким для его разросшейся семьи, и он потребовал строительства новых хором, пригрозив, в противном случае, силой захватить любой посадский двор по своему усмотрению [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1639 г., д. 34, л. 3–4].

Ф. Л. Шарифуллина отмечает, что даже в конце XIX в. в архитектуре домов касимовских татар сохранялись свои особенности. Это позволяет нам получить представление о домах Чингисидов. Наиболее распространенным типом было жилище изба — сени. Встречались также трехкамерные постройки: изба — сени — клеть. Клеть могла заменяться теплой избой. Вход в оба помещения шел через холодные сени. Встречались и более сложные постройки. Они представляли собой три отдельно стоящих сруба, соединенных со стороны глухих стен общим помещением, сенями. Два сруба использовались для жилья, а третий, являвшийся как бы продолжением сеней, служил кухней [Шарифуллина, 2004, с. 46–47]. Нечто подобное мы видим в домах касимовских царевичей в Мещере, в мае 1723 г. в селе Селище. Здесь имелись три сосновые светлицы, «а промеж светлиц сени с чердаком». Тогда же в селе Волинском (Сетунский стан Московского уезда) отмечено четыре светлицы на подклетьях, а «промеж ими столовая холодная» [Тихонов, 2005, с. 135]. Но данные выводы справедливы только в том случае, если Чингисид сам строил для себя дом, при этом достаточно часто ему просто давали свободный двор. Каменный дворец известен только в Касимове. Возможно, его архитектура (в первую очередь, планировка) напоминала дворец в Казани. По крайней мере, в чем-то они были соразмерны (в Казани дворец занимал площадь 18 x 22 м, в Касимове — 6 x 23 м) [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 70–72; Ситдииков, 2006, с. 85]. В Касимове дворец строился, судя по всему, в середине XVI в. царем Шах-Али б. Шейх-Аулиаром, лично знавшим, как был построен дворец казанских ханов.

При разрастании семьи неподалеку строились новые помещения. Так, в Касимове в первой четверти XVII в. за дворцом были поставлены срубы для многочисленных жен и теток царя Арслана б. Али [Переписная, 1892]. Таким образом, даже не все ближайшие родственники Чингисидов в ряде случаев жили с ними под одной кры-

шей. Но здесь могли проживать люди, относящиеся ко двору, которые, возможно, выполняли в том числе и некоторые придворные функции. По-видимому, параллели можно провести со двором московских государей (стольники, спальники, кравчие, ясельничие и некоторые иные), но касимовские не получали ни земельных пожалований, ни денежных окладов или натуральных дач. Они кормились за столом Чингисиды и одевались за его счет. При этом подобная категория служителей, судя по документам, имела достаточно знатное происхождение [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1].

О внутреннем убранстве домов нам практически ничего неизвестно. В имуществе касимовских царей упоминаются только богатые занавесы и ковры [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9]. Последних, судя по всему, было довольно много. Ведь даже на приеме у московского царя им зачастую предлагали сесть по-восточному «на коленки»; также должны были присутствовать разнообразные подушки и можно предположить наличие многочисленных звериных шкур (в том числе, и для езды в санях в зимнее время). Могли встречаться и экзотические для России меха. Так, известно, что царевич Авган преподнес царю Михаилу Федоровичу шкуру уссурийского тигра (бабр) [РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 4, л. 384 об.]. Скорее всего, их дома украшало и богатое вооружение восточного происхождения; могло иметь место и оружие западноевропейского происхождения [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 17–19]. Одежда и ценности хранились в сундуках.

Время от времени можно услышать о якобы переданном в Рязанский краеведческий музей из музея Рязанской Ученой архивной комиссии троне касимовских царей. С высокой долей вероятности можно утверждать, что это деревянное, грубо сработанное кресло (стул) без следов покраски, спинка и подлокотники которого имеют сквозной повторяющийся резной узор в виде соприкасающихся друг с другом волнистых линий, расположенных по вертикали и напоминающих расположение нитей при вязке. Восточные мотивы в его декоре отсутствуют. Специальных исследований данного предмета не проводилось, в музее оно хранится без атрибуции. В настоящее время считается, что кресло относится к XVII в., однако это далеко не окончательная датировка. Вполне возможно, что его изготовили значительно позже: в XVIII в. или даже в XIX в. Все же, в целом, данное кресло соответствует русским образцам XVI–XVII вв. как по

форме, так и по орнаменту. Н. Н. Соболев называет подобные произведения «предметами крестьянского мебельного искусства» и подчеркивает, что они чаще встречались в монастырях и скитах как особо почетные места для сидения и реже — в домах обывателей [Соболев, 1995, с. 275–276]. В Касимовском краеведческом музее в настоящее время выставлено подобное же кресло (значится как трон последней ханши Фатимы-салтан Шакуловой, супруги царя Арслана б. Али), но в более плохом, нежели в Рязани, состоянии. У него имеется и серьезное отличие от рязанского «трона»: сохранившийся паз на спинке, позволяющий предположить наличие в прошлом некой конструкции в виде балдахина. Хотя все же следует отметить, что кресла долгое время рассматривались в России как определенные статусные вещи. Поэтому, не имея результатов дополнительных исследований, мы не можем полностью отвергать версию о том, что эти предметы каким-либо образом связаны с последними касимовскими царевичами. Хотя в XVII в. русские мастера создавали и более изысканные предметы деревянной мебели, в том числе и стулья [Орел, 2001, 78], но, конечно же, тронами они являться не могли. Традиции наличия в Касимове (как, впрочем, и в ряде иных мусульманских держав) подобных атрибутов власти не зафиксировано. У кочевых народов и их наследников функцию трона выполняла белая кошма — четырехугольный кусок белого войлока.

Для отопления использовались печи, вероятно, кафельные. Для освещения, скорее всего, применялись восковые и сальные свечи, вставляемые в медные шандалы. У нас имеется описание мебели касимовского царевича Ивана Васильевича из его подмосковной вотчины — села Волынского, относящееся к чуть более позднему периоду (1723 г.). В нем отмечены липовые столы круглой и, по-видимому, прямоугольной формы, поставцы резные липовые же, один черный, другой решетчатый, третий — красный позолоченный; погребец, муравленые печи, большое резное распятие в позолоченной раме [Материалы, 1951, с. 201].

Имеются упоминания об использовании татарами русских бань [Беляков, 2007а, с. 102]. Что касается посуды, то здесь следует искать как образцы русского, так и восточного и западноевропейского происхождения. Она могла быть медной, оловянной и серебряной. Последняя, большей частью, приобреталась за счет самого Чингисида, какая-то жаловалась московским государем. Известны

два случая, когда Чингисиды подносили московскому царю серебряные кубки. Первый раз серебряный позолоченный кубок преподнес 11 июня 1633 г. царевич Авган-Мухаммед царю Михаилу Федоровичу [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 91–92]. 2 августа 1653 г. сибирский царевич Алтанай «ударил челом» царю Алексею Михайловичу двумя серебряными позолоченными кубками с кровлею [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 20]. В обоих случаях это, судя по всему, были предметы западноевропейского происхождения.

Что касается одежды, то татарские цари и царевичи носили как русское, так и восточное платье. Первое в своем большинстве выступает как пожалованное или появляется при визите к государю [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 12], хотя в ряде случаев и покупалось (в первую очередь, это относится к шубам) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9]. В частном быту, судя по всему, в основном использовалась традиционная восточная одежда. Имеется сообщение о том, что люди сибирского царевича Мухаммед-Кула даже летом носили своеобразную одежду из пестрого меха [Груневерг, 2013, с. 235], а женщины пользовались по преимуществу только ею. Тем не менее, известны также случаи пожалования женщинам русской одежды (шубы, летники, каптур (теплая шапка), телогрей). Нужно помнить, что в рассматриваемый нами период русская одежда имела значительно больше общих черт с восточной, нежели с западной. Одежда могла обильно украшаться драгоценными и полудрагоценными камнями. Известно, что касимовский царь Арслан б. Али испытывал явную слабость к жемчугу; он пополнял свою коллекцию даже в годы Смутного времени [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9, л. 7]. До нас дошло описание калфака (головной убор замужней женщины, аналог русской кики), принадлежавшего дочери астраханского царевича Абдулы б. Ак-Кобека: «зделана з золотом и серебром, и с каменьем, и жемчюгом. Да у ней же краны серебряны позалочены с разными каменье и жемчюги» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9, л. 3]. Данное описание очень подходит к статусному женскому головному убору из симферопольского клада, закопанного где-то в конце XIV в. и найденного при строительных работах в 1967 г. В таком случае, венчать подобный головной убор должны были перья, но какой птице они принадлежали, нам не известно. У монголов священной птицей являлся филин, именно его перья

венчали саукеле — высокий конусообразный головной убор, высотой ок. 70 см, украшенный серебряными и золотыми монетами, жемчугом и кораллами, один из древних головных уборов, бытовавший у казахов до самого конца XIX в. Это был свадебный головной убор, который носят только в первое время после замужества, около года, а потом снимают и надевают только на больших праздниках. Саукеле состоит из двух частей: *сау* (целый, цельный) и *келе* (верхушка, башня). Каркас саукеле делали из плотного белого войлока, обтягивали бархатом, шелком, атласом или велюром. Бедные шили его из сукна или сатина, украшая стеклянными бусами или бисером. Богатые расшивали убор драгоценностями: рубинами, жемчугом, кораллами. Саукеле отделявали бахромой, орнаменты составляли из различных мелких золотых и серебряных монет и фигурных пластинок, которые служили оправой для драгоценных и полудрагоценных камней: сердолика, бирюзы, аметиста. Богатые невесты могли позволить себе саукеле с двумя обильно изукрашенными широкими пластинами. А вот чагатаи предпочитали длинные перья¹.

Интересно, что на т. н. «шлеме Кучума» также имеется трубка для крепления султана, и это неспроста. В XVII в., судя по всему, прекрасно понимали, какой шлем мог принадлежать Чингисиду. В документе под названием «Вся мощь из Крыма из нагаев, белгородцев, очаковцев и добужан», представляющем собой реестр орды на 1649 г., отмечен как отдельная единица отряд из 500 уланов [Бабу-

¹ Испанский посол Руи Гонсалес де Клавахо оставил следующее описание головного убора старшей жены Тимура: «Лицо [ее] было закрыто белой легкой тканью, на голове как бы шлем из красной материи, похожий на те, в которых [рыцари] сражаются на турнирах, и эта ткань слегка ниспадала на плечи. А этот шлем очень высок, и на нем было много крупного, светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и разных других камней, очень красиво оправленных. Покрывало, [ниспадавшее на плечи], было расшито золотом, а на верху [всего] был очень красивый золотой веночек со множеством [драгоценных] камней и крупного жемчуга. Самый верх венчала сооружение из трех рубинов, величиной около двух пальцев, ярких и чрезвычайно красивых, с сильным блеском. Верх [всего] украшал большой султан высотой в локоть, и от него [некоторые] перья падали вниз, а другие — до лица и доходили [иногда] до глаз. Эти перья были связаны вместе золотой бечевой, на конце которой [имелась] белая кисточка из птичьих перьев с камнями и жемчугом; и когда она шла, этот султан развевался в разные стороны» [Юрченко, 2012, с. 171].

лин, 2015, с. 88]. Оглан (букв. «сын», «ребенок», в России — «улан») — наименование всех представителей Чингисидов из династий Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов. У Джучидов в XV в. для обозначения царевичей стали употреблять понятие «султан», а оглан понижается в социальной иерархии, что еще больше усложняет их отождествление. М. Г. Сафаргалиев считал, что это царевичи, по своему статусу напоминающие русских князей-изгоев. Их предки хотя и принадлежали к потомкам Джучи, но давно потеряли права на престол (или, скорее, возможность его занять) [Сафаргалиев, 1996, с. 365]. Ш. Ф. Мухамедьяров видел в уланах командный состав кадровой армии Казанского ханства, получавших за службу поместья с крестьянами и участвовавших в съездах казанских феодалов [Мухамедьяров, 2012, с. 235]. По мнению М. А. Усманова, они являются не просто родственниками государя, находящимися во главе более крупных, чем тумыны, военно-административных и территориальных единиц, но «перворазрядными официальными администраторами» [Усманов, 1979, с. 210], хотя другие исследователи видят в крымских уланах (огланах) только титул «высокопоставленных дворян, отвечавших за управлением ханством» [Бенигсен, 2009, с. 78]. По мнению В. В. Трепавлова, огланы — это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана [Трепавлов, 2010, с. 32]. В любом случае, это Чингисиды. И как мы видим, вероятно, главным отличительным знаком для любого Чингисида, мужчины или женщины, являлся султан на головном уборе. В таком случае, и отряд крымских уланов также, по-видимому, отличался подобными атрибутами происхождения. Отсюда остается один шаг до султанов уланских полков. Кстати, само название пучка перьев (султан) первоначально, по-видимому, указывало на титул его обладателя.

Но вернемся к одежде и украшениям. На свадьбу или же при крещении также могли жаловаться отдельные ювелирные украшения, ожерелья (нарядный воротник в древнерусской одежде из расшитого жемчугом или камнями атласа, бархата, парчи, пристегивавшийся к кафтану, шубе и т. п.), кружево (галун, кант, подчас сделанный из золота или серебра с драгоценными камнями) и пуговиц для украшения мужской верхней одежды, а также серьги и перстни для женщин. Иногда, в особых случаях, жаловались шубы из аксамита или отрезы этой дорогой ткани. Аксамит — старинная плотная ворсистая ткань ручной работы из шелка и пряденой золо-

той и/или серебряной нити. В это время ее привозили в Россию из Италии. Благодаря сложности ее выработки, а также обильному использованию золота и серебра, материя отличалась очень высокой стоимостью. Как правило, она использовалась для пошива верхней одежды царей и высших иерархов Русской Православной церкви. Чаще жаловали алтабас — это разновидность парчи, плотная шелковая ткань с орнаментом или фоном из золотой волооченной или серебряной волооченной нити. Часто источники называют подобную ткань «золотной». После принятия православия Чингисиды переходили исключительно (по крайней мере, при визитах к московскому царю и на иных официальных церемониях) на русскую одежду, и именно тогда московский государь мог следить за гардеробом татарских царевичей. Так, известно, что 2 ноября 1680 г. сибирскому царевичу Василию Алексеевичу в дворцовых мастерских изготовили 3 кафтана и 3 ферязи. Здесь, правда, нужно помнить, что это было сделано в рамках программы по общей смене фасонов придворного костюма [Седов, 2006, с. 512]. До наших дней не сохранились образцы одежды, носимой Чингисидами или их ближайшим окружением. Известно только, что при раскопках в конце XIX в. в Касимове текие Шах-Али б. Шейх-Аулиара, в котором производились захоронения во второй половине XVI в., из могил достали отдельные образцы тканей, переданные впоследствии в музей Рязанской Ученой архивной комиссии, однако из-за несовершенного уровня консервации до наших дней они не сохранились.

Отдельные татары могли курить табак. Адам Олеарий пишет о своем визите в Касимов: «Наши послы велели передать ему [царевичу Сеит-Бурхану] свой поклон и подарили ему фунт табаку и бутылку французской водки; это ему было... приятно...» [Олеарий, 2003, с. 304].

Труднее всего воссоздать предпочтения служилых Чингисидов и представителей их дворов в еде. Алкогольные напитки употреблялись мусульманами однозначно [Моисеев, 14]. Известны примеры даже злоупотребления спиртосодержащими напитками: в 1667 г. сибирского царевича Петра Алексеевича царь Алексей Михайлович отправил «от пьянства вытрезвить» в Саввино-Сторожевский монастырь [Любимов, 1915, с. 66]. Пили, в первую очередь, питьевые меды и пиво, упоминается и квас. Но Чингисиды употребляли также водку («вино», «боярское вино», «двойное вино» и др.) и привозные

виноградные вина («романея», «алкан», «рейнское»). Сложнее определить использование других продуктов. У Чингисидов отмечены огородники, выращивавшие овощи для их столов, фруктовые сады с яблоневыми и вишневыми деревьями [Беляков, 2003б, с. 198], значительные стада дойных коров (кисломолочные продукты традиционно имели широкое распространение у этих народов) и овечьи отары [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9, л. 5]. Специально для них ловилась рыба [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1]. Мясной рацион, судя по всему, состоял из конины (Касимов до настоящего времени славится конской колбасой), баранины, телятины и домашней птицы. Скорее всего, употреблялось и мясо животных, убитых на охоте. Сложнее определить отношение к свинине. Она упоминается в дачах по случаю свадеб некрещеных Чингисидов. С одной стороны, не зафиксировано ни одного случая присутствия свинины в дачах «в стола место». Но при этом касимовский царь и царевич в XVII в. ежегодно получали со своих крестьян мясо, в том числе и значительное количество свинины [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1. л. 26] (конечно, она могла предназначаться и на продажу). Источники упоминают сладости: различные сорта сахаров, засахаренные фрукты, пастилу (трубы земляничные, яблочные), орехи. Арбузы и дыни в это время в достаточно больших количествах выращивали в самой России, поэтому они не являлись редкостью [Олеарий, 2003, с. 154]. По-видимому, употреблялась и традиционная восточная выпечка; могли присутствовать на столе восточные фрукты (финики, лимоны, винные ягоды, изюм), знали в тогдашней России и сливы. Широко применялись пряности (перец, шафран, гвоздика, имбирь, корица). Скорее всего, также ели различные каши, был известен и рис («пшено сорочинское») [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622, д. 1; 1630 г., д. 1]. Мы в большей степени обладаем сведениями о приеме Чингисидов в царском дворце или же о дачах из дворца по случаю тех или иных торжеств (в первую очередь, свадеб), но размеры материального содержания представителей «золотого рода» в России позволяли им иметь данные продукты и на своем столе.

Следует отметить интересную особенность печей у касимовских татар XIX в. Они имели сбоку выступ, в который вмазывался котел. Это был своего рода компромисс между кочевой и оседлой жизнью, судя по всему, заимствованный у казанских татар [Шарифуллина, 2004, с. 47]. В заключение следует отметить, что среди кулинарных

пристрастий Чингисидов могли быть не только блюда восточной и русской кухонь, но и западной (в частности, польской). Мартьянец, повар касимовского царя Арслана б. Али и его сына Сеит-Бурхана, по происхождению был литвин, взятый в плен под Москвой во время похода польского царевича Владислава в 1618 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 12; Беляков, 2006, с. 17, 27].

На этом наши познания о частном быте Чингисидов исчерпываются. Остается надеяться, что со временем мы узнаем еще что-то новое и любопытное. Быть может, этому поспособствуют археологические раскопки, начатые в центре Касимова, на месте расположения дворца касимовских царей и царевичей XVI–XVII вв.

Следует отметить, что все вышесказанное прежде всего относится к Чингисидам, не находившимся под арестом. Жизнь арестованных была более регламентирована и однообразна, но и ее, скорее всего, нельзя назвать излишне суровой. Она отличалась, в первую очередь, меньшими размерами финансового содержания, отсутствием или же незначительным количеством членов двора (прислуги), полным финансовым контролем со стороны приставов и уровнем свободы перемещения (в пределах тюрьмы, дома, города и его ближайшей округи). В подтверждение этого мы можем привести появление незаконнорожденной дочери у сибирского царевича Хансюера б. Али, а также постоянные напоминания властей приставам царевичей, находившихся под арестом, о необходимости «беречь их во всем».

* * *

Мы можем подвести определенные итоги. Быт Чингисидов в России — крестившихся или же оставшихся верными исламу — был наполнен как предметами восточного происхождения, так и сделанными русскими мастерами. Следует отметить, что здесь не было ничего из ряда вон выходящего. Подобную картину мы видим и в домах православных состоятельных людей, и тем более в царском дворце. Разница только в процентном соотношении первых и вторых. Со временем, в особенности с переменой веры, количество русских предметов в обиходе возрастало. Некоторые предметы восточного происхождения особенно ценились, их передавали из поколения в поколение. В том случае, если они уходили из рода (например, как

приданое дочерей и сестер), после смерти владельца их стремились выкупить. В первую очередь, это относилось к ювелирным изделиям и предметам, указывавшим на социальный статус их владельца. Долше всех главным отличительным фактором оставалась национальная одежда. Сохранялись и определенные предпочтения в еде, хотя, безусловно, со временем в нее проникали заимствования из русской и, возможно, даже западноевропейской кухонь. Время препровождение представителей «золотого рода» также незначительно отличалось от православной знати: охота (в том числе, псовая и соколиная), пиры, посещение мечети, празднование религиозных и традиционных народных праздников, чтение литературы как религиозного, так и исторического содержания, занятие повседневными хозяйственными делами. У ряда Чингисидов или членов их дворов отмечены следы небольших библиотек. Мы можем предположить высокий процент грамотности среди татарских царей и царевичей. Они могли знать несколько языков. Скорее всего, у мужчин проходило обучение военному делу, по крайней мере, до середины XVII в. При этом, судя по перечню имущества царевича Азима [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 17–19], они довольно рано могли овладеть и навыками обращения с огнестрельным оружием. Нельзя не отметить, что «самопалы» оказались в их домах не позднее начала XVII в. Женщины могли заниматься различным рукоделием. Известно, что у супруги боярина Василия Ивановича Стрешнева — Евдокии Андреевны Стрешневой, дочери царевича Андрея Кучумова, имелась собственная золотошвейная мастерская. До наших дней сохранился хранящийся ныне в собрании музея «Оружейная палата» покров под названием «митрополит Филипп», в 1650 г. поступивший из Кремлевского Чудова монастыря [Маясова, 2004, с. 308–309]. Логично предположить, что и в иных музейных собраниях хранятся предметы русского золотошвейного искусства, вышедшие из мастерских, связанных с именами тех или иных Чингисидов. Подобные вещи ценны для нас еще и тем, что отчасти позволяют представить эстетические вкусы того или иного представителя «золотого рода». Также имеются упоминания о якобы существовавших еще в начале XX в. иконах, вышитых руками жены и дочерей касимовского царевича Василия Арслановича [Правдолюбов, 2005].

В целом, следует признать, что за исключением отдельных моментов, связанных с происхождением и религиозными особенностями.

быт Чингисидов в России не отличался кардинальным образом от быта русских служилых людей. Иное дело, что в одних случаях он был ближе к быту думных чинов и даже самого царя, а в других — московских чинов [Лаптева, 2010]. То же самое, с соответствующими поправками, мы можем сказать и о быте членов дворов татарских царей и царевичей. Главной отличительной чертой следует признать стремление мемориализировать (даже в мелочах) те аспекты своей жизни, которые особо подчеркивали исключительное положение данной группы людей среди остальных подданных московского царя (или великого князя). Мы видим это особенно отчетливо, в частности, при анализе мест погребения Чингисидов [Беляков, 2004б], по бережному отношению к отдельным предметам, ранее принадлежавшим их родственникам: книги (в первую очередь, религиозного содержания), вещи, могущие рассматриваться как статусные, и ювелирные украшения. Это было необходимо, прежде всего, самим представителям «золотого рода» в России и членам их дворов. Хотя в царствование Алексея Михайловича в самой Москве задумались о необходимости нахождения (или же изобретения) неких атрибутов ханской власти, которые своим присутствием в России должны были поднимать престиж и авторитет власти православного царя. По прошествии некоторого времени, после крещения всех татарских царевичей в середине XVII в., подобные идеи перестали иметь большое значение. Уже второе-третье православное поколение татарских царевичей не интересовалось своим недавним прошлым. То, что было важно тогда, теперь потеряло свое значение, хотя в отдельных ситуациях этот интерес просыпался. Известно, что в 1685/1686 г. в Тобольске у некоего «торгового бухаренина» объявилась дочь калмыцкого Акинъ тайши Долаева сына, приходившаяся княжне Гордее, дочери царевича Василия Ишимовича, племянницей. По челобитной княжны, эту калмычку следовало разыскать, и если она действительно окажется дочерью Акин тайши, то отдать ей [Оглоблин, 1900, с. 164]. Определенным катализатором в данном процессе, скорее всего, послужили реформы Петра I. Перед Чингисидами встала жизненно важная задача — вписаться в предлагаемые новые условия существования, тем более что они были поставлены не только перед ними, но и перед всей страной. В этих условиях вчерашние ценности оказались быстро забытыми, новое смело старое (и оттого оно оказалось «старым» вдвойне).

Места захоронения Кучумовичей

Анализ мест захоронения Кучумовичей также дает нам интересную информацию, в первую очередь, для выявления особенностей их самоидентификации и положения в обществе. Здесь также имеет смысл разобрать крещеных и некрещеных Чингисидов по отдельности.

Места захоронения некрещеных Чингисидов

Постепенно в Касимове как месте постоянного проживания татар и Чингисидов сложился значительный татарский некрополь. При этом где-то с середины XVI в. он начинает играть роль курука для Чингисидов в России — средоточие их родовых гробниц и обслуживание династических некрополей. Но уже к концу XIX в. от старинных татарских надгробий остались единичные памятники не ранее первой половины XVI в. [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 502–558; Вельяминов-Зернов, 1864, с. I–XVI, 489–498; Вельяминов-Зернов, 1866, с. 39–66, 299–315], а к настоящему времени почти все они уничтожены [Мансуров, 1974, с. 253–323]¹. Но даже описанные в литературе надгробия и единичные архивные упоминания о живших и погребенных в Касимове Чингисидах позволяют нам составить представление о существовавшем здесь татарском некрополе.

Традиционно считается, что мечеть и минарет были построены в 1467 г., но документально это не подтверждается. Скорее всего, данное сооружение было построено во времена нахождения в городе царя Шах-Али б. Шейх-Аулиара. Этой же точки зрения придерживается и автор «Сборника летописей» Кадыр-Али-бек б. Хошум-бек джалаир [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 59–70; Библиотека, 1854, с. 166–169]. Судя по всему, она была построена вскоре после окончательной ликвидации независимости Казанского ханства. От первоначальной мечети до нас дошел только фундамент, на котором находится здание XVIII–XIX вв. Минарет сохранился в своем первоначальном виде (быть может, несколько усеченный). В середине XVIII в. его

¹ За последнее время на старом татарском кладбище были обнаружены несколько небольших кусков отдельных татарских надгробий, однако прочитать что-либо на них не представляется возможным.

высота оценивалась ок. 10 сажень (20 м) [Филиппов, 2016, с. 256]. Это массивная цилиндрическая башня с площадкой наверху, на которой возвышается малый цилиндр, покрытый сфероконическим куполом. Его аналогами являются Большой и Малый Столпы в Булгаре, и это наводит на мысль, что строителями касимовской мечети и минарета являлись казанские мастера [Худяков, 1991, с. 290]. В Смутное время мечеть, судя по всему, сильно пострадала при штурме города в мае 1609 г. войсками воеводы Андрея Алябьева. Касимов подвергся артобстрелу из фальконетов (малокалиберных пушек), при этом был подожжен дворец касимовского царя, стоявший поблизости. В начале августа город был взят штурмом полком воеводы Федора Ивановича Шереметева. Археологические раскопки показали серьезные ремонтные работы, проведенные в мечети вскоре после событий Смутного времени. Судя по всему, мечеть в это время приобрела черепичную крышу. Вероятно, именно тогда мечеть сложили не из камня, а из крупноформатного (более 13 дюймов, свыше 32 см) красного кирпича. Именно его в 1768 г. видел С. П. Паллас [Паллас, 1809, с. 42–49]. С разрушением мечети связана одна легенда. Будто бы проезжавший мимо города Петр I по ошибке перекрестился на мечеть и приказал в сердцах разрушить ее. Верх уже был сломан, когда татары упростили государя отменить решение. Как мы увидим ниже, данная легенда не лишена некоторых исторических оснований, однако попытка разрушения произошла в начале 1760-х гг., и татары ее действительно отстояли.

В 1768 г. мечеть уже находилась в развалинах. В этом году императрица Екатерина II, по прошению касимовских татар во главе с сотником татарской слободы сеидом Бектемиром Шакуловым, разрешила ее отремонтировать. Мечеть сделали одноэтажной под деревянной кровлей. В память об этом над дверями вмазали камень, выкрашенный зеленой краской, с надписью на татарском языке: «(1768) года эту мечеть в месяце раби-ель-аввал (июнь-июль) соорудили: Бектемир-сеид, Бурхан-сеид, Ибрагим мирза Чанышев, Абдулла мирза, Муса-сеид, Мустафа-сеид, Сулейман мирза, Темир-Булат-сеид, Юсуф-мирза Чанышев, Муртаза-сеид, Мухаммед-сеид, Ибрагим-мирза Максюттов, Якуб мирза, Муса мирза Девлеткилдеев, Юсуф мирза, Максюттовы, Мустафа мирза, Темир-Булат-сеид Шакулов». При Николае I был пристроен второй этаж, а также сделана металлическая крыша со шпилем, украшенным вызолоченным ябло-

ком и полумесяцем [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 59–70]. В таком виде мечеть сохранилась до наших дней.

После Октябрьской революции в мечети расположился городской краеведческий музей. В настоящее время здание передано мусульманской общине, однако посетителей за плату в теплое время года пускают на минарет.

Дворец также не сохранился до нашего времени, но мы можем частично реконструировать его облик. Каменный дворец из местного известняка был построен ханом Шах-Али б. Шейх-Аулиаром ок. 1555 г. По-видимому, он являлся двухэтажным. В мае 1609 г., в результате обстрела города из фальконетов, дворец был сожжен и вскоре отстроен заново [Народное, 2003, с. 292]. Можно предположить, что в это время у дворца появилась черепичная крыша. В окончательном виде он имел размеры ок. 23 x 6 м. На концах — узкие пристройки по 4,8 м (остатки лестниц, ведущих в подвал и палаты). Дворец был разделен на две неравные части. Под зданием находился подвал, куда снаружи вела каменная лестница. Рядом с ним располагались каменные резные («готические») ворота с надписью на арабском (татарском?) языке [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 71]. Под готическим стилем в XVIII в. понимали допетровскую архитектуру. Таким образом, мы можем предположить, что ворота были построены позднее, где-то в XVII в., и по своему убранству напоминали текие ургенчского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда, построенное в 1649 г. Первоначально, возможно, дворец своей архитектурой напоминал дворец казанских ханов. Следует признать, что в XVII в. дворец и ворота, судя по всему, имели типичные черты русской каменной архитектуры данного периода.

Имеется описание двора на момент 1723 г. Он был огорожен сосновым заметом (один из видов укрепленных городских оград) с каменными воротами и деревянными затворами на железных крючьях. Сам дворец («полатка каменная») упомянут как «разломанный» (в аварийном состоянии). Скорее всего, после смерти царицы Фатимы Шакуловой в нем никто не жил. Помимо этого, на дворе находилось 6 «светлиц сосновых», и в них особо отмечено 5 новых стеклянных «окончин». Также имелись мыльня, чердак, подклеть (скорее всего, под дворцом), конюшня, деревянные сушила, в саду — каменная палатка и амбар, также имелся двор приказчика со «всяким хоромным строением» [Материалы, 1951, с. 104].

Дворец просуществовал до XVIII в. Незадолго до 1768 г. ворота пережгли на извесье, а у дворца разобрали верхнюю часть и надстроили на фундаменте (высотой ок. 1,5 м) деревянное здание. Фундамент окончательно разобрали в 40-х гг. XIX в. для строительства нового дома по указанию дворовладельца помещика Симонова [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 70–72]. В настоящее время эта территория застроена помещениями городской психиатрической больницы.

Д. Ю. Филиппову удалось проследить историю территории дворца. Царевич Иван Васильевич (? — 1722 г.) завещал еще в 1717 г. все свои земельные владения племяннице, дочери своей родной сестры Домны Васильевны Хилковой (Касимовской), Прасковье Юрьевне Долгоруковой, урожденной Хилковой. Однако в 1723 г., по доношению оберфискала А. Я. Нестерова, земли, унаследованные Прасковьей Долгоруковой, были отписаны на государя и приписаны к Петербургскому госпиталю на содержание больных, раненых и отставных солдат. В 1728 г. Прасковья Юрьевна все же получила свое наследство. Указом от 15 июля 1730 г. все имения Алексея Григорьевича Долгорукова, супруга Прасковьи Юрьевны, были конфискованы. В 1733 г. двор и часть поместий достались Ивану Алексеевичу Балакиреву, шуту Петра I. После смерти шути, двор в 1754 г. опять был отписан в казну и вскоре пожалован придворному камерцалмейстеру Дмитрию Александровичу Симонову. В этом же году было зафиксировано аварийное состояние ханского дворца¹. В на-

¹ «В городе Касимове на татарской горе двор помещиков, на том дворе строения горница с комнатою самая ветхая без верху, потолков, полов, печи, дверей и окон, в горнице стол дубовый гнилой, сундук деревянный простой ветхий, ворота каменные в одну сторону пошатнулись и во многих местах обвалились, затворы деревянные самые ветхие, у больших ворот петель железных нет, а у малых ворот петли и крючья железные; на том дворе люцкая изба с сеньми, другая лакейская с сеньми ж, баня с небольшим предбанником, поварня, ледник небольшой, на нем анбар, возле ледника анбар кладовой без дверей, сарай колясочный, конюшня со стойлами, над нею сушило, между сарая и конюшни анбарчик забран в стойлы и все выше писанное строение сосновое, крыто дранью, самое ветхое и гнилое, да две горенки небольших с печьми, одна печь изращатая, другая кирпичная, промежду ими сени дощатые, крыты дранью, выход каменный местами отвалился, да при том дворе сад, в нем яблонь 100 деревьев в двух местах, вишен 2 куста, груш два, смородины 2 небольшие гряды, городьба около двора и саду ветхая, и много развилось, да в том саду палатка каменная (текие Шах-Али. — А. Б.), да возле саду

чале 1760-х гг. Симонов решил разобрать мечеть, однако на следующий день у мечети собрались касимовские татары. Они схватили подрядчика и, связав его, привели в Касимовскую воеводскую канцелярию. Тем не менее, в 1762 г. Симонову по его прошению Св. Синод разрешил сломать мечеть. Кирпич из нее помещик намеревался пустить на строительство церкви в селе Селище, но каменный храм был там воздвигнут только в начале XX в., и куда делся кирпич и камень, неизвестно [Филиппов, 2016]. Сделаем свое предположение. Если посмотреть на нынешнее состояние мечети, то легко заметить, что ее нижняя часть состоит из крупных известковых блоков и крупноформатного кирпича, описанного С. П. Палласом в 1768 г., а выше мы видим кирпич меньшего формата. Скорее всего, конфликт касимовских мусульман с Симоновым имел продолжение после 1762 г. Мечеть действительно могли разобрать до основания, но вывезти полученный в результате этого камень и кирпич не успели, — касимовские татары вновь дали делу ход. В конечном итоге, мусульманская община получила разрешение на восстановление мечети и собрала первый этаж из материалов, которые им удалось отстоять у Симонова. В таком случае, развалины мечети, которые видел Паллас в 1768 г., это складированные материалы, полученные при ее разборе.

В Касимове также известны другие надгробия, найденные на старом татарском кладбище, которое непосредственно примыкает к текие царевича Авгана (кладбище существовало уже в XVI в.). В. А. Гордлевский утверждает, что площадь кладбища составляла более 18 га. По его данным, здесь стремились быть захороненными многие татары центральной России [Гордлевский, 1927], но это скорее относилось к новому татарскому кладбищу. На нем имеются текие старинных касимовских татарских родов рубежа XVIII—XIX вв. В XIX в. на старом кладбище уже не хоронили. В 1860 г. здесь было ок. 60 надгробных камней. В 1926 г. — только 4 стоящих и покосившихся памятника, а также 29 упавших надгробий. Также были замечены 2 каменных основания (1,5 x 2 м). Кроме того, несколько камней взято в Касимовский краеведческий музей: один — в Рязанский и один — в Московский областной [Бадер, 1974, с. 308]. Как недавно выяснил И. В. Зайцев, на самом деле, два надгробия были вывезены в Москву

мечеть каменная круглая, во многих местах обвалилась, вышиною сажень 10-ти...» [Филиппов, 2016, с. 256]

в Музей Востока, откуда они попали в Новоиерусалимский монастырь. Одно из этих надгробий принадлежит некоему астраханскому (?) царевичу Касаю (Касиму) (1674–1694 гг.) [Зеленская, 2006, с. 93–94, 302]¹.

Следует отметить одну особенность старого татарского кладбища. Дело в том, что оно находится за городом и значительно возвышается над ним. Это самое высокое место в округе. Нечто подобное можно наблюдать на городище Старая Рязань. Здесь и сейчас людей хоронят на высоком мысу, возвышающемся над церковью, находящейся у его подножья. Можно предположить, что это было сделано из-за желания оказаться «ближе к Богу», и подобная же практика встречалась у монголов в добуддийский период. Однако в последнее время появилось иное объяснение этому феномену. Была высказана версия, по которой г. Касимов в XIV — первой половине XVI вв. находился на месте села Уланова Гора, — там, где и находится старое кладбище [Беляков, 2016; Ахметгалин, 2016]. На современном месте Касимов появился не ранее 30–50-х гг. XVI в., а перенос города, возможно, произошел из-за постоянных оползней со стороны речки Бабенки. С противоположной стороны город не мог развиваться вширь из-за кладбища.

Надписи с наиболее древних памятников татарского кладбища были приведены в сочинении В. В. Вельяминова-Зернова. Упомянем надгробия Кучумовичей и их ближайших родственников:

— касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан (1572 — 22 ноября 1610 гг.). С ним далеко не все понятно. Дело в том, что тело царя, убитого под Калугой по приказанию Лжедмитрия II, было брошено в Оку, и в той ситуации оно вряд ли было тут же найдено татарами и отвезено для захоронения в Касимов. Однако В. В. Вельяминов-Зернов отмечает, что в 1860 г. на татарском кладбище было обнаружено его надгробие [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 486–487]. Можно предположить, что оно было сооружено на кладбище позднее касимовскими татарами (или же его женой) в память о царе и без могилы. Т. е. перед нами пример кенотафа. Это надгробный памятник в

¹ Изначально его атрибутировали как принадлежащее некоему султану Юсофу бен Касему, выходцу из г. Хорсанда [Зеленская, 2006, с. 93–94]. Приведенное нами новое прочтение принадлежит И. В. Зайцеву. Следует отметить, что резьба надгробия несколько более грубая, нежели на «ханских» надгробиях из текие Шах-Али и Авган-Мухаммеда.

месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила; устанавливается в случае, если покойный погиб (пропал без вести, утонул и т. д.) в труднодоступном месте, а тело утрачено (или его поиск может привести к новым жертвам) и не может быть погребено на родине; также кенотаф устанавливается, если тело кремировано, а прах развеян;

— сибирский царевич Мухаммед-Кул б. Атаул (Ахмед-Гирей) (умер в декабре 1618 г.) — племянник сибирского хана Кучума. Умер, судя по всему, не в Касимове [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 39–55].

Супруга касимовского царя Арслана б. Али (ок. 1590 — 2 апреля 1626 г.) Фатима-салтан-сеид Шакулова (ок. 1590 — до мая 1681 г.) построила для своего покойного мужа каменное текие (до наших дней не сохранилось, было окончательно разрушено еще в XVIII в. или самом начале XIX в.) на старом татарском кладбище, где был похоронен как сам царь, так, по-видимому, и его жена. Имеется упоминание о том, что текие якобы было двухэтажным, но это следует поставить под сомнение. Под первым этажом, судя по всему, подразумевался подвал, в котором и осуществлялись захоронения [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 493–501]. Можно предположить, что в нем имелись могилы и других его родственников.

Осенью 1648 г. после смерти своего супруга, ургенчского царевича Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммеда (1611 — 19 сентября 1648 г.), его вдова, царица Алтын-ханым, переехала в Касимов и перевезла туда же тело мужа. Весной или летом 1649 г. она начала строить кирпичное текие для него — прямоугольное сооружение размером ок. 10 х 5,7 х 4,3 м. Вход в текие находится посередине длинного западного фасада. В здании 6 окон: по два с длинных и по одному с коротких сторон. Внутри имеется одна комната, расположенная несколько ниже уровня земли, вниз ведут 3 ступеньки. Наличники окон, фронтон, пилястры и карнизы оформлены в соответствии с канонами русской каменной архитектуры XVII в. и украшены цветными изразцами (до нашего времени не сохранились). Во фронтон вмазан камень с арабской надписью: «В 1058 г. благословенного месяца рамазан в 9 день, в год мыши, сын Араб-Мухаммед-хана Авган-Мухаммед-султан отошел от сего мира. Над ним соорудила это здание супруга его Алтын-ханым, дочь Хаджим-султана». Другая надпись сообщала, что на постройку было затрачено 500 руб. (более чем значительная сумма для того времени).

В текие находились надгробные камни. В. В. Вельяминов-Зернов отметил, что в XIX в. их число, возможно, постепенно сокращалось (с 5 до 3) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 276–298]. Несмотря на проводившиеся реставрационные работы, на настоящий момент в текие отсутствуют некоторые детали; так, до наших дней почти не сохранились поливные изразцы. В 1886 г. силами Рязанской Ученой архивной комиссии в текие были проведены археологические раскопки. При этом обнаружили четыре надгробия: царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда; сибирского царевича Тюге (Тявка, Тауке) б. Ишим б. Кучума (после 1635 г.); царицы Алтын-ханым, поставленное ею самой в 1651 г. (вероятно, дата окончательного завершения строительства текие); сибирской царицы Ай-ханыш, вдовы сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула, сестры касимовского царя Ураз-Мухаммеда, падчерицы (?) касимовского царя Арслана б. Али и двоюродной сестры царевича Тюге [Селиванов, 1888, с. 28–30; Корш, 1889, с. 18–20; Трутовский, 1890, с. 149–153; Трутовский, 1891, с. 195–211].

Помимо этого, у нас имеется документальное свидетельство о смерти в Касимове сибирского царя Али б. Кучума (27 сентября 1649 г.) [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35, л. 54]. Скорее всего, его могила находилась в несохранившемся текие его сына.

Данный список с полной уверенностью можно продолжить. В городе следует искать могилы целого ряда сибирских Шибанидов. Попробуем восстановить его:

— сибирский царевич Ак-Даулет б. Ак-Курт (после 1533 г.);

— сибирский царевич Шах-Али б. Ак-Даулет (1541 г.) [Зимин, 1950, с. 12]; сибирский царевич Хаджим (Азим) б. Кучум (не позднее сентября 1615 г.) [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 18];

— сибирский царевич Молла б. Кучум (после 1617 г.); сибирский царевич Янсюер б. Али (до 20-х гг. XVII в.); (?) жена царевича Мухаммед-Кула б. Атаула. Выехала в Россию в 1586/1587 г. Возможно, происходила из рода сибирских татар Карамышевых-Мусаитовых [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1689 г., д. 24, л. 1]. Мы видим в Касимове большое число представителей этого рода;

— Алма-бике (не ранее 1605 — после 1651 г.): жена царевича Мухаммед-Кула б. Атаула, дочь царя Арслана б. Али и Фатимы-салтан Шакуловой; касимовская царица Салтан-бике (ок. 1570 — после 1633 гг.): дочь романовского мирзы Али б. Кутума, жена царей

Мустафы-Али б. Абдулы, Ураз-Мухаммеда б. Ондана и Арслана б. Али [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 21, 93; ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12]. Она имела все основания быть похороненной в мавзолее своего последнего супруга;

— царица Нал-бикем (не ранее 1651 г.): дочь Кучума и царицы Лилинак, вдова выезжего ногайского мирзы Девлет-Мамета Еналеева сына Шейдякова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1651 г., д. 6];

— сибирская царица Молдур (1592 / 1593 — не ранее 1671 гг.): дочь Кучума и царицы Сюйдеджан, вдова выезжего ногайского мирзы Девлет-Мамета Еналеева сына Шейдякова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1671 г., д. 3];

Некоторые из Чингисидов могли быть похоронены как в Касимове, так и в Ярославле, или даже в ряде случаев в Костроме, где они проживали или могли проживать:

— 8 жен сибирского царя Кучума: Салтаным, Сюйдеджан, Яндевлет, Актулум, Ак-Сюйрюк (не ранее 1635 г.), Шевлель, Кубуль, Чешпан;

— царица Хан-заде: супруга сибирского царя Али б. Кучума;

— царица Данай: супруга сибирского царевича Каная б. Кучума;

— сибирский царевич Асманак б. Кучум (ок. 1568 г. — ?);

— сибирский царевич Шаим б. Кучум (ок. 1578 г. — ?);

— сибирский царевич Бибадша б. Кучум (ок. 1586–1590 гг. — ?): сын царицы Салтаным.

— сибирский царевич Кумыш (ок. 1583 г. — ?): сын царицы Сюйдеджан;

— царевна Кумыз (ок. 1584 г. — ?);

— царевна Гуленфат (ок. 1584 г. — ?): дочь сибирского царя Кучума и царицы Актулум;

— царевна Ак-ханум: дочь сибирского царя Кучума и царицы Ак-Сюйрюк;

— царевна Азеп-салтан (ок. 1587–1588 гг. — ?): дочь сибирского царя Кучума и царицы Шевлели;

— царевна Дерпадша (ок. 1588–1589 гг. — ?): дочь сибирского царя Кучума и царицы Сюйдеджан;

— царевна Тулунбека (ок. 1595–1596 гг. — ?): дочь сибирского царя Кучума и царицы Салтаным;

— царевна Караджан (ок. 1595–1596 гг. — ?): дочь сибирского царя Кучума и царицы Ак-Сюйрюк.

Все вышеперечисленные персонажи были взяты в плен в 1598 г. В русских источниках отмечено, что они «перемерли» некрещеными. Возможно, по отношению к женщинам (в первую очередь, молодым) это не совсем так. Они могли выйти замуж за представителей ногайской, крымской и черкасской знати, и если их мужья не являлись ярославскими кормовыми татарами, то информация по ним могла и не сохраниться. К тому же наши данные до 1626 г. достаточно случайны, и кроме того, нужно помнить, что часть женщин (их имена нам неизвестны) были отпущены Борисом Годуновым в Сибирь [Миллер, 2000, с. 223, 226].

Для подтверждения нашего предположения приведем несколько примеров, когда в Ярославле в XVII в. упоминаются те или иные женщины из рода Чингисхана, судьба которых до этого неизвестна. В 1635 г. в Ярославле неожиданно в списке кормовых татар появляется вдова сибирского хана Кучума Ай-Сюйрюк (Аксюрюк) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 15, л. 2; 1635 г., д. 7]. Это можно объяснить только тем, что какое-то время царица проживала в семье одного из своих детей. Известно, что вместе с ней в Россию одновременно вывезли ее дочерей Ак-ханум и Караджан. В середине XVII в. здесь же появляется некая Бахты-ханыш (не ранее 1650 г.), жена Сафаралея мирзы Шейдякова, «царевичева Сеиткулова дочь» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1549 г., д. 7; 1650 г., д. 6, л. 1, 3].

— сибирский царевич Хансюер б. Али (1594 — между 1638 и 1641 гг.). В 1638 г. царь Али и его брат Алтанай просили отпустить царевича в Ярославль, в 1641 / 1642 г. Али уехал в Касимов, скорее всего, после смерти сына;

— (?) жена и дочь сибирского царевича Хаджима (Чувак) б. Кучума;

— сибирский царевич Канчувар б. Али (2 октября 1623 г.) [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 7];

— царевна Тур-пача (Тулун-бике?) (1595 / 1596 — после 1627 гг.): дочь Кучума и царицы Салтаным;

— царица Карачаца (2 апреля 1628 г.): дочь абыза Ибердея, жена сибирского царевича Хаджима б. Кучума и касимовского царя Арслана б. Али [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–21];

— царевна Салтыкай (1616 — не ранее 1635 гг.): дочь касимовского царя Арслана б. Али и царицы Карачацы [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4, л. 3; ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–21];

— царица Наг-салтан Карамышева дочь Мусаитова (не ранее 1650 г.): жена касимовского царя Арслана б. Али [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1549 г., д. 7; 1650 г., д. 6, л. 1, 3];

— царица Ханыш (после 1623 г.): супруга царевича Мухаммед-Кула б. Хаджи-Мухаммеда. Рядом с матерью следует искать и могилу ее дочери.

Упомянем имена двух гурганов, которые могли быть похоронены в Ярославле или Касимове:

— Девлет-Мамет мирза Еналеев сын Шейдяков (весна 1646 г.): муж цариц Молдур [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1; ф. 141, оп. 1, 1646 г., д. 113а, л. 73] и Наг-салтан;

— Сафаралея мирзы Шейдякова, — однако его могила, как и могила Ураз-Мухаммеда, если она была в городе, должна быть кенотафом.

Следует отметить, что традиция постройки родовых мавзолеев (текие, дюрбе) сохранялась в Касимове еще довольно долго. Но теперь их строили отдельные татарские семьи, в том числе ведущие свое происхождение из дворов касимовских царей и царевичей. Можно предположить здесь прямое влияние царских текие.

До настоящего времени на новом татарском кладбище находится три дюрбе (текие), построенных отдельными касимовскими татарскими родами (в том числе Шакуловых) уже на рубеже XVIII–XIX вв. [Әхмәтжанов, 2006, 197–217б.]

Отдельные захоронения могли находиться и в Москве. Их следовало бы искать на татарском кладбище за Калужскими воротами, в районе современного парка им. Горького [Хайретдинов, 2002, с. 87].

* * *

Таким образом, Касимов следует рассматривать как центр сосредоточения родовых гробниц Чингисидов в России. Проглядываются определенные параллели с г. Сарайчуком (ныне с. Сарайчик Махамбетовского района Атырауской области Казахстана). В последнем ряд ученых склонен видеть доисламский культурный центр Дешт-и Кипчака. Довольно рано он становится сакральным для рода Джучидов (потомков старшего сына Чингисхана Джучи) как курук — средоточие их фамильных гробниц. Именно там ханы восходили на пре-

стол Золотой Орды, а впоследствии находили свое последнее пристанище на земле. По некоторым археологическим данным, верхний слой городища (1–1,5 м) образован развалинами сырцовых и кирпичных погребальных сооружений XV в. [Галкин, 2001]. После распада Золотой Орды область города входила в своеобразный домен правителя Ногайской Орды (есть данные о намерении возвести в городе бийский дворец и мечеть), была там и тюрьма. Место ногайской столицы и джучидско-мангытский некрополь продолжали почитаться у местных тюркских кочевников и в дальнейшем [Трепавлов, 2001, с. 583–598]. Потеряв с выездом в Россию связь с Сарайчуком, служилые Чингисиды стремились создать на новом месте и в новых условиях нечто похожее. Хотя, конечно, Касимов не мог сравниться со своим прототипом.

По-видимому, подобный статус города принимался и поддерживался мусульманами как в России, так и за ее пределами, а также Москвой. Именно западная часть Мещеры вокруг Касимова и Елатмы служила местом испомещения знатных выходцев с Востока. В 1559 г. Иван Грозный предлагал земли в Мещере пяти сыновьям ногайского мирзы Хаджи-Мухаммеда, но их выезд так и не состоялся [РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 15]. В 1555 г. здесь испоместили ногайца имелдеша Салтан-Булата сына аталыка Бигилдея. Скорее всего, это молочный брат царя Симеона Касаевича или Александра Сафакиреевича, который после крещения своего царя был вынужден покинуть его двор [Акты, 2002, с. 19]. Документы первой половины XVII в. фиксируют здесь значительное число имелдешей, скорее всего, попавших сюда после смерти своих титулованных братьев — Кучумовичей [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 242–249; РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1623 г., д. 11; ф. 141, оп. 1, д. 1586 г., д. 1, л. 2]. В XVII в. в регионе испомещают многих Чингисидов.

Население татарских сел еще в конце XX в. помнило о том, что ранее покойников возили хоронить в Касимов [Исхаков, 1993, с. 71]. На местном татарском кладбище стремились найти вечный покой мусульмане центральной России (Костромской, Тамбовской губерний и др.) [Гордлевский, 1927, с. 25].

Отсутствие надгробий ногайской знати позволяет предположить, что для них этот город не приобрел такого значения, как для Чингисидов. К тому же за ними некоторое время сохранялись возможности отъезда в степь, а также быть похороненными в Сарайчике.

Так, скончавшегося 10 мая 1561 г. Юнуса б. Юсуфа отправили в последний путь в степь за счет казны [Трепавлов, 2003, с. 344].

Нельзя не отметить тот факт, что сохранившиеся надгробия в подавляющем большинстве отличаются изысканной резьбой по камню. Вероятно, это искусство передавалось в Касимове из поколения в поколение на протяжении, как минимум, XVI–XVII вв.

Места захоронения крещеных Кучумовичей

Чингисиды, принявшие православие, по своему происхождению и благодаря заключенным бракам занимали видное положение в Москве. Это нашло свое отражение и в местах их погребений.

В Москве же следует искать могилы сибирских Чингисидов Калининника Джансюеревича и Василия Ишимовича. Зная биографию последнего, можно предположить, что место его погребения было достаточно престижным.

Во второй половине XVII в. крещеные Кучумовичи стремились быть похороненными на родовых кладбищах. Могилы Андрея Кучумовича и его потомков нужно искать в Златоустовском монастыре. По крайней мере, здесь похоронена жена царевича Андрея Ирина (Ираида) Федоровна († 15 октября) и двое ее детей — царевичи Андрей († сентябрь 1620 г.) и Федор († 3 мая 1621 г.) [Беркович, 2011, с. 296–301].

Могилы сибирских царевичей, потомков Алтаная б. Кучума, по преимуществу находятся в московском Новоспасском монастыре. Здесь были погребены: царевичи Алексей Алексеевич († 16 февраля 1686 г.), Григорий Алексеевич († 31 марта 1685 г.) и его жена Анна Григорьевна († 13 августа 1688 г.) [Вельяминов-Зернов, 1887, с. 170–171; Любимов, 1915, с. 67, 70]. Романа Васильевича захоронили в Кремлевском Чудовом монастыре († 20 августа 1686 г., его отпевал патриарх Иоаким) [Любимов, 1915, с. 70]. Василий Алексеевич († ок. 1718 г.) похоронен, судя по всему, в Архангельске, куда он был сослан [Любимов, 1915, с. 71]. Супруга князя Федора Калининковича, княгиня Евдокия Герасимовна (1689 — 16 сентября 1740 гг.) похоронена в с. Брынкова Рузского уезда [Любимов, 1915, с. 74]. Касимовские царевичи, скорее всего, все погребались в московском Златоустовском монастыре [Малиновский, 2007, с. 345]. 13 августа 1679 г. княгиня Анна Григорьевна сделала в монастырь по своему

мужу, касимовскому царевичу Никифору Васильевичу, вклад в 50 руб. 7 апреля 1698 г. касимовский царевич Иван Васильевич также сделал вклад «по себе» в 50 руб. [РГАДА, ф. 1190, оп. 1, д. 6, л. 75–78]. Помимо этого, супруга пожаловала в монастырь богатую ризу из золотой «по красной земле парчи», расшитой жемчугом и драгоценными камнями. Только камни были оценены в 314 руб. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 417–418]. В середине XVIII в., после того как род пресекался, монахи разобрали склеп («палатку каменную») касимовских царевичей; сохранилось упоминание о продаже монахами многопудовой двери палатки [РГАДА, ф. 1190, оп. 1, д. 59, л. 134 об.]. Можно предположить, что склеп касимовских царевичей по своей планировке мало отличался от известных нам касимовских текие. Здесь мы наблюдаем определенную преемственность.

Из крещеных Чингисидов в Касимове оказался похоронен только один касимовский царевич Яков (Иаков) Васильевич († 7 января 1677 г.). Он считается местночтимым святым (блаженным). Первые «сведения» о Чингисиде были собраны в начале XIX в. местным любителем истории И. С. Гагиным. Почитание началось, скорее всего, еще в XVIII в. Тогда в городе бытовало представление о царевиче как последнем татарском правителе, убитом мусульманами за перемену веры [Гагин, 1902]. Эта же информация повторялась и другими авторами [О замечательных, 1838; Из Рязанских, 1838; О древних, 1841, с. 474–475; О городе, 1841, с. 8–12; Материалы для истории, 1853; Баранович, 1860, с. 522–527]. В. В. Вельяминов-Зернов также пользовался в своей основе рукописями И. С. Гагина, однако он очистил их от явных несуразностей. Тем не менее, новых данных установить не удалось. Автор дает описание и приводит рисунки часовни, построенной над могилой царевича [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 413–415; Вельяминов-Зернов, Отчет, 1864, с. 121–122]. Якова похоронили в Казанском девичьем монастыре. Над могилой построили каменную «часовню» с тесовой крышей. Скорее всего, она была сооружена родственниками. К середине XIX в. крышу заменили на железную. Сохранился рисунок и план первоначального вида часовни, сделанный И. С. Гагиным на общем плане казанского монастыря: на нем мы видим достаточно простую, почти квадратную в плане (ок. 4,25 x 4 м) палатку с четырехскатной крышей с небольшим крестом наверху, который мог появиться несколько позднее. С левой стороны на фасаде располагалось зарешеченное

прямоугольное окно, справа — входная дверь, украшенная фигурным порталом. Еще одно окно имелось на боковой стене. Кроме могилы царевича, отмеченной строго посередине палатки, в ней ничего не было [Беляков, 2010, с. 91]. Во второй половине XIX в., при игуменье Рафаиле, старую часовню разобрали и на ее месте построили новую. Ее внешний вид известен нам по фотографиям первой половины XX в. Это восьмигранное сооружение из красного кирпича, каждая грань заканчивается закомарой (кокошником), а все здание венчает железный свод с небольшой главкой [Правдолюбов, 2005, с. 8]. Посреди часовни над могилой сделано возвышение из кирпича, на котором и лежало надгробие [Шишкин, 1892, с. 320]. До революции в монастыре показывали две пелены (серебряную ткань с большими цветами по рыхлому красному бархату), переделанные якобы из подаренных царевичем риз. Также здесь имелась шитая серебром по шелку икона Божьей Матери — как гласит предание, работы матери царевича, княгини Марии Никифоровны, бабки Фатимы и сестер Евдокии и Домны. В настоящее время местонахождение этих предметов неизвестно. В древности в монастыре как будто бы находился портрет царевича, погибший во время пожара (1764 г.?) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 413–420].

И. Добролюбов в своем сочинении, посвященном описанию церкви и монастырей Рязанской епархии, ссылаясь на описание монастыря, составленное в мае 1754 г. подпоручиком Капорского пехотного полка А. Житковым, не отмечает наличия часовни в XVIII в. Хотя это вовсе не означает, что ее там не было в это время [Добролюбов, 1891, с. 55–72]¹, и, скорее всего, это простая констатация факта незначительности данного сооружения.

Интерес к биографии царевича проснулся, судя по всему, только на рубеже XIX–XX вв. после выхода сочинения Н. И. Шишкина [Шишкин, 1892; Шишкин, 1999]. С этого момента в церковных кругах стали «припоминать» подробности жизни царевича Якова. На данный момент его жизнеописание выглядит следующим образом. Царевич отличался особенным благочестием после того, как в детстве получил исцеление от иконы Казанской Богоматери «Моление старицы Иустинии». Своей жизнью он возбудил ненависть фанати-

¹ В настоящее время опись хранится в: РГАДА, ф. 280, оп. 3 (Офицерские описи).

ков-мусульман, и жестоко избитый ими, он еле дополз до ближайшего дома, где ему оказали помощь. Вскоре он соборовался. Смерть приписывают последствиям избиения или же отравлению родственниками-мусульманами. На момент смерти ему было 17 или 25 лет. В настоящее время жизнеописание царевича находится в Синодальной комиссии по канонизации [Правдолюбов, 2004, с. 43–44]. Официальная точка зрения Рязанской епархии по этому вопросу приведена в книге «Святые и праведники земли Рязанской X–XX вв.» [Праведные, 2000, с. 167–168]. Считалось, что царевич помогал, в частности, от зубной боли. Монахини монастыря ежедневно посыпали надгробную плиту чистым речным песком, который паломники забирали с собой. В XIX в. велась особая тетрадь, в которую записывались все случаи исцеления, но после революции она была уничтожена (однако подобная фиксация исцелений известна и в 30-е гг. XX в.). В начале 30-х гг. XX в. часовня и могила были разрушены, и сегодня их местонахождение можно определить только приблизительно.

На этом история не закончивается. Неожиданно всплывают все новые и новые мифы. Так, В. В. Акимов в одной из своих последних книг утверждает, что в 1679 г. царевич Сеит-Бурхан б. Арслан отрекся от престола, принял крещение и под именем монаха Василия ушел в монастырь [Акимов, 2006, с. 100–101]. Автор здесь явно смешивает отца и сына. На подобные глупости можно было бы не обращать внимания, но они стимулируют появление все новых и новых «сенсационных открытий», которые начинают жить своей собственной жизнью.

Конечно же, данная история нереальна, но мы можем предположить, что же представляла собой жизнь царевича. Информация о его братьях, в своем большинстве, нам известна по дворцовым разрядам, но в них нет ни одного упоминания о Якове. В чем причина этого? Вряд ли в излишней благочестивости царевича. Это, наоборот, могло бы ему занять в столице видное положение. Скорее всего, его просто прятали по причине какого-либо серьезного заболевания (возможно, психического, либо серьезного уродства), другие объяснения найти трудно. Именно с этим заболеванием связана и его смерть. Что касается возраста, то на момент смерти Якову не могло быть более 21 полного года. Известно, что его отец крестился не ранее лета 1654 г., значит, свадьба была сыграна еще позднее.

Однако можно дать и иное объяснение. Яков мог быть незаконнорожденным сыном Василия, появившимся на свет еще до крещения касимовского царевича. Этому имеется несколько косвенных подтверждений, в том числе сам факт сокрытия царевича в Касимове, похороны здесь же (а не в московской родовой усыпальнице), отсутствие его имени в синодике Василия Араслановича [РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 49, л. 108]. К тому же, после смерти Василия Араслановича и его матери, царицы Фатимы, их наследники царевичи Иван и Сергей Васильевичи отказались содержать монахинь казанского монастыря («их, игуменью с сестрами кормили и поили и на одежду давали из своих доходов»), как это было ранее [Воздвиженский, 1995, с. 32]. Следует особо подчеркнуть, что сыновья Василия Араслановича (судя по всему, все) еще при жизни отца по достижении совершеннолетия испомещались московским государем. Следы подобных пожалований сохранились до наших дней, в том числе и в деле о споре о поместьях между вдовой царевича Семена Васильевича и его братом Иваном. В нем упоминаются пожалования иных братьев, но умалчивается о каких-либо земельных владениях Якова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1]. В подтверждение высказанной нами версии можно привести и тот факт, что П. Долгоруков ничего не знает или умалчивает о Якове, хотя он и посещал Касимов — местожительство своих дальних свойственников [Долгоруков, 1856, с. 53–54]. Данное предположение, возможно, объясняет и еще один странный факт. После того как не ранее апреля 1654 г. Сеит-Бурхана после оглашения собирались поместить под начало в Кремлевский Чудов монастырь, царевич отказался креститься. По неясным нам причинам, об этом тут же в известность поставили Рязанского архиепископа Мисаила [Шишкин, 1999, с. 106; Иероним (Алякринский), 1889, с. 71–72]. Наличие несовершеннолетнего незаконнорожденного сына у касимовского царевича, крестить которого и должен был рязанский архиерей (так как Касимов входил в Рязанскую епархию), может объяснить данный факт. Однако, в целом, необходимо признать всю шаткость сделанных нами предположений. Утверждать что-либо более конкретно можно только при нахождении новых документов, хотя бы косвенно касающихся биографии царевича Якова [Беляков, 2010].

Таким образом, расположение некрополей Чингисидов также несет в себе определенную информацию. Их общее положение в России

отражалось, в том числе, и на месте погребения. При этом мы наглядно видим, как сохранившие верность исламу представители «золотого рода» стремились к определенной консолидации по месту захоронения.

Крещенные Кучумовичи желали найти свое последнее упокоение в семейных некрополях тех знатных родов, с которыми они породнились. В конце XVII в. они стали создавать собственные родовые кладбища. В последующем, в XVIII–XIX вв., данная тенденция не укоренилась среди князей Сибирских. Места их погребения оказались сильно распылены по всей европейской России.

* * *

Мы проследили специфику основных моментов жизни татарских царей и царевичей в России от рождения (вывоза, выезда) до смерти. При этом мы смогли выявить динамику тех изменений, что постепенно происходили на протяжении XVI–XVII вв. Однако мы еще практически ничего не говорили о членах дворов, а также о материальном содержании представителей «золотого рода» в России.

Глава 3

Придворные службы московским царям

Кучумовичи на новой родине практически сразу стали, по мере возможностей, привлекаться в интересах государства для несения различных служб. Об их участии в боевых действиях мы поговорим в гл. 5, а здесь затронем их придворные службы.

Царевичи принимали активное участие в различных придворных церемониях. В первую очередь, это, конечно же, прибытие самих татарских царей и царевичей в Москву, как при выезде, так при вызове их в столицу из городов, назначенных для проживания. Они регулярно фиксировались вплоть до середины XVII в.

Подобные встречи со временем стали объединяться с приемом послов иностранных держав. Москвичи быстро привыкли к подобным визитам. Для них интерес представлял въезд в столицу более редких, а потому и экзотических, западноевропейских посольств.

С XVI в. крещенные служилые Чингисиды стали принимать участие в тех или иных религиозных церемониях московского государя. После крещения почти всех наличных представителей «золотого рода» в 1654 г., церемонии приезда прекратились. Видоизменилась и форма первого представления того или иного царевича государю, теперь оно проходило в рамках других придворных действ. Рассмотрим участие Кучумовичей в подобных церемониях.

Присутствие при приеме иностранных послов

Присутствие Кучумовичей при приеме иностранных посольств зафиксировано на протяжении XVI–XVII вв. Попытаемся выявить все известные нам случаи, при этом в список включим также известия о приеме царевичем Ураз-Мухаммедом послов у себя дома (хотя они выбиваются из критерия, вынесенного в заголовок, однако наглядно показывают, как трансформировалась данная традиция, а также иллюстрируют использование Чингисидов во внешнеполитических целях).

1586 г., 10 апреля — касимовский царь Мустафа-Али б. Абдула и царевичи, крымский Мурад-Гирей б. Мухаммед-Гирей и сибирский Мухаммед-Кул б. Атаул, присутствовали на приеме посланника Речи Посполитой Михаила Гарабурды [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 374].

1590 г., 10 мая — нововыезжий шарманшанский царевич Шихим (Шейх-Мухаммед б. Мухаммед) принят после персидских послов, с которыми добирался до Москвы. На приеме, по сведениям Л. А. Юзефовича, присутствовал крымский царевич Мурад-Гирей [Юзефович, 2007, с. 158], однако в посольской книге отмечены Арслан-Али б. Абдула и Ураз-Мухаммед б. Ондан [Памятники, 1890, с. 120–121, 125].

1594 г. — царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан имел встречу с казахским послом Кул-Мухаммедом с глазу на глаз, без представителей московского царя. Она состоялась в поместье царевича [РГАДА. ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1].

1595 г., март — царевич Ураз-Мухаммед по поручению царя Федора Ивановича пишет грамоту казахскому хану Таваккулу о посылке к нему Вельямина Степанова [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 22].

1594/1595 г. — при приеме цесарского посла Михаила Варкича присутствовали астраханский царевич Арслан-Али б. Абдула и казахский царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г., д. 1, л. 1].

1596/1597 г. — на приеме цесарского посла Авраама Будграда присутствовали царевичи астраханский Арслан-Али, сибирский Мухаммед-Кул б. Атаул и казахский Ураз-Мухаммед [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г., д. 1, л. 2]. Скорее всего, речь идет о приеме 22 мая 1597 г. посла бургграфа Донавского [Шишкин, 1999, с. 37].

1598 г., весна-лето — по татарским вестям, в походе против несостоявшегося крымского нашествия участвовали царевичи: астраханский Арслан-Али, казахский Ураз-Мухаммед, сибирский Мухаммед-Кул и шарманшанский Шейх-Мухаммед б. Мухаммед. Позднее царевичи присутствовали в Серпухове при встрече крымских посланников Алея мирзы с товарищами [Разрядная, 1994, с. 46–47].

1599 г., январь — въезд в Москву большой группы сибирских царевичей, цариц и царевен, плененных в 1598 г., совместили с въездом императорского гонца [Юзефович, 1988, с. 88–89].

1601 г., март — касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан присутствовал на отпуске польского посла Яна Сапеги [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 452–453].

1602 г., 11 сентября — Ураз-Мухаммед присутствовал на приезде датского принца Иоанна Фредериковича [Разрядная, 1994, с. 15–16; Путешествие, 1911, с. 17].

1604 г., 11 октября — существует смутное упоминание, позволяющее предположить, что за обедом, данным в честь английского посла Томаса Смита, царю Борису Годунову прислуживал кто-то из сибирских царевичей. Предположительно, это был Арслан б. Али [Смит, 1893, с. 36, 40]. Однако мы не можем упоминаемых татарских князей однозначно отождествить с сибирскими царевичами, так как это могли быть и крещенные ногайские мирзы.

1605 г., июнь (?) — еще одно смутное упоминание. Т. Смит был приглашен в шатер к Лжедмитрию I до его вступления в Москву на

обед («пир») в честь некоего татарского хана (касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана?) [Смит, 1893, с. 93].

1605 г., 21 июня — Лжедмитрий I принял Ураз-Мухаммеда в один день со шведским царевичем Густавом и крымским гонцом Ян-Ахмет-Челибеем [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 17].

1614 г., 30 октября — касимовскому царю Арслан б. Али велено присутствовать при приеме датского посланника Ивервинта. Прием состоялся без касимовского царя, который сказался больным [РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1614 г., д. 1, л. 162–166; ф. 131, оп. 1, 1614–1621 г., д. 1, л. 1–4].

1616 г. — царь Арслан принят в один день с английским посланником Джоном Мериком [ДР, 1850, стб. 220–222].

1617 г., 18 ноября — царь Арслан присутствовал при приеме послов персидского шаха Аббаса Коя Салтана и Булан-Бека. «А сидел от государя по правую сторону, пропусая от государя на другой стороне первое окошко» [ДР, 1850, стб. 304–306].

1638 г., 18 апреля — у государя на отпуске были сибирский царь Али б. Кучум и царевич Алтанай б. Кучум, а также купец персидского шаха Агасана [ДР, 1851, стб. 569–570].

1655 г., 19 декабря — на приезде шведского посла Густава Белки присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович (первое упоминание касимовского царевича после принятия православия), сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [Дополнения ДР, 1854, стб. 16].

1656 г., 4 мая — на приеме цесарского посла Алгарета де Алэгретуса присутствовали («были у стола») сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи и касимовский царевич Василий Арасланович [ДР, 1852, стб. 492; Памятники, 1854, стб. 433, 437].

1658 г., 6 июня — на приезде грузинского царя Теймураза Давыдовича у стола присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [ДР, 1852, стб. 497, 501; Дополнения ДР, 1854, стб. 140].

1667 г., 20 октября — на приеме польских послов Станислава-Казимира Беневского и Киприана Павла Берестовского присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [ДР, 1852, стб. 675–677].

1668 г., 5 июня — на отпуске Антиохийского патриарха Макария находились царевичи касимовский Василий Арасланович и сибир-

ские Петр и Алексей Алексеевичи, «а сидели повыше бояр на той же лавке, а не в том месте, где садятся, а были в золотах» [ДР, 1852, стб. 763].

1675 г., 11 января — царевичи сибирский Алексей Алексеевич и касимовский Михаил Васильевич присутствовали на приеме шведского гонца [ДР, 1852, стб. 1176].

1675 г., 3 февраля — царевичи сибирский Алексей Алексеевич и касимовский Михаил Васильевич присутствовали на приеме «кызылбашских» (персидских) послов [ДР, 1852, стб. 1216].

Это, судя по всему, далеко не все случаи; со временем, видимо, будут обнаружены и другие.

Таким образом, мы можем подвести некоторые итоги. Традиция присутствия служилых Чингисидов на приемах государем московским иностранных дипломатов имеет глубокую историю. Она просуществовала весь XVI в. и большую часть XVII в. Ее цель очевидна — поднять престиж великого князя, впоследствии царя, в глазах сопредельных государств. В этом же ряду находится выкладывание напоказ на аудиенциях царских венцов — «шапок» (казанская, астраханская, сибирская), символизирующих татарские царства.

Во второй четверти XVII в. о традиции присутствия на приеме иностранных дипломатов татарских царей и царевичей постепенно забывают, что можно объяснить общим кризисом института служилых Чингисидов того времени. Наиболее явно это заметно по экспериментам со статусом крестившихся царевичей. Вспомнили о прежней практике только после 1654 г., вследствие крещения всех наличных царевичей. Но если раньше в церемониях участвовали Чингисиды, проживавшие в Москве или специально вызываемые для этого в столицу, и преимущественно мусульмане, то теперь данный обряд превратился в одну из разновидностей придворной службы крещеных царевичей. Однозначно о его существовании можно говорить только до конца правления Алексея Михайловича. В дальнейшем, судя по всему, от него отказались. Скорее всего, не последнюю роль здесь сыграла болезнь царя Федора Алексеевича и определенный кризис власти после его смерти. При других условиях Чингисиды могли бы играть роль статистов во время приема дипломатов еще некоторое время.

Участие в церемониях государственных свадеб

Крещенные царевичи также принимали участие в свадебных церемониях, носивших государственный характер. Это свадьбы великих князей Московских (царей), их родственников, а также самих представителей «золотого рода». Сделаем попытку восстановить весь список.

Не ранее 1600 г. сибирский царевич Андрей Кучумович (Абу-л-Хаир б. Кучум) женился на княжне Ирине Федоровне, дочери боярина князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского и княгини Марии Семеновны, урожденной Костиной [Анхимюк, 2003, с. 396]. Хотя данный пример следует признать не совсем корректным (получается, что царевич присутствовал на своей собственной свадьбе), но из-за статуса мероприятия мы посчитали возможным привести его.

1671 г., 22 января — на свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной присутствовали сибирский царевич Петр Алексеевич и касимовский царевич Василий Арасланович, «сидячие с государеву сторону», а также сибирский царевич Алексей Алексеевич, «сидячие с государыни царицыну сторону». Их жены — сидячие боярыни в том же порядке [ДР, 1852, стб. 873].

Других упоминаний об участии в свадьбах нам обнаружить не удалось. Возможно, подобные случаи прекратились, однако далеко не все из свадеб попали в разрядные книги, дворцовые разряды и летописные сообщения. Во второй половине XVII в. Кучумовичи активно рождаются с московскими государями через браки с их родственницами (свойственницами) по женской линии. Но данные браки, в отличие от XVII в., уже не подпадают под носящие государственный характер, хотя многие из них, конечно же, рассматривались как семейное дело московских царей.

Торжества по случаю рождения детей

Подобная церемония утвердилась в царствование Алексея Михайловича. Она связана с идеей преемственности власти в роде Романовых, которым еще нужно было доказывать свои права на наследственную передачу власти и обосновывать эти права. Чин объявления наследника как раз служил выполнению этой цели. Раз-

работкой данного церемониала занимались сам царь Алексей Михайлович и его ближайшее окружение. Так, 1 сентября 1667 г. при объявлении царевича Алексея Алексеевича присутствовали касимовские царевичи Василий Арасланович и Никифор Васильевич, сибирские Петр и Алексей Алексеевичи [ПСЗ, т. 1, № 649].

Участие в церемонии венчания на царство

В венчаниях московских государей на царство татарские царевичи, судя по всему, начинают принимать участие только в конце XVII в. Любые попытки удревнить эту практику не подкрепляются документально [Лаврентьев, 2001, с. 71]. Известно только два упоминания.

1676 г., 18 июня — на венчании на царство Федора Алексеевича касимовский царевич Василий Арасланович трижды осыпал его золотыми деньгами [Вельяминов-Зернов, с. 402].

1682 г., 27 апреля — сибирские царевичи Григорий и Василий Алексеевичи осыпали царей Петра и Ивана золотыми монетами по выходе их из Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов, а также по вступлении их на Красное крыльцо [Любимов, 1915, с. 70].

По известным причинам, данная традиция не получила и не могла получить дальнейшего развития. Ее появление было закономерным и вполне логичным для мироощущения царя Алексея Михайловича. Здесь мы видим, как идеи отца были подхвачены и развиты его сыном, царем Федором Алексеевичем.

Участие в религиозных церемониях

В таких церемониях Чингисиды стали принимать участие достаточно рано. Это, прежде всего, крещение и предшествующие ему процедуры (оглашение) ряда татарских царей и царевичей на протяжении всего XVI и первой половины XVII вв.

Все это происходило при большом стечении народа, в ряде случаев на льду Москвы-реки, зачастую в присутствии великого князя (царя) Московского, придворных и высших иерархов Церкви. Тем самым московский народ наглядно лицезрел торжество православной веры, осветившей путь истины и для басурманских царей. Нео-

фиты создавали особую группу придворных, главной и практически единственной задачей которых являлось возвеличивание своего государя. Как православные, они просто были обречены сопровождать великого князя (царя) во время всех его торжественных выходов, но тем самым выполнялась и определенная идеологическая задача.

Возможно, некий религиозный подтекст носили и приемы некрещеных царевичей, осуществляемые государем в дни больших церковных праздников. Так, Михаил Федорович принял у себя касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана на Вербное воскресенье (1633 г., 14 апреля) до церемонии «вождения осляти», что и было особо отмечено в приказной справке [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 8–9]. Точно также в 1638 г. встреча на приезде сибирскому царю Али б. Кучуму и его брату царевичу Алтаню б. Кучуму была на Вербное воскресенье (18 марта) [ДР, 1851, стб. 563]. С одной стороны, Чингисид должен был видеть толпы любопытствующего народа, собравшегося насладиться ежегодным зрелищем. Но и народ наблюдал за приездом татарского царевича. Можно предположить и иную интерпретацию приемов татарских царей, особенно в дни больших религиозных праздников. Возможно, тем самым московские государи символически как бы повторяли отдельные эпизоды земной жизни Христа, в данном случае — приход волхвов (восточных царей) к новорожденному Спасителю. И хотя подобная интерпретация более подходила бы для празднования Рождества Христова, по неизвестным нам причинам этот обряд закрепился на празднике Входа Господня в Иерусалим.

Для доказательства сделанных предположений требуются дополнительные исследования. У нас имеются косвенные данные, позволяющие предположить, что это, по крайней мере, в царствование Михаила Федоровича являлось обычной практикой. Дело в том, что царевич Авган ежегодно получал продуктовые дачи «в стола место» по случаю Рождества Христова, Пасхи, Богоявления, Вербного воскресенья, именин царя и царевичей. Подобным дачам, как правило, предшествовало позволение видеть «царские очи» или же в качестве знатного статиста наблюдать за государевым проходом во время очередной церемонии [Беляков, 2007а]. При этом подавляющее большинство приказных выписей относится именно к Вербному воскресенью.

Начиная с 1654 г., Чингисиды становятся постоянными участниками придворных церемоний; теперь они бывают во дворце практически ежедневно, регулярно присутствуя на различных религиозных церемониях с участием московского государя. Дворцовые разряды фиксировали далеко не все события, но, несмотря на это, мы имеем возможность проследить определенную закономерность в их «использовании» в тех или иных обрядах. Если классифицировать все известные нам упоминания, то нам представляется следующая картина. В своей основе это были крестные ходы. При этом все царевичи одновременно принимали участие в тех или иных действиях достаточно редко. Судя по всему, здесь имелся некий «скользящий график». Когда подросли дети Василия Араслановича и Алексея Алексеевича, они стали замещать своих престарелых отцов. Так, Михаил Васильевич касимовский начинает регулярно появляться в разрядах с 1674 г., и тогда же из них исчезает его отец.

Можно предположить, что в ряде случаев царевичи своим присутствием как бы замещали московского государя и освящали данную церемонию. В дворцовых разрядах можно прочесть: «А выходу великому государю к действию не было. А быти у действия по указу великого государя: касимовской царевич Василий Арасланович...» [ДР, 1852, стб. 713].

Нужно отметить, что сюда же следует отнести и многочисленные упоминания о присутствии крещеных Чингисидов за столом патриарха Никона. Судя по всему, это был один из многочисленных пунктов программы патриарха по возвеличиванию своего положения. Тем самым, он подкреплял свои права на «вселенскость», с одной стороны, и на, как минимум, равенство своего положения царскому [Дополнение к ДР, 1854, стб. 16–127].

После смерти Алексея Михайловича участие Чингисидов в podobных церемониях постепенно сходит на нет, а также прекращаются приглашения к царскому и патриаршему столам. Упоминания об участии Петра I в крестных ходах со временем значительно сокращается, так как он был занят иными заботами. Со временем (конец 90-х гг. XVII в.) даже создаются специальные росписи участников придворных чинов (в том числе и царевичей) в тех или иных крестных ходах на несколько недель или даже месяцев вперед [ДР, 1855, стб. 1048–1053]. Это становится обычной практикой.

Участие в иных государственных церемониях

Нужно сказать, что нам порой сложно разграничить придворные и государственные церемонии, к тому же в большинстве государственных церемоний в той или иной степени присутствует и определенный религиозный фактор, они взаимно переплетены между собой. Поэтому имеет смысл, по крайней мере, упомянуть некоторые иные церемонии, упоминаемые в дворцовых разрядах, в которых участвовали Чингисиды. В первую очередь, это относится к именинам членов царской семьи, рождению царских детей, празднованию «новогодия» (1 сентября). В данном случае, мы можем говорить только о крещеных Чингисидах. Конечно же, данная практика существовала уже в XVI в., но мы имеем информацию, главным образом, по XVII в. Здесь мы видим, что при Алексее Михайловиче Чингисиды становятся постоянными участниками всевозможных торжеств. Так, например, в 1648 г. сибирский царевич Василий Ишимович становится завсегдаем придворных церемоний. Этому он был обязан уже самим пожалованием ему чина кравчего, а кроме того, московский царь Алексей Михайлович испытывал к нему определенную привязанность. Известно, что во время «московского смятения» в июне 1648 г. он неотлучно был «вверху» у государя [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11]. Начиная с 1654 г., в столице постоянно находились крещеные царевичи, которых можно было использовать в этих целях. Однако начиная с 1676 г. приглашения к столам постепенно прекращаются, а церемонии начинают проходить несколько обыденно.

По формальным признакам сюда же можно отнести и номинальное участие служилых татарских царей и царевичей в руководстве полками во время военных кампаний, — это касается XVI и второй половины XVII вв. С середины XVI в. военное значение отрядов Чингисидов начинает стремительно падать, но наличие татарских царей в полках московского царя превращало их в армию многих народов под руководством православного государя. Последняя подобная акция — это совершенный, по крымским вестям, Серпуховской поход царя Бориса Годунова 1598 г. [Разрядная, 1994]. В данном случае, это была определенная военно-политическая демонстрация, призванная повысить престиж нового государя.

В эпоху Смутного времени татарские царевичи также использовались в военно-идеологических целях, но документов об этом со-

хранилось мало. К тому же это не носило столь яркий и демонстративный характер, и при царе Михаиле Федоровиче об этом забыли вовсе.

Об идеологическом использовании имен Чингисидов во время военных кампаний вспомнили при Алексее Михайловиче, но это стало лишь слабым отзвуком прежней традиции. Во второй половине XVII в. зафиксированы три подобных случая (1656, 1664, 1678 гг.). При этом в 1656 г. царевичи находились только в свите московского царя. Иностранцы в своих записках более чем реально оценивают их значение в принятии конкретных решений, как и то, что у них теперь в действительности осталось только имя [Гордон, 2005]. Говорят об этом и делопроизводственные документы московских приказов [Малов, 2006, 389–390, 392, 499–500].

Присяги царям, шертование

В присяге новому царю нет ничего необычного. До принятия православия Чингисиды приносили шерть. После крещения они должны были присягать вместе с другими членами государева двора. При этом царевичи всегда ставились перед боярами и открывали список участников церемонии [ДР, 1852, стб. 1636]. Здесь следует отметить, что, судя по сохранившимся документам, мусульмане приносили шерть относительно нерегулярно. Это относится не только к царевичам, но и к мирзам. Так, после провозглашения царем Алексея Михайловича ургенчский царевич Авган-Мухаммед, постоянно проживавший в Москве, принес шерть практически сразу же по объявлении нового царя [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 598–603]. Иные же знатные мусульмане, проживавшие в Касимове, Романове и Ярославле, были вызваны в столицу для шертования только летом 1653 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 3–4]. При изменении статуса того или иного царя или царевича (в частности, пожаловании городом) приносилась новая шерть [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 4–5].

Участие в похоронах

Крещенные Чингисиды принимали участие в похоронах московских царей и членов их семей.

1670 г. — на похоронах царевича Алексея Алексеевича мы видим касимовского царевича Федора Васильевича и сибирских царевичей.

1676 г. — в похоронах царя Алексея Михайловича принимали участие (шли за телом) царевичи касимовские Василий Арасланович, Василий Васильевич и сибирский Петр Алексеевич. Они шли сразу же за царем Федором Алексеевичем [ДР, 1852, стб. 1643].

1682 г., 27 апреля — сибирский царевич Алексей Алексеевич прошался с телом царя Федора Алексеевича [ДРВ, 1791, т. 15, с. 283].

Скорее всего, Чингисиды присутствовали и на других похоронах тех или иных представителей царской семьи, так как они находились в свойстве с представителями правящей династии.

Боярыни у цариц (великих княгинь)

Нам известно, что во второй половине XVII в. ряд жен касимовских и сибирских царевичей называются «приезжими боярынями» московских цариц. Они время от времени упоминаются как участницы церемоний во дворце (как правило, присутствовали у столов) [Вельяминов-Зернов, 1866; Любимов, 1915, с. 70–75].

* * *

Таким образом, мы можем утверждать, что московские государи активно использовали служилых татарских царей и царевичей во время различных придворных и государственных церемоний. В начале XVII столетия происходят серьезные изменения в отношении использования татарских царевичей в придворных и государственных церемониях, — от их услуг начали постепенно отказываться. Все изменилось с провозглашением царем Алексея Михайловича. Новый государь решил возродить прежнюю практику, но в несколько ином виде. В первую очередь, это касалось интенсивности их использования в повседневном церемониале и внедрения новых форм. Но после смерти царя снова наметился процесс отказа от услуг служилых Чингисидов. Одномоментно этого произойти не могло. Петр I нашел, наверное, единственно правильное решение: дистанцируясь от обязательных церемоний Московской Руси, в которых должен был участвовать государь, он перепоручил их проведение представителям старого двора, и со временем они осуществ-

влялись как бы сами собой, освобождая место церемониям новой, нарождающейся императорской России.

Глава 4

Государево жалованье

Всех Кучумовичей в России конца XVI–XVII вв. можно разделить на несколько категорий:

- служилые, владельцы собственных военных отрядов;
- служилые, не имеющие собственных военных подразделений;
- дети первых и вторых, умершие до того, как стали участвовать в военных действиях, или по каким-либо причинам не использовавшиеся на полковой службе;
- почетные пленники;
- находящиеся в ссылке;
- политические «пенсионеры».

В зависимости от статуса, различались и формы содержания представителей «золотого рода». Как правило, применялась смешанная форма содержания. Со временем некоторые ее составляющие видоизменялись, другие полностью исчезали. Следует рассмотреть все формы по отдельности.

Ясак

Служилым Чингисидам в России XV–XVI вв. полагался ясак с подведомственного нерусского (мордовского) населения. Однозначно о его существовании можно говорить только по отношению к касимовским служилым царям и царевичам [ДДГ, 1950, с. 284]. О его размерах у нас имеются только косвенные данные. В 1614 г. кадомская мордва платила за ясак в государеву казну 28 руб. 67 ¹/₂ коп. (данные неполные), при этом отмечается убыль в 5 руб. 75 коп. (данные неполные) за счет умерших плательщиков [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, кн. 6466; Беляков, Писцовая, 2013]. Ранее ясак полагался

многочисленным кадомским князьям, хотя первоначально сюда же могли входить и посыпной хлеб, деньги за куницу, медвяной оброк, а также деньги за рыбную ловлю. В подобном случае полученные суммы значительно возрастали.

Право сбора ясака у мордвы первоначально, вероятно, было связано с осуществлением судопроизводства на пожалованных территориях [ДРВ, 1791, т. 15, с. 14–15]. Со временем ясак начал трансформироваться. Так, в начале XVII в. известен калачный и сапожный ясак, собираемый в Касимове в пользу царя Арслана б. Али с посада [Беляков, 2003б, с. 62]. В настоящее время мы не можем однозначно ответить на вопрос о степени преемственности этих двух ясаков.

Военная добыча

На протяжении многих веков, вплоть до появления регулярных армий, военная добыча являлась одной из главных составляющих содержания войска. Татарские военные отряды, в том числе и служилых Чингисидов в России, не являлись исключением, при этом главной ценностью составлял полон. Пленных можно было поселить на пожалованные московским царем (великим князем) земли, продать за границу (в первую очередь, в Ногайскую Орду), превратить в своих дворовых слуг. В современном Касимове наличие светловолосых татарок объясняют значительным числом польских полонянок, приводимых из походов. Имеется упоминание о продаже полна в Касимове для его дальнейшей перепродажи на восточных рынках. В. В. Трепавлов отмечает, что работоторговля была одним из существенных источников дохода ногайских мирз. Мирзам, принимавшим участие в Ливонской войне, было положено строго определенное количество пленников; они выдавались по специальным спискам, не более заранее оговоренного числа [Трепавлов, 2001, с. 536]. Можно предположить, что те же правила распространялись и на дворы служилых Чингисидов. Главным ограничивающим фактором здесь было требование московского государя, запрещавшее мусульманам и язычникам владеть русским (православным) населением. Москва следила, чтобы православные люди не проживали во дворах служилых иноземцев — как мусульман, так и западноевропейцев. Тем самым, Русское государство заботилось о своих полноправных

подданных, которыми являлись только православные христиане. Наиболее часто иностранцев обвиняли «в порухе православия», чинимой ими по отношению к проживающим у них русским людям. Нам известны законодательные акты, касавшиеся данной проблемы, в XVII в. (1622, 1627, 1649, гг.) [Орленко, 2005; Законодательные, 1986, № 119, с. 113], но подобные ограничения встречаются уже и во второй половине XVI в. (1552, 1586, 1593 гг.). За нарушение данной нормы иноземца могли подвергнуть телесному наказанию, бить кнутом и оштрафовать на значительную сумму (10 руб.) [Беляков, 2004б, с. 193–195; Ногманов, 2002, с. 23–28; ААЭ, 1836, т. 1, № 358. С. 436–439]. По-видимому, эти ограничения появились не позднее середины XVI в. Следует отметить, что после указа 1627 г. в архиве Посольского приказа отложилось интересное дело, в котором делался запрос: можно ли западноевропейцам владеть мусульманами? Здесь никаких причин к ограничительным мерам обнаружено не было [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 2].

Доходы с городов

Жаловать доходы с городов Чингисидам стали с середины XV в. Это была наиболее статусная форма материального содержания. К концу XVI в. она являлась детально разработанной, однако в это же самое время наметился и процесс отказа от ее использования. Поэтому единицы из Кучумовичей были пожалованы доходами с городов.

Касимов

Василий II Иванович Темный поселил двух братьев — Касима (Трегуба) и Якуба, детей Улуг-Мухаммеда б. Хасана-Оглана, — в Мещере, в Городце Мещерском (впоследствии получившем свое новое имя «Касимов» в память о первом царевиче, поселенном здесь). Помимо этого, город долгое время именуется Царевым (Царевичевым) Городком, просто Городком или же по-татарски Хан-Кирман [Вельяминов-Зернов, 1863; 1864; 1866; 1887; Беляков, 2011].

Всего в Касимове зафиксировано 12 «правителей»: большеордынский царевич Касим (Трегуб) б. Улуг-Мухаммед (до 1456 — ок. 1468 гг.) и его сын царевич Даньяр б. Касим (ок. 1468 — ок. 1486 гг.); крым-

ский царь Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей (ок. 1486 — 1503 гг.) и два его сына: Сатылган б. Нур-Даулет (1503 — ок. 1506 гг.) и Джанай б. Нур-Даулет (до 1506 — ок. 1512 гг.); астраханский царевич Шейх-Аулеар (ок. 1512 — ок. 1516 гг.) и его дети: царевич (впоследствии царь) Шах-Али б. Шейх-Аулеар (ок. 1516–1519, 1535–1546, 1546–1551, 1551–1567 гг.) и царевич Джан-Али б. Шейх-Аулеар (1519–1532 гг.), царь Саин-Булат б. Бекбулат (до 1570 — лето 1573 гг.), царь Мустафа-Али б. Абдула (1585 — ок. 1590 гг.); царь Ураз-Мухаммед б. Ондан (1600–1610 гг.); царь Арслан б. Али (06.07.1614 — 02.04.1626 гг.). До настоящего времени в литературе отмечают еще двух «правителей»: царевича Сеит-Бурхана б. Арслана (Василий Арасланович) (1626–1679 гг.) и царицу Фатима-салтан Шакулову, вдову Арслана б. Али (1679–1681 гг.). Однако с данным утверждением нельзя согласиться по формальным признакам: как мы увидим ниже, доходы с города передавать им не планировалось. Тем не менее, Сеит-Булата все же условно можно внести в список касимовских «правителей».

Какие реальные доходы получали касимовские Чингисиды с города? У нас имеется достаточно полная информация только по Арслану б. Али. Царя пожаловали касимовскими посадом, таможеню, кабаками, мельницами, перевозами, рыбными ловлями и санными покосами. Так, согласно дозорным книгам Михаила Беклемишева 1613/1614 г., с перечисленного собиралось доходов и оброков 479 руб. 32 1/2 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 4]. Но доходы быстро начинают расти. Таможенных, мытных и перевозных денег в год собиралось от 400 до 600 руб., а три посадских кабака приносили по 400–500 руб. в год. Три кабака в Касимовском уезде отдавались на откуп: на Толстиковском (Толстуковском) перевозе за 10–11 руб., в селе Ахматове и на Столбишевском перевозе — за 8–10 руб. В 1622/1623 г. перечисленные кабаки были даны на откуп купцу московской гостиной сотни Ивану Григорьеву сыну Цылибееву да гороховецкому посадскому человеку Никифору Васильеву сыну Ширяеву «с товарищи» за 1150 руб. На следующий год откупщики соглашались дать только 500 руб., а царь предлагал отдать кабаки за 700 руб., поэтому доходы с них стали по-прежнему собирать «на веру» посадские люди царя Арслана. Ведал этим «царев дворовой князь» Тахмаммет Шамарданов. Помимо этого, в Касимовском уезде пустовало три кабака, «потому что на тех кабаках питухов не живет»:

в Селищах, Болтаеве и Казанове (Казакове?). В Касимове же находилась винокурня, «а в ней котел железной, да десять кубов железных, да десять труб медных и два чана мерники» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 13–16, 20]. Когда после смерти Арслана Алеевича кабаки отписали на московского царя и стали отдавать их на откуп, то желающих тоже было немного [РГАДА, ф. 138, оп. 2, д. 2; ф. 137, оп. 1, Посольский приказ № 1].

На р. Сынтул царю принадлежали две мельницы. С «вышней» оброк платил касимовский посадский человек Сергей Потапов «с братьею» — 3 руб., а с нижней «Петрушка да Гришка Офонасьевы племянники Максимовы» платили 6 руб. На р. Оке от Бабинского до Толстукковского островов Арслану Алеевичу принадлежали рыбные ловли. За них ловцы Минка Васильев да Клеша Малаев с товарищами ежегодно платили оброк в 7 руб., «оприч того, что те ж ловцы ловили рыбу на царя шестью свясками, а в Касимове де те свяски зовут бобыкою». Ловили для царя осенью по 1–2 воза белорыбицы, стерляди и всякой белой рыбы. С 52 лавок в Касимове собирали ежегодный оброк по 25 коп. (всего 13 руб.). С хлебников и калачников калачного ясаку — по 20 коп. (всего 5–6 руб.). С соляного амбара Мишки Кривцова оброк 3 руб. С 92 дворов посадских и бобыльских по 10 коп. на год. В это время в Касимове имелись Татарская и Ямская слободы, а также слобода инокини Марфы Ивановны, жены патриарха Филарета и матери царя Михаила Федоровича. Арслану принадлежала только Татарская слобода. Сапожники платили по 1 руб. 20 коп. Уже при Арслане Алеевиче в Касимове появилась (приблизительно в 1622 г.) воскобойня. Все время ее держал на откупе инокини Марфы Ивановны Новой слободы крестьянин Панфилко Ефремов, платил 3 руб. Царю принадлежал и фруктовый сад царя Ураз-Мухаммеда площадью ок. 93 x 91 м, в котором росли 70 садовых и лесных яблонь, а также вишневые деревья [Беляков, 2003б, с. 61–62]. Посадские люди собирали царю «наметные деньги» по 10–20 руб. на посылку на государеву службу даточных людей царя. Нанимали подводы царевичу «под запас» до Москвы. Косили сено под Касимовом (1500 копен). Жали на Арслана хлеб (6 дней в году). Ходили на двор царя «для всякого изделия» по 5–20 чел. в день [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 16–20].

С посада официально ежегодно собиралось по 37 руб. 80 коп. При этом данная сумма оставалась неизменной еще со времени царя

Шах-Али. Татары, жившие в Татарской слободе, платили царю Арслану оброк. В 1627 г. здесь упоминается 6 дворов абызов (хафизов), плативших 1 руб. 23 коп., и 28 дворов татарских отпущенников и вдов татарских, дававших в год 12 руб. 94 коп. (всего 14 руб. 17 коп.) [Беляков, 2003б, с. 196]. Доходы с иных татарских дворов не поступали.

Помимо этого, Арслан Алеевич собирал с посада дополнительных 80 руб. в год, а также занимался прямым вымогательством. Так, на посадском человеке Дружине Ивлеве царь «доправил на себя» 80 руб. Из-за боязни правежа, при котором человека били «на смерть от утра до вечера, а на ночь разводит по пристовем, по людям своим (царя касимовского. — А. Б.) и велит ковать; и приставе де их мучат и емлют от того посулы великие», Дружина убежал из города, оставив жену и детей на произвол судьбы. Их ожидала печальная участь, так как имущество умерших на правеже или сбежавших отписывалось на царя, а их дворы развозились по кабакам и винокурням, идя на дрова. Существовал и иной способ вымогательства. Из лучших посадских людей царь ежегодно выбирал на кабаки, винокурни и таможную человек по 15 и больше. При этом на каждом из них правилось по 10–15 руб. ежегодно, а после завершения службы — т. н. «памятные» деньги, по 10 руб. и больше [Беляков, 2003б, с. 60].

В начале XVII в. шла борьба и за такую составляющую доходов, как судебные татарские пошлины. После приезда Арслана в Касимов для знакомства со своими новыми владениями он бьет челом царю Михаилу Федоровичу: «При прежних де касимовских царех касимовские воеводы и приказные люди татар не суживали и в суде не сиживали, а сидели де в суде их люди, кому он прикажет» [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 61].

3 апреля 1615 г. — по государеву указу послана грамота в Касимов к воеводе, князю Семену Звенигородскому, по которой всех касимовских татар велено судить «во всем царя араслановым людем кому прикажет» [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 58].

21 июня 1615 г., в ответ на указ, касимовский воевода шлет Михаилу Федоровичу челобитье, в котором утверждает, что «при прежних де государех касимовских татар и посацких, и всяких русских и проезжих людей суживали воеводы, а с воеводами сиживали в суде касимовских царей приказные люди по одному человеку для по-

шлин, что збирали пошлинные деньги на прежних на касимовских царей» [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 58–59].

15 августа 1615 г. дело слушалось в Боярской думе. Бояре приговорили: в компетенции суда Арслана Алеевича оставить татар царева двора и русских людей, «которые ему даны»; дела против царевых людей ведать воеводе, при этом, если «царев человек» не захочет отвечать перед воеводой, то дело подлежит рассмотрению в Москве; суд над служилыми татарами находится в компетенции воеводы, однако пошлины с этих дел следует собирать на касимовского царя, для чего на суде должен присутствовать человек Арслана Алеевича. 20 августа грамоту с этим решением отослали в Касимов к воеводе, но в ней имеются и дополнения: дела между русскими людьми иных волостей и уездов и касимовцами (в том числе, и служилыми татарами), находящимися вне компетенции касимовского царя, ведать воеводе, а пошлины собирать на Михаила Федоровича [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 59–61].

1615/1616 г. — в ответной челобитной Арслан Алеевич указывает, что при прежних касимовских царях воеводы «князей и мурз, и всяких людей ни в чем не суживали... и он де перед своею братьею, перед прежними перед касимовскими цари в том стал опозорен». На что к касимовскому воеводе, князю Семену Звенигородскому, послана государева грамота, в которой касимовских «князей и мурз, и татар и прочих людей, которые даны царю Араслану», судить не велено [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 61–63].

5 февраля 1616 г. к касимовскому воеводе, князю Семену Звенигородскому, послана государева грамота «против прежние государевы грамоты, какова послана во 123 году августа 20 день (1615 г. — А. Б.)» [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 63–64].

Между 1 и 12 сентября 1616 г. в Москву пришла челобитная от касимовского царя, в которой он в очередной раз просит оставить за ним суд над служилыми татарами [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 73].

12 сентября 1616 г. послана государева грамота касимовскому воеводе Семену Бартеневу, в которой прежняя практика судопроизводства сохранялась [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 49, 63, 69–72].

13 декабря 1616 г. в грамоте касимовскому воеводе вновь подтверждена прежняя практика судопроизводства. Но появляется и новое: «...а лучитца судится руским всяким людем с татары...», —

пошлина собирается на царя Арслана, если виноват будет русский [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 65–67].

Возможно, подобная практика существовала уже с 12 сентября 1616 г., но под последней датой она упоминается как поздняя приписка [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 64].

Имеется также копия недатированной челобитной Арслана Алеевича (послана не позднее 1619/1620 г.), в которой он жалуется, что судные татарские пошлины велено собирать на Михаила Федоровича [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 89]. Известно, что в 1619/1620 г. дело о судебных привилегиях и пошлинах вновь разбиралось в Москве [РГАДА, ф. 141, 1622 г., д. 8, л. 60 об.; Беляков, 2001a]. Кажется, царю удалось стать победителем в этом вопросе. Но ненадолго.

Арслан предпринял еще одну попытку увеличения составляющей своих доходов. За московское осадное сидение во время прихода войск польского царевича Владислава он просил доходы с Елатомского посада или же кабака. Посадское население города восприняло это негативно, и в итоге царь получил только доходы с кабака [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1622 г., д. 8, л. 74, 77–78, 86, 106–108]. На этом основании можно утверждать, что к городам, доходы с которых (или их часть) жаловались Чингисидам, прибавился еще один.

После смерти Арслана б. Али мы можем говорить об окончательной ликвидации «царства». Его сын Сеит-Бурхан остался только царевичем касимовским. Одновременно с решением о ликвидации титула царя касимовского, произошло и сокращение доходов малолетнего царевича. С 1626/1627 г. по 27 апреля 1636 г. все доходы от кабаков, посада и таможи отписали на московского царя. 27 апреля 1636 г. их вернули сыну Арслана царевичу Сеит-Бурхану. Правда, елатомский кабак отдали царевичу только на откуп за 270 руб. 68 коп. в год, «без наддачи». Упоминается другая цифра — 170 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 7]. Эти деньги поступали в доход Посольского приказа. У Посольского приказа и Арслана Алеевича имелись определенные проблемы с поиском откупщиков на кабаки [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Посольский приказ №1; Беляков, 2006, с. 13–15, 18; Привалова, 1947, с. 105–133; Привалова, 2008]. В 1653/1654 г. кабаки преобразовали в кружечные дворы и отписали на царя Алексея Михайловича. Деньги с них также стали поступать во внешнеполитическое ведомство, но в 1669/1670 г. их отписали

в приказ Казенного двorca [Белокуров, 1906, с. 37–38]. Доходы с посада и таможи Касимова поступали царевичу вплоть до его смерти в мае 1679 г. Крупные поместья в Касимовском и Елатомском уездах (3795 чети с полуосьминою) были оставлены [Беляков, 2006, с. 14]. Касимовский царевич получал определенные доходы за рыбную ловлю с крестьян иных сел, бравших промыслы на оброк. Так, в сентябре 1657 г. он получил с крестьян села Перья Касимовского уезда оброк «с рыбных ловель, что на Оке реке, и с озера, и с перевесы, и со всякими угоды» [РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 83, л. 7]. После смерти царевича, к тому времени уже крестившегося в Василия Араслановича, касимовские доходы полагались оставшимся к тому времени в живых царевичам Семену и Ивану Васильевичам. При этом их обязали содержать свою мать и бабушку [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 11; Беляков, 2005]. Это сообщение наглядно опровергает утверждение ряда исследователей, что будто бы последней касимовской правительницей являлась вдова Арслана б. Али царица Фатима-салтан [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 461–502; Исхаков, 1998; Рахимзянов, 2009].

В целом, перед нами вырисовывается своеобразное ханство или царство. Главной отличительной его особенностью является то, что в документах регулярно говорится о касимовских царях и царевичах, но ни разу о царстве (ханстве). На самом деле, это было некоторое эфемерное образование, параллельное общегосударственному административно-территориальному делению. Территория «ханства» ограничивалась исключительно владениями царя или царевича, и даже здесь он был вынужден постоянно оглядываться на местного воеводу, которому предписывалось следить во всем за служилым Чингисидом. Данные выводы полностью соответствуют реалиям XVII в., но с некоторыми поправками их можно экстраполировать и на значительно более ранний период, а также перенести на иные города, доходы с которых в разное время жаловались Чингисидам.

Юрьев Польский

Город неоднократно «жаловался» служилым Чингисидам, начиная с 1508 г. Однако, в отличие от Касимова, здесь практически не было непрерывной традиции проживания представителей «золотого рода».

Кучумович отмечен здесь единожды. В 1609 г. Юрьев Польский пожаловали сыну касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана царевичу Мухаммед-Мураду от имени Лжедмитрия II, но воспользоваться доходами с посада ему так и не удалось [Русский, 2012, с. 124–125].

Бежецкий Верх

На рубеже XVI–XVII вв. в регионе проживали служилые Чингисиды со своими дворами. Однако на настоящий момент неизвестно, получали ли они доходы с г. Бежецка (Городецка) или только обладали поместьями, — здесь первоначально упоминаются поместья казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана [Акты, 1998, № 117, с. 120] и должны были находиться татары его двора. Если пожалование доходами с уезда действительно было осуществлено, то оно было не ранее 1591 г. После смерти Ивана Грозного Бежецкий Верх вошел в удел царевича Дмитрия [Буганов, 2007, с. 566].

Позднее здесь отмечен сибирский царевич Мухаммед-Кул б. Атаул, племянник хана Кучума. Взятые в 1598 г. в плен родственники сибирского хана Кучума в 1601 г. просили отпустить их на жительство в Касимов к Ураз-Мухаммеду б. Ондану или в Бежецкий Верх к Мухаммед-Кулу [РГАДА, Ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1]. Скорее всего, доходы с города все же были положены Чингисидам. В таком случае, Ураз-Мухаммеду доходы с посада принадлежали до 1600 г., когда его пожаловали касимовским царем, и с этого момента доходы перешли Мухаммед-Кулу.

Мы можем приблизительно представить размер получаемых царевичами доходов, пользуясь данными за период после Смуты. В 1619/1620 г. кабак принес 320 руб. 75 ¹/₄ коп. Оброк с посада в 1615/1616 г. составлял 20 руб. 13 ¹/₄ коп. [Приходо-расходные, 1983, с. 331–332, 379].

Устюжна Железопольская

Устюжна Железопольская выделилась из Угличских земель. В конце XVI в. она передана в удел царицы Леониды, вдовы царевича Ивана Ивановича, сына Ивана Грозного [Беляков, 2001 в].

У нас имеются документы, позволяющие предположить, что доходы с данного города жаловались Чингисиду. Скорее всего, они

шли сибирскому царевичу Арслану б. Али (впоследствии касимовскому царю) до начала 1614 г. В челобитной посадского населения 1612 г. имеется упоминание: «А на Устюжне на посаде и царя Араслана Алеевича поместья из уезду всего было в прошлых годах 3 сохи». При этом люди царевича освобождались от стрелецкого корма, иных городских расходов и «крепости поддельвать» [Смутное, 1911, с. 201–202], т. е. они находились на положении беломестцев. Если наши предположения о пожаловании доходами с города верны, то мы можем перенести наши наблюдения и на иные города. Это лишний раз доказывает, что служилым Чингисидам «жаловалось» далеко не все население городов. К тому же это наглядно показывает, что содержание крепостей и их оборона по-прежнему оставались обязанностью московского великого князя (царя). Косвенно это пожалование подтверждает и упоминание в Устюжских писцовых книгах данной грамоты 1612 / 1613 г. от имени татарского царевича местному Успенскому монастырю на вотчину и крестьян в Новом стане [РГАДА, ф. 1209, кн. 901, л. 156 об.].

Время пожалования следует отнести к 1604 г., моменту выезда царевича в Россию. Впоследствии, из-за разорения данных территорий [Готье, 1937, 113–114], ему взамен дали поместья в Мещере (14 ноября 1613 г.). Возможно, что тогда же он получил и доходы с Касимова, что произошло несколько раньше объявления его касимовским царем (6 марта 1614 г.) [Документы, 1994, с. 324]. Нам известно, что его братья и дядья, судя по всему, не жаловались городами. Причина подобного возвышения Арслана, скорее всего, кроется в политической целесообразности. Известно, что отец царевича, Али б. Кучум, после провозглашения себя сибирским царем пытался добиться возвращения именно этого своего сына в Сибирь [Миллер, 2000, с. 126, 223].

Статус городов

Сложно определить положение Чингисидов в городах и их уездах. Во второй половине XIX в. развернулась дискуссия по вопросу о природе частновладельческих городов. Ее итоги подведены П. П. Смирновым. Он разделил города-вотчины на 2 типа: находящиеся в частном обладании «по земле» и в частном обладании на иных основаниях, т. е. сводящиеся к праву сбора на себя доходов

без нарушения структуры землевладения в государевых городах. Автор относит города, жалуемые в удел (юрт) царям и царевичам, ко второму типу, но он рассматривает их только как источник доходов, не затрагивая проблемы обладания городами как возможное условие содержания царевичами собственных военных отрядов [Смирнов, 1917]. С. Б. Веселовский, А. А. Зимин и М. Н. Тихомиров подчеркивали промежуточность положения татарских городов между кормлением и вотчиной [Веселовский, 1947, с. 123; Тихомиров, 1960, с. 45–46; Зимин, 1975, с. 73]. Однозначно можно говорить о том, что это не были вотчинные города, типа Епифани [Лаврентьев, 2005]. Р. Г. Скрынников пошел еще дальше, полагая, что пожизненный характер владений ханов и мирз придавал им некоторые сходства с поместьями [Скрынников, 1965, с. 170]. С. Н. Кистерев отмечает, что статус держаний Чингисидов значительно отличается от статуса обычных кормленщиков. При этом он признает сходство юридического положения их владений с поместьями исключительно внешним, проистекающим из того, что и то и другое обреталось благодаря великокняжескому пожалованию, не видя сколько-нибудь серьезных отличий прав служилых царей и царевичей от прав служилых князей Рюриковичей и Гедиминовичей, если не обращать внимания на вотчинный характер владений некоторых из числа последних [Кистерев, 1998]. Другие исследователи (Б. Р. Рахимзянов, О. А. Шватченко) признают их наследственными вотчинами-уделами. По их мнению, в 1572–1595 гг. они были ликвидированы, хотя земли за ними сохранили на поместном праве. Справедливости ради следует отметить, что в данном случае они говорят о Касимове и романовских мирзах Юсуповых и Кутумовых [Шватченко, 1996, с. 53, Рахимзянов, 2007, с. 253–254], но это нисколько не объясняет статус пожалованных городов.

По нашему мнению, главное отличие мусульманских «кормленщиков» или «волостелей» от православных служилых князей было в том, что первые на раннем этапе являлись только конечными получателями доходов с пожалованных территорий, а вся полнота управления находилась в руках лиц, назначаемых из Москвы. Максимум, на что могли рассчитывать Чингисиды, это контроль за сбором доходов и, возможно, самостоятельный сбор натуральных и денежных средств с неправославного населения, если такое имелось, пожалованных им уездов и волостей [Памятники,

1978, № 31. С. 43]. Возможно, в XV — начале XVI вв. они могли рассчитывать и на некоторые иные формы своего содержания: пахать на князя пашню, кормить его коней и собак, косить сено и участвовать в княжеских облавах на медведя [Веселовский, 1947, с. 115]. Уборка хлеба и сена Чингисида, как мы уже видели, входила в обязанности посадского населения Касимова первой четверти XVII в.

Суд (по крайней мере, над русским населением и, скорее всего, в делах между православными и татарами) осуществлялся представителем великого князя (царя). Чингисид получал только судебные пошлыны. О судебных правах Чингисидов мы можем говорить только по касимовской практике начала XVII в. По-видимому, он имел право суда только над своим двором. При этом можно предположить, что на татар распространялось как традиционное степное (яса, шарият) право, так и русское. Об Ураз-Мухаммеде в его бытность касимовским царем было сказано: он «правой рукой действовал по шарияту, а левой рукой — согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых» [Трепавлов, 2007, с. 88–89].

Наибольший доход с пожалованных территорий Чингисидам доставался от кабаков и таможенных сборов. Посад приносил значительно меньше прибыли. Суммарные размеры судебных пошлын не поддаются подсчетам. Доходы с дворцовых сел также, за редким исключением, невозможно определить.

Таким образом, мы имеем все основания говорить о более чем ограниченном праве служилых Чингисидов, сохранивших ислам, в пожалованных им уделах-кормлениях-юртах. Последний термин в значении «место жительства» наиболее точно передает положение татарских царей и царевичей. Следует согласиться с теми исследователями, которые определяют данные пожалования как пожизненные кормления или же своеобразный симбиоз вотчины-кормления.

Можно предположить, что пожалование того или иного Чингисида доходами с конкретного уезда или волости (по крайней мере, на раннем периоде) зависело в том числе от наличия и размеров военного отряда, выехавшего со своим сюзереном. Большой отряд требовал значительных средств на его содержание. Царевич, выехавший только с ближайшим своим окружением, обходился зна-

чительно дешевле. На его содержание могли выделить небольшой уезд или даже дворцовую волость, и в этом случае Чингисид мог проживать в Москве.

Вряд ли справедливы утверждения некоторых ученых, отмечающих, что внедрение татарских выходцев усугубляло эксплуатацию коренного населения, так как на земледельческое население возлагались обязанности по полному содержанию значительных военных отрядов [Хорошкевич, 2001, с. 284]. Чингисидам передавались только права на получение доходов с той или иной территории, причитавшиеся ранее московскому великому князю (царю) или его родственникам. В документах ни разу не отмечено, что передача доходов с уезда или волости служилому царю или царевичу означала какие-либо дополнительные сборы.

Отмеченный нами случай с касимовским царем Арсланом б. Али, скорее всего, исключение (речь идет о злоупотреблениях Арслана по отношению к населению касимовского посада, вызвавших разбирательство в Москве) [Беляков, 2006], т. е. явное злоупотребление, с подобными которому в Москве старались бороться.

Проживание в иных городах

Проживание Чингисидов отмечено и в других русских городах. Но там они находились на иных условиях: в первую очередь, как кормовые или почетные пленники.

Москва

В столице в конце XVI–XVII вв. постоянно или длительное время проживали многие Кучумовичи. Именно здесь следует искать в конце XVI в. царевича Абу-л-Хайра. Отмечен здесь и царевич Мухаммед-Кул [Груневерг, 2013, с. 235]. В 1600 г. в Москве решила остаться и часть плененных в 1698 г. сибирских цариц: «Сибирскова царя Кучюмова Левкал царицы да Кучюмовых детей Алея царевича Кондазе царице, Тинохметове дочери, да сыну ее Янгашу царевич, 6 лет, да Каная царевича Танай царице, Урусове дочери, да дочери ее Каны царевне, да имилдешеве дочери, да трем женкам служащим, да двум ребятом, всего одинатцеть человеком» [РГАДА. ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1, л. 4].

В XVII в. в Москве практически безвыездно жил ургенчский царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед. Он был женат на дочери сибирского царевича Азима (Хаджима) б. Кучума Алтынсач. Здесь же несли постоянную придворную службу практически все крещеные сибирские и касимовские царевичи во второй половине XVII в.

Ярославль

Этому городу в XVII в. суждено было стать своеобразной столицей Чингисидов и иных знатных мусульманских выходцев в России. Хотя можно предположить, что это произошло несколько ранее, еще в конце XVI в. (между 1591 и 1593 гг.) и первоначально было связано с поселением в городе (по неизвестным причинам) отдельных представителей двора крымского царевича Мурад-Гирея [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1621 г., д. 12, л. 3; 1626 г., д. 4; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 113–11]. Позднее здесь появились и Кучумовичи; они проживали в этом городе и получали натуральные и денежные дачи на свое содержание из его доходов.

Попытаемся наиболее полно восстановить список Чингисидов и их родственников, в разное время отмеченных в городе.

Сибирский царь Али б. Кучум не являлся кормовым Чингисидом, так как владел поместьем в Ростовском уезде. Но после Смуты, по-видимому, в основном проживал в городе. Можно предположить, что здесь он появился ок. 1614 г. С ним вместе жили его жены. В России известны, как минимум, две из них: мать царевичей Кутлугана и Янсюера [Миллер, 2000, с. 37], а также мать царевича Хансюера царица Кандаза [АИ, т. 2, с. 1–21]. Не позднее 1628 г. царь просил для себя новый двор, но удовлетворили ли его просьбу, неизвестно [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 10, л. 16]. В 1641 / 1642 г., по его челобитной, престарелому Чингисиду разрешили поселиться у своего внука, касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана, в Касимове [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35, л. 54].

Сибирский царевич Алтанай б. Кучум проживал в городе приблизительно с 1615 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 5]; здесь же он женился и жил со своей семьей, тремя женами, двумя сыновьями и дочерью приблизительно с 1618 г. и до своей смерти

(ок. 1655 г.). Его сыновья Дост-Мухаммад и Иш-Мухаммад после принятия православия (1654 г.) покинули город, хотя дворовыми местами продолжали по-прежнему владеть. Две супруги Алтаная после смерти мужа продолжали проживать в Ярославле до своей смерти: ханым Джан-тата Алеева мирзина дочь (не ранее 1688 г.) и Девлет-пача Смолянова (между 1673 и 1677 гг.). Дата смерти другой его супруги, дочери сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула, также постоянно проживавшей в Ярославле с 1618 г., неизвестна. Мы можем только предполагать, что смерть случилась до 1654 г. [Беляков, 2005]. Статус Алтаная — ярославский кормовой царевич.

Сибирского царевича Хансюера б. Али в 1638 г., по челобитью его отца Али б. Кучума и дяди Алтаная б. Кучума, отпустили из тюрьмы в Великом Устюге на поруки в Ярославль [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1638 г., д. 4; Описание, 1990, с. 328]. Скорее всего, он умер ок. 1640 г.

Сибирский царевич Кутлуган б. Али известен в городе, как минимум, с 1618 г., но, возможно, его поселили здесь ранее, ок. 1615 г. Умер он в городе 2 октября 1623 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 7–8], по своему статусу — ярославский кормовой царевич.

Ярославские кормовые царицы: вдовы сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула — Алма-бике, дочь касимовского царя Арслана б. Али и царицы Фатимы султан Шакуловой, и падчерица Арслана, сестра касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана Ай-ханыш. В Ярославле они появились, скорее всего, сразу же после смерти супруга в 1618 г. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1624 г., д. 1; 1626 г., д. 59, л. 89–93; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 7, 31].

Вдова сибирского хана Кучума царица Аксюрюк упоминается в городе в 30-е гг. XVII в. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 15, л. 2; 1635 г., д. 7].

Жена (вдова) касимовского царя Арслана б. Али Наг-салтан (Нагел-салтан) Карамышева дочь Мусайтова в 1620 г. без развода была отправлена своим супругом на жительство в Ярославль к ее родственникам, кормовым сибирским мирзам Карамышевым. Здесь она известна до середины XVII в. как ярославская кормовая царица [Беляков, 2006, с. 20, 29; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4, л. 3; 1650 г., д. 6]. Жила отдельно от остальных Карамышевых, возможно, со своей бабкой, дочерью хана Кучума и царицы Лили-

лак, царицей Нал-ханишой. В 1646 г. Нал-ханиша здесь же вышла замуж за ногойца Девлет-Мамета мирзу Шейдякова [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1646 г., д. 113а, л. 76; ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1].

Вдова касимовского царя Арслана б. Али царица Карачаца (в первом браке за сибирским царевичем Азимом б. Кучумом) с двумя дочерьми — Алтин (от первого брака) и Салтыкай (от второго брака) — переехала в Ярославль вскоре после смерти супруга и отца. Карачаца умерла в 1628 г. Алтин вскоре стала женой хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда и переехала в Москву [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 20–21; ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4, л. 3]. Они относились к ярославским кормовым татарам с 1628 г.

Вдова касимовских царей Мустафы-Али б. Абдулы, Ураз-Мухаммеда б. Ондана и Арслана б. Али царица Салтан-беке с 1628 г. получала корм из ярославских доходов (входила в список ярославских кормовых татар), хотя продолжала жить в Касимове [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4].

Сибирская царевна (далее царица) Молдур, дочь хана Кучума, относилась к ярославским кормовым татарам с 1628 г. вплоть до своей смерти (после 1659 г.). Здесь же жил ее муж, ногойский мирза Девлет-Мамет мирза Еналей мирзин сын Шейдяков [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1; 1652 г. д. 9, л. 3; ф. 141, оп. 1, 1646 г., д. 113а, л. 73].

Дочь царя Кучума царевна Турпача в списке ярославских кормовых татар с 1628 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 10, л. 2].

Дочь царевича Сеид-Кула Бохты ханыш, жена Сафар мирзы Алей (Сафар-Али мирзы?) мирзы Шейдякова (1649–1650 гг.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 7, л. 1, 3; 1650 г., д. 6, л. 1, 3], также находилась в списке ярославских кормовых татар.

Имеются косвенные данные, позволяющие предположить, что ярославским кормовым царевичем являлся и сибирский царевич Андрей Кучумович, проживавший в Ростове [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12; ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–20, 93]; по крайней мере, в марте 1619 г. ему велено было дать из ярославских доходов деньги «в оклад» [Приходо-расходные, 1912, стб. 750].

Можно предположить, что в XVII в. кормовых Чингисидов, где бы они ни жили, делили по городу, из которого они получали содержание, на московских и ярославских.

Помимо этого, в Ярославле проживала группа знатных сибирских выходцев, в частности мирзы Карамышевы и внук сибирского карачи Семен Кошаков карачин Маметев.

Касимов

Мы вынуждены упомянуть этот город во второй раз. Дело в том, что здесь проживало большое количество родственников касимовских царей и царевичей. Форма их содержания нам неизвестна, но, скорее всего, все они кормились за счет доходов касимовских царей и царевичей. В XVII в. здесь появляются кормовые и поместные Кучумовичи. Можно предположить, что сибирский царевич Арслан б. Али проживал в городе еще до провозглашения его касимовским царем.

Сибирская царевна Турпача, дочь хана Кучума, жила в городе до 1628 г.; сибирская царевна Молдур, дочь хана Кучума, жила в городе до 1628 г.; сибирская царица Нал-бике, дочь хана Кучума, отмечена в городе в первой половине XVII в. Их племянник, касимовский царь Арслан б. Али, построил им отдельные дома невдалеке от своего двора, где они и жили «по своим хоромам» до 1628 г. Интересна и непонятна формулировка, по которой царица Нал-бике решила остаться в Касимове: «у родителей в Касимове умереть» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 10]. В разряд кормовых татар царевен перевели в 1628 г. или даже 1627 г. Как мы уже видели, царицы жили и в Ярославле.

Жена (вдова) касимовского царя Арслана б. Али царица Карачаца (в первом браке за сибирским царевичем Азимом б. Кучумом) с двумя дочерьми проживали здесь до 1628 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 10].

Вдова касимовских царей Мустафы-Али б. Абдулы, Ураз-Мухаммеда б. Ондана и Арслана б. Али, царица Салтан-бике с момента первого замужества и до своей смерти (не ранее 1633 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12; ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–20, 93]) она почти постоянно проживала в городе, за исключением некоторых этапов Смутного времени. Тогда она, вполне возможно, могла находиться у родственников в Романове.

Вдова касимовского царя Арслана б. Али царица Фатима-салтан Шакулова, по-видимому, жила в городе всю свою жизнь. После

смерти супруга, напомним, ее велели содержать из пожалованных им доходов сначала сыну, царевичу Сеит-Бурхану (Василию Араслановичу), а затем внукам — царевичам Ивану и Семену [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1].

Сибирский царь Али б. Кучум по своей челобитной 1641 / 1642 г. поселился в Касимове, где и умер 27 октября 1649 г. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1649 г., д. 35, л. 54]. Своего дома в городе не имел и, судя по всему, проживал на дворе внука, касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана.

Вдова ургенчского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда перебралась сюда к родственникам со своей малолетней дочерью Кутлусат осенью 1648 г., сразу же после смерти супруга [Беляков, 2007а, с. 110; РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1649 г., д. 35, л. 97–100]. По-видимому, она находилась в списке московских кормовых татар.

Касимовский царевич Яков (Иаков) Васильевич по неизвестным причинам проживал не с остальной семьей в Москве, а у бабки в Касимове. Здесь же он и умер достаточно молодым, в 1677 г. Скорее всего, как мы уже говорили ранее, это было связано с каким-то серьезным хроническим заболеванием (возможно, психическим расстройством).

Помимо этого, в городе в начале XVII в. могли проживать сибирские царевичи, испомещенные в Мещере или же упоминаемые в связи с этим регионом: Мола б. Кучум [Документы, 1994, с. 419], Азим б. Кучум, Хансюер б. Али [Документы, 1994, с. 120]. Также известно, что в 1600 г. сюда просился ряд сибирских цариц с детьми и царевен, родственницы и свойственницы Ураз-Мухаммеда: царица Сююнджан (мачеха касимовского царя) с тремя дочерьми, Тюрчюк царевной, Молдур царевной и Карачай царевной, царица Зендевет, дочь Кучюма Кумыз царевна (двоюродная сестра Ураз-Мухаммеда), да «три жонки служащие» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 160 г. д. 1, л. 2–3].

Бежецкий Верх

В 1600 г. к сибирскому царевичу Мухаммед-Кул б. Атаулу просился на постоянное жительство ряд сибирских цариц с детьми и царевен: «Салтаным царица, Тулумбек царевна, Ақтулум царевна, Молла царевич, Егуп царевна, Ақсюрюк царица, Ақ-ханым царевна, Бегей мурзины дети Енмамет мурза да сестра его Нал-хадишь,

Шевлель царица да 4 жонки служащих, а также сибирские татары Байтерек с женою и дочерью, да Текей аталык» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 160 г. д. 1, л. 3].

Ростов

В городе в 1613/1614 г. женился сибирский царевич Мола б. Кучум. Здесь, возможно, он и жил [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 1, д. 5].

Владимир

В этом городе зафиксировано присутствие только одного Чингисида — в 1623 г. Сюда на жительство отправлен сибирский царевич Андрей Кучумов [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 5].

Вологда

В эпоху Смуты в Вологде нашли временное прибежище ряд сибирских Чингисидов. В основном это были многочисленные жены и малолетние дети сибирских царей и царевичей, вывезенные в разное время в Россию. За городскими стенами, в стороне от основных событий, они пытались пережить тревожные времена (через Вологду в Смутное время шел путь из Сибири в Москву [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 11, л. 232–234]). В их числе следует видеть царевича Алтаная б. Кучума, жену царя Али б. Кучума с двумя сыновьями (Канчувар и Янсюер), сестру Али, двух жен царевича Азима б. Кучума с двумя дочерьми (в том числе, царицу Карачацу и царевну Алтын).

Каргополь

В 1634 г. в город был сослан сибирский царевич Тявка (Тауке) б. Ишим, плененный во время набега на Уфу [Беляков, 2016].

Белоозеро

Белозерский край был постоянным местом ссылки опальных вельмож, военнопленных и заложников. Содержание ссыльных

являлось повинностью местного населения, замененной в XVII в. денежным сбором «закладным мурзам и языкам за корм» [Веселовский, 2002, с. 277–278].

В XVII в. в городе под замком в 1634–1644 гг. содержался сибирский царевич Аблай б. Ишим б. Кучум. В 1644 г. он изъявил желание креститься. Его, по царскому указу, отдали под начало в Кирилло-Белозерский монастырь. 20 февраля 1645 г. он крестился и стал Василием Ишимовичем Кучумовым, после чего проживал в монастыре до весны (марта?) 1648 г. [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 25–28, 31–32].

Соликамск и Великий Устюг

Эти города оказались связанными с именем сибирского царевича Хансюера б. Али. Известно, что ок. 1613–1615 гг., как написано в деле — «с бою с пьяну», царевич отъехал из-под Смоленска, из полка воеводы стольника Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и Ивана Федоровича Троекурова, в Польшу. Но здесь он не нашел ожидаемого приема и через некоторое время («годы с три») перебрался в Крым. При дворе Гиреев он, судя по всему, достиг определенного положения, отвечающего его претензиям.

В другой ситуации он нашел бы здесь свое последнее пристанище, но судьбу царевича вновь скорректировала очередная смута в Крыму, вызванная борьбой за трон. Первоначально турецкий султан решил сменить Джанибек-Гирея на Мухаммад-Гирея, что не повлияло на судьбу царевича. Но когда в Крым возвратили Джанибек-Гирея, то Хансюер со своими людьми (7 человек) вынужден был бежать с царем Мухаммед-Гиреем и калгой Шан-Гиреем «за пороги в Черкассы». Весной 1629 г. опальные Гиреи, запорожские черкасы («с тридцать тысяч») и ногайские татары Казыева улуса Аллакуват мирзы б. Азамат мирзы (1000 человек) собрались в поход на Крым. Но Джанибек-Гирей заранее вывел за Перекоп свое 40-тысячное войско, и Мухаммед-Гирей и черкасы потерпели поражение в бою, данном между Днепром и Перекопом. Черкасы собрали повозки в круг и попытались обороняться в получившемся таборе в течение трех дней, но отсутствие воды сделало свое дело. На четвертый день черкасы побежали, перебив многих татар Мухаммад-Гирея и самого царя, «с сердца, что им учинился побой».

Калга Шан-Гирей с немногими своими людьми побежали в Кабарду (на Таманский полуостров) в казыев кабак (кабак — в данном случае поселение) к Аташук мирзе, родственнику своей матери. С ним был и царевич Хансюер. В урочище Тюгульник на них напали донские казаки. Царевича и еще одного татарина пленили и летом того же года доставили в Москву, где его велели отправить с приставом в Соликамск и приказали держать в специально построенной тюрьме [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г., д. 2; 1635 г., д. 1; 1638 г., д. 4].

На этом история, однако, не закончилась. Весной 1635 г. в Соликамске стало известно о готовящемся набеге на город калмыков, подговариваемых к этому сибирским царевичем Аблаем б. Али, братом Хансюера. Город был «худ, погнил и обвалился; а на городе и в твоей государеве казне наряду и зелья, и свинцу мало, и служилых людей детей боярских и казаков, и стрельцов нет», к тому же 14 июня в городе случился сильный пожар. Царевича велели перевести в Устюг Великий, куда его привезли 21 августа. Здесь он просидел до 1638 г., будучи передан на поруки своему отцу, сибирскому царю Али б. Кучуму и дяде царевичу Алтаная б. Кучуму, в Ярославль. Здесь он и умер не позднее 1640 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 1, л. 5–29; Беляков, 2005, 24, 29–30; Опись, 1990, с. 328].

Галич

В городе в 1662 г. отмечено проживание сибирского царевича Хансюера б. Аблая [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, д. 8219, 8557; ч. 11. д. 15669], плененного незадолго до этого в Уфимском уезде [Боярская, 2004, с. 45]. Вместе с царевичем здесь также следует искать его сына.

Новгород

В Смутное время этот город оказался связанным с судьбой целого ряда сибирских Чингисидов.

После добровольной сдачи русским воеводам в 1607/1608 г., сибирского царевича Алтаная б. Кучума везли в столицу окольным путем. В Вологде стало известно, что путь на Москву закрыт Лже-

дмитрием II. Тогда сибирский царевич, по распоряжению боярина и воеводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, отправился в Новгород. В Новгород из Вологды несколько позднее поехала жена царя Али б. Кучума с двумя сыновьями (Янсюер и Кутлуган?), двумя женами царевича Азима (одна из них, Карачаца, впоследствии станет женой касимовского царя Арслана б. Али, своего племянника) и двумя дочерьми (дочь от Карачацы, Алтын, впоследствии станет женой ургенчского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда). Скорее всего, они покинули город до занятия его шведами [Миллер, 2000, с. 37]. Сам царевич оставался здесь вплоть до захвата города шведами 11 июля 1611 г., и с этого момента Чингисид оказался в положении знатного пленника, что, однако, не помешало ему вместе с новгородцами во главе с князем Федором Оболенским совершить попытку неудачного побега. После поимки положение Алтаная резко ухудшилось, его «привели к пытке» и отправили в ивангородскую тюрьму. Здесь ему пришлось просидеть довольно долго, пока в начале лета 1614 г. царь Михаил Федорович не велел обменять его на пленного воеводу г. Волмера. Размен происходил в г. Гдове, а в середине июля Гдов осадили шведские войска. Осада продолжалась, по сообщению царевича, 8 недель. 25 августа осаду возглавил шведский король и тотчас отдал приказание начать подготовку к минированию и штурму. 10 сентября жители Гдова решили добровольно сдаться на милость победителя. Дело в том, что после двух штурмов крепость оказалась сильно разрушена, и защитникам крепости разрешили беспрепятственно покинуть ее. Алтанай воспользовался этим и отправился в Псков [Видекин, 2000, с. 325–326, 611]. Из Пскова его отпустили в Москву [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 3–5; Беляков, 2005].

Нижний Новгород

В Смутное время в городе проживал сибирский царевич (так в документе) Алей б. Кучум со своей семьей. В документе он упоминается 15 апреля 1609 г. [Русский, 2012, с. 170–171; Подвиг, 2011, с. 43]. Чингисид застрял в городе по дороге из Сибири в Москву. Мы вправе предположить, что он оставался здесь достаточно долго.

Казань

Через город пролегал путь многих представителей «золотого рода». Некоторые из них задерживались здесь несколько дольше. Так, в казанской тюрьме осенью и зимой 1635/1636 г. содержались сибирские царевичи Аблай б. Ишим и Тауке (Тявка) б. Ишим, захваченные в плен во время их неудачного набега на Уфу [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 2].

Мы можем предположить, что ок. 1614 г. здесь вместе со своим мужем (ногайский мирза Джан-Арслан б. Урус) и сыном (Тук, в крещении Иван) проживала одна из дочерей хана Кучума [Беляков, 2014; Трепавлов, 2003, с. 336, 338].

Уфа

Через Уфу пролегал путь в европейскую Россию практически всех Кучумовичей. Через этот же город для некоторых из них лежала дорога обратно в Сибирь. Известно, что в августе 1603 г. в городе проживало несколько жен хана Кучума «по старому» [Материалы, 1936, 335].

Самара

На зиму 1600/1601 г. некая сибирская царица с сыном и мамкой, ехавшие в Москву, вынуждены были из-за болезни остаться в Самаре приблизительно на полгода [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 1–1 об.; Беляков, 2014].

Упомянем еще монастыри, в разное время по тем или иным причинам оказавшиеся связанными с Кучумовичами и их ближайшими родственниками. Московские обители, под начало которых отправляли желавших принять православие, мы отчасти упоминали ранее.

В Кирилло-Белозерском монастыре с 1644 по 1647 гг. проживал сибирский царевич Василий Ишимович [Беляков, 2016].

8 апреля 1667 г. по царскому указу сибирский царевич Петр Алексеевич, чтобы его «от пьянства вытрезвить», был послан в Саввин-Сторожевский монастырь, пользующийся особым покровительством дома Романовых [Любимов, 1915, с. 66].

* * *

Таким образом, следует признать, что список городов, в которых проживали кормовые Кучумовичи, за исключением тех случаев, когда они попадали в «нятство», оставался ограниченным. К тому же он постоянно сокращался, в конечном счете — до Москвы, Касимова и Ярославля. Дольше всего по времени данный статус сохранялся за Ярославлем. Московские и касимовские царевичи превратились в поместных. При этом следует отметить, что Москва стала основным местом пребывания крещеных Чингисидов во второй половине XVII в., регулярно участвовавших в тех или иных придворных церемониях.

Земельные владения Кучумовичей

В нашем распоряжении имеется информация о поместьях и вотчинах Кучумовичей конца XVI—XVII в. Для удобства приведем ее, сгруппировав по уездам.

Алексинский уезд. В 1613 г. здесь отмечены поместья сибирского царевича Андрея Кучумовича [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 10359, л. 879 об.].

Бежецкий Верх. До 1591 г. Ураз-Мухаммед б. Ондан владел селами Гори и Пилиха с деревнями в Городецком стане. Но уже 19 мая 1591 г. с. Гори числится в поместье за Константином и Криком Даниловыми [Акты, 1998, № 117, с. 120; Акты, 2002, № 108, с. 94–95].

В уезде ок. 1600 г. упоминаются поместья сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1].

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в казну 18 пустошей [РГАДА, ф. 248, № 1110, л. 1984 об.].

Белевский уезд. В 1697 г. сибирский царевич Василий Алексеевич продал Прокопию Воейкову 140 четей в с. Спасском Погорельского стана «с иными вотчинами и со крестьяны...» [РГАДА, ф. 1209, Белев. Дела старых лет, кн. 15554, л. 109 об.].

Большесольский уезд. Согласно явочной челобитной приказчика вотчины сибирского царевича Арслана б. Али заозерских деревень от 30 ноября 1612 г., у царевича имелись поместья в этом

уезде [Описание, 1902, с. 173–174, 190; РГАДА, ф. 1030, оп. В (3). 1612 г., д. 2, л. 1]. Пожалование было осуществлено не ранее 1604 г. В начале 1613 г. его заменили на поместья в Касимовском и Елатомском уездах; размер поместья превышал 1000 четей в одном поле.

Владимирский уезд. Царю Шах-Али б. Шейх-Аулиару принадлежали сенные покосы по Оке в Гусской волости, дававшие оброку 15 руб. в год [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 20]. Какими-то землями в Гусской волости владел Ураз-Мухаммед б. Ондан [Русский, 2012, с. 121]. В 1640 г. в Гусской волости Сеит-Бурхан по закладу приобрел у Василия Петровича (1700 руб.) и Алексея Ивановича и Никиты Ивановича Головиных (900 руб.) их родовую вотчину — жеребей на Гусском погосте, деревни Степаново, Митино (Стрельцово), 3 жеребия деревни Онишино, полдеревни Олешино, полдеревни Михайлово (Микишкино), полдеревни Клоково (Протасово), полдеревни Истомино, полпустоши Пекино (Семейково), пустошь Пукино, полпустоши Вертушка (Зюзино), полпустоши Ушаково. В 1620 г. за московское осадное сиденье прихода царевича Владислава окольник Федор Васильевич Головин получил в вотчину из своего владимирского поместья 400 четвертей. После смерти окольника и его семьи вотчина в равных долях досталась Алексею Ивановичу, Ивану Ивановичу, Петру Петровичу и Василию Петровичу Головиным. Половина вотчины была заложена касимовскому царевичу. При выкупе вместо 300 четей в вотчине оказалось 357 четей с осьминою [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1642 г., д. 5, л. 38; ф. 1209, оп. 4, кн. 5984, л. 886–928]. Концовка дела не сохранилась, но, вероятно, за царевичем остались все упомянутые земли. Позднее царевич, возможно, приобрел оставшуюся часть вотчины. Следует отметить, что по другим источникам вотчина Василия Петровича Головина д. Степановская (200 четей земли, 23 двора с полудвором) значатся за царевичем уже в 1638 г. [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Москва № 2, л. 44 об.]. По данным О. А. Шватченко, до 1646 г. Сеит-Бурхан приобретает с. Гусский Погост Владимирского уезда (92 крестьянских двора, 252 души мужского пола), но в вотчине Головиных на момент заклада значится 76 дворов, в том числе 2 пустых, с 212 крестьянами и бобылями, а также один вотчинный двор с дворником [Шватченко, 1996, с. 53; РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5984, л. 886–928 об.]. В 60-х гг. XVII в. царевич Василий

Арасланович продал купленную вотчину (или ее часть) в Гусской волости патриаршему дьяку Ивану Афанасьевичу Кокошилову. При этом за три крестьянские семьи ему заплатили 200 руб. серебром [РГАДА, ф. 141, 1659 г., д. 29, л. 182]. По другим данным, до 1664 г. касимовский царевич заложил с. Гусский Погост И. А. Кокошилову за 1600 руб. [РГАДА, ф. 141, 1659 г., д. 29, л. 185; Бусева-Давыдова, 2006, с. 137–138]. 11 июля 1663 г. царевич Василий Арасланович дал на выкуп Алексею и Михаилу Петровичам Головиным родовую вотчину с. Степаново с деревнями и пустошами (468 чети) Гусской волости, что заложили и просрочили их дядя Василий Петрович и Алексей Никитич [РГАДА, ф. 1209, Рыльск и Путивль молодых лет, кн. 10729 / 58, л. 82]. В 1678 г. в уезде еще упоминается небольшая вотчина царевича Василия Араслановича (5 дворов, 20 душ мужского пола) [Шватченко, 1996, с. 70].

Вологодский уезд. 11 июля 1613 г. «отказали сибирскому царю Алею Кучимовичу с детьми Хансюяром и Яншиком в поместье» в Вологодском уезде село Никольское Старое на р. Кубенице с 17 деревнями, на 1050 чети против отписанного на государя пошехонского их поместья. В них 93 двора, 93 человека. Однако ниже отмечается, что пашни было все же меньше. Пашни паханной — 176 чети, перелогом — 12 чети, лесом поросло — 250 чети. Всего земли — 438 чети [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 14863, № 62, л. 567–571 об.].

Отмечены земли, принадлежавшие некоему касимовскому царевичу (Василию Араслановичу?) в конце XVII в. [РГАДА, ф. 1209, оп. 78. Алфавит по Вологде, л. 151 об.].

Вяземский уезд. На рубеже XVII–XVIII вв. отмечены поместья касимовского царевича Ивана Васильевича [Шватченко, 2002, с. 212] в половине верхней трети Сычевской волости, погост с. Хотково с селами и деревнями (на самом деле, погост Хоткевский, погост Спасский (с. Молгино у пруда), погост Покровский у Днепра) [РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 46, 104–104 об.]. В 1691 / 1692 г. эти земли были пожалованы в вотчину из дворцовых земель боярину Федору Петровичу Салтыкову. В этом же году половину вотчины боярин отдал в приданое за своей дочерью Феодосией Федоровной. На ее долю пришлось 2667 четей (1333 десятины?) земли и 384 крестьянских и бобыльских дворов. По другим данным, только 182 двора. После смерти Ивана Васильевича эта вотчина в 1713 г. вернулась в род Салтыковых [РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 512, л. 96–98].

Галичский уезд. В 1701 г. имелась вотчина сибирского царевича Дмитрия Алексеевича [Шватченко, 2002, с. 212]. Это приданое его жены Ксении Владимировны, урожденной Долгоруковой, деревня Привалкино в Вижской, Валуевской и Заболоцкой волостях, сельцо Бояриново с деревнями (54 двора, 142 души мужского пола; по другим данным, 91 двор) [Шватченко, 1996, с. 90; РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119].

Елатомский и Касимовский уезды (Мещерский край). Историческая география Мещеры достаточно сложна. В XVII в. Мещерский край составляли 3 стана: Подлесский, Замокошский и Борисоглебский, дворцовая Конобеевская волость и волости в районе р. Оки (Бабинская, Рубецкая и Давыдовская). Понятие уезда в применении к этому региону было очень неточным и неустойчивым. В составе Мещерского края в XVII в. описывались Шацкий, Касимовский, Елатомский и Кадомский уезды. Вся эта территория часто называлась Шацким уездом. В то же время, на территории Борисоглебского стана находились города Елатьма и Касимов, на территории Замокошского стана — города Кадом и Темников. Елатомский и Кадомский уезды для XVII в., по сути, условные понятия без конкретных границ. Их территория одновременно входила в состав Шацкого и Касимовского уездов соответственно и не имела самостоятельного статуса [Дубинская, 1967, с. 11–12]. Поэтому мы считаем возможным объединить землевладение этих уездов, тем более что один и тот же населенный пункт в разное время значителся то в одном, то в другом уезде.

После смерти касимовского царя Мустафы-Али б. Абдулы его вдове Салтан-бике дали на прожиток некую деревню из поместья своего супруга. Она принесла ее в приданое своему новому мужу, царю Ураз-Мухаммеду [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 19–21, 89–93].

За касимовским царем Ураз-Мухаммедом значатся сельцо Ермолово, село Беляково (Царево тож), сельцо Вежи с деревнями и пустошами [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 26; 1695 г., д. 1, л. 3]. Скорее всего, одно из этих сел принадлежало царице Салтан-бике.

В 1614 г. касимовскому царю Арслану б. Али пожаловали поместья Ураз-Мухаммеда. Вполне возможно, именно о них говорится в книге печатных пошлин Печатного приказа за 14 ноября

1613 г. В документе упоминается о 2036 четьях [Документы, 1994, с. 324]. Скорее всего, несколько ранее ему дали дворцовое село Ерахтур с деревнями (1328 чети с полчетвериком). Жалованная грамота уже касимовскому царю Арслану б. Али на Касимов с кабаками, перевозами, таможенными пошлинами, рыбными ловлями, санными покосами и мельницами, а также 7 сел с приселками и 8 деревень, запечатана в Печатном приказе 6 июня [Документы, 1994, с. 372]. Но по другим данным, жалованная грамота за красной печатью была дана еще 6 марта 1614 г. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1622 г., д. 8. л. 50, 57, 130; ф. 131, оп. 1, 1621 г., 1627 г., д. 1]. В 1627 г. по писцовым книгам за царем значилось только 4 села, 1 сельцо, 9 деревень и 7 пустошей, но общая площадь пашни (скорее всего, за счет новой распашки) стала составлять уже 3795 четей в поле [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 84]. Прибавка составила 431 четь. Однако по справке из Посольского приказа за Чингисидом в 1638 г. значилось только 2195 четей земли, 417 дворов, а в них 867 душ мужского пола [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Москва № 2, л. 44.]

В 1626 г. они перешли к его сыну царевичу Сеит-Бурхану (Василию Араслановичу) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 5–6]. В 1679 г. их наследуют царевичи Иван и Семен Васильевичи, владевшие ими сообща. В 1682 / 1683 г. братья дали село Беяково и деревню Власово в приданое за своей сестрой Евдокией боярину М. К. Нарышкину. Но на следующий год они «поворотили» эти земли, и, скорее всего, данные земли заменили деньгами или другими землями [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 32]. При полюбовном разделе поместий в 1691 г., Семену отошли села Ерахтур и Мышца с деревнями Шишкино, Большие и Малые Пекселы, Куземкино, а Ивану — села Ермолово, Беяково, Шоста, с деревнями, 15 дворов посадских татар, а также недавно приобретенные пустоши Асанаковская и Левинская в деревнях Болотцы и Исееве. Нерушимость раздела братья решили скрепить обязательством не бить челом на поместья друг друга, «а будет в чем не устоят, и на том хто по записи не устоит, и на женех, и на детех взять 15 000 рублей» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 1, 25–26].

У нас имеется возможность частично выяснить, какие доходы получали Чингисиды со своих поместий.

Касимовскому царю Арслану б. Али ежегодно с села Ерахтур и сельца Мышца, без деревень, шло 300 четей «разного» хлеба, 40

полтей свиного мяса, 30 баранов. На Пасху, Петров день, Масленицу и один из татарских праздников (Ураз Байрам?) ему давали по 7 пудов меда пресного, 3 пуда масла коровьего, 33 барана. Крестьяне косили и возили сено (3000 копен), заготавливали дрова, поставляли и возили запасы в Москву и в Ярославль самому царю, его отцу и «братъеи» по 50 и больше подвод, дважды в год ловили на озерах рыбу (5–8 возов). Верховой медовый оброк приносил 29 пудов меда.

С 1624/1625 г. Араслан Алеевич стал требовать еще и по 150 руб. деньгами на год. В Елатомском уезде за царем были сельцо Котурово и деревня Беляково (Царево тож), сельцо Вежи с деревнями, «чем пожалован был прежний касимовской царь Ураз-Магмет» (95 крестьян). Об их повинностях известно не все. Крестьяне «делали всякое изделие», косили сено (1500 копен), давали ежегодно по 15 баранов [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 26].

После смерти Семена Васильевича (1691/1692 г.) его вдова, княгиня Мария Юрьевна, вышла второй раз замуж в 1694/1695 г. за стольника князя Василия Лукича Долгорукова, принесла в приданое в том числе и поместные земли своего первого мужа [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1; Черников, 2003, с. 223].

Этот брак вызвал длительную судебную тяжбу по поводу того, чем являлись земли в Касимовском и Елатомском уездах — поместьями или родовыми вотчинами.

Дело в том, что по закону родовые вотчины должны были оставаться в роде, поэтому после смерти бездетного Семена все его земли должны были отойти его брату Ивану. С этим не соглашались вдова княгиня Мария Юрьевна и ее новый муж князь В. Л. Долгоруков. Поэтому в Посольском приказе составили справку, в которой изложена вся история вопроса. В первой половине XVII в. земли в Касимовском и Елатомском уездах однозначно называются поместными. Так, в жалованных грамотах 1638/1639 и 1640/1641 гг. они упоминаются как поместья, хотя одна из сторон и утверждала, что поместий за дедом (Арсланом б. Али) и отцом (Василием Араслановичем) не было, потому что не было поместного оклада. Грамоту на владение наследственными землями двое оставшихся в живых царевичей, Иван и Семен, получили осенью 1680 г. Есть упоминание, что уже в ней царевичи названы вотчинниками. В 1683/1684 г. Иван и Семен Васильевичи били челом о переводе поместий в вот-

чины. Речь, судя по всему, шла о селе Ерахтуре и прилегающих к нему деревнях. Дело, вероятно, закончилось для них благополучно, но грамоту о вотчинах они по каким-то причинам не получили. Есть документ, в котором М. К. Нарышкин называет вотчиной с. Беляково с пустошами, что было дано ему в приданое за женой [РГАДА, ф. 159, оп. 2, № 2998, л. 39]. Теперь, когда с. Ерахтур досталось князю Долгорукову, Иван Васильевич вспомнил о забытом челобитье. Дело затянулось более чем на 10 лет, и пока шла тяжба, княгиня Мария Юрьевна по-прежнему продолжала владеть этими землями. Спор, в конечном счете, закончился в пользу княгини [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1; ф. 159, оп. 2, № 4570, 4391, 1367, 2080, 2993, 2998; Беляков, Землевладение, 2005].

О. А. Шватченко утверждает, что в 1722 г. касимовские поместья царевича Ивана Васильевича как выморочные были отписаны на государя, несмотря на земельный иск князей Долгоруковых [Шватченко, 2002, с. 212]. Подтверждают эту информацию С. В. Черников и Д. Ю. Филиппов [Черников, 2003, с. 114; Филиппов, 2016].

Известно описание поместья Ивана Васильевича Касимовского по состоянию на 1723 г., но эти данные можно экстраполировать и на более ранний период.

Усадьба находилась в селе Селище (хоромное строение из трех сосновых светлиц с сенями и чердаком, баня, скотный и житный дворы, а также пруд с рыбой). В селе Беляково имелся иной двор. В 7 селах и 2 деревнях значилось 1848 человек обоего пола (977 м. п.). Крестьяне сел Селище, Векши, Которово, Лом (32 двора, 276 человек м. п.) отбывали барщину. Сажались озимая и яровая рожь, овес, ячмень, пшеница. Крестьяне села Беляково и деревни Власово (10 дворов, 67 человек м. п.) платили 30 руб. оброка. С села Ермолово полагалось 150 руб. оброка, а также 50 пудов свинины и 50 баранов. С села Шоста брали 100 руб. оброка, 2 пуда сала, 7 баранов, 50 пудов меда-сырца [Тихонов, 2005, с. 135–136].

20 мая 1613 г. была «запечатана» грамота в Касимов об отказе сибирским царевичам Азиму (Хаджиму) б. Кучуму и Хансюеру б. Али села Рубецкого с деревнями в поместье «по-прежнему» [Документы, 1994, с. 120].

3 июня 1632 г. вдова касимовского царя Арслана б. Али Нагсалтан дала касимовскому (ростовскому?) служилому татарину Мустафаю мурзе Мамаеву сыну Семендееву (ее сыну или пасын-

ку) 500 руб. в заклад выслуженной вотчины за московское осадное сиденье В. Шуйского из его поместья, сельца Бундово (Пенки), на речке Унже, Федосеевский починок, деревни Большое Сабурово и Меньшее Сабурово с половиной пустоши Колодино, половиной пустоши Тарасово, половиной пустоши Щетинино в Кумерской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда (15 крестьянских и 16 бобыльских дворов, 113 с осьминою четей в одном поле). Летом 1634 г. вотчина перешла в собственность царицы [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493–516 об.; ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 17]. В 1639 г. по закладу царица продала вотчину дьяку Федору Максимовичу Матюшкину за 1500 руб. На момент продажи в ней значилось пашни 127 четей в поле, 30 крестьянских и бобыльских, а также 6 «беглых» дворов [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6002, л. 4–10].

В 1694 / 1695 г. касимовскому царевичу Ивану Васильевичу было отказано с. Ломы Касимовского уезда [РГАДА, ф. 1124, оп. 1, 1698 г., д. 2-а, л. 2]. В 1676 г. в нем имелось 26 крестьянских приходских дворов, в д. Шепелево двор помещиков и 9 крестьянских [Книги, 2004, т. 1, с. 394].

Кашинский уезд. В начале XVIII в. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем значилось в Мерецком стане сельцо Летеево (двор вотчинника, в нем 8 человек, крестьянских дворов нет) [Шватченко, 2002, с. 133]. Есть упоминание, что у него имелось 7 пустошей [РГАДА, ф. 248, №1110, л. 1984 об.]. В Суходольском стане ему принадлежала треть деревни Турынино (5 дворов) [РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119]. В 1718 г. у Василия Алексеевича конфисковали сельцо Хотеево (дворовых людей 9 душ м. п., 13 душ ж. п., деловых людей (скотники?) 11 душ м. п. и 11 душ ж. п., мельница, а на ней 4 души м. п. и 5 душ ж. п., пашни 35 четей) и половина сельца Погорелово (деловых людей 24 души м. п. и 14 душ ж. п.), полудеревня Турынино (5 крестьянских дворов, 22 души м. п. и 22 души ж. п.) [Материалы, 1951, с. 121].

За князем Василием Аблаевичем по межевой книге 1699 г. значатся вотчины в Суходольском и Мерецком станах [Любимов, 1915, с. 69].

Керенский уезд. В 70-е гг. XVII в. в д. Тинбозе касимовскому царевичу Василию Араслановичу принадлежало 9 крестьянских и 14 бобыльских дворов. «А переведены те крестьяне и бобыли из села Ерахтура на наемной земле, что нанял у мордвы. А поместной

и вотчиной земли не сыскано» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 21].

Коломенский уезд. В начале XVIII в. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем в Левичинском стане значилось сельцо Собачино (двор вотчинника, в нем 12 человек, 4 двора крестьянских, в них 29 крестьян м. п.) [Шватченко, 2002, с. 133; РГАДА, ф. 248, 1161, л. 506].

Лебедянский уезд. Супруга касимовского царевича Семена Васильевича Мария Юрьевна, урожденная Трубещкая, принесла в приданое выслуженную вотчину своего отца Юрия Петровича, село Спасовка. После смерти царевича оно досталось ее второму супругу стольнику князю В. Л. Долгорукову [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 29, 38; РГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, стб. 988, л. 100; ф. 1209, оп. 1, кн. 231, л. 101; ф. 522, оп. 1, д. 83, л. 33–37 об.].

Московский уезд. Сибирскому царевичу Андрею Кучумову в Гоголевском стане принадлежала пустошь Хутынки (90 четей). После смерти царевича ею владела его вдова [Холмогоров, 1886, с. 263; РГАДА, ф. 1209, кн. 9807, л. 476].

Тетка царя Михаила Федоровича Ирина Никитична Годунова завещала касимовскому царевичу Сеит-Бурхану б. Арслану (Василий Арасланович) вотчину в Сетунском стане село Волыньское (28 дворов, 60 душ м. п., помещиков двор). В XVI в. село являлось дворцовым. При Федоре Ивановиче оно принадлежало его дядьке Андрею Петровичу Клешнину. В начале XVII в. им владел князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. После него по завещанию оно досталось И. Н. Годуновой. В селе имелась мельница с двумя колесами «немецкой работы». До 1653/1654 г. Сеид-Бурхан получал за нее от Новодевичьего монастыря по 2 руб. в год., а в 1661 г. она перешла в безраздельную собственность монастыря [РГАДА, ф. 281, Оп. 5 (Московский уезд), № 7286; ф. 1209, оп. 1, кн. 9809, л. 691 об.]. После Василия Араслановича село досталось в нераздельное владение его сыновьям, царевичам Ивану и Семену. При полюбовном разделе земель братьями в 1690/1691 г. Семен получил село Волыньское (двор помещиков и 9 крестьян), пустоши Ильинское, Сорокино, Протасово (Костино) и 16 четвертей с осьминою и четвериком в деревне Давыдково. После смерти Семена эти земли отошли его жене, княгине Марии Юрьевне. Она

принесла их в приданое своему второму мужу стольнику Василию Лукичу Долгорукову. Иван получил деревню Давыдково и пустоши Клешино и Осиновая слобода (пустошь Лазарково) [Шватченко, 1996, с. 53; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 27, 38]. И. Забелин утверждает, что в 1704 г. село Волынское принадлежало Ивану Васильевичу. Тогда в нем упоминаются сокольничий двор и недавно построенная каменная церковь Спаса Нерукотворного. В 1717 г. село с деревнями было передано родной его племяннице княгине Прасковье Юрьевне Хилковой, супруге князя Алексея Григорьевича Долгорукова [Забелин, 1873, с. 126–127; Холмогоров, 1886, с. 268–269]. Однако Ю. А. Тихонов отмечает, что в мае 1723 г. оно значится за царевичем Иваном Васильевичем (14 дворов, 41 человек мужского и 46 женского пола). Близ села стоял огороженный забором помещичий двор с четырьмя светлицами на подклетьях, «промеж ими столовая холодная, позади хором баня», скотный двор. За двором — большой сад (133 яблони, 33 груши, 33 вишни, смородина, крыжовник). Крестьяне сеяли на помещика рожь и овес, на лугах косили 200 копен господского сена. При этом отмечено, что лошади, хлеб и многое другое было вывезено людьми князя Алексея Григорьевича Долгорукова в его вотчину село Горенки; туда же перевели дворовых людей, в том числе конюхов и ткачей [Тихонов, 2005, с. 135, Материалы, 1951, с. 201–202].

Супруга сибирского царевича Петра Алексеевича, княгиня Анастасия Васильевна (Нагая), получила в наследство вотчину село Перхушково. Позднее оно значится за ее родной сестрой, княгиней Анной Васильевной Черкасской. В 1678 г. в нем были 31 крестьянский и бобыльский двор, а также 2 «постояных» двора [Холмогоров, 1886, с. 184].

В 1677/1678 г. царевичу Василию Араслановичу пожаловали село Минохино (Спаское, Манухино?) и 3 пустоши. Быть может, это те пустоши, что упомянуты при разделе земель царевичами Семеном и Иваном [РГАДА, ф. 9, Отдел 2, № 92, л. 17 об. — 18; Готье, 1937, с. 212]? Скорее всего, царевич владел им недолго. До этого оно принадлежало Артамону Сергеевичу Матвееву, и через несколько лет вновь значится за Матвеевыми [Холмогоров, 1886, с. 273–274].

18 октября 1680 г. вдове Марье Ивановне Грушецкой дали в поместье село Васильевское (Никольское). В 1688 г. она передала

его своим зятям, сибирскому царевичу Василию Алексеевичу и князю Федору Семеновичу Урусову. Свою половину царевич в 1697 г. променял Федору Алексеевичу Головину [Холмогоров, 1892, с. 69].

Касимовскому царевичу Михаилу Васильевичу принадлежала купленная вотчина в Чермневе стане, деревня Шабалово (Шишен-больцево) с пустошами (111 четей, 8 дворов). В конце XVII в. она числится за стольником князем Федором Богдановичем Долгоруковым и названа сельцом [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 23; ф. 159, оп. 2, д. 4391, л. 3; Кусов, 1998, с. 12, 14; Шватченко, 1996, с. 91].

В Почерневом стане касимовским царевичам Семену и Ивану принадлежала деревня Горенки. После них она досталась стольнику князю Даниле Григорьевичу Черкасскому [Кусов, 1998, с. 8].

В 1693 г. сибирский царевич Василий Алексеевич выменял у Страстного монастыря Пресвятой Богородицы деревню Акулово (Покровское-Акулово) Сетунского стана, это была купленная вотчина Александра Севастьяновича Хилкова. В том же году он продал ее своему брату Дмитрию. В начале XVIII в. за сибирским царевичем Дмитрием значится село Покровское (Акулово) — двор боярский, двор скотный, в нем 6 человек, 14 дворов, 22 души м. п. [Шватченко, 2002, с. 133; Забелин, 1873, с. 130; РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119]. Сельцо Острожек (15 дворов, 72 души м. п.) и деревня Косино были приданым его жены Ксении Владимировны, урожденной Долгоруковой [Шватченко, 1996, с. 90]. В 1719 г. владелицей числилась вдова Ксения Владимировна [Холмогоров, 1886, с. 178–179]. В литературе встречается ошибочное утверждение, что данное село находилось в Звенигородском уезде [Арсюхин, 2005, с. 315]. Скорее всего, произошла путаница в похожих названиях, Аксиньино — Акулово [Холмогоров, 1882, с. 58].

В 1717 г. касимовский царевич Иван Васильевич дал своей племяннице княжне Прасковье Юрьевне Хилковой пустошь Хохлову и Ильинскую [Шватченко, 1996, с. 73].

В 1649 г. за сибирским царевичем Василием Ишимовичем значится в поместье деревня, разоренная во время московского восстания 1648 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 3].

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Горетове стане сельцо Логинино с пустошами, а также село

Головино с пустошами (205 четей с полуосьминою, 12 дворов) [РГАДА, ф. 248, д. 1110, л. 1984–1984 об.]. Иные источники отмечают, что данное владение находилось в Сетунском стане [Материалы, 1951, с. 373].

Новоторжский уезд. В 1691 / 1692 г. сибирскому царевичу Василию Алексеевичу принадлежала вотчина село Брынково [РГАДА, ф. 1209, оп. 78, № 2188].

Оболенский уезд. После смерти вдовы сибирского царевича князя Андрея Кучумова княгини Ирины (старица княгиня Ираида) 9 мая 1646 г. ее зятю по завещанию достались 2 вотчины: $1\frac{1}{2}$ села Мамоново с $3\frac{1}{2}$ пустоши (208 четей) и село Доброе с деревней Ушаково и 14 пустошами (766 четей) [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6013, л. 82 об. — 87]. В селе Добром в 1646 г. значится 38 крестьянских дворов со 134 крестьянами м. п. [Шватченко, 1996, с. 152]. Быть может, здесь учитываются обе вотчины?

Перемышльский уезд. В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Озерском стане пустошь, что была деревня Горбатик (85 четей) [Материалы, 1951, с. 373].

Переславль-Залесский уезд. 8 января 1616 г. упоминается грамота о поместном дозоре по челобитью сибирского царевича Андрея Кучумовича [Документы, 1994, с. 419]. За вдовой царевича Андрея Кучумовича Ириной, по грамоте 1627 / 1628 г., в Серебожском стане имелось поместье село Ко(у)чки без жеребья с деревнями [РГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 350]. 17 января 1642 г. вдова царевича Ирина купила у казны в вотчину из своего поместья в Серебожском стане село Кочки без жеребья, деревню Корешево и жеребей деревни Филисово с $10\frac{1}{3}$ пустоши (170 четей) за 170 руб. 9 мая 1646 г., после смерти княгини, вотчина досталась ее зятю [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6013, л. 82 об. — 87].

В 1678 г. за касимовским царевичем Василием Араслановичем значились 2 вотчины (57 дворов, 157 душ м. п.) [Шватченко, 1996, с. 70].

Касимовскому царевичу Михаилу Васильевичу принадлежало поместье сельцо Жадреево на р. Веле; после смерти царевича оно было отписано на государя; до 1707 г. дано князю М. С. Львову [РГАДА, ф. 1209, Книги молодых лет, кн. 7759 / 31, д. 32, л. 140–141].

Пешехонский уезд. Сибирскому царю Али б. Кучуму с двумя сыновьями, Хансуером и Яншиком (?), до июля 1613 г. принад-

лежала Шельшеманская дворцовая волость (2300 чети) [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 14863, № 62, л. 567–571 об.].

Не позднее 1691 г. Семеном Васильевичем Касимовским была продана за 2500 руб. вотчина деревня Руновская с деревнями в Пешехонском уезде. Документ позволяет предположить, что ранее данная вотчина принадлежала его отцу, Василию Араслановичу [Алексеева, 2014, с. 17].

Романовский уезд. Известно, что Лжедмитрий II пожаловал касимовского царя Ураз-Мухаммеда «Ильмурзинским поместьем», Богородицкой волостью с деревнями. Уже на следующий год они вновь принадлежали романовскому мирзе Эль б. Юсуфу [Моисеев, 2004, с. 198, 201].

Сестра царя Ураз-Мухаммеда Бохты Сеиткулова получила от Лжедмитрия II поместье с. Деляево [Русский, 2012, с. 119].

Второй жене сибирского царевича Петра Алексеевича Анастасии Васильевне Нагой досталась (в 1656 г.?) в приданое от матери вотчина в Васильевском стане Романовского уезда с. Мошаково с деревнями и пустошами. В 1646 г. оно числилось за вдовой Прасковьей Васильевной Нагой (222 двора, 605 душ м. п.). После смерти царевича Петра эта вотчина в 1675 г. перешла его брату царевичу Алексею Алексеевичу [Шватченко, 1996, с. 148].

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Васильевском стане деревни Колково, Аргуново, Келобово с пустошами (100 четей, 11 дворов) [Материалы, 1951, с. 373].

Ростовский уезд. У сибирского царя Али б. Кучума имелось поместье в Верхоусецком стане с. Васильево с деревнями и пустошами (1342 чети в поле, 1106 копен сена, 46 дворов крестьянских и 70 человек крестьян в них, 34 двора бобыльских и 39 бобылей в них), данное ему в 1613/1614 г. из дворцовых земель [РГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 253–254; Писцовые, 2012, с. 679–683]. 29 июля 1636 г. наиболее заселенная часть поместья (596 четей, 11 деревень и 4 пустоши) по просьбе Али были переданы его внуку князю Калиннику Джансюеревичу. Его поместный оклад составлял 600 четей. За Али остались 2 деревни и 22 пустоши [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2; 1647 г., д. 7; 1638 г., д. 2, л. 42–55; ф. 141, оп. 1, 1625 г., д. 31, л. 11–13], хотя в 1646 г. все поместье по-прежнему значится за Алеем (67 дворов крестьянских, 261 человек; 4 двора бобыльских, 41 человек) [Писцовые, 2012, с. 287–289]. Судя по

всему, после смерти Калинника эти земли отошли его детям князьям Богдану и Федору. В 1723–1731 гг. за Иваном Федоровичем в Сотемском стане имелась деревня Шалаева слобода; в Порецком стане ему совместно с братом Лукой принадлежало сельцо Фалюково [Любимов, 1915, с. 76]. В. В. Вельяминов-Зернов писал о наличии поместий в Ярославском уезде [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 201], однако в боярском списке 1667/1668 г. отмечено, что поместий и вотчин за Калинником нет, и он получает поденный корм. Поденный корм значится за ним и в 1665/1666 г. [Белоусов, 2008, с. 307]

Князю Василию Ишимовичу (1648 г.?) принадлежало поместье с. Семеновское с деревнями и пустошами (1342 чети, 63 двора), больше земельных владений у него не было. После его смерти поместье досталось его жене княгине Ефимье [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 23; ф. 159, оп. 2, д. 4391, л. 3].

По сообщению С. В. Любимова, вторая жена князя Калинника Джансюерева княгиня Аграфена Алексеевна, урожденная Голицына, со своим братом Б. А. Голицыным являлась совладелицей с. Климошино с деревнями [Любимов, 1915, с. 69]. Но, как мы уже отмечали (см. выше «Браки Чингисидов»), князь Калинник был женат только один раз.

Жена князя Богдана Калинниковича княгиня Елена Никитична, урожденная Барятинская, получила от отца в приданое 63 четверти в деревне Ратной-Шелаевой и пустошах Красной Слободке и Вошкино [Любимов, 1915, с. 74].

В 1678 г. за касимовским царевичем Василием Араслановичем значилось 2 вотчины (68 дворов, 243 души м. п.) [Шватченко, 1996, с. 70]. У его сыновей они неизвестны.

Рузский уезд. В начале XVIII в. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем в Ростовском стане с. Богородицкое (двор вотчинника, 30 дворов, 195 крестьян; по другим данным, 33 двора) [Шватченко, 2002, с. 133; РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119]. В 1699 г. за ним числится с. Окулово в Козмодемьяновском стане (?) и деревня Куликово [Любимов, 1915, с. 71]. 6 января 1688 г. сибирские царевичи Алексей, Василий и Дмитрий Алексеевичи продали княгине Анне Васильевне Черкасской, вдове князя Петра Эльмурзича, за 500 руб. деревни Копково (Болотниково тож), Ворчуново и пустоши Колобаново и Гришин Починок (100 четей). Скорее всего, именно эти земли в 1688 г. были даны царевичу за

службу его отца [Любимов, 1915, с. 71–72]. Василию Алексеевичу в Фоминском стане принадлежало с. Брюково с деревнями (33 двора) [РГАДА, 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119].

Рязанский уезд. В начале XVIII в. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем значится в Старорязанском стане с. Дехтяное (39 дворов) [Шватченко, 2002, с. 133; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13343], по другим данным — 93 двора [РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119].

Саранский (Пензенский) уезд. В 1683/1684 г. касимовским царевичам Ивану и Семену Васильевичам отказано в Диком поле поместье 1500 четей в одном поле по обе стороны р. Оншанки до р. Шукши. Там было основано с. Никольское, его населили крестьянами, выведенными из касимовских и елатомских поместий (206 дворов). При полюбовном разделе совместных владений в 1690/1691 г., поместье досталось Ивану Васильевичу [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 21, 25–26]. В 1681/1682 г. Давыду Семенову сыну Племянникову дали в Саранском уезде за старым валом 250 четей поместной земли. В 1691/1692 г. он решил избавиться от этой дачи. Скорее всего, ее некому было обрабатывать, так как земля жаловалась без крестьян. Официально сделку оформили как мену 250 четей Д. С. Племянникова на 1 четь царевича Ивана Васильевича в с. Никольском. За «перехожие» 249 четей царевич заплатил 150 руб. [РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 3582]. Позднее в селе значилось только 50 дворов [РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 46].

В 1717 г. с. Никольское было завещено царевичем Иваном Васильевичем своей племяннице княжне Прасковье Юрьевне Хилковой (Долгоруковой) [Любимов, 1915, с. 73].

Суздальский уезд. 28 апреля 1656 г. по челобитью сибирским царевичам Петру и Алексею Алексеевичам за конский корм, дрова и 46 руб. 5 коп. из поденного корма дали поместье Прокопия Смайлера (500 четей) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1655 г., д. 4].

В 1681 г. за сибирским царевичем Алексеем Алексеевичем значится поместье в Мыцком стане [РГАДА, ф. 1209, оп. 78, д. 2889].

В начале XVIII в. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем числится в Стародубском стане с. Новое (двор вотчинника, в нем 3 человека, 78 дворов, 261 душа м. п.) [Шватченко, 2002, с. 133].

В это же время за сибирским царевичем Дмитрием Алексеевичем отмечены в Мыцком стане Якушинской волости село (сельцо)

Мордвиново с деревнями (80 дворов, 135 душ м. п., по другим данным — 117 дворов) [Шватченко, 2002, с. 133; РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119].

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича в Мышецком стане отписали сельцо Логиново да село Егорьевское с деревнями и пустошами (358 четей) [Материалы, 1951, с. 373; РГАДА, ф. 248, № 1110, л. 1984].

В 1678 г. за касимовским царевичем Василием Араслановичем значилась вотчина с. Мордвиново (96 дворов, 317 душ м. п.) [Шватченко, 1996, с. 70; Описание, 1910, с. 518]. История землевладения данного села в XVII в. более чем запутана и требует дальнейшего исследования. Опираясь на известные в настоящее время источники, мы вправе предположить, что после смерти Василия Араслановича данная вотчина была наследована его сыновьями.

Тарусский уезд. У сибирского царевича Дмитрия Алексеевича отмечено сельцо Остожек, до наших дней сохранился его план [РГАДА, ф. 1209, оп. 2, Отказные книги по Алексиному, кн. 10371, л. 265].

Тверской уезд. В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали 14 пустошей [РГАДА, ф. 248, № 1110, л. 1984 об.].

Темниковский уезд. По I-й ревизии за сибирским царевичем Василием Алексеевичем значится 3 души м. п. [РГАДА, ф. 248, д. 1163, ч. 2, л. 845 об.].

Тульский уезд. В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Заострожском стане до 45 дворов [РГАДА, ф. 248, № 1110, л. 1984 об.].

Угличский уезд. Шихим царевич, зять Ураз-Мухаммеда б. Ондана, в 1609 г. обладал поместьем в Кацкой волости: с. Тишаево с деревнями Стулыбьево (Кузнецово тож), Пашково, Лютиково и Щербово, пустошь Рубцово (Опраксино тож) и черных деревень пустоши Кочорово, Труфаново и др. [АИ, т. 2, № 168, с. 195–196; Кацкая, 2006, с. 39–40]. За осадное сидение царя Василия Шуйского поместье было отписано угличанам Федору Дурневу, Дружине Коротыгину, Ивану Базулину, Салтану Ефимову, Петру Тугаринову и вдове Пелагее Неустроевой жене Чернцова с сыном Аристом. В сентябре 1612 г. поместье вернули Шихиму, однако 31 октября 1612 г. царевичу велели отделить только половину поместья, а вторую справиться за угличанами [ГАЯО, ф. 582, оп. 5, д. 5, л. 1–2].

Касимовскому царю Ураз-Мухаммеду принадлежали поместья в Койской волости [АИ, т. 2, № 168, с. 195–196].

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Городецком стане половину с. Ивашино с полдеревней Сула-лево, полдеревней Савинино, деревнями Залатихино и Фатяново (90 четей, 27 дворов) [Материалы, 1951, с. 373; РГАДА, ф. 248, №1110, л. 1984].

Устюжский уезд (Устюжна Железнопольская). 30 июня 1613 г. упоминается поместье сибирского царевича Арслана б. Али в Устюжне Железнопольской в Новом стане с. Хрепелево с деревнями (1147 четей) [Документы, 1994, с. 206; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 901, л. 156 об; Пугач, 1992]. Скорее всего, оно было получено еще до Смутного времени. Во время Смуты люди царевича, спасаясь от литовских людей и казаков, переселялись в город; при этом они были освобождены от сбора стрелецкого корма и иных городских сборов [Смутное, 1911, с. 201–202]. Следует отметить, что в писцовой книге Устюженского уезда упоминается данная грамота местному Успенскому монастырю 1612/1613 г. царевича Арслана Алексеевича на вотчину и крестьян в Новом стане [РГАДА, ф. 1209, кн. 901, л. 156 об.].

Шацкий уезд. В начале XVII в. сибирский царевич Андрей Кучумов владел в Подлесском стане с. Чучково пополам со Степаном Вольнским. После него село отписали на московского царя [Веселовский, 1913, с. 565; Веселовский, 1917, с. 36; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1627 г., д. 75, л. 37–38, 46, 27, 31–34 об.]. Возможно, это оно упоминается в документах Печатного приказа (поместье в Мещере, 540 четей) 8 января 1615 г. [Документы, 1994, с. 419], однако по другим документам в поместье значилось 548 четей земли. При этом 300 четвертей за московское осадное сиденье прихода королевича Владислава было переведено в вотчину. 22 ноября 1627 г. 300 четей вотчины были справлены за дочерью Андрея Кучумова Авдотьею. 248 четей являлись прожиточным поместьем вдовы Ирины. 20 октября 1644 г., после смерти вдовы сибирского царевича княгини Ирины (старницы Ираиды), 300 четей вотчины и 248 четей поместья справили за мужем Авдотьи Василием Ивановичем Стрешневым [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 6013, л. 82 об. — 87]. В 1646 г. за В. И. Стрешневым в Подлесском стане значится с. Никольское (91 двор, 252 души м.п.) [Шватченко, 1996, с. 152; РГАДА, ф. 1209, кн. 12079, л. 766].

После смерти касимовского царевича Михаила Васильевича 24 февраля 1681 г. его вдове княгине Анне Григорьевне дали на прожиток $\frac{2}{3}$ с. Чучково 788 чети (98 дворов); по другой версии — $\frac{1}{3}$ села (300 четей, по 100 в поле, 88 дворов). Помимо этого, ей ежегодно шло с торговой площади 10 руб. оброка и столовые запасы: 60 свиных туш, 12 пудов меда, 12 пудов коровьего масла, 20 пудов хмеля, по 40 гусей, уток, тетеревов, лебедей, 200 колотых кур, 2000 яиц, 2 пуда красного воска, 200 ведер вина, за орехи и грибы (грузди и рыжики) деньгами 34 $\frac{1}{2}$ руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, л. 23; ф. 159, оп. 2, д. 4391, л. 3; ф. 9, отдел 2, № 92, л. 21]. Известно, что в конце XVII в. между касимовскими царевичами Иваном и Семеном Васильевичами, с одной стороны, и князем Борисом Федоровичем Долгоруким — с другой, шла тяжба об $\frac{1}{3}$ с. Чучково [Описание, 1910, с. 324].

По сказке 1700 г. за сибирским царевичем Василием Алексеевичем значатся дворцовые села Сасово, Вяльма (Вялсы указано как «новосебельное», не позднее 1686/1687 г.), Лукьяновское, деревня Мордвинская (всего 567 душ м. п.) [РГАДА, ф. 1209, Алф. 664, л. 118 об. — 119; ф. 1175, оп. 1, д. 75, 146, 176, 203 и др.; Черников, 2003, с. 304; Книги, 2004, т. 2, с. 129]. Следует отметить, что Сасово было богатым торговым селом. В нашем распоряжении имеются данные первой половины XVIII в., но их можно экстраполировать и на более ранний период. В XVIII в. Сасово, прежде всего, специализировалось на продаже пеньки и пакли, но также продавались рыба, промысловые меха, кожи и иные товары [Мизис, 2006, с. 366–368]. Село находилось в зоне черноземов и данные земли ценились достаточно высоко. Также следует отметить, что на окраине современного Сасова (ныне город, районный центр Рязанской обл.) находится Темгенево городище, отождествляемое с Андреевым Городком Каменным.

В 1717 г. касимовский царевич Иван Васильевич завещал своей племяннице княжне Прасковье Юрьевне Хилковой пустошь Ворохино [Любимов, 1915, с. 73].

Юрьев-Польской уезд. В 1609 г. зятю касимовского царя Ураз-Мухаммеда Сафаролею (Сафар-Али) мирзе Изламову Шейдякову принадлежали села Черниково и Шиписово с деревнями [Русский, 2012, с. 122].

Ярославский уезд. В 1609 г. за сестрой касимовского царя Ураз-Мухаммеда Бохты царевной Сеиткуловой дочерью Шепеле-

ва значилось с. Ивановское Глебово с деревнями [Русский, 2012, с. 119].

В 1617 г. за сибирским царевичем Мухаммед-Кулом б. Атаулом значится поместье деревня Заозерская в Шаховском уезде [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1617 г., д. 2а, л. 2].

В 1643/1644 г. (по другим данным, в 1645 г.) сибирский царевич Алтанай б. Кучум за 15 руб. месячного корма испомещен в деревнях Макунино, Нифантьевская, Ардуновская, Матюхино, Звериново, Дряхлово, пустошах Борисовской и Турыгино, починках Озяликово и Слепинский в Ярославском уезде, принадлежавших ранее жене князя Шейдякова; по справке 1662 г., в с. Ширенге с деревнями числилось 57 дворов, в 1653 (1643?) г. отмечены 30 дворов крестьянских и 2 бобыльских. После его смерти в 1655 г. поместье было отписано его сыновьям Петру и Алексею Алексеевичам. Имеется упоминание о том, что Алтанай владел поместьем в Ярославском уезде уже в 1626 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 7, л. 2; 1662 г., д. 1, л. 11; СГГД, 1822, ч. III, № 75, с. 297]. Скорее всего, все они до начала XVIII в. оставались в роде.

В 1718 г. у сибирского царевича Василия Алексеевича отписали в Шерелинской волости с. Хомутинково и жеребей с. Шеренге. В Курской (Кусской?) волости — деревню Борисовскую с пустошами (всего 170 четей, 18 дворов) [Материалы, 1951, с. 373; РГАДА, ф. 248, №1110, л. 1984].

Имеются сведения о пожалованиях Чингисидов поместьями и вотчинами без указания их месторасположения. Так, А. П. Павлов предполагает, что Андрей Кучумович владел вотчинами, доставшимися ему от тестя [Павлов, 1992, с. 173], однако, скорее всего, татарские цари и царевичи не могли распоряжаться вотчинами своих жен.

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы. Вотчинами своих жен, даваемыми за ними в приданое, они, судя по всему, не владели (данные земли находились в собственности жен). Нагляднее всего это видно на примере сибирского царевича Андрея Кучумова. Долгое время царевич относился к кормовым Чингисидам, несмотря на то, что его супруге принадлежали значительные родовые вотчины. А как мы знаем, царевичи, получившие земли с крестьянами, теряли право на поденный корм. В XVII в. Кучумовичи и их жены начинают заниматься подчас достаточно крупны-

ми финансовыми операциями, давая деньги под заклад родовых, купленных и выслуженных вотчин. Это должно было приносить им значительную прибыль.

Интересные наблюдения можно сделать по географии распределения поместных и вотчинных земель. Первоначально круг уездов, в которых жаловались земли, был ограничен и включал Мещеру (Елатомский, Касимовский, Шацкий уезды) и Московский уезд. Постепенно география начинает увеличиваться за счет центральных и северных уездов. В середине XVII в. почти в обязательном порядке все представители «золотого рода» стали владеть небольшими поместьями или вотчинами в ближайшем Подмосковье. В конце XVII в. им жалуются участки в Диком поле без крестьян.

Следует отметить, что продолжительное время землевладения Чингисидов увеличивались за счет вотчин их жен, даваемых за ними в приданое. Встречаются и единичные примеры, когда земля бралась внаем. Покупались новые земли редко. В целом, мы можем сказать, что к концу XVII в. землевладения крещеных татарских царевичей ни чем не отличались от землевладений иной русской знати. В ряде случаев им удавалось сконцентрировать в одних руках значительные земельные владения, но в общем следует отметить их определенную пассивность в стремлении увеличивать земельные источники своего благосостояния в XVII в. Скорее всего, перед нами пример, когда политика Москвы по созданию обязательного, достаточно высокого, имущественного положения всем представителям «золотого рода» в России привела к возникновению некой иждивенческой позиции: не имело смысла бороться за повышение своего благосостояния, так как оно само увеличивалось при соблюдении определенных правил.

Что касается абсолютных размеров землевладений Кучумовичей, то у нас здесь более чем ограниченные данные. Приведем их. Касимовскому царю Арслану б. Али принадлежало 3364 чети пахотной земли, сенокосов на 9110 копен и обширнейшие лесные массивы [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 83–220]. До пожалования царем у него, судя по всему, было только 1328 четей земли [Беляков, 2006, с. 11]. Позднее эти земли унаследует его сын, касимовский царевич Сеит-Бурхан б. Арслан (Василий Арасланович). За счет новой распахки, в 1627 г. насчитывалось уже 3795 четей пашни (без учета купленных вотчин в иных уездах). После Василия по-

местья достались двум его сыновьям, Семену и Ивану. В 1678 г. ему, помимо касимовских поместий, в разных уездах на вотчинном праве принадлежало 248 крестьянских дворов с 728 душами м. п., однако после его смерти в 1679 г. почти все его вотчины исчезают [Шватченко, 1996, с. 70].

У сибирского царя Али б. Кучума отмечено 1342 четей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2; 1647 г., д. 7; 1638 г., д. 2, л. 42–55; РГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 253–254; ф. 141, оп. 1, 1625 г., д. 31, л. 11–13]. Сибирскому царевичу Василию Алексеевичу к 1718 г. принадлежало 1629 четвертей земли и 359 дворов [Материалы, 1951, с. 373]. Мы видим, что землевладения Кучумовичей были достаточно крупными, но при этом ни в коей мере не могли соперничать с поместным и вотчинным землевладением думских чинов.

Не до конца понятно, за счет каких средств происходило содержание военных отрядов. В нашем распоряжении имеются данные о землевладении романовских Эль мирзы Юсупова, Айдар мирзы и Алей мирзы Кутумовых на 1584 г. Мирзы обязывались содержать втроем 225 казаков (рядовых татар). Для этих целей в уезде им пожаловали 5444 четей земли в одном поле (24,2 чети на человека). Помимо этого, собственно мирзам выделили еще 4812 четей, и они также получали ежегодно из городских и уездных доходов 380 руб., а казаки — 500 руб. [Акты, 1997, с. 298–299].

Вполне возможно, что исследователи до последнего времени неправильно интерпретировали источники по землевладению «золотого рода» XVI–XVII в. Все в том же поместье царя Арслана следует отделять земли, переданные непосредственно на содержание Чингисида (2036 четей), и полученные на содержание его военного отряда (1328 четей). Тогда становится понятной упоминаемая нами ранее выписка о землевладении царевича Сеит-Бурхана 1628 г. [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Москва № 2, л. 44]. С позиции интересов Москвы, оплата военных услуг землей была, конечно же, предпочтительнее, нежели постоянные денежные выплаты.

Регулярные и единовременные денежные выплаты и натуральные дачи

Изучая историю Чингисидов в России XV–XVI вв., мы в основном пользуемся информацией из дипломатических источников,

разрядных книг и летописей, но с XVII в. ситуация кардинально меняется. Теперь это, за редким исключением, финансовая документация. Поэтому и история Чингисидов, повторим, зачастую нам видится как финансовый отчет об их содержании. Но и эта, казалось бы, однобокая информация позволяет приоткрыть завесу над их повседневной жизнью. Попытаемся проследить их жизнь от выезда (рождения) до смерти через цифры многочисленных справок, увидевших свет в результате поданных тем или иным Чингисидом челобитных о пожаловании его чем-либо.

Говоря о регулярных и экстраординарных денежных и натуральных дачах, следует подчеркнуть, что они часто касались не только Чингисидов, но и представителей их дворов. При этом пожалования людям татарских царей и царевичей, как правило, рассматривались как необходимая составляющая дач их господина, поэтому мы должны рассматривать их совокупно.

Документы позволяют выявить большую группу разнообразных пожалований Чингисидам, их семьям и дворам. Сюда же можно отнести некоторые иные единовременные выплаты и материальную помощь родственникам. На эти источники доходов имели права, в той или иной мере, большинство татарских царей и царевичей. Но, несмотря на это, следует рассмотреть их по отдельности, так как каждый из них имел свою особенность. К тому же некоторые из перечисленных пожалований распространялись по преимуществу или исключительно на кормовых Чингисидов.

Пожалования на проезд

При добровольном выезде на имя Московского великого князя (царя), а также при каждом приезде Чингисида в Москву и приеме у царя, татарским царям и царевичам, как и всем выезжим иноземцам, независимо от вероисповедания, полагалось пожалование на проезд. Его набор традиционен и, как правило, ограничен одеждой (шубами), режее материей, серебряной посудой, соболями, деньгами. Иногда сюда добавлялись лошади. Заметно стремление к явной унификации пожалований. На материалах XVII в. это видно особенно отчетливо.

Дачи при выезде или первом представлении полагались не только Чингисиду, но и его двору. Нельзя не отметить, что данное жало-

вание являлось практически обязательным, и если по каким-либо причинам оно не было выдано сразу, то по челобитью обойденного человека выдавалось позже. В 1589 г. пожалование на проезд просил ранее выехавший сибирский татарин, шурина сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула Бахтураз Карамышев сын Мусаитов. В ответ ему дали беличью шубу и 4 руб. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 24].

Природа данного пожалования, судя по всему, носила двойственный характер. С одной стороны, она обеспечивала новоприезжим возможность обустроиться на новом месте, с другой — подчеркивала значение и положение того или иного человека в глазах московского царя и, значит, всего русского общества.

В 1598 г. в плен попала большая группа жен, дочерей и невесток с детьми хана Кучума. Тогда же их отправили в Москву. Они также получили пожалование на проезд. Оно было незначительным, но сам его факт очень важен: значит, на данную форму пожалования имели право и почетные пленники. Царице Чепшан, супруге Кучума, и царице Кандазе, супруге царевича Али б. Кучума, царице Данай, супруге царевича Каная б. Кучума, дали по шубе, «бархат цветной на хрептах на беличьих» и по 3 руб. денег. Царевичу Янсюеру б. Али пожаловали ферязь, «сукно лундыш на беличьих хрептах», кафтанец, «камка двоеличка адамышка на беличьих черевах», шапка «бархат червчат», желтые сафьяновые сапоги, денег 3 руб. Дочери царицы Тотай, царевне Акныш, дали 1 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 2, 4]. Но в документах имеется и иная информация. Так, на проезд царевич Янсюер просил дать ему «амагил серебряный, шубу, однорядку, кафтан, охабень, шапку, сорочку да порты, сапоги сафьянные желты, ожерелье жемчужное, кушак, саадак да саблю, седло с уздою, тафью, да на мелкое денег» [АИ, т. 2, с. 21–22]. На самом деле, это две разные дачи. Ошибка произошла из-за невнимательности публикаторов первой половины XIX в. Если первое пожалование действительно относилось к началу 1599 г., то второе — уже к 1604 г.

Особо следует остановиться на пожаловании оружием. Судя по всему, при пленении сибирских Шибанидов и их дальнейшей перевозке в Москву все оружие у царевичей конфисковывалось, что, в частности, было обусловлено боязнью побега знатных пленников. При приезде же Чингисидов в Москву отсутствие у сибир-

ских царевичей какого-либо оружия указывало бы на их ущемленный статус. Это практически сравнивало их с положением Чингисидов — тюремных сидельцев. В первую очередь в пропагандистских целях, Борис Годунов стремился избежать подобных ассоциаций. Требовалось показать, что сибирские Шибаниды в условиях проживания на новой родине обладали всей полнотой свободы. Поэтому Кучумовичам решили вернуть право обладания оружием, тем более что значительная удаленность от Урала делала возможность побега практически нереальной. Помимо этого, прием оружия, в первую очередь сабли, из рук московского царя можно рассматривать как знак признания своего подчиненного положения со стороны плененных Шибанидов. Пожалование оружия Янсюеру в 1604 г. также можно трактовать как достижение им совершеннолетия.

В 1600 г., при объявлении казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана касимовским царем, ему дали золоченый серебряный кубок, шубу, «бархат золотной на соболях», атласный кафтан на соболях, горлатную черную и мисюрскую серебряную шапки, 50 руб. денег [Белокуров, 1907, 180; Беляков, 2005, с. 37].

В 1603 / 1604 г. сибирский царевич Арслан б. Али присутствовал на приеме у Бориса Годунова (скорее всего, данный визит связан с добровольным выездом царевича). В Москву его сопровождало 12 человек. Борис Годунов пожаловал людей царевича: двое «лучших» получили по «платну золотному» в 10 руб., кафтану в 8 руб., шапке в 2 руб., сафьяновым сапогам в 50 коп., серебряному ковшу весом в гривенку и по 8 руб. денег; 3 человека получили по однорядке в 3 руб., кафтану в 3 руб., шапке по 1,5 руб., серебряной чарке весом в 2 гривенки, сафьяновым сапогам по 50 коп. и по 5 руб. денег; остальным семерым дали по однорядке в 2 руб., кафтану в 2 руб., шапке за рубль и по 3 руб. денег [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 27–28; Беляков, 2006, с. 9]. Дача самому царевичу неизвестна.

В апреле 1616 г. сибирскому царевичу Алтанаю б. Кучуму дали на приезд, по-видимому, за шведское «тюремное терпение» [Беляков, 2005], 31 аршин «червчатого» бархата кизылбашского, атласа лазоревого, камки куфтерь зеленой, сукна лундыш темно-зеленого (в 23 руб. 71 коп.), ковш серебряный (2 гривенки без 9 золотников), 40 соболей в 30 руб. [РГАДА, ф. 196, оп. 2, кн. 279, л. 237 об.].

Следующий раз на приеме у царя он отмечен в 1638 г.: «Марта в 18 день, на Вербное воскресенье, были у государя в золотой палате сибирской царь Алей Кучумович да брат его родной царевич» [ДР, 1851, с. 563]. Алтанай приехал в Москву с женой и двумя сыновьями. Царевичу дали шубу атласную золотную в 90 руб. и шапку горлатную лисью в 12 руб., а его сыновьям — по платку золотному и горлатной лисьей шапке [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1638 г., д. 2, л. 21, 32]. В очередной раз со своими детьми Дост-Мухаммедом и Иш-Мухаммедом он приехал в Москву в 1653 г. Теперь он вместе со своим внучатым племянником, касимовским царевичем Сеит-Бурханом б. Арслан б. Али, приносил шерсть царю Алексею Михайловичу, который принял их 25 июля. При этом Алтаная пожаловали шубу в 150 руб., атлас золотной на соболях, пуговицы серебряные позолоченные и шапку лисью горлатную в 18 руб. Его дети получили по шубе и шапке в 60 руб. 50 коп. и 10 руб. 80 коп. соответственно [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 6]. Сеит-Бурхану досталась шуба в 150 руб. и шапка в 15 руб., что было несколько больше, чем прежде. До этого на первый приезд 12 апреля 1633 г. царевичу пожаловали шубу из золотного атласа на соболях с бобровым воротником в 60 руб. (на самом деле, по выписи из Оружейной палаты, в 60 руб. 61 коп.) и лисью горлатную шапку в 15 руб. Правда, Сеит-Бурхану тогда было ок. 11 лет [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 16]. Та же дача была сделана на вторичный приезд 14 апреля 1636 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 4–4 об., 7].

4 апреля 1648 г. у царя был сибирский царевич Василий Ишимович, который после принятия православия некоторое время проживал в Кирилло-Белозерском монастыре. Его также пожаловали дачей, но в данном случае она оказалась смешанной со вторичным пожалованием за принятие православия. Из общего списка в дачу на приезд, скорее всего, следует отнести дачу серебряным ковшом, 40 соболями в 40 руб., камкой адамашкой, сукном лундыш, а также 2 аршинами кармазина вишневого и 10 аршинами камки зеленой травчатой, сверх памяти, и лошадь в 10 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 1–2 об., 4, 8].

Тем самым, можно отметить, что в Москве стремились к унификации дач, которая одновременно проходила, как минимум, по трем направлениям: унификация однотипных пожалований, дач конкретному Чингисиду и всем сразу. Скорее всего, окончательно эта система должна была сложиться, если бы она просуществовала еще несколько десятилетий. Но с крещением в середине XVII в. всех наличных Чингисидов и привлечением их к регулярной (возможно, повседневной) придворной службе она видоизменяется. Теперь они, судя по всему, тоже получали пожалования на проезд, что правильнее следовало бы рассматривать как награду за определенные службы. К примеру, за номинальное руководство полками во время военных действий, возрожденное при царе Алексее Михайловиче.

Возвращенные дары

На самом деле, в данном разделе речь пойдет о более широкой проблеме — обмене дарами.

Существовало правило, по которому часть вещей, поднесенных московскому царю, могла возвращаться, так как считалось, что самим фактом временного обладания этими предметами московским царем они приобретали значение почетного пожалования [Лисейцев, 2004, с. 231–232]. Мы знаем о подношении хивинского царевича Авган-Мухаммеда 11 июня 1633 г. Тогда царевич ударил челом золоченым серебряным кубком, золотым атласом, 40 соболями, черпаком, шитым золотом и серебром, ядринским луком и двумя стрелами. Царевичу вернули все, кроме лука и стрел [РГА-ДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 91–92]. Можно предположить, что это далеко не единственный случай, но иные примеры пока не найдены.

Здесь мы затронули практику поднесения даров от Чингисидов московскому царю на приезде. Вероятно, это требовалось существующими правилами далеко не всегда. И все же отметим известные нам факты, тем более что данная информация позволяет установить, какие вещи могли находиться в домах представителей «золотого рода» в России. Мы имеем информацию только по XVII в.

Известно также подношение сибирского царевича Алтаная б. Кучума 2 августа 1653 г. Тогда царевич ударил челом двумя кубками серебряными золочеными с кровлею, турецкой сулеей, шитой золотом волоченным, золотыми турецкими бархатом и атласом, двумя сороками соболей, двумя конями («конь сер» и «иноходец бур» — 8 и 7 лет) в 90 руб. и 70 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 20], хотя есть упоминания о том, что сулея была поднесена касимовским царевичем Сеит-Бурханом б. Арсланом, и последняя версия утвердилась в научной литературе [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 205; Вельтман, 1860, с. 144, 179; Древности, 1853, отд. V, №38; Искусство, 2008, с. 120–123]. Значительность последнего подношения (оно явно превышает годовое содержание царевича) наталкивает на мысль о его ритуальном значении и выдаче частично или полностью из казны. Наше предположение мы можем подкрепить тем фактом, что при втором царе из династии Романовых вводилось много этикетных новшеств по отношению к татарским царям и царевичам, либо же возрождались старые, относящиеся, в первую очередь, к реалиям XVI в., но так, как их понимали в XVII столетии. Если признать инспирированность подношения 1653 г., то мы можем сделать предположение, что послужило источником для такого состава предметов. В данном случае, нас интересует появление сулеи, хотя другие совпадения также более чем интересны. В архиве Посольского приказа сохранилось послание ногайского бия Исмаила 1551 г., в котором он, в благодарность за свою лояльность по отношению к Ивану IV, просит следующие подарки: «шубу и тягиляи из горностая, шатер, два отреза сукна, сулею и два серебряных кубка и немецкое железо» [Беннигсен, 2009, с. 101]. Возможно, сулею могли еще называть амагилом [АИ, т. 2, с. 17; Потехина, 2000, с. 37–48].

Отметим также дипломатические дары, посылаемые Кучумовичами московским царям в XVII в. Эти сведения выходят за рамки заявленной нами темы, но при этом позволяют более детально проследить практику подношений. В 1639 г. послы преподнесли Михаилу Федоровичу от царевича Девлет-Гирея б. Чувака гнедого белогубого коня со звездой во лбу 7-ми лет калмыцкой породы и бухарский (по другим данным, черкесский) цветной ковер («полаз»). От жены царевича Аблая б. Ишима княгини Чагандар поднесли одну черную и 3 карие бобровые шкуры и бухарский ковер

[РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1638 г., д. 1, л. 5; Трепавлов, 2012, с. 101, 185]. С посольством царевича Кучука б. Аблая в 1668 г. Алексею Михайловичу передали 3 ковра бухарских, оцененных по 1,5 руб. за каждый [Трепавлов, 2012, с. 209]. Но, как мы знаем из документов, дары получали и родственники, проживавшие в России.

В целом, мы должны признать, что список вещей, преподносимых Чингисидами московским царям, представлял собой симбиоз из предметов, традиционно входящих как в состав даров восточных посольств (ткани, предметы восточного воинского быта и конской упряжи), так и западных: к последним мы должны отнести и подношения подданных царя (ткани, серебряная посуда).

Здесь мы вынуждены поднять вопросы, на которые в настоящее время нет однозначных ответов. В каких случаях Чингисиды подносили дары московским монархам и их детям? Существовали ли здесь определенные правила? Изменялась ли данная традиция во времени? На них мы сможем ответить только в случае обнаружения новых источников по данной проблеме. Дело в том, что по периоду с 30-х гг. XVII в., мы, скорее всего, обладаем полной информацией, но о более раннем периоде нам практически ничего не известно. Возможно, ситуация несколько прояснится, если со временем обнаружатся какие-либо выписи из казанских и астраханских посольских дел. Мы можем только предположить, что первоначально при добровольном выезде на имя московского государя Чингисиды осуществляли некие подношения, хотя этикетная норма, вполне возможно, и не требовала этого. При последующих визитах ко двору дары, как правило, не наблюдаются.

Здесь нужно помнить, что в Москве строго следили за тем, чтобы обмен подарками не наносил ущерба величию русского государя. Поэтому, как и в других составляющих элементах посольского церемониала, существовала определенная иерархическая система, в соответствии с которой дарить «поминки» русскому государю мог только узкий круг иностранных монархов, — тех, кого признавали «ровней». Так, в конце XVI в. Москва вернула подарки, присланные грузинским царем Александром, с целью подчеркнуть его неравенство с русским государем. При этом грузинам было заявлено, что «у государя нашего столько его царские казны, что Иверскую землю велит серебром насыпать, а золотом покрыть, да и то не дорого» [Юзефович, 2007, с. 125]. Мы не знаем,

подразумевался ли в нашем случае подобный контекст; известно только, что подношения продолжались и далее, но в несколько меньших размерах. Подношений от сибирских и касимовских царей и царевичей Опись царской казны на Казенном дворе 1640 г. не фиксирует [Опись, 2014], хотя причины для этого были более серьезные, нежели у ургенчского царевича.

Жизнь Авгана в Москве нам известна неплохо, поэтому мы можем попытаться восстановить причины этих подарков. В 1624 г., по обвинению в «непригожих словах», арестовали аталыка и абыза царевича. Их сослали в Новгород и Сольвычегодск, где они сидели по тюрьмам до 1627/1628 г., после чего были отпущены на поселение. 10 января 1633 г. в Новгороде из «нятства» был отпущен аталык царевича. В Москву он смог вернуться весной этого же года. Несколько позднее отпустили на поруки царевича и абыза [Беляков, 2007а, с. 100]. Не была ли это искренняя благодарность Чингисида по случаю возвращения ему во двор столь дорогих ему людей?

В 1653 г. мы видим уже совсем иную ситуацию. Перед нами явное стремление Алексея Михайловича возродить практику XVI в., при этом подношения служилых Чингисидов фактически превратились в посольские дары от вассалов царских кровей, что вполне могло стать новой этикетной придворной традицией. Однако, повторим еще раз, крещение в 1654 г. практически всех Чингисидов, проживавших к тому времени в России, не дало ей закрепиться [Беляков, 2011а].

Дача «в стола место»

Эти дачи стали формироваться постепенно еще в XVI в. Дело в том, что первоначально после приема у царя многие посетители приглашались к столу. После этого, как отличие, некоторым на двор посылались питьевые меды. Но уже в середине XVI в. к столу приглашались далеко не все, и со временем приглашение к столу превратилось в особую форму пожалования. Приглашать Чингисидов к столу перестали только в XVII в.; с этого момента в документах регулярно встречаются дачи «в стола место». Тем самым указывалось на некое понижение статуса Чингисидов, хотя, быть может, здесь наблюдается просто постепенное свертывание данной цере-

монии. Иностранцы отмечали еще в середине XVI в. что татары (мусульмане) «обедали в других залах» [Кайдашев, 2006, с. 181], хотя и в более поздний период государь приглашал к своему столу кизылбашских послов, но не шарманшанского царевича Шейх-Мухаммеда, приехавшего с ними [Памятники, 1890, с. 120–121]. Скорее всего, в каждом конкретном случае в XVI в. был свой сценарий, зависевший от целого ряда факторов. Следует отметить, что государев стол превратился в церемонию, посредством приглашения к которой московский царь мог жаловать тех или иных своих подданных и влиять на их местнический статус [Петров, 2006].

13 февраля 1623 г. у Михаила Федоровича присутствовал касимовский царь Арслан б. Али. Ему был положен корм «в стола место»: «яловица», 3 барана с шерстью, 2 гуся, 2 утки, 10 кур (все живые), калач крупчатый в 3 лопатки, 10 калачей рядовых, 1 кружка «вина боярского», ведро «вина доброго», ведро «вина рядового», четверть ведра «романей», ведро меда малинового, 5 ведер меда паточного и 10 ведер меда цеженого. После приема у патриарха Филарета касимовскому царю также дали «корм», но его размеры неизвестны [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 5–7].

Здесь следует отметить, что в пожаловании мясом и птицей также имелась определенная иерархия. Бараны могли жаловаться живыми, что было наиболее почетно, и битыми. В свою очередь, битые бараны могли даваться «с шерстью», или же она должна была возвращаться, что также являлось менее престижным. Живая дичь также оценивалась выше битой. Среди птицы наиболее почетным считался лебедь, далее шли гуси, утки и куры.

Известен корм ургенцкому царевичу Авгану 5 ноября 1627 г. Тогда ему дали крупчатый калач в 2 лопатки, по 2 кружки вина «двойного доброго», «романей», по 2 ведра меда обарного и цеженого, ведро «пива доброго», 2 барана с шерстью, 8 кур, 50 яиц, 5 гривенок масла коровьего, на мелкое 30 коп. Его людям полагалось по 2 ведра меда и пива, а также полведра вина. Когда 12 апреля 1633 г. у царя впервые был сын Арслана, царевич Сеит-Бурхан, то ему пожаловали дачу против ургенцкого царевича: к ней только добавили 1 лопатку муки в калач и ведро меда малинового [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 10]. Дача на второй приезд 14 апреля 1636 г. является аналогичной: к ней только добавили гуся, утку и полстяга говядины царевичу, а его людям дали ведро вина, 2 ведра

меда и 3 ведра пива. Эту же дачу дали и на отпуске 19 июля [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 8, 15–16, 20].

4 апреля 1648 г. у царя Алексея Михайловича на приеме был новокрещеный сибирский царевич Василий Ишимович. После этого в качестве дачи «в стола место» ему полагалось: калач сметный, полведра вина «горячего доброго», $\frac{2}{3}$ ведра меду обарного, ведро меда паточного, 7 ведер меда цеженого, 20 хлебов, 20 калачей двуденежных, гусь, заяц, тетерев, 4 курицы, 2 барана, полстыга говядины. Дача выписана против дач стольника князя Г. С. Черкасского, т. е. самой большой на тот момент. Но при этом Черкасский являлся только кабардинским князем, а не Чингисидом [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 8–10]. Ниже мы увидим подобное на примере иных форм пожалований, что наглядно показывает, как Чингисиды постепенно сливаются с иной выезджей знатью восточного, а иногда и западноевропейского происхождения, не имеющей отношения к «золотому роду». Создавалась своеобразная ситуация, при которой служилые татарские цари и царевичи, «честию» уступавшие только Романовым, в плане материального содержания могли значительно уступать иной как местной, так и выезджей знати.

Начиная с 1654 г., когда, как мы знаем, крестили всех наличных служилых Чингисидов, татарские царевичи становятся постоянными участниками церемоний государевых застолий по разным случаям, и при этом они занимают самые почетные места. С этого же времени появляется еще одна дача, которую условно можно отнести к дачам «в стола место»: это пожалования пирогами участников царских походов по монастырям на богомолье, регулярно фиксируемые в царствование Алексея Михайловича. Подобные раздачи всегда происходили в передней [ДР, 1853, стб. 1203–1204, 1258, 1370 и др.].

* * *

Здесь мы также видим стремление к определенной унификации. Возможно, это и произошло бы, но с 1654 г. необходимость в данном виде пожалования отпала. Теперь царевичей стали вновь приглашать к столу московского государя [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 207; Дополнения, 1854, с. 15–18].

Поместный оклад и годовое денежное жалование

Практика верстания служилых Чингисидов поместьем и окладом и годовым денежным жалованием впервые зафиксирована в конце XVI в. Судя по всему, она появилась в царствование Федора Ивановича или, быть может, в самом конце правления Ивана Грозного, что следует рассматривать как попытку встроить татарских царей и царевичей в общую структуру служилого сословия. При этом им сразу же придали особый статус, установив максимум в 2000 четей поместьного оклада и 200 руб. годового денежного жалования. К примеру, максимальный поместьный оклад у московских чинов по указу 1619 г. установлен в 1000 четей [Станиславский, 1985, с. 72–77], хотя реальные владения могли многократно превышать максимум. Размеры пожалования конкретного Чингисида зависели от нескольких факторов: наличие царского титула, заинтересованность Москвы именно в нем, порядок выезда в Россию, а также простое старшинство в роде между дядьями и племянниками. К этому времени в России остались в основном Кучумовичи, и это упрощает задачу выяснения закономерности в назначении размеров поместьных окладов и годовых денежных жалований. Впервые оно зафиксировано у казахского царевича Ураз-Мухаммеда б. Ондана (до пожалования ему титула касимовского царя) и у сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула. Им полагалось по 2000 четей и 200 руб. Сибирскому царевичу Азиму б. Кучуму назначили оклад в 2000 четей и 170 руб. Его меньшему брату Молле б. Кучуму назначили 1500 четей и 150 руб. (по другим данным, в 1613/1614 г. его годовой оклад составлял только 90 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 1, л. 5]). Абу-л-Хаир б. Кучум (Андрей Кучумов) получил 1000 четей и 100 руб. [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 6; Беляков, 2005, с. 35]. 20 апреля 1615 г. к его денежному годовому окладу добавили 50 руб. [Смутное, 1912, с. 308], хотя по косвенным данным в 1619 г. его годовой оклад составлял только 120 руб. 5 марта 1619 г. из ярославских доходов царевичу велено дать 10 руб. жалованья «в оклад» [Приходо-расходные, 1912, стб. 750]. Документ можно интерпретировать как выдачу денег за один месяц, т. е. $\frac{1}{12}$ годового оклада. По другим данным, в 1619 г. его оклад составлял 2000 четей и 200 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1629 г.,

д. 2, л. 4]. Можно предположить, что оклад Чингисиду повысили между 1618 и 1619 гг., или же перед нами очередной пример недобросовестного исполнения своих обязанностей автором первой по хронологии выписи. Последнее больше похоже на истину, ведь имеется еще одна выпись, где указаны 1500 четей и 200 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 79]. Остается открытым вопрос, когда ему был назначен оклад. Скорее всего, это произошло не ранее его крещения в сентябре 1599 г. В отличие от иных служилых царевичей конца XVI в., он, по косвенным данным, находился в «нятстве». Можно, однако, предположить, что все три выписи истинны и подьячие просто пользовались данными за разные периоды. Абу-л-Хаир единственный не упоминается ни в одном военном походе. Сибирскому царевичу Хансюеру б. Али до 1613 г. пожаловали поместный оклад в 1050 четей и 120 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 4–6]. Его брат Янсюер б. Али имел оклад 1000 четей и 100 руб. На основании этого мы вправе утверждать, что он был младшим [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 6]. 10 апреля 1619 г. сибирскому царевичу Алтанаю б. Кучуму дали оклад 1500 четей и 150 руб., при этом «на пример» ему привели дачи его старшего и младшего братьев, Азима и Моллы [Беляков, 2005, с. 35; РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1618 г., л. 3–7].

В сентябре 1633 г. Калиннику Джансюеревичу Сибирскому после крещения назначили поместный оклад в 600 четвертей и годовой в 40 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12, л. 6–19; д. 14; 1651 г., д. 5, л. 17–19]. В Боярской книге 1646/1647 г. у него значится поместный оклад 750 четей и денежное жалование 52 руб. За литовскую службу 1660/1661 г. ему назначили придачу в 120 четей и 10 руб. [Боярская, 2004, с. 150]. В 1648 г. Василий Ишимов получил поместный оклад в 1500 четвертей и 150 руб. годового оклада [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2. л. 18].

У нас нет сведений о сохранении данного вида пожалований во второй половине XVII в. К примеру, у царевичей Петра и Алексея Алексеевичей, а также касимовских царевичей, детей Василия Араслановича, они не зафиксированы.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что высший поместный оклад Чингисидов, как мы показали, приблизительно равнялся средним земельным пожалованиям представителей «золотого рода» во второй половине XVI в. На основании этого мы

вправе предположить, что, когда на рубеже XVI–XVII вв. возникла идея верстания Чингисидов поместными окладами, то для установления их возможных размеров в центральных приказах создали справочные выписи, в которых были указаны реальные размеры землевладения татарских царей и царевичей в предшествующую эпоху. В таком случае, можно допустить, что размеры годового денежного жалования также были приравнены к какой-либо форме материального содержания Чингисидов в России. На эту роль лучше всего подходит «выход» второй половины XV — первой половины XVI вв. Если это так, то мы можем с определенной долей вероятности реконструировать размеры той части «выхода», которую мог получать тот или иной царь или царевич.

* * *

На основании приведенных данных, подведем некоторые итоги. Первоначально оклады назначались всем или почти всем наличным Чингисидам. В дальнейшем его получение инициировалось самим служилым царевичем. Касимовские цари, судя по всему, как крупные земельные собственники, теряли право на оклад. Денежный оклад имел прямое практическое значение, так как реально выплачивался. К нему, как мы увидим ниже, прибавлялись некоторые разовые дачи («на пожарное разорение», свадьбу, принятие православия). У Андрея Кучумова, по-видимому, поденный корм приравнивался к годовому окладу [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г., д. 4, л. 16]. Вполне возможно, по этому же принципу получал поденный корм и его брат Алтанай. Тогда эти две дачи должны быть взаимосвязанными, что прослеживается далеко не по всем Чингисидам. Поместный же оклад в большинстве случаев только указывал на место того или иного царевича среди иных Чингисидов, тем самым он являлся своеобразным индикатором местнического счета (положения) среди данной категории подданных московского царя. Он пришел на смену более раннему принципу выстраивания их внутренней иерархии, свойственной второй половине XVI в., что следует из назначения Чингисидов номинальными воеводами по полкам в действующую армию.

Право на поместный оклад и годовое денежное жалование имели также знатные черкесы, ногайские и крымские мирзы. При этом их

максимальные оклады, по-видимому, не превышали 1300 четей и 200 руб., но здесь важен сам факт его наличия у мирз. Дачи царевичей и мирз помещались рядом в одной справке, составленной «на пример» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1616 г., д. 1; 1619 г., д. 2; ф. 130, оп. 1, 1618 г., д. 1]. Нельзя не подчеркнуть, что данный тип ранжирования более удачно, по сравнению с предшествующим, вписывал служилых Чингисидов в общегосударственную структуру служилого сословия.

Поденный корм и питье

По поводу этой формы содержания Чингисидов мы можем уверенно говорить о ее существовании уже в XV в. Его же должны были получать служилые Чингисиды, которым к этому времени еще не успели назначить иные формы содержания, а также находящиеся в «нютстве». О размерах поденного корма мы можем судить, только начиная с XVII в. Вполне возможно, что первоначально за основу был взят дипломатический обычай содержать посольства за счет принимающей стороны, существовавший в Москве. Тем более что, по мнению Н. И. Веселовского, он целиком был скопирован с монгольско-тюркских образцов [Веселовский, 1911, с. 2].

На размеры содержания влияло большое количество факторов: семейное положение, количество людей во дворе, иерархический ранг среди иных Чингисидов, настойчивость того или иного человека и (наверное, самое главное) отношение к нему московского царя. Поденный корм и питье далеко не всегда выдавались вместе. В документах порой упоминаются только денежные выплаты, что лишь иногда означало отсутствие поденного питья. В ряде случаев (к примеру, во время приезда в Москву кормового царевича) назначался временный поденный корм в натуральном, а не денежном исчислении, и тогда питье автоматически включалось в дачу. Две эти разновидности содержания следует рассмотреть по отдельности.

Сохранилась полная информация о поденном корме сибирских Чингисидов, взятых в плен и отправленных в Москву в 1598 г. Подсчет царевичей, цариц, царевен, а также некоторых мирз с их семьями, отправленных в Москву 20 сентября того же года, дает

разные цифры. В любом случае, их было не менее 30 человек; на всех в день выдавали 1 руб. 13 коп., этого явно не хватало. Мирзам давали только по 2 деньги на день. Более всего недоставало хмельных напитков, но существовали определенные проблемы и с обычной едой, — тогда из столицы неоднократно посылались дополнительные деньги. Теперь на одного человека приходилось не менее 4–5 денег [АИ, т. 2, с. 6, 11]. Однако Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябинина считают, что расходы на знатных пленников были значительно больше. По мнению исследователей, мирзам полагалось не менее 1 руб. в день, царевичам и царицам — по 4–5 руб. Таким образом, вся 4-месячная операция по вывозу Кучумовичей и членов их дворов должна была обойтись государству не менее чем в 30 000 руб. [Маслюженко, 2010]. По нашим подсчетам, данные расходы были значительно меньше и составляли не более 150 руб.

По приезде в столицу им назначили поденный корм. Царевичи Асманак б. Кучум и Шаим б. Кучум получали одинаковые дачи. На день — 2 калача денежных, утку, курицу, 3 коп. «на мелкое» (в том числе и свечи), 4 чарки вина, четверть ведра меда паточного, ведро меда княжьего, на 3 дня воз дров, на неделю баран с шерстью.

Большая жена Кучума, царица Салтаным, с сыном Бибадшой, дочь Тулунбеке и одной «женкой» (служанкой), а также другая жена Кучума, Сюйдеджан, с сыном Курмышем, тремя дочерьми (Дерпадша, Молдур, Карачан) и одной «женкой» все вместе, на 9 человек (на самом деле, подсчет показывает 10 человек; скорее всего, годовалого царевича Бибадшу, как младенца, не учитывали) получали в день 9 куриц, барана с шерстью, 9 калачей, 3 хлеба денежных, полведра меда паточного, ведро меда княжьего, 4 коп. «на мелкое» и воз дров на 2 дня.

Супруга царевича Али б. Кучума, царица Ханзаде, с сыном Янсуюром и «женкой», жена царевича Каная б. Кучума, царица Данай, дочь Кучума Наурузбеке с «девкой», на шестерых получали 2 курицы, 6 калачей, 2 хлеба денежных, ведро меда княжьего, «на мелкое» 3 коп., воз дров на 3 дня. Аналогичные дачи получали царица Яндевлет, дочь Кучума Кумыз с мамкой и дети Бегей мирзы (сын Джан-Мухаммед, дочь Лалтак) с мамкой, а также царица Актулум с дочерью Гулефат, сыном Моллой, женкой и царицей Кубул с «женкой».

Царица Аксьюрюк с дочерью и «женкой» получали 2 курицы, 5 калачей, 2 хлеба денежных, 2,5 копейки «на мелкое», ведро меда, барана на 2 дня, воз дров на 3 дня.

Царица Шевлели с дочерью Азеп-салтан получали курицу, барана на 4 дня, 2 калача, хлеб денежный, полведра меда, 1,5 коп. «на мелкое», воз дров на 3 дня [АИ, т. 2, с. 20–21].

Осенью 1600 г. трем сибирским царицам, одному малолетнему царевичу, царевне, дочери некоего имелдеша, трем «жонкам» и двум «робятом» назначили следующий поденный корм: «на хлебы и на калачи по девети денег на день, на мелкая по четыре денги на день, по двое куров да погривенке масла на день, да на три дни четверик муки пшеничной, да на три ж дни пол четверика круп, овсяных, да на шесть день яловица» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1, л. 4].

В июне 1601 г. в Москву через Самару приехала еще одна дочь Кучума (жена ногайского мирзы Джан-Арслана б. Уруса?) с малолетним сыном (Тук б. Джан-Арслан?) и мамкою [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 1]. В поденный корм им на троих дали 10 денег. При этом в справке указали дачи иным Кучумовичам: «Сибирскому царевичю Берди-Мурату Кучумову с людьми с пятью человеки на корм по 4 алтын на день. Сибирскому ж царевичю Ишиму з двумя человеки на корм и на дрова по 3 алтын на день» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 3]. При этом по дороге царице полагалось 7 денег в день. Следует отметить, что содержание в дороге всегда было несколько меньше в сравнении с поденным кормом, жалованием на постоянном месте жительства.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в этом случае дачи являлись унифицированными и практически не зависели от статуса того или иного представителя рода. Некоторым исключением являются взрослые царевичи Асманак и Шаим — им единственным полагались пристава. У Асманака им был Савин Воейков, два «сына боярских молодых» и толмач Семейка Судаков. У Шаима — Федор Лопухин и толмач Семейка Герасимов.

Мы можем проследить, как происходил рост корма царевича Алтаная б. Кучума. Ок. 1615 г. Алтаная назначили корм 10 коп. на день, его людям, двум человекам, по 3 коп., хмельными напитками 3 чарки вина, 3 кружки меда, 4 кружки пива на день. Все в том же 1614/1615 г. денежное содержание повысили: царевичу до 20 коп., а одному из его людей — до 5 коп. [РГАДА, ф. 134, оп. 1,

1622 г., д. 1, л. 33]. Позднее корм, возможно, вновь повысили, так как в документах встречаются две суммы: 9 и 10 руб. в месяц с кормом его людей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 5–7]. Вскоре, в 1619 г. поденный корм увеличивают до 20 руб. в месяц. Поденное питье (на год $6\frac{3}{4}$ ведра вина, $136\frac{1}{4}$ ведра меда и $182\frac{1}{2}$ ведра пива), по просьбе царевича, а также перевели в денежное исчисление, но его размеры неизвестны [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 12; 1623 г., д. 10, л. 5–7]. Позднее в документах будут округлять общее количество годового питья до 7 ведер вина, 136 ведер меда, 182 ведра пива [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 80]. В 1637/1638 г. месячный корм увеличили до 30 руб., а поденное питье до 5 чарок вина, 6 кружек пива, 5 кружек меда [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1640 г., д. 2]. В 1643/1644 г. царевич за 15 руб. месячного корма испомещен в деревнях в Ярославском уезде, принадлежавших ранее жене князя Шейдякова. Больше увеличений, скорее всего, не было.

Обладание поместьями считалось несовместимым с получением поденного корма и питья, но имелись и исключения. В 1633 г. князю Калиннику Джансюеревичу Сибирскому назначили поденный корм в 20 коп. (по другим данным, 10 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 14, л. 7]) и питье — 5 чарок вина и по 3 кружки меда и пива [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 2, л. 8–9]. Летом 1636 г. его дед, сибирский царь Али б. Кучум, передал внуку часть своего поместья (596 чети без полуосьмины), и тут же поступило распоряжение не выдавать ему поденный корм [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1636 г., д. 2]. Однако уже в 1648/1649 г. у него упоминается поденный корм в 21 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 10, л. 2]. Сохранилась ли дача питьем, неизвестно.

Очень часто размеры назначенных пожалований не поддаются простому объяснению. В 1648 г. сибирскому новокрещеному царевичу Василию Ишимовичу назначили новичный поденный корм в 75 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 10 об.]. Для первой половины XVII в. это уникально большое пожалование, и ни у одного Чингисида больше этого не зафиксировано. Следует сказать «на пример» при назначении брались дачи князя стольника Григория Сунчалеевича Черкасского. На данный момент, как мы уже отмечали, они были наиболее крупными. Поденный корм крещеных детей Алтаная, Петра и Алексея, в 1654–1659 гг. составлял

1 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1655 г., д. 4, л. 1; 1657 г., д. 1; 1659 г., д. 3]. Скорее всего, он просуществовал еще некоторое время, пока не был заменен поместными пожалованиями. Вдовы сибирского царевича Алтаная, ханым Джан-тата Алеева мирзина дочь и Девлет-пача Смолянова, получали первоначально в месяц по 5 руб. на человека. В 1671 / 1672 г. его сократили до 2 руб. 50 коп. В 1682 / 1683 г. корм ханым Джан-тата вновь увеличили до 5 руб. [Беляков, 2005, с. 25; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1663 г., д. 1; 1664 г., д. 1; ф. 130, оп. 1, 1678 г., д. 1; 1682 г., д. 7, л. 66]. Иные царевичи 2-й половины XVII в. получали значительно меньший корм. Князю Богдану Калининскому Джансюереву полагалось 15 коп. в день или 48 руб. 75 коп. в год. 6 руб. удерживалось, т. е. по 1 руб. за каждый принадлежавший царевичу крестьянский двор. Его младшему брату, недорослю князю Федору, полагалось 6 коп. в день (21 руб. 90 коп. в год). Их матери, вдове княгине Марии, на день причиталось 10 коп. (36 руб. 50 коп. в год) [РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, д. 138, л. 4, 54, 70 об., 73 об., 75, 77, 110 об., 128, 137; д. 357, л. 17].

Следует особо остановиться на поденном корме цариц и царевен. Дело в том, что именно он указывает на их место в иерархии. Статус жен и дочерей Чингисидов находился в прямой зависимости от статуса их отцов, а затем и мужей. В случае выхода не за Чингисида, представительница «золотого рода» все равно в русских документах именовалась царицей и сохраняла высокий статус. Если у того или иного царевича отмечено несколько жен, то размеры их поденного корма также показывают степень их старшинства. При выходе замуж корм цариц приплюсовывался к корму их мужей, если те не получали доходы с городов или не обладали крупными поместьями. В случае выхода за не-Чингисида, они сохраняли свой корм. Размеры поденного содержания женщин были значительно меньше, нежели мужчин-Чингисидов, — он примерно равен корму мужей не-Чингисидов из знатных ногайских, сибирских и крымских мирз. Вдовам также назначался поденный корм в том случае, если им не давались прожиточные поместья из земельных владений их супругов. Трудно сказать, сохранялся ли поденный корм у покупавших вотчины вдов.

О размерах поденного корма Кучумовичей, находящихся в «нятстве», у нас имеется меньше упоминаний. Сибирский царевич Хансюер б. Али, сосланный в 1629 г. в Соликамск (позднее был пере-

веден в Устюг Великий), получал поденный корм в 4 коп. (14 руб. 66 коп. в год) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 1; 1638 г., д. 4]. Другой Кучумович, Аблай б. Ишим, находясь в Казани зимой 1635/1636 г. получал на день 6 коп. и 4 чарки вина. Когда его перевели в Белозерск, то на содержание оставили деньги. Царевич жаловался, что «тем ему сыту быть нечем» [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 10], и тогда из Москвы пришло распоряжение давать ему на день по 5 чарок вина и кружке меда, всего на 5 коп. в день. Однако из-за местных особенностей (недостаток меда) мед заменили 2 кружками пива [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 12а, 15].

Выплаты в каждом конкретном случае осуществлялись как ежемесячно, так и один раз в 2–3 или 6 месяцев. Раз в полгода получали, в частности, корм из ярославских доходов сибирские царицы и царевны, проживавшие в Касимове. Во второй половине XVII в. данный вид пожалований стал постепенно уходить из практики, ведь подавляющее число Чингисидов к этому времени имели значительные земельные пожалования. Известно, что сибирские царевичи, несшие придворную службу, получали некоторые дачи, которые нельзя однозначно отнести к поденному корму или к единовременным пожалованиям. Так, 16 июля 1664 г. царевичу Алексею Алексеевичу дали государева жалованья для его государевой службы 100 руб. 4 июля 1667 г. его же пожаловали 200 четвертями «ржи и овса тож» [Любимов, 1915, с. 67]. По существующим на то время ценам, эта дача в денежном исчислении могла стоить от 200 до 300 руб.

Теперь разберем натуральные пожалования, рассчитанные на кормовых Чингисидов, вызванных на время в Москву. К сожалению, у нас имеется не так много данных. По приезду в столицу сибирского царевича Арслана б. Али со своими людьми в 1603/1604 г., на 10 дней Арслан получил по 1 ведру меда малинового и вишневого. по хлебу да по калачу в день, на 6 дней по яловице (яловой корове) в 1 руб. 20 коп. и 2 барана по 20 коп. Его людям давали $1/2$ ведра вина (имеется в виду водка), 2 ведра меда белого, 5 гусей битых, 5 кур живых, 7 баранов живых и 2 яловицы. Кожи требовалось сдавать на ямской двор [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 31–32]. В других случаях давали некую единовременную денежную выплату или же начинали временно выплачивать поденный корм в Москве.

Дачи на корм лошадей, дрова, свечи

Дачи на корм лошадей, дрова и свечи также являются одной из разновидностей поденного корма. На подобный вид содержания имели права Чингисиды, получавшие поденный корм и не имевшие крупных поместий и вотчин. Скорее всего, он появился рано, но документально зафиксирован только в XVII в. Эти дачи также имели свои особенности. Неизвестно, распространялся ли он на всех кормовых иноземцев. Однозначно можно сказать только то, что для его получения, как правило, требовалось особое челобитье.

Сибирский царевич Алтанай первоначально получал дачу на конский корм и дрова в виде натуральной дачи (ее размеры неизвестны). Но в 1619 г. она переводится в денежное исчисление (1 руб. 20 коп. в месяц) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 12; 1623 г., д. 10, л. 5–7]. В 1653 г. ему стали давать дополнительно по 3 воза дров на неделю (всего 6 и 9 возов) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 5, л. 39–44].

Князь Калинин Джансюеревич также просил дачу на корм лошадей, дрова и свечи. Ее размеры не сохранились [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 14, л. 20]. После испомещения в 1636 г. эта форма содержания перестала выплачиваться. Царевич Василий Ишимович получал корм на 5 лошадей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 39]. Следует подчеркнуть, что «конский корм» выплачивался только с 1 ноября по 1 мая, т. е. когда лошадей нельзя было пасти. На лошадь полагалось 60 коп. в месяц [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 3]. Подобные дачи у крещеных Чингисидов известны и во второй половине XVII в. Иногда эти дачи компенсировались пожалованием поместий. Так, в 1656 г. сибирский царевич Петр Алексеевич получил за лошадиный корм, дрова и 46,2 руб. из поденного корма 500 четей в Суздальском уезде [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1655 г., д. 4]. Его брат Алексей в 1659 г. получал за конский корм по 3 руб. на месяц, а за дрова — 98 коп. в год (скорее всего, в месяц) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г., д. 3, л. 1]. Все дачи братьев, судя по всему, были идентичными. Получали корм на лошадей и «московские кормовщики», дети князя Калинника — князя Богдан и Федор [РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, д. 138, л. 81].

Для Чингисидов, находящихся «в нятстве», дачи на дрова и свечи включались в общую сумму поденного корма [РГАДА, ф. 131,

оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 3]. Данный вид пожалований сохранялся до конца XVII в., но постепенно от него отказываются, заменяя земельными пожалованиями.

Дачи на избное строение

Данный вид пожалований известен с XVII в., хотя его можно предположить и ранее. Первоначально Кучумовичей и их семья помещали на свободных дворах, но постепенно им стали предоставлять дворовые места и деньги на их покупку и обустройство. Деревянные города часто горели, поэтому татарские цари и царевичи регулярно подавали челобитные о пожаловании их деньгами «на пожарное разоренье». По XVI в. у нас имеются только косвенные упоминания об этом. Первая половина XVII в. освещена полно, во второй половине столетия эти дачи не зафиксированы. Отдельные пожалования, скорее всего, имели место, но в целом Чингисиды к этому времени успешно решили «квартирный вопрос».

У нас имеется информация о наличии у ряда сибирских Чингисидов московских дворов. В 1599 г., при приезде большой группы сибирских представителей «золотого рода», им тут же предоставили дворы. Царевича Асманака б. Кучума поселили на Белобородове дворе, Шаима б. Кучума — на дворе Алексея Хозникова. Большую группу царич с детьми обоего пола, а также выехавших с ними знатных татар планировали поселить на семи дворах, расположенных вокруг дома Михаила Зубина за Сретенскими воротами [АИ, т. 2, с. 20]. Следует отметить, что часть представителей рода, вывезенных в то же время в Россию, здесь не отмечена. Можно было бы предположить, что их также разместили неподалеку для того, чтобы легче контролировать. Однако на самом деле, размещение пленников произошло по-другому, о чем свидетельствует помета на документе, проигнорированная издателями XIX в. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 2].

Двор царевича Андрея Кучумовича в Москве находился рядом с Покровской улицей, «в переулке за кирпичным рядом», и имел размеры 46,44 x 38,34 м = 1780,5 кв. м [Беркович, 2011, с. 297].

Кучумовичам, владевшим крупными поместьями, дача «на пожарное разоренье» была не положена, но иногда допускались ис-

ключения. Летом 1633 г. сгорел купленный московский двор касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана, приехавшего «видеть государевы очи». Он подал челобитную, которую удовлетворили: Сеит-Бурхану дали из казны 200 руб. и отпустили в Касимов. Чингисид, а точнее, его родственники (Сеит-Бурхану было в это время ок. 11 лет, он приехал в Москву с матерью и, по-видимому, дедом, сеидом Шакуловым), вероятно, рассчитывали на нечто иное. В челобитной отмечалось, что у царевича нет подмосковных деревень [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 29–29 об.]. В это время его селили на свободных дворах. Позднее касимовский царевич просил денег на обветшавший московский двор, но ему было отказано [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1662 г., д. 1, л. 14]. Когда он появился и был ли куплен самим царевичем или же казной, неизвестно. В 1638 г. упоминается московский двор касимовского царевича в Белом Городе между Пречистенским монастырем и Варварскими воротами [Росписной, 1911, с. 140]. Он был обширным, до одного гектара [Сытин, 1958, с. 25]. Летом 1670 г. у касимовского царевича вновь отмечен двор в Белом Городе, между Сретенской и Мясницкой улицами, на Новой улице (современная Малая Лубянская) у церкви Иоанна Предтечи [РГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 413, ч. 1, л. 23, 26]. В дальнейшем, уже в XVIII в., двор достался А. Г. Долгорукову [Хайретдинов, 2002, с. 8]. Также известен его двор у Смоленских ворот, рядом с церковью Николая Чудотворца [Переписные, 1886, с. 88].

За князем Калининком Джансюревичем был двор в Белом Городе в Алексеевском переулке [Переписные, 1886, с. 113]. У сибирского царевича Петра Алексеевича в Москве упоминаются 2 двора: у Пречистенских ворот и у Николая Чудотворца Турыгина [Переписные, 1886, с. 44, 84, 147]. За его братом Алексеем Алексеевичем также значатся 2 двора: у Пречистенских ворот и в Белом Городе [Переписные, 1886, с. 44, 46]. У сибирского царевича Василия Алексеевича упоминаются 2 двора в Москве, отписанных в казну в 1718 г.: в Китай-городе у Варварских ворот и в Гнезdnиках, в приходе церкви Николая Чудотворца [Любимов, 1915, с. 71].

Двор в Москве мог погибнуть не только от обычного пожара. 9 июня 1649 г. двор царевича Василия Ишимовича на Никитской сгорел во время московского «смятения». Чингисид в это время находился у царя «вверху» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 34].

Как компенсировали ему потерю, у нас данных нет. Мы также знаем размеры пожалований на избное строение, положенное крестившимся царевичам. В 1633 г. князю Калиннику Джансюеревичу на это пожаловали половину его оклада (20 руб.) [РГАДА, ф. 131. оп. 1, 1633 г., д. 14, л. 17].

В 1628 г., в связи с ростом семьи, ярославский кормовой царевич Алтанай б. Кучум просит новый двор. Из Москвы пришло распоряжение оценить новый двор и отдать ему [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 8], но оно, по-видимому, не было исполнено. В 1639 г. царевич вновь требовал постройки нового двора, в противном случае грозясь занять любой посадский двор по своему усмотрению. В челобитье об этом ярославский воевода Петр Иванович Секирин отмечает, что Алтанай проживал на этом дворе, оцененном более чем в 300 руб., ок. 20 лет. При этом на протяжении 15 лет хоромы требовали ежегодных ремонтных работ стоимостью от 10 до 20 руб., и эти деньги шли из городской казны. Особо подчеркивалось, что отмеченные денежные средства не зачитывались в общий доход царевича, который тот получал из ярославских городских доходов [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1639 г., д. 34, л. 3–4]. В 1646 г. за Кучумовичем значатся 2 двора [Ярославские, 1913, стб. 137–138]. В этом же году здесь на посаде также отмечены дворы цариц Наг-салтан Карамышевой дочери Мусаитовой, Молдур Кучумовой дочери. Ай-ханыш и человека сибирского царевича Алмакая («Алмакай Кучумов сын»: по-видимому, Алтанай б. Кучум) [Ярославские, 1913, стб. 111, 122, 128, 134]. В 1685 г. в городе упомянуты дворы царевича Василия Алексеевича, княгини Анастасии, вдовы царевича Петра Алексеевича, княгини Анны Григорьевны, вдовы царевича Григория Алексеевича [Ярославские, 1913, стб. 600–601]. Данное сообщение достаточно показательно. Все знатные кормовые татары, в том числе и Чингисиды, имели право на бесплатное улучшение своего жилищного положения. В Москве расходы брала на себя казна, в иных городах (Ярославль, Ростов и некоторых других) это перекладывалось на посадское население. Труднее определить, кто оплачивал дворы родственниц касимовских царевичей XVII в., проживавших в Касимове [Переписная, 1892, с. 7]. Из городских доходов сделать это было затруднительно. Подавляющее их большинство составляло доход касимовского царевича. значит, деньги на это шли из Москвы, либо от их «владельческого»

родственника. На посадское население городов также возлагалось сооружение и охрана дворов-тюрем опальных Чингисидов.

В 1629 г. в Соликамск сослали сибирского царевича Хансюера б. Али, где для него построили отдельно стоящий двор за крепким тыном. Когда в августе 1636 г. по калмыцким вестям его перевели в Устюг Великий, воеводе на посадские доходы велели построить такой же двор и приставить к нему сторожей, которые должны были охранять его днем и ночью. Документы донесли до нас описание тына и режима содержания царевича: «И тыном избу огородили, и меж тынин тесом обили накрепко, и сторожей к нему приставили шесть человек, и велели им бытии безотступно днем и ночью и береженье держать великое и никою к нему не припущать, и не разговаривать с ним ни о чем, и ножа и никакова железа ему давать не велели» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 1; 1638 г., д. 4].

Дополняют эти сведения описание тюрьмы двоюродного брата Хансюера. В Белозерске в 1636 г. специально для сибирского царевича Аблая б. Ишима было велено построить особую тюрьму. Это была изба «о дву мостах по тюремному, и окна перебить железом толстым, и огородить тыном в паз, и укрепя накрепко, и поверх тына положить охлупки большого дерева и прибить гвоздями». При этом воеводе пришлось строить тюрьму наспех в зимнее время. Грамоту он получил только 1 февраля 1636 г., а царевич прибыл в город уже в конце этого месяца. В тюрьме сделали 4 окна, огородив трехсаженным тыном. Для «береженья» к тюрьме приписали двух посадских жителей и двух целовальников, которые посменно безотлучно должны были находиться у царевича. Для перевода назначили толмача-новокрещена. Царевичу запрещалось давать ножи, а также железные и деревянные предметы, которыми он мог навредить себе, при этом в посылаемых из Москвы указах специально оговаривалось, чтоб «без людей бы ему сидеть было не скучно» [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 1, 7, 15].

В целом, мы можем сказать, что первоначально дворы служилых Чингисидов в Москве находились преимущественно в Белом Городе. Дома в Китай-городе появляются позднее, во второй половине XVII в. Четких правил по распределению дворов татарских царей, царевичей, их родственников и членов дворов в иных городах не существовало. При этом следует отметить, что только в Касимове и Ярославле второй половины XVII в. они располагались

достаточно компактно. Последний случай, возможно, объясняется, в том числе, и делением дворов царевича Алтанаю между его наследниками.

Татарские цари и царевичи, судя по всему, не могли свободно распоряжаться теми своими дворами, что были им пожалованы, где бы они ни находились. Известно, что астраханский царевич Михаил Кайбулин (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али) просил разрешения продать двор в Касимове, унаследованный от матери [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1617 г., д. 2а, л. 7].

Дачи на одежду

Данные пожалования, по-видимому, появились одновременно с кормовыми Чингисидами. Возможно, в ряде случаев это распространялось на опальных царей, царевичей и членов их семей, долгое время содержащихся в тюрьмах. Документально они известны с XVII в.

Сохранилось дело по челобитью 1600/1601 г. сибирских цариц и царевен, захваченных в плен в 1598 г. Благодаря этому, у нас имеется информация о том, какие дачи на одежду получали они и их люди перед Смутой. Они оказались более чем скромными. В 1599/1600 и 1600/1601 гг. царице Шопшан, супруге хана Кучума, и царице Ханзаде (Кандазе), супруге царевича Али б. Кучума, царице Тотай, супруге царевича Каная б. Кучума, царевичу Янсюеру б. Али на зимнее платье (по другим данным, на летнее и на зимнее платье одновременно) давали по 4 руб. Дочери царицы Тотай, царевне Акныш, 1 руб., их людям дали: дочери аталыка Атаула — 3 руб., няньке царевича Янсюера с дочерью — 2,5 руб., Кутлубию и Уразлюю — по 2 руб., сыну Кутлубия — 60 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 2, 4]. Относительно низкие размеры дачи объясняются их статусом почетных пленников.

На одежду давали деньги и сибирскому царевичу Алтанаю б. Кучуму. С 1625/1626 по 1636/1637 гг. ежегодно ему выплачивали по 50 руб., но далее эту выплату стали предоставлять через год [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 7, л. 3–4].

Имеются сведения и о размере дач на одежду для Чингисидов, находящихся в тюрьме. Когда в 1635 г. под Уфой взяли в плен сибирских царевичей Аблая и Тауке, детей Ишима б. Кучума, вскоре

их перевезли в Казань. Здесь Аблаю дали шубу баранью (1,8 руб.), шапку (1,5 руб.), сапоги (49 коп.), полукафтан (2 руб.), рубашку и порты (1,5 руб.), штаны (1,8 руб.), двое чулок (30 коп.). Всего на 9,4 руб. В Белоозере, куда царевича отправили в тюрьму, подобные дачи он получал ежегодно [РГАДА, ф. 1107, оп. 1, д. 722, л. 41а, 41б]. Тауке, содержавшийся в Каргополе, скорее всего, получал подобную же дачу.

Во второй половине XVII в. царевичи, несшие придворную службу, получали, наряду с иными придворными дачами, пожалования одеждой. Так, 2 ноября 1680 г. сибирскому царевичу Василию Алексеичу изготовили 3 кафтана и 3 ферязи [Седов, 2006, с. 512].

Дачи на свадьбу

Этот вид пожалований документально известен только в XVII в., но он определенно использовался и ранее. Для вступления в брак служилым Чингисидам, как минимум, с начала XVI в. требовалось разрешение Московского великого князя (далее царя). Ряд свадеб крещеных царей и царевичей носили государственный характер, поэтому их организация оплачивалась казной. К ним, например, следует отнести свадьбу Андрея Кучумова. Организация подобных торжеств обходилась казне до нескольких тысяч рублей, и на них даже подарки молодым от гостей выдавались из казны.

Остальные царевичи получали значительно меньше. При этом закономерность в пожалованиях порою установить не представляется возможным. В 1613/1614 г. женился сибирский царевич Молла б. Кучум. На свадьбу ему дали годовой оклад (90 руб.). В 1618 г. его старшему брату Алтанаю тоже пожаловали только годовой оклад (150 руб.), а также прибавку из ярославских доходов в 50 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41; ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 1, л. 5].

В 1635 г. женился князь царевич Калинник Джансюеревич Сибирский. Ему дали «подмогу»: 5 пудов меду пресного, 5 ведер паточного, ведро «романей», ведро меда красного, 5 ведер «вина горячего», осьмина муки крупчатой [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 2, л. 7; д. 3].

В 1649 г. женился сибирский царевич Иш-Мухаммед б. Алтанай. На свадьбу ему дали 50 руб. Вскоре он овдовел, и на следующий год он вновь сыграл свадьбу, однако на этот раз дача составила только 30 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1649 г., д. 1; 1650 г., д. 2].

Получали дачи на свадьбу в XVII в. вдовы и дочери Чингисидов, выходившие замуж за кормовых мирз. В 1620/1621 г. ногайскому мирзе Канаю Еналееву сыну Шейдякову на свадьбу с племянницей касимовского царя Арслана дали 30 руб. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1619 г., д. 5, л. 276–280; ф. 131, оп. 1, 1630 г., д. 5, л. 16]. Имя невесты и ее отца неизвестны.

В целом, следует отметить тенденцию к постоянному понижению размеров натуральных и денежных выплат служилым Чингисидам в России XVII в. При этом первыми были ликвидированы натуральные пожалования, либо сведения о них не сохранились. Дачи на свадьбы второй половины XVII в. в документах на настоящий момент не обнаружены, хотя их наличие более чем реально. Касимовские цари и царевичи, имевшие большие поместья, не имели права на данный вид пожалований. Скорее всего, это относится и к иным Чингисидам, которым жаловались доходы с городов.

Во второй половине XVII в. дачи на свадьбу Чингисидам не зафиксированы. Вероятно, это связано с тем, что царевичи наделялись значительными поместьями и более не могли рассчитывать на этот вид пожалований.

Дачи за принятие православия

После принятия православия любому иноверцу была положена определенная дача, зависящая от его социального статуса. Чингисиды не являлись исключением. Как правило, им полагались крест и одежда, ведь новообращенный отказывался от прежнего образа жизни, официально становясь полноправным царским подданным, и, значит, русским. После приема у царя им жаловались шубы, шапки, отрезы тканей, серебряная утварь, соболя, деньги. Размеры дач сильно разнились.

7 сентября 1633 г. крестился Янбек (Джанбек) б. Джансюер (Хансюер) б. Али. Теперь он стал князем Калинником Джансюевичем и дворянином по московскому списку. За крещение ему дали одnorядку суконную с «круживом» в 10 руб., кафтан камчатый в 7 руб., тафтяные зипун и ферязь по 4 руб., бархатную шапку за 4 руб., серебряный крест, рубашку, порты и 2 пояса — всего в 2 руб., желтые и красные сафьяновые сапоги (всего 31 руб. 80 коп.). серебряный ковш весом в 2 гривенки (по другим данным, 1,5 гри-

венки), камку куфтерь в 10 руб., 40 соболей в 22 руб., 20 руб. денег, коня с нарядом [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12, л. 6–19; д. 14; 1648 г., д. 11, л. 1; 1651 г., д. 5, л. 17–19].

Князю Василию Ишимовичу Кучумову (Аблай б. Ишиму), крестившемуся 9 марта 1645 г. в Кирилло-Белозерском монастыре, дали дачу против Михаила Кайбулина. Это относилось к одежде. 20 марта из Москвы, напомним, велели на монастырские деньги справить новокрещеному царевичу кафтан камчатый, ферязи тафтяные, однорядку малинового цвета из английского сукна с завязками и плетением золотым, шапку бархатную черную с душкою, штаны багрецовые, сафьяновые сапоги, двое портов, рубашек и шелковых поясов. 26 ноября 1647 г. Василию за крещение пожаловали 30 руб., да на платье 30 руб. [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 25–28, 31–32]. Уже в Москве после приема у царя ему дали серебряный ковш, камку адамышку, сукно лундыш добрый, 40 соболей в 40 руб., 40 аршин сукна кармазин вишневого, 10 аршин камки зеленой травчатой и коня (лошадь) в 10 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2, л. 18].

В 1654 г. произошла целая серия крещений. Сохранилось упоминание о даче за смену веры сибирскому царевичу Иш-Мухаммеду б. Алтанаю. Ему дали 1000 руб., атлас червчатый, атлас светло-зеленый, атлас гладкий, камку куфтерь желтую, кармазин [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2, л. 26, 29 об.]. Вероятно, это неполная дача.

Мы видим, что размеры дач серьезно разнятся. Скорее всего, это было связано с несколькими причинами. Дачи XVI в., судя по всему, были еще значительнее, что объясняется статусом новокрещеных и тем эффектом, что производила смена веры Чингисидами. Однако в первой половине XVII в. данные события уже не имели подобного резонанса. И, как следствие, размеры дач сократились. Рост пожалований в середине XVII в. связан с личным участием царя Алексея Михайловича в проекте по продвижению православия среди знатных магометан.

Единовременные дачи

Далеко не всегда те или иные денежные и натуральные дачи легко классифицировать. Некоторые из них стоят достаточно обо-

собленно. В первую очередь, это относится к пожалованиям, связанным с участием Чингисидов в тех или иных дипломатических мероприятиях государства. Следует отметить, что служилые цари и царевичи чаще лишь опосредованно участвовали во внешнеполитических мероприятиях, но иногда случались исключения. В 1594 г. посол от казахского хана Таввакула (Тевкеля) б. Шигая Кул-Мухаммед (Кулмамет) посетил царевича Ураз-Мухаммеда, племянника своего господина, в его поместье, и вел с ними переговоры с глазу на глаз, без русских посредников. Дело в том, что Москва пыталась установить свой сюзеренитет над территорией Казахского ханства и использовать его в своих внешнеполитических интересах. Таввакул, в свою очередь, просил вернуть ему племянника, Москва же взамен требовала прислать в аманаты (заложники) сына Таввакула Усейна (Хусейна). Для приема посла царевичу выделили средства по его челобитью [Беляков, 2007, с. 34; РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 33, 35].

Вклады на помин души

В России XVI–XVII вв. большое значение придавали не только земной, но и загробной жизни. Для того чтобы обеспечить лучшую долю в последней, практиковались, в частности, денежные и натуральные вклады в монастыри и отдельные храмы на помин души. По крещеным Кучумовичам они также известны.

Московский Новодевичий монастырь. Касимовские царевичи (скорее всего, Василий Арасланович) во второй половине XVII в. договорились с монастырем о спорной мельнице на р. Сетунь (один берег принадлежал царевичу, другой — монастырю). До 1653 / 1654 г. монахини платили ежегодно за пользование мельницей 2 руб. [РГАДА, ф. 281, оп. 5 (Московский уезд), № 7286: ф. 1209, оп. 1, кн. 9809, л. 691 об.], им было дано право молотье ежегодно на мельнице по 12 четвертей хлеба. По другим данным, она перешла в безраздельное пользование монастыря, за это в синодик записали род касимовских царевичей (77 имен, при этом сюда внесли имена их многочисленных русских родственников) [Источники, 1985, с. 258]. В списке упомянуты 19 человек с титулом царевича, царевны или царицы. Среди сибирских царевичей к данному времени не было столько крещеных представителей рода.

Скорее всего, сюда внесены и представители московских правящих династий. Так, здесь упомянута царица и великая княгиня Леонида. При этом явно преобладают женские имена. Можно предположить, что в род (по ошибке?) касимовского царевича Василия Араслановича включили имена дочерей и жен московских царей, поминаемых в монастыре, но при этом здесь отсутствуют имена детей царевича Василия, умершие ранее отца (Яков). В литературе отмечается, что поминальные записи в вечном синодике, как правило, охватывали 3, максимум 4 поколения одной семьи и могли включать до 50 имен [Штайндорф, 2000].

Троице-Сергиев монастырь. В одном из синодиков монастыря в записи рода жены князя Петра Эльмирзина Черкасского, Анастасии Васильевны Нагой, отмечены сибирские царевичи Петр и Дмитрий [ОР РГБ, ф. 304, II, № 818, л. 23 об.]. Это, скорее всего, ее муж Петр Алексеевич (Дост-Мухаммед б. Алтанай) и его племянник Дмитрий Алексеевич. В данном случае не совсем понятно, по каким причинам сюда внесли имя царевича Дмитрия. Наличие записи свидетельствует о сделанном в монастырь вкладе на помин его души.

Московский Златоустовский монастырь. 13 августа 1679 г. княгиня Анна Григорьевна сделала в монастырь по своему мужу, касимовскому царевичу Никифору Васильевичу, вклад в 50 руб. 7 апреля 1698 г. касимовский царевич Иван Васильевич также сделал вклад по себе в 50 руб. [РГАДА, ф. 1190, оп. 1, д. 6, л. 75–78]. Помимо этого, Анна Григорьевна пожаловала в монастырь богатую ризу из «золотой по красной земле» парчи, расшитой жемчугом и драгоценными камнями. Только камни были оценены в 314 руб. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 417–418]. Скорее всего, это далеко не все вклады «по душе» представителей рода касимовских царевичей второй половины XVII — начала XVIII вв., ведь именно здесь находилась их родовая усыпальница.

Московский Новоспаский монастырь. Эта обитель являлась родовой усыпальницей сибирских царевичей во второй половине XVII — начале XVIII вв. Скорее всего, сюда были сделаны значительные вклады от них [Любимов, 1915, с. 70], однако во вкладной книге монастыря они не отмечены.

Соловецкий монастырь. В 1650 г. боярин Василий Иванович Стрешнев пожертвовал покров на могилу митрополита Филиппа

(Колычева), созданный в золотошвейной мастерской его жены Евдокии Андреевны, дочери сибирского царевича Андрея Кучумова. После перенесения мощей святого в Москву пелена хранилась в Успенском соборе Московского Кремля [Маясова, 2004, с. 308–309].

Московский Страстной девичий монастырь. 4 сентября 1659 г. касимовский царевич Василий Арасланович дал вклад в монастырь по душе своего тестя Никифора Юрьевича Плещеева и его жены Марфы: серебряную, частично позолоченную водосвятную чашу весом 4 фунта. Она была известна еще в 1890 г. [Шишкин, 1999, с. 124–125]. Можно с уверенностью предположить, что в данный монастырь делались и иные вклады, а в его синодике имелись записи и о памятовании Василия Араслановича, его супруги и детей.

Касимовский Казанский девичий монастырь. В данном монастыре не сохранилось прямых указаний на вклады на помин души, но они, очевидно, имелись. Дело в том, что здесь был погребен касимовский царевич Яков Васильевич. В литературе отмечены предания о пожаловании самим царевичем двух богатых священнических риз, а его матерью и сестрами — шитой иконы Богоматери. Документы говорят о том, что длительное время на протяжении XVII в. касимовские царевичи содержали обитель на свои средства [Шишкин, 1999, с. 112].

Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. В синодике монастыря отмечен род сибирского царевича Андрея Кучумовича [Титов, 1895, с. 8]. Этот факт позволяет нам утверждать о вкладах царевича (или по царевичу, что в данном случае кажется более справедливым) в обитель.

Следует отметить, что обеспечение клира сельских церквей землей из вотчин и поместий крещеных Чингисидов, судя по всему, являлось обычной практикой. Известны подобные пожалования касимовских царевичей второй половины XVII в. Так, священнику вновь построенной церкви Николая Чудотворца в с. Шоста Елатомского уезда царевич Иван Васильевич в конце XVII — начале XVIII вв. дал 10 четвертей земли в одном поле и 50 копен сена [Книги, 2004, т. 1, с. 402–403]. Скорее всего, это предусматривало поминание царевича и всего его рода.

* * *

Приведенные данные свидетельствуют о том, что крещеные Кучумовичи в своем большинстве не стали истинно верующими христианами. Зафиксировано относительно небольшое количество вкладов, при этом подавляющее большинство из них явно были сделаны русскими женами сибирских царевичей.

Иные источники доходов

Следует отметить, что среди служилых татарских царей и царевичей известны примеры, когда более состоятельные родственники помогали менее состоятельным. Так, касимовский царь Арслан б. Али в первой четверти XVII в. посылал ежегодно в Ярославль к своим кормовым родственникам (отцу и «братъеи») по 50 и больше подвод [Беляков, 2006, с. 14; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 26]. В это время в Ярославле жили сибирский царь Алей б. Кучум, сибирские царевичи Алтанай б. Кучум (с женой, дочерью царевича Мухаммед-Кула б. Атаула) и Култуган б. Али (умер 2 октября 1623 г.), две жены племянника Кучума Мухаммед-Кула б. Атаула, Алма-бики и Ай-ханыш (дочери касимовского царя Арслана), опальная жена Арслана Алеевича Наг-салтан (родная сестра Исиня Карамышева), а также вдова шемаханского (шарманшанского) царевича Шихима (Шейх-Муаммед б. Мухаммед) царица Ханыш с дочерью и кормовые мирзы, многие из которых являлись родственниками и свойственниками Чингисида [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 9; 1627 г., д. 1, л. 59; 1626 г., д. 4, л. 3–4].

Таким образом, мы вправе утверждать, что в России существовала развитая система материального содержания Кучумовичей. Формы пожалования различались в зависимости от положения того или иного царя и царевича.

В целом, их содержание можно разделить на положенное всем и только кормовым Чингисидам. При этом разновидностей пожалований постепенно становилось больше, а их апогей приходится на первую половину XVII в. Наиболее широкий диапазон дач имели кормовые Чингисиды. Они находились в самом уязвимом положении, даже простая задержка тех или иных выплат могла привести к определенным финансовым затруднениям, поэтому по

данной категории Чингисидов сохранилось больше всего известий. Как правило, даже простая пролонгация постоянных денежных и натуральных выплат на следующий год требовала коллективного или индивидуального челобитья от получателя, что, в свою очередь, порождало активную переписку между приказами. В особенно тяжелом положении оказались кормовые Кучумовичи, проживавшие в городах, однако его «тяжесть» все же не следует преувеличивать.

Все Чингисиды в России XVII в. ведались в Посольском приказе, поэтому для получения той или иной дачи требовалось написать челобитную во внешнеполитическое ведомство. Здесь готовилась справка по этому делу с многочисленными примерами, с которой думный дьяк отправлялся к царю. После принятого решения подьячий писал память в приказ Костромской четверти, в котором ведался Ярославль. Оттуда, в свою очередь, посылались грамоты воеводе в Ярославль, и он поступал именно так, как ему предписывали. Иногда, правда, грамоты посылались непосредственно из Посольского приказа, минуя посредников.

Кормовые Чингисиды, проживавшие в Москве, находились в несколько более выгодном положении. Но и по их челобитным приходилось писать памяти в приказы, из которых представители «золотого рода» получали те или иные дачи.

На каждом этапе данной процедуры могли возникнуть различные злоупотребления. Наиболее часто встречаемые — это ошибки подьячих при составлении выписей «на пример» для доклада к царю или же «правильно» подобранные выписи «на пример» (выше мы указали на некоторые замеченные неточности).

Встречается и «нелюбовь» того или иного приказного к конкретному Чингисиду. На сегодняшний день удалось найти один такой пример: сибирский царевич Алтанай б. Кучум обвинял дьяка Савелия Романчукова в затягивании дела о его верстании поместным окладом и денежным жалованием [РГАДА, ф. 130, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 1]. В 1634/1635 г. царицам Салтан-бике и Нал-бике, по их челобитью, для меньшей волокиты поденный корм стали давать в Касимове, где они постоянно проживали, а не в Ярославле, как ранее [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1632 г., д. 2, л. 10–12]. Скорее всего, это было связано с необходимостью постоянных личных приездов (несколько раз в год) или же их приказных людей в Ярославль за

полагавшимся кормом, что приводило к дополнительным денежным тратам со стороны цариц.

Как всегда, многое решал т. н. «человеческий фактор». Только какими-то личными пристрастиями царя Алексея Михайловича по отношению к царевичу Аблау (Василию Ишимовичу) можно объяснить тот факт, что новокрещеный Чингисид, прожив при дворе около года, за это время успел получить значительный новичный поденный корм и иные пожалования, что обеспечило ему достойное материальное положение. Также он вполне успешно начал придворную карьеру: вначале его пожаловали в стольники, а затем, 5 апреля 1648 г., в кравчие [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11]. У него были все шансы взлететь достаточно высоко, но в 1649 г. он умер. По-видимому, в истории с Чингисидом большую роль сыграло явно осознанное и добровольное решение о смене веры, что не могло не импонировать православному государю. История с внуками хана Кучума, царевичами Петром и Алексеем Алексеевичами, несколько иного рода. Судя по документам, они стали вполне послушным орудием в руках московского государя, стремившегося, по примеру царей XVI в., поднять свой престиж за счет образа «царя царей». Чингисидов стали даже вновь назначать номинальными полковыми воеводами в действующую армию. В это же время в России оказались грузинские царевичи, которые несколько потеснили ранее выехавших Чингисидов.

Другие представители рода оказались в диаметрально противоположной ситуации, как, например, жены царевича Алтаная б. Кучума. Им приходилось проявлять повышенную активность, чтобы хотя бы сохранить первоначальный уровень своего содержания [Беляков, 2005, с. 25]. Эти почетные «пенсионерки» были только материальной обузой для Москвы, их было невозможно использовать в каких-либо целях. Низкое материальное положение иных крещеных Чингисидов второй половины XVII в., значившихся как «московские кормовщики», объяснить сложнее.

Что касается материалов XVII в., то по количеству документов на выдачу пожалований и разнообразных дач тому или иному Чингисиду в какой-то степени можно судить об уровне заинтересованности в нем или о личной привязанности к нему московского государя.

Нельзя не отметить и того факта, что первоначально появились дачи только татарским царям и царевичам. Пожалования ногай-

ским, крымским, сибирским мирзам и кабардинским князьям, по видимому, назначались по образцу дач для Чингисидов. Следующим шагом стало помещение в начале XVII в. выписей о пожалованиях служилым царям, царевичам и мирзам в одних справках. Наконец, со второй трети XVII в. уже царевичам частенько начинают «на пример» писать дачи мирз. Это, вероятно, показывает изменение уровня политической и, возможно, военной целесообразности наличия и использования служилых царей и царевичей. Однако с началом своеобразного ренессанса в отношении служилых Чингисидов в эпоху царствования Алексея Михайловича ситуация стала постепенно принимать первоначальный характер. В целом, пожалования Чингисидам отличались от дач иным иноземцам (в первую очередь, европейцам), поэтому, в силу своей несколько большей составляющей, они значительно чаще становились предметом исследований.

Глава 5

Кучумовичи и окружение царевичей

Вокруг каждого Кучумовича в России постепенно складывался свой двор. При этом его размеры каждый раз были различными и колебались от нескольких человек до нескольких десятков. Судя по источникам, в них входили аталыки, имелдеши, князья, мирзы, сеиты, рядовые татары (казаки), а также лица, исполнявшие определенные административные и хозяйственные функции.

Необходимо отметить, что мы рассматриваем понятие «двор» в несколько расширенном формате, включая сюда не только верхушку окружения, но всех служащих того или иного Чингисида, включая военных холопов, а в ряде случаев и обычных холопов. тем более что документы порою не позволяют нам отделить одних от других.

Сначала имеет смысл разобраться, что представляла собой каждая из упомянутых категорий по отдельности. Заметим, что в нашем

распоряжении имеется информация почти исключительно по проживавшим в Касимове Кучумовичам.

Аталыки. Аталычество (*тюрк.* аталык — «вместо отца», от «ата» — «отец», в русских источниках «дядька» или «мамич») — обычай, по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание, был распространен среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани и Сибири. Возращение воспитанника в родную семью происходило по достижении определенного возраста (у одних народов — зрелости, у других — 7–8 лет) в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателями и родителями [Косвен, 1935].

Аталыки иногда имели очень большой вес и пользовались значительным доверием правителей, зачастую им давали наиболее ответственные поручения. Аталыки неоднократно упоминаются в связи с Кучумовичами, при этом они занимали высокое положение во дворах своих воспитанников.

Имелдеш (эмилдеш), или молочные братья, часто были детьми аталыка. Они, наряду с аталыками, являлись костяком дворов выезжих татарских царей и царевичей [Добродомов, 1986; Добродомов, 2005]. Дочери имелдешей и аталыков в ряде случаев становились женами Чингисидов, близких родственников их молочных братьев. Следует отметить, что в Касимове XVII в. существовала практика, по которой кормилицами у сибирских Шибанидов становились дочери прежних кормилиц, на что указывает значительное количество имелдешей, чьи отцы также отмечены как имелдеш [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 248–249, 449; Беляков, 2006а, с. 367, 370; Беляков, 2006б, с. 389, 391, 396]. Этот факт можно объяснить стремлением отдельных Чингисидов (в первую очередь, сибирских Шибанидов) по возможности наиболее полно сохранить в своем ближайшем окружении круг лиц, с которыми были связаны воспоминания об их или их предков жизни еще в Сибири. Таким образом, перед нами, возможно, попытка мемориализации в условиях проживания в России мельчайших воспоминаний об эпохе независимости Сибирского ханства. При этом было престижно являться и сыном имелдеша. По крайней мере, ссылки на подобное родство также встречаются в документах.

Кормилица (мамка). В данном случае — женщина, вскармливавшая своим молоком того или иного представителя «золотого рода», мать имелдеша. В ряде случаев, она же жена аталыка. Связь между кормилицей и ребенком порою была достаточно сильной. Она могла многократно возрастать в условиях, когда Чингисид попадал на территорию Руси в юном или даже младенческом возрасте, в особенности если ребенок был разлучен со своими родителями. Иногда она могла занимать при дворе того или иного царевича положение неформального лидера.

Князья, по-видимому, являлись представителями родовой знати тех или иных племен, или союзов племен (элей), с которыми тот или иной Чингисид до выезда был наиболее близок.

Мирзы (мурзы) — эмирзаде (буквально слово переводится как «сын эмира»). В последующем этим словом стали обозначать всех представителей родовой знати и даже просто грамотных людей. Они составляли наиболее обширную часть верхушки дворов служилых царей и царевичей. Следует отметить, что в России имелся собственный взгляд на восточную титулатуру, который несколько отличался от укоренившегося в славянских землях. Так, в ряде случаев мирза по своему статусу мог быть значительно выше князя. В первую очередь, это касалось выходцев из Ногайской Орды. Потомки Эдиге, если они не являлись биями, нураддинами или кековатами (глава Ногайской Орды, а также главы правого и левого крыльев Орды соответственно) [Трепавлов, 2001, с. 77], всегда именовались мирзами. Княжеское достоинство даровалось им только с крещением. Некоторые представители родовой знати из иных кланов изначально именовались князьями, хотя в Москве прекрасно понимали, что по своему статусу они находились ниже иных мирз. Судя по всему, в данном случае сказывалось затруднение в подборе аналога в русской терминологии.

Казак являлись рядовыми членами дворов Чингисидов, именно они составляли большую часть военного отряда.

Сеид (саййиди) — вождь, господин, глава (синоним — шариф: «благородный, знатный»). В мусульманском мире так называют потомков четвертого праведного халифа Али (652–662 гг.), жена того на Фатиме, дочери пророка Мухаммеда. К женщинам прилагается термин саййиди или ситти («моя госпожа»). Чингисиды признавали сеидов «первенствующим сословием» уже в XIV в.

Они составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и пользовались у верующих почетом и многими привилегиями. Их считали главными носителями религиозных идей. Только сеиды могли безнаказанно говорить всю правду мусульманским правителям и укорять их за несправедливый образ жизни. Они не подлежали смертной казни, а в сознании мусульман часто отождествлялись со святыми (аулиями). Сеиды брали себе жен из любой социальной группы, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за людей из другого слоя, так как потомки от такого брака приобретали все права и привилегии сеидов. Бывали случаи, когда среднеазиатские государи не-Чингисиды в XVIII–XIX вв. насильственно брали себе в жены девушек из первенствующего сословия, чтобы их потомки могли присоединить к своему титулу и звание сеида [Султанов, 2006, с. 23–24]. Известны примеры, когда сеиды, помимо религиозных функций, в ряде постзолотоордынских образований (Касимов, Казанское ханство) выполняли военные и административные обязанности. Так, в Касимове XVII в. один из них, Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов, судя по всему, являлся дворецким касимовского царя Арслана б. Али, а затем и его сына Сеит-Бурхана. Здесь же с середины XVI в. фиксируется военное подразделение служилых татар — Сеитов полк, одно время возглавляемый непосредственно сеитами [Беляков, 2006а, 2006].

Касимовские сеиды Шакуловы оказались тесно связаны с Кучумовичами, проживавшими в городе. Первый документально зафиксированный его представитель в Касимове — Кашки сеид б. Сеид-Бурхан сеид б. Шах-Кули сеид, возглавлявший городецких татар в Касимове во второй половине XVI в. По семейному преданию, Шах-Кули сеид Багатур, от которого и произошло родовое прозвище, выехал в 1484 г. (?) с крымскими царевичами. Скорее всего, речь идет о приезде в Москву из Литвы свергнутых крымских царей Нур-Даулета и Хайдара, детей Хаджи-Гирея, а также сына Нур-Даулета Бир-Даулета.

Буляк сеид б. Кашки сеид участвовал в церемонии объявления царем на Касимове Ураз-Мухаммеда б. Ондана. Его сыновья Иш-Мухаммед и Ак-Мухаммед упоминаются во дворах касимовских Чингисидов: царя Арслана б. Али и царевича Сеит-Бурхана б. Арслана. Им даны деревни из поместья Арслана и Сеит-Бурхана. Дочь

Ак-Мухаммеда сеида, Фатима-салтан (ок. 1590–1681 гг.) — супруга касимовского царя Арслана б. Али (ок. 1605 г.), мать касимовского царевича Сеит-Бурхана. Ак-Мухаммед упоминается как сват Аликей аталыка б. Акай мирзы (по-видимому, аталык царевича Сеит-Бурхана б. Арслана). В 1646 г. в Касимове известны дворы Ак-Мухаммеда, а также Вал-Мухаммеда и Тер-Мухаммеда, детей Иш-Мухаммеда, Дост-Мухаммеда и Ша-Мухаммеда, детей Кутуша [Холмогоров, 1892, с. 7]. В 1653 г. в Москве Ак-Мухаммед, его сын Тениш (Тин-Мухаммед, зять Аликей аталыка б. Акай мирзы), а также Дост-Мухаммед б. Кутуш (Кутум?) давали шерть отдельно от остальных татар Сеит-Бурхана в Посольском приказе. Вместе с остальным двором шерть приносили Ша-Мухаммед б. Кутуш и Досай сеид б. Шемай (Ша-Мухаммед) сеит б. Кутушай сеид [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 17–17 об.].

Якуб б. Сеид-Ахмед б. Тин-Мухаммед в 1680 г. как переводчик посылался с посольством в Крым. В начале 1681 г. он там умер, а до этого якобы жил в Елатье.

Во второй половине XVII в. некоторые представители семьи, по-видимому, приняли православие. В 1682 г. некий Сеид Давыдов Шакулов, в крещении Василий Петров, за вину отставлен из дворян по московскому списку и послан до указа в Киев. За отказ поменять веру в 1715 г. остальные Шакуловы были переведены в разряд однодворцев. По первой ревизии, в 1720-е г. в Касимове значатся однодворцы Якуб (Егуп) б. Сеид-Ахмед с сыном Бектемиром и родственниками Назар-Маметом и Вал-Маметом. В 1723 г. в Татарской слободе г. Касимова отмечен двор некоего Курмака сеита Перемометева сына Шакулова, 17 лет, во дворе которого проживали его дворовые люди [РГАДА, ф. 350, оп. 2, кн. 1295, л. 47].

В 1768 г. Бектемир б. Якуб б. Ахмед (Сеид-Ахмед) (женат на сестре Кутлу-Мухаммеда Тевкелева (генерал-майор Алексей Иванович) Урай), его дети Мустафа, Бурхан а также сеиды Муса, Темир-Булат, Муртаза, Мухаммед (также, по-видимому, Шакуловы) участвовали в реставрации касимовской соборной мечети. Бурхан в этом году значится однодворческим сотником Татарской слободы. Материальное участие в строительстве мечети говорит о достатке семьи. Потомки Бурхана (кожевенный заводчик Хамса б. Салих б. Бурхан) продолжали заботиться о мечети и в XIX в. После разрешения однодворцам ходатайствовать о возвращении им прав дво-

рянства, Муртаза и Муканей (Мухаммед), дети Бектемира, также подали прошение в Рязанское дворянское депутатское собрание. Первоначально их претензии были признаны достаточными, но данное определение собрания не было удовлетворено Сенатом.

В XIX в. Шакуловы являлись богатыми касимовскими купцами. После Октябрьской революции многие представители рода подверглись репрессиям. На рубеже XX–XXI в. в Касимове жила последняя представительница семьи по женской линии [Беляков, 2015а].

Абызы (хафизы, «хафиз ал-Куран» — знающий Коран наизусть). Первоначально так называли тех, кто знает наизусть весь Коран, позднее — это просто грамотный, образованный человек. Известны случаи, когда они являлись учителями. Исполняли они и культовые обязанности, и подчас русские власти отождествляли их со священниками. Можно предположить, что в России они выполняли и некоторые административные функции; так, в начале XVIII в. именно на них возлагался сбор отдельных видов государственных налогов (медовый сбор) со служилых татар «их приходу», также они совершали обряд «венчания» и отвечали за сбор венчальных денег с «первоженцев» [ГАРО, ф. 1750, оп. 1, д. 375, 382, 385], — по крайней мере, на это указывает значительное число абызов в Касимове начала XVII в. Скорее всего, абызы имелись во всех более или менее крупных дворах Чингисидов, оставшихся верными исламу. Нельзя не сказать и о том, что известны примеры, когда абызы выполняли совсем неожиданные функции. Так, ногайский бий Исмаил б. Муса безуспешно пытался вернуть себе абыза Тучке, на что ему отвечали, что абыз нужен московскому царю, так как он лечит лошадей на государевой конюшне [Продолжение, 1795, с. 256; Беляков, 2015].

Также следует отметить представителей дворов Чингисидов, выполнявших те или иные функции. Здесь речь пойдет почти исключительно о царях и царевичах, сохранивших мусульманское вероисповедание.

Казначей упоминается в Касимове в 1628 г. У него имелась особая книга, в которой он фиксировал все движения казны [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9, л. 2].

Ключники (2 человека) известны только в начале XVII в. [Беляков, 2006, с. 17; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 54]. Можно предположить, что они находились в подчинении казначея.

Дворецкий контролировал хозяйство (в первую очередь, поместья, кабаки, таможи, рыбные ловли, перевозки и др.), как и иные доходы (пошлины, поступающие с городского посада и суда над татарами) своего господина. В первой половине XVII в. эту должность в Касимове, вероятно, исполнял отец царицы Фатимы Шакуловой Ак-Мухаммед сеид Шакулов, хотя, скорее всего, он с кем-то делил ее [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1]. Последний раз дворецкий отмечается в 1669 г., когда мимо города проезжал Я. Стрейс [Стрейс, 2000, с. 347], однако в данном случае под дворецким мог пониматься любой человек, встретивший его во дворце касимовского царевича в отсутствие хозяина.

Скорее всего, имелись при Чингисидах (в особенности, тех из них, которые недавно попали в Москву и не знали русского языка) **толмачи** или **переводчики** (первые, напомним, являлись специалистами по устному переводу, вторые по письменному и устному). Данную роль, по-видимому, поручали представителю Посольского приказа или ведомства, предшествовавшего ему (приказ Казанского и Мещерского двorca). Этот человек играл важную роль в контроле за тем или иным представителем «золотого рода».

Конюхи в значительном количестве отмечаются в Касимове в первой половине XVII в. **Псари** (конные псари) также отмечаются у касимовских Чингисидов. Они по своему статусу стояли ниже конюхов. Известны у Кучумовичей люди, отвечающие за соколиную охоту (**сокольники**).

Имелось у служилых Чингисидов и значительное количество рабов из числа военнопленных, выполнявших те или иные обязанности. Так, у касимовского царя Арслана б. Али, а затем и у его сына Сеит-Бурхана, отмечен, как мы ранее уже говорили, пленный литвин, выполнявший функции **повара** [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1].

Во дворах Кучумовичей также можно увидеть людей, по своему статусу близких русским стольникам («перед царем еду ставил» [Беляков, 2003б, с. 61]). Однако в русских документах они никогда не назывались стольниками. Можно предположить, что тем самым подчеркивалось отличие в положении и возможных служебных обязанностях-назначениях «стольников» при дворе московского царя, с одной стороны, и татарских царей и царевичей — с другой. Либо же касимовский служилый татарин, из челобитной

которого мы знаем об этом факте, имел более чем неполное представление о функциях русских стольников.

Здесь также нужно помнить, что в Касимове XVII в. подавляющее большинство воевод были стольниками. Возможно, именно этот факт не позволил касимовскому татарину применить данный термин.

Первоначально служилые татарские цари и царевичи пытались перенести на русскую почву привычные реалии устройства своих дворов, или же Москва стремилась поддерживать их определенный статус. М. В. Моисеев подчеркивает, что в XV–XVI вв. Чингисиды, как правило, эмигрировали со своими уже сформировавшимися на родине дворами. При этом исследователь отмечает, что «имеющаяся информация показывает значительное совпадение состава (конечно, не поименного, а, если так можно выразиться, починовного) дворов степных ханов и султанов с их эмигрировавшими “коллегами”» [Моисеев, 2013, с. 28]. Однако это справедливо только по отношению добровольно выехавших или выехавших в относительно мирных условиях. В других случаях мы можем наблюдать постепенное формирование дворов вокруг того или иного представителя «золотого рода». Наиболее наглядно этот процесс прослеживается на примере Ураз-Мухаммеда б. Ондана, Арслана б. Али и Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда [Беляков, 2006; Беляков, 2007; Беляков, 2007а].

Постепенно происходило неизбежное упрощение и видоизменение системы, по крайней мере, мы наблюдаем это в зеркале русской приказной документации. На самом деле, данные процессы могли протекать несколько иначе, но практически полная гибель архивов Чингисидов не позволяет нам взглянуть на них более широко.

В XVII в. дворы в основном формировались за счет выезжих татар или дворов умерших родственников, хотя фиксируются и представители служилых московских (в первую очередь, мешчерских) татар. У служилых Чингисидов мусульманского вероисповедания отмечаются и православные дети боярские [Беляков, 2006, с. 17]. При приеме во двор служилых татар главным требованием, по-видимому, было, чтобы они до этого не служили московскому царю [Беляков, 2007а, с. 109–110]. Их положение, возможно, следует сравнивать с условиями несения службы боевых холопов. Чингисид, из своих пожалований и доходов, жаловал их землями,

денежным или натуральным содержанием или же кормил и одевал полностью за свой счет, что было присуще для дворов испомещенных служилых царей и царевичей. Люди дворов кормовых Чингисидов получали поденный корм и питье из доходов тех городов, к которым приписан их сюзерен, при этом его жалование засчитывалось в общую сумму содержания, затрачиваемого на того или иного Чингисида. Однако теперь его татары могли перейти на иную службу, как правило, к московскому царю или другим знатым служилым татарам, причем далеко не всегда к родственникам прежнего своего сюзерена. Переход мог осуществляться как при передаче двора от отца к сыну по наследству, так и в иное время. В 1625 г. касимовский царь Арслан б. Али подал челобитную, в которой просил запретить его людям самим шертовать и целовать крест воеводам и приказным людям по городам, минуя царя. Мирзам шертовать запретили, но детям боярским — нет [Беляков, 2001а, с. 37–38; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1625 г. д. 22, л. 11–11 об.]. Тем самым, мы видим, что дети боярские пользовались несколько большей свободой по сравнению со служилыми татарами.

В случае смерти Чингисида, двор переходил по наследству его детям или братьям. В противном случае, они как выморочные испомещались Московским великим князем (царем) и создавали новую служилую корпорацию. По крайней мере, эта практика существовала в Касимове. На рубеже XVI–XVII вв. в Касимове имелись: Сеитов полк (городецкие татары), Царев (Шигалеев) двор и татары двора детей астраханского царевича Абдулы (Кайбулы) б. Ак-Кобека, а также татары царей Ураз-Мухаммеда б. Ондана и Арслан б. Али. Скорее всего, подобная практика действовала и в иных регионах. При испомещении татар небольшими анклавами. в окружении русского населения они достаточно быстро ассимилировались. Это объясняет, почему в городах, в которых проживали служилые Чингисиды со своими дворами, за исключением Касимова, через какое-то время уже трудно найти следы татар [Готье, 1937, с. 195; Азовцев, 2003, с. 30–32].

Обратимся к дворам Кучумовичей, и начнем с казахского, а затем сибирского царевича, ставшего впоследствии касимовским царем, Ураз-Мухаммеда б. Ондана. Как мы уже говорили, Ураз-Мухаммед по формальным признакам (как пасынок хана Кучума)

также является Кучумовичем. К тому же, судя по всему, его окружение в значительной степени состояло из сибирских выходцев. Мы можем довольно подробно проследить его судьбу после пленения тобольским воеводой Д. Чулковым летом 1588 г. на Княжем лугу.

В ноябре месяце царевич уже был в Москве. После 16 ноября князь и царевич присутствовали на приеме царем Федором Ивановичем племянника окоцкого мирзы Шиха Батая и посла кабардинского князя Алкаса Асланбека [Русско-чеченские, 1997, с. 19]. 11 января 1590 г. царевича отправили номинальным главой сторожевого полка в походе из Новгорода «в войну в немецкую свицкую землю за Невское устье» [Разрядная, 1966, с. 460; Разрядная, 1987, л. 871]. Зимой 1592 г. он назначается в передовой полк в Новгороде во время Ливонского похода. Интересно, что во главе сторожевого полка стоял Тайбугид Сеид-Ахмед [Разрядная, 1989, л. 932] (после этого Тайбугид в русских источниках не упоминается). В апреле-июне 1598 г. Ураз-Мухаммед при ожидании крымского прихода стоял во главе полка правой руки в Олексине [Разрядная, 1994, л. 1049, 1051, 1057, 1060 об.; Разрядная, 1974, Л. 5 об., 20, 25 об.]. 14 мая царевич с другими служилыми Чингисидами (Арслан-Али б. Абдула, Мухаммед-Кул б. Атаул, Шихим б. Мухаммад) обедал у царя в Серпухове [Разрядная, 1994, л. 1060 об.]. Приход крымского царя Газы-Гирея так и не состоялся; 29 июня все полки пришли к Борису Годунову в Серпухов, куда пришли и все Чингисиды. Они присутствовали при приеме крымского посланника Алея мирзы, а также на пире, данном в честь его прихода. При этом Арслан-Али и Мухаммед-Кул сидели за большим столом выше бояр, а Ураз-Мухаммед и Шихим за кривым столом и тоже выше дворян. Расположение Чингисидов за столом очень хорошо показывало их внутреннюю иерархию. 30 июня полки распустили по домам [Разрядная, 1994, л. 1067–1068].

В этом же году в сентябре проходили торжества по случаю венчания Бориса Годунова на царство. Царевич с другими совершеннолетними служилыми Чингисидами, скорее всего, присутствовал на торжестве, но документы молчат об этом.

Имеется еще одно интересное упоминание о казахском царевиче в России конца XVI в. В РГАДА, в фонде 141 (Приказные дела старых лет) хранится отпуск грамоты новгородскому воеводе

Ф. И. Хворостинину с товарищами о присылке в Москву монаха Хутынского монастыря Андрея, датируемый 9–20 января 1589 г. На обороте, в верхней части грамоты, сохранилось окончание черновой записи без даты о присылке ложных сведений относительно измены сибирского князя Сеид-Ахмеда и казахского царевича Ураз-Мухаммеда¹. Попытаемся разобраться с данным сообщением.

На первый взгляд, запись на обороте сделана ранее января 1589 г., но тогда она должна относиться к сибирским событиям. Отрывок же дает все основания утверждать, что данная запись появилась после приезда и назначения на какую-то службу. Последнее было невозможно без соблюдения своеобразного карантина, во время которого Чингисид следовало ввести в реалии жизни на новом месте и убедиться в его лояльности по отношению к московскому царю. Если же предположить, что запись на обороте сделана позднее отпуску, то она могла появиться, скорее всего, в 1592 г. Это единственное упоминание о совместной службе царевича и князя. Однако, кто тогда упомянутый в извете Иван? Если данные события происходили в Новгороде, то в этот период здесь упоминается воевода окольных князь Иван Васильевич Велико-Гагин [Разрядная, 1966, с. 459]. Других Иванов, занимающих видное положение в Новгороде, в это время не отмечено.

Документ содержит упоминание о многих людях царевича Ураз-Мухаммеда и князя Сеид-Ахмеда. Вряд ли дело идет о воинах из номинально возглавляемых знатными татарами полках. Скорее всего, речь идет о военных отрядах (дворах) царевича и князя. При пленении Ураз-Мухаммеда и Сеид-Ахмеда их сопровождал значительный военный отряд; большинство татар при этом убежало или было убито, но некоторых могли захватить в плен и также отправить в Москву. Часть бежавших, возможно, выехали позднее самостоятельно. Нам известен только сибирский татарин Кошак Маметев, выехавший на царское имя вместе с Сеид-Ахмедом. После Смутного времени его сын Степан упоминается среди ярославских

¹ «...побили животы пограбили. А взяли живота их больше трех тысяч рублив. А писали еси к нам все ложно будто Сеитяк князь и царевич Уразмамед нам хотели изменить, Ивана побить. И мы про то сыскали подлинно. что вы нам измену учинили, есте Сеитяка князя и царевича Уразмаметя зазвали к сибе исти да их п[]лали» [РГАДА, ф. 141, 1589 г., д. 2, л. 1–1 об.]

кормовых татар [РГАДА. Ф. 131, оп. 1. 1619 г., д. 3], однако Кошак не был простым татаринном — его отец являлся сибирским карачей. Подробнее об этом ниже.

Остается непонятным, что за деньги упоминаются в приведенном документе. 3000 руб. для XVI в. — это значительная сумма. Вряд ли это личные деньги князя И. В. Велико-Гагина. Скорее всего, речь идет о средствах, собранных с новгородского посада или же предназначенных для раздачи в полках. Быть может, воевода (или воеводы) хотел присвоить их себе (также возможно, что прикрыть мнимой изменой крупную растрату или какое-то иное служебное упущение). Ответить на эти вопросы смогут только дальнейшие архивные изыскания.

Сообщения о назначении служилых татарских царей и царевичей по полкам дают ценную информацию об их внутренней иерархии в России. За основу взят обычный счет полков в последовательном порядке старшинства (большой, правой руки, передовой, сторожевой, левой руки). Положение Чингисидов по данному признаку очень устойчивое, поэтому тем интересней сбой в иерархии, произошедший с Ураз-Мухаммедом. В 1590 и 1592 г. он занимал третью позицию, сразу же за астраханским царевичем Арслан-Али б. Абдуллою (Кайбула) и сибирским царевичем, племянником хана Кучума Мухаммед-Кула б. Атаулом [Разрядная, 1966, с. 413, 419, 460]. В 1598 г. он поднялся уже на вторую позицию, обойдя Мухаммед-Кула [Разрядная, 1966, с. 520, 530], хотя по другим сообщениям разрядных книг, в 1598 г. царевич по-прежнему занимал третью позицию [Разрядная, 1994, л. 1067–1068.]. Нельзя не отметить, что с конца 50-х гг. XVI в., когда Чингисидов начали ставить по полкам, это единственный случай. Скорее всего, ответ следует искать в восточной политике России рассматриваемого периода. Дело в том, что в 1594 г. Ураз-Мухаммед начинает играть заметную роль в сношениях с Киргиз-кайсацкою (Казахскою) Ордой. В это время там правил родной дядя царевича Таввакул (Тевкель) б. Шигай. Москва пыталась установить свой сюзеренитет над этой территорией, используя Орду в своих внешнеполитических интересах, и казахский царевич начинает играть далеко не последнюю роль в данной игре. В 1594 г., как мы уже знаем, казахский посол Кул-Мухаммед (Кулмамет) посетил царевича в его поместье и вел с ним переговоры один на один, без русских участников [РГАДА,

ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1; 1595 г., д. 2, л. 35.]. Тавваккул просил вернуть ему его племянника, но Москва требовала взамен прислать в заложники сына Таввакула Усейна (Хусейна) [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 33]. В марте 1595 г. Ураз-Мухаммед должен был написать своему дяди Таввакулу грамоту о посылке в казахские степи русского посла Вельямина Степанова с послом Кул-Мухаммедом [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 22]. В октябре 1595 г. в Москву в аманаты приехал царевич Мурад [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1595 г., д. 2, л. 90]¹. Дальнейшая судьба этого царевича неизвестна; понятно лишь, что обмен не состоялся и Ураз-Мухаммед остался в России. Вполне возможно, что причина этого была в самом царевиче, которому не захотелось менять достаточно спокойную и хорошо обеспеченную жизнь в России на степи своей далекой родины, тем более что он покинул ее очень давно. В конечном итоге, история с присоединением Казахской Орды закончилась ничем. Это никак не отразилось на судьбе Ураз-Мухаммеда, и его имя по-прежнему встречается в документах.

С определенной уверенностью можно говорить о том, что царь рассматривал Россию как место своего постоянного жительства и не собирался его менять. Все его поступки в эпоху Смуты следует оценивать так же, как и действия русской титулованной знати, без учета какой-либо национальной или религиозной подоплеки. Хотя нужно учитывать, что Чингисид и носитель царского титула автоматически становился центром притяжения мусульман в России и мог стать для них своего рода знаменем. Необходимо заметить, что на настоящий момент судьба Чингисидов в Смуту не становилась предметом специального исследования, и скудные отрывочные данные не позволяют нам создать единой картины, раскрывающей их роль в событиях начала XVII столетия. Ураз-Мухаммед занимал осторожную позицию, пытался просчитывать свои действия и не стремился стать героем дня, но он не был свободен от влияния служилых татар своего двора, и не только их.

Со второй половины XV в. в России существовало эфемерное образование под названием «Касимовское царство». Оно не име-

¹ Здесь нужно отметить, что сына Ураз-Мухаммеда звали Мухаммад-Мурад. Нет ли здесь определенной путаницы? Возможно, из казахских степей отпустили его сына? Но почему он, в таком случае, находился не в Сибири? Эти вопросы еще ждут своего разрешения.

ло собственной территории и как бы накладывалось на государственно-территориальное деление и систему управления. Его административный центр находился в Мещере, в г. Касимове (ранее Городец Мещерский), где проживали касимовские цари и царевичи и размещались их военные отряды. Касимовские правители занимали первенствующее положение среди служилых Чингисидов, а сам город как минимум с середины XVI в. начинает играть роль куруга — сакрального места сосредоточения родовых гробниц потомков Чингисхана, по тем или иным причинам попавших в Россию [Беляков, 2004а]. «Царство» долгое время использовалось в тех или иных военных и политических целях, но во второй половине XVI столетия данное образование стало ненужным Москве. Борису Годунову, пришедшему к власти, для повышения своего престижа потребовалось возрождение мнимого территориального образования с царем во главе: так Ураз-Мухаммед и стал царем.

Автор «Сборника летописей» Кадыр Али-бек б. Хошум-бек Джагаир как дату поставления Ураз-Мухаммеда царем указывает 20 марта 1600 г. [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 400, 450]. Русские источники называют иную дату: с жалованным словом от государя на подворье к царевичу окольников И. М. Бутурлин посылался 29 марта, у царя на приеме Ураз-Мухаммед был 1 апреля, и тогда же он принес шерть [Анхимюк, 2003, с. 391; Разрядная, 1994, л. 1102]. Прием нового царя Борисом Годуновым проходил в Золотой палате. Встречали его боярин князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский, окольников Иван Михайлович Бутурлин и разрядный дьяк Сапун Абрамов. Шерть в Ответной палате принимали бояре князь Тимофей Романович Трубецкой, князь Ф. А. Ноготков-Оболенский, окольников И. М. Бутурлин, печатник и посольский дьяк Василий Яковлевич Щелкалов, дьяки Сапун Абрамов и Богдан Власьев. Со столом к новому царю ездил стольник князь Борис Михайлович Лыков [Разрядная, 1994, л. 1102]. Тогда же Борис Годунов пожаловал нового царя золоченым серебряным кубком, шубой, бархатом золотным на соболях, атласным кафтаном на соболях, горлатной черной и мисюрской¹ серебряной шапками, а

¹ Шапка мисюрская (мисюрка) — небольшой боевой шлем, делался из железа или стали, к краям которого обязательно крепились кольчужная бармица, которая достигала большой длины, полностью или частично закрывая лицо, шею и плечи. Изредка к бармице могли крепиться уши. Вполне воз-

также 50 руб. [Белокуров, 1907, с. 180]. По сообщению «Сборника летописей», новоявленный царь еще некоторое время находился в Москве. Скорее всего, он ждал, когда установится дорога, к тому же следовало подготовиться к переезду на новое постоянное место жительства вместе со всеми своими людьми. В ту пору в столице находилось ок. 200 человек касимовских татар. Судя по всему, это были татары дворов предыдущих правителей (городецкие татары и Шигалеев двор), вызванные специально для этого события [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 401]. Сажать на престол Ураз-Мухаммеда в Касимове и приводить к шерти касимовских татар (повидимому, не приехавших в Москву) отправился московский дворянин Никифор Васильевич Траханиотов [Разрядная, 1994, л. 1102 об.]. Приезд царя Ураз-Мухаммеда в Касимов можно отнести к концу апреля и началу мая 1600 г. Кадир-Али-бек называет дату 8 мая. Здесь был совершен обряд возведения на царство (23 мая)¹. У каменной мечети собралась толпа русских и татар. В самой мечети, где проходил обряд, из русских находился Н. В. Траханиотов и, вероятно, касимовский воевода Григорий Михайлович Онучин [Разрядная, 1976, с. 173; Разрядная, 1994, л. 1105 об.]. Сеид Буляк Шакулов начал провозглашать хотбу (пятничная молитва с провозглашением имени правителя). Было бы интересно установить, в каких формулах упоминались Ураз-Мухаммед и Борис Федорович, но, к сожалению, это невозможно. Затем 4 человека, взявшись за 4 конца золотой кошмы, подняли на ней царя. Все мусульмане, находившиеся при этом, огласили мечеть радостными криками. Быть может, также провели обряд осыпания нового царя деньгами. Все присутствующие принесли ему поздравления. На протяжении нескольких дней, до конца месяца в городе продолжались празднества и пиршества. Многих полоняников (скорее всего, нового царя) отпустили на волю [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 402–404].

1 марта 1601 г. касимовский царь был у Бориса Годунова. Встречал его окольничий Иван Михайлович Бутурлин [Разрядная, 1994.

можно, что в Москве данному подарку придавали особое значение, рассматривая его как пожалование определенной инсигнии.

¹ Даты приведены по И. Т. Султанову [Султанов, 2006, с. 329]. В. В. Вельяминов-Зернов приводит иные даты: приезд в Касимов — 28 апреля, обряд возведения на престол — 12 июня [Вельяминов-Зернов В. В., 1864, с. 450].

1121]. Вскоре после этого царь присутствовал на отпуске польского посла Льва Сапеги [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 452–453]. 18 апреля 1601 г. Ураз-Мухаммеду велено быть во главе большого полка в Туле «для крымского бережения» [Разрядная, 1994, 1124, 1124 об.]. Это назначение интересно тем, что в нем не упоминаются иные служилые Чингисиды. 19 сентября 1602 г. в Москву приехал датский королевич Яган. Борис Годунов рассчитывал выдать за него свою дочь и тем самым поднять свой международный престиж. При встрече жениха было велено присутствовать и касимовскому царю. В приставах у него значится Иван Михайлович Пушкин. Встречал царя князь Василий Петрович Туренин и дьяк Гаврило Салманов, а объявлял окольный Петр Федорович Басманов [Разрядная, 2003, л. 1141 об.]. На приеме касимовский царь («татарский король, поддавшийся несколько лет тому назад русскому царю со всею своей страной») сидел в отдалении от Бориса Годунова [Гюльденстиерне, 1911, с. 18]. Тогда же Ураз-Мухаммед присутствовал на пире [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 454–455].

О следующих нескольких годах жизни Ураз-Мухаммеда нам ничего не известно, кроме того, что в последние годы правления Бориса Годунова Чингисид попал в опалу и «живот свой мучил от изменника от Исинея Карамышева» [Русский, 2012, с. 117] (о Карамышеве мы поговорим ниже, а пока продолжим рассматривать перипетии жизни касимовского царя).

Наиболее типичной причиной, по которой Чингисиды на протяжении XVI–XVII вв. попадали в немилость, являлась попытка ведения самостоятельной внешнеполитической переписки. Вполне логично предположить это и в нашем случае. По-видимому, это произошло вскоре после объявления Чингисида касимовским царем, по крайней мере, не позднее 1602 г.

В таком случае, становится понятным витиеватое посвящение, в лучших традициях восточной дипломатии, адресованное Борису Годунову и помещенное в «Собрание летописей», составленное в том же году в Касимове Кадыр-Али-беком [Усманов, 1972]. Судя по всему, это было одно из звеньев целого ряда мероприятий, направленных на завоевание доверия московского царя. Мы можем только предполагать, насколько успешными оказались эти попытки. Их эффект, скорее всего, был более чем ограничен. По крайней мере, имя Ураз-Мухаммеда не встречается в росписи русского

войска, посланного против Самозванца в 1604 г. [Станиславский, 2004, с. 366–430]. Мы не знаем, в чем именно выражалась опала, титула Чингисида его не лишили, по-прежнему оставив жить в Касимове. Однако контроль Москвы через касимовского воеводу, скорее всего, был значительно ужесточен. Источники молчат об этом периоде жизни Ураз-Мухаммеда; вероятно, данные сведения погибли вместе с иными документами приказа Казанского и Мещерского дворца, в котором ведался в то время Касимов, и мы можем только строить свои предположения.

Уже весной 1605 г. в стане Лжедмитрия I, еще на его подступах к Москве, в честь Ураз-Мухаммеда был дан пир [Смит, 1893, с. 93]. А. В. Лаврентьев пытается увидеть царя при дворе Лжедмитрия I [Лаврентьев, 2001, с. 71, 79]. В целом, он прав, по своему статусу тот, конечно же, должен был присутствовать при коронации и ряде других придворных церемоний. Кроме того, ему требовалось получить от Лжедмитрия подтверждение своих прав и привилегий. Однако в источниках об Ураз-Мухаммеде удалось найти только одно упоминание: 21 августа 1605 г. Лжедмитрий I принимал касимовского царя в один день со шведским королевичем Густавом и крымским гонцом Ян-Ахмед-Челибеем [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 173].

Ситуация поменялась после гибели первого самозванца. Очень скоро в стране сложились два центра притяжения: Москва Василия Шуйского и Лжедмитрий II, точнее, его воевода Иван Болотников. Ураз-Мухаммед, судя по всему, без особых колебаний принял сторону последнего. Возможно, здесь сыграли свою роль какие-то личные отношения, например, неприязнь Василия Шуйского к татарскому царю. К сожалению, у нас нет никаких данных, на которые можно было бы опереться, но вызывает определенное недоумение столь быстрое решение на фоне выжидательной политики предыдущих лет. Однако факт остается фактом, — уже в октябре 1606 г. касимовские татары и Ураз-Мухаммед перешли на сторону Лжедмитрия II. При этом касимовский царь изначально начинает играть роль центра, вокруг которого собираются мусульмане, недовольные Василием Шуйским или политикой, отождествляемой с его именем. Хотя, быть может, в первые месяцы еще анализировались позиции различных сторон, чтобы сделать правильный выбор.

В окружении царя мы наблюдаем, в первую очередь, его свойственников: зятя шарманшанский царевич Шихим (Шейх-Мухаммед б. Мухаммед) и ногайский мирза Сафар-Алей мирза Изламов сын Шейдяков, а также шурина Ахмед мирза Алеев сын Кутумов [Русский, 2012, с. 119–123].

В октябре 1606 г. Мещера перешла на сторону Ивана Болотникова. 27 октября 1606 г. Василий Шуйский дал грамоту назначенному на воеводство в Муром Григорию Варфоломеевичу Языкову об обороне города от восставших, на сторону которых перешли жители Шацка, Темникова, Касимова и Елатымы. Воеводе не удалось удержать население города и окрестных селений от присоединения их к восстанию, и это произошло в ноябре того же года. Однако 11 декабря местному дворянству удалось подавить мятеж и склонить горожан к повиновению [Народное, 2003, № 22, с. 112–113; № 35, с. 128–129, 378]. Участвовали в этих событиях и мещерские татары. В ноябре Ураз-Мухаммед посылал в Коломну за вестями о Лжедмитрии. Тогда же к царю прислали «государеву... грамоту за красною печатью», точнее, от имени Дмитрия Ивановича. В ней Ураз-Мухаммеду велели с кадомскими и арзамасскими дворянами воевать оставшиеся верными Шуйскому города [Народное, 2003, № 22–23, с. 113–114, 378], так как русские дворяне этого региона оставались на стороне Москвы [Народное, № 93. С. 211]. В литературе можно встретить утверждение, что Конрад Бусов отмечает переход в конце 1606 г. на сторону самозванца вместе с Истомой Пашковым неких «касимовских бояр». На самом деле, этого факта в хронике не обнаружено, и это противоречие отметил еще В. В. Вельяминов-Зернов [Бусов, 1998; Вельяминов-Зернов, 1864, с. 464]. Причину данного недоразумения, по-видимому, следует искать в неправильном пересказе сообщения К. Бусова Н. Г. Устряловым в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце» [Сказания, 1859].

К сожалению, отсутствует информация о непосредственной роли царя в развивающихся событиях на протяжении последующих 2 лет. Мы можем только предположить, что Чингисид не был свободен в своих действиях. Скорее всего, ему постоянно приходилось учитывать настроения как касимовских татар, так и татар всей Мещеры, и, возможно, других регионов. На определенном этапе ему пришлось замирииться с Василием Шуйским, но когда это произошло, нам не известно.

У нас имеются документы, относящиеся только к осени 1608 г. и весне 1609 г. По-видимому, еще в сентябре касимовский царь был среди сторонников Шуйского. Так, 19 сентября, в первый день выступления Яна Сапеги к Троице-Сергиеву монастырю, его арьергард в 1,5–2 милях от Тушина подвергся нападению отряда татарской конницы, но мы не имеем сведений, были ли там касимовцы. Можно предположить, что они вместе с царем принимали участие в данной акции, а после поражения в Рахманцевском сражении (22 сентября), как и значительная часть русского дворянства, разошлись по своим домам [Тюменцев, 1999, с. 225–226]. 16 ноября во Владимир из Касимова от царя и из Шацка пришли «дворяне и дети боярские и мурзы и пушкари и казаки и посадские торговые люди, да поп» с повинными челобитьями к Лжедмитрию II [Русский, 2012, с. 373]. Записи дневника Я. Сапеги свидетельствуют, что посольства алатырцев, шатчан, арзамасцев, темниковцев и др. побывали в лагере у Троицы 26 октября (5 ноября) и 11 (21) — 12 (22) ноября 1608 г. [Дневник, 2012, с. 77]. Царь со своим двором и примкнувшими к нему татарами собирался выступить из Касимова в Тушино в Николин день, 6 декабря. 14 декабря царь находился в Суздале, а не в Касимове, отсюда он послал письмо Я. Сапеге, стоявшему под Троице-Сергиевым монастырем, с просьбой прислать конвой [Русский, 2012, с. 117–118]. В дневнике Марины Мнишек отмечается, что Ураз-Мухаммед приехал к Тушинскому вору только 29 декабря 1608 г.

Чингисиду устроили торжественную встречу, достойную его положения, — его встречали гетман Роман Ружинский и «рыцарство». На аудиенции Лжедмитрия 31 декабря касимовский царь целовал руку Самозванцу и обменялся с ним подарками. Ураз-Мухаммед преподнес позолоченную саблю, украшенную бирюзой, и золотую цепь с драгоценными камнями, а Вор даровал ему нож из чистого золота. Интересно, что сын касимовского царя, присутствовавший при этом, назван «маленьким» [Дневник, 1995, 131, 159]. С собой в качестве пленника касимовский царь привел князя Ивана Михайлова, сына Барятинского, который был послан В. Шуйским в Касимов к царю в конце 1608 г. для сбора ратных людей [Тюменцев, 1999, с. 229, 301]. С. Жолкевский отмечает щедрость касимовского царя: он якобы раздал в Тушине до 300 000 (злотых, грошей, копеек?) [Жолкевский, 1999, с. 607]. 8 января 1609 г. царь со своими татара-

ми принял участие в вылазке под Москвой, при этом Марина Мнишек отмечает низкую боеспособность татар [Дневник, 1995, с. 132].

Иностранцы порою приводят абсолютно фантастические сведения о Чингисидах, служивших Лжедмитрию II. Так, некий анонимный польский автор говорит о приезде к Яну Сапеге касимовского царя с 5000 воинами, «бархальского» царя с 3000 воинами, царя Петра Урусова (4000), царя романовского (1000) и царя «касульбацкого» (5000) [Эльбарт, 2013, с. 125]. С этим сообщением следует разобраться отдельно. Мы не будем говорить о фантастичности приводимой численности отрядов; попытаемся лишь определить, кто скрывается под титулами царей. Касимовский — это, безусловно, Ураз-Мухаммед. Петр Урусов никогда не был и не мог быть царем. Это крещеный ногайский мирза. Под «романовским царем» следует видеть проживавшего в Романове ногайского мирзу Ахмеда б. Али б. Кутума. Сложнее с «бархальским» и «касульбацким» царями. В это время в России проживал шарманшанский царевич Шихим и, возможно, хивинский Мухаммед-Кул. Скорее всего, это именно они. Тогда мы можем предположить, что «касульбацкий» является сильно искаженным от «кизылбашский», как указание на регион, откуда прибыл царевич [Зайцев, 2013]. Но как, в таком случае, могло возникнуть прозвище «бархальский»? Искаженное «бухарский»? Но это разные государства, хотя и расположенные рядом. К тому же, следует отметить, что нам неизвестно активное участие Мухаммед-Кула в событиях Смутного времени. Поэтому здесь еще следует разбираться далее.

В мае 1609 г. воевода Андрей Алябьев совершил молниеносный рейд из-под Мурома к Касимову. На р. Унжа в 10 верстах от города был дан бой, постепенно он переместился к стенам Касимова. Город подвергся артиллерийскому обстрелу, при этом стрельбой из фальконетов подожгли дворец касимовского царя [Народное, 2003, № 146, с. 192]. Судя по всему, как мы уже говорили ранее, тогда же сильно пострадали каменные мечеть и минарет. Город фактически спасло то, что из Тушина к нему в экстренном порядке перебросили местных татар [Тюменцев, 1999, с. 418], и Алябьев спешно ушел к Нижнему Новгороду. Город же пал несколько позже. В июле того же года воевода боярин Федор Иванович Шереметев двинулся из Нижнего Новгорода в Муром. Неподалеку от Мурома он получил грамоты из Москвы и сразу же круто свернул

влево, направившись вниз по Оке к Касимову. 1 августа головам Якову Иванову сыну Соловцову и Ивану Ростиславскому поручено было спуститься «в судех» по Оке к Елатье и Касимову и захватить перевозки. Сам Шереметев с основными силами шел вдоль берега; 10 августа он дал решительное сражение в 2 милях от Мурома и разбил наголову тушинские отряды татар, мордвы, черемис и бортников под командованием Ураз-Мухаммеда. Преследуя противника, Шереметев осадил Касимов и взял его штурмом [Тюменцев, 1999, с. 450]. В городе боярина застали посланные к нему из Москвы «з жаловальным словом» князь Семен Васильев сын Прозоровский и Иван Никифоров сын Чепчугов. Новым касимовским воеводой стал Неудача Остафьевич Плещеев (август 1609 г. — март 1610 г.) [Народное, 2003, 339, 412; Антонов, 2000]. Е. Куксина утверждает, что после поражения касимовский царь временно присягнул В. Шуйскому [Куксина, 2000, с. 143]. Это предположение, скорее всего, связано с шертованием касимовских татар В. Шуйскому [Антонов, 2000, с. 210]. Тогда же в Москву вывезли какого-то малолетнего царевича; скорее всего, это был астраханский царевич Кутлугирей б. Арслан-Али б. Абдула (в крещении Михаил), племянник предыдущего касимовского царя Мустафы-Али [Антонов, 2000, с. 210, 223; Беляков, 2004б, с. 191]. После августовских событий значительная часть татар из окружения Ураз-Мухаммеда отъехала в свои поместья и принесла присягу В. Шуйскому, однако степень «значительности» татарского отряда выявить на настоящий момент не представляется возможным. В октябре-ноябре 1609 г. касимовский царь с оставшимися татарами участвовал в походе Романа Ружинского к Троице и в боях у Александровой слободы [Тюменцев, 2005, с. 88–89]. К тому же нам неизвестно, отъехали только мешерские татары тушинского окружения Чингисида или же непосредственно и члены его двора.

Касимов сильно пострадал при штурме, быть может, даже полностью выгорел. Значительная часть посадского населения бежала или была убита [Народное, 2003, № 145, с. 292]. Деревянный острог отстроили в 1610 г. уже при новом воеводе, окольничем Мироне Андреевиче Вельяминове (март-август 1610 г.) [Народное, 2003, с. 339, 412].

После распада Тушинского лагеря начались метания Ураз-Мухаммеда. 27 декабря Самозванец тайно покинул тушинский лагерь.

и вскоре после этого Чингисид вместе с верхушкой тушинцев принес присягу королевичу Владиславу. В конце января — начале февраля 1610 г. донские казаки и татары неожиданно для своих начальников, Ивана Мартыновича Заруцкого и касимовского царя, ушли в Калугу к Лжедмитрию, при этом бросившиеся вдогонку иностранные наемники нанесли им большой урон [Тюменцев, 1999, с. 468–471; Мархоцкий, 2000, с. 80]. Нельзя не отметить, что факт отъезда касимовских татар в Калугу без своего царя в начале 1610 г. свидетельствует об осложнении их отношений. Теперь их интересы, очевидно, не совпадали. Вначале царь вместе с Иваном Заруцким присоединился к Яну Сапеге, а после вхождения польских войск в Москву все с тем же Заруцким поехал к Сигизмунду III под Смоленск. Туда он просился еще 27 февраля, находясь в Тушине [Мархоцкий, 2000, с. 164], но вскоре вернулся, — возможно, обидевшись на прием, хотя документы говорят о достаточно почтительном отношении к царю со стороны короля. За присягу на верноподданство он получил 500 флоринов и подарок (конскую сбрую) в 574 флорина, и это больше, чем кто-либо другой [Цветков, 1902, с. VIII]. Могла быть и иная причина отъезда. Его сын и, скорее всего, вся семья в это время находилась в Калуге в качестве заложников.

С. Жолкевский приводит иную версию. Отправляясь под Смоленск, Ураз-Мухаммед оставил своего сына на Р. Ружинского, но царевич по собственной инициативе отправился ко двору Лжедмитрия II. Там якобы уже находились его мать и бабка [Жолкевский, с. 607]. Н. Мархоцкий утверждает, что Ураз-Мухаммед приехал в Смоленск с Иваном Заруцким, но вскоре отпросился, чтобы забрать сына из Калуги [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 467–469; Мархоцкий, 2000, с. 80, 83–84]. Версию А. Ю. Кабанова, что царь был послан в Калугу Сигизмундом для того, чтобы покончить с Самозванцем, следует признать ошибочной [Кабанов, 2010, с. 77]. Когда и почему они туда попали, неизвестно, однако нетрудно заметить, что в этот период судьба касимовского царя во многом пересекалась с судьбой И. Заруцкого. Мотивы постоянных перебежаний, по-видимому, также имели одинаковую природу: попытка сохранить свое положение, остаться на плаву любой ценой — с одной стороны, с другой — чрезмерное честолюбие, невозможность забыть свое прежнее положение. Именно в этом следует видеть одну из главных причин отъезда от Сигизмунда III. В Польше

давно прошли те времена, когда в служилых Чингисидах были заинтересованы и поэтому обеспечивали им высокий социальный и материальный статус [Думин, 1989]. Об этом же говорит и история сибирского служилого царевича, выехавшего из России в Польшу, — Ханскуера б. Али.

Связывать свою судьбу с В. Шуйским и Москвой на данном этапе он по каким-то причинам (возможно, личным) не хотел или не мог. Возвращение в Касимов стало невозможным, поэтому Калуга оставалась единственным местом для касимовского царя. Хотя сам Самозванец, быть может, его не очень жаловал, К. Бусов вложил в уста Лжедмитрия следующие слова: «Я должен набрать турок и татар, которые помогут мне вернуть мои наследственные владения, иначе я ничего не добьюсь...» [Бусов, 1998, с. 138]. Касимовский царь отъехал в Калугу 19 сентября 1610 г. Остается открытым вопрос, какие военные силы находились под рукой Чингисида последние 8 месяцев. К этому времени в Калуге фактически объявили войну полякам Я. Сапеги. В город то и дело доставляли от 6 до 10 поляков, над которыми устраивались жестокие расправы; особенно в этих нападениях усердствовали татары [Тюменцев, 1999, с. 510, 512].

Случилось так, что собственная гибель стала самым заметным событием в жизни Ураз-Мухаммеда. В конце 1610 г. Лжедмитрий II якобы получил донос от сына касимовского царя царевича Мухаммед-Мурада, что его отец собирается отъехать из Калуги. И. О. Тюменцев дополняет это известие сообщением, что Ураз-Мухаммед приехал в Калугу именно из-за сына, находящегося на положении заложника, и предлагал бежать вместе [Тюменцев, 1999, с. 514]. Тогда Самозванец пригласил царя на псовую охоту за Оку, и там надежные приверженцы Лжедмитрия, Михаил Бутурлин и Игнатий Михнеев, набросились на Чингисида и двух татар его свиты. Убили их и бросили тела в воду. Затем, чтобы скрыть преступление. Тушинский вор поскакал назад, крича, что царь касимовский хотел убить его и бывших при нем людей, что он сам едва успел спастись, а царь бежал в Москву. В московском направлении даже послали для вида погоню. Существуют разные даты гибели Чингисида: 22 ноября или 1 декабря 1610 г. Скорее всего, это даты по юлианскому и григорианскому календарям. Через некоторое время князь Петр-Урак Арасланович Урусов (Урак б. Джан-Арслан б. Урус б.

Исмаил б. Муса), из ногайских мирз, узнал об этом и пожелал отомстить за смерть Чингисида. Конечно же, здесь сказались и личная обида крещеного мирзы, которого Лжедмитрий приказал публично выпороть, и родственные связи с Ураз-Мухаммедом (он находился в родстве с женой царя Салтан-бике, дочерью ногайского мирзы на русской службе Али б. Кутума б. Шейх-Мухаммеда б. Мусы). По нашему предположению, мирза также приходился пасынком одной из дочерей хана Кучума [Беляков, 2014]. Выждав и усыпив бдительность Самозванца, он выбрал момент, когда тот выехал в поле и, напав с многочисленной толпой вооруженных татар, убил его и многих людей из свиты. Исполнив месть, Урусов отъехал в Крым, а вместе с ним Россию покинула целая группа ногайских служилых мирз. В Калуге же перебили многих оставшихся в городе татар [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 470–471]. Тогда же погибли Алей мирза Шейдяков (скорее всего, это упоминаемый В. В. Трепавловым Еналей Туганов сын Шейдяков) [Трепавлов, 2003, с. 330] и зять царя Сафар-Али мирза [Мархоцкий, 2000, с. 175]. Есть упоминание о неудачном покушении князя Петра Урусова и на царевича Мухаммед-Мурада. Скорее всего, сын касимовского царя все же погиб в Калуге.

Как проявили себя в Смуту остальные Кучумовичи, данных у нас значительно меньше. Это, скорее, случайно дошедшие до нас отдельные известия. В первую очередь, они касаются Арслана б. Али. В рассматриваемое время в документах упоминается некий сибирский царевич Еналей, принимаемый Лжедмитрием в 1605 г. в Кремле [Белокуров, 1907, с. 7]. Известно, что так на русском языке передавалось имя Джан-Али. С полной уверенностью мы можем говорить, что это двусоставное имя, вторая часть которого является «Али». Возможно предположить, что Араслан Алеевич, или Арасланалей (как часто передают документы это имя и отчество), мог превратиться при некоторых условиях в Еналея. Так, это имя встречается в Москве при Лжедмитрии I [Лаврентьев, 2001, с. 71] и позднее, до сентября 1611 г., когда во ввозной грамоте Сююш-мирзе Юсупову сказано: «...и тот деи отца его поместья половина брата его Ибай мурзин жребей дано было сибирскому царевичу Еналею, и сибирской де царевич Еналей того брата его Ибай мурзина поместья поступилса ему, Сююш мурзе» [Моисеев, 2004, с. 2002]. Это сообщение, возможно, указывает на то, что

царевич некоторое время находился в окружении Лжедмитрия II. Позднее Араслан Алеевич, вероятно, поддерживал Василия Шуйского. В Касимове его не было точно.

Несколько лет об Арслане ничего не известно, но можно с высокой степенью достоверности утверждать, что он находился в Москве при Василии Шуйском. После пострижения царя следы Арслана не обнаруживаются вплоть до весны 1612 г. Известно, что татары двора касимовского царя Ураз-Мухаммеда били челом в службу Арслану Алеевичу в 1610/1611 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 27–56], что не могло произойти ранее января 1611 г. В апреле 1612 г. касимовцы уже поддерживали Второе ополчение Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. Тогда же на его стороне выступил и Арслан: в апреле он отмечен с татарами, казаками и стрельцами в Ярославле [Любомиров, 1939, с. 114]. В частности, на грамоте, посланной в Новгород к Якову Делагарди о присылке в Россию шведского королевича, его подпись стоит первой [Памятники, 1912, с. 250]. Известно, что в августе того же года под началом царевича находились не только татары, но и русские люди [Акты, 1998, № 325, с. 287–288]. В ноябре Араслан Алеевич был в Ярославле с князем Федором Елецким и дьяком Богданом Тимофеевым и воевал против некоего казака Нагибы [Акты, 1836, № 15, с. 17–19]. В декабре он уже находится в Вологде, где собирает корм в Спасо-Прилуцком монастыре [Акты, 1836, № 339, с. 364; № 373, с. 396]. Известна также наказная память Спасо-Прилуцкому монастырю от 14 января 1613 г. о сборах и повинностях на содержание ратных людей. Сбирать их пришлось родственнику царевича, касимовскому сеиду Ак-Мухаммеду Белякову Шакулову, тестю Арслана [Акты, 1838, с. 364, 396]. Позднее монахи обвиняли царевича во всевозможных «насильствах» и злоупотреблениях, однако не надо видеть в этом злой умысел мусульманина по отношению к православным. Перед царевичем стояла задача содержать свой отряд в разоренной войной стране, что было само по себе нелегко. Интересно, что в этом же монастыре по письму Араслана Алеевича в феврале 1613 г. находился «для оберегания» романовский мирза Барай Алеев сын Кутумов, будущий родственник Чингисида. Он был братом касимовской царицы Салтан-бике [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 89–93].

Арслан оказался наиболее активной фигурой среди сибирских Шибанидов в России того времени. Причина, по которой именно

ему было суждено сыграть роль определенного центра притяжения всех мусульман России, поддержавших Второе ополчение, нам неизвестна. Но, скорее всего, именно это обстоятельство, в конечном итоге, послужит главной причиной провозглашения его новым касимовским царем в 1614 г.

Необычная судьба была у сибирского царевича Алтаная б. Кучума. Он добровольно вышел на имя московского царя в Тобольск, и до 20 июля 1608 г. тобольским воеводой князем Романом Троекуровым царевич и его люди отправлены в Москву [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 3]. Г. Ф. Миллер называет местом выхода царевича Тюмень [Миллер, 2000, с. 37, 242]. В Вологде стало известно, что путь на Москву закрыт Лжедмитрием II. Тогда сибирский царевич, как мы уже говорили об этом ранее, по распоряжению боярина и воеводы князя М. В. Скопина-Шуйского отправился в Новгород, куда из Вологды несколько позднее отправили и жену царя Алея б. Кучума с двумя сыновьями, двух жен царевича Азима с двумя дочерьми. Скорее всего, они покинули город до занятия его шведами [Миллер, 2000, с. 37; Беляков, 2006, с. 8–20; РГАДА, ф. оп. 1, 1622 г., д. 8, л. 59, 81]. Подробнее см. об этом у нас ранее.

Информация по иным Шибанидам того времени у нас более чем отрывочна. Мы знаем, что литовскими людьми был убит царевич Кул-Мухаммед б. Кучум (Кулмамет) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 30]. Однако, возможно, здесь автором допущено неправильное объяснение документа. Сибирский царевич Кулмамет может быть царевичем Мухаммед-Кулом б. Атаулом, и тогда он должен быть убитым литовскими людьми в 1618 г. Можно предположить, что он был не единственным из семьи, кто погиб в Смуту. По другим источникам он нам неизвестен.

Али б. Кучум с частью своей семьи, судя по всему, пережил наиболее тяжелые годы Смуты в Нижнем Новгороде [Подвиг, 2001, с. 43], но о том, как они жили, информация у нас отсутствует.

Однозначно можно утверждать, что все сибирские царевичи поддерживали вначале Лжедмитрия I, а затем Василия Шуйского и Второе ополчение. Можно предположить, напомним, что такое «предусмотрительное» поведение Шибанидов связано с недавним выездом большинства из них и достаточно юным возрастом многих. Они подчас просто плыли по течению, отдав свою жизнь и судьбу

на волю случая, но будущее покажет, что их выбор оказался правильным. Ураз-Мухаммед был здесь явным исключением, однако данный факт также может свидетельствовать о сложных отношениях между усыновленным казахским царевичем и остальными детьми и внуками хана Кучума.

Приведем информацию об участии в Смутном времени ногайских мирз Смайлевых, ведь среди них отмечены внук и внучка Кучума. Первоначально малолетние Ен-Мамет (Зен-Мухаммед) мирза и его сестра Лалтак (по другим сведениям, Нал-хадиш¹) со своею бабкою Ак-Сюйрюк царицей отправились в поместье царевича Мухаммед-Кула в Бежецком Верхе [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1]. Из документа непонятно, находилась ли с ними их мать. Упоминается Ак-ханым, дочь Ак-Сюйрюк, но, по контексту иных документов, Ак-ханым к этому времени еще царевна и приходилась детям теткой [АИ, т. 2, с. 1–21]. Через какое-то время в России оказывается отец детей, мирза Бегай (Бай) б. Ханбай б. Исмаил. Дети, по-видимому, были отданы отцу, а Бегай испоместили в Дорогобуже. С мирзой отмечены его сыновья Сары (скорее всего, от другой жены) и Деян (Дьян) (умер в 1621 / 1622 г.). Очень осторожно можно предположить, что Зен-Магмет (Джан-Мухаммед) и Дьян — это одно лицо.

9 октября 1609 г. в выписи², «каковы были дорогобужци и вязмичи дворяне и дети боярские к хлебному жалованью, сколько у ково, у дворян и у детей боярских написано людей, и тому роспись», читаем: «Бегея мурзы Смайлова семья человек» [СПБИИ. Кол. 174, оп. 2, д. 326]. Это известие интересно нам сразу по нескольким основаниям. Во-первых, нам становится известно, что в результате военных действий Смутного времени семья Смайлевых вместе с русскими служилыми дорогобужцами оказалась в Смоленске. Во-вторых, по неизвестным нам причинам, в документе отмечены исключительно жены. Есть еще один немаловажный вопрос. Дело в том, что, по существующей практике, служилых татар испомещали гнездами. Вместе со Смайлевыми в Дорогобуже, а затем и в Смоленске оказались азовские выходцы Кучумовы, поэтому мы вправе искать в Дорогобужском уезде (или, по крайней мере, по-

¹ Это могла быть и ошибка писцов.

² Благодарю указавшего на этот документ А. А. Селина.

близости) иных служилых татар. Но документы о них молчат. Что с ними случилось? Они все погибли? Перешли на сторону врага? Ушли с иными отрядами вглубь страны? Однозначного ответа у нас нет. Здесь требуются дополнительные архивные изыскания, однако косвенные данные позволяют нам предположить именно последнюю версию. Дело в том, что Мухаммед-Кул Кучумов в своей челобитной сообщает нам о гибели своего отца, Екима Кучумова, под Москвой на государеве службе от литовских людей [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1622 г., д. 4, л. 1]. В таком случае, нам следует искать иных дорогобужских татар в рядах Второго ополчения. Но нам по-прежнему остается непонятным, где были Смайлевы и Кучумовы в 1609 г. В уже упомянутой нами росписи отмечены жены Кучумовых. Еще более ситуацию запутывает известие о том, что 3 декабря 1611 г. Сигизмундом III боярам в Москву дана грамота о выделении Асану и Екиму Кучумовым в Ростовском уезде в поместья с. Пужбалы и сельцо Слободка Юрьевская, «против того поместья што отдано Солтыковы» [Акты, 1851, т. 4. с. 390, № 635].

Из обнаруженного нами архивного дела становится известно, что в августе 1613 г. все перечисленные лица находились в Смоленске, оккупированном поляками. 21 августа боярин и воевода князь Д. М. Черкасский, руководивший осадой города, в своей отписке сообщал, что «выехали из Смоленска на государево имя з Бигей мурзою Смайлевым Осан Кучюмов з женою и з детми да племянники иво, Мочак да Маметкул Екимовы дети Кучюмова, и они послали их ко государю к Москве». Как мы видим, служилые дорогобужские татары и в Смоленске старались быть вместе. Можно осторожно допустить, что они к этому времени оказались связаны семейными узами, но прямых доказательств этому нет. Не видим мы и прямых связей между Кучумовыми и Смайлевыми после побега. Возможно указать только одно интересное совпадение: Мухаммед-Кул и Сары б. Бегай почти одновременно подали челобитную в Посольский приказ о верстании их поместным окладом в 1622 г. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1622 г., л. 1, д. 1]. Возможно, одни были одногодками. Бегство / выезд служилых татар из осажденного Смоленска не осталось без награды: и Смайлевы, и Кучумовы оказались испомещены в Суздальском уезде [Беляков, 2017].

Но вернемся к составу дворов. У нас практически отсутствуют данные о составе двора касимовского царя Ураз-Мухаммеда б.

Ондана. Мы можем использовать только очень отрывочные данные. Так, известно, что при объявлении Ураз-Мухаммеда касимовским царем в Москве находилось «человек двести» касимовских беков, мирз и простых татар. Уже в Касимове на золотой кошме нового хана подняли четыре бека: Исбай мангыт Саманай-бек, джелаир Кадыр-Али-бек, кипчак Тукай-бек и аргын Чеш-бек [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 401–403]. При этом у нас возникают вполне оправданные вопросы: являлись ли все татары, присутствовавшие на церемонии, членами двора нового царя? Были ли членами двора Ураз-Мухаммеда упоминаемые беки?

Попытаемся ответить на поставленные вопросы. Если привлечь уже имеющиеся у нас данные о структуре дворов прежних касимовских Чингисидов, то мы можем утверждать, что в своем подавляющем большинстве это все же татары, оставшиеся после предыдущих «правителей». Если же обратиться к количественному составу дворов касимовских Чингисидов в более позднее время (см. ниже), то мы можем предположить, что двор Ураз-Мухаммеда мог состоять не более чем из нескольких десятков человек. Некоторые из них могли прибыть с ним в Россию из Сибири, другие могли выехать позднее — из Сибири, казахских степей или иных территорий. Конечно же, могли попасть во двор и отдельные представители собственно касимовских татар; вполне возможно, что имена некоторых из них мы в дальнейшем встречаем в списке двора последующего касимовского царя Арслана б. Али. Что касается упоминаемых здесь беков, то перед нами главы четырех наиболее влиятельных на тот момент в Касимове элей. Если принять во внимание тот факт, что во дворе Ураз-Мухаммеда числилось не более нескольких десятков человек (скорее всего, ок. 10% всех наличных татар в городе и уезде), то мы вправе предположить, что, по крайней мере, некоторая часть из перечисленных беков не имела ко двору нового хана никакого отношения.

Отдельно стоит остановиться на личности Кадыр-Али-бека б. Хошум-бека, автора «Сборника летописей», из которого мы и черпаем наши знания об описываемых событиях. О себе он пишет следующее: «Гребне-тамговый джелаирец, служивший еще предкам Ураз-Мухаммеда» [Усманов, 1972, с. 46]. Напомним, что в последнее время в литературе, благодаря М. А. Усманову, утвердилось мнение, что это упоминаемый сибирскими летописями не-

кий карача сибирского хана Кучума, который в 1582 г. изменяет своему сюзерену и начинает вести свою собственную политическую игру. В 1583 г. он предлагает мир Ермаку и получает от последнего для охраны своего улуса 40 казаков, которых вероломно и перебил. Весной 1584 г. он предпринял неудачную попытку захвата русской крепости Сибир (Искер), в результате которой потерял трех своих сыновей. Ок. 1586 г. между Кадыр-Али-беком и князем Тайбугидом Сейтяком (Сеид-Ахмед б. Бекбулат) образовался военно-политический союз, и тогда же начинает упоминаться некий «царевич казачьей орды». По мнению М. А. Усманова, ими был образован своеобразный триумvirат. Вскоре все трое попадают в плен к воеводе г. Тобольска Данииле Чулкову [Усманов, 1972, с. 33–51]. Таким образом, перед нами вырастает фигура видного политика и военачальника, оказавшего прямое влияние на развитие событий в Сибири конца XVI в. Меняется и образ казахского царевича: теперь перед нами не знатный пленник Сейтяка, а вполне самостоятельная фигура.

Данный взгляд на события и роль в них Ураз-Мухаммеда и Кадыр-Али-бека, конечно же, имеет право на существование, однако у версии М. А. Усманова имеется серьезный недостаток. Дело в том, что в Москве очень чутко относились к определению статуса того или иного пленника или же добровольного выходца из мусульманского мира. Соответственно его статусу, в частности, назначалось и содержание. Как правило, фигуры положения Кадыр-Али-бека, каким он видится М. А. Усманову, получали во второй половине XVI в. значительное содержание. Кадыр-Али-бек, если он являлся именно той личностью, что рисует нам М. А. Усманов, должен был претендовать, по крайней мере, на не меньшие земельные пожалования. Подобных знатных татарских выходцев могли, наряду с Чингисидами, использовать в тех или иных военных кампаниях. Упомянутый нами князь Сейтяк, в частности, участвовал вместе с Ураз-Мухаммедом в зимнем походе 1592 г.: тогда царевич возглавлял передовой полк, а князь — сторожевой [Разрядная, 1989, л. 932]. О Кадыр-Али-беке, однако, у нас подобной информации нет. Он довольствуется весьма скромным положением, возможно, первого придворного при казахском царевиче, а затем при касимовском царе. И по статусу, и материально оно несравнимо ниже того, на что должен был рассчитывать человек, чей образ

создал М. А. Усманов. Поэтому, по нашему мнению, все же ближе к истине считать Кадыр-Али-бека воспитателем-дядькой (аталыком) Ураз-Мухаммеда, а в доказательство этого мы можем привести пример аталыка касимовского царя Арслана б. Али Кулмамета Агилдеева (см. ниже).

Таким образом, следует признать, что в состав двора Ураз-Мухаммеда входил один из четырех беков — Кадыр-Али бек б. Хошумбек, но при этом данное лицо абсолютно не подходит на роль летописного сибирского карачи. Но окончательную точку в этом вопросе ставит архивная находка А. А. Селина. Исследователь обнаружил сведения, что Кощей карачин Маметев являлся новгородским помещиком. Его поместье в Воскресенском погосте в Лучанех значится за ним в июле 1607 г. Незадолго до этого он получил часть поместья князя Сейтяка Сибирского [РГАДА. ф. 1209, оп. 3, д. 16662, л. 150 об.]¹. Таким образом, нам становится известным имя сына карачи, а также имя или же родовое прозвище самого карачи. Теперь мы знаем и где жил карача по приезду в Россию; нами был найден документ, устанавливающий имя внука карачи, — это ярославский кормовой татарин Семен Кошеев Маметев [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 3].

Говоря о дворах и окружении сибирских Шибанидов конца XVI — начала XVII вв., следует отметить, что со временем некоторые из них смогли занять видное положение в России. Наиболее наглядной здесь следует признать историю клана Карамышевых-Мусаитовых.

О Мусаите нам практически ничего неизвестно, однако его следует искать в ближайшем окружении хана Кучума. Об этом мы можем судить по бракам его детей и внуков: одна его внучка стала женой сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Атаула; другая внучка, Наг-салтан (Нагел), в первом браке была за Мамаем мирзой Семендеревым, вторым же браком — за касимовским царем Арсланом б. Али. Очень важен для нас факт упоминания царицы как Наг-сеид, что является указанием на ее принадлежность к роду пророка Мухаммеда [Беляков, 2011, с. 100, 103], поэтому среди жен Карамыша Мусаитова следует искать дочь некоего сибирского сеида. Во второй половине XVI в. это только бухарский выходец

¹ Указано А. А. Селиным.

Дин-Али ходжа б. Мир-Али ходжа. О нем известно, что он приехал в Сибирь в 1574–1575 гг. и заменил здесь своего дядю Ярым сеида б. Алауддина, встав во главе местного духовенства (в том числе, он занимался и правосудием). Хан Кучум выдал за него свою дочь от царицы Лилилак (Лилипак) Нал. Таким образом, Карамыш был женат на дочери сеида и внучке хана Кучума [Селезнев, 2009, с. 138–142]. Сын Мусаита, Карамыш, по косвенным данным, являлся аталыком — воспитателем одного из сибирских царевичей, скорее всего, одного из многочисленных детей хана Кучума. А одна из его жен являлась кормилицей (мамкой), на что указывает тот факт, что его сын Исинеи иногда именуется имелдешем, т. е. молочным братом [Беляков, 2012].

Сам Карамыш в России неизвестен. Представители рода стали появляться здесь в конце XVI в., и первым, по-видимому, был Бахтураз Карамышев, приходившийся шурином сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Атаулу. Он выехал в Россию вместе с женой последнего (своей сестрой) в 1586/1587 г. Первоначально он, судя по всему, жил во дворе у царевича Мухаммед-Кула, но через 2 года подал челобитную о верстании его поместным окладом и денежным жалованием [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 24, л. 1]. Ему назначили вполне значительный по тем временам для служилого мусульманина поместный оклад и годовое денежное жалование — 500 четей и 30 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1622 г., д. 4]. Следующей оказалась Нал-ханиша, теща Карамыша и дочь хана Кучума. В 1598 г. она в составе большой группы Кучумовичей попала в плен и была в 1599 г. привезена в Москву.

Исинеи Карамышев впервые упоминается в документах в связи с касимовским царем Ураз-Мухаммедом б. Онданом. По словам царя, при Борисе Годунове по его извету он «живот свой мучал» [Русский, 2012, с. 117]. Можно предположить, что истоки вражды между Ураз-Мухаммедом и Исинеем Карамышевым лежат еще в событиях их сибирской жизни. Ее причины мы, скорее всего, никогда не узнаем, однако эти события сделали их врагами до самой смерти.

Испоместили мирзу, судя по всему, в Мещере. Нам известно, что в 1613 г. ему с племянниками Изерепом Достокасимовым, Мустафой Мамаевым, Сутеком Мусаитовым принадлежала вотчина с. Кусмор с деревнями и пустошами Кусморской волости Борисо-

глебского стана Касимовского уезда. Здесь же, как поместье, Иси-нею принадлежала д. Новая с деревнями и пустошами, пожалованная царем Василием Шуйским [Документы, 1994, с. 333]. Можно предположить, что в какой-то период Мусаитовым и их родственникам принадлежала вся волость. Иные поместья принадлежали мирзе в Темниковском, Шацком и Касимовском уездах. О некоторых из них прямо указывается, что они «старые», но степень их «старинности» установить не представляется возможным [Документы, 1994, с. 60, 71, 195, 241, 275]. У нас имеется возможность несколько конкретизировать владения рода в Кусморской волости. Так, как мы уже говорили, 3 июня 1632 г. вдова касимовского царя Арслана б. Али Наг-салтан Карамышева дочь Мусаитова, сестра Исимнея Карамышева, дала касимовскому (ростовскому?) служилому татарину Мустафе мирзе Мамаеву сыну Семендееву (ее сыну или пасынку от первого брака) 500 руб. в заклад выслуженной вотчины за московское осадное сидение В. Шуйского, из его поместья, сельцо Бундово, Пенки тож, на речке Унже, Федосеевский починок, деревни Большую и Меньшую Сабуровы с половиной пустоши Колодина, половиной пустоши Тарасовой, половиной пустоши Штетининой в Кусморской волости Борисоглебского стана Касимовского уезда (15 крестьянских и 16 бобыльских дворов, 113 с осьминою четей в одном поле). Летом 1634 г. вотчина перешла в собственность царицы. В деле имеется интересная дополнительная информация. Здесь приводится список с двух жалованных вотчинных грамот царя Михаила Федоровича: от 7 июня 1624 г. мирзе Мустафе Мамаеву сыну Семендееву на его выслуженную вотчину, жеребей сельца Пенки и список с жалованной вотчинной грамоты ему же от 7 июля 1624 г. на вотчину его тетки. вдовы Исенбек (выслуженная вотчина ее детей Яншея и Сейтека Мусаитовых), а также жеребей все того же сельца Пенки [РГАДА. ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493–516 об.]. Таким образом, мы узнаем новые имена из клана Мусаитовых.

Мустафа Мамаев сын Семендеев приходился сыном сибирскому татарину Мамаю Семендееву. Маловероятно, что Наг-салтан Карамышева приходилась ему родной матерью, иначе его отмечали бы как сеида. Мамай Семендеев обладал более чем значительным статусом в Сибирском ханстве, ведь в 1596/1597 г. в России его испоместили на 535 четях из дворцовых земель в Сотемском стане

Ростовского уезда (14 деревень с починками и пустошами). Однако в апреле 1603 г. данное поместье жалуется выезжему ногайскому мирзе Хозяшу Юсупову [Акты, 1997, с. 299–300], а в 30-х гг. XVII в. оно значится за его сыном Мустафой [Стрельников, 2009, с. 302]. Не является ли это движение поместных земель следствием ссоры Исинея Карамышева и Ураз-Мухаммеда?

Об Изерепе Достокасимове нам ничего неизвестно. По-видимому, это сын еще одной сестры Исинея. Сутека Мусаитова следует отождествить с Сейтеком, сыном вдовы Исенбек. Его отец, скорее всего, Килиш Карамышев. В июне 1615 г. он со своим братом Бахтуразом получили в награду за службу по золотому в $\frac{1}{4}$ угорского [РИБ, Т. 28, с. 768]. Сейтек и его брат Яншей должны были умереть, не оставив потомства, до 1624 г. Другие племянники мирзы, дети Бахтураза Карамышева, с высокой долей вероятности в период Смуты являлись недорослями, и поэтому не принимали в ней активного участия.

Чем была заполнена жизнь Исинея Карамышева в первые годы XVII в., нам неизвестно, однако, благодаря щедрым пожалованиям эпохи Василия Шуйского (в том числе, переводу части поместий в вотчину), мы вправе утверждать, что Исинея Карамышев был верным приверженцем последнего Рюриковича на русском престоле. Также продолжала тлеть старая вражда с Ураз-Мухаммедом. Нам известно письмо касимовского царя гетману Лжедмитрия II Яну Сапеге от 30 ноября 1608 г., в котором он утверждал, что сибирский мирза является верным приверженцем Василия Шуйского «и обратится к государю царю и великому князю Дмитрию Ивановичю, всеа Русии, московским людям он не велит» [Русский, 2012, с. 117]. Существует еще интересное сообщение, указывающее на значение мирзы. На одной из карт Поволжья эпохи Смуты сохранилась запись: «...Ильин, что выехал от Шуйского к Дмитрию с разведкой [т. е. тайно], говорил от... Карамышева, что... Касимовского царя боится» [Русский, 2012, с. 591].

После низложения Василия Шуйского мирза присоединился к сторонникам выбора на русский престол польского королевича Владислава. На рубеже 1610–1611 гг. Исинея Карамышев находился в Новгороде. Воевода И. М. Салтыков послал Исинея, как голову служилых татар, к воеводе князю Григорию Волконскому, осаждавшему Старую Ладугу. Здесь он отличился в отражении шведской вылазки от 15 января 1611 г., во время которой был

пленен Яков, брат Петра Делагарди, что, в конечном итоге, привело к сдаче крепости русским войскам [АИ, т. II. с. 373–375]. В апреле 1611 г. Исинея Карамышев побывал у Сигизмунда III под Смоленском, куда его, скорее всего, посылал воевода И. М. Салтыков. Здесь он 4 апреля получил 70 флоринов и 10 штук сукна «камки адамашки» за наем служилых немцев. В это время существовала общая норма жалования иноземцам «на приезд» в 3 руб. деньгами и сукно. Таким образом, это, по-видимому, не награда мирзе за службу, а плата 10 иноземцам за переход на службу [Цветаев, 1902, с. XII], и с высокой долей вероятности можно предположить, что речь идет о пленных защитниках Старой Ладogi. Однако Я. Н. Рабинович говорит о несколько иной судьбе пленных: четверых французов в сопровождении атамана П. Игнатъева и И. Асанова отправили к Сигизмунду под Смоленск, а шестеро были посажены в тюрьму в Москве до королевского указа [Рабинович, 2013, с. 116].

В следующий раз мы видим Исинея Карамышева в Мещере. В 1612–1613 г. он активно стремится увеличить свое благосостояние. Помимо получения ввозных грамот на прежние свои поместья и вотчины, он приискивает себе новые, при этом не чураясь и незначительными участками пашни [Документы, 1994, с. 241] и даже судится из-за них с другими мещерскими татарами [РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 301]. Но особо бросается в глаза его стремление как можно больше «унаследовать» владений погибшего к тому времени Ураз-Мухаммеда. Так, за Исинея заложились многие люди прежнего касимовского царя, а также ему удалось захватить мельницу, ранее принадлежавшую Ураз-Мухаммеду. При этом часть захватов он осуществил (по крайней мере, формально) еще при жизни царя [Беляков, 2006, с. 29].

Следующим шагом в карьере Исинея Карамышева станет женитьба нового касимовского царя Арслана б. Али на его сестре Наг-салтан, что произошло ок. 1614 г. О причинах свадьбы мы можем только догадываться, но, конечно же, возросший авторитет мирзы не был решающим фактором. Хотя у сибирских мусульман в европейской России заметно стремление окружать себя, по возможности, теми же лицами, что и в Сибири. Нужно учитывать тот факт, что Наг-салтан приходилась правнучкой Кучуму и происходила из рода пророка, к тому же она овдовела. Скорее всего,

сработало право левирата, позволявшее вдовам получить гарантированное содержание. Исинею отдал в приданое за сестрой «царя Васильеву грамоту, какова давана грамота Исинею Карамышеву царя Уразмаметевских на людей» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 2].

Далее в судьбе мирзы произошел неожиданный поворот — в апреле 1616 г. он объявлен изменником, а грамоты о его поимке разосланы в десятки уездов. 19 апреля Исинея поймали и привезли к государю в Москву [РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2].

Конец жизни Исинея Карамышева также является для нас загадкой. По одним сведениям, ок. 1620 г. его сослали в Нижний Новгород. Однако В. В. Вельяминов-Зернов приводит надпись с надгробия мирзы, обнаруженную в Касимове и датированную 1618 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 47]. Царь Арслан без развода отправил царицу Наг-салтан в Ярославль к своим родственникам [Беляков, 2006, с. 29]. Как мы уже говорили, там в это время проживали ее племянники, дети Бахтураза, и ее бабка. Причины опалы нам неизвестны. В 1616 г. Арслан добивался передачи ему прав на мельницу царя Ураз-Мухаммеда, которой некоторое время владел Исинею. Скорее всего, в сложившейся ситуации оказался виновен сам мирза. Успехи последних лет вскружили ему голову, и он не заметил, как вектор развития государства изменился. Вполне вероятно предположение, что Исинею Карамышев просто зарвался и позволил себе явно лишнее, а такого не прощали и более заслуженным людям (наиболее ярким примером может служить судьба князя Д. Т. Трубецкого). Быть может, мирзу также преследовал шлейф предшествующих событий. По крайней мере, нельзя не отметить явные параллели в его судьбе и истории Ураз-Мухаммеда. Следует отметить, что опала Исинею не помешала его племяннику Бердикю Бахтуразову возглавлять в середине XVII в. касимовских служилых татар Царева двора. Его поместный оклад составлял 600 четей, и это практически предел для служилого татарина [РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 184, л. 70].

Особо следует отметить, что от тех далеких времен до нас дошла капторга (коранница) — серебряная коробочка, в которой носили на груди отдельные суры из Корана, принадлежащая Исинею Карамышеву. Об этом говорит владельческая запись, помещенная на ней [Золото, 2007, с. 27; Казани, 2003, с. 106]. В настоящее

время она хранится в Государственном Историческом музее. В отличие от многих мемориальных предметов, владение которыми приписывается тем или иным деятелям отечественной истории, данный предмет действительно принадлежал нашему герою.

Определенная информация о возможных членах двора Ураз-Мухаммеда находится в переписке касимовского царя с гетманом Я. Сапегой. В ней, в частности, упоминаются: Муртаза Нагаев, Уразгилдей Собанчеев, Жилин Алексей Семенов сын, князь Нарзака Молкоманов. Также нам известны имена трех его крестьян: Тулубай, Касай, Алешка Семенов. Упоминаемый там же Ураз мирза князь Кулунчаков явно не входил в состав двора царя [Русский, 2012, с. 117–123]. Помимо этого, по более поздним документам мы знаем Ивана Елизарьева сына Овинова (Авинова). Впоследствии он будет служить касимовскому царю Арслану б. Али и его сыну царевичу Сеит-Бурхану б. Арслану [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 13].

У нас есть возможность установить происхождение и сроки службы большинства служилых людей последнего касимовского царя Арслана б. Али. До Смуты, в 1603/1604 г., у юного царевича известны 12 человек [Беляков, 2006, с. 9; РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 27–32]. После провозглашения Чингисида касимовским царем размеры его двора резко возросли. У нас имеются данные на 1627 г.

Касимовцами (скорее всего, из двора царя Ураз-Мухаммеда) были 25 человек: Иш-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов (как царь приехал в Касимов — частое упоминание; автор принимает за точку отсчета 1614 г. Здесь и далее в скобках указан год поступления на службу); Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов (1610/1611 г.); Кутушай сеид Янмаматов (1617 г.); абыз Сафар Ишкинеев (1614 г.); Малей Еналеев (1614 г.); Тохтар Янгилдеев (с московского разорения); Сунчалей Исаков (1614 г.); Байбахта Байкеев (1621 г.); Утей абыз Аликеев (с московского разорения); Асан Тенибеков (1614 г.); Ишкой Ганин (1614); Алмакай мирза князь Альшев (1622 г.); Анлагун Иванов сын абызов (1614 г.); Иш-Мухаммед Енмаматьев (1614 г.); Уразай Азеев (1614 г.); Кармай Данилов (1614 г.); касимовский жилец Сафар Григорьев сын Серебренник; ключник Девлеткилдей Пилев (1614 г.); ключник Байричюр (1614 г.); конюх Айтюш Мосеев (1614 г.); конюх Бичу-

ра Бартыков (1614 г.); конюх Уракай Мартынов (1623 г.); конюх Топай Мартынов (1623 г.); конюх Малтабар Болдырев (1614 г.); конюх Семен Полкин (1614 г.).

Сибирских татар было 12 человек: Келмамет аталык Агилдеев (1598 г.); Иштерек Байтереков (1615 г.); Баймамет Зенчаров (1612 г., выехал с сибирским царевичем Кул-Мухаммедом б. Кучумом и служил у него до того, как его «литовские люди убили» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 30]); Деум Бехтемирев (1611 г.) (зять Сафара абыза Ишкинеева [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1621 г., д. 11]); Исенгилдей Янгилдеев (1615 г., до этого служил сибирскому царевичу Азиму б. Кучуму [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 31]); Кичей Чоров (бил челом задолго до Ак-Мухаммеда сеида; в другом месте упоминается, что он бил челом в службу задолго до Араслана Алеевича. В 1618 г. отвечал за казну. Известен его брат Богдан, который ставил перед царем еду. В 1618 г. их обвинили в попытке отравления царя кореньями. Там же упоминается еще один человек Алея: «Да у царя де есть татарин, Шихом зовут, ворожит во многих мерех, а царь де его ворожбы держитца». Нам также известно имя жены Кичея — Авну-салтанка. Упоминание Кичея Чорова в более поздних документах указывает на то, что ему удалось оправдаться перед касимовским царем [Беляков, 2003б, 60–61]); Билял Безергенев (1621 г.); Молла Чепанов (калмык, его прислал к сыну из Сибири отец Али б. Кучума [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 50; Миллер, 2000, с. 33]); Моян князь Бетин и Едигер Шамаев («царевы Араслановы старинные люди, у царя и породилися»); Тумак Тохаметьев (1617 г.).

Ногайцы — 7 человек: князь Тохмамет Шамарданов (1614 г.); Сара Еломанов (1615 г.); Елмамет Билмаметев (с московского разорения); Василий Чаваев (1617 г.); Анлагун Теребердеев (1614 г.); Барай абыз Кудашев (бил челом в московское разорение); Кулабердей Анлебердеев (1624 г., до этого служил у Кутлугана б. Али [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 53]).

Русских — 5 человек: Иван Елизарьев сын Авинов (1614 г., до этого у царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана). Овиновы (Авиновы) — старинный новгородский боярский род. Его представители были, в частности, новгородскими посадниками. При Борисе Годунове Иван Годунов «по недружбе» разорил их, поэтому Елизарий Овинов бил челом на службу касимовскому царю Ураз-Мухаммеду

[РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 13]. Впоследствии касимовскому царевичу Сеит-Бурхану будет служить некто стряпчий Петр Овинов, вероятно, сын Ивана [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1647 г., д. 16, л. 18]; угличский сын боярский Макар Алферьев сын Нелидов (1617 г.); Фома Иванов сын Суворов (1623 г.); касимовец Иван Жилин (1614 г.). Во дворе Ураз-Мухаммеда отмечен Алексей Семенов сын Жилин [Русский, 2012, с. 92]; калмык-новокрещен Кандратей Иванов (1620 г., в документах назван русским).

Иные — 6 человек: Аликей мирза Акаев сын Тенишев (1610/1611 г., упоминается как приказной человек царя Арслана [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 8]); крымец Абдула абыз Асанов (1619 г., до этого служил у ярославского кормового татарина князя Михаила Кагнаева [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 49]); московский татарин Еникей Бибулушев (с московского разорения); турок Муса Асанов (бил челом задолго до Ак-Мухаммеда сеида); Кутнай Енаков (с московского разорения); повар литвин Мартын Юрьев («взял иво царь в полон под Москвою») [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 28–55].

Известен еще один конюх царя Арслана, убитый в 1621 г. посадскими людьми, — Ишейка Ейкин [Токмаков, 1886, с. 57].

Всем своим служилым людям царь давал деревни или поденный корм, который мог заменять пустыми землями из своего поместья, а также денежное жалование, суммарно составлявшее 550 руб. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 57]. Ряд холостых татар получали лишь годовой оклад и кормились за столом. 10 человек находились на полном обеспечении у царя. Деревнями владели: Иш-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов (деревня Уланова Гора — 66 четей в одном поле); Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов (деревня Большие Пекселы — 195 четей с полуосьминою); Келмамат аталык Агилдеев (деревни Шоста и Малые Пекселы — 231 четь с осьминою); князь Тохмамед Шамарданов (половина деревни Куземкино — 152 чети с осьминою); Аликей мирза Акаев сын Тенишев (половина деревни Шишкино); Сара Еломанов (половина деревни Куземкино — 141 четь с осьминою, вероятно, 9 крестьянских и бобыльских дворов); Иштерек Байтереков (деревня Мосеева — 98 четей с осьминою); Иван Елизаров сын Овинов (Авинов) (половина деревни Шишкино) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 28–30]. По-видимому, они составляли верхушку царева двора.

Известна и другая форма содержания. 50 руб. из таможенных доходов составляли годовое жалование Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулова [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14, л. 4]; 40 руб. с ватажных рыбных ловель с. Ерахтур предназначались князю Тохтамету Шамарданову [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 29]. Приведенные цифры пожалованных поместий, как мы увидим ниже, могут различаться в зависимости от источника.

Сокращение доходов после смерти Арслана привело к корректировке состава двора малолетнего касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана. Приведем изменения, произошедшие в 1628 г.

Таблица 1

Дворы Арслана б. Али и Сеит-Бурхана б. Али

(Составлена на основании данных РГАДА,
ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14)

	При Арслане б. Али			При Сеит-Бурхане б. Арслане		
	земельные пожалования	денежный оклад	натуральные дачи	земельные пожалования	денежный оклад	натуральные дачи
Иш-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов	д. Уланова Гора (66 четей)	—	—	д. Уланова Гора (66 четей)	—	—
Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов	д. Большие Пексёлы (195 четей)	50 руб.	—	д. Большие Пексёлы (195 четей)	50 руб.	—

Келмамет аталык Агилдеев	дд. Шоста и Малые Пекселы (231 четь)	40 руб.	—	д. Шоста (125 чети)	—	—
Токмамет князь Шеморданов*	½ д. Куземкино (95 четей)	40 руб.	—	½ д. Куземкино (95 четей)	—	—
Алмакай мирза Акаев сын Тенишев ¹	½ д. Шишкино	—	—	выть в д. Куземкино	—	—
Кутушай сеид Янмаматов	—	20 руб.	15 четей ржи и овса тож	9 дворов в д. Куземкино	—	—
Сара Еламов* ²	½ д. Куземкино (141 четь)	20 руб.	—	—	20 руб.	—

¹ Возможно, речь идет об Аликей аталыке б. Акай мирзе, свате Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулова. Тин-Мухаммед сеид Ак-Мухаммед сеид Шакулов — муж дочери (?) аталыка Бигиш-бикач. Его сестра Шегр-султан-бикач была замужем за Иш-Мухаммедом, сыном Али-бик хафиза. Данная информация известна из его завещания от 11 марта 1639 г. [Вельяминов-Зернов В. В. Исследование, 1866, с. 231–149]. Предположительно, аталык касимовского царевича Сеид-Бурхана б. Арслана. Мы можем предположить, что брак детей Аликея аталыка и Ак-Мухаммед сеида был призван дополнительно закрепить родственные связи клана Шакуловых с касимовскими Шибанидами (пусть и более чем опосредованно, через молочное родство), тем самым обеспечив особое положение рода в городе на одно поколение дольше.

² В таблице знак * означает, что при Сеит-Бурхане человек отошел прочь.

Иштерек мирза Байтерек- ков	д. Мо- сеево (98 четей)	20 руб.	—	д. Мо- сеево (98 четей)	20 руб.	—
Баймамет Зенгаров*	—	12 руб.	12 четей ржи и овса тож, 4 пуда соли	—	12 руб.	12 четей ржи и овса тож, 4 пуда соли
Деум Бехтеми- рев	пашня	10 руб.	—	жеребей в д. Ку- земкино (46 четей)	—	—
Кичей Чоров	—	12 руб.	12 четей ржи и овса тож, 4 пуда соли	—	12 руб.	12 четей ржи и овса тож, 4 пуда соли
абыз Сафар Ишкинеев	пашня	10 руб.	—	пашня	10 руб.	—
Матлей Еналеев	пашня	10 руб.	3 пуда соли	пашня	10 руб.	3 пуда соли
Абдула абыз Асанов*	пашня	10 руб.	3 пуда соли	пашня	10 руб.	3 пуда соли
Емикей Бибулу- шев	пашня	10 руб.	3 пуда соли	пашня	10 руб.	3 пуда соли
Тохтар Янгилдеев	пашня	10 руб.	3 пуда соли	пашня	10 руб.	3 пуда соли

Сунчалей Исаков	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Исенгил- дей Янгилде- ев*	пашня	12 руб.	—	пашня	12 руб.	—
Елмамет Баймаме- тев*	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Билял Безерге- нев сын Байцын*	—	8 руб., ему же и за хлеб** ¹	—	—	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—
Муса Асанов	пашня	7 руб.	3 пуда соли	пашня	7 руб.	3 пуда соли
Байбахта Байкеев	пашня	7 руб.	3 пуда соли	пашня	7 руб.	3 пуда соли
Молла Чепанов*	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли

¹ В таблице знак ** означает, что за хлеб полагалась та же сумма.

Утей абыз Аликеев	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Василий Чаваев	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Асан Тинибеев	пашня	7 руб.	—	пашня	7 руб.	—
Аллагул Тереберде- ев*	—	8 руб., ему же и за хлеб**	—	—	8 руб., ему же и за хлеб**	—
Борай абыз Кудашев*	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Ишкой Гатин	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
Байбахта Байкеев*	—	8 руб., ему же и за хлеб**	—	—	8 руб., ему же и за хлеб**	—

Тюгей Ишеев	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
Девлет- килдей Пилеев	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
Байры Дюрдов (?)	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
повар Мартын Юрьев	—	12 руб., ему же и за хлеб**	—	—	12 руб., ему же и за хлеб**	—
КОНЮХИ						
Айтюш Мосеев	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
Уракай Мартынов	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли

Топай Мартынов	—	4 руб., ему же и за хлеб**	—	—	4 руб., ему же и за хлеб**	—
Малтабар Болдерев	—	4 руб.	3 чети ржи и овса тож, пуд соли	—	4 руб.	3 чети ржи и овса тож, пуд соли
Семен Полкин	—	4 руб.	3 чети ржи и овса тож, пуд соли	—	4 руб.	3 чети ржи и овса тож, пуд соли
Сафар Григорьев, серебре- нник	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
Алмакай мирза князь Алы- шев*** ¹	—	—	—	8 дворов в д. Кузем- кино (50 четей)	—	—
Кутнай Енаков***	—	—	—	—	10 руб.	8 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли

¹ В таблице знак *** означает, что человек не служил при Арслане б. Али.

Ишмамет Енмаметев	—	—	—	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Кермай Данилов	—	—	—	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Тумак Тохмаме- тев	—	—	—	—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Вновь приняты						
Девликей Девликеев				—	6 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
псарь Еликей Биишев				—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож, 2 пуда соли
коных Асан Кулсеитов				—	4 руб.	6 четей ржи и овса тож

русские люди						
Иван Елизарьев сын Авинов*	½ д. Шиш-кино	20 руб.	—	½ д. Шиш-кино	20 руб.	—
новокре-щен Кондратий Иванов*	—	10 руб.	7,3 руб. поден-ного корма	—	10 руб.	7,3 руб. поден-ного корма
Макар Олферьев сын Нелидов	—	8 руб.	2 пуда соли	—	8 руб.	2 пуда соли
Фома Сидоров (Иванов сын Суворов?)	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли	—	8 руб.	6 четей ржи и овса тож, 3 пуда соли
Иван Жилин	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож	—	7 руб.	6 четей ржи и овса тож

В данный список не вошли 10 человек деловых людей с женами и детьми (зимой они получали месячный корм, а при проведении полевых работ кормились «за столом») и 5 служилых людей, не получавших денежного и хлебного жалованья и к этому времени покинувшие двор: один умер, другой отошел в Романов к мирзе Барамалею Кутумову, третий — в Ярославль к царевнам, двое просили государя поверстать их поместным и денежным окладом. Не совсем понятна судьба И. Е. Авинова, также просившего Михаила Федоровича поверстать его. В конечном итоге, Авинов остался у царевича [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1647 г., д. 16, л. 18].

Важно отметить, что среди упомянутых в списке лиц, получавших денежное и натуральное содержание, отмечены в том числе и

холопы царя Арслана (повар и серебряник). Скорее всего, это далеко не все.

Причину того, что некоторые татары решили покинуть двор, выявить несложно. Власть, пользуясь младенчеством царевича Сеит-Бурхана, захватили родственники его матери — Шакуловы. Благодаря тому, что у царевича отняли доходы с городских кабаков, таможни и посада, они сократили содержание ряду татар. Помимо этого, деньги, отмеченные в окладах, не означали их обязательной ежегодной выплаты. «А царев приказной человек Акмамет сеит сказал, что царевич Сеит-Бурхан служилым людям дает на год рубли по два и по три, а конюхом денги по окладом их сполна. А хлеб служилым людям и конюхом всем сполна, по тому, по чему давано было при царе Араслане» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14, л. 19]. Таким образом, более всего пострадали те, кто не был испомещен и не получал натуральные дачи хлебом и солью. К тому же, скорее всего, сюда в значительной мере примешивались и личные отношения с новыми неформальными лидерами.

Благодаря этому появилась категория касимовских служилых татар, получавших средства на свое содержание из городских доходов. Вот их список с размерами поместного денежного оклада и поденного корма: 300 четей, 12 руб., 5 коп. — князь Токмамет Шеморданов; 250 четей, 10 руб., 4 коп. — новокрещен Кондратий Иванов, Сара Еламов; 200 четей, 9 руб., 3,5 коп. — Баймамет Сенчаков; 150 четей, 8 руб., 3 коп. — Абдула абыз Асанов, Елмамет Баймаметев, Билял Безиргенев сын Байцын, Анлагул Теребердеев; 100 четей, 7 руб., 2 коп. — Янбахта Бавкеев, Безерген абыз Байцын [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 14, л. 22–23].

В нашем распоряжении имеется более подробная информация о некоторых из этих лиц. О Безергене абызе Байцыне нам известно по его собственной челобитной, что он выехал из Сибири еще при царе Федоре Ивановиче и по выезде «пристал» к сибирскому царевичу, племяннику хана Кучума Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею (Атаулу). Данный выбор оказался неслучаен — «большая» жена царевича, царица Алма-биим, являлась его двоюродной сестрой [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., д. 7, л. 1]. Данное сообщение позволяет нам попытаться определить предков Безергена. Известно, что старшая жена царевича Мухаммед-Кула являлась дочерью некоего Карамыша Мусайтова, женатого на дочери сибирского

сеида Дин-Али ходжи. Дин-Али, в свою очередь, женат на дочери хана Кучума Нал-ханише. Если Безерген и Алма-бике — двоюродные брат и сестра по мужской линии, то его отец (Байц, Байца?) должен быть родным братом Карамыша Мусаитова. Если же родство по женской линии, то мы попадаем в тупик, так как у Карамыша было несколько жен (не менее трех) и как минимум 6 детей. Но только по отношению к одной дочери Карамыша, Наг (Нагелсалтан), можно сказать, что она появилась от брака Карамыша и дочери Дин-Али. Таким образом, мы должны признать, что не можем однозначно утверждать, кто являлся предками Безергена. Он мог быть как выходцем из Средней Азии (сартом), составлявшими костяк окружения Кучума, так и представителем сибирской родоплеменной знати, посредством браков на дочерях которых сибирские Шибаниды поддерживали единство своего государства. В любом случае, Безерген относился к представителям элиты Сибирского ханства. По косвенным данным (упоминание о нем как об абызе), мы склоняемся к его среднеазиатскому происхождению.

Безерген утверждал, что в России он вместе с царевичем в «немецких походах был, и на многих боех ранен бывал, и языки многия к прежним государем приваживал, и тебе, государю, служил в Смутное время, в межеусобную брань, с литовскими людьми и с рускими воры бивался, и ранен многожды бывал, и за твое, царское имя, кровь свою проливал и языки приваживал, и в ызмене у Тушинсково Вора... не бывал». Проверить данное сообщение нет возможности, однако если Безерген со своей семьей жил у царевича, то это было в поместье Чингисида, расположенном в Бежецком Верхе [Беляков, 2011, с. 282]. Здесь, кроме непосредственно семьи Мухаммед-Кула, проживал ряд жен и дочерей Кучума [РГАДА, ф. 131. оп. 1, 1600 г., д. 1].

В 1618 г. царевич Мухаммед-Кул умер, а его жен перевели в разряд ярославских кормовых татар. Поэтому Безерген, оставшись без источника существования, вынужден поступить на службу к внуку хана Кучума, касимовскому царю Арслану б. Али (Араслану Алеевичу). Со 1621 г. мы видим здесь и его сына Биляла¹ Безергенева сына Байцына. Выбор Касимова как места жительства, скорее

¹ Правильное имя — Билялай (Би-лайле ай — «ночной месяц») [Фаизов, 2000].

всего, стал неслучаен, ибо Араслан Алеевич известен искренней любовью к своим родственникам в России (отец, братья, сестры, дядья и тетки) и постоянно помогал им. В основном они проживали в Ярославле, и каждый год туда отправлялся обоз в 50 и более подвод с различной провизией. При дворе царя также находили пристанище люди иных умерших или погибших в России Чингисидов [Беляков, 2006, с. 14, 17, 27]. Нужно отметить и тот факт, что другая двоюродная сестра Безергена, или же его ближняя свойственница, Нагел Карамышева была супругой Арслана.

Более имя Безергена нам не встречается. К 1631 г., он, скорее всего, умер [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1631 г., д. 4], а его сын в это время уже был переводчиком с татарского языка Посольского приказа. Он зачислен в приказ в июне 1630 г. и поверстан «з большою прибавкою». «Для Крымской посылки» ему учинено 250 четей поместного оклада, 12 руб. годового денежного жалования и 2 алтына (6 коп.) поденного корма [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1631 г., д. 79, л. 9, 13; Куненков, 2007, с. 446]. Следует отметить, что для первой половины XVII в. это не единственный пример, когда в толмачи или переводчики внешнеполитического ведомства брали лиц из числа служилых иноземцев Посольского приказа. Мы можем предположить, что это была обычная практика, направленная на общее сокращение непрофильных расходов: служилые иноземцы несли военную службу, а жалование они получали из доходов внешнеполитического ведомства, т. е. перевод служилого иноземца в переводчики или же толмачи сокращал общие траты, а человек начинал выполнять работу, без которой Посольский приказ функционировать не мог.

О зарубежных посылках Биляла Байцына мы знаем, в первую очередь, по «сказке» его внука Резепа Байцына, поданной в 1696 г. [Белокуров, 1906, с. 151]. Первый раз Биляла послали с посланником Прокопием Воейковым в Крым в 1630–1631 г. [Опись, 1990, л. 839 об., с. 393; РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 22, л. 144 об., 150 об., 183, 184 об.; 1633 г., д. 11, л. 18]. Скорее всего, именно об этой службе своего деда Резеп писал: «...и в Крыму будучи у государева дела всякую нужу и голод терпел, и в чеши и в железах сидел, и живот свой мучал...» [Белокуров, 1906, с. 151]. В 1632/1633–1633/1634 гг. он посылался с Яковом Дашковым в Стамбул [Опись, 1990, л. 776 об., 777 об., с. 367]. За эту посылку переводчик получил 40 кунниц, кам-

ку кармазин, сукно лундыш, а также 52 руб. «за убытки» [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1669 г., д. 4, л. 5; 1628 г., д. 1, л. 160; ф. 89, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 368, 375; Куненков, 2007, с. 446]. Вторично в Крым он отправился с посланником Дорофеем Астафьевым; миссия длилась с 1636 по 1637 гг. [Опись, 1990, л. 685 об., 845 об., 847–849, 890 об., 935, с. 328–329, 396–398, 415–416, 438; РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1634 г., д. 8, л. 90; 1643 г., д. 2, л. 28]. В 1639–1640 гг. он вновь направляется в Крым с посланником Венедиктом Сухотиным [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 22, л. 261], а в 1643–1644 г. — в третий раз, с посланником Григорием Нероновым [Опись, 1990, л. 809, 858 об., 859 об., 860, с. 381, 402; РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 193, 199]. В 1646/1647 г. размер его годового жалования составлял уже 35 руб., а поденного корма 12 коп. [РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1647 г., д. 62, л. 42]. В 1647/1648 г. он посылался в Персию с князем Савелием Ивановичем Козловским [Опись, 1990, л. 726 об., 733 об., 748 об. — 749, с. 347, 350, 355–356; РГАДА, ф. 141, оп. 2, 1647 г., д. 62, л. 54; ф. 138, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 184]. По возвращении из посольства переводчик был допущен «к руке» государя, после чего ему пожаловали корм «в стола место»: из Большого Прихода — туша барана, 2 курицы, «на мелкое» гривна (10 коп.), из Новой чети — кружка вина, ведро меда, ведро пива [РГАДА, ф. 138, оп. 1, д. 1649 г., д. 13]. В 1649 г. годовой оклад переводчика повысили до 40 руб. [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1649 г., д. 13, л. 62]. Следует отметить, что Билял не порывал связи с Касимовым. Так, в 1649 г. он женил здесь своего сына Абдулу [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1648 г., д. 8, л. 32–35]. На следующий год он вновь посылается в Персию [РГАДА, ф. 138, оп. 2, д. 12, л. 12], а в 1651 г. происходит очередное увеличение материального содержания — «придача» за кизылбашскую посылку. Годовой оклад теперь составляет у него 45 руб., а поденный корм 15 коп. [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1649 г., д. 13, л. 344; оп. 2, д. 12, л. 12]. Больше его оклад и поденный корм не увеличивался. В августе 1653 г. он находился при принесении шерти касимовским царевичем Сеит-Бурханом и татарами его двора в Москве (держал Коран). Вот так он столкнулся со своими прежними «сослуживцами» по двору царевича в совершенно ином качестве. Тогда же шерть приносил и сибирский царевич Алтанай б. Кучум — еще один генеалогический казус, ведь царевич был женат на дочери Мухаммед-Кула, значит, жена Алтаная приходилась троюродной сестрой Биляла.

Умер он в 1654/1655 г. [РГАДА, ф. 138, оп. 2, д. 12, л. 12], оставив двух сыновей — Абдарахмана [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1657 г., д. 5, л. 2] и Абдулу. Абдула станет переводчиком с татарского и турецкого языков во внешнеполитическом ведомстве.

Нами была обнаружена челобитная Иштерека мирзы Байтерекова, в которой излагаются события выезда его отца Байтерека в европейскую Россию [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1629 г., д. 3]. Со слов сына, Байтерек являлся тобольским служилым татаринном, при этом «промеж своей братьи в списке первой человек». Когда из Сибири в Москву послали плененных сибирских царевен, тобольский воевода князь И. М. Катырев-Ростовский отправил его с ними в приставах. На обратном пути Байтерек заболел и умер в Касимове, оставив после себя вдову с сыном и как минимум 2 дочерьми.

Попытаемся разобраться в приводимых сведениях. Большая группа жен, сыновей и дочерей хана Кучума, как мы знаем, пленена 20 августа 1598 г., после чего их отправили в Москву [АИ, т. 1, с. 1–21], и до этого дочери Кучума в плен не брались. Однако И. М. Катырев-Ростовский являлся тобольским воеводой в 1608–1612 гг. [Вершинин, 1998а, с. 169–170]. В 1607–1608 гг. в Россию также вывезли значительную группу Кучумовичей, хотя дочерей сибирского хана при них практически и не было [Беляков, 2011а, с. 70–71]. Нам известна выписка на доклад по челобитью сибирских цариц об определении их на жительство к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану и сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Атаулу, датированная ноябрем 1600 г., в которой также упомянуты «сибирской татарин Текей аталык, да татарин Байтерек з женою да з дочерью» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1, л. 2]. 13 ноября «отпущены царевичу сибирскому Маметкулу сибирские царицы царя Кучюма Салтаным царица да дочь Тулумбек царевна, Актулум царевна, да сын ее Мулла царевич, да дочь еге царевна, Аксюрюк царица да дочь ее Ах-ханым, да внучата ее, Бегей мурзины дети Енмамет мурза да сестра его Нал-хадишь, Шевлель царица да 4 жонки служащих, да сибирские татаравя Байтерек з жоною да з дочерью, да Текей аталык» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г., д. 1, л. 3].

Остановимся на этом известии более подробно. Упомянутый в нем Байтерек «з жоною да з дочерью» и есть отец Иштерека. Но его не отправляют в Сибирь, — он держит путь в противоположную сторону, в Бежецкий Верх, где находилось поместье племянника

Кучума Мухаммед-Кула б. Атаула (Ахмед-Гирея) [Беляков, 2011, с. 281–282]. По документу становится ясно, что Байтерек и его жена не являются слугами сибирских царевен. По нашему мнению, речь идет о свойственниках Кучума, т. е. братьях, сестрах и племянниках его многочисленных жен. Брачная политика Кучума, его детей и племянников до настоящего времени практически не исследована. Имеются только отдельные работы, но уже сейчас можно говорить, сибирский хан стремился заполучить поддержку всех более или менее заметных родоплеменных объединений Сибири путем заключения браков с дочерьми возглавлявших их князей (мирз). Такие жены параллельно выполняли и роль заложниц. Постепенно вырисовывается картина патриархально-родового принципа организации управления Сибирью. Интересно, что при Кучуме жили и его замужние дочери со своими детьми.

В группировании цариц, собравшихся на жительство к Ураз-Мухаммеду или же к Мухаммед-Кулу, просматривается определенная закономерность. К касимовскому царю просились на жительство его ближайшие родственницы и свойственницы (мачеха, родные, сводные и двоюродные сестры). Имеется группа цариц и царевен, которые остались в Москве. Таким образом, мы можем утверждать, что к Мухаммед-Кулу поехали только те женщины, которые имели особые связи с царевичем. Мы знаем, что вокруг племянника Кучума довольно рано начинают собираться родственники его жены, клан Карамышевых — Мусайтовых [Беляков, 2012]. Приезжает к нему же и двоюродный брат его старшей жены Безерген абыз Байцын. Однако Байтерек не имел никакого отношения к Мухаммед-Кулу, значит, следует искать родственные связи Байтерека (или же его жены) с царицами Салтаным, Ақтулум, Аксюрюк и Шевлей (1-я, 4-я, 5-я и 6-я царицы по русской классификации, отмеченной в документах на выдачу жалованья). В настоящее время мы знаем происхождение только одной царицы (4-й) — Ақтулум: это дочь чатского князя Куземенкея [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 2, л. 61]. О ней идет речь в грамоте ее отца к царю Федору Ивановичу, посланной осенью 1698 г. с сеидом (в грамоте он назван хаджой) Тулмаметом. Возможно, в этом же документе речь шла и о Байтереке: «и нашево племени две души попали к вам» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 2, л. 1–2]. Вполне возможно, что мирза был родом из Чат, но утверждать это наверняка в настоящее время нельзя.

Показательно, что в 1600 г. у Байтерека отмечена одна дочь. Значит, сын Иштерек и как минимум одна дочь родились позднее. В Касимове семейство (возможно, уже без отца) оказалось только при царе Арслане б. Али. Известно дело, в котором утверждается, что Иштерек Байтереков был включен в состав двора царя Арслана ок. 1615 г. В это время ему было не более 15 лет; юному мирзе с родственниками на содержание передали деревню Мосеево (98 четей) и назначили годовой денежный корм в 20 руб. [Беляков, 2011, с. 239; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1627 г., л. 30]. По этим данным его можно отнести к верхушке двора касимовского царя.

После смерти Арслана, Иштерек Байтереков стал кормовым татаринном. Ему назначили поместный оклад 250 четей, 9 руб. годового денежного жалования и 3 коп. поденного корма [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1629 г., д. 3, л. 5]. Судя по размерам пожалования, доказать свой высокий статус он не сумел. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Вернемся к списку людей касимовского царевича Сеит-Бурхана. В 1638 г. упоминаются двое его стряпчих: Дмитрий Резанов и Вторко Медведев [РГАДА, ф. 137, оп. 1, Москва № 2, л. 44 об.].

Сохранился частичный список двора царевича на 1646 г. В писцовой книге г. Касимова отмечены как владельцы дворов: Армакай (Алмакай?) мирза князь Алишев (Алышев?)¹ сын Толкачев (Тонкачев?* — здесь и далее звездочкой отмечены люди, упомянутые ранее); Кермай Данилов*; Деум (Деуш?) Бектемиров*; Сюня Баранаев; Сафар Ишайнеев (Ишкинеев, абыз)*; конюх Тапай Мертынов (Мартынов?)*; Такай Бичюрин; повар царевича Мартын Юрьев*; Урукай Теняев; Мамалей Елналеев; Канчура Килгилдеев; купленный человек Байречка Юрьев сын Конюх (?); Кутнай Енакаев*; Чемакай Богданов; Ишмаммет Балметьев; Такай Салтанаев; Кутлумамет Девлеткилдеев; Исаналей Урузаев; Сафар Клешов; ключник Сюня Девлеткилдеев и его брат Курмай Девлеткилдеев; Бутеня Бачурин; задворный человек Сунчалей Андреев; Беекай Кончаров; задворные люди Ишекай и Такай Клещевы, дети рыбакова; конюх Байсула Байбурун; Нагай имелдеш Исинеев; Сюняй Тохтаров; Кудаш Ишеев*; Тюгей Ишеев; Ченалей Ченебесков; ко-

¹ Публикаторы допустили в ряде мест значительное искажение текста. В скобках дается более правильный вариант прочтения.

ных Бичюра Мартынов; Алей Немичев сын Тонин; портной Гришка Фролов; Байтерек Ишеев сын Тонин; Ишерек (Иштерек?) Ишеев сын Тонин; Утей, Тютеш, Имамат Сунчалеевы дети; рыболов Челикей Баречеев; задворный человек Челикей Байрючев, сын рыболова; Андрей Прокофьев сын Резанов; Федор Евстафьев сын Курбатов; Михайло Блексеев (Алексеев?) сын Жилин; Федор Леонтьев сын Авинов; подьячий Мартын Павлов сын Милов; подьячий (?) Иван Осипов сын Чесихин; подьячий (?) Мишка Федосеев сын Шанин; подьячий Веденихтко, а прозвище Мидованко Фролов; портной Андришка Дмитриев с сыном Исайкой; портной Гришка Панфильев; портной Володька Дмитриев; портной Гришка Фролов; портной Гурка Васильев; портной Терешка Данилов с сыновьями Евсейкой, Левкою и пасынком Пронькою Кирилловым; серебряник Андрей Иванов Бурков; конский мастер Федор Ульянов; Никита Трофимов сын Коновалов; Павел Андреев, по прозвищу Богдашка; колымажный мастер Сенька Алексеев с детьми Гришкой и Максимом и пасынком Терешкою Ивановым [Переписная, 1892, с. 7].

Всего за царевичем значатся 53 человека: мирза, 3 татарина, 28 человек служилых татар, 11 задворных человек, 20 русских людей. В список не вошли Шакуловы, но в более поздних документах и они отмечены у царевича. Впрочем, список неполон и по составу мирз.

Нам известен полный состав татар двора Сеит-Бурхана 1653 г. В него не включены холопы Чингисида, а также русские люди. В этом году царевич со всеми своими татарами был вызван в Москву, где они принесли шерть московскому царю. Часть двора (судя по всему, составлявшая его верхушку) поклялась на Коране в Посольском приказе в тот же день, что и царевич. Вот их список: Ак-Мухаммед сеид Белек сеид Шакулов, дед царевича*; Тениш сеид Ак-Мухаммеда сеид Шакулов, дядя царевича; Алмакай мирза князь Альшев (Тонкачев?)*; Досай сеид Кутум сеит сын Шакулов; Тюгей Ишеев сын Кангулов; Каргай Данилов.

Иных привели к шерти 17 августа: Досай сеид Кутушай сеид Шакулов; Шемай сеид Кутушай сеид Шакулов; Дост-Мухаммед сеид Ших-Мухаммед сеид Шакулов; Чюрай мирза Тенебеков; Ногай имелдеш Ишкеев; Арслан мирза Ишкеев; Кодралей мирза Баубеков; Еней мурза Тенебеков; Кермай имелдеш Данилов*; Тюгей Ишеев*; Кутлусеят Кутушев; Токай Бичюрин*; Ишумомет Енмо-

метев; Сюней Тохтаров*; Булат мирза Ше[]; Шемай Сафаров; Исай Теребердеев; Кидаш Иштеев; Сюнчелей Тохтаров; Тюгеш Сюнчелеев; Еналей Елгутин; Сюняй Бароняев; Утей Сюнчелеев; Мамет Именеев; Джанют Тохтаров; Сырмомет Кермаев; Алмакай Томлаков; Бакбура Ангилдеев; Ирмамат Байбохтин; Асак Урозаев; Емакой Богданов; Урокай Тиняив; Ишерек Танин; Бектимир Елгутин; Сафар Тлетаев; Ирезек Мусин; Иштулат Ишмаев; Урозай Исинеев; Ишей Пиляев; Роман Ишеев; Чюрай Кутлусеятов; Федят Девлеткилдеев; Байтерек Танин; Бекбулат Мамелеев; Сафар Тенишев; Сафар Ахметев; Иблбукай Бигозин; Барекай Сафаров; Бакней Утикеев; Сапай Кутлосияпов; Сапай Пиляев; Коней Тоташев; Тиегилдей Локашев; Кулуш Тумосов.

Конюхи принесли шерть на следующий день, 18 августа: Янмамат Емикеев; Ишбердя Баронаев; Курманалей Токсанов; Нуркай Тохтаров; Нагай Ишеив; Анисим Гарасимов; Бакай Зеликеев; Кутуш Актулушев; Латей Байрешев; Алык Сафаров; Досай Урозаев; Урозай Янмаметев; Токбулат Тохтамышев; Бавкей Иванаев; Урозай Петров; Микифор Исаев; Барамолей Бектемиров; Уразгилдей Сунтаев; Ищерек Леляив; Сафар Ахметев; Урозай Степанов.

Вместе с ними шерть приносил Атманай мирза Безеев мирзин сын Смайлев [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 17, 17 об., 28–30]. Возможно, речь идет о ярославском служилом мирзе Акмакае Бегаеве сыне Смайлеве, сыне зятя Кучума. В 1642/1643 г. он упоминается большим [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 3]. Каким образом ногайский мирза, служивший по Ярославлю, попал в Касимов? Скорее всего, ключевым моментом здесь следует признать упоминание о болезни. Не надо забывать и тот факт, что все его братья и племянники к этому времени оказались крещены. Если наши предположения верны, то и при подросшем Сеит-Бурхане, как и при его отце, все лица, тем или иным образом связанные с Сибирью хана Кучума и попавшие в трудные жизненные ситуации, могли найти в Касимове поддержку и защиту, что позволяет говорить о Касимове XVII в. как центре всех сибирских выходцев.

Таким образом, мы имеем возможность проследить, как менялся состав двора на протяжении полувека — это уникальный случай для дворов Чингисидов.

После того как касимовского царевича Сеит-Бурхана крестили в 1654 г., его двор, судя по всему, постигла обычная судьба — он

покинул Чингисида. Его татар, по-видимому, обеспечили государевым поденным кормом или же испоместили. Православные боевые холопы и приказные люди, скорее всего, остались у царевича.

Если в XV и большей части XVI вв. боевые отряды Чингисидов суммарно представляли собой значительную силу, то к началу XVII в. военное значение дворов служилых царей и царевичей неуклонно падало. В период после Смутного времени с сибирских царей и царевичей стали требовать только даточных людей. Так, касимовский царь Арслан б. Али и его сын Сеит-Бурхан со своих поместий должны были поставлять на государеву службу 20 [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1], по другим данным — 25 человек. Не совсем понятно, продолжал ли Сеит-Бурхан (Василий Арасланович) предоставлять даточных после своего крещения. Даточных людей брали и с сибирского царя Али б. Кучума (10 чел.), а также с сибирских царевичей Мухаммед-Кула б. Атаула и Моллы б. Кучума (всего 20 чел.) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 25]. После того как царь Али в 1636 г. передал часть поместья своему внуку князю Калиннику Джансюеревичу [РГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 253–254; ф. 131, оп. 1, 1638 г., д. 2, л. 53], с него стали брать деньги за даточных людей (60 руб.), но в 1638 г., по челобитью царю, денег с него брать «не велели» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1642 г., д. 7]. Можно предположить, что даточных людей также должны были давать сибирские царевичи Андрей Кучумович, Хансюер б. Али и Янсюер б. Али. По крайней мере, у них известны значительные поместья. Во второй половине XVII в. о даточных людях ничего не известно, хотя это и не означает, что их не было.

Имеются скудные сведения о военном использовании дворов служилых Чингисидов в XVII в. Их незначительность в военном плане приводит к тому, что письменные известия о них сокращаются или находятся в иных документах. Конечно же, даточные люди сибирских царевичей участвовали во всех военных кампаниях того столетия, но сами Чингисиды появляются на арене военных действий только эпизодически. В 1613–1615 гг. царевичи Хансюер б. Арслан, Янсюер б. Арслан и трое их дядей (возможно, Молла б. Кучум, Азим б. Кучум и Андрей Кучумович) участвовали в осаде Смоленска [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1631 г., д. 2; 1635 г., д. 1; 1638 г., д. 4; Разрядная, 1974, с. 254], после чего они надолго исчезают из источников. Причиной этого, возможно, послужило

бегство одного из царевичей (Хансюер б. Али) в Литву. Исключением являются события, связанные с приходом королевича Владислава под Москву в 1618 г. В это время касимовский царь Арслан б. Али отличился в обороне столицы, и это позволило ему в скором времени просить об увеличении своего содержания. Касимовские татары защищали свой город от прихода казаков гетмана Сагайдачного. Тогда в Мещеру из-под Михайлова отправили полковника Борышнольца во главе с 2-тысячным отрядом [Беляков, 2006, с. 22; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1622 г., д. 8; ф. 131, оп. 1, 1695 г., д. 1, Л. 4; ф. 210 (Новгородский стол), Стб. 3 (3), л. 115; Документы, 1998].

Следующее появление Чингисидов на полях боевых действий отмечено во второй половине столетия. В 1656 г. крещенные касимовский царевич Василий Арасланович и сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи находились при царе Алексее Михайловиче в польском походе [Дополнения, 1854, стб. 41, 50, 56, 69, 81]. В 1664 г. номинальным полковым воеводой был сибирский царевич Алексей Алексеевич [Малов, 2006, с. 389–390, 392, 499–500], а в 1678 г. номинальным воеводой являлся касимовский царевич Василий Арасланович (реальная власть находилась в руках боярина и воеводы Григория Григорьевича Ромодановского) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 405]. Последний пример интересен тем, что в полку царевича оказались собранными все мещерские татары. Их выслали в Новый Оскол [Гордон, 2005, с. 98; РГАДА, ф. 1122, оп. 1, д. 910]. Тогда после второго Чигиринского похода они посылались с воеводой князем Михаилом Юрьевичем Долгоруковым для обороны Малороссии. В третьем полку у полковника-иноземца Михаила Михайловича Лицкого значится 1103 (!) касимовца: все они числились в рейтарах и составляли ок. 70 % состава полка (1610 человек). Возможно, здесь учтены не только татары, но и русские помещики, так как в противном случае это свидетельство еще большего измельчания землевладений основной части служилых татар. Помимо этого, еще отдельно упоминаются 7 касимовских татар [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 442].

В XVII столетии происходило постепенное и неуклонное падение значения служилых татар как самостоятельного вида войска. Уже в 30-е гг. XVII в. мещерские татары начинают постепенно переходить в рейтары и даже солдаты. Их главным источником

существования становится поденный корм, а не поместное жалование [РГАДА, ф. 210, оп. 6, кн. 44, л. 44 об. — 45, 89 об. — 90, 184, 205, 230, 534]. Скорее всего, для этого имелись две основные причины, тесно взаимосвязанные между собой: низкая боеспособность татар и их хроническое малоземелье (редко когда татары владели поместьями свыше 15–20 десятин). Татары как специфическая часть русского войска к этому моменту изжили себя.

Но вернемся к служилым царевичам. Дворы иных Кучумовичей XVII вв. являлись весьма незначительными, при этом мы не имеем возможности вычленив из их числа простых холопов. Военного значения они не имели, так как не участвовали, да и не могли участвовать в боевых действиях. По-видимому, они состояли из аталыков, мамок, имелдешей, слуг и, вероятно, отдельных представителей татарской верхушки (возможно, даже родственников). Приведем все известные нам упоминания о них.

Не позднее 1589 г. с женой сибирского царевича Мухаммед-Кули б. Атаула в Россию выехал сибирский татарин Бахтураз мирза Карамышев, шурин Чингисиды [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 24, л. 1]. Со временем здесь оказались и другие его родственники. Судя по всему, это Исинея Карамышев (имелдеш Исинея Карамышев сын Мусаитов), его сестра Наг-салтан Карамышева дочь Мусаитова, ее муж от первого брака Мамай мирза Семендеев и сын (пасынок?) Мустафай (Мустафа) [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493–516; кн. 6002, л. 7 об.]. Бердикей и Нурикуй Бахтуразовы дети Карамышевы, скорее всего, дети Бахтураза, а также племянники Исинея Достокасимов Изерап, Мамаев Мустафа и Мусатов Сутек. Возможно, сюда же можно отнести и князя Василия Якшатова сына Мамаева и Исинея Янкеева (Яншева, Якшатова?) сына Мамаева (Мамкеева?), Яншея Салтаноккова сына Мамаева (Мамкеева?) [Осадный, 2009, с. 157, 292, 447, 540]. К Мухаммед-Кулу также выехали Безерген Байцын и Байтерек. Всех их первоначально следует отнести ко двору Мухаммед-Кула. Со временем некоторые из них стали по тем или иным причинам покидать двор, но при этом сохранили высокий статус в России. Наг-салтан стала супругой касимовского царя Арслана б. Али. Сын (пасынок?) Наг-салтан от первого брака Мустафай мирза Мамаев сын Семендеев упоминается как ростовский служилый татарин [РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493–516 об.; ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 17].

Бердикей и Нурикей упоминаются как ярославские кормовые татары [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 2]. Позднее их испоместили в Касимовском уезде [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1640 г., д. 4].

В 1599 г. с женой сибирского царевича Али б. Кучума Хан-заде (Кандаза) с сыном и падчерицей выехали дядька царевича Янсюера Безелек абыз и нянька Шебарка, а также нянькины сын и дочь Наук [АИ, т. 2, с. 21–22].

У некой сибирской царицы, Кучумовой дочери, с малолетним сыном направлявшейся в Москву и по болезни вынужденной перезимовать в Самаре в 1600/1601 г., из всех людей упоминается только одна мамка [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 1]. У сибирского царевича Берди-Мурада б. Кучума в 1601 г. упоминаются 5 человек. У Ишима б. Кучума тогда же названо 2 человека [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 2, л. 3].

Также следует отметить, что с Чингисидами в Москву была вывезена группа сибирских мирз и рядовых татар. На настоящее время мы не можем установить их принадлежность к дворам сибирских Шибанидов, однако упомянуть данных татар мы все же должны. Так, нам известны по именам 5 мирз: князь Байтерек Чеплемишев, Кореляд мирза (не выдержавший испытаний долгого путешествия и умерший 12 января 1599 г.), Ток Козяков, Сеин мирзин сын Айтерек мирза и Исенгилдей Тойлаков. Также упоминаются жена князя Байтерека, 11 «женок царицыных» и татарин Еснигилдей, выполнявший функции повара у Кучумовичей [АИ, т. 2, с. 1–21].

В декабре 1602 г. во двор сибирских цариц, живших в Москве, бил челом выехавший из Сибири от детей Кучума, царя Али с братьями, Янглич Безеляк Бегечев с сыном Мурзашом. При этом жена татарина ранее выехала с женами Кучума [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1601 г., д. 3].

У Алтаная б. Кучума после приезда из Новгорода упоминаются 2 человека, но после женитьбы их число возросло. Скорее всего, после смерти тестя, царевича Мухаммед-Кула б. Атаула, часть людей его двора также перешла к Алтанаяу.

У Кутлугана б. Али в Ярославле отмечены 7 человек [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 33–34].

Известно, что у вдовой касимовской царицы Наг-салтан Мусатовой дочери Карамышевой в 1634 г. отмечен ее (приказной?) человек Мелешка Семенов [Записные, 2010, с. 301].

В 1672 г. человек сибирского царевича Петра Алексеевича Кутуш Тенебеков продал свой двор в Ярославле [Ярославские, 1913, стб. 613]. Данный факт интересен для нас тем, что показывает возможность сохранения во дворах крещеных Чингисидов во второй половине XVII в. татар, остававшихся верными исламу.

Данные по иным Чингисидам на настоящее время отсутствуют.

* * *

Таким образом, мы попытались наиболее полно восстановить состав ближайшего окружения Кучумовичей в России. Мы видим, что сибирские царицы и царевичи долгое время стремились сохранить, по возможности, привычный для них круг общения, собирая вокруг себя тех, кого они знали еще в Сибири, или же их потомков. Это не говорит об их абсолютном единении. Как мы показали, среди сибирских выходцев могли быть более чем серьезные конфликты, но некая «ассоциация сибирских выходцев» сохранялась, как минимум, до середины XVII в.

Глава 6

Лишние люди?

Теперь, когда мы знаем о различных сторонах жизни Кучумовичей в России конца XVI–XVII вв. и тех переменах, которые происходили в каждой из них по отдельности, мы имеем возможность выявить статус представителей «золотого рода» на их новой родине и проследить его изменения.

К моменту появления в европейской России первых Кучумовичей история взаимодействия Москвы со служилыми татарскими царями и царевичами насчитывала без малого два века. За это время были детально разработаны формы их материального содержания, правила участия во внутренней и внешнеполитической жизни государства. Пик интереса к представителям «золотого рода» пришелся на XVI в. На рубеже XVI–XVII в. институт служилых Чингисидов претерпевал определенный кризис. Военное

значение их дворов постепенно падало. В Москве оставили идеи о возведении на престолы соседних государств своих ставленников, чтобы теснее привязать их политику к своим интересам. Впрочем, что касается сибирских царевичей, то на определенном этапе их не прочь были сделать марионеточными правителями недавно присоединенных территорий за Уральскими горами. Однако они сами целенаправленно выбирали полную лишений жизнь «казакующих» царевичей. Добровольные выезды потомков Кучума единичны, и даже когда для них устраивали показательные акции с поездками в Москву и последующим возвращением за Урал, это не рождало у царевичей желания променять свою вольницу на достаток и почет при дворе «белого царя». В Кремле довольно рано осознали, что лучший выход из состояния перманентной войны в Сибири — это вывоз всех потомков Кучума в европейскую Россию, но сделать этого не смогли. Потомки хана только через столетие после похода Ермака сошли с исторической арены, при этом мы до конца не знаем, что с ними стало. Таким образом, сибирские царевичи в России XVII в. превратились в дорогие трофеи, призванные подчеркивать величие московского государя.

Одной из специфических особенностей допетровской России являлось то, что ее полноправными подданными могли быть только православные христиане. В данном случае, понятия «подданство» и «вероисповедание» заменяли друг друга. Значит, для того чтобы выездный иноземец воспринимался в России полноправным подданным, он должен был в обязательном порядке стать православным.

Расширение границ государства и планомерная правительственная политика привлечения на службу иностранцев обусловили формирование особого социального слоя России — «служилых иноземцев». Всех их условно можно было разделить на «внутренних» и «внешних». К «внутренним» относились представители народов, вошедших в состав Российского государства вместе с территориями, на которых они проживали. Как правило, они ведались территориальными приказами (приказ Казанского дворца. Сибирский приказ и т. п.). Жизнь и деятельность «внешних» иноземцев, не имевших собственной территории, ведались в специально созданных или же ведомственных приказах (Иноземный и Посольский приказы). В большей степени это относится к инозем-

цам западноевропейского происхождения, хотя те же правила распространялись и на выходцев с Востока. Правовые нормы, применяемые как к первым, так и ко вторым, почти всегда были едиными, будь то язычник, мусульманин, католик или протестант [Опарина, 2007, с. 10].

Тем не менее, Кучумовичи несколько выбивались из общей картины, так как статус Чингисида был неизменно высок. Конечно, со временем происходила его девальвация. Ранее они рассматривались как коллективные сюзерены русских земель, однако со временем многие из них были вынуждены пойти на службу к московским царям, тем самым превратившись в вассалов, пусть и с очень высоким статусом.

Татарских царей и царевичей постоянно стремились интегрировать в остальные служилые категории населения государства. Постепенно складывается внутренняя иерархия служилых Чингисидов. Первоначально она зависела от наличия или отсутствия царского титула, старшинства в роде, региона, из которого выехал тот или иной татарский царь или царевич, а также времени выезда.

Начиная с 1557 / 1558 г., Чингисиды стали регулярно назначаться номинальными воеводами полков в действующей армии, что и позволяет их ранжировать. За основу взят обычный счет полков в последовательном порядке старшинства. Ю. В. Анхимюк отмечает, что в «Государеве разряде» и официальных летописях до 7070 (1561 / 1562) г. порядок полков был следующим: большой полк, передовой полк, полки правой и левой руки, сторожевой полк. Затем второе место прочно занимает полк правой руки, а с 7078 (1569 / 1570) г. полк левой руки перемещается на последнее место [Анхимюк, 2005, с. 166]. О. А. Курбатов считает, что начало данной практики следует отнести к 1549 г. (Второй Казанский поход), и связывает его с приданием московскому войску вида «царского», устроенного по «царскому чину», как это понимали в тогдашней Москве [Курбатов, 2009, с. 208].

Это успешно работало, пока в Россию попадали большеордынские, казанские и крымские Чингисиды. В Москве всех их стремились ранжировать наподобие младших и старших ветвей Рюриковичей, хотя изначально подобной практики у представителей «золотого рода» не было. В соответствии с собственным понятием о «честности», на первое место поставили большеордынских (впо-

следствии астраханских) царевичей, далее шли казанские и крымские. При этом их попытались соотнести с Рюриковичами, поставив сразу за князьями Киевскими и Владимирскими [Памятники, 2011, с. 22–23]. Когда же в России появились сибирские Шибаниды, то их с трудом вписали в сложившуюся модель, разместив в конце ранее известного списка (как, впрочем, и других экзотических царевичей — хивинских, шарманшанских, казахских).

Данная система просуществовала до 1598 г., поэтому Кучумовичи еще застали ее. В конце XVI в. иерархия служилых Чингисидов выглядела следующим образом: великий князь Симеон Бекбулатович; царевич астраханский Арслан-Али б. Абдула; царевич сибирский Мухаммед-Кул б. Атаул; царевич казахский Ураз-Мухаммед б. Ондан; царевич шарманшанский Шихим б. Мухаммед; царевич хивинский Мухаммед-Кул б. Хаджи-Мухаммед.

Таким образом, возглавляли иерархию служилые цари; дальнейший порядок зависел от времени выезда и степени родства, но и в него вносились коррективы. Так, Ураз-Мухаммед стал касимовским царем, опередив главного претендента на престол — Арслан-Али, младшего брата царя Мустафы-Али. Скорее всего, определенную роль здесь сыграло возрастание внешнеполитической активности на казахском направлении в середине 90-х гг. XVI в. Ураз-Мухаммед принимал определенное участие в русско-казахских дипломатических контактах этого времени, в том числе писал грамоты своему дяде хану Таввакулу, принимая у себя казахских послов и ведя переговоры с ними без представителей Посольского приказа и Боярской думы [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1; 1595 г., д. 2].

К тому же, определенную роль здесь сыграло представление об «истинном государе», сформированное в «Государеве родословце», по которому таковым можно было считать того, к кому выезжают представители сопредельных правящих родов [ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 103, 572, 591, 650, 655]. Поэтому для каждого московского царя (великого князя) наибольшее значение имели именно те Чингисиды, что выехали именно на его имя.

Во время приема посла Речи Посполитой Михаила Гарабурды в 1586 г., когда речь шла о возможном избрании царя Федора на польский престол, присутствовали три Чингисида. При этом Мурад-Гирей по своему статусу, определяемому по тому месту, где

он сидел («в большой лавке»), опередил касимовского царя Мустафу-Али (сидел «в другой лавке», т. е. слева от царя) и сибирского царевича Мухаммед-Кула (сидел «в околничем месте»).

Хивинскому царевичу Авган-Мухаммеду удалось фактом своего «последнего» выезда потеснить ряд сибирских Шибанидов и занять место сразу же за сибирским царем Али б. Кучумом, опередив по своему статусу царевичей касимовского Сеит-Бурхана и сибирского Алтаная [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 184]. Скорее всего, Али остался впереди исключительно благодаря наличию царского титула. Грузинские царевичи в 1670-е гг. заняли безусловно лидирующее положение среди всех служилых царевичей [ДР, 1852].

Здесь следует отметить, что у Чингисидов, так же как и в России, существовало своеобразное правило местнического счета, заключавшееся в строгом соблюдении прав старшинства членов рода, и при этом не только в преемственности ханской власти. К тому же, однажды признав сложившийся порядок вещей, изменить его было трудно, — однако история знает много примеров, когда данное правило нарушалось посредством военной силы [Смирнов, 2005, с. 247–250].

Что касается Кучумовичей, то, напомним, их можно разделить на несколько категорий: 1) служилые, владельцы собственных военных отрядов; 2) служилые, не имеющие собственных военных подразделений; 3) дети первых и вторых, умерших до участия в военных действиях или по каким-либо причинам не использовавшиеся на полковой службе; 4) почетные пленники; 5) находящиеся в ссылке; 6) политические «пенсионеры».

Во второй половине XVI в. статус служилых Чингисидов приблизительно сравнялся со статусом знатных выходцев из Западной Европы, волею судеб оказавшихся в России, — таких, например, как бывший магистр Ливонского ордена В. Фюрстенберг, Юрьевский епископ Гартман, датский принц Магнус. Даже если они брались в плен, то считались не внешними врагами, а своими «служебниками», временно находящимися в «опале». К ним применялась такая модель отношений, будто они были «отъездчиками», добровольно поступившими на службу к Ивану IV. Формы их содержания также были схожими [Филошкин, 2007, с. 57–58]. Их сближало с представителями «золотого рода» то, что они в свое

время обладали реальной верховной властью в своем государстве или могли претендовать на нее по праву рождения. Выезжие русско-литовские князья, а также ногайские и крымские мирзы, калмыцкие тайши и кабардинские князья по своему статусному положению стояли неизмеримо ниже, хотя в ряде случаев их материальное положение на новой родине могло быть значительно лучше. Что касается русских служилых князей конца XVI в., то их ни в коей мере нельзя сравнивать с Чингисидами, хотя последние, наряду с крещеными ногайскими мирзами, и стали в определенном смысле замещать их. Все это с некоторыми оговорками справедливо и по отношению к ситуации в XVII в.

На рубеже XVI–XVII вв. практика назначения Чингисидов номинальными воеводами, как мы знаем, прекращается. Уже в правление Федора Ивановича (или, может быть, несколько раньше) служилых царевичей начинают жаловать поместьями и денежными окладами. Данная традиция просуществовала до начала 30-х гг. XVII в. или даже несколько дольше. На размер окладов влияли приблизительно те же факторы, что и на назначение полковыми воеводами: наличие царского титула, политический вес царевича в глазах Москвы, старшинство в роде. Так, при назначении оклада Алтанаю б. Кучуму «на пример» были выписаны оклады его старшего и младшего родных братьев Азима и Моллы [РГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 1618 г., д. 1]. Оклады жаловались по челобитью Чингисида при условии совершеннолетия (ок. 14 лет), при этом он не указывал на размеры финансового содержания, а только определял положение его обладателя среди других служилых царей и царевичей. К сожалению, сохранились оклады не всех царевичей, а некоторые из них (Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед) их просто не имели. Но даже дошедшая информация позволяет по тем или иным данным установить иерархическое место других Чингисидов, например, по образцу: 2000 четей и 200 руб. — царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан, царевич Мухаммед-Кул б. Атаул, царевич Андрей Кучумович (Абу-л-Хаир б. Кучум); 2000 четей и 170 руб. — царевич Хаджим (Азим) б. Кучум; 1500 четей и 150 руб. — царевич Молла б. Кучум, царевич Алтанай б. Кучум; 1200 четей и 120 руб. — царевич Хансюер б. Али; 1000 четей и 100 руб. — царевич Янсюер б. Али [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 2; ф. 130, оп. 1, д. 1618 г., д. 1; ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 79].

Правда, со статусом Андрея Кучумовича все обстоит не так просто. Дело в том, что на протяжении тех лет, что царевич жил в России, его оклад неоднократно изменялся в сторону увеличения, при этом даты его изменения, хотя бы примерные, нам неизвестны.

Показательно, что в этот период еще не произошло окончательного разделения крещеных и некрещеных Чингисидов. Они по-прежнему являлись составной частью некой обособленной группы, где главным мериллом было их происхождение. И хотя в самом факте назначения окладов следует видеть стремление к их постепенному сближению с русской аристократией, но по-прежнему любой служилый царь или царевич по своему положению находился выше представителей московской титулованной знати, уступая только русскому царю и его детям (Калитичам, затем Романовым). Возможно, были попытки нарушить данную практику. Так, в боярском списке 1610/1611 г. Андрей Кучумов стоит сразу после окольных или, что маловероятно, последним среди них [Станиславский, 2004, с. 306]. Здесь можно предположить, что при составлении списка о царевиче первоначально забыли или же просто не знали, куда его поместить. Но, возможно, это отголосок попыток, предпринимавшихся на рубеже веков, встроить Чингисидов в русскую служилую иерархию. В конце августа 1589 г. в Астрахань с персидскими послами прибыл шарманшанский царевич Шейх-Мухаммед б. Мухаммед. В Нижнем Новгороде им было приказано задержаться до особого распоряжения, и в городе царевич и послы прожили до начала весеннего судоходства. Зимой в город приехал Дмитрий Федорович Тургенев, который должен был выполнять роль своеобразного пристава. При первой встрече с Шихимом Д. Ф. Тургеневу велели сказать, что его послали «от окольных» [Памятники, 1890, с. 8–11], но сам он в данное время служил «в выборе» по Воротынску с поместным окладом в 600 четей [Станиславский, 2004, с. 337]. Можно предположить, что исходной точкой для такой рекомендации послужило то, что в Касимове при царе Шах-Али (и, возможно, при Саин-Булате б. Бекбулате) всегда находились представители Москвы, как правило, в ранге окольных [Беляков, 2003а].

Сохранился документ, датированный 30 ноября 1612 г., в котором сибирский царевич, будущий последний касимовский царь Арслан б. Али, назван кравчим [РГАДА, ф. 1030, оп. В (3), 1612 г.,

д. 2; Описание, 1902, с. 173–174]. Известно, что руководители Второго ополчения стремились воссоздать у себя государственную структуру управления, с тем чтобы управлять Россией до окончательного освобождения и избрания законного царя. Однако чин кравчего считался придворным, поэтому данное пожалование, скорее всего, было осуществлено при Лжедмитрии I или же, что тоже вероятно, Борисом Годуновым. Тем более что при нем отмечены некоторые нововведения в отношении к касимовским Чингисидам, что было связано с введением обряда провозглашения нового царя в Касимове.

Необходимо подробнее остановиться на сюжете с кравчим. Кравчий (крайчий) — придворный чин Московского государства, от «кроить», «рушать», т. е. тот, кто рушит (разбирает) за столом жаркое и пироги для государя. Он служил московскому государю в торжественных случаях за обеденным столом; в его ведении были столыники, подававшие кушанья. Кроме надзора за питиями и яствами, на кравчего возлагалась рассылка в торжественные дни кушаний и напитков с царского стола на дом боярам и другим чинам. В кравчие назначались члены наиболее знатных фамилий, часто из шуринов или других родственников царя. В начале XVII в. известны два случая, когда кравчими при Михаиле Федоровиче являлись знатные крещеные татары — князья Василий Еншеевич Сулешев-Черкасский и Семен Андреевич Урусов [Миллер, 1996, с. 208–209]. Их положение в придворной иерархии постоянно колебалось: то оно было ниже окольных, то выше окольных, но ниже бояр. В данной ситуации кажется странным, что на должность человека, в руках которого находились жизнь и здоровье государя, назначили некрещеного татарина, к тому же в юном возрасте. Не является ли это упоминание еще одним следом неудавшегося эксперимента со статусом служилых Чингисидов, как и в случае с Андреем Кучумовичем? Мы можем предположить, что данное назначение не подразумевало непосредственного выполнения своих обязанностей и носило исключительно статусный характер.

Интерес властей к Чингисидам не был постоянным. О них, как правило, вспоминали на переломных этапах, чаще всего при смене великих князей (царей). Появление Кучумовичей в России совпало с одним из подобных этапов, но к концу правления Ивана IV

представители «золотого рода», столь активно используемые им ранее в своей политике, уже исчерпали свой функциональный ресурс, несколько тяготя царя.

С восшествием на престол Федора Ивановича мы наблюдаем очередной всплеск интереса к татарским царям и царевичам. Они должны были поднять престиж нового государя, не обладавшего харизматичностью своего отца. Главным достижением того времени следует признать появление в Астрахани служилых Гиреев. Судя по документам, это, скорее всего, была идея Бориса Годунова, имевшего огромное влияние на принятие всех властных решений в государстве. Чингисидов включили в число статистов, призванных участвовать в крупной политической игре, ареной которой служили Северный Кавказ, Крым, Турция, Персия, Большая и Малая Ногайские Орды, частично Бухара [Беляков, Мурад-Гирей, 2013].

Всплеск интереса к татарским царям и царевичам на рубеже XVI–XVII вв. также вызван проектом создания антиосманской лиги, в которой, наряду с европейскими странами, должны были принять самое активное участие Россия и Персия [Магилина, 2012]. Действительно, присутствие Чингисидов почти на 30 лет становится обязательным при приеме в Кремле цесарских и персидских послов. Понятно, что тем самым русская сторона стремилась поднять свой авторитет в глазах союзников. Тогда же Москва неудачно попыталась заполучить в служилые царевичи представителя персидского правящего дома [Магилина, 2012, с. 117, 159]. В Москве явно наметилась тяга к «коллекционированию» восточных и европейских принцев. И действительно, ни ранее, ни позднее в России не проживали царевичи из стольких государств, поэтому Кучумовичи здесь пришлись как нельзя лучше.

Еще одним несбыточным проектом стало стремление получить подтверждение подданства Казахского ханства в конце XVI в. Тогда, напомним, определенную роль в этом процессе играл царевич Ураз-Мухаммед. Однако данные территории слишком уж далеко отстояли от России, и даже если бы формально это произошло, то в тогдашних условиях Москва ни в какой мере не смогла бы влиять на процессы в казахских степях [Казахско-русские, 1961].

Особенно ярко внимание к Чингисидам как некой демонстративной силе проявилось в царствование Бориса Годунова. Пре-

красно осознавая шаткость своего положения, он стремился упрочить его теми или иными знаковыми моментами, призванными доказать его богоизбранность. Таким шагом стал Серпуховской поход весны-лета 1598 г., вызванный сообщением о приходе крымского царя со своими ратными людьми. Это были самые первые в масштабах всего государства публичные действия новоизбранного правителя, и они должны были наглядно показать силу царя Бориса — как фактическую, военную, так и моральную. В походе приняли участие почти все наличные служилые Чингисиды; мы видим их и чуть позднее, при грандиозном приеме, устроенном крымским послом в Серпухове [Козляков, 2007, с. 35].

Следующий шаг стал вполне традиционным: Годунов решил в очередной раз провозгласить нового касимовского царя. Как известно, в 1600 г. им стал казахский и одновременно сибирский царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан.

Однако именно при Борисе Годунове происходит и девальвация положения Чингисидов. Дело в том, что при нем в России в течение одного десятилетия оказалось значительное число Кучумовичей, и государство было не готово «переварить» сразу такое количество представителей «золотого рода», тем более что среди них было большое число детей и женщин. Они превратились в очередную финансовую обузу, от которой тяжело было ожидать серьезных дивидендов (по крайней мере, в ближайшей перспективе) [АИ, т. 2, с. 1–21].

Лжедмитрий I пошел традиционным путем, и мы также наблюдаем при нем Чингисидов. Но он слишком мало находился у власти, чтобы о его отношении к ним можно было делать какие-либо выводы.

При Василии Шуйском мы замечаем некий отход от общей традиции. Например, в походах не отмечено участия ни одного Чингисида, а Ураз-Мухаммед не ладил с царем. Однако Кучумовичи, судя по всему, поддерживали Василия Шуйского почти все время.

Лжедмитрий II также пытался привлечь на свою сторону Чингисидов. В его окружении мы видим касимовского царя Ураз-Мухаммеда со всей семьей. Скорее всего, здесь же присутствовал (по крайней мере, какое-то время) все тот же загадочный Еналей [Моисеев, 2004, с. 202]. «Вор» стремился быть последовательным в своих действиях. Так, он жалуется сыну Ураз-Мухаммеда, царевича

Мухаммед-Мурада, г. Юрьевым-Польским [Беляков, Ураз-Мухаммед, 2004]. Второе ополчение также не обошло своим вниманием служилых Чингисидов: они сражались в его рядах, и, по-видимому, некоторые сложили при этом голову.

Смута — одно из самых «темных мест» в истории Чингисидов в России. Источники почти не отмечают их участия в событиях того времени. Благодаря отдельно сохранившимся упоминаниям, можно утверждать, что они по-разному относились к происходившему. Все Кучумовичи и их ближайшие родственники, судя по всему, были лояльны к московским властям: вначале — Борису Годунову, затем — Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, Второму ополчению. Ураз-Мухаммед предпочел сторону Лжедмитрия II. Подобное разделение еще ждет своего разъяснения; возможно, его истоки следует искать еще в Сибири.

Несмотря на уничижительную оценку, даваемую служилым Чингисидам иностранцами, и скудость источников, мы видим, что в ту эпоху они имели определенный политический вес благодаря сохранившемуся авторитету среди мусульман. Их поступки в эпоху Смуты следует оценивать так же, как и действия русской титулованной знати, т. е. без какой-либо национальной или религиозной подоплеки. Хотя следует учитывать, что Чингисид, и тем более носитель царского титула, автоматически становился центром притяжения мусульман в России и мог стать для них определенным знаменем и авторитетом, определяющим вектор действия. Судьба Чингисидов в Смуту не становилась предметом специального исследования, и отрывочные данные не позволяют нам создать единой картины их участия в событиях начала XVII столетия [Ульяновский, 1993, с. 275–299; Беляков, 2005; Беляков, 2007; Беляков, 2006]. Тем не менее, в результате Смуты появляется и нечто новое: события начала XVII в. способствовали консолидации служилых татар. При этом оказалось, что между мусульманскими и православными представителями служилого сословия нет неразрешимых противоречий; для решения своих проблем они были готовы объединяться.

Выход России из состояния гражданской войны и интервенции ознаменовался двумя диаметрально противоположными тенденциями по отношению к представителям «золотого рода». С одной стороны, правительство Михаила Федоровича стремилось восста-

новить в полном объеме реалии конца XVI в., с другой — было проведено коренное реформирование, наметившееся, впрочем, гораздо раньше. Титул касимовского царя в очередной раз возродили (им стал сибирский царевич Арслан б. Али), но прекратили практику пожалования доходами с посадов иных Чингисидов. Сокращаются полномочия касимовских царевичей и романовских мирз. Начиная с 1627 г., у нас нет никаких оснований говорить о сохранении «Касимовского царства» [Беляков, 2006]. С этого момента татарские цари и царевичи в своем подавляющем большинстве стали кормовыми и поместными, при этом первые явно находились в большинстве, хотя в их среде и заметно было стремление поменять статус. Объемы их землевладений увеличиваются от десятилетия к десятилетию; они занимаются крупными операциями по даче денег в залог родовых и выслуженных вотчин.

К концу XVII в. ряд царевичей становится крупными землевладельцами. Теперь некрещеные Кучумовичи проживают только в Касимове и Ярославле. Крещеные — по преимуществу в Москве.

На взаимоотношения Михаила Федоровича и Кучумовичей, возможно, продолжали оказывать определенное влияние их родственные связи, ведь царь находился в дальнем свойстве с касимовским царевичем Арсланом б. Али: через Ивана Грозного они являлись троюродными братьями. Сыну Арслана царевичу Сеит-Бурхану неоднократно предлагали принять православие, обещая за это дочь царя Михаила в жены [Шишкин, 1999, с. 106], но этому не суждено было сбыться. Произошло, однако, знаковое событие, которое достаточно трудно объяснить: родная тетка и мамка царя, Ирина Никитична Годунова завещала царевичу свою вотчину в Московском уезде.

В это же время пути крещеных и сохранивших веру предков Чингисидов окончательно разошлись, хотя некоторое время их имена в документах еще могли встречаться рядом. Дело в том, что из-за пожара данные о содержании служилых царей и царевичей ранее 1626 г. редки и отрывочны; они разбросаны в настоящее время по многочисленным фондам РГАДА и являются в каждом случае уникальной находкой. Приблизительно в той же ситуации находились и подьячие Посольского приказа XVII в., составлявшие ту или иную справку. Но начиная с 30-х гг. XVII в. крещеные Чингисиды сливаются с московским служилым дворянством. С этого

момента царевичи быстро теряют свою корпоративную идентичность, хотя о своем происхождении они, конечно, помнили.

В 30-е гг. XVII в. предпринят беспрецедентный шаг по слиянию крещеных Чингисидов с представителями русского служилого сословия. 7 сентября 1633 г. крестился Янбек (Джанибек) б. Джансюер (Янсюер) б. Али, став князем Калинником Джансюеревичем и дворянином по московскому списку. Это первый случай, когда Чингисид терял право на титул царевича. Правда, ему сохранили поденный корм и питье и тем самым окончательного разрыва с прежней традицией не произошло [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 12, л. 6–19; д. 14; 1651 г., д. 5, л. 17–19]. В его карьере не было ничего замечательного. В 1648–1650 гг. он воевода в Суздале [Барсуков, 1902, с. 220], в 1660/1661 г. принимает участие в польской кампании. За «Сапегин бой» получил прибавку к поместному окладу и денежному жалованью. В 1661/1662–1662/1663 гг. — воевода в Курмыше, а в 1663/1664 г. значится с пометой «с послы» [Белоусов, 2008, с. 306–307; Боярская, 2004, с. 150]. Он вел обычную жизнь московского служилого человека по отечеству. Дети Калинника, Богдан и Федор, также именовались князьями. Их жизненный путь был типичным: Богдан стал стряпчим [РГАДА, ф. 210, оп. бж, д. 138, л. 137], Федор Калинникович в 1685/1686 г. значится как недоросль [РГАДА, ф. 210, оп. бж, д. 138, л. 54 об., 75, 128]. Им не удалось сделать сколько-нибудь заметную карьеру. Показательно то, что их дети и жены значатся в списке московских «кормовщиков», в который попадали крещеные выезжие иноземцы (в первую очередь, татарского происхождения). Но данный пример не получил дальнейшего распространения. Здесь следует отметить, что право на титул царевича продолжало являться своеобразным маркером происхождения и еще не потеряло актуальности. Через некоторое время в документах Чингисидов начинают называть «князем царевичем».

9 марта 1645 г. крестился Аблай б. Ишим (Василий Ишимович). На этот раз Чингисид, как мы знаем, стал князем и стольником, а вскоре его сделали кравчим [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1654 г., д. 2, л. 18; ф. 196, оп. 2, д. 25–28, 31–32]. Последний факт, судя по всему, объясняется просто: в архиве нашли упоминание о подобном же пожаловании Арслана б. Али, а государственная машина работала зачастую на прецедентной основе. В случаях с Чингисидами в

XVII в. особое внимание обращали именно на такие примеры, хотя найти их после пожара 1626 г. в Московском Кремле стало проблематично. О положении Василия-Аблая в Москве многое говорит факт, что во время бунта 1648 г. он находился у государя «вверху» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1648 г., д. 11, л. 34]. См. об этом у нас ранее.

Нужно здесь сказать еще раз, что в XVII в. положение служилых Чингисидов и ногайских мирз — потомков Эдиге сближается. Их имена с указанием поденного корма, поместного и годового денежного оклада, а также с дачами по случаю принятия православия постоянно встречаются в одних и тех же справках Посольского приказа. При этом если максимальные размеры поместных и денежных окладов у царей и царевичей были выше, чем у мирз (2000 четей и 200 руб. против 1300 четей и 200 руб.), то дачи за крещение и поденный корм некоторые знатные ногайцы получали даже более существенные. С принятием православия и первые, и вторые зачислялись в список крещеных иноземцев и получали княжеское достоинство. Но вчерашние мирзы имели серьезное преимущество, ведь смена веры открывала для них возможность сделать значительную (в первую очередь, придворную) карьеру. Некоторые из них со временем получали боярство и становились обладателями крупнейших земельных владений; здесь следует упомянуть князей Урусовых и Юсуповых. Царевичам же не нужно было ни за что бороться, так как они получали высокое социальное и материальное положение благодаря своему происхождению, однако в скором будущем это сыграет с ними злую шутку. Когда при Петре I они наконец-то сольются в единое целое с остальным дворянством, то не смогут по-настоящему бороться за свое благополучие; единственно, на что у них хватало энергии, так это на заключение браков с родственниками жен московских царей. Но данные браки были способны как помочь им укрепить свои позиции при дворе, так и низвергнуть с высоты положения в случае неправильного выбора. Именно это и произойдет в 1718 г., когда сибирский царевич Василий Алексеевич оказался замешанным в деле царевича Алексея Петровича, сына Петра I, и серьезно поплатился за это [Любимов, 1915, с. 70–71; Курукин, 2003, с. 80].

По своему статусу Чингисиды-мусульмане того времени постепенно сливаются со служилыми иноземцами западноевропейско-

го происхождения. И у тех, и у других мы видим одинаковый правовой статус, одни и те же формы материального содержания, идентичные поощрения за выезд и перемену веры. Но имеются и отличия. В первую очередь, это некоторые специфические формы пожалования Чингисидам, вызванные большей степенью их экономической зависимости от московского государя, а также статусом служилых царевичей. Тем не менее, несмотря на неизмеримо более высокое положение представителей «золотого рода» по отношению к служилым иноземцам, последние подчас получали значительно более высокое материальное содержание. Можно предположить, что здесь в расчет бралась экономическая и иная целесообразность [Опарина, 2007].

Интересно проследить, как именовали новокрещеных сибирских царевичей Петра и Алексея Алексеевичей, сыновей Алтаная б. Кучума. В документах после принятия ими православия они часто титуловались одновременно царевичами и князьями [РГАДА, Ф. 131, оп. 1, 1655 г., д. 3]. В 1659 г. они подали челобитную по этому поводу, и для установления их прав были наведены справки. «На пример» выписали титулование Симеона Бекбулатовича, Михаила Кайбулина, Ураз-Мухаммеда, Мухаммед-Кула, Али б. Кучума, Алтаная б. Кучума и Василия Араслановича (Сеит-Бурхана), — и с этого момента всех потомков Алтаная по-прежнему стали называть только царевичами, без титула князя [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1659 г., д. 1]. Сын и внук Андрея Кучумовича, Василий Андреевич и Роман Васильевич, сохранили право зваться царевичами до конца XVII в. Их отец назывался то царевичем, то князем царевичем. Крещеные в первой половине XVII в. Чингисиды первоначально титуловались князьями. Здесь произошла интересная вещь: стремясь упрочить свое положение через титулатуру, Кучумовичи на самом деле добились потери в статусе, ведь в XVI в. обращение «царевич князь» к крещеным Чингисидам было распространенным явлением, и так же подчас именовали царских детей, в частности, сына Бориса Годунова Федора [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 10 об., 14 об.].

Со временем в источниках появилась уже известная нам форма «князь царевич». Можно предположить, что данное разбирательство было вызвано общим падением престижа титула «князь», связанным с массовым крещением татарской и мордовской знати

и широким дарованием этого титула. Так, известно до 80 мордовских родов, ставших таким образом княжескими. Это привело к тому, что указом 1675 г. именование кого-либо князем без имени считалось бесчестьем [Карнович, 1991, с. 177]. Например, потомки касимовского царевича Василия Араслановича назывались только царевичами. Следует особо остановиться на титуловании дочерей и жен Чингисидов мусульманского вероисповедания на протяжении рассматриваемого периода. Незамужние дочери именовались царевнами. Выходя замуж даже за не имеющих право на титул царя и царевича, они становились царицами. Все крещеные царевны и жены царевичей становились княжнами и княгинями.

Г. К. Котошихин писал: «Да в царском же чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в христианскую веру. Честию они бояр выше; а в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинились в подданстве после военного времени, недавно, да и не обычай тому есть; так же и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на праздники идет царь к церкви, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают перед царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех, а имали их за себя с великими пожитками и с поместьями и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царский корм денежной, помесечно» [Котошихин, 1906, с. 27].

В целом, это соответствует истине: Чингисиды «честию» действительно стояли выше любого представителя московской знати. Так, летом 1679 г. зафиксирован единственный случай местничества с участием царевичей. Боярин князь Михаил Алексеевич Голицын, напомним, неудачно местничал с сибирским царевичем Григорием Алексеевичем. Тогда князь отказался участвовать в крестном ходе из-за сибирского царевича, и был найден в кирпичных сараях на берегу Москвы-реки спрятавшимся «меж кирпичью». По мнению исследователя, данное дело стало «последней каплей», предпринявшей отмену института местничества [Эскин, 1994, № 1687, с. 207; Эскин, 2009, с. 188].

Какое положение занимали остальные частично инкорпорированные в русскую служилую среду царевичи и князья, неясно. Официальные документы начинают игнорировать их как служилых Чингисидов еще в 30-е гг. XVII в.

Сметный список 1630/1631 г. отмечает только четырех человек: это царевичи Али б. Кучум, Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед, Сеит-Бурхан б. Али и Алтанай б. Кучум (ошибочно «царевич Алеев сын Кучумов») [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 184]. В перечень не попали Андрей Кучумов и Молла б. Кучум (к этому времени, возможно, уже умерший), а также Василий Андреевич и, по-видимому, Янсюр б. Али. Калинин Джансюеревич (Янбек б. Хансюер) в это время, скорее всего, был несовершеннолетним.

Если порядок имен, предложенный в списке, соответствует внутренней иерархии Чингисидов в России на то время, то он выглядит несколько странно. Логично, что на первое место поставлен царь. Вполне объяснимо и положение ургенцкого царевича, — мы уже отмечали, что внешняя политика Москвы с конца XVI в. начинает оказывать значительное влияние на их статус. Но странно, что малолетний касимовский царевич после ликвидации номинального «царства» опережает своего взрослого двоюродного деда. Позднее крещеный Сеит-Бурхан (Василий Арасланович) занимал место за грузинскими царевичами и перед сибирскими царевичами, крещеными детьми Алтаная [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 207–400]. Дети Василия Араслановича уступали Алексею и Петру Алексеевичам, но были вровень с детьми Алексея Алексеевича [Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887].

В XVII в. приказная мысль достаточно оперативно реагировала на любые изменения в отношении к служилым царевичам, при этом порой возникали более чем своеобразные протокольные правила. Самым замечательным из них является вставание Чингисидов на колени перед московским царем. В 1622 г. в России оказался 11-летний ургенцкий царевич Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед. 31 декабря 1622 г. он предстал перед Михаилом Федоровичем. На крыльце Авгана встретили дворянин князь Борис Андреевич Хилков и разрядный дьяк Михаил Данилов. Объявил царевича царю окольничий князь Григорий Константинович Волконский. Бояре в это время приподнялись. Михаил Федорович позвал царевича и возложил на него руку, после чего царевич Авган встал на колени и стал «бить в холопство» и просить царскую рать против своих братьев. Потом царь спросил его о здоровье и велел встать. Ответное царское слово царевич слушал опять на коленях [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 10–15; ДР, т. 1, стб. 531]. Можно предпо-

ложить, что обряд вставания на колени появился только в XVII в., так как в XVI в. на колени вставали только послы татарских царей и царевичей [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4, л. 83–94]. Л. А. Юзефович считает, что вставание на колени («коленки») — это только фиксирование восточного обычая сидеть на подогнутых под себя ногах [Юзефович, 1988, с. 120–121], но это утверждение следует признать ошибочным. Известно, что когда 13 февраля 1623 г. у государя был касимовский царь Арслан б. Али, то при появлении Чингисида все находившиеся в палате встали (Михаил Федорович, скорее всего, продолжал сидеть). После того как Арслана объявил окольный Федор Леонтьевич Бутурлин, государь возложил на него руку и самолично спросил о здоровье. Далее касимовский царь бил челом, стоя на коленях, после чего ему разрешили сесть [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1622 г., д. 3, л. 8].

Особенностью приказных выписок о приемах Чингисидов, составленных подьячими Посольского приказа, является то, что практически все они имеют произвольные сокращения более раннего текста. Как правило, сокращения не касались только упоминания лиц, участвовавших в приеме. Все остальное, как-то встреча Чингисида государем, корошевание (приветствие на Востоке, представляющее полуобнимание встречающихся), возложение рук, вставание или не вставание на колени, кто именно спросил о здоровье татарского царя или царевича, пожалование питьевыми медами или вином, а также шубами, соболями, деньгами и серебряной посудой, все это дошло до настоящего времени в случайных отрывках, которые подчас достаточно тяжело выстроить в единую картину. Протокол встреч зависел от статуса каждого конкретного представителя «золотого рода» и к тому же достаточно быстро изменялся, поэтому мы не знаем, насколько устойчивым был обряд вставания на колени в XVII в.

Появление упомянутого протокольного обряда, скорее всего, следует объяснить желанием новой династии подчеркнуть церемонией свое величие — потомки ордынских царей должны вставать на колени перед государем московским. Правда, это несколько противоречило положению служилых Чингисидов в России, и русское дворянство при царской аудиенции не преклоняло колен. Однако здесь можно увидеть идею о несколько запоздалой «протокольной мести». Дело в том, что в 1614 г. русский посол М. Н. Ти-

хонов, следовавший в Персию через Ургенч, безуспешно пытался добиться от ургенчского хана Араб-Мухаммеда встать при оглашении царского имени. Попытки русских послов в распространении этой практики были отвергнуты: «Арап царь против государя вашего имяни встати не хочет, потому против царева имяни непригоже и нигде того не ведетца» [Моисеев, 2012]. Получалось так, что если отец отказался встать, так мы поставим его сына на колени.

Сведения о царевичах на русской службе в XVII в. отрывочны. Удалось найти еще только одно упоминание процедуры коленопреклонения. В августе 1653 г. в Москву для принесения шерти приехали сибирский царевич Алтанай б. Али б. Кучум и его племянник касимовский царевич Сеит-Бурхан б. Арслан б. Али (Василий Арасланович). Скорее всего, данное событие являлось весьма значимым в политике Москвы по отношению к Чингисидам в России, — это был их первый визит в столицу после вступления на престол Алексея Михайловича. После него в течение года крестились касимовский царевич Сеит-Бурхан, сибирские царевичи Дост-Мухаммед и Иш-Мухаммед, дети Алтаная, а также жена Иш-Мухаммеда Салтан-бике. Сохранилось упоминание, что Сеид-Бурхан приносил шерть стоя, а не на коленях; Алтанай же при приеме у царя стоял на коленях [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 16, 18]. Имеется еще одно упоминание. Царь Шах-Али б. Шейх-Аулеар за самоличную несанкционированную переписку с Казанью в январе 1533 г. был сослан на Белоозеро. В результате последующих событий, он был прощен, и 12 декабря 1536 г. служилый Чингисид «видел очи» великого князя Ивана Васильевича, «пал перед великим государем и стал на коленех, и бил челом великому государю» [ПСРЛ, т. 20, с. 433].

В XV — первой половине XVI вв. при приеме великим князем (царем) восточных послов применялся обряд корошевания, после чего послы вставали на колени (по крайней мере, ногайские) [Посольские, 2006, с. 44, 79]. Первоначально обряд осуществлял сам великий князь (царь), однако со временем он стал применяться выборочно и заменялся возложением царских рук на голову приветствуемого. В монголо-тюркских обычаях возложение рук на голову символизировало старшинство и покровительство [Юзефович, 2007, с. 188]. Вначале обряд корошевания перестал вы-

полняться по отношению к послам; постепенно царь перестал корошеваться и с Чингисидами, заменив обряд возложением рук. Корошевание с представителями «золотого рода» еще некоторое время выполняли лица, назначенные для встречи татарских царей и царевичей на крыльце, но, в конце концов, к 30-м гг. XVII в. от него отказались полностью. Теперь особое отношение царя к Чингисиду подчеркивалось иным образом: вставание, привставание при приветствии и личное обращение с вопросом о здоровье. Однако и здесь постепенно происходят изменения. Так, ранг встречавших на крыльце стал понижаться. Именно это мы видим при встрече крымского царевича Мурад-Гирея в феврале 1589 г., которому в Москве придавали большое значение в политическом смысле [Разрядная, 1987, с. 126–127]. Данный признак по отношению к Мурад-Гирею оказался неустойчивым, и его встреча при следующем приезде была более представительная [Разрядная, 1987, с. 165–167]. Личное обращение московского государя к царевичам с вопросом о здоровье стало рассматриваться как особая милость. При встречах касимовского царя Арслана б. Али (февраль 1624 г.) Михаил Федорович лично спрашивал его о здоровье [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 4]. Ургенчского царевича Авган-Мухаммеда (ноябрь 1626 г.) о здоровье от имени царя спрашивал думный дьяк, и то же мы видим при встрече касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана (апрель 1633 г.) [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 9, 19].

Общее понижение статуса заметно и по специальным пометкам, отмечающим, в какой одежде во время данной церемонии были царь и бояре, по сокращению церемонии выстраивания стрелецких полков вдоль дороги следования царевича во дворец. Практиковалась даже замена стрельцов с оружием невооруженными полками. Первый вариант, конечно, был более почетным [Лисейцев, 2004, с. 224]. Или могли посылать лошадей для приезда в Кремль не от имени царя (великого князя), а от имени посольского думного дьяка. Замена приглашения к царскому столу кормом Чингисиду «в стола место» известна уже при Федоре Ивановиче. При этом послы, в том числе и восточные, могли приглашаться к столу [Памятники, 1890, с. 122]. Пожалование питьевыми медами сохранялось все время. Что же касается пожалований одеждой, мехами и деньгами, то здесь также заметны изменения, идет их постепенное со-

крашение. В конечном счете, сохранились только пожалования шубами и шапками; к тому же, если ранее они осуществлялись при каждом приеме у московского государя, то теперь это соблюдалось далеко не всегда.

Во второй половине XVII в., когда крещенные Чингисиды стали постоянными участниками придворных и государственных церемоний, практика приемов стала анахронизмом, и от нее отказались. Представление государю ставших совершеннолетними татарских царевичей происходило в ходе этих церемоний.

Начиная с 70-х гг. XVI в., на пути следования посольского поезда начали выстраивать стрельцов [Юзефович, 2007, с. 140]. Появились они и при приеме Чингисидов московским царем. Это правило просуществовало до середины XVII в., когда были крещены все наличные царевичи. Для встречи касимовского и сибирских царевичей 2 августа 1653 г. выстроили стрельцов пяти приказов «в чистом платье» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 15], но это происходило далеко не всегда. Следует отметить, что довольно часто татарских царей и царевичей принимали в один день с иностранными посольствами, поэтому установить, насколько часто стрельцы выстраивались специально для встречи представителей «золотого рода», не представляется возможным. Чингисидам всегда давали лошадей или сани с царской конюшни. Первоначально лошадей жаловали [Посольские, 2006, с. 78], но уже в конце XVI в., как и всем западноевропейским послам, их давали только для торжественного въезда в столицу от имени конюшего Бориса Годунова [Памятники, 1890, с. 122]. В XVII в. Чингисидов велено объявлять от имени думного посольского дьяка [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 8].

Не вызывает сомнения тот факт, что обряд встречи Чингисидов носил дипломатический характер. Хотя его корни и следует искать в более раннем периоде даннических отношений с Золотой Ордой, но теперь, наоборот, требовалось показать подчиненное положение представителей «золотого рода» по отношению к Калитичам (а затем к Романовым). В частности, оно подчеркивалось подарками в виде шуб и иной одежды Чингисидам по приезду, что рассматривалось исключительно как пожалование старшего младшему, государя — подданному или сюзерена — вассалу. Деньги мог получать тоже только вассал [Юзефович, 2007, с. 117, 121]. Подчеркивалось

это и дарами от татарских царей и царевичей. Чингисиды всегда и сами трактовали посольские дары как знак подчинения [Юзефович, 2007, с. 124]. Правда, подношения от царевичей известны только в XVII в. Тогда же фиксируется и частичное возвращение даров, что следует рассматривать как неравноправное, вассальное положение царевичей.

Остается открытым вопрос о том, как сидели Чингисиды на царских приемах. В документах отмечается, что их сажали на лавку, но при этом сохранились известия об изготовлении для того или иного царя специальных колодок и подушек [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1614 г., д. 1, л. 3; 1653 г., д. 4, л. 21]. Быть может, в ряде случаев они могли сидеть на лавке, поджав под себя ноги, однако иностранцы не сообщают об этом в своих записках.

У нас не имеется полного описания ритуала принесения присяги («шерти», от араб.-тюрк. «шарт» — соглашение) мусульманами в России XV–XVII вв. Для его реконструкции мы можем использовать данные только XIX в. Для проведения мусульманской присяги («эмин») должны были выполняться следующие требования. Во-первых, это наличие Корана, написанного (или напечатанного) обязательно мусульманами. Во-вторых, Коран во время этой процедуры должен был находиться выше уровня пояса присягающего, который, как во время ежедневной пятикратной молитвы, пребывал в коленопреклоненной позе. Поэтому Коран помещался на специальную подставку или столик высотой не менее 0,7 м. Подставка или столик, в «знак благоговения», должны были быть покрыты чистой шелковой материей зеленого цвета, сотканной мусульманами. В-третьих, желательным местом для произнесения присяги была мечеть или «магометанский» молитвенный дом, но она могла приниматься и в любом светском помещении и даже под открытым небом. В-четвертых, помимо присягающего и русских официальных лиц, необходимо было присутствие переводчика или иного знатока языка, на котором совершалась присяга. Он должен был следить за точностью произносимого текста клятвы. С мусульманской стороны желательно было присутствие в качестве свидетеля исламского духовного лица. В-пятых, порядок принесения присяги включал следующие действия. Клянущийся мусульманин должен был непрерывно держать два пальца правой руки (указательный и средний) на Коране на раскрытой 9-й суре «ат-Тауба»

(Покаяние). Было желательно, чтобы текст присяги начинался со слов: «Во имя Бога единосущного, милостивейшего, милосердного, взыскательного, победоносного...», и в ходе процедуры присягавший обязательно должен был трижды поклясться именем Бога, произнеся формулу «валлахи, билляхи, таллахи». Представитель русской стороны должен был следить, чтобы по окончании текста клятвы присягавший поцеловал Коран и произнес вслух арабскую фразу «Инша Аллах», т. е. «коли Богу угодно», дабы присяга сохранила свою действенность [Арапов, 2006].

У нас имеется краткое описание церемонии принесения шерти сибирскими царевичами в Москве в 1653 г. Первым присягу в Ответной палате принес сибирский царевич Алтанай б. Кучум со своими сыновьями Дост-Мухаммедом и Иш-Мухаммедом. Касимовский царевич Сеид-Бурхан б. Арслан был в это время в помещении Печатного приказа, украшенного коврами с Казенного приказа. При присяге присутствовали боярин князь Григорий Семенович Куракин, окольный князь Дмитрий Петрович Львов, посольский думный дьяк Ларион Дмитриевич Лопухин, а также двое касимовских татар — переводчиков с татарского языка внешнеполитического ведомства. «У думного дьяка по записи речь переводил» Михаил Кошаев [Беляков, 2003, с. 66; Беляков, 2001б, с. 38–39], держал Коран Билял Байцын. Обряд шертования начался с выходом в палату царя Алексея Михайловича. Отмечено, что Сеит-Бурхан приносил шерть «особою статьею» (что это означало, неизвестно). Имеется специальная приписка, что процедура происходила стоя, а не на коленях. Люди двора касимовского царевича приводились к присяге в помещении Посольского приказа в присутствии дьяка внешнеполитического ведомства Андрея Немирова и переводчика Биляла Байцына [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 4, л. 16–17]. Таким образом, данный обряд, за исключением некоторых особенностей, в целом соответствовал практике более позднего периода, так что, скорее всего, его можно экстраполировать и на предшествующий период.

Надо напомнить, что в царствование Алексея Михайловича в положении служилых Чингисидов наступил определенный ренессанс. К этому времени военное значение их дворов полностью сошло на нет, и они заняли положение, идентичное русскому дворянству. Во второй половине века они, в ряде случаев, не давали

даточных людей со своих поместий. В определенный момент их содержание потеряло какой-либо смысл. Они все проживали в Касимове или Ярославле, почти не появляясь в столице... Казалось, история подошла к своему логическому завершению. Однако московский царь стремился возродить традиции прошлого, и в первую очередь времен Ивана Грозного, — так, как он их понимал или же мог представить по специально подготовленным для него выпискам из летописей, разрядных и посольских книг. Но полностью воссоздать ситуацию вековой давности было невозможно, к тому же у Алексея Михайловича имелся свой взгляд на данную проблему. Поэтому приняли решение: прежде всего, подтолкнуть всех наличных царевичей-мусульман к перемене веры, что должно было показать всем мусульманам серьезность экспансии идей православия на территории России.

После этого они стали завсегдатаями дворцовых дипломатических, религиозных и придворных церемоний. Помимо этого, Чингисидов вновь стали назначать номинальными полковыми воеводами. Однако это была лишь имитация прошлого, которая никого не могла обмануть. Мы наглядно видим это по сообщениям иностранцев второй половины XVII в. Они достаточно уничижительно отзывались об институте служилых Чингисидов. «...городок Касимгород (Касимов), уступленный царем Годуновым на правах подданства татарскому царьку, а теперь владеет им сын его, недавно крещеный в московскую веру, и такой маленький владелец называется тоже величавым именем царя. Если и ныне есть подленькие льстецы, то пусть себе назовут его и императором, коли придет им такая охота» [Мейерберг, 1997, с. 129]. Юрий Крижанич также критиковал существующую практику: «То, от чего мы ждем чести, приносит нам большее бесчестье: это прием и отправка многих послов и содержание чужеземцев ради показа [их] на смотрах» [Крижанич, 1997, с. 197]. Сам Алексей Михайлович, скорее всего, не обращал на это внимания. Для него было важно ощущение себя «царем царей», подлинным наследником Константина Великого и Соломона, единственным истинным правителем единственного истинно христианского государства, в чьи руки Господь отдал судьбы «неверных» народов. Таким образом, можно говорить о том, что религиозный аспект занимал во всей этой истории далеко не последнее место. Следует отметить и тот факт, что почти одновре-

менно с этим московский царь предпринял попытку включить в свой титул формулу «многих государств и земель восточных и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, великий государь и обладатель». Она была вызвана, в том числе, верой в близость полного воплощения идеи «Третьего Рима», поддерживаемой и патриархом Никоном. Такая формула вносила «вселенскость» в титул Алексея Михайловича, а Никона, соответственно, делала «вселенским патриархом». Подобные настроения подкреплялись и триумфальными победами молодого царя в Польше [Фаизов, 2006]. Именно тогда складывается практика использования Чингисидов, описанная Г. К. Котошихиным [Котошихин, 1906, с. 27], и его сообщение достаточно точно рисует их положение, ведь автор был подьячим Посольского приказа, в котором ведались Чингисиды. Помимо этого, он дает обыденное объяснение их особому статусу, которое, по-видимому, бытовало в среде простых москвичей.

Дворцовые разряды содержат значительное количество упоминаний о крещеных татарских царевичах [ДР, 1850, 1851, 1852, 1855; ДДР, 1854]. Они поистине стали обязательным антуражем для практически ежедневных дворцовых церемоний, достаточно регулярно участвуя и в приемах иностранных послов. В большей или меньшей степени мы видим это и в предшествующие эпохи, но вот их участие в церемонии венчания на царство, скорее всего, является изобретением второй половины XVII в. (попытки А. В. Лаврентьева удревнить этот обычай не находят документальных подтверждений). То же относится и к участию в похоронах.

Бросается в глаза интересная особенность восприятия Алексеем Михайловичем служилых Чингисидов. В его царствование их всех можно условно разделить на крестившихся до его воцарения и после. При этом если последние пользуются всеми благами, полагававшимися их статусу, то первые оказались несколько в тени. Мы не видим их при дворе, им не удалось сделать серьезной служебной карьеры; их жены и мужья также происходят из старинных княжеских фамилий, но к концу XVII в. они всего лишь представители крепких дворянских родов, давно потерявшие свое влияние при дворе. Возникает ощущение, что крещеные им царевичи, являющиеся его «личным проектом», интересны ему исключительно как собственное детище. Постепенно подрастали многочисленные дети касимовского царевича Василия Араслановича и сибирско-

го царевича Алексея Алексеевича. Увеличивалась численность и грузинских царевичей, но Чингисиды не затерялись среди иных придворных. Правда, к концу века придворная московская служба остается для них единственной возможностью для приложения своих сил.

Чингисиды по-прежнему занимали очень высокое положение в России. Об этом, в частности, говорит исход местнического спора между сибирским царевичем Григорием Алексеевичем и боярином князем М. А. Голицыным [Эскин, 1994, № 1687, с. 207]. Правда, в своем положении они сделали небольшой шаг назад, пропустив вперед грузинских царей и царевичей, но здесь опять свою роль сыграла политическая целесообразность. К тому же, как мы уже видели в начале XVII в. на примере ургенчского царевича, Чингисиды, выехавшие из нового региона, расценивались в Москве как более способствующие подъему государственного престижа. В остальном главным критерием в выстраивании их внутренней иерархии становится старшинство в роде [Вельяминов-Зернов, 1866].

Отмена местничества в 1682 г. не оказала какого-либо заметного влияния на положение царевичей. Они по-прежнему продолжали выполнять свои придворные функции. Хотя теперь, казалось бы, им открыта дорога для административной и военной карьеры, однако они прочно связали себя исключительно с придворной службой. Можно предположить и то, что среди них не было талантливых администраторов. Известны только единичные случаи, когда Чингисид ставился во главе крупного ведомства. Так, касимовскому царевичу Ивану Васильевичу было поручено с 1705 г. по март 1713 г. возглавлять Рудокопный приказ (он же Рудокопная канцелярия) [Павленко, 1953, с. 100–101]. Сибирский царевич Василий Алексеевич служил в Адмиралтействе, занимался финансовыми операциями и размещением российских капиталов в банках Голландии. Иностранцы давали ему самую уничижительную оценку. Так, датский посланник в России Вестфален охарактеризовал его, принадлежавшего к партии царевича Алексея, сына Петра I, как продажного человека и пьяницу, не желавшего служить ни по военной, ни по дипломатической части [Ларина, 2015, с. 102]. Имеются упоминания об имевшем место участии Василия в «Великом посольстве», и он даже якобы обучался корабельному делу на голландских вер-

фях. Однако это не так. На деле, «принц сибирский» — только один из многих псевдонимов, за которым скрывался сам Петр I [Лавров, 1998, с. 199, 205]. Да и сведения об участии царевича в Кожуховском походе 1694 г. также следует проверить.

Чингисиды принимают участие в развлечениях Петра. В 1715 г. Василий Алексеевич вместе с женой присутствовал на шутовской свадьбе князя-папы Н. М. Зотова: сам сибирский царевич — в докторском костюме того времени, в охабне и с тулумбасами в руках, а его жена, в числе других знатных дам, в польском кунтуше [Б. Г., 1905, с. 405–406]. Все изменилось после «дела царевича Алексея», в котором оказался замешан Василий Алексеевич. После пытки, в 1718 г. его сослали в Архангельск, где он вскоре и умер. Поместья и вотчины царевича отписали в казну. В этом же году его детям было велено именоваться князьями, а не царевичами. Показательна причина замены титула. Находясь в подпитии и услышав в полном титуле московского государя титул «царь Сибирский», Василий Алексеевич заявил, что это он царь Сибирский. Последовало разбирательство, но так как все присутствовавшие при этом были нетрезвы, наказаний не последовало, однако титул «царевич» у потомков Кучума, на всякий случай, отняли.

Единственный внук касимовского царевича Василия Араслановича, Василий Иванович, умер (1722 г.) бездетным, до конца своих дней сохранив право на титул [Вельяминов-Зернов, 1887; Любимов, 1915, с. 74–75; Сб. РИО, 1893, т. 84, с. 11, 13]. С этого момента Кучумовичи полностью слились с остальным российским дворянством.

Остается нераскрытым вопрос о восприятии татарских царей и царевичей простым православным населением России на бытовом уровне. Главной трудностью здесь следует признать отсутствие источников. Имеющиеся же в нашем распоряжении немногочисленные данные по XVII в. позволяют сделать выводы, что на них смотрели как на еще одних крупных помещиков [Беляков, 2001a], и, заметим, в то и дело возникавших земельных спорах с крестьянами соседних землевладений их статус не спасал и от рукоприкладства. Так, в конце XVII в. крестьяне подмосковной вотчины (Сетунский стан) московского Алексеевского девичьего монастыря разбили в драке нижнюю губу касимовскому царевичу Ивану Васильевичу [Описание, 1910, № 1419, л. 97–164, с. 421].

Следует сказать, что в целом представители «золотого рода» в России на протяжении всего рассматриваемого периода оставались неким инородным элементом, который порою скорее мешал, нежели помогал при достижении тех или иных целей. Кучумовичи в Московском государстве большей частью оставались ненужными людьми. О них забывали или стремились забыть сразу же после того, как они выполняли очередную задачу, поставленную перед ними. Они раздражали самим фактом, что их, в отличие от лиц «нецарского» происхождения, так и не удалось органично вписать в общую среду служилого сословия. Только этим, скорее всего, можно объяснить постоянные эксперименты, проводимые над их статусом. Это ни в коей мере не были попытки унижить того или иного человека и всю группу в целом, как пишут некоторые исследователи, и часто данные мероприятия даже можно рассматривать как стремление возвеличить, выделить, наградить того или иного Чингисида. Но определенная недосказанность с их статусом постоянно витала в воздухе, и особенно отчетливо она прослеживается в практике их назначения номинальными воеводами в полки и в присутствии в «пожалованных» им городах представителей царя с явно надзорными функциями. Эту неопределенность понимали и сами татарские цари и царевичи. Трудно судить, насколько их устраивала подобная ситуация. Возможно, им оставалось лишь мечтать о тех временах, когда только от произнесения имени их далеких предков содрогались целые народы. На их долю осталась в общем вполне сытая и относительно спокойная жизнь в условиях своеобразной «золотой клетки». Правда, за это подчас нужно было платить. Как правило, плата не была обременительной, но она могла быть унижительной для человека, помнившего о прежнем величии своих предков. Чингисиды превратились в статистов, в задачу которых входило повышать престиж московского государя самим фактом своего присутствия.

Инкорпорацию «золотого рода» следует оценивать двояко. С одной стороны, они вполне успешно вписывались в реалии Московского государства своего периода, и их удачно привлекали для решения тех или иных военных и политических задач. Однако их окончательное слияние с титулованной московской аристократией было невозможно, ведь они находились вне системы местничества. Чингисиды в Московском государстве, в первую очередь,

оставались «дорогостоящими игрушками», призванными тешить гордыню великого князя, а затем и царя. Данная тенденция была нарушена двумя событиями — отменой местничества и вскоре последовавшими реформами Петра I, направленными на создание консолидированного русского дворянства. В новых условиях Чингисиды достаточно быстро растворились в трансформированной социальной среде.

Заключение

Рассмотрев одну за другой неудачные попытки Кучума обрести поддержку среди бывших подданных, вассалов и соседей, можно было убедиться, что в целом все они не проявили энтузиазма на этом поприще. Солидарность разных народов и племен, даже под знаменем борьбы с новыми пришлыми властителями края, едва ли была достижима. Конечно, здесь сказывались этнокультурные различия, какие-то застарелые обиды и межплеменные распри. Иногда провал объединительных попыток Кучума объясняют его не вполне легитимным ханским статусом («узурпатор»¹) или чрезмерной авторитарностью его правления до 1582 г. Наверное, все эти факторы действительно имели значение. Однако чтобы проанализировать их, поддержать или опровергнуть эти версии, понадобилось бы углубиться в историю Сибирского юрта до Ермака, а это выходит за тематические и хронологические рамки нашей книги.

Но думаем, что была еще одна причина, по которой Кучуму не удалось сплотить вокруг себя сибирских аборигенов. Это фатальная потеря им трона и, соответственно, утрата необходимого атри-

¹ Мнение о Кучуме как чужеземном пришельце и завоевателе Сибирского юрта впервые было высказано А. Н. Радищевым в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири», написанном в ссылке в 1791–1796 гг. Этим же обстоятельством Радищев объяснял нежелание местных народов поддержать его в антироссийском сопротивлении: «...порабощенным народам, а паче сибирским, которые платят дань или ясак, все равно платить оный царю российскому, Ермаку или хану Кучуму» [Зуев, 2007, с. 33].

бута всякого государя — явления, которое у средневековых тюрков обозначалось персидским выражением *фарр-и падшахи*, т. е. «царственный фарр». Его можно истолковать как божественное благоволение, небесное избранничество, харизму правителя¹. Утрата правителем «царственного фарра» означала прекращение его поддержки высшими силами, отсутствие их покровительства, и значит, помогать ему в такой ситуации означало бы вступить в противоречие с волей потусторонних вершителей земных судеб, которые разочаровались в своем былом избраннике.

Позднейшее осознание обреченности юрта сибирскими татарами иллюстрируется показательным феноменом их общественного сознания. После завоевания ханства среди суеверных татар получили хождение рассказы о зловещих приметах, якобы предвещавших этот катаклизм еще до появления Ермака (окрашивание вод Иртыша в цвет крови, и т. п.)². Очевидно, еще и поэтому широкой поддержки свергнутый хан нигде не смог найти.

Похожее отношение испытывали и к потомкам Кучума — все менее успешных и временами жалких в своем скудном прозябании, в их борьбе за выживание и зависимости от калмыцких покровителей. Как было показано выше, многие коренные жители региона считали за лучшее переселяться целыми родами в дальние края, чем подчиняться новым властителям Сибири или помогать старым. Случаи с воспоминаниями мятежных башкир о принадлежности Кучумовичей к «золотому роду» Чингис-хана и вытекающих из этого обстоятельства их монархических прерогативах оказывались преходящими эпизодами в сложной политической ситуации, когда российская власть и народы, вошедшие в состав Московского государства, притирались и адаптировались друг к другу.

На основании известных нам и изложенных в книге материалов, мы не можем поддержать мнение о «популярности Кучумовичей среди тюркского населения Сибири, позволявшей им поднимать здесь восстания вплоть до начала XVIII в.» — популярности, проистекавшей якобы из их исконной легитимности: «Кучумовичи являлись единственно законными наследниками улуса Шейбани

¹ См. исследования этого феномена у средневековых кочевников [Скрынникова, 1997 (в основном, на монгольском материале); Султанов 2006, с. 56–65].

² Эти приметы упомянуты в Ремезовской летописи и красочно описаны у Н. М. Карамзина, см.: [Карамзин, 1821, прим., с. 254 (отд. паг.)].

в Сибирском царстве» [Пузанов, 2002, с. 221]¹. Нам представляется крайне сомнительным, чтобы телеуты, вогулы, селькупы, башкиры и другие объединялись с татарскими царевичами на основании их династических прав на подзабытый к тому времени улус Шибана. Принцы-«казаки» никогда не обладали достаточным авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почетным рангом номинальных лидеров повстанцев.

Свидетельством predeterminedенной безуспешности борьбы Кучумовичей и отсутствия широкой солидарности с ними служит такой очевидный факт, как молчание о них в устном творчестве и письменных родословиях тюркских народов Сибири. Там есть рассказы или упоминания о Кучуме², некоторых его женах, о многочисленных мусульманских проповедниках XV–XVI вв., но совсем не находится места для Кучумовых сыновей и внуков. Столетие их интриг и сражений прошло практически бесследно для исторической памяти коренных жителей края (вопреки романтическому утверждению писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка в эпиграфе к нашей книге³). Единственное косвенное упоминание о «бродячих царевичах» нам встретилось в пересказанном Д. Я. Резуном предании (неясно, русском или татарском) о том, что татары, страдавшие от набегов Кучумовичей и калмыков, нашли в траве икону Спаса, которую вручили

¹ Под Шейбани цитируемый автор подразумевает Шибана — жившего в XIII в. монгольского улусного правителя, сына Джучи.

² У тоболо-иртышских и барабинских татар был даже сложен эпос-*дастан* «Кучум-хан» [Валеев, 1993, с. 152; Валеев, Томилов, 1996, с. 117].

³ В письме к В. А. Гольцеву, редактору «Русской Мысли», от 31 мая 1898 г. Мамин-Сибиряк так объяснил свое отношение к заинтересовавшему его историческому персонажу: «Меня поразил шекспировский тип хана Кучума, и я хотел написать на эту тему историческую трагедию. Пришлось заняться историей и этнографией, а главное — языком. Пришлось сделать так: для трагедии я решил написать сначала легенду о Кучуме, а чтобы написать эту легенду, пришлось написать в смысле упражнения остальные (четыре легенды. — В. Т.)» [Архив, 1914]. Насколько известно, «шекспировская» трагедия о Кучуме так и осталась неосуществленным замыслом писателя. Литературоведческий анализ «Сказания о сибирском хане, старом Кучуме» см.: [Приказчикова, 2002; Соболева, 1989].

казакам-годовальщикам Тарханского острога [Резун, Фронтир, 2002, с. 10], т. е. при этом уникальном упоминании интересующие нас персонажи предстают как несомненные враги и разорители.

Не фигурируют Кучумовичи ни в башкирских шеджере и преданиях, ни в калмыцких исторических хрониках.

Существенным препятствием для исторических перспектив Кучумовичей оказалось еще и отсутствие у них внятной альтернативы российскому правлению в Сибири. Пусть это правление облакалось в жесткий режим воеводской администрации, временами проявлялось в лихоимстве и произволе местных властей, оборачивалось непосильным налогообложением, но коренное население, как кажется, не испытывало ностальгии по временам татарской гегемонии. Местные предания о Кучуме излагают легендарные подробности его ханствования, однако та эпоха вовсе не изображается как «золотой век», который закончился с приходом русских «конкистадоров». В историческом фольклоре северных народов грабительские набеги татар выглядят ничуть не более привлекательными по сравнению с правлением наместников «белого царя». «Раньше ведь, рассказывают, хантов татары ловили, а татар опять русские гоняли», — говорится в предании коми об их зауральских соседях [Коми легенды, 1984, с. 19]. Не способствовала благодарной памяти и «политика (Кучумовичей. — В. Т.) ограбления, захвата и угона татарского населения в степь, за пределы российских владений, а также усиления податного гнета в пользу джунгар» [Худяков, 2011, с. 108].

На отсутствие массового и долговременного протеста татар и других народов бывшего Сибирского ханства против присоединения к России сказалось не только смирение перед явным превосходством русских в военном деле и (впоследствии) в численности. В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири. Пренебрежение и высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. Мирное соседство обеспечивали многоукладность хозяйства пришельцев, охранительная политика правительства по отношению к ясачным, отсутствие социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев¹. Межэтнические кон-

¹ Из исследований о начальном этапе русско-«иноверческих» отношений за Уралом см.: [Меншиков, 2011; Никитин, 2005. С. 29–36; Никитин, 2010.

такты легче устанавливались в отдаленных местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами. Впрочем, все это не исключало и эпизодических тяжелых конфликтов между русскими и коренными народами (особенно башкирами).

Показателем относительно мирного сосуществования исконных и пришлых сибиряков служили смешанные межэтнические браки. Уже в первой четверти XVII в. западносибирские церковные священноначальники доносили патриарху, что «многие служилые и жилецкие люди живут некрестьянскими обычаями... с татарскими и с остяцкими и с вагулецкими поганскими женами смешаются... а иные и живут с татарскими некрещеными как есть с своими женами, и дети с ними приживают» [Миллер, 2000, с. 322–323]. Однако никакой идиллии в отношениях, конечно, не было. Браки с сибирскими татарами в XVII–XVIII вв. были все-таки довольно редкими: сказывались, во-первых, религиозный барьер, во-вторых, культурные различия, в-третьих, возможно, память о жестоком разгроме русскими Сибирского юрта [Миненко, 1979, с. 192–193; Файзрахманов, 2002, с. 281–282]. Во всяком случае, с язычниками — хантами и манси на севере региона, с алтайцами и шорцами на юге — русские рождались гораздо чаще.

Кроме того, при утверждении российского подданства власть использовала традиционные для практики Московского государства и в то же время знакомые многим сибирским народам приемы и средства управления. Да и сам процесс присоединения территорий сочетал насильственные и мирные методы. Если была возможность убедить (а не заставить) местное население принять российское подданство, то русская сторона использовала обширный арсенал стимулов и льгот. Такая тактика по отношению к сибирским «иноземцам» сохранилась в исторической памяти, в частности, татар Омской области (бывшего Тарского уезда, последнего пристанища Кучума), — правда, своеобразно, с привнесением совре-

с. 80–89; Шелегина, 2001; Шелегина, 2002; Шерстова, 2005, с. 70; Русские, 2008, с. 80–104]. О сочетании в летописях и повестях XVII в. двух трактовок «Сибирского взятия» — агрессивно-церковной (как победы православия над «бусурманством») и прагматично-государственной (как обретения новых земель и подданных) см.: [Демин, 2008, с. 44–50; Евсеев, 2011].

менных реалий: «Во время войны с Кучумом царь выпускал листовки, в которых призывал татар переходить к нему»¹.

Нельзя сказать, что движение Кучумовичей ограничивалось локальными рамками и не имело заметных последствий для российской истории. Дело в том, что их упорная борьба повлияла, в том числе, и на ход продвижения России за Урал. После завоевания Сибирского ханства русские стали селиться в Западной Сибири, и в первые два десятилетия после Ермака там было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых «землиц», сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки (Березов, Сургут, Нарым) жили рыбным и пушным промыслом. Но в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы, поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тоболу, Исети, Миассу, Вагаю и Ишиму [Русские, 1999, с. 29]. Однако конфликты с сибирским ханом и царевичами, наряду с набегами ногаев и калмыков, приостановили этот дрейф в степь. В результате, русло освоения направилось в восточном направлении, к Енисею — туда, где местные племена были более слабыми и разрозненными.

В целом, наследникам хана Кучума «не повезло» с эпохой. Они оказались на пути двух мощных встречных исторических процессов XVII в. — восточной экспансии Московского государства и западной миграции ойратов. Обе эти политические силы неизмеримо превосходили лагерь соратников царевичей-«казаков» по многочисленности участников, ресурсной оснащенности, определенности целей и планов, а также дипломатической искусности лидеров. В проектах российского правительства и калмыцких предводителей для Кучумовичей не находилось сколько-нибудь значительного места. Первое воспринимало их как досадное препятствие в утверждении русского правления за Уралом, вторые были готовы использовать их лишь как тактических союзников в попытках обосноваться на новообретенных кочевьях Дешт-и Кип-

¹ Предание татар д. Берняжки на левом берегу Иртыша (Омская область), цит. по: [Бережнова, Корусенко, 2006, с. 109].

чака и прилегающих местностей. Очутившись между русским молотом и калмыцкой наковальней, сибирско-татарские династы не имели никаких шансов на успешный реванш и возрождение своего утраченного юрта.

«Не повезло» и Кучумовичам, оказавшимся в России. «Золотой век» служилых Чингисидов закончился в XVI в. Это тогда их жаловали значительными доходами с городов, назначали номинальными воеводами в полки действующей на полях сражений армии, сделали завсегдаями пышных дворцовых церемоний, они даже, в конце концов, становились мнимыми или явными претендентами на московский престол [Беляков, 2011]. От этой практики не отказались, и данные явления в том или ином виде мы наблюдаем и в XVII в. Но все как-то резко измельчало, потеряло прежний масштаб. Мы не можем однозначно назвать причину этого. Скорее всего, здесь сказалось сразу несколько факторов, как и определенная «усталость» от лиц с не до конца определенным статусом. По факту рождения они стояли выше любого боярина и честью уступали только московскому государю и его детям, но при этом их не назначали ни на какие административные должности. Исключением являлось только номинальное командование в действующей армии, однако здесь от Чингисидов ничего не зависело, и все вопросы решали подчиненные им русские воеводы. Помимо всего, их практически одновременно стало довольно много, что привело к нивелированию их статуса. Сказались и события Смутного времени. Всем сразу стало не до них, а востребованными оказались только те из царевичей, кто реально могли принести пользу своему новому Отечеству на поле боя.

Со временем ситуация наладилась. Все ранее попавшие в Россию Кучумовичи вновь оказались окружены почетом в соответствии с их статусом. Но вот с позднее попадавшими сюда царевичами дело обстояло значительно сложнее. Особенно наглядно это видно на примере царевича Ишима, его детей и внуков. Если сам Ишим, после того как ему в пропагандистских целях наглядно показали, на что могли рассчитывать в Москве добровольно вышедшие «на царское имя» царевичи, был отпущен в Сибирь, то перед его плененными детьми возникла дилемма — или сгинуть в тюрьме одного из северных русских городов (царевич Тауке), или принять православие и как награду за это получить высокое социальное и

материальное положение в русской столице (царевич Аблай — Василий). О плененных позднее детях Аблая, Чичилее и Кансуере, просто забыли, и они умерли в полном безвестии. Показательно, что сразу после пленения детей и внуков Ишима даже не привезли в столицу, дабы показать ее жителям и иноземным дипломатам как ценный трофей, — это стало лишним, и даже более того, могло косвенно свидетельствовать о шаткости царской власти в Сибири, если до сих пор имеются претенденты на наследие Кучума [Беляков, 2016].

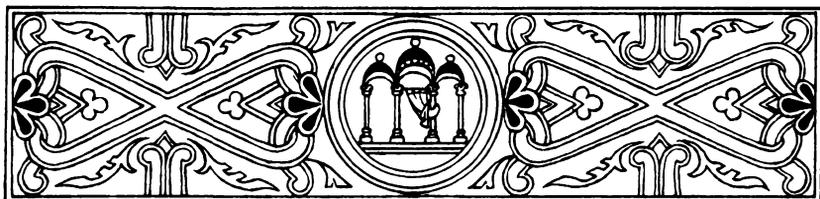
Длительное время сибирские царевичи стремились мемориализировать все аспекты своей жизни на новой родине. Наиболее отчетливо это проявлялось в брачной политике Кучумовичей, а также при формировании их дворов и выборе места для погребения после смерти. Так, тот же Тауке нашел последнее пристанище на касимовском некрополе, столь почитаемом всеми Чингисидами, оказавшимися в России. А вот женихов и невест, в первую очередь, искали среди сибирских выходцев. Когда же этой базы стало не хватать, то вспомнили о своих традиционных брачных партнерах — ногайских мирзах, благо что на русской службе их было предостаточно. В состав своих дворов также в первую очередь брали сибирских выходцев (многие из них являлись ближайшими родственниками их жен). Мы вправе говорить о том, что как минимум до середины XVII в. ряд Кучумовичей добровольно брал на себя обязательства по поддержке сибирских выходцев, особенно попавших в непростые жизненные ситуации; отдельные подобные факты фиксируются и в конце XVII в.

Однако консолидацию потомков Кучума и их ближайшего окружения ни в коей мере не следует преувеличивать. В ряде случаев межличностные отношения отдельных представителей клана были сильнее стремления к консолидации. Наиболее наглядно это проявилось в делении жен, дочерей и невесток Кучума в 1600 г. как минимум на 3 группы при определении ими места своего жительства [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1600 г. д. 1]. Это косвенно указывает если не на открытый конфликт, то, по крайней мере, на определенную напряженность между ними, при этом ее истоки явно следует искать еще в событиях прежней жизни в Сибири. Харизма Кучума позволяла сдерживать внутрисемейные склоки, однако без него они выплеснулись наружу. Пример подобной разобщенности мо-

жет служить еще одной причиной, не позволившей Кучумовичам успешно бороться за свое наследство. Среди потомков сибирского хана не нашлось человека, равного ему по масштабу личности.

Русское служилое сословие не мыслило своего существования вне системы местничества. Но татарские цари и царевичи не входили в нее, поэтому полной интеграции Кучумовичей с московской придворной знатью произойти не могло. Принятие царевичами православия не изменило ситуации. В Москве 1630-х — 1650-х гг. пытались обойти это затруднение путем экспериментов над статусом царевичей (Калинник Джансюеревич и Василий Ишимович), превращая их в дворян по московскому списку. Однако данные попытки в целом были признаны неудачными, и остальные Кучумовичи сохранили свой статус. К концу века они, благодаря своим бракам, стали свойственниками московских государей и породнились со всей виднейшей русской знатью, но по-прежнему так и не были встроены в общегосударственную систему. Это смогло произойти только после отмены местничества и начала реформ Петра I по созданию и консолидации русского дворянства. Это, надо отметить, одновременно привело к потере царевичами своего особого статуса, возвышавшего их над остальными подданными московского царя, а замена титула «царевич» на «князь» окончательно слила их с остальным дворянством. Теперь они должны были научиться жить в совершенно иных условиях, однако история «золотого рода» рубежа XVII–XVIII в. говорит о том, что он не был готов к подобным изменениям...

Источники и библиография

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов:

- Ф. 9. Кабинет Петра I.
- Ф. 53. Сношения России с Данией.
- Ф. 109. Сношения России с Бухарой.
- Ф. 110. Сношения России с Грузией.
- Ф. 119. Калмыцкие дела.
- Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела.
- Ф. 123. Сношения России с Крымом.
- Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.
- Ф. 130. Сибирские дела.
- Ф. 131. Татарские дела.
- Ф. 134. Хивинские дела.
- Ф. 137. Боярские и городовые книги.
- Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем.
- Ф. 141. Приказные дела старых лет.
- Ф. 159. Приказные дела новой разборки.
- Ф. 188. Рукописное собрание РГАДА.
- Ф. 196. Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина.
- Ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера.
- Ф. 210. Разрядный приказ.
- Ф. 214. Сибирский приказ.
- Ф. 233. Печатный приказ.
- Ф. 248. Сенат и его учреждения.
- Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии.
- Ф. 350. Ландратные книги и ревизские сказки.

- Ф. 396. Оружейная палата.
- Ф. 522. Лебедянская воеводская канцелярия.
- Ф. 1030. Большесольская земская изба и ратуша.
- Ф. 1107. Белозерская приказная изба.
- Ф. 1122. Кадомская приказная изба.
- Ф. 1124. Касимовская приказная изба.
- Ф. 1167. Темниковская приказная изба.
- Ф. 1190. Златоустовский мужской монастырь (г. Москва).
- Ф. 1209. Разрядный приказ.
- Ф. 1239. Московский дворцовый архив.
- Государственный архив Рязанской области:
 - Ф. 98. Дворянское депутатское собрание.
 - Ф. 1750. Грамоты XIV–XVIII вв.
- Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук:
 - Ф. 7. Комитет популяризации художественных изданий.

Опубликованные источники и литература

Абдиров, 1996 — *Абдиров М.* Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996.

Абуль-Гази, 1906 — *Абуль-Гази.* Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. с чагатайск. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1906.

Абусеитова, 1985 — *Абусеитова М. Х.* Казахское царство во второй половине XVI в. Алма-Ата, 1985.

Азнабаев, 2005 — *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.

Азовцев, 2003 — *Азовцев А. В.* Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. Рязань, 2003. Вып. 1. С. 14–48.

Айтбаева, 2004 — *Айтбаева Л. Х.* Генетические пласты татарских личных имен и фамилий Нижней Оби и Иртыша // Сулеймановские чтения-2004. Материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. С. 5–7.

Акимов, 2006 — *Акимов В. В.* Кентавры Востока. Касимов, 2006.

Акманов, 1998 — *Акманов И. Ф.* XVII быуатта — XVIII быуат башында башкорт күтәрелештәре. Өфө, 1998.

Акманов, 1991 — *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII вв. Свердловск, 1991.

Акты, 1915 — Акты времени междоусарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915.

Акты, 1914 — Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. — 17 июня 1610 г.). М., 1914.

Акты, 1841 — Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1841–1842. Т. I–V.

Акты, 1997 — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. М., 1997. Т. I.

Акты, 1998 — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. М., 1998. Т. II.

Акты, 2002 — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. М., 2002. Т. III.

Акты, 1838 — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Акты, 1895 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1851. Т. 4: 1588–1638.

Акты, 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I–IV.

Алексеев, 2006 — *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб., 2006.

Алексеев, 2004 — *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. М., 2004.

Алексеев, 1936 — *Алексеев М. П.* Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. Т. I. М.; Л., 1936. С. 179.

Алексеев, 1941 — *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.

Алексеева, 2014 — *Алексеева Д. И.* Архив последних касимовских царевичей: перспективы реконструкции // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 12–20.

Алишина, эл. ресурс — *Алишина Х. Ч.* Антропонимы сибирских татар в сравнительно-историческом освещении // Тюменский гос. университет. Language and Literature. № 12. Электронный ресурс: http://www.imena.org/antr_tat.html.

Алишина, 2010 — *Алишина Х. Ч.* Искер — Сибирь — Кашлык // Искер — столица Сибирского ханства. Казань, 2010. С. 159–166.

Алишина, 1999 — *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). Ч. 1. Тюмень, 1999.

Андреев, 1999 — *Андреев А. И.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 66–149.

Аннинский, 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71–112.

Антонов, 2000 — *Антонов А. В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 196–240.

Анхимюк, 2003 — *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга, 1598–1602 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 361–413.

Анхимюк, 2005 — *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII вв. М., 2005.

Аполлова, 1976 — *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв. М., 1976.

Арапов, 2006 — *Арапов Д. Ю.* Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII вв.: Третья междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве». Тез. докл. М., 2006. С. 12–14.

Арсюхин, 1914 — *Арсюхин Е. В.* Полумесяц над Волгой. Нижний Новгород, 2005.

Архив, 1914 — Архив В. А. Гольцева. Т. 1. М., 1914. Электронный ресурс: <http://hghltd.yandex.net/yandbtrm?fmode=inject&url>.

Асфандияров, 2007 — *Асфандияров А. З.* Присоединение Восточной (Сибирской) Башкирии к Русскому государству // Россия

и Башкортостан: история отношений, состояние, перспективы. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2007. С. 32–33.

Атласи, 1992 — *Атласи Ғ. Себер тарихы. Сөен-бикэ. Казан ханлығы (тарихы эсэрләр)*. Казан, 1992.

Атласи, 2005 — *Атласи Х. М. История Сибири*. Казань, 2005.

Ахметгалин, 2016 — *Ахметгалин Ф. А., Хамзин Р. Н., Беляев А. В. Археологические исследования средневекового Касимова* // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 182–201.

Әхмәтжанов, 2006 — *Әхмәтҗанов М. И. Касыйм шәһәрәндәге татар дәрбәләре* // Татар археологиясе. 2006. № 1–2 (16–17). 197–217 б.

Бабулин, 2015 — *Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 г.)*. М., 2015.

Багров, 1974 — *Багров Л. С. Карты Азиатской России. Исторические заметки*. Пг., 1914.

Бадер, 1974 — *Бадер О. Н., Мансуров А. А. Археологическая карта окрестностей Касимова* // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 253–323.

Байпаков, 2006 — *Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Средневековый город Сауран*. Алматы, 2006.

Баранович, 1860 — *Баранович М. Материалы для статистики и географии России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния*. СПб., 1860.

Барсуков, 1902 — *Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия*. СПб., 1902.

Бартольд, 1966 — *Бартольд В. В. Халиф и султан* // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 15–78.

Батмаев, 1993 — *Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт*. Элиста, 1993.

Бахрушин, 1953 — *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв.* М., 1953. С. 86–152.

Бахрушин, 1959 — *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв.* М., 1959. С. 193–214.

Башкирские, 2002 — *Башкирские родословные. Вып. 1*. Уфа, 2002.

Башнин, 2017 — *Башнин Н. В., Корзинин А. Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.

Белич, 2002 — *Белич И. В.* Искер: из «сакральной» истории памятника // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 180–184.

Белич, 2006 — *Белич И. В.* К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 143–157.

Белич, 1997 — *Белич И. В.* Сибирь — Кашлык — Искер // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I-го Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 72–73.

Белич, Тура, 2006 — *Белич И. В.* Тура incognita // Сулеймановские чтения-2006. Материалы IX Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006. С. 16–22.

Белич, 2009 — *Белич И. В.* Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 14–34.

Белокуров, 1907 — *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. 7113–7121 гг. М., 1907.

Белокуров, 1906 — *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906.

Белоусов, 2008 — *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008.

Беляков, 2004а — *Беляков А. В.* Город Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей. Т. 2. Тула, 2004. С. 153–161.

Беляков, 2009 — *Беляков А. В.* Абул-Хайр б. Кучум // Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь. М.; Нижний Новгород, 2009. С. 7.

Беляков, 2015 — *Беляков А. В.* Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 40–45.

Беляков, 2009а — *Беляков А. В.* Али б. Кучум // Там же. С. 16–17.

Беляков, 2009б — *Беляков А. В.* Алтанай б. Кучум // Там же. С. 18.

Беляков, 2006 — *Беляков А. В.* Араслан Алеевич — последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.

Беляков, 2005 — *Беляков А. В.* Землевладение касимовских царевичей во 2-й половине XVII в. // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 422–427.

Беляков, 2012 — *Беляков А. В.* Исине́й Карамышев сын Мусатов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 82–87.

Беляков, 2003а — *Беляков А. В.* К вопросу о вероисповедании служащих Посольского приказа второй половины XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 64–70.

Беляков, 2016 — *Беляков А. В.* К вопросу о реконструкции двора касимовских царей и царевичей в Касимове // К 60-летию И. Ю. Соснера. Сб. статей. М., 2016. С. 41–50.

Беляков, 2004б — *Беляков А. В.* Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2. С. 153–161.

Беляков, 2001а — *Беляков А. В.* Касимов после Смутного времени (по документам РГАДА) // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 31–38.

Беляков, 2003а — *Беляков А. В.* Касимовские воеводы XVI в. // Вторые Яхонтовские чтения. Рязань, 2003. С. 101–107.

Беляков, 2001б — *Беляков А. В.* Касимовские татары — станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2001. Т. 2. С. 36–42.

Беляков, 2010 — *Беляков А. В.* Касимовский царевич Яков (Иакв). Мифологизация образа // Пятое Яхонтовские чтения. Рязань, 2010. С. 89–93.

Беляков, 2003б — *Беляков А. В.* Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 189–199.

Беляков, 2011а — *Беляков А. В.* Крещение Чингисидов // Российская история. 2011. № 1. С. 107–115.

Беляков, 2016а — *Беляков А. В.* Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. М., 2016. Вып. 7. С. 62–89.

Беляков, 2004б — *Беляков А. В.* Новые документы к биографии астраханского царевича Арслан-Али ибн Кайбулы // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 189–196.

Беляков, 2014 — *Беляков А. В.* Новый документ о ранней истории г. Самар // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2014. Т. 14. С. 82–85.

Беляков, 2013 — *Беляков А. В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) г. // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154–210.

Беляков, 2009 — *Беляков А. В.* Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009. С. 35–55.

Беляков, 2009в — *Беляков А. В.* Сибирские Чингизиды в России (XV–XVI вв.) // Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь. М.; Нижний Новгород, 2009. С. 264–265.

Беляков, 2009г — *Беляков А. В.* Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 160–196.

Беляков, 2006а — *Беляков А. В.* Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.

Беляков, 2006б — *Беляков А. В.* Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 381–405.

Беляков, 2007 — *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. 2006. Труды науч. конф. Нижний Новгород, 2007. С. 29–60.

Беляков, 2005 — *Беляков А. В.* Участие сибирского царевича Алтана ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения. Материалы науч. конф. Нижний Новгород, 2005. С. 21–36.

Беляков, 2007а — *Беляков А. В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 95–112.

Беляков, 2003б — *Беляков А. В.* Царь Араслан Алеевич и посад Касимова в начале XVII в. // Рязанская старина. 2002. М., 2003. Вып. 1. С. 56–64.

Беляков, 2007б — *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVI вв. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 9–48.

Беляков, 2011 — *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Беляков, 2010 — *Беляков А. В.* Чингисиды в Смуту // Мининские чтения. Труды участников междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2010. С. 56–75.

Беляков, 2013а — *Беляков А. В., Виноградов А. В.* Мурад-Гирей — служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 11–59.

Беляков, 2017 — *Беляков А. В., Енгальчева Г. А.* Документы о происхождении толмачей Посольского приказа Кучумовых // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 16–23.

Беляков, 2015а — *Беляков А. В., Енгальчева Г. А.* Крымские выходцы в Касимове — сеиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 46–53.

Беляков, Масложенко, 2016 — *Беляков А. В., Масложенко Д. Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum pius*. 2016. № 6: *Rex Mongolica* и европейские потрясения XIII–XIV вв. С. 229–243.

Беляков, 2004 — *Беляков А. В., Моисеев М. В.* Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2004. С. 32–44.

Беляков, 2001в — *Беляков О. П.* К истории удела царицы Леониды // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 310–313.

Беннигсен, 2009 — *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Крымское ханство в начале XVI в.: от монгольской традиции к осман-

скому сюзеренитету по неопубликованным документам из Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Сб. статей. Казань, 2009. С. 68–85.

Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009 — *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. // Там же. С. 86–115.

Берг, 1832 — *Берг Н. В.* Царствование Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. I.

Бережнова, Коркусенко, 2006 — *Бережнова М. Л., Коркусенко С. Н.* Дозор вражды и дружбы, или Взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3 (Прил. 1). Новосибирск, 2006. С. 108–116.

Беркович, Егоров, 2014 — *Беркович В. А., Егоров К. А.* Новые материалы о потомках хана Кучума (по результатам охранных исследований в историческом центре Москвы) // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований. Екатеринбург; Нефтеюганск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 296–301.

Берс, 1930 — *Берс А. А.* Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. М., 1930.

Библиотека, 1854 — Библиотека восточных историков, издаваемая И. Н. Березиным. Казань, 1854. Т. II. Ч. 1.

Бичурин, 1991 — *Бичурин Н. Я. (о. Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.

Бобров, Худяков, 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб., 2008.

Бобров, Худяков, 2010 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 43–52.

Богоявленский, 1939 — *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–102.

Боронин, 2002 — *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2002.

Боярская, 1986 — Боярская книга 1627 г. / Ред. В. И. Буганов. М., 1986.

Боярская, 1999 — Боярская книга 1639 г. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999.

Боярская, 2004 — Боярская книга 1658 г. / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2004.

Бояршинова, 1960 — *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Бояршинова, 1950 — *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева. Т. 112. Сер. историко-филологическая. Томск, 1950. С. 23–210.

Буганов, 2007 — *Буганов В. И., Рогожин Н. М.* Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Гале (Германия) // АРИ. М., 2007. Вып. 8. С. 519–573.

Буляков, 2011 — *Буляков И. И.* Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). Автореф. дисс. ... к. ист. наук. Оренбург, 2011.

Бусева-Давыдова, 2006 — *Бусева-Давыдова И. Л.* Тяжба о «болвитиновом дворе»: История из жизни московских иноземцев XVII столетия // Иноземцы в России в XV–XVII вв. / Ред. А. К. Левыкин. М., 2006. С. 134–140.

Бусов, 1998 — *Бусов К.* Московская хроника // Хроники Смутного времени. Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец» / Сост. А. Либерман, Б. Морозов, С. Шокарев. М., 1998. С. 9–158.

Бустанов, 2011а — *Бустанов А. К.* Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken, 2011.

Бустанов, 2009 — *Бустанов А. К.* Рукопись в контексте сибирского ислама // *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культура

святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 156–192.

Бустанов, 2011б — *Бустанов А. К.* Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 33–78.

Бустанов, 2010 — *Бустанов А. К.* Тайбугиды, Кучум и среднеазиатские улемы в сакральных текстах сибирских мусульман // Мир ислама: история, общество, культура. Тез. докл. II междунар. науч. конф. М., 2010. С. 33–35.

В., 1887 — *В.* Документ о сношениях сибирского хана Кучума с бухарским ханом Абдуллой // Восточное Обозрение. 1887. № 47. С. 8–9.

Вайнштейн, 2009 — *Вайнштейн Ж.* Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 365–375.

Валеев, 1993 — *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993.

Валеев, Томилов, 1996 — *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.

Васьков, 1999 — *Васьков Д. А.* Сибирский царь Девлет-Гирей // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 16–18.

Васьков, 2017а — *Васьков Д. А.* Вооруженные столкновения между сибирскими служилыми людьми и Кучумовичами в 1661 г. и их последствия // Вестник Томского гос. университета. 2017. № 415. С. 50–58.

Васьков, 2017б — *Васьков Д. А.* Посольские отношения между русской администрацией в Сибири и царевичем Девлет-Гиреем в 1644–1650 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всеросс. науч. конф. Курган, 2017. С. 92–99.

Васьков, эл. ресурс — *Васьков Д. А.* Потомки Кучума в XVII в. и их роль в организации антирусских выступлений на Южном Урале и в Западной Сибири // Материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы философии, истории и политологии».

Электронный ресурс: http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Vas'kov.pdf

Введенский, 1883 — *Введенский И.* Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // *Тобольские Губернские Ведомости.* 1883. № 3.

Вельтман, 1860 — *Вельтман А.* Московская Оружейная Палата. Изд. 2-е. М., 1860.

Вельяминов-Зернов, 1863 — *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

Вельяминов-Зернов, 1864 — *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

Вельяминов-Зернов, 1866 — *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.

Вельяминов-Зернов, 1887 — *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 4. СПб., 1887.

Вельяминов-Зернов, Отчет, 1864 — *Вельяминов-Зернов В. В.* Отчет о поездке в Касимовский уезд Рязанской губернии, читанный в заседании Историко-филологического Отделения Императорской Академии наук, 11 сентября 1863 г. // *Записки Императорской Академии наук.* СПб., 1864. Т. IV. Кн. 2. С. 121–122.

Верхотурские, 1982 — *Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв.* Сб. документов / Сост. Е. Н. Ошанина. М., 1982.

Вершинин, 2014 — *Вершинин Е. В.* Рец. на кн.: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 232 с. // *Российская история.* 2014. № 3. С. 184–187.

Вершинин, 1998 — *Вершинин Е. В.* Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII в. // *Родина.* 1998. № 1. С. 60–63.

Вершинин, 1998а — *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

Вершинин, 2002 — *Вершинин Е. В.* Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // *Северный археологический конгресс. Тез. докл.* Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 312–314.

Вершинин, Шашков, 2002 — *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII в. по истории Сургутского уезда // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург, 2002. С. 114–243.

Веселовский, 1911 — *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.

Веселовский, 1913 — *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. I. М., 1913.

Веселовский, 1917 — *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. II. Вып. 1. М., 1917.

Веселовский, 2002 — *Веселовский С. Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 276–296.

Веселовский, 1975 — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Веселовский, 1947 — *Веселовский С. Б.* Последние уделы Северо-восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–131.

Видекинд, 2000 — *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны / Пер. со швед. С. А. Аннинского, А. М. Александрова. Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000.

Вилков, 1967 — *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Вкладная, 1987 — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987.

Воздвиженский, 1995 — *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской епархии. Рязань, 1995.

Волкова, 1965 — *Волкова К. В.* Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 112–127.

Вычегодско-Вымская, 1989 — Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы / Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар, 1989. С. 23–34.

Г. Б., 1905 — *Г. Б.* Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718–1727 гг.) (из архивных дел дальнего Севера) // Русская Старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 404–411.

Габдуллин, 2006 — *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

Гагин, 1902 — *Гагин И. С.* Краткая сложность о касимовских царях татарских и памятниках, с их времени существующих //

Труды Рязанской Ученой архивной комиссии. Рязань, 1902. Т. 16. Вып. 3. С. 266–279.

Галкин, 1978 — *Галкин Л. Л.* Двухсторонняя литейная форма XIV в. из Сарайчика // Советская археология. 1978. № 2. С. 282–288.

Галязимов, 1987 — *Галязимов Б. И.* Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1987.

Гарипова, 1980 — *Гарипова Ф. Г.* Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980. С. 136–149.

Георги, 2007 — *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.

Герберштейн, 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1988.

Главинич, 1875 — *Главинич С.* О происшествиях московских. Пер. с лат. А. Н. Шемякина. М., 1875.

Голодников, 1882 — *Голодников К.* Раскопка курганов Тобольской губернии в 1882 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. IV. Смесь. Омск, 1882. С. 1–6 (отд. паг.).

Голодников, 1882 — *Голодников К. М.* Раскопки исторических курганов // Тобольские Губернские Ведомости. 1882. № 34. С. 2–3.

Голубев, 1889 — *Голубев Ф.* Могила Кучума // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1889. № 79. С. 3.

Гордлевский, 1927 — *Гордлевский В. А.* Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд) // Труды Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1927.

Гордон, 2005 — *Гордон П.* Дневник, 1677–1678 гг. / Отв. ред. М. Р. Мыженков. Пер. с англ. Д. Г. Федосова. М., 2005.

Горелик, 2014 — *Горелик М. В.* Мусульманский папа на Московском престоле («шапка Казанская» Ивана IV Грозного из Оружейной палаты) // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 141–147.

Готье, 1937 — *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937.

Груневерг, 2013 — *Груневерг М. (о Венцеслав), духовник Марины Мншишек*. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2013.

Гумелев, 1992 — *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.

Гюльденстиерне, 1911 — *Гюльденстиерне А.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвинг-Голштейнского в Россию в 1602 г. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1911. № 3.

Данченко, 2008 — *Данченко Е. М.* К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 2008.

Дворцовые, 1850 — Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I.

Дворцовые, 1851 — Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II.

Дворцовые, 1852 — Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III.

Дворцовые, 1855 — Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV.

Делавиль де Дембаль, 1841 — *Делавиль де Дембаль П.* Краткая записка о том, что происходило в Московии, от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского // Русский Вестник. Т. I. СПб., 1841. С. 744–756.

Демидова, 1996 — *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич // Первые Романовы на российском престоле / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1996. С. 169–203.

Демин, 2005 — *Демин М. А.* Литературно-исторические произведения XVII в. о взаимоотношениях коренного и пришлого населения Западной Сибири // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 250–260.

Демин, 2008 — *Демин М. А.* Литературно-исторические сочинения XVII в. о коренных народах Западной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 2008. С. 7–57.

Дмитриев, 1900 — *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. VIII. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь, 1900.

Дмитриев, 1998 — *Дмитриев А. А.* Кучумов Искер на Иртыше // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 71–82.

Дмитриев, 2006 — *Дмитриев С. В.* Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 143–158.

Дневник, 1995 — *Дневник Марины Мнишек* / Отв. ред. Д. М. Буланин. Сост., пер., вступ. ст., комм. В. Н. Козлякова. СПб., 1995.

Дневник, 2012 — *Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611)* // Памятники истории Восточной Европы. Т. IX / Отв. ред. И. Граля, И. О. Тюменцев. М.; Варшава, 2012.

Добродомов, 2005 — *Добродомов И. Г.* Еще раз о молочных братьях (эмилдеш) // Алтайские языки и восточная филология: памяти Э. Р. Тенишева. М., 2005. С. 157–161.

Добродомов, 1986 — *Добродомов И. Г.* Эмилдеш — имильдеш // *Turcologica*. 1986. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986. С. 115–119.

Добролюбов, 1891 — *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1891. Т. 4.

Документи, 1998 — *Документи російських архівів з історії України. Том 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр.* / Упоряд.: Л. Войтович, Л. Заборовський, Я. Ісаєвич, Ф. Сисин, А. Турилов, Б. Флоря. Львів, 1998.

Документы, 1994 — *Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.)* / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1994.

Долгих, 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Долгоруков, 1856 — *Долгоруков П.* Российская родословная книга. Т. III. СПб., 1856.

Доннелли, 1995 — *Доннелли А. С.* Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма. Б. м., 1995.

Дополнения, 1882 — *Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1.* М., 1882.

Дополнения, 1854 — *Дополнения к т. III дворцовых разрядов.* СПб., 1854.

Древности, 1853 — *Древности Российского государства.* М., 1853.

Древняя, 1791 — *Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. Т. XV.* М., 1791.

Дробышев, 2005 — *Дробышев Ю. И.* К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологиче-

ский сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 30–47.

Дубинская, 1967 — *Дубинская Л. Г.* Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII в. (по материалам Мещерского края): автореф. дис. ... к. ист. наук. М., 1967.

Думин, 1989 — *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Исследования и материалы. 1987 г. М., 1989. С. 107–113.

Духовные, 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Л. В. Черепнин. М., 1950.

Евсеев, 2011 — *Евсеев В. Н.* Изображение похода дружины Ермака в Ремезовской летописи // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 81–89.

Егоров, 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIX вв. М., 1985.

Емельянов, 1978 — *Емельянов Н. Ф.* Татары Томского уезда в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 73–87.

Ершов, 1984 — *Ершов П. П.* Сузге. Стихотворения, драматические произведения, проза. Иркутск, 1984.

Жолкевский, 2007 — Рукопись Жолкевского // Львовская летопись / Сост. А. И. Цепков. Рязань, 2007.

Журнал, 1885 — Журнал Рязанской Ученой архивной комиссии: заседание 6 октября 1885 г. Рязань, [1885].

Забелин, 1873 — *Забелин И.* Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.

Зайцев, 2004 — *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2004.

Зайцев, 2009 — *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты, источники. М., 2009.

Зайцев, 2013 — *Зайцев И. В.* Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 21–26.

Законодательные, 1986 — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: тексты / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1986.

Записные, 2010 — Записные вотчинные книги Поместного приказа, 1626–1657 гг. / Сост. А. В. Антонов. М., 2010.

Зеленская, 2006 — *Зеленская Г. М., Святославский А. В.* Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006.

Земное, 2000 — Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама: Каталог выставки в Гос. Эрмитаже (СПб., 13 июня — 17 сентября 2000 г.). СПб., 2000.

Зимин, 1950 — *Зимин А. А.* Краткие летописи XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. V. С. 3–39.

Зимин, 1975 — *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI вв. // Дворянство и крепостной строй России XV–XVIII вв. М., 1975. С. 28–56.

Зияев, 1964 — *Зияев Х.* Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.). Доклад по опубли. работам на соискание уч. степ. д. и. н. Ташкент, 1964.

Златкин, 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.

Золото, 2007 — Золото. Металл богов и царь металлов. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2007.

Зуев, 2007 — *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

Зыков, Манькова, 2000 — *Зыков А. П., Манькова И. Л.* Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000. С. 315–332.

Игнатъев, 1883 — *Игнатъев Р. Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 328–355.

Игнатъев, 1869 — *Игнатъев Р. Г.* Тураханова дворец. Чортово городище // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. 2. Вып. 2. М., 1869. С. 46–53 (отд. паг.).

Иероним, 1889 — *Иероним (Алякринский), архим.* Рязанские достопамятности, собранные архим. Иеронимом с прим. И. Добролюбова. Рязань, 1889.

Из Рязанских, 1838 — Из «Рязанских Губернских Ведомостей» // Журнал Министерства внутренних дел. 1838 г. Ч. XXIX. Смесь. С. 43.

Искусство, 2008 — Искусство Блистательной Порты. Каталог выставки. М., 2008.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа, 1996.

История, 1996 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и Казахского ханства / Гл. ред. А. Н. Нусупбеков. Алма-Ата, 1979.

История, 2005 — История Казахстана в русских источниках. Т. I. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) / Сост., вступ. ст., комм. А. И. Исина. Алматы, 2005.

История, 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I / Отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Элиста, 2009.

История, 1968 — История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968; Т. 2. Сибирь в феодальной России / Гл. ред. А. П. Окладников. Л., 1968.

История, 2014 — История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Гл. ред. Р. С. Хакимов. Казань, 2014.

Источники, 1985 — Источники по социально-экономической истории России XV–XVIII в.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Ред. В. И. Корецкий. М., 1985.

Исхаков, 2006 — *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

Исхаков, 1998 — *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998.

Исхаков, 1997 — *Исхаков Д. М.* Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах // *Tatarica*. 1997 / 1998. № 1. С. 42–95.

Исхаков, 2009 — *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

Исхаков, 1993 — *Исхаков Д. М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань, 1993.

Кабанов, 2010 — *Кабанов А. Ю., Семененко А. М.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010.

Казани, 2003 — Казани — 1000 лет. Иллюстрированный каталог выставки. Казань, 2003.

Казахско-русские, 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Сост. Ф. Н. Киреев. Алма-Ата, 1961.

Кайдашев, 2006 — *Кайдашев С. В.* «Посольский обычай» и двор царя глазами английских представителей // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: материалы междунар. науч.-практ. конференции (Александров, 30 октября — 1 ноября 2003 г.). Владимир, 2006. С. 177–187.

Каппелер, 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червонной. М., 2000.

Карамзин, 1824 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. IX. СПб., 1821; Т. XI. СПб., 1824.

Карнович, 1991 — *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 1991.

Картина, 1818 — Картина Сибири // Сибирский вестник, изд. Гр. Спасским. 1818 г. Ч. 1. СПб., 1818.

Катанаев, 1893 — *Катанаев Г. Е.* Еще об Ермаке и его сибирском походе (новые вариации на старую тему) // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XV. Вып. II. Омск, 1893. С. 1–36 (отд. паг.).

Катанаев, 1893 — *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. Омск, 1893.

Катанов, 1895 — *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5. Тобольск, 1895–1896. С. 1–12 (отд. паг.).

Катанов, 1897 — *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Там же. Вып. 7. Тобольск, 1897. С. 51–61.

Катанов, 1887 — *Катанов Н. Ф.* Родословие сеидов // Сибирский сборник (Приложение к «Восточному Обозрению» за 1887 г.). СПб., 1887. С. 234–238.

Катанов, 1903 — *Катанов Н. Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. Кн. 12. Казань, 1903. С. 191–216.

Кацкая, 2006 — Кацкая летопись 2006. № 3 (138). С. 39–40. Электронный ресурс — режим доступа: http://kl-21.narod.ru/sto/138/KL_138_01.htm (дата последнего обращения: 26.06.2016).

Кистерев, 1998 — *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 65–88.

Клапрот, 2008 — *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008.

Клеменц, 1889 — *Клеменц Д. А.* Предварительные известия об экскурсии в Ачинский и Канский округа // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества. Т. XX. № 1. Иркутск, 1889. С. 43–68.

Книга, 1850 — Книга, глаголемая Летописец, Федора Никитича Нормантского // Временник Московского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1850. Кн. 5. С. 19–148.

Книги, 2004 — Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. / Сост. А. И. Цепков. Рязань, 2004. Т. 1–2.

Кобрин, 2008 — *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.

Козляков, 2011 — *Козляков В. Н.* Борис Годунов. М., 2011.

Козляков, 2007 — *Козляков В. Н.* Смута в России XVII в. М., 2007.

Колесник, 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.

Комаров, 2005 — *Комаров И. А.* Шлем — шапка ерихонская кучумовская // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: «премудрая двоица» / Ред. А. К. Левыкин. Сост.: И. А. Бобровницкая, М. В. Мартынова. М., 2005.

Комаров, 2006 — *Комаров И. А., Яблонская Е. А.* Парадное оружие русских царей XVI–XVII вв. М., 2006.

Коми, 1984 — Коми легенды и предания / Сост. Ю. Г. Рогачев. Сыктывкар, 1984.

Кондрашенков, 1964 — *Кондрашенков А. А.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Ученые записки Курганского гос. пед. института. Вып. VI. Курган, 1964. С. 3–93.

Копылов, 1987 — *Копылов Д. И.* Легенды и историческая действительность // *Галязимов Б. И.* Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1987. С. 164–172.

Корш, 1889 — *Корш Ф. Е.* О татарских надписях в касимовской текиэ // Древности: Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества. М., 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 18–20.

Косвен, 1935 — *Косвен М. О.* Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.

Костров, 1874 — *Костров Н.* Каинская Бараба // Томские Губернские Ведомости. 1874. № 25. С. 3.

Костров, 1881 — *Костров Н.* Народные предания татар о Кучуме и Ермаке // Сибирская газета. 1881. № 2. С. 61–63.

Котошихин, 1906 — *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Крижанич, 1997 — *Крижанич Ю.* Политика / Подг. к печати В. В. Зеленин. Пер. А. Л. Гольдеберг. М., 1997.

Кузеев, 1974 — *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1957 — *Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х.* 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.

Куненков, 2007 — *Куненков Б. А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура служащие, делопроизводство. Дисс. ... к. ист. наук. Брянск, 2007.

Курбатов, 2009 — *Курбатов О. А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2009. Вып. 1. С. 190–225.

Курукин, 2003 — *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.

Кызласов, 1992 — *Кызласов Л. Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М., 1992.

Лаврентьев, 2005 — *Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.

Лаврентьев, 2008 — *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори / Славяне и их соседи. Отв. ред. Б. Н. Флоря. Вып. 12. М., 2008. С. 99–117.

Лаврентьев, 2001 — *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — император. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001.

Лавров, 1998 — *Лавров А.* «Царь, без сомнения, находится тут»: Великое посольство в Кёнигсберге по донесениям ганноверского резидента И. В. Хойша: 1697 // Исторический архив. 1998. №1. С. 197–205.

Лаптева, 2010 — *Лаптева Т. А.* Повседневная жизнь провинциального дворянства в XVII в. // Российская история. 2010. №4. С. 107–118.

Ларина, 2015 — *Ларина Я. И.* Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 99–112.

Лерберг, 1819 — *Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

Летописи, 1991 — Летописи сибирские. Сост. Е. И. Дергачев-Скоп. Новосибирск, 1991.

Лисейцев, 2004 — *Лисейцев Д. В.* Российский посольский обычай в начале XVII в. по материалам делопроизводства Посольского приказа // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004. С. 216–251.

Любимов, 1915 — *Любимов С. В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.

Любомиров, 1939 — *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения, 1611–1613 гг. М., 1939.

Мәржани, 1989 — *Мәржани Шиһабетдин.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. Казан, 1989.

Магилина, 2012 — *Магилина И. В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012.

Малиновский, 2007 — *Малиновский А. Ф.* Историческое обозрение Москвы. М., 2007.

Малов, 2006 — *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М., 2006.

Мансуров, 1974 — *Мансуров А. А., Бадер О. Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 253–323.

Манькова, 1997 — *Манькова И. Л.* Монастырская вотчина как хозяйственный комплекс (по материалам монастырей Восточного Урала XVII — начала XVIII вв.) // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 71–74.

Марджани, 2005 — *Марджани Шихабуддин.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Пер. со старотатар. Р. К. Адыгамова. Казань, 2005.

Мареева, 2001 — *Мареева О. В.* «Шапка Казанская»: Уточнение атрибуции // Художественный металл в России: материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова (Москва, 22–24 апреля 1998 г.). М., 2001. С. 52–60.

Маржерет, 1986 — *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Сост. Ю. А. Лимонов. Л., 1986. С. 227–286.

Мартынова, 1999 — *Мартынова М. В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство Средневековой Руси: материалы и исследования. М., 1999. Т. 12. С. 295–308.

Мархоцкий, 2000 — *Мархоцкий Н.* История московской войны / Пер. с польск. и комм. Е. Куксиной. М., 2000.

Масанов, 1995 — *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995.

Маслюженко, 2010 — *Маслюженко Д. Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 9–21.

Маслюженко, 2008 — *Маслюженко Д. Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.

Маслюженко, Рябинина, 2010 — *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Прибытие Кучумовичей в Россию осенью 1598 — зимой 1599 гг. (особенности статуса и повседневной жизни пленных Чингисидов) // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4 / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2010. С. 81–102.

Маслюженко, Рябинина, 2009 — *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучумхана во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 97–112.

Маслюженко, Татауров, 2015 — *Маслюженко Д. Н., Татауров С. Ф.* Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 135–150.

Матвеев, Татауров, 2011 — *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2011. С. 33–37.

Матвеев, Татауров, 2010 — *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Карта Сибирского ханства: политическое, экономическое и этническое наполнение // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. Б. Р. Рахимзянов. Казань, 2010. С. 57–64.

Материалы, 1853 — *Материалы для истории Рязани. Описание церквей в городе Касимове* // Рязанские Губернские Ведомости. 1853. № 14.

Материалы, 1932 — *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв.* / Ред. А. Н. Самойлович. Л., 1932.

Материалы, 1936 — *Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв.* / Ред. Н. В. Устюгов. М.; Л., 1936.

Материалы, 1951 — *Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.* / Сост. К. В. Сивков. М., 1951.

Материалы, 1983 — *Материалы по истории деревень пермских татар (по полевым данным, собранным Ю. Г. Мухаметшиным)* // Пермские татары / Редколл.: А. Х. Халиков, Р. Г. Мухамедова, Д. М. Исхаков. Казань, 1983. С. 155–161.

Маясова, 2004 — *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М., 2004.

Мейерберг, 1997 — *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Сост. А. Либерман. М., 1997. С. 43–184.

Мельникова, 2000 — Мельникова О. Б. Образ империи: церемониальные процессии в России XVII–XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образ власти в политической культуре России / Ред. Е. Б. Шестопал. М., 2000. С. 95–115.

Менщиков, 2011 — Менщиков В. В. Этнополитические конфликты в Зауралье в XVII–XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2011. С. 121–126.

Мизис, 2006 — Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.

Миллер, 1999 — Миллер Г. Ф. История Сибири / Редколл.: С. И. Вайнштейн, Е. П. Батянова, Н. Ф. Демидова и др. Т. I. М., 1999.

Миллер, 2000 — Миллер Г. Ф. История Сибири / Редколл.: С. И. Вайнштейн, Е. П. Батянова, Н. Ф. Демидова и др. Т. II. М., 2000.

Миллер, 2005 — Миллер Г. Ф. История Сибири / Редколл.: С. И. Вайнштейн, Е. П. Батянова, Н. Ф. Демидова и др. Т. III. М., 2005.

Миллер, 2009 — Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Отв. ред. В. Хинтцше. М., 2009.

Миллер, 1996 — Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное / Сост. А. Б. Каменский. М., 1996.

Миненко, 1979 — Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1979.

Миненко, 2000 — Миненко Н. А. Хождение за «Камень» (начало Азиатской России: новое время) // Родина. 2000. № 5. С. 64–71.

Мирзоев, 1970 — Мирзоев В. Г. Историография Сибири. (Домарксистский период). М., 1970.

Могильников, 2001 — Могильников В. А. О локализации Кизыл-Туры // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001.

Моисеев, 2012 — Моисеев М. В. «Проваленная миссия». Посольство М. Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 гг. // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2012. С. 335–355.

Моисеев, 2014 — *Моисеев М. В.* Алкоголь и дипломатия. Спиртное в практике русского посольского приказа XVI — начала XVII вв. // История в подробностях. 2014. № 4. С. 14–17.

Моисеев, 2004 — *Моисеев М. В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 197–202.

Моисеев, 2013 — *Моисеев М. В.* Окружение Чингисидов в России: Двор в изгнании / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 26–30.

Молодин, Соболев, 1986 — *Молодин В. И., Соболев В. И.* Скотоводство населения Барабинской степи в XIV–XVI вв. (по данным археологии) // Палеоэкономика Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск, 1986. С. 120–125.

Мустакимов, 2009 — *Мустакимов И. А.* Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009 / Сост. А. К. Бикишева, Д. Г. Гизатуллина. С. 214–232.

Мухамедьяров, 2012 — *Мухамедьяров Ш. Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

Народное, 2003 — Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в., 1601–1608 / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003.

Небольсин, 2008 — *Небольсин П. И.* Покорение Сибири. СПб., 2008.

Нестеров, 2011 — *Нестеров А. Г.* Али ибн Кучум, последний хан Сибири: между Бухарой и Москвой // Бюллетень [Центральноазиатского науч.-иссл. центра УрГУ]. Вып. 1. Екатеринбург, 2011. С. 74–78.

Нестеров, 2002 — *Нестеров А. Г.* Династия сибирских Шибанидов // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 206–211.

Нестеров, 1993 — *Нестеров А. Г.* Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 234–236. (Вопросы археологии Урала. Вып. 22).

Нестеров, 2002 — *Нестеров А. Г.* Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары / Отв. ред. Р. К. Уразманова. Казань, 2002. С. 17–23.

Нестеров, 1999 — *Нестеров А. Г.* Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. / Гл. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1999. С. 55–60.

Никитин, 1974 — *Никитин Н. И.* Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1974. С. 263–295.

Никитин, 1996 — *Никитин Н. И.* Начало казачества Сибири. М., 1996.

Никитин, 2005 — *Никитин Н. И.* О взаимоотношениях русских и татар в Сибири XVII–XX вв. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 29–36.

Никитин, 2011 — *Никитин Н. И.* Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XX в. Очерки социально-политической и экономической истории / Ред. А. И. Аксенов. М., 2011. С. 115–145.

Никитин, 2010 — *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX в. (исторический обзор). М., 2010.

Никитин, 1991 — *Никитин Н. И.* Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане в России в XVII — первой половине XIX вв. / Отв. ред. Я. Е. Водарский. М., 1991. С. 47–73.

Новицкий, 1941 — *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941.

Новосельский, 1948 — *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

Новый, 1853 — *Новый летописец* // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей. Кн. 17. М., 1853.

Ногманов, 2002 — *Ногманов А. Н.* Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002.

О городе, 1841 — О городе Касимове, Рязанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841 г. Ч. XLI: Смесь. С. 8–12.

О древних, 1841 — О древних монастырях, церквах и прочих зданиях, состоящих в Рязанской епархии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841 г. Ч. XL. С. 474–475.

О замечательных, 1838 — О замечательных памятниках древности в Рязанской губернии // Санкт-Петербургские Ведомости. 1838. № 272.

Обдорский, 2004 — Обдорский край и Мангазeya в XVII в. Сб. документов / Сост. Е. В. Вершинин. Екатеринбург, 2004.

Оглоблин, 1900 — *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3.

Огородников, 1920 — *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. I. История до-русской Сибири. Иркутск, 1920.

Оксенов, Сибирское, 1888 — *Оксенов А. В.* Сибирское царство до эпохи Ермака // Томские Губернские Ведомости. 1888. № 18. С. 8–10.

Оксенов, Торговые, 1888 — *Оксенов А. В.* Торговые сношения русских с обитателями северо-западной Азии до эпохи Ермака. Томск, 1888.

Олеарий, 2003 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Москву / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003.

Опарина, 2007 — *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.

Описание, 1902 — Описание документов архива бывших Большесольских посадских избы и ратуши, найденного в посаде Большие Соли, Костромского уезда XVI–XVII столетия. СПб., 1902.

Описание, 1910 — Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1910. Т. XVI.

Описание, 1879 — Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жака де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 11. Одесса, 1879. С. 473–493.

Описание, 1982 — Описание Тобольского наместничества / Ред. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982.

Опись, 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1 / Сост. В. И. Гальцов. М., 1977.

Опись, 1673 — Опись архива Посольского приказа 1673 г. / Сост. В. И. Гальцов. М., 1990.

- Опись, 2014 — Опись царской казны на Казенном дворе 1640 г. / Сост. С. П. Орленко. М., 2014.
- Орел, 2001 — Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в.: каталог выставки. М., 2001.
- Орленко, 2005 — Орленко С. П., Опарина Т. А. Указы 1627 и 1652 гг. против «некрещеных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.
- Осадный, 2009 — Осадный список, 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. М., 2009. Т. VIII.
- Очерки, 1956 — Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1 / Ред. А. П. Смирнов. Уфа, 1956.
- Алеппский, 2005 — Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005.
- Павленко, 1953 — Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953.
- Павлов, 1992 — Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
- Палашенков, 1979 — Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 85–95.
- Паллас, 1809 — Паллас С. П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809.
- Памятники, 1854 — Памятники дипломатических сношений. СПб, 1854. Т. III.
- Памятники, 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890; Т. 2: СПб., 1892.
- Памятники, 1912 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Документы по сношениям Московского государства с Польско-Литовским за 1598–1613 гг., хранящиеся в Посольском приказе. М., 1912.
- Памятники, 1912 — Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. // Действия Нижегородской губернской Ученой архивной комиссии. 1912, Т. XI.
- Памятники, 2011 — Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.

Памятники, 1978 — Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Сост. И. С. Филиппова. М., 1978.

Памятники, 1882 — Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700–1713. СПб., 1882.

Панкова, 2008 — *Панкова Т. М., Сахарова О. М.* «По обычаю дедову». Путеводитель по экспозиции Певческого корпуса Рязанского кремля. М., 2008.

Пассек, 1988 — *Пассек В. В.* Нечто о сибирских казаках и о Искере // *Тобольский хронограф*. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 84–85.

Патканов, 1891 — *Патканов С.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.

Пекарский, 1887 — *Пекарский П. П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1887.

Первое, 1899 — Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII — начала XVIII вв. в фондах Научной библиотеки Томского гос. университета. Томск, 1999.

Перевалова, 1998 — *Перевалова Е. В.* Следы военно-политического влияния татар на обских угров // *Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Омск, 1998. С. 105–106.

Переписная, 1891 — Переписная книга по г. Касимову за 1646 (7154) г. // *Труды Рязанской Ученой архивной комиссии за 1891 г.* Рязань, 1892. Т. VI. С. 5–10.

Переписные, 1886 — Переписные книги г. Москвы, 1665–1676 гг. М., 1886.

Пестерев, 2017 — *Пестерев В. В.* «Вести» с фронта: аларм-эффект присутствия Кучумовичей в русском порубежье // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф.* / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2017. С. 86–92.

Пестерев, 2005 — *Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве (Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв.). Курган, 2005.

Пестерев, 2011 — *Пестерев В. В.* Русская колониальная администрация в борьбе с фантомами сибирской государственности //

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2011. С. 109–114.

Петров, 2006 — *Петров К. В.* Царские «столы»: (по материалам 1622–1629 гг.) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: Материалы междунар. науч.-практ. конференции (Александров, 30 октября — 1 ноября 2003 г.). Владимир, 2006. С. 219–237.

Пигнатти, 1915 — *Пигнатти В. Н.* Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 25. Тобольск, 1915. С. 1–36 (отд. паг.).

Писцовые, 2012 — Писцовые материалы Ростовского уезда XVII в. 1646 г. / Сост. В. А. Кадик. М., 2012.

Плотников, 1863 — *Плотников.* Очерки бедствия Далматовского монастыря и частию края с 1644 по 1742 гг. // Чтения в Московском Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1863. Кн. I. Отд. V. С. 72–114.

Под стягом, 1992 — Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост. А. А. Сазонов. М., 1992.

Подвиг, 2011 — Подвиг Нижегородского ополчения / Ред.-изд. совет: О. С. Аржанова, С. К. Маков, Б. М. Пудалов и др. Нижний Новгород, 2011. Т. II.

Подлинные, 2015 — Подлинные Боярские списки 1626–1633 гг. / Сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015.

ПСЗ, 1831 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1831. Т. I.

ПСРЛ, т. 13 — Полное собрание русских летописей. Т. 13: Никоновская летопись. М., 2000.

ПСРЛ, т. 20 — Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М., 2005.

ПСРЛ, т. 21 — Полное собрание русских летописей. Т. 21. Львовская летопись. СПб., 1908.

Посольские, 2006 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань, 2006.

Потапов, 1953 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.

Потапов, 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

Потехина, 2000 — Потехина Е. С. Фонематическое консонантное варьирование иноязычных слов в русском языке: дисс. ... к. филол. наук. СПб., 2000.

Похлебкин, 2001 — Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2001.

Правдолюбов, 2004 — Правдолюбов В. Религиозная история Касимова. Касимов, 2004.

Правдолюбов, 2005 — Правдолюбов В., Правдолюбов Н. Блаженный Иаков, царевич касимовский. М., 2005.

Праведные, 2000 — Праведные игуменя Иустина и благоверный царевич Иаков Касимовские (XVII в.) // Святые и праведники земли Рязанской X–XX вв. / Авт.-сост. Т. Веселкина. Рязань, 2000. С. 167–168.

Правящая, 2006 — Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

Преображенский, 1984 — Преображенский А. А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России // История СССР. 1984. № 1. С. 101–118.

Преображенский, 1972 — Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII вв. М., 1972.

Привалова, 2008 — Привалова Н. И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII в. Нижний Новгород, 2008.

Привалова, 1947 — Привалова Н. И. Торги г. Касимова в середине XVII в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 105–133.

Приказчикова, 2002 — Приказчикова Е. Е. Философский контекст и мифологическая символика «восточных легенд» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 65–86.

Приходо-расходные, 1912 — Приходо-расходные книги московских приказов // Русская историческая библиотека / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1912. Т. 28.

Приходо-расходные, 1983 — Приходо-расходные книги московских приказов, 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1983.

Продолжение, 1795 — Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X.

Прошлое, 1997 — Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Ред. С. Ф. Асфандияров. Сб. I: V в. до н. э. — XVIII в. н. э. Алматы, 1997.

Пугач, 1992 — *Пугач И. В.* Писцовая книга станом и волостей Устюжины Железопольской, 1626 г. // Устюжина: историко-литературный альманах. 1992. № 1.

Пузанов, 2010 — *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI—XVII вв.). СПб., 2010.

Пузанов, 1994 — *Пузанов В. Д.* Зауралье в XVII в. Русские и кочевники // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. Вып. 7. Курган, 1994. С. 73–78.

Пузанов, 2004 — *Пузанов В. Д.* Сибирское царство в геополитических представлениях тюркского мира // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 218–221.

Путешествия, 1882 — Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария. СПб., 1882.

Путешествия, 1957 — Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / Пер. с лат. А. И. Малеина. Ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.

Рабинович, 2013 — *Рабинович Я. Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013.

Радлов, 1907 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872; Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб., 1907.

Раев, Резун, 2004 — *Раев Д. В., Резун Д. Я.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX вв. / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 2004. С. 13–21.

Разрядная, 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1966.

Разрядная, 1974 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1974.

Разрядная, 1987 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1987. Т. III. Ч. 2.

Разрядная, 1989 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1989. Т. III. Ч. 3.

Разрядная, 1994 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1994. Т. IV. Ч. 1.

Разрядная, 2003 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 2003. Т. IV. Ч. 2.

Распросные, 2000 — Распросные речи двух романовских татар в Московском стане об убиении в Калуге Лжедмитрия II // *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 174–175.

Рахим, 2004 — *Рахим А.* Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд / Отв. ред. И. К. Загидуллин. Казань, 2004. С. 555–594.

Рахимзянов, 2007 — *Рахимзянов Б. Р.* Административно-политическая и этносоциальная структура Мещерского юрта // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2 / Отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2007. С. 253–254.

Рахимзянов, 2009 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Рахимзянов, 2010 — *Рахимзянов Б. Р.* Контакты Москвы с сибирскими Чингисидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку» // Татарские мурзы и дворяне: история и современность / Отв. ред. Ф. Г. Тарханова. Вып. 1. Казань, 2010. С. 17–21.

Рахимов, 2013 — *Рахимов Р. Х.* Искерская астана: новый взгляд на старые источники // Историческая судьба Искера. Материалы всеросс. науч.-практ. конф. / Под ред. З. А. Тычинских. Тобольск, 2013. С. 26–31.

Рахимов, 2005 — *Рахимов Р. Х.* О начале исламизации Сибири в новом источнике // Сулеймановские чтения-2005. Материалы VIII межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2005. С. 118–120.

Резун, Люди, 2002 — *Резун Д. Я.* Люди на сибирском фронтире в XVII в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 2 / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 2002. С. 19–29.

Резун, Фронтир, 2002 — *Резун Д. Я.* Фронтир в изображении «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1701 г. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 2 / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 2002. С. 7–18.

Ромодановская, 1981 — *Ромодановская Е. К.* Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 134–141.

Росписной, 1911 — Росписной список г. Москвы, 1638 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-Исторического общества. М., 1911. Т. 1.

Русские, 2008 — Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде / Отв. ред. В. В. Трепавлов. Тула, 2008.

Русские, 1999 — Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1999.

Русский, 2012 — Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг. Текст, переводы, комментарии / Ред. И. О. Тюменцев. Волгоград, 2012.

Русско-монгольские, 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. документов / Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1959.

Русско-монгольские, 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. документов / Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1974.

Русско-монгольские, 1996 — Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. документов / Отв. ред. Н. Ф. Демидова. М., 1996.

Русско-чеченские, 1997 — Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / Отв. ред. Н. Г. Волкова. М., 1997.

Рычков, 1999 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии / Ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1999.

Сабитов, 2014 — *Сабитов Ж. М.* Кучумовичи в Восточном Дешт-и Кипчаке в середине XVII — начале XX вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган, 2014. С. 88–91.

Савелов, 1906 — *Савелов Л. М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1906. Т. XXXIX. С. 1–105.

Самигулов, 2011 — *Самигулов Г. Х.* Тюрки Южного Зауралья в конце XVI — первой половине XVIII вв.: консолидация / разделение — к постановке вопроса // История, экономика и культура

средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2011. С. 127–131.

Санчилов, 1999 — *Санчилов В. П.* Ойратское общество в XVII в. по данным «Биографии Зая-пандиты» // История и культура монгольских народов. Тез. докл. и сообщ. Элиста, 1999. С. 99.

Сафаргалиев, 1996 — *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) / Сост. И. Б. Муслимов. М., 1996. С. 277–526.

Сборник, 1854 — Сборник летописей. Казань, 1854 (Библиотека восточных историков, изд. И. Н. Березиным. Т. 2, ч. 1).

Сборник, 1893 — Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 84. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета. 1728. Т. VI. Июль-декабрь 1728 г. СПб., 1893.

Сборник, 1910 — Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Т. I. 1556–1586 гг. СПб., 1910.

Седов, 2006 — *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор XVII в. СПб., 2006.

Селезнев, Селезнева, Белич, 2009 — *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культ святых в исламе: специфика универсального. М., 2009.

Селиванов, 1888 — *Селиванов А.* Раскопки в г. Касимове в 1886 г. // Труды Рязанской Ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. Т. II. Вып. 2. С. 28–30.

Сергеев, 1967 — *Сергеев В. И.* Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова / Ред. В. А. Александров. М., 1967. С. 174–179.

Сергиевич, 1853 — *Сергиевич Е.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853.

Сибирские, 1907 — Сибирские летописи. СПб., 1907.

Сибирь, 1996 — Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Пер. с нем. А. Х. Элрета. Новосибирск, 1996.

Ситдииков, 2006 — *Ситдииков А. Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

Сказания, 1859 — Сказания современников о Димитрии Самозванце / Сост. Н. Г. Устрялов. СПб., 1859.

Скрынников, 1965 — *Скрынников Р. Г.* Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 152–174.

Скрынников, 1986 — *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.

Скрынникова, 1997 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Словцов, 1838 — *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С 1585 до 1742 гг. М., 1838.

Смирнов, 2005 — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. М., 2005.

Смирнов, 1917 — *Смирнов П. П.* Города Московского государства в 1-й половине XVII в. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917.

Смит, 1893 — *Смит Т.* Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер. с англ. И. М. Болдакова. СПб., 1893.

Смутное, 1911 — Смутное время Московского государства (1604–1613). Вып. 5: Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. М., 1911.

Смутное, 1912 — Смутное время Московского государства, 1600–1613 гг. Вып. 9 / Ред. Л. Н. Сухотин. М., 1912.

Соболев, 1983 — *Соболев В. И.* Барабинские татары XIV — начала XVII в. н. э. (по археологическим материалам). Автореф. дисс. ... к. ист. наук. Новосибирск, 1983.

Соболев, 2008 — *Соболев В. И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008.

Соболев, 1995 — *Соболев Н. Н.* Стили в мебели. М., 1995.

Соболев, 1989 — *Соболева Л. С.* Образы «Слова о полку Игореве» в легенде Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» // Модификации художественной формы в литературном процессе: Д. Н. Мамин-Сибиряк — художник / Отв. ред. Г. К. Щенников. Свердловск, 1989. С. 56–65.

СГД, 1819 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.

СГД, 1822 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.

СГГД, 1894 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. Ч. 5. М., 1894.

Солнцев, 1853 — *Солнцев Ф. Г.* Древности Российского государства. М., 1853.

Соловьева, 2006 — *Соловьева Т. Б.* К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 686–697.

Солодкин, 2011 — *Солодкин Я. Г.* Хронология «сибирского взятия» в русском летописании конца XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4. С. 52–57.

Солодкин, 2014 — *Солодкин Я. Г.* О судьбе Искера после 1587 г. (Некоторые вопросы источниковедения и историографии) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всеросс. науч. конф. Курган, 2014. С. 11–13.

Солодкин, 2017 — *Солодкин Я. Г.* Что заставило Кучума покинуть свою столицу без боя? (О некоторых источниковедческих аспектах изучения начала крушения Сибирского ханства) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. Курган, 2017. С. 60–65.

Солодкин, 2010 — *Солодкин Я. Г.* Кучум // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 485–486.

Солодкин, 2006 — *Солодкин Я. Г.* Погодинский летописец о переходе сибирских царевичей на русскую службу // Иноземцы в России в XV–XVII вв. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 515–519.

Сперанский, 1932 — *Сперанский М. Н.* Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л., 1932. С. 13–32.

Станиславский, 2004 — *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.

Станиславский, 1985 — *Станиславский А. Л.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства, 1619 г. // Теория и методы источниковедения вспомогательных исторических дисциплин / Отв. ред. Е. И. Каменцева М., 1985. С. 72–77.

Статейный, 1995 — Статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. М., 1995.

Стрейс, 2000 — *Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // *Московия и Европа* / Сост. А. Либерман. М., 2000. С. 313–468.

Стрельников, 2009 — *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII вв. М.; СПб., 2009.

Султанов, 2005 — *Султанов Т. И.* Известия османского автора XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // *Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье* / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М., 2005. С. 254–272.

Султанов, 2006 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Сытин, 2001 — *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958.

Татары, 2001 — Татары / Отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М., 2001.

Татауров, 2016 — *Татауров С. Ф.* Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV–XVI вв. в археологических и исторических исследованиях // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды* / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 58–61.

Татауров, 2011 — *Татауров С. Ф.* Город Ялом (к вопросу о месте расположения) // *Сибирский сборник. Вып. 1* / Отв. ред. А. К. Бикяшева. Казань, 2011. С. 51–62.

Татауров, 2015 — *Татауров С. Ф.* Мифологемы сибирских ханств: города // *Сибирский сборник. Вып. 3* / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, З. А. Тычинских. Курган, 2015. С. 152–160.

Татищев, 1950 — *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России / Ред., вступ. ст., комм. А. И. Андреева. М., 1950.

Тепкеев, 2015 — *Тепкеев В. Т.* Ойраты в начале XVII в. Элиста, 2015.

Титов, 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

Титов, 1895 — *Титов А. А.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1895.

Титова, 1976 — *Титова З. Д.* Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // *Из истории Сибири. Вып. 19. Западно-сибирский сборник. Томск, 1976. С. 108–147.*

Тихомиров, 1960 — *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1960.

Тихонов, 2009 — *Тихонов С. С.* Население лесостепи Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Форум «Идель — Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань, 2009. С. 236–238.

Тихонов, 2005 — *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII вв. М., 2005.

Тобольский, 1993 — *Тобольский хронограф* / Сост. В. Ю. Софронов. Омск, 1993.

Тоболяк, 1887 — *Тоболяк [Об Искере]* // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1887. № 99. С. 2.

Токмаков, 1886 — *Токмаков И. Ф.* Список материалов по археологии Рязанского края, хранящихся в Московском Главном архиве Министерства Иностранных дел и его библиотеке // Журнал заседаний Рязанской Ученой архивной комиссии: заседание от 22 сентября 1886 г. Рязань, 1886. С. 41–43.

Томилов, 1987 — *Томилов Н. А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987.

Томилов, 1995 — *Томилов Н. А.* Сибирские татары — кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1 / Гл. ред. Н. А. Томилов. Томск, 1995.

Томилов, 1981 — *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

Томилов, 1987 — *Томилов Н. А.* Чулымские тюрки в конце XVI — первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / Ред. Н. А. Томилов. Томск, 1987. С. 145–176.

Томилов, 1992 — *Томилов Н. А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX вв. Новосибирск, 1992.

Торговля, 1932 — *Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.* Вып. 3. Л., 1932.

Трепавлов, 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов, 2010 — *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010.

Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2007 — *Трепавлов В. В.* Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения. Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2007. С. 101–102.

Трепавлов, 1997 — *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVIII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов, 2009 — *Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М., 2009. С. 370–395.

Трепавлов, 2003 — *Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002 г. Россия и тюркский мир / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М., 2003. С. 320–353.

Трепавлов, 2002 — *Трепавлов В. В.* Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. 2001 г. / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М., 2002. С. 225–244

Трепавлов, 2012 — *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Трепавлов, 1998 — *Трепавлов В. В.* Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // *Tatarica*. № 1. 1997 / 1998. С. 96–107.

Трепавлов, 2011 — *Трепавлов В. В.* Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.

Трепавлов, 2008 — *Трепавлов В. В.* Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сб. материалов междунар. науч. конф. / Под ред. Л. Е. Масановой, Б. Т. Жанаева. Алматы, 2008. С. 104–113.

Трутовский, 1890 — *Трутовский В. К.* Надгробные надписи из текие Афган Мохаммед Султана в г. Касимове // Труды Рязанской Ученой архивной комиссии за 1890 г. Т. V. Вып. 9. С. 149–153.

Трутовский, 1891 — *Трутовский В. К.* Текие Афган Мохаммед Султан в г. Касимове и вновь открытые в ней могильные плиты с

надписями // Древности восточные. М., 1891. Т. II. Вып. 2. С. 195–211.

Тыжнов, 1887 — *Тыжнов И. И.* Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI в. // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 101–147.

Тычинских, 2009 — *Тычинских З. А.* Обеклярибеке Сибирского ханства (к вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.) // Форум «Идель — Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань, 2009. С. 246–250.

Тычинских, 1998 — *Тычинских З. А.* Служилые казаки Кульмаметевы в XVIII в. // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Ред. М. А. Корусенко. Омск, 1998. С. 117–119.

Тычинских, 2011 — *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2011.

Тюменцев, 1999 — *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Тюркские, 2006 — Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006.

Ульяновский, 1993 — *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1–2. Киев, 1993.

Уманский, 1980 — *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980.

Уманский, 1973 — *Уманский А. П.* Телеуты и сибирские татары в XVII в. (очерк внешнеполитических отношений) // Ученые записки Барнаульского гос. пед. института. Т. 18. Вопросы истории СССР и методика преподавания истории в средней и высшей школе. Барнаул, 1973. С. 103–143.

Уметбаев, 1897 — *Уметбаев М.* Ядкар (Памятки). Казань, 1897.

Усманов, 1982 — *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманов, 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов, 1972 — *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов, Шайхиев, 1979 — *Усманов М. А., Шайхиев Р. А.* Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1979. С. 85–103.

Устюгов, 1947 — *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.

Устюжский, 1950 — *Устюжский летописный свод* (Архангелогородский летописец) / Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Фаизов, 2006 — *Фаизов С. Ф.* «Где Москва, где восток, где запад?»: почему крымский хан Мухаммед IV не согласился с Алексеем Михайловичем в вопросе о том, кто может владеть Востоком и Западом // Фаизхановские чтения. 2006. Нижний Новгород, 2006. Вып. 3. С. 74–82.

Фаизов, 2000 — *Фаизов С. Ф.* «Из далекой земли с близкой душой...» (письмо переводчика Посольского приказа Кучука Сакаева своему другу Абдуле Байцыну // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 52–57.

Фаизов, 2003 — *Фаизов С. Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М., 2003.

Файзрахманов, 2002 — *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002.

Филиппов, 2009 — *Филиппов Д. Ю.* Путь к истории: Иван Гагин и его историографическое наследие // Историографическое наследие провинции: Материалы IV научн.-практ. конф., посвященной памяти Д. И. Иловайского и М. К. Любавского. Рязань, 2009. С. 88–111.

Филиппов, 2016 — *Филиппов Д. Ю.* Усадьба касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья / Отв. ред. А. О. Никитин. Рязань, 2016. С. 251–263.

Филлюшкин, 2007 — *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

Филюшкин, 2004 — *Филюшкин А. И.* Проблемы генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 375–408.

Филюшкин, 2006 — *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М., 2006.

Фишер, 1774 — *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Фролов, Фролова, 1986 — *Фролов Н. К., Фролова Т. М.* История названия Тюмень // 400 лет Тюмени: история и современность. Тез. докл. и сообщ. городской научн. конф. Тюмень, 1986. С. 3–4.

Хайретдинов, 2002 — *Хайретдинов Д. З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX вв. Нижний Новгород, 2002.

Хайретдинов, 2007 — *Хайретдинов Д. З.* Касимовское ханство // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов. Нижний Новгород, 2007. С. 82.

Холмогоров, 1882 — *Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. II: Звенигородская десятина. М., 1882.

Холмогоров, 1886 — *Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. III: Загородская десятина (Московский уезд). М., 1886.

Холмогоров, 1892 — *Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.* Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. VIII: Пехрянская десятина (Московский уезд). М., 1892.

Хорографическая, 2011 — Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова / Изд. А. Г. Елфимов, предисл. В. Э. Булатов. Тобольск, 2011.

Хорошкевич, 2002 — *Хорошкевич А. Л.* Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, B. 63). Wiesbaden, 2002. S. 102–127.

Хорошкевич, 2001 — *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001.

Худяков, 2003 — *Худяков М. Г.* Из истории взаимоотношений татарских и марийских феодалов в XVI в. // Полтыш — князь чере-

мисский. Малмыжский край / Ред.-сост. Лайд Шемйэр (В. Н. Козлов). Йошкар-Ола, 2003. С. 87–138.

Худяков, 1991 — *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Худяков, 2011 — *Худяков Ю. С.* Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко. Курган, 2011. С. 104–108.

Худяков, 2010 — *Худяков Ю. С.* Взятие Чингисова городка (эпизод борьбы за восстановление Сибирского ханства в XVII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. Б. Р. Рахимзянов. Казань, 2010. С. 52–57.

Худяков, 2000 — *Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения воинов Сибирского татарского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы междунар. научн. конф. // Редколл.: Ф. Ш. Хузин, Р. С. Хакимов и др. Казань, 2000. С. 268–271.

Худяков, 2001 — *Худяков Ю. С.* Лук и стрелы сибирских татар // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение культурного наследия. Под ред. А. А. Бурханова. Вып. 2. Казань, 2001. С. 252–273.

Худяков, 2000 — *Худяков Ю. С.* Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С. 72–75.

Худяков, 2014 — *Худяков Ю. С.* Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 г. в истории взаимоотношений российских властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. Археология и этнография. С. 234–242.

Цветаев, 1902 — *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. Т. II. Варшава, 1902.

Черников, 2003 — *Черников С. В.* Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII в. Рязань, 2003.

Черновская, 2008 — *Черновская В. В.* Романовский улус XVI–XVIII вв. // Фаизхановские чтения. 2008. Вып. 5. Нижний Новгород, 2009.

Чулошников, 1936 — *Чулошников А. П.* Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины

XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936. С. 3–64.

Шакарим, 1990 — *Шакарим Кудайберды-улы*. Родословная тюрков, киргизов, казахов. Династии ханов / Пер. с тюрки Б. Кариббекова. Алма-Ата, 1990.

Шарифуллина, 2004 — *Шарифуллина Ф. Л.* Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX — начала XX вв. Рязань, 2004.

Шашков, 2010 — *Шашков А. Т.* Лодейный город. Обской городок, Тюмень, Новая Сибирь // Искер — столица Сибирского ханства / Сост. З. А. Тычинских. Казань, 2010. С. 63–71.

Шашков, 1996 — *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 1996. С. 116–161.

Шашков, 1997 — *Шашков А. Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского гос. университета. 1997. № 1. Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 35–50.

Шватченко, 1996 — *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М., 1996.

Шватченко, 2002 — *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002.

Шелегина, 2002 — *Шелегина О. Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 1. Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв. М., 2001; Вып. 2. Социокультурные аспекты. XVIII — начало XX вв. М., 2002.

Шерстова, 2004 — *Шерстова Л. И.* Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX вв. Новосибирск, 2004 / Отв. ред. Д. Я. Резун. С. 61–71.

Шерстова, 2005 — *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX вв. Новосибирск, 2005.

Шиле, 1895 — *Шиле М.* Донесение о поездке придворного римского императора Михаила Шиле в 1508 г. // Чтения в Обществе

Истории и Древностей Российских. М., 1895. Кн. 2. С. I–II, 1–22 (отд. паг.).

Шильтбергер, 1984 — *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / Пер. с нем и прим. Ф. Бруна. Баку, 1984.

Шишкин, 1892 — *Шишкин Н. И.* Историко-статистическое описание Касимовского Казанского монастыря // Рязанские Епархиальные Ведомости, 1892. № 7–9.

Шишкин, 1999 — *Шишкин Н. И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1999.

Штайндорф, 2000 — *Штайндорф Л.* Кто ближние мои. Индивид и культура поминовения в России раннего Нового времени (по материалам вкладной записи И. Д. Курчева) // Человек и его близкие на Западе и на Востоке Европы (до начала Нового времени) / Сост. Ю. Л. Бессмертный. М., 2000. С. 208–240.

Щеглов, 1993 — *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

Эвлия Челеби, 1979 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Пер. с турец. А. П. Векилова, В. С. Гарбузовой, А. П. Григорьева. Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. Предисл. А. П. Григорьева; прим. и комм. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. М., 1979.

Эйльбарт, 2013 — *Эйльбарт Н. Э.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013.

Эскин, 1994 — *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

Эскин, 2009 — *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.

Юзефович, 1988 — *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988.

Юзефович, 2007 — *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский придворный обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

Юлдашев, 1964 — *Юлдашев М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964.

Юрченко, 2012 — Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2012.

Юсупов, 2010 — Юсупов Ю. Башкиры в путевых заметках путешественников XVII в. // Ватандаш. 2010. № 11. Электронный ресурс: <http://www.vatandash.ru/index.php?article=1987>.

Юсупов, 2009 — Юсупов Ю. М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа, 2009.

Юшков, 1861 — Юшков И. Сибирские татары // Тобольские Губернские Ведомости. 1861. № 35. С. 273–278.

Ярославские, 1913 — Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Труды Ярославской Ученой архивной комиссии. Ярославль, 1913. Кн. VI. Вып. 3–4.

Яхин, 2009 — Яхин Ф. З. Опыт восстановления «Генеалогического древа саидов Сибирского ханства» и проблемы средневековой истории Тобольского региона // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение / Сост. А. К. Бикишева. Казань, 2009. С. 198–213.

Aboul-Ghazi, 1871 — *Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Histoire des mogols et des tatares. T. 1. Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Atlas, 1958 — The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition. The Hague, 1958.

Blaeu, 1990 — Blaeu's the Grand Atlas of the 17th Century World. L., 1990.

Dorn, 1846 — *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St.-Petersbourg, 1846.

Fraehn, 1822 — *Fraehn C. M.* Uras-Muhammedis chani Kasimowiensis, quae in Akademie Imp. Scient. museo Asiatico Asservatur, Theca koranica, interpretatione illustrate // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg. St.-Petersbourg, 1822. T. VIII. S. 497–544.

Fraehn, 1822 — *Fraehn C. M.* Variarum inscriptionum arabicarum vel primo explanatarum vel nuper post alios curis // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1822. T. VIII. S. 497–556.

Frank, 1994 — *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994.

History, 1969 — *A History of Cartography. 2500 Years of Maps and Mapmakers.* L., 1969

İnan, 1963 — *İnan A.* Evliya Çelebi'nin «Heşdek»leri hangi ulus? // Türk kültürü. Ocak, 1963. Cilt I. Sayı 3. S. 33–35.

Ischboldin, 1973 — *Ischboldin B.* Essays on Tatar History. New Delhi, 1973.

Ivanics, Usmanov, 2002 — *Ivanics M., Usmanov M. A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). [B.] I. Szeged, 2002.

Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; L., 1992.

Mercator, 1589 — *Mercator G.* Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricate figura. Duisburgi, 1589.

Mercator, Hondius, Janssonius, 1968 — *Mercator G., Hondius H., Janssonius J.* Atlas or a Geographic Description of the World. Vol. 2. Amsterdam, 1968 (repr.: Amsterdam, 1636).

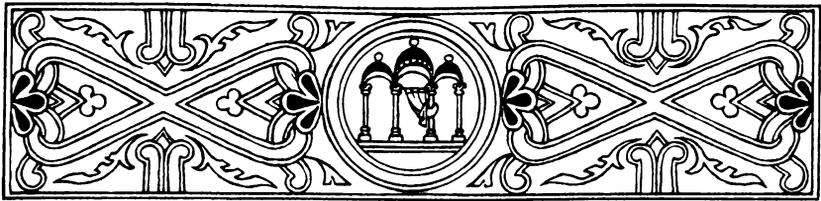
Messerschmidt, 1962 — *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen. Berlin, 1962.

Ortelius, 1968 — *Ortelius A.* The Theatre of the Whole World. Amsterdam, 1968 (repr.: L., 1606).

Patkanov, 1900 — *Patkanov S.* Die Irtysch-Ostjaken und Ihre Volkspoesie. II. Teil. St.-Petersburg, 1900.

Speed, 1966 — *Speed J.* A Prospect of the Most Famous Parts of the World. Amsterdam, 1966 (repr.: L., 1627).

Сокращения

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841; Т. 5. СПб., 1842.

ГАРО — Государственный архив Рязанской области.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846; Т. 3. СПб., 1848; Т. 4. СПб., 1851; Т. 5. СПб., 1853; Т. 8. СПб., 1862.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI в. М., 1950.

ДР — Дворцовые разряды. Т. 2. С 1628 по 1645 гг. СПб., 1851; Т. 3. С 1645 по 1676 гг. СПб., 1852.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1831.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 14. 1-я половина. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец. СПб., 1910; Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

РА ИИМК РАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

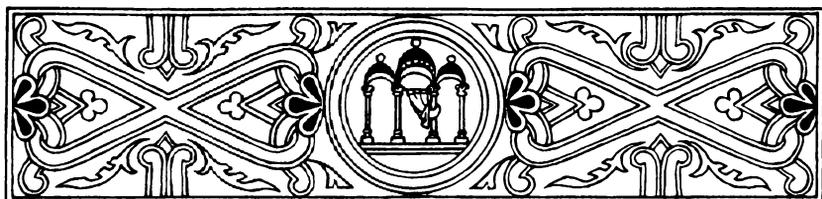
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875; Т. VIII. СПб., 1884.

РК — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. I. М., 1994.

Сб. РИО — Сборник Императорского Русского Исторического общества.

СПГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. М., 1813–1894. Ч. I–V.

ЯМЗ — Ярославский музей-заповедник.

Содержание

Введение 5

Раздел I

Кучумовичи в Сибири: борьба за реванш (В. В. Трепавлов)

<i>Глава 1. Ханское «казачество»</i>	13
<i>Глава 2. Враги, друзья и соседи. Последний бой Кучума</i>	35
<i>Глава 3. Хан Али</i>	67
<i>Глава 4. Кучумовичи и калмыки</i>	89
<i>Глава 5. Набеги, мятежи, переговоры</i>	105
<i>Глава 6. Жизнь и быт «бродячих царевичей»</i>	130
<i>Глава 7. Судьба столицы</i>	145

Раздел II

Подданные московского царя (А. В. Беляков)

<i>Глава 1. Генеалогия выезжих Кучумовичей</i>	163
<i>Глава 2. Жизнь. День за днем</i>	179
<i>Глава 3. Придворные службы московским царям</i>	247
<i>Глава 4. Государево жалование</i>	259
<i>Глава 5. Кучумовичи и окружение царевичей</i>	338
<i>Глава 6. Лишние люди?</i>	399
<i>Заключение</i>	427

<i>Источники и библиография</i>	436
<i>Сокращения</i>	487

В. В. Трепавлов, А. В. Беляков
СИБИРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ
В ИСТОРИИ РОССИИ

Директор издательства: *О. Л. Абышко*
Художественное оформление: *А. В. Самойлова*
Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге: ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (812) 640-0871; e-mail: ukniga1@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (495) 915-4079; e-mail: ukniga1@westcall.net

Все книги «Издательства Олега Абышко»
вы найдете в интернет-магазине
www.inet-kniga.ru
(доставка по всей России),
а также в интернет-магазине
OZON.RU

Для заказа книг напрямую в издательстве пишите:
alexander.abyshko@gmail.com

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Формат 60×88¹/₁₆. 31 печ. л. Печать офсетная. Тираж 400 экз.
Заказ № 7797

Трепавлов Вадим Винцерович

Родился в 1960 г. Доктор исторических наук. Возглавляет Центр истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН. Автор более 400 научных трудов, в том числе монографий «Государственный строй Монгольской империи

XIII в. (проблема исторической преемственности), «История Ногайской Орды», «Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории», «“Белый царь”. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.», «Степные империи Евразии. Монголы и татары», «Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш», «Этно-ретро-этюды. Этническая политика России в исторических миниатюрах».

Беляков Андрей Васильевич

Родился в 1970 г. Кандидат исторических наук. Сотрудник Центра истории русского феодализма в Институте российской истории РАН. Сфера научных интересов — служащие Посольского приказа, тюркское население России XV–XVII в.,

религиозная политика Москвы по отношению к неправославному населению, история Мещеры. Автор более 200 научных работ, в том числе монографии «Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование». В соавторстве написаны: «Банковское дело на Рязанской земле. История и современность», «История татар с древнейших времен. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.)», «История и культура татар Западной Сибири», «Золотая Орда в мировой истории» и др.